P 71/368

Библиотека
Отдѣлъ IX-1.
№ П29 оч.

Отдѣлъ I, 2
Шкапъ 70
Полка 2
№ 14

1174.

ОЧЕРКИ
ИЗЪ
ИСТОРІИ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XVII и XVIII ВѢКОВЪ.

Кіевская искусственная литература XVII—XVIII вв., преимущественно драматическая.

Профессора Н. И. Петрова.

КІЕВЪ.
Тип. Акц. О-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ“ Крещатикъ, № 40.
1911.

Р71
368

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРІИ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVII и XVIII ВѢКОВЪ.

Кіевская искусственная литература XVII—XVIII вв., преимущественно драматическая.

Профессора Н. И. Петрова.

КІЕВЪ.
Тип. Акц. О-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ“ Крещатикъ, № 40.
1911.

2022045635

Печатать дозволяется. 8 декабря 1911 г.

Ректоръ Академіи *Епископъ Иннокентій.*

Р.33815

Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ за 1909, 1911 годы.

Содержаніе.

Стр.

Предисловіе . . . . . 1— 3

Введеніе . . . . . 4—19

Кіевская Могилянская Коллегія (Академія) и важнѣйшіе моменты въ развитіи кіевской искусственной литературы въ XVII и XVIII вв. . . . . 20— 59

Кіевская школьная драма . . . . . 60— 67

I.

Первый періодъ кіевской школьной драмы (1631—1705 гг.) . . . . . 67—202

А. *Школьная драма перваго періода въ самой Кіевской Академіи* (69—73): 1. Іосифъ Патріархъ (73—74). 2. Діалогъ „Алексѣй человѣкъ Божій“, 1673 г. (74—80). 3. „Дѣйствіе на страсти Христовы списанное“, 1685 г. (81—87). 4. „Царство натуры людской“, 1698 г. (87—92). 5. „Свобода“, 1701 г. (92—96). 6. „Мудрость Предвѣчная“ (96—100); 7. Деклама-ція о св. Екатеринѣ 1703 г. (101—102). Заключеніе (103—105).

Б. *Отраженіе кіевской школьной драмы XVII и XVIII вв. въ Галиціи и Слободской Украинѣ* (105—112). 1. Мистерія на Благовѣщеніе, половины XVII в., съ интерлюдіей (112—116). 2. Пьеса на Рождество Христово (116—118). 3. „Діалогъ“ о страданіи Спасителя, около 1670 г. (118—125). 4. Антипрологъ пасхальной драмы (125—127). 5. „Слово про збурене пекла“ (127—137). 6. „Розмова во вкратцѣ о душѣ грѣшной“, судъ принявшей отъ Бога (137—143). 7. „Бенкетъ духовный“ (143—148). Заключеніе (143—150).

В. *Перенесеніе кіевской школьной драмы XVII и началъ XVIII вв. въ Московское Государство* (150—152).

I. Драматическая дѣятельность Симеона Полоцкаго (152—153): 1. „О Навуходоносорѣ“ (153—154). 2. „Комедія притчи о блудномъ сынѣ“ (154—159). Заключеніе (159—160).

II. Драматическія произведенія съ именемъ Св. Димитрія Ростовскаго (160—161): 1. Успенская драма (161—169). 2. Грѣшникъ кающійся (169—170). 3. Ростовское дѣйство (170—172); 4. Рождественская драма (172—177); 5. Димитріевская драма (177—178). Заключеніе (178—179).

III. Школьная драма въ Московской Академіи въ началѣ XVIII вѣка (179—180): 1. „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія", 1701 г. (180—184); 2. „Страшное изображеніе второго пришествія Господня на землю", 1702 г. (184—188); 3. „Царство міра", 1702 г. (188—191); 4. „Торжество міра православнаго", 1703 г. (191—192); 5. „Ревность православія", 1704 г. (192); 6. „Свобожденіе Ливоніи и Ингерманландіи", 1704 г. (193); 7. „Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе", 1710 г. (193—195); Московскія интермедіи (195—200). Заключеніе всего періода (200—202).

II.

Второй періодъ кіевской школьной драмы (1705—1762 гг.) . . . . . 203—395

Глава I. Эпоха Петра I († 1725 г.) и Екатерины I (1725—1727 гг.): 1. „Владиміръ", Ѳ. Прокоповича, 1705 г. (217—228), и разговоры его (228—234); 2. „Торжество естества человѣческаго", 1706 г. (234—240); 3. Іосифъ Патріархъ", Лаврентія Горки, 1708 г. (240—250); Упадокъ кіевской драмы послѣ измѣны Мазепы 1709 г., интермедіи бродячихъ студентовъ и школьныя драмы въ русскихъ архіерейскихъ школахъ (251—256).

Глава II. Эпоха Петра II (1727—1730 гг.) (256—257): 1. „О Езекіи, царѣ Израильскомъ", Исаакія Хмарнаго, 1728 г. (257—260); 2. „Милость Божія, Украину... свободившая", 1728 г. (260—270) 3. „Трагедокомедія" Сильвестра Ляскоронскаго 1729 г. (270—276). Заключеніе (277).

Глава III. Эпоха Анны Іоанновны (1730—1740 гг.) (277—279): 1. „Трагедія о смерти послѣдняго царя сербскаго Уроша V и о паденіи Сербскаго царства", Мануила Козачинскаго, 1733 г. (280—286); 2. „Образъ страстей міра сего образомъ страждущаго Христа исправися", его же, около 1740 г. (286—293); Пьесы М. Довгалевскаго: „Комическое дѣйствіе" на Р. Христово 1736 г. (294—296) съ интерлюдіями (297—304) и „Властогворный образъ человѣколюбія Божія", 1737 г. (304—306) съ интерлюдіями же (306—310). Заключеніе (320—321).

Глава IV. Эпоха Елизаветы Петровны 1741—1761 гг. (321—324).

A. Панегирическія пьесы въ честь Елизаветы Петровны: 1. „Стефанотокосъ", Иннокентія Мигилевича, 1742 г. (324—331) и ин-

людіи къ нему (331—338); 2. „Гисторія Кира“ (338—341), 3. Дѣйствіе на Рождество Христово (342—347); 4. „Стихи по вопросамъ и отвѣтамъ сложеннія“, 1743 г. (347—349); 5. „Панегиринъ“, М. Козачинскаго Елизаветѣ Петровнѣ, 1744 г. (349—351); 6. „Благоутробіе Марка Аврелія“, М. Козачинскаго, 1744 г. (351—357).

Б. Нравоописательныя и обличительныя пьесы Елизаветинской эпохи: 1. „Трагедокомедія о тщетѣ міра сего“, Варлаама Лашевскаго, около 1742 г. (358—363); 8. Трагедокомедія „Воскресеніе мертвыхъ“, Г. Конисскаго, 1746 г. (363—368) и интерлюдіи къ ней (368—376); 9. „Декламація учителя Смоленской семинаріи“ Мануила Базилевича, около 1750 г. (376—380) и интерлюдіи къ ней (380—382); 10. „Трагедокомедія, нарицаемая Фотій“, Георгія Щербацкаго, 1749 г. (383—389); 11. „Давидъ и Соломонъ“, Ѳеофила Нессина, около 1755 г. (389—390). Заключеніе (390—395).

III.

Третій періодъ кіерской школьной драмы (1762—1796 гг.) . . . . . 395—525

Глава I. Южно-русскіе разговоры и драмы политическаго характера (395—402): 1. „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“ (402—408); 2. „Разговоръ священника съ іеромонахомъ“ объ улучшеніи быта духовенства (408—409); 3. „Плачъ лаврскихъ монаховъ“ по поводу отобранія монастырскихъ имѣній въ казну, около 1786 г. (409—412); 4. „Комедія уніатовъ съ православными“, священника Саввы Стрѣлецкаго (412—422).

Глава II. Популяризація школьной драмы:

А. Отдѣльные школьные діалоги и драматизированныя вирши въ простонародномъ духѣ (423—425): 1. Рождественская ученическая пьеса (425—426); 2. Пасхальная ученическая пьеса (426—428); 3. Декламація на праздникъ Пасхи, съ интерлюдіей къ ней, 1719 г. (428—433); 4. „Интерлюдія о богачѣ и Лазарѣ“ (433—436); 5. „Интерлюдія на три персоны: смерть, воинъ и хлопецъ“ (436—438); 6. Отрывокъ „интерлюдіи о хлопѣ и его женѣ“ (438—439); 7. „Брань честныхъ седьми добродѣтелей съ седмью смертными грѣхами“ Іоасафа Горленка, 1737 г. (439—442); 8. Добавленіе къ пасхальной виршѣ, Танскаго (442—444); 9. „Діалогъ“ пастуховъ на Р. Христово (444—447); 10. Сонъ наканунѣ Пасхи (447—450); 11. Вирша на Р. Христово (450—452).

Б. Піитическая дѣятельность священника І. Некрашевича въ простонародномъ духѣ (452—454): „Споръ души и тѣла“ (454—456); „Ярмарокъ“ (456—457); „Исповѣдь“ 1789 г. (457—461);

„Суплика або замыслъ на попа“ (461—465); „Письмо къ Гнѣдинскому священнику Іоанну Филипповичу“ и др. 1791. (465—466). Заключеніе (466—469).

Глава III. О вертепныхъ представленіяхъ полушкольнаго, полународнаго происхожденія и характера (469—473).

А. Старѣйшая редакція южно-русск. вертепа, волынская (473—484).

Б. Малорусская редакція вертепа (484) и списки ея: 1. Н. Маркевича (484—505); 2. Галагана (505—512) и Чалаго (512—514).

В. Смоленско-бѣлорусскій вертепъ (514—519) съ новгородскимъ его варіантомъ (519—522).

Г. Сибирскій вертепъ (522—524).

Общее замѣчаніе о вертепѣ и его редакціяхъ и спискахъ (524—525).

Заключеніе . . . . . 525—532

Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII и XVIII вв.

Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1864 году баккалавръ по каѳедрѣ словесности въ Кіевской дух. академіи Еф. Мих. Крыжановскій, въ числѣ другихъ темъ для курсовыхъ сочиненій, далъ и тему, подъ заглавіемъ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи до преобразованія ея въ 1819 году“. Не смотря на то, что Ефимъ Михайловичъ въ томъ же году оставилъ Кіевскую академію, я облюбовалъ данную имъ тему и безъ руководителя пустился въ неизвѣданную еще тогда область хранящихся въ Кіевѣ старинныхъ школьныхъ рукописей. Мнѣ удалось мало-мальски оріентироваться въ рукописныхъ отдѣлахъ мѣстныхъ библіотекъ, а именно Кіевской дух. академіи, Кіевской дух. семинаріи, Кіево-Софійскаго собора и Кіево-Михайловскаго монастыря; но не былъ я допущенъ въ лаврскую библіотеку, не смотря на рекомендательную обо мнѣ записку тогдашняго ректора Кіевской академіи архимандрита Филарета. На основаніи тѣхъ данныхъ, какія успѣлъ я извлечь изъ этихъ библіотекъ, и составленъ былъ мною рядъ статей по данному предмету, напечатанныхъ въ академическомъ журналѣ „Труды Кіевской Дух. Академіи“ за 1865—1868 годы и въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1865 годъ [1]).

---

[1]) Именно: 1) „Мистеріи и комедіи учителя піитики въ Кіевской Академіи Митрофана Довгалевскаго (1736—7 г.)“, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, февраль, 1865 г.; 2) „Вы-

Между тѣмъ, постепенно стали открываться новыя данныя по этому предмету, особенно относящіяся къ исторіи школьной Кіевской драмы XVIII столѣтіи. Это обстоятельство, въ связи съ предпринятымъ мною составленіемъ „Очерковъ изъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, побудило меня пересмотрѣть свои прежнія работы, дополнить ихъ новыми открытіями въ области Кіевской школьной драмы и издать свою переработку въ качествѣ предисловія или введенія къ „Очеркамъ изъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія“. Трудъ этотъ, по странному недоразумѣнію, почти одновременно напечатанъ былъ и въ „Трудахъ Кіевской дух. академіи“ за 1879 и 1880 годы и особыми оттисками, подъ заглавіемъ „Кіевская искусственная литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая“, и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1880 годъ, подъ заглавіемъ „Южно-русская литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая“ [1]).

Съ тѣхъ поръ прошло 29 лѣтъ. Научный интересъ къ предмету возросъ значительно, и появился цѣлый рядъ до-

---

держки изъ рукописной реторики Ѳ. Прокоповича“, тамъ же, апрѣль, 1865 г.; 3) „Изъ исторіи гомилетики въ старой Кіевской Академіи“, тамъ же, январь, 1866 г.; 4) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году“, тамъ же, за іюль, ноябрь и декабрь 1866 г., январь 1867 г. и мартъ 1868 г., и 5) „Плачъ Малой Россіи о ляхолюбцахъ“ въ 18-мъ № „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1865 годъ.

[1]) Трудъ этотъ я первоначально послалъ въ „Русскій Вѣстникъ“, но, не получая никакого отвѣта въ теченіе $1^1/_2$ года, сталъ печатать его въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“. Когда же печатаніе здѣсь приходило къ концу, то и „Русскій Вѣстникъ“ надумался печатать на своихъ страницахъ тотъ же самый трудъ.

полнительныхъ матеріаловъ и изслѣдованій. Ко мнѣ не разъ обращались съ просьбою сдѣлать хотя бы новое изданіе моего труда, давно ставшаго библіографическою рѣдкостію. Но издавать его въ прежнемъ видѣ было стыдновато, а передѣлывать и дополнять его, соотвѣтственно вновь накопившемуся матеріалу, было некогда. Настояла неотложная нужда въ изданіи „Актовъ и документовъ, относящихся къ исторіи Кіевск й Академіи", предпринятомъ въ виду предстоящаго въ 1915 году 300-лѣтняго юбилея Кіевской Академіи. И только теперь, когда выпавшая на мою долю вторая серія этихъ „актовъ и документовъ", въ пяти томахъ и въ 6 ти книгахъ (съ 1721 до 1796 г.), мною уже закончена, я рѣшаюсь на пересмотръ и дополненіе моихъ прежнихъ трудовъ по исторіи словесности въ старой Кіевской Академіи, и притомъ съ прежней же чисто мѣстной точки зрѣнія. Другіе смотрятъ на Кіевскую искусственную литературу XVII и XVIII в.в., какъ на одинъ изъ эпизодовъ въ общемъ развитіи русской литературы; я же и прежде разсматривалъ и теперь намѣренъ разсматривать ее особо, какъ спеціальную, самодовлѣющую область литературы, со своимъ опредѣленнымъ кругомъ экстерриторіальнаго распространенія, значенія и вліянія. Такой характеръ моей работы опредѣляется какъ первоначальною ея задачею и назначеніемъ, такъ и предстоящимъ 300-лѣтнимъ юбилеемъ Кіевской Академіи. Къ этому юбилею желательно было бы не только изобразить внѣшнюю и бытовую жизнь Кіевской Академіи по болѣе или менѣе оффиціальнымъ актамъ и документамъ, но и охарактеризовать ея болѣе интимную, духовную жизнь, которая преимущественно и отражается въ литературныхъ произведеніяхъ. Такимъ образомъ, настоящій трудъ нашъ спеціально посвященъ старой Кіевской Академіи и ея литературѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Такъ какъ Кіевская Академія находилась въ центрѣ Украины или Малороссіи; то Кіевская искусственная литература XVII и XVIII в.в. должна быть отнесена къ исторіи украинской или малорусской литературы. Кіевская искусственная литература можетъ быть названа украинскою или малорусскою прежде всего въ территоріальномъ отношеніи, такъ какъ возникла и развивалась на украинской или малорусской почвѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта литература имѣла и мѣстныя національныя основы, или защищая жизненные интересы мѣстнаго народонаселенія безъотносительно къ его языку, или же, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлая посильныя приспособленія и къ мѣстному народному языку, и такимъ образомъ была національной и по одному содержанію, или же вмѣстѣ и по содержанію и по языку. Понятно, что послѣдняго рода литературныя произведенія, т. е. мѣстно-національныя по содержанію и языку, и должны составлять центръ украинской или малорусской литературы.

Каковъ же былъ племенной составъ населенія Малороссіи или Украины?

По мнѣнію малорусскихъ ученыхъ, въ настоящее время Малороссія обнимаетъ собою губерніи Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Холмщину, Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Харьковскую и Херсонскую и за границами Россіи—Галицію. На этихъ мѣстахъ въ первоначальныя времена русской исторіи обитала юго-западная группа славяно-русскихъ племенъ Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, Уличей, Тиверцевъ, Дулѣбовъ и Хорватовъ. Эти-то лѣтописныя племена юго-западной славяно-русской группы, послѣ разныхъ передвиженій и перетасовокъ, образовали основное ядро малорусскаго племени, съ особымъ языкомъ или нарѣчіемъ, отличительныя черты котораго проявляются

уже въ древнѣйшую эпоху письменности, въ старѣйшихъ мѣстныхъ памятникахъ XI—XII вѣковъ [1]). Полагаютъ, что въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ и игровыхъ малорусскихъ пѣсняхъ, записанныхъ въ позднѣйшее время, сохранились черты дружиннаго и княжескаго быта до татарской исторіи, откуда слѣдовало бы заключить, что малорусское племя со своимъ особымъ языкомъ ведетъ непрерывную преемственность отъ до-татарскаго періода русской исторіи [2]).

Но сѣверо-русскіе и отчасти польскіе историки отрицаютъ глубокую стародавность малорусскаго племени и его языка. Покойный М. П. Погодинъ и въ недавнее время академикъ А. И. Соболевскій представляютъ себѣ дѣло такъ, что разореніе Батыемъ южной и юго-западной Россіи въ 1240—2 годахъ обратило Кіевскую землю и вообще среднее Поднѣпровье въ совершенную пустыню, истребивъ огромную массу населенія и разогнавъ, принудивъ къ выселенію остальное, такъ что эти земли надолго запустѣли и позже заново колонизовались. Новое населеніе не знало былинъ Владимірова цикла, сосредоточенныхъ въ древности около стольнаго Кіева и сохранившихся только въ Великороссіи и преимущественно на сѣверѣ ея, въ нынѣшней Олонецкой губерніи. Это новое населеніе въ своей письменности употребляло или польскій языкъ, или макароническій церковно-славянскій, съ примѣсью украинскихъ, бѣлорусскихъ и польскихъ элементовъ [3]). Такого же взгляда на

---

[1]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушевскаго, С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 1, 2, 9, 14—16.

[2]) Тамъ же, стр. 86; „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, т. I, Кіевъ, 1874 г., и т. II, вып. I, Кіевъ, 1875 г.

[3]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушевскаго, стр. 75, 76 и 331.

происхожденіе и языкъ малороссовъ держится и польскій историкъ Кіевской Академіи А. Яблоновскій [1]).

Намъ кажется, что обѣ эти точки зрѣнія не чужды извѣстной доли національной исключительности ихъ выразителей и потому болѣе или менѣе односторонни. По нашему мнѣнію, въ устной словесности современныхъ малороссовъ не сохранилось слѣдовъ дружиннаго и княжескаго быта до-татарской эпохи, равно какъ почти не сохранилось и остатковъ былиннаго Владимірова эпоса. Но это обстоятельство легко объясняется тѣмъ, что южная Русь послѣ татарскаго нашествія испытала большія невзгоды и страшныя потрясенія, которыя заслонили и почти подавили собою воспоминанія изъ дотатарской эпохи [2]). Нельзя отрицать также и страшнаго опустошенія южной Руси со времени татарскаго нашествія и усиленной иммиграціи въ нее сосѣднихъ родственныхъ племенъ, особенно бѣлоруссовъ и поляковъ, которые дѣйствительно привносили въ мѣстную рѣчь свои лексическія особенности и содѣйствовали образованію особаго славянскаго макароническаго языка. Но этотъ макаронический языкъ былъ преимущественно письменный, книжный, сквозь наружную кору котораго все-таки пробивались съ значительною силою фонетическія и морфологическія особенности мѣстнаго народнаго языка, составляющія душу всякаго языка и перерабатывающія по своимъ законамъ и чужой лексической матеріалъ. Еще въ южнорусскихъ памятникахъ XI и XII вѣковъ проглядываютъ звуковыя малорусскія особенности, которыя послужили основою или закваскою для дальнѣйшаго образованія малорусской рѣчи и ея говоровъ изъ броженія и переплавки раз-

---

[1]) Akademia Kijowsko-Mohilańska, A. Jablonowskiego, Krakow, 1899—1900.

[2]) „Труды Кіевской Дух. Академіи“, ноябрь, 1874 г., стр. 320 и слѣд.

ныхъ туземныхъ и пришлыхъ элементовъ. Въ XIV и особенно въ XV и XVI вв. эти особенности получаютъ замѣтное развитіе и въ разныхъ письменныхъ церковно-славянскихъ памятникахъ настолько пробиваются наружу, что даютъ общее представленіе не только о сформировавшемся къ тому времени малорусскомъ нарѣчіи или языкѣ, но и объ отдѣльныхъ его поднарѣчіяхъ или говорахъ. Изъ такихъ памятниковъ укажемъ: „Четью“, писанную въ 1489 г. въ Каменцѣ Литовскомъ Новогрудскимъ поповичемъ; Пересопницкое евангеліе 1556—1561 г.г., писанное Михаиломъ Васильевичемъ, сыномъ протопопы Саноцкаго, при участіи Пересопницкаго архимандрита Григорія; Евангеліе 1581 года, переведенное Валентиномъ Негалевскимъ съ польскаго евангелія Мартина Чеховича; Евангеліе учительное XVI в., изъ Почаевской Лавры, въ которомъ большая часть поученій передана на „простомъ русскомъ языкѣ“, и др.[1]). Въ этихъ письменныхъ памятникахъ уже ярко обозначены фонетическія и морфологическія особенности малорусскаго нарѣчія, съ его живымъ разнообразіемъ поднарѣчій или говоровъ, дающія ему видное мѣсто среди другихъ славянскихъ нарѣчій. Но эти особенности могутъ свидѣтельствовать не о новомъ племенномъ составѣ южно-русскаго населенія послѣ татарскаго нашествія, а только развѣ о новообразованіи малорусскаго нарѣчія, какъ особой вѣтви славянскихъ нарѣчій, подобно новообразованію, на глазахъ исторіи, романскихъ языковъ на почвѣ языка латинскаго.

Сформированію, подъему и оживленію простонароднаго малорусскаго языка и наиболѣе сильному проникновенію его въ книжный языкъ съ XIV и особенно съ XV вѣка не-

---

[1]) „Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст.“, П. В. Владимірова, Кіевъ, 1890 г., стр. 18, 19, 25, 28 и 34.

мало содѣйствовали съ одной стороны тогдашнее политическое положеніе Малороссіи, а съ другой—примѣръ и вліяніе другихъ славянскихъ племенъ Чеховъ, Поляковъ и Бѣлоруссовъ. Послѣ татарскаго нашествія, подпадая подъ власть Литвы и затѣмъ иновѣрной Польши, южноруссы чувствовали особенное побужденіе отстаивать свою народность и вѣру. Правда, Литва вскорѣ сама обрусѣла, и оффиціальнымъ языкомъ ея сдѣлался языкъ бѣлорусскій, родственный малорусскому. Но не таковы были отношенія къ Польшѣ, которая посягала и на неприкосновенность вѣры и языка южноруссовъ. Противъ этихъ-то посягательствъ и возставали лучшіе представители возрожденія южнорусскаго народнаго языка въ XVI столѣтіи. Такъ, напримѣръ, переводчикъ евангелія 1570 года на мѣстный языкъ Тяпинскій въ своемъ предисловіи прямо указываетъ, какъ на побудительную причину къ своему переводу, на распространеніе въ Южной Россіи польскаго и другихъ языковъ и на презрѣніе какъ къ церковно-славянскому, такъ и къ русскому своему „прирожоному“ [1]).

Немало содѣйствовало пробужденію и оживленію народнаго языка въ Южной Руси въ это время вліяніе и другихъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ, особенно же Чеховъ. Чешскій языкъ и чешская литература были въ большомъ ходу въ Польшѣ и Юго-Западной Россіи въ періодъ XIV—XVI вѣковъ. Среди польскаго общества, по свидѣтельству Лукаша Гурницкаго, чешскій языкъ служилъ признакомъ образованности. Гусситскія идеи, вмѣстѣ съ Чешскими братьями, глубоко проникали въ Польшу и Юго-Западную Русь, прокладывали здѣсь путь къ позднѣйшему появленію

---

[1]) „Докторъ Франциск Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ“, П. В. Владимірова, С.-Петербургъ, 1888 г., стр. 30—1.

протестантскихъ ересей и нерѣдко сливались съ ними воедино. Народная чешская библія широко распространена была не только въ Польшѣ, но и въ Западной Россіи, и нерѣдко служила точкою отправленія для польскихъ и южно-русскихъ переводчиковъ священнаго писанія на свой отечественный языкъ. Древніе польскіе переводы священнаго писанія были совершены непосредственно съ чешскаго. Даже первое печатное изданіе польской библіи въ Краковѣ въ 1561 году исполнено по переводу начала XVI в. съ Чешской библіи [1]). Переводы и изданія священнаго писанія на бѣлорусскомъ языкѣ, сдѣланныя докторомъ Фр. Скориною, тоже примыкаютъ къ Чешской библіи и даже начались печатаніемъ въ Чешской Прагѣ [2]). Что же касается собственно южно-русскихъ переводовъ или редакцій священнаго Писанія въ XVI вѣкѣ, то они стоятъ въ непосредственной зависимости или прямо отъ Чешской библіи, или же отъ польскихъ и бѣлорусскихъ переводовъ съ нея. Такъ, напримѣръ, Пересопницкое евангеліе 1556—1561 г.г., со множествомъ особенностей малорусскаго нарѣчія, переведено въ значительной мѣрѣ по печатному изданію Чешской библіи 1506 года [3]). Во второй половинѣ XVI вѣка социніанинъ Василій Тяпинскій перевелъ на бѣлорусскій языкъ и напечаталъ евангеліе, пользуясь при этомъ переводами Скорины, а можетъ быть—и польской библіей С. Буднаго 1572 года [4]). Въ 1581 году социніанинъ Валентинъ Негалевскій перевелъ евангеліе на малорусскую рѣчь съ польскаго евангелія Мартина Чеховича 1577 г. [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 37.

[2]) Тамъ же, стр. 68 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 235—8.

[4]) „В. Н. Тяпинскій, переводчикъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе", М. В. Довнаръ-Запольскаго, С.-Петербургъ, 1899 г., стр. 2 и 3.

[5]) „Докторъ Францискъ Скорина", П. В. Владимірова, стр. 40.

Всѣ почти эти переводчики священнаго писанія на мѣстный русскій языкъ имѣли въ виду приблизить священное писаніе къ пониманію простаго народа и содѣйствовать его просвѣщенію. Докторъ Скорина при своихъ переводахъ имѣлъ въ виду „наученіе простыхъ людей русскаго языка“; переводчики Пересопницкаго евангелія 1556—1561 г.г. предприняли свой трудъ „для лепшого выразуменя люду христіанскаго посполитого“; Евангеліе учительное 1569 года издано „вырозумѣнія ради простыхъ людей“; В. Тяпинскій переводитъ свое евангеліе „для лѣпшого розсоудкоу“; В. Негалевскій назначалъ свой переводъ евангелія для тѣхъ людей, „которые писма полского читати не умеютъ, а языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу з словъ его не розумѣютъ“ [1]).

Но углубляясь въ простанародную рѣчь и пользуясь ея средствами для приближенія свящ. писанія къ народному пониманію, южно-русскіе переводчики не могли вполнѣ исчерпать этого источника, потому что, съ одной стороны, питали уваженіе къ традиціонному церковно-славянскому языку, общему для всего восточнаго славянства, и только пытались сдѣлать его болѣе доступнымъ для народа (В. Тяпинскій), а съ другой—стѣснялись неразвитостію забытаго образованными классами простаго русскаго мѣстнаго языка и неприспособленностію его къ выраженію высшихъ религіозныхъ понятій. А между тѣмъ есть основаніе думать, что внѣ сферы письменности и религіозныхъ понятій этотъ простонародный мѣстный языкъ имѣлъ въ это время уже значительное развитіе. Мы здѣсь имѣемъ въ виду казацкія пѣсни о борьбѣ съ татарами и турками, относящіяся по содержанію и происхожденію своему еще къ XVI-му вѣку и до позднѣйшаго времени сохранявшіяся въ устахъ

[1]) Тамъ же, стр. 30 и 40.

малороссовъ[1]). Если даже предположить, что эти пѣсни дошли до XIX вѣка въ измѣненномъ по языку видѣ; но за то мы имѣемъ современную запись малорусской пѣсни о воеводѣ Штефанѣ половины XVI вѣка, сдѣланную чехомъ Яномъ Благославомъ около 1571 года[2]). Кромѣ того, отъ первой четверти XVII вѣка мы имѣемъ довольно добросовѣстное воспроизведеніе малорусской рѣчи, какъ она сложилась къ тому времени въ устахъ малорусскаго крестьянина. Это интерлюдіи къ ярмарочной „трагедіи“ Якова Гавватовича на день усѣкновенія главы Предтечи, представленныя на украинской ярмаркѣ въ Каменцѣ-Подольскомъ и напечатанныя въ 1619 году. Мужики здѣсь представлены въ комическомъ, пародированномъ видѣ, съ ихъ мужицкимъ языкомъ, который немного развѣ отличается отъ языка современнаго малорусскаго крестьянина и вполнѣ понятенъ послѣднему. Здѣсь, напримѣръ, крестьянинъ Грицько разсказываетъ своему товарищу, что ему снился во снѣ адъ и муки адскія, которыя и онъ терпѣлъ:

Суть тамо попы, панове, та наши побратимове,
Суть тамъ и лихія жонки, суть не великі дітонки,
Вси горюють ажъ по уши. Біда-жъ тамъ и моей души
Была, та на вічны віки, кажуть, будешь терпіть муки... [3])

Въ дальнѣйшемъ развитіи южно-русской письменности, по естественному порядку вещей, слѣдовало бы ожидать наибольшаго сближенія книжнаго южно-русскаго языка съ простонародною малорусскою рѣчью; но этого не случилось по причинамъ, вызвавшимъ реакцію дальнѣйшему проник-

---

[1]) „Историч пѣсни малорусскаго народа“, В. Антоновича и М. Драгоманова, т. I, Кіевъ, 1874 г., отд. 2.

[2]) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н. Перетца, т. I, С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 65.

[3]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, С.-Петербургъ, 1889 г., стр. 63—65.

новенію простонароднаго языка въ книжный, литературный языкъ.

Прежде всего, причина реакціи противъ введенія простонароднаго языка въ священныя книги лежала въ самихъ переводчикахъ ихъ, которые нерѣдко принадлежали къ протестантскимъ сектамъ и во всякомъ случаѣ опирались почти единственно на авторитетѣ свящ. писанія, помимо священнаго преданія, а слѣдовательно подрывали одну изъ основъ не только католической, но и православной церкви въ Польшѣ. Нѣкоторые изъ сектантовъ, а именно Соцініане, привносили даже и соціалистическій элементъ въ общественную и политическую жизнь Литовско-польскаго государства, вопреки усиливавшемуся тогда крѣпостничеству простаго народа. Польско-католическая церковь быстро справилась съ этими сектантами, выставивъ противъ нихъ новый, энергическій іезуитскій орденъ и сдѣлавъ нѣкоторыя уступки протестантскимъ идеямъ, а польское правительство энергично преслѣдовало протестантскихъ сектантовъ, какъ враговъ отечества [1]).

Полемизировали съ протестантскими сектантами и южнорусскіе православные. Однимъ изъ первыхъ православныхъ полемическихъ сочиненій противъ протестантскихъ сектъ было посланіе прота св. Горы (Аѳонскія) Гавріила къ Угорскому королю Янушу Заполѣ, 1534 года, довольно распространенное и въ западно-русскихъ спискахъ [2]).

---

[1]) См., напр., статьи О. Левицкаго „Соцініанство въ Польшѣ и Юго-Зап. Руси“, въ „Кіевской Старинѣ“, за апрѣль—іюнь 1882 г.

[2]) См. „Труды Кіев. Дух. Академіи“, февраль, 1894 г., стр. 172—181; „Чтенія въ историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца,“ кн. XV, вып. 4, отд. 3, стр. 179 и сл.; „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1908 г., т. XIII, кн. 3, стр. 86 и сл.

Особенно много потрудился для обличенія протестантскихъ ересей въ Юго Западной Россіи старецъ Троице-Сергіевой лавры Артемій [1]). Краткія предостереженія противъ сектантовъ встрѣчаются въ одномъ рукописномъ Почаевскомъ учительномъ евангеліи XVI вѣка, съ совѣтомъ не имѣть съ ними единенія и не участвовать въ ихъ злыхъ дѣлахъ [2]). Но, что особенно для насъ важно, вмѣстѣ съ вѣроученіемъ и жизнію представителей протестантскаго движенія, порицались и отвергались и ихъ переводы свящ. писанія на мѣстныя нарѣчія. Князь А. Курбскій, бѣжавшій изъ Москвы въ Литву отъ гнѣва царя Іоанна Грознаго, видѣлъ въ Литвѣ, по его словамъ, книги „ветхаго и новаго завѣта и пророческіе вси, а переводъ Скорины Полоцкаго, переведены не въ давныхъ лѣтехъ аки лѣтъ 50, съ перепорченыхъ книгъ жидовскихъ“, и видѣлъ у Лютеранъ „Библій Люторовъ переводъ, согласующе по всему съ Скорининымъ Библіемъ“ [3]). Онъ рекомендовалъ южанамъ сохранившіяся въ Москвѣ церковно славянскія книги и настаивалъ на необходимости для южноруссовъ, въ борьбѣ ихъ съ иновѣрцами, научнаго образованія, и притомъ на древней православной основѣ. Съ послѣднею цѣнію онъ перевелъ на славянскій языкъ Богословіе и Діалектику св. Іоанна Дамаскина [4]).

Эти идеи князя Курбскаго восприняты были какъ отдѣльными лицами изъ южноруссовъ, такъ и церковными братствами въ Юго-Западной Россіи, стремившимися поднять и утвердить южнорусское образованіе на исконныхъ славяно-русскихъ православныхъ началахъ.

---

[1]) См. его посланія въ IV-мъ томѣ „Русской Историч. Библіотеки“.

[2]) „Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст.“, П. В. Владимірова, стр. 6 и 7.

[3]) „Докторъ Францискъ Скорина“, П. В. Владимірова, стр. 41.

[4]) „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1896 г., кн. 3, стр. 533—4.

Изъ отдѣльныхъ лицъ въ этомъ родѣ намъ извѣстенъ іеродіаконъ Исаія, родомъ изъ Каменца-Подольскаго, явившійся около 1582 г. въ Москву къ царю Іоанну Грозному. Въ сказкѣ о себѣ онъ сообщалъ, что христолюбивыми родителями своими наученъ былъ „святымъ книгамъ перваго закона Господня и втораго святымъ догматамъ и благочестивому богословію и священнѣй философіи“, и что его „холопецъ былъ много наученъ грамматики и философіи святаго Ивана Дамаскина и иныхъ премудрѣйшихъ учителей, а сынъ былъ изъ зацныхъ почтенныхъ людей и премудръ вельми“ [1]). По всей видимости, іеродіаконъ Исаія и его „холопецъ“ получили домашнее образованіе по учебнымъ пособіямъ св. Іоанна Дамаскина въ переводѣ князя Курбскаго.

Наиболѣе полнымъ выразителемъ идей князя Курбскаго и проводникомъ ихъ въ жизнь былъ извѣстный ревнитель и защитникъ православія князь К. К. Острожскій, который въ своемъ родовомъ гнѣздѣ г. Острогѣ издалъ въ 1580 и 1581 г.г. свою знаменитую острожскую библію, въ основаніе которой положенъ былъ славянскій текстъ библіи, доставленный изъ Москвы и провѣренный по греческимъ подлинникамъ. Кромѣ того, князь Острожскій основалъ въ своей резиденціи Острожскую православную Академію для преподаванія языковъ славянскаго, греческаго и латинскаго и вызвалъ въ нее ученыхъ людей изъ Греціи и другихъ мѣстъ. Главное вниманіе въ этой академіи обращено было на греческій языкъ, въ видахъ обогащенія русской литературы переводами съ греческаго языка,—и первымъ ректоромъ Острожской Академіи поставленъ былъ ученый грекъ Кириллъ Лукарисъ, бывшій впослѣдствіи патріархомъ Константинопольскимъ. Слѣдовательно, Острожская Академія

---

[1]) Тамъ же, стр. 497—9.

имѣла въ виду возрожденіе православной науки на славянскихъ и греческихъ источникахъ и основахъ. Къ сожалѣнію, эта академія процвѣтала недолго и быстро стала наклоняться къ упадку по смерти своего основателя[1]).

Сравнительно болѣе устойчивыми и долговѣчными оказались братскія школы, учреждавшіяся южнорусскими церковными братствами по образцу Острожской Академіи, хотя онѣ, повидимому, и стояли ниже послѣдней по внутреннему своему достоинству и значенію.

Южно-русскія церковныя братства возникли или, если угодно, возродились и развились на почвѣ Магдебургскаго права, которое давалось польскими королями сначала только болѣе значительнымъ городамъ, а потомъ и менѣе важнымъ городамъ и мѣстечкамъ, и предоставляло имъ извѣстную долю самоуправленія. Понятно, что это самоуправленіе, выдвигая на видный планъ средній, торговопромышленный классъ населенія или мѣщанское сословіе, по необходимости должно было имѣть и сословный характеръ, болѣе или менѣе исключительный. На первыхъ порахъ дѣятельность южнорусскихъ церковныхъ братствъ ограничивалась исключительно ихъ заботами о благолѣпіи церквей, участіемъ въ избраніи духовныхъ лицъ и контролѣ надъ ними, благоустроеніемъ религіозно-нравственной жизни братскихъ общинъ, и вообще стремленіемъ къ полному заправленію дѣлами церковными. На этой почвѣ братчики нерѣдко входили въ непріязненныя столкновенія со своимъ собственнымъ православнымъ духовенствомъ и высшею церковною іерархіею. Но со времени Люблинской уніи 1569 года и появленія въ литовско-русскихъ областяхъ іезуитовъ, когда

---

[1]) „Очеркъ исторіи православной духовной школы на Волыни“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, февраль, 1857 г., стр. 182 и слѣд.

усилившаяся пропаганда католицизма серьезно стала угрожать православію, и церковныя братства начинаютъ учреждать у себя православныя школы. Во главѣ ихъ стоитъ Львовское братство, которое въ 1585 году пріобрѣтаетъ типографію и въ 1586 году организуетъ школу со славянскимъ и греческимъ языками. Оно послужило образцомъ учрежденія и другихъ южнорусскихъ братствъ, съ такими же школами, въ Луцкѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ [1]).

Первоначальная программа южнорусскихъ братскихъ школъ была очень несложна. Въ Луцкомъ школьномъ уставѣ говорится: „школы словенское наука починается: напервѣй научившися складовъ литеръ, потомъ грамматики учатъ, притомъ же церковному чину учатъ, читаню, спѣваню, а такъ тому научатся, до болшихъ приступаючи къ діалектицѣ и риторикѣ... и инымъ философскимъ письмамъ школѣ належачимъ“ [2]). Для нашей цѣли весьма важно отмѣтить, что въ этой программѣ первенствующее мѣсто занимало обученіе славянскому языку, а затѣмъ и языку греческому, открывавшему ключъ къ первоисточникамъ православнаго вѣроученія [3]).

Что же касается славянскаго языка, то самое уже названіе его, какъ предмета школьнаго обученія, показываетъ, что то былъ языкъ не русскій и не мѣстный народный говоръ, а общеславянскій или церковно-славянскій языкъ, сохранявшійся въ древнихъ церковно-славянскихъ переводахъ. Это подтверждаютъ и сохранившіяся до нашего времени

---

[1]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушецкаго, С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 187; „Исторія Кіевской Дух. Академіи“, С. Т. Голубева, вып. I, Кіевъ, 1886 г., стр. 83—85, 176.

[2]) „Исторія Кіев. Дух. Академіи“, С. Т. Голубева, вып. I, Кіевъ, 1886 г., стр. 189.

[3]) Тамъ же, стр. 179.

славянскія грамматики братскихъ школъ, хотя онѣ нерѣдко и сбивались на мѣстные говоры. Таковы грамматики Виленская 1585 г., Львовская еллино-словенская Ἀδελφότης 1591 г., Виленская словенская Лаврентія Зизанія, обилующія смѣшеніемъ западно-русскихъ особенностей съ церковно-славянскими [1]). Лучшая и вліятельнѣйшая изъ нихъ славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, впервые изданная въ 1619 году и имѣвшая въ виду нормировать церковно-славянскій языкъ, искуственно, непреднамѣренно сочетавала церковно-славянскую стихію съ общерусскою, не отказываясь и отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей живой рѣчи, почему этотъ языкъ можно назвать не столько церковно-славянскимъ, сколько славяно-русскимъ въ самомъ общемъ значеніи этого слова [2]).

Но ни Острожская Академія, ни греко-славянскія братскія школы не имѣли широкой программы преподаванія, и притомъ же искали средствъ для научнаго образованія въ старо-славянской письменности и у единовѣрныхъ православныхъ грековъ, которые сами въ то время не имѣли уже самостоятельной науки и заимствовали ее у Запада. Извѣстные греки, стоявшіе во главѣ тогдашнихъ южнорусскихъ школъ, Кириллъ Лукарисъ, Никифоръ и Арсеній Элассонскій [3]) обязаны своимъ образованіемъ тогдашней западной наукѣ, органомъ которой былъ латинскій языкъ [4]). Даже

---

[1]) „Докторъ Фр. Скорина“, П. В. Владимірова, стр. 248—9.

[2]) „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв.“, П. Житецкаго, ч. I, Кіевъ. 1889 г., стр. 16.

[3]) „Исторія Кіевской Дух. Академіи“, С. Т. Голубева. вып. I. стр. 183.

[4]) „Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ“, И. И, Малышевскаго, т. I, Кіевъ, 1872 г., гл. 2.

для преподаванія греческаго языка въ братскихъ школахъ нерѣдко требовались латинскія пособія западно-европейскихъ ученыхъ. Такъ, напримѣръ, въ каталогѣ Львовскаго братства 1601 года значатся латинскія книги Н. К. Кленарда (Graecae linguae institutiones) и Альда Мануція (Phrases?)[1]). Поэтому южнорусскія православныя школы, особенно братскія съ ихъ мѣщанскимъ самодовольствомъ (у І. Вишенскаго), не могли замѣнить собою западно-европейскихъ латинскихъ коллегій, особенно іезуитскихъ, ослѣплявшихъ современниковъ кажущеюся эрудиціею, научными формами преподаванія и замѣчательнымъ педагогическимъ тактомъ, и потому не могли успѣшно бороться съ ними и вообще съ иновѣріемъ. Нужно было православнымъ южнорусcамъ возвысить уровень образованія въ своихъ школахъ, увеличить ихъ научныя силы до равенства съ научными силами противной стороны и для этого пріобщиться къ тогдашней западно-европейской наукѣ, органомъ которой служилъ латинскій языкъ.

Нужду въ западномъ латинскомъ образованіи чувствовали уже старѣйшія южнорусскія братскія школы Львовская и Виленская. Мы уже видѣли, что въ 1601 году въ числѣ книгъ Львовской братской школы были и латинскія. Извѣстный Іоаннъ Вишенскій укоряетъ Львовское братство за то, что нѣкоторые изъ его наставниковъ „привержены къ хитростнымъ латинскимъ наукамъ“. Виленское братство, въ 1619 году извѣщая Львовскихъ братчиковъ о сооруженіи (въ 1617 году) каменнаго дома для славяно-греко-латинской школы, заявляетъ, что латинская наука у нихъ

---

[1]) „Исторія Кіев. Дух. Академіи“, С. Т. Голубева, вып. I, стр. 201; сн. „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. V, Кіевъ, 1908 г., стр. 436 и 457.

„скудости ради своихъ учителей чтется нѣмцами“, и что оно заботится о томъ, чтобы „своего рода и благочестія трудолюбны учители имѣти“. Въ этомъ отношеніи Кіевское Богоявленское Братство, какъ учрежденное не исключительно мѣщанами, а главнымъ образомъ панами и шляхтою воеводства Кіевскаго, при участіи высшаго духовенства и запорожскаго казачества, имѣло болѣе широкій умственный кругозоръ и сравнительно болѣе чувствовало нужду въ западной латинской наукѣ. Игнатій Іевлевичъ въ автобіографической своей запискѣ заявляетъ о довольно значительномъ успѣхѣ своемъ въ изученіи латинскаго языка въ Кіево-Братской школѣ. Кассіанъ Саковичъ, завершившій свое образованіе въ латино-польскихъ школахъ, повидимому преподавалъ въ Кіево-Братской школѣ піитику и реторику по латино-польскимъ пособіямъ. Но рѣшительный поворотъ въ пользу латинскаго языка и западно-европейской науки сдѣлалъ извѣстный Петръ Могила, соединившій свою лаврскую латино-польскую школу съ Кіево-Братскою въ 1632 году. По свидѣтельству Сильвестра Коссова, профессора Кіево-Могилянской Коллегіи „лучше насаждали въ русскіе умы латинскій языкъ, чѣмъ бывшіе до нихъ наставники“ [1]). Сохранилось и нѣсколько рукописныхъ курсовъ по діалектикѣ, логикѣ и философіи, преподанныхъ въ Кіево-Могилянской Коллегіи на латинскомъ языкѣ въ 1639—1647 годахъ [2]).

---

[1]) „Исторія Кіевской Дух. Академіи“, С. Т. Голубева, вып. I, стр. 184—7, 201, 203, 221—223.

[2]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 1. Москва, 1892 г., стр. 232—3, №№ 126—8.

Кіевская Могилянская Коллегія (Академія) и важнѣйшіе моменты въ развитіи Кіевской искусственной литературы XVII и XVIII вв.

Въ сравненіи съ прежними братскими школами Кіево-Могилянская Коллегія не представляетъ, повидимому, существеннаго отличія. Какъ и прежнія, она могла называться „школою наукъ еллино-словенскаго и латинопольскаго письма", такъ какъ, по соединеніи съ братскою Кіево-Богоявленскою, заключала въ себѣ всѣ эти элементы; но группировка и относительное значеніе этихъ элементовъ были здѣсь уже совершенно другія. На первый планъ выступалъ латинскій языкъ, какъ орудіе современной западно-европейской науки, тогда какъ греческій языкъ оставлялся въ тѣни и наконецъ вовсе исключенъ былъ изъ круга школьнаго преподаванія. Польскій языкъ, какъ государственный, считался тогда отечественнымъ въ Кіево-Могилянской Коллегіи и въ школьныхъ упражненіяхъ и примѣрахъ употреблялся наравнѣ съ латинскимъ [1]). Церковно-славянскій же или славяно-русскій языкъ имѣлъ въ Кіевѣ-Могилянской Коллегіи мѣсто при преподаваніи катихизиса, какъ это видно изъ предисловія къ „Православному исповѣданію вѣры" Петра Могилы, назначавшемуся для учащагося юношества [2]). Онъ же употреблялся и при составленіи школьныхъ драматическихъ пьесъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, а съ конца XVII вѣка сталъ примѣняться и къ школьнымъ примѣрамъ въ піитикѣ и реторикѣ [3]).

---

[1]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи", Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи", іюль, 1866 г., стр. 323, 326, 327 и др.

[2]) „Исторія Русской Церкви" м. Макарія (Булгакова), т. XI, кн. 2, стр. 596.

[3]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи", Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи", мартъ, 1868 г.

Преобразованная Петромъ Могилою, по образцу іезуитскихъ коллегій, въ латинскую коллегію, Кіево-Могилянская Коллегія явилась какъ бы новымъ средостѣніемъ между западно-европейскою наукою и малорусскимъ простымъ народомъ,—и въ этомъ дѣйствительно заключается немалая вина старой Кіево-Могилянской Коллегіи, переименованной впослѣдствіи въ Академію. Но эта вина больше всего падаетъ на тогдашнія политическія и соціально-общественныя отношенія, выдвигавшія впередъ одни классы народонаселенія насчетъ другихъ. Съ перемѣною же этихъ отношеній Кіевская наука и литература спускались иногда со своей недосягаемой отвлеченности на землю и служили, по мѣрѣ своихъ силъ, политическимъ, общественнымъ и національнымъ интересамъ страны. Такое служеніе кіевской науки и литературы жизненнымъ интересамъ страны эпизодически встрѣчается на всемъ протяженіи избраннаго нами для изслѣдованія періода; но степень его интенсивности даетъ особую окраску и цѣлымъ эпохамъ въ жизни Кіевской Академіи. Періодъ жизни Кіевской Академіи со времени преобразованія Петромъ Могилою Кіево-Братской школы въ латинскую Коллегію и до начала XVIII вѣка обыкновенно считается іезуитско-схоластическимъ, сухимъ и мертвеннымъ періодомъ, тогда какъ съ начала XVIII вѣка, по закрѣпленіи Кіева за Россіею, проникаютъ въ Кіевскую Академію идеи западно-европейскаго возрожденія классицизма и гуманизма и даютъ особое, болѣе живое направленіе Кіевской наукѣ и литературѣ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы іезуитско-схоластическая наука была совершенно мертвенною и непримѣнимою къ жизни. Это была наука формальная, которая давала Кіевскимъ ученымъ формальныя средства защищать православную вѣру и народность и бороться съ врагами ихъ же оружіемъ, но въ тоже время гарантировала имъ неприкосновенность внутренняго содержанія русской жизни отъ

чуждыхъ, враждебныхъ вліяній. Эта формальная наука, подобно математикѣ, была не только чисто отвлеченною, но и прикладною по отношенію къ тѣмъ знаніямъ и дисциплинамъ, которыхъ не имѣли южноруссы. Извѣстно, что польскій король Владиславъ IV привилеемъ своимъ отъ 18 марта 1635 года разрѣшилъ преподавать въ Кіево-Могилянской Коллегіи науки только по діалектику, безъ богословскихъ наукъ [1]). Но этотъ недостатокъ Кіевскіе ученые старались восполнить внѣшкольными учеными трудами своими, и притомъ на мѣстномъ книжномъ славяно-русскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, самъ Петръ Могила издаетъ, въ замѣнъ богословія, для школьнаго употребленія, „Православное исповѣданіе вѣры“ [2]). Во второй половинѣ XVII вѣка составленъ былъ въ Кіевской Академіи, на основаніи католическаго богослова Беллярмина, краткій школьный катихизисъ на латинскомъ языкѣ, вскорѣ переведенный и на мѣстный славянорусскій книжный языкъ [3]). Онъ имѣлъ широкое распространеніе какъ въ самой Кіевской Академіи, въ качествѣ конгрегаціонныхъ катихизисовъ [4]), такъ и внѣ академическихъ стѣнъ: съ одной стороны, онъ проникалъ въ сельскія дьяковскія школы даже въ нынѣшнюю Галицію [5]), а съ другой стороны, въ первой половинѣ XVIII

---

[1]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. I, Москва, 1892 г., № 51, стр. 94, л. 80.

[2]) См. о семъ выше.

[3]) „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка“, Н. И. Петрова, Кіевъ, 1895 г., прилож. VI, стр. 147—171; сн. „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, Н. И. Петрова, серія 2, т. III, Кіевъ, 1906 г., стр. 245.

[4]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, Н. И. Петрова, серія 2, т. I, ч. 1, стр. 52—59.

[5]) См. „Банкетъ духовный“ въ „Кіевской Старинѣ“, за апрѣль, 1892 г.

вѣка служилъ въ Россіи пособіемъ для епархіальныхъ экзаминаторовъ и миссіонеровъ [1]). Въ 1660 году Іоанникій Галятовскій издалъ при своемъ „Ключѣ разумѣнія“ науку сочинять проповѣди, а въ 1669 году Иннокентій Гизель напечаталъ казуистическое богословіе, соотвѣтствующее нынѣшнему пастырскому, подъ заглавіемъ „Миръ человѣка съ Богомъ“ [2]). Послѣднее сочиненіе имѣло непосредственное отношеніе къ церковно-приходской жизни южноруссовъ и служило нормою для ея упорядоченія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя рукописныя замѣтки на одномъ дефектномъ экземплярѣ этой книги о недостаткахъ въ религіозной жизни простаго народа въ Южной Россіи [3]). Въ послѣдствіи времени, въ концѣ XVII вѣка, когда введено было въ Кіевской Академіи и преподаваніе богословія; то первая дошедшая до насъ система богословія Стефана Яворскаго [4]) примѣнена была самимъ авторомъ и къ современнымъ нуждамъ православной церкви въ его книгѣ „Камень вѣры“, впервые напечатанной въ 1728 году [5]). Выходя изъ школьныхъ стѣнъ и спускаясь въ низменныя сферы малорусскаго населенія, кіевская наука нерѣдко пыталась приноровляться къ пониманію простолюдиновъ и говорить ихъ

---

[1]) См. Катихизисъ Арс. Мацѣевича, 1738 г., въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1907 г., кн. 3, стр. 297 и сл.

[2]) „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета, 3 изд. С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 203.

[3]) „Кіевская Старина“, январь, 1892 г.

[4]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. И. Петрова, вып. I, Москва, 1892 г., №№ 186 и 187, стр. 258—260.

[5]) „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета, стр. 271. О богословскомъ курсѣ С. Яворскаго см. „Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской Дух. Академіи за $189^{7}/_{8}$ учебный годъ“ Кіевъ, 1899 г., стр. 247 и слѣд.

языкомъ. Такъ, напримѣръ, въ 1670 году Рѣшетиловскимъ священникомъ Симеономъ Тимофѣевичемъ составлена была „Наука Христіянская зъ евангеля... барзо простою мовою и діялектомъ, ижъ и напростѣйшему человѣкови снадно понятая“ [1]). Впослѣдствіи мы увидимъ, что кіевскимъ школьникамъ приписывается участіе даже въ созданіи малорусскихъ историческихъ народныхъ думъ.

Но съ начала XVIII вѣка уже въ стѣнахъ самой Кіевской Академіи повѣяло новымъ духомъ. Теперь, подъ владычествомъ Россіи, не могли оставаться обязательными для кіевскихъ ученыхъ прежніе польско-іезуитскіе образцы и открылась возможность учиться непосредственно у западной Европы. Во главѣ этого направленія стоитъ извѣстный Ѳеофанъ Прокоповичъ,—имѣвшій громадное вліяніе на послѣдующую русскую науку и литературу. Онъ былъ въ Кіевской Академіи послѣдовательно профессоромъ піитики, риторики, философіи и богословія, заявилъ себя въ этихъ областяхъ ярымъ врагомъ господствовавшаго дотолѣ въ Кіевской Академіи польско-католическаго и въ частности іезуитскаго схоластическаго образованія и пытался обосновать преподававшіяся имъ науки на другихъ, совершенно новыхъ началахъ. Въ такъ называемыхъ гуманныхъ наукахъ, т. е. въ піитикѣ, риторикѣ и философіи, онъ является первымъ и лучшимъ представителемъ эпохи возрожденія наукъ или классицизма, съ которымъ онъ хорошо ознакомился во время заграничнаго своего образованія, особенно въ Италіи, и постоянно указываетъ въ своихъ учебникахъ и чтеніяхъ или образцы древнеклассической, преимущественно римской литературы, или же лучшихъ представителей эпохи возрожденія и гуманизма на западѣ Европы, напр.

---

[1]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“. Н. И. Петрова, вып. 3, Москва, 1904 г., № 180, стр. 57—8.

Эразма Роттердамскаго и др. Этотъ же принципъ возрожденія классицизма Ѳ. Прокоповичъ примѣнилъ и къ богословію, руководствуясь самъ и рекомендуя другимъ руководствоваться въ богословіи священнымъ писаніемъ и древними, классическими въ своемъ родѣ, твореніями отцовъ и учителей православной церкви Григорія Назіанзина, Августина, Василія Великаго, Кирилла Александрійскаго и др., жившихъ до раздѣленія церквей, и дѣяніями вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Продолжателемъ Ѳ. Прокоповича по очищенію философіи отъ схолостическаго „смѣтья" былъ извѣстный украинскій философъ Гр. Сав. Сковорода, хотя его философскія сочиненія и имѣютъ странную внѣшность. Почитателями же и послѣдователями Ѳ. Прокоповича въ области богословія были Георгій Конисскій, Самуилъ Миславскій и Ириней Фальковскій.

Правда, языкомъ школы и науки продолжалъ оставаться латинскій языкъ; но русскими представителями возрожденія классицизма немало было сдѣлано и для усовершенствованія русскаго литературнаго языка. Самъ латинскій языкъ, болѣе или менѣе очищенный представителями возрожденія классицизма отъ средневѣковыхъ варваризмовъ, сталъ теперь нормою для очищенія и возвышенія и русскаго литературнаго языка. „Подъ латинскою рѣчью,—говоритъ Ѳ. Прокоповичъ въ своей риторикѣ,—не разумѣй того, будто краснорѣчіе ограничивается только предѣлами латинскаго языка: какой бы языкъ ни употреблялъ ораторъ, онъ долженъ говорить такъ, чтобы слѣдовать чистой, употребительной и отечественной рѣчи этого языка. Ибо какъ Цицеронъ во второй книгѣ объ ораторѣ превосходнымъ образомъ рѣчи называетъ латинскій, такъ Аристотель въ первой книгѣ риторики, въ главѣ пятой, называетъ эллинскій или рѣчь греческую". Замѣчая далѣе, что въ каждомъ языкѣ должно слѣдить за смысломъ „отдѣльныхъ словъ, ихъ конструкціею, свойствами языка или отечественнымъ

употребленіемъ рѣчи и правильнымъ произношеніемъ", Ѳ. Прокоповичъ прибавляетъ: „что я говорю о латинскомъ, то разумѣй и о всякомъ другомъ языкѣ" [1]). Примѣнительно къ этому, и въ Кіевскихъ латинскихъ піитикахъ. XVIII вѣка стали появляться отдѣлы не только о латинскомъ и польскомъ, но и о русскомъ стихѣ, составленіе котораго должно было подчиняться правиламъ латино-польскаго стиха. Піитика 1736 говоритъ о польско-русскомъ стихѣ уже не мимоходомъ, какъ это было прежде, а въ особой главѣ, и даже отдаетъ этому стиху предпочтеніе передъ латино-польскимъ. „Чтобы намъ, какъ славянамъ, не унизить отечественнаго языка, — говоритъ эта піитика, — первоначально мы говорили объ отечественномъ употребленіи, т. е. о стихѣ славянскомъ совокупно съ польскимъ" [2]). Въ школьные сборники эрудицій или изрѣченій знаменитыхъ мужей древности стали вторгаться теперь и русскія народныя пословицы. Въ одномъ такомъ сборникѣ 1738—1743 г.г., писанномъ рукою ученика Харьковскаго коллегіума Іоанна Ушивскаго, мы нашли алфавитный списокъ пословицъ и остроумныхъ изреченій, выбранныхъ не только изъ свѣтскихъ и духовныхъ книгъ, но и изъ народныхъ пословицъ, какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ, хотя иногда и обдѣланныхъ въ книжную литературную форму. Таковы, напримѣръ, пословицы: „баба з воза, колесамъ легше"; „безъ денегъ къ торгу, безъ соли до дому"; „здався циганъ на свои дѣти", или—„циганъ своими дѣтми свѣдчится"; „осмакъ копы стереже"; „первія коти за плетень"; „первѣйшій атаманъ, неже десятникъ";

---

[1]) См. мою статью о Г. С. Сковородѣ въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи", декабрь, 1902 г., стр. 603 и слѣд.

[2]) „О словесныхъ наукахъ въ Кіевской Академіи"..., Н. И. Петрова, тамъ же, іюль, 1866 г., стр. 325—7.

„шануй гори и мосты, чтобъ были цѣліе кости“; „якій панъ, такій его крамъ“, и проч. [1]).

Это очищеніе русскаго литературнаго языка по нормѣ латинскаго произвело на югѣ Россіи и въ самомъ русскомъ языкѣ раздѣленіе на самаго себя, выдѣливъ изъ него то, что впослѣдствіи на сѣверѣ Россіи называли высокимъ и низкимъ стилемъ или слогомъ. Высокій стиль представлялъ изъ себя развитіе и усовершенствованіе книжнаго славяно-южнорусскаго языка и приближеніе его къ общерусскому литературному языку, какъ это можно видѣть на примѣрѣ самого Ѳ. Прокоповича, котораго, вмѣстѣ съ Ан. Кантемиромъ, ставятъ иногда во главѣ новаго періода общерусской литературы. Къ низшему же слогу относилась простонародная малорусская рѣчь, которая, однако же, не изгонялась вовсе изъ области литературы, а получила въ ней свое особое спеціальное назначеніе. По словамъ Георгія Конисскаго „комедія должна писаться слогомъ простымъ, плебейскимъ и мужицкимъ, каковыя и лица имѣетъ. Но трагедія, поелику содержитъ въ себѣ великіе и высокіе предметы и лица, нуждается въ важномъ и высокомъ слогѣ и должна составляться искуснымъ и способнымъ авторомъ. Трагедія должна быть полна потрясеній, важныхъ мыслей, звучныхъ словъ и почти царственнаго перифраза“ [2]).—Кромѣ комедій, низкій простонародный слогъ имѣлъ мѣсто въ вертепныхъ представленіяхъ, происшедшихъ изъ Кіевской школьной драмы, въ драматизированныхъ поздравительныхъ виршахъ на Рождество и Пасху, въ подражаніяхъ народнымъ пѣснямъ и т. п.

---

[1]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка“, Н. И. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 4 и 5.

[2]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ въ Кіевской Академіи“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, ноябрь, 1866 г., стр. 353.

Изъ представленнаго краткаго обзора состоянія Кіевской науки и литературы въ XVII и XVIII вв. можно видѣть, что хотя разныя эпохи ихъ развитія и имѣли нѣкоторыя отличительныя особенности, но одинаково отражали въ себѣ и мѣстную народную жизнь, хотя и въ различныхъ формахъ. Историческая жизнь юга Россіи была сильнѣе науки, и разные фазисы развитія этой жизни находили отраженіе себѣ даже и въ схоластической наукѣ. Не отдѣляя, поэтому, строго одну эпоху въ жизни Кіевской Академіи отъ другой, укажемъ важнѣйшіе моменты соприкосновенія Кіевской школьной литературы XVII и XVIII в.в. съ интересами малорусской народной жизни, слѣдуя, по возможности, хронологическому порядку появленія и развитія извѣстныхъ группъ литературныхъ памятниковъ, болѣе или менѣе запечатлѣнныхъ характеромъ народности. Въ этомъ отношеніи намъ представляется возможнымъ къ XVII вѣку отнести развитіе историко эпическихъ произведеній, а къ XVIII-му процвѣтаніе лирики и драмы.

Интересно отмѣтить, что точкою отправленія для кіевскихъ и вообще юнорусскихъ ученыхъ XVII вѣка при ихъ сближеніи съ народными интересами опять - таки послужили польскіе литературные образцы, которые придавали и ихъ собственнымъ трудамъ извѣстную польскую окраску, какъ это отчасти было и въ XVI столѣтіи. Здѣсь мы имѣемъ въ виду знаменитаго въ свое время польскаго духовнаго писателя, іезуита Петра Скаргу, который, борясь съ протестантскими сектантами, заразился ихъ примѣромъ давать духовную пищу польскому народу на его же родномъ языкѣ. Въ свое время Скарга славился какъ знаменитый проповѣдникъ и составитель сборника „Житій святыхъ“. А его проповѣди и „Житія святыхъ“ (Żywoty swętych) имѣли громадное и продолжительное значеніе и для православной Юго-Западной Россіи. Подражанія его проповѣдямъ

или даже прямыя переложенія ихъ на южнорусскую книжную рѣчь встрѣчаются еще въ первой половинѣ XVII столѣтія [1]). Но для насъ важнѣе „Житія святыхъ“ Скарги. Написанныя изящнымъ по тому времени польскимъ языкомъ, они заключали въ себѣ житія восточныхъ святыхъ и притомъ составлевныя по восточнымъ же источникамъ и особенно по Метафрасту, а потому обращали на себя вниманіе и православныхъ южно-руссовъ, долго не имѣвшихъ у себя полныхъ православныхъ Четь-Миней. Во второй половинѣ XVII вѣка Іоанникій Галятовскій перевелъ изъ Скарги на бѣлорусскій или южнорусскій книжный языкъ житія собственно восточныхъ или общепризнаваемыхъ Восточною и Западною церквами святыхъ, сдѣлавъ почти - что только южнорусскую транскрипцію польскаго текста. Вотъ примѣръ такого перевода: „м҃ца септеврия а҃ дня преподобнаго ѻ҃тца нашего Симеона столпника; живо^{т} его выписа^{н} пре^{з} Ѳеодорита епи҃опа Киринейского, также и Метафраста. Жыл около року Гд҃ня 380“. Нач.: „Знаю^{т} вси добрѣ Симеона, мужа зацнаго, великое свѣта всего чюдо, не то^{л}ко тыи, которыи римскому панству подлеглы, але и Персяне и Индияне“ [2]). Изъ перевода Іоанникія Галятовскаго, а можетъ быть и непосредственно изъ Скарги, помѣщены нѣкоторыя житія и въ православные житійные сборники XVII вѣка, съ прибавленіемъ мѣстныхъ редакцій житій русскихъ святыхъ, напр. о чудѣ св. Николая съ половчиномъ, о св. Владимірѣ, о святыхъ страстотерпцахъ Борисѣ и Глѣбѣ, и др. [3].)

---

[1]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 2. Москва, 1897 г., № 289, стр. 97.

[2]) Рукопись библіотеки Могилевской дух. семинаріи, по каталогу № А $\frac{2107}{18}$, по третьему счету.

[3]) „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. XV, вып. 2. Кіевъ, 1901 г., отд. V, стр. 37.

Нѣкоторыя изъ житій Скарги помѣщены также и въ двухъ южнорусскихъ сборникахъ житій второй половины XVII вѣка. Но особенность этихъ сборниковъ состоитъ въ томъ, что не только переводныя житія изъ Скарги, но и краткія проложныя житія прежней церковно-славянской редакціи переведены на тогдашній южнорусскій книжный языкъ [1]).

Особенный же интересъ имѣетъ для насъ рукописный сборникъ житій и проповѣдей подъ такимъ заглавіемъ: „Наука христіанская, изъ Евангелія вькоротцѣ зложоная въ кождую неделю и праздники Господскія и Богоматерныя, на увесь цѣлый рокъ, барзо простою мовою и діалектомъ, ижъ и напростѣйшему человѣкови снадно понятая, священникомъ Рѣшетиловскимъ, полку Полтавскаго, храма Успенія Пресв. Богородицы, Симеономъ Тимофѣевичемъ, 1670 году". По всей вѣроятности, сборникъ священника С. Тимофѣевича по содержанію своему стоитъ въ зависимости отъ учительныхъ евангелій или Каллиста, или Транквилліона, или другихъ подобныхъ проповѣдническихъ сборниковъ; но онъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько извлеченій и изъ „Житій святыхъ" П. Скарги. Главный же интересъ этого сборника заключается въ простонародной малорусской рѣчи, приспособленной къ пониманію простыхъ слушателей.

Въ „предмовѣ въ книгу сію ласкавому читѣльнику" о. Симеонъ Тимофѣевичъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „не разумѣй собѣ того читѣльнику милый, іжъ бы тая учительная Е҃лская книга (простою барзо мовою) зложена для ѣякой о себѣ гордынѣ албо высокоумія, ѣяко бы понижаючи ѣавторовъ с҃тыхъ прѣшлыхъ, которыхъ мы тепѣрешные (могу смѣле речи) брухово быдло ѣякъ н҃бо од землѣ да-

[1]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", Н. Петрова, вып. 3. Москва, 1904 г., №№ 278 и 279.

ле́ко, не ты̀лько од до́брых дѣлъ, але найпа́че 'и од дарованій Дха Стго одстои̇мо, ˝и зале́дво що̀ годны̀ 'и име́ня.. въспомяну́ти. Але для то́го само́го и коро́ткою мо́вою на́збыт простою преложи̇лося, ˝ижбы въ церквѣ Бжой вшеля́кий 'и найпростѣйший человѣкъ мо́глъ щоко́лвекъ, ведлугъ до́вципу свое́го по (няти) й въ Еѵгеліи того̀ дня́ чи̇та̀ном зрозумѣти и ко пожи̇тѣку свое́му дше́вному сло́во Хво привлащ(ати) не одходячи́ поро́жне од до̀му Бжого... Не для́ ре́торовъ, ˝анѣ для́ фи̇лозо́фов, а не для астроліо́кговъ ˝анѣ для́ жа̀дных 'инъших завыхля́ных лъбо́въ Хс Снъ Бжий во плот чл҃чую 'ѡбо́лкся... ˝але всѣм спо́лъне вѣчный живо́тъ дарова̀в, вѣрующим во 'имя́ его... 'А поневаж всѣх на заро́вно ˝и една́ко́во Хе Гдь вѣрных свои̇х ла́скою свое́ю 'и милосе́рдіем дарова́въши удостоилъ, пре́то ˝и сло́во Бжіе, нау́ка Хва Спаси̇теля на́шего, дшевный по́кармъ всѣм... зъ выразумѐньем одкры̀то про́стою мо́вою пови̇нъна быт в це́рквѣ Бжой од па́стыра 'и учи̇теля проповѣда́нъна, ˝ижбы̀ зго́ла и найподлѣйший въ ро́зумѣ мо́гъ зрозумѣти и пожиткова́ти: бо широ́кая а узлова́тая мо́ва рѣдкій пожиток чл҃ку прино́сит. але про́стая и коро́ткая 'а до того̀ зъ вырозумѣньем одкры̀тая мо́ва в пру́дком часѣ всѣ обширные аръкгумѐнта й захвыля́ные мо́вы заго́ртуетъ, и̇ двома̀ ˝або трома̀ сло́вы короткими ба̀рзо мно̀го сло̀въ мо́жет въ собѣ замкнути. ˝якъ ся ˝южъ на нѣкотором мѣстъцу сло́во апла Па́вла рекло̀, лѣпшей, мовитъ, пят сло̀въ в це́рквѣ проповѣсти зъ вырозумѣньем и пожитком 'инъших, а не́жели тъму́ сло́въ безъ выразумѣня 'и пожи̇тку 'инъших. 'А же теж на спа́ціях гла̀въ 'и нѣкоторых зача̀лъ не положы̀лося, а то̀ ма́ло що̀ потребно; поневаж жадной герезѣи й найменшой ту́тъ не ма́ешъ. ˝Анѣ ˝авторовъ чужи̇хъ не вкида́но у вытлумаченю, й ˝овшем их, ˝яко непотре́бных баснотво́рцовъ, одлуча́но 'и 'омия́но. Бо́ кгдыж зъ жа́дными геретика́ми рѣдко даст Бо̀гъ будем свари̇тися, чого̀ й не прягнем, ˝але пря́гнем 'и Ха Ба усе́рдно

проси^м^ "о соединеніѐ вѣры Хвы, 'и вѣчную жи̇знь получи̇ти, со всѣми сты́ми угоди̇въшими Господе́вѣ. Ами̇нь" [1]).

Не смотря однако на благія намѣренія о. Симеона Тимофѣевича, на его любовь къ простому малорусскому народу, на его стремленіе приблизить слово Божіе къ пониманію народному и бесѣдовать съ церковной каѳедры съ простымъ народомъ на его же собственномъ языкѣ,—его „барзо простая мова" обилуетъ значительными полонизмами и не можетъ быть названа чисто народною малорусскою рѣчью. О. Симеонъ Тимофѣевичъ несомнѣнно былъ человѣкъ образованный, по всей вѣроятности получившій образованіе въ Кіево-Могилянской Коллегіи, и подступалъ къ народу сверху внизъ, искуственно поддѣлываясь подъ его рѣчь, но не владѣя ею въ совершенствѣ, и придерживаясь только ея фонетики.

Болѣе сближается юнорусская книжная рѣчь съ простонародною малорусскою въ народныхъ южнорусскихъ думахъ или историческихъ пѣсняхъ, относящихся къ эпохѣ со времени войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками.

Если предшествовавшія Богдану Хмельницкому казацкія возстанія имѣли сословный характеръ реестрового казачества; то возстаніе Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ, начавшись съ сословнаго, вскорѣ получило характеръ общественнаго народнаго украинскаго движенія, къ которому волей - неволей должны были примкнуть и всѣ остальные слои малорусскаго населенія. Поэтому и подвиги Богдана Хмельницкаго и его ближайшихъ сотрудниковъ и преемниковъ становятся предметомъ литературы какъ школьной, такъ и простонародной, и направляютъ обѣ эти отрасли малорусской литературы по одному общему руслу.

---

[1]) Тамъ же, № 180, стр. 57—8; сн. „Чтенія въ историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца", кн. XV, вып. 2. Кіевъ, 1901 г., отд. V, стр. 35.

Со времени войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками стали появляться и малорусскія лѣтописи, какъ напр. Самовидца, Сафоновича (которую нужно отличать отъ Синопсиса Гизеля), Густынская, Величко и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Кіевская школьная муза не могла не откликаться на болѣе важныя событія изъ этой эпохи, такъ какъ и подъ студенческимъ кунтушемъ нерѣдко билось горячее казацкое сердце, которое побуждало студентовъ принимать дѣятельное участіе въ народныхъ войнахъ за отчизну и служить ей не только мечемъ, но и перомъ. Подъ взаимодѣйственнымъ вліяніемъ школы и народнаго духа и возникли малорусскія народныя думы или историческія пѣсни этой эпохи.

Что малорусскія народныя думы составлялись не безъ участія школяровъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ старѣйшія записи ихъ, относящіяся иногда къ самой эпохѣ Богдана Хмельницкаго и его ближайшихъ преемниковъ и отличающіяся болѣе или менѣе школьнымъ складомъ и характеромъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ такихъ записей, большею частію открытыхъ профессоромъ В. Н. Перетцомъ.

Къ старѣйшимъ записямъ казацкихъ думъ относится „Дума козацка о Берестечскомъ звыченствѣ 1661, 31 іюля“, записанная вскорѣ послѣ ея составленія. Приводимъ начало ея въ русской транскрипціи съ польской записи:

О рѣко Стырю, що Хмиль за виру,
Скажи ты всему міру,
Гды въ Днѣпръ впадаешь, оповѣдаешь
Радость з вуйны, чи з миру?
Ханъ наступуе и помагае
Козакомъ ляховъ бити
Подъ Берестечкомъ, малымъ мѣстечкомъ,
Мѣлъ оныхъ кровь пролити.
На перевози, чили дорози,
Короля погромити,

Ляцкими паны да и гетманы
Татаромъ заплатити.
Ханъ згоду радилъ да не порадилъ,
Козаки вуйну любетъ.
Ой Казиміру, южъ тоби миру
З козаками не будетъ.
Въ тымъ хутнесенько Хмиль ранешенько
Ку королю приближаетъ.
Была погода, да воевода
Русскій знать вуйску дае.
То есть о Хани, и о гетмани
Королю ознаймляетъ.
А ляхъ не дбаетъ, не втикаетъ,
Къ вуйни се приближаетъ.
Середа пришла, вся орда вышла
Ханъ и Хмиль з козаками.
Ой не Зборово, вуйна то нова,
Не якъ подъ Пилявцами:
Не втекаетъ, кровь проливаетъ,
И на татаръ не дбаютъ:
Въ крови татарскей и бисурманскей
Острый мечъ свой купаютъ, и проч.

Далѣе въ думѣ упоминаются главные участники въ этомъ сраженіи и кратко описываются важнѣйшіе его моменты, что обличаетъ съ авторѣ думы одного изъ участниковъ сраженія. А между тѣмъ эта дума опредѣленнымъ количествомъ слоговъ и риѳмою указываетъ на книжное, школьное происхожденіе ея. Поэтому П. И. Житецкій небезосновательно говоритъ, что авторомъ этой думы о пораженіи подъ Берестечкомъ могъ быть кто нибудь изъ учениковъ Кіево-Могилянскаго Коллегіума, принимавшій участіе въ битвѣ [1]).

---

[1]) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы", В. Н. Перетца, т. I, ч. 1. С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 94—99. Сн. варіантъ въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ", 1901 г., кн. 2, стр. 84—86.

Такого же характера и другая дума о Желтоводской битвѣ 1648 года, начинающаяся словами:

Высыпался Хмиль з миха,
Наробилъ ляхомъ лиха,
Показилъ имъ розумы,
Вывернулъ дитче душы, и проч. [1]),

Къ гетманству Ивана Выговскаго нѣкоторые относятъ „Плачъ Малой Россіи о ляхолюбцахъ“, сохранившійся въ записяхъ 1718—9 г., какъ предметъ школьныхъ переложеній съ русскаго на латинскій языкъ. Этотъ „Плачъ“ написанъ совершенно правильными школьными силлабами. Въ немъ говорится:

О Боже мой милостивый!
Воззри на плачъ мой ревнивый!
Гдѣ бѣдница есть такая,
Якъ я Россія малая?
Вси маткою называютъ,
А не вси за матку маютъ:
Другій хощетъ загубити,
Въ лозци воды утопити.
Бо чи треба лучшой муки,
Якъ подати ляхомъ въ руки?
Давно они гострять зубы,
Давно моей ищутъ згубы.
А вы дѣти якъ чужіи,
Садите ихъ мни на шіи.
Охъ, якъ скоро вси згубили,
Що и видѣли и чули,—
Якъ подъ тими ворогами
Стогнала я тяжко з вами,
Стогнала я ни отрады
Не мѣючи, ни порады,
Коли жиды проклятыи
Держали церкви святыи
И отъ святой креста бани
Вытягали у насъ дани.

[1]) Тамъ же, стр. 103 и слѣд.

Священниковъ забивано,
Кровь Господню проливано.
И то добре частовали,
Якъ и сами описали.
Нищо вольно зъ насъ никому
Не было, кромь жоны въ дому.
И тое бы уже стало,
Щобъ имя наше пропало,
Если бъ Богданъ мужъ избранный
Не былъ отъ Бога намъ даннный.
Той тожъ племя проклятое
Зкинулъ зъ мене ярмо злое
И за мудрымъ самъ совѣтомъ
Поставилъ подъ крѣпкимъ щитомъ,
Подъ рукою царей славныхъ,
Самодержцовъ православныхъ.
А вы, дѣтки, охъ утѣха!
Прошлаго схотѣли лиха!
Еще я крилъ не простерла,
Еще и слезъ не утерла;
А вамъ дѣтки жаль то стало,
Що я отдохнула мало.
Охъ мнѣ бѣда! дѣтей лаю,
Не знать, що зъ жалю гадаю.
Ой, не сыны вы, не дѣти:
Хощутъ мене загубити.
Ляхолюбци, лихолюбци,—
Тіи мои, тіи згубци!
Якъ саранча налетѣла,
Домы й церкви посквернила.
Куда пойдешь, ляховъ хвалятъ,
Вѣрныхъ только що не палятъ
Прости уши набиваютъ,
Лихомъ, ядомъ заражаютъ;
Безъ хвалъ ляцкихъ а ни слова,
Ѣдятъ чи пьютъ—о нихъ мова, и проч. [1]).

---

[1]) См. его въ „Описаніи рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. I. Москва, 1891 г., № 252,

Покойный М. А. Максимовичъ относилъ этотъ „Плачъ“ къ тому тяжелому времени Малороссійской жизни, какое настало по смерти Богдана Хмельницкаго, въ гетманство Ивана Выговскаго, именно къ 1658 году. Напоминаніе „Плача“ о томъ безотрадномъ положеніи, въ какомъ находился православный малорусскій народъ передъ гетманствомъ Богдана Хмельницкаго, обращено именно къ тѣмъ ляхолюбцамъ, которые сами видѣли это бѣдственное положеніе малорусскаго народа передъ возстаніемъ Богдана Хмельницкаго на поляковъ [1]).

Въ одномъ польскомъ сборникѣ, составленномъ около 1713 года, записано еще нѣсколько казацкихъ думъ со слѣдами школьнаго происхожденія, по своему содержанію относящихся ко второй половинѣ XVII вѣка, къ эпохѣ „руины“. Такова дума о разореніи Украины крымскими татарами:

„Ахъ Украиненко, бѣдна годиненко теперь твоя:
Згинули козаки, добріи юнаки, ахъ кровь моя!
Гдѣ жъ вы Дорошенки, гдѣ вы Хмѣльниченки, вы Иваны?
Смѣлые сотники, битные десятники и вы гетманы?
Гдѣ жъ у поля дикіе, гдѣсь въ нелюдзкая смерть загнала,
А вѣсти нашего нещастя горького не дала.
Коли ся татарскому народу дикому страхъ бывъ козакъ,
Ахъ, теперъ страхъ новый нашому людови крымскій сайдакъ, и проч.

Другая дума той же эпохи гласитъ такъ:

„Ой на горі женци жнутъ,
Да доломъ, доломъ да долиною козаки идутъ.
Межи ними три гетманы,
Што ведутъ войско запорозке долинами.

стр. 283. Изданъ, съ искаженіями редакціи, въ 18 № „Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостей“ за 1865 г. и въ болѣе исправномъ видѣ въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, іюнь, 1872 г., стр. 532.

[1]) „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. III. Кіевъ, 1880 г., стр. 732 и 736.

Одинъ гетманъ Дорошенко,
Што ведетъ войско запорізке хорошенько;
Другій гетманъ Сагайдачникъ,
Што сгубивъ триста козаковъ, злый необачникъ;
Третій гетманъ Дрогозденко,
Што ведетъ войско Московске бороздено",
и проч. [1]).

Но эти и подобныя думы школьнаго происхожденія, попавъ въ народное употребленіе, потеряли изъ памяти черты современности въ языкѣ и измѣнили первоначальный свой складъ и строй. Главными причинами такого измѣненія, кромѣ ошибокъ и забвенія подробностей, были: 1, стремленіе пѣвцовъ округлить каждую отдѣльную мысль думы заключеніемъ ея въ отдѣльный стихъ, и 2, тонизація школьныхъ силлабическихъ виршъ, не имѣвшихъ въ дѣйствительности тоническаго размѣра.

Въ школьныхъ силлабическихъ виршахъ весьма часто мысль не заканчивалась отдѣльнымъ стихомъ, а переходила въ другой стихъ, какъ напр. въ „Плачѣ Малой Россіи о ляхолюбцахъ". Здѣсь мы встрѣчаемся съ такими стихами:

Нищо вольно зъ насъ никому
Не было, кромь жоны въ дому.

Или:

Тыи мене загубити
Мыслятъ: не вы мои дѣти!

Такое перенесеніе мыслей изъ одного стиха въ другой составляло даже особую красоту школьнаго силлабическаго стиха и рекомендовалось школьными піитиками XVII и XVIII вѣковъ. Между достоинствами стиха полагалось, если мысль не заканчивалась однимъ стихомъ, но преры-

---

[1]) „Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ", 1901 г., кн. 2, стр. 73—75, 82 и 83.

валась имъ, и не иначе оканчивалась, какъ только послѣ четвертаго, седьмого и восьмого стиха [1]). Но простой народъ не любилъ такого перенесенія мыслей изъ одного стиха въ другой и каждую мысль старался выразить округленно въ особомъ стихѣ, вслѣдствіе чего стихи эти въ устахъ народа получали чрезвычайное разнообразіе въ количествѣ слоговъ, отъ 8 до 26 слоговъ въ стихѣ. Мы видѣли, что „Плачъ Малой Россіи о ляхолюбцахъ" говоритъ и о тѣхъ временахъ,—

Коли жиды проклятыи
Держали церкви святыи
И отъ святой креста бани
Вытягали у насъ дани,—

и говоритъ восьмисложными виршами. Въ народной же „думѣ о жидовскихъ откупахъ", хотя и встрѣчается иногда 8—сложный стихъ, но зато есть здѣсь стихи 26—сложные, съ риѳмою въ двустишіяхъ:

Ище жъ то жиди—рандари
У тому не перестали:
На славній Украіні всі козацкі церкви заорандовали.
Которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ
дитину появити,
То нейди до попа благословитьця,
Та пійди до жида—рандара, да положь шостакъ,
щобъ позволивъ церкву отчинити,
Тую дитину охристити.
Ище жъ то которому бъ то козаку альбо мужику
давъ Богъ дитину одружити,
То нейди до попа благословитьця,
Да пойди до жида—рандара да положь битый
таляръ, щобъ позволивъ церкву отчинити,
Тую дитину одружити [2]),

---

[1]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи"..., Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи", іюль, 1866 г., стр. 420.

[2]) „Труды Кіевской Дух. Академіи", іюнь, 1872 г. стр. 535—6.

Во вторыхъ, силлабическія школьныя думы, переходя въ уста народа, подвергались тоническому размѣру чисто народныхъ пѣсенъ и соотвѣственному измѣненію въ самомъ текстѣ. Намъ неизвѣстно въ точности древнее народное тоническое стихотвореніе какъ южно-русское, такъ и сѣверно-русское [1]). Но въ общихъ чертахъ оно опредѣлялось напѣвомъ или речитативомъ, на который нанизывались ритмическія слова или тоническія стопы. Да и эти послѣднія часто нарушались прибавками междометій, повтореніями, вставками новыхъ словъ и т. п., для поддержанія пѣсеннаго склада, особенно въ тягучихъ или размашистыхъ народныхъ пѣсняхъ, какъ наприм., въ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ: *ой да*, *то*, *ли*, *ахъ*, *эхъ*, *ужь*, *какъ* и т. п. Подобное замѣчается и въ малорусскихъ народныхъ думахъ, какъ напр., въ приведенномъ отрывкѣ изъ „думы о жидовскихъ откупахъ“. Здѣсь можно считать прибавочными частицы: *то*, *бъ*, *да*, *та* и др.

Во всякомъ случаѣ, малорусскія народныя думы даже въ позднѣйшихъ своихъ редакціяхъ и записяхъ еще носятъ на себѣ слѣды воздѣйствія на нихъ школьныхъ силлабическихъ виршей, хотя, въ свою очередь, и подчинили эти послѣднія своему тоническому складу. „Народный стихъ не только сообщаетъ силлабическому нѣкоторую правильность удареній, но и въ свою очередь заимствуетъ у него равносложность, риѳму и основные типы стиха, наиболѣе

---

[1]) Древнѣйшимъ славянскимъ стихосложеніемъ считаютъ десятисложный стихъ съ двумя удареніями. См. „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, П. И. Житецкаго, Кіевъ, 1876 г., стр. 289. Намъ кажется, что его можно подвести подъ нормы нынѣшняго тоническаго стихосложенія и признать основнымъ древнѣйшимъ размѣромъ двойной амфибрахій, т. е. стопу изъ пяти слоговъ, съ удареніемъ на среднемъ слогѣ, какъ напр., въ великорусской пѣснѣ:

Ужъ какъ пáлъ туманъ || на сырý землю,
А злодѣ́й тоска || въ ретивó сердце.

употребительные у авторовъ силлабическихъ стихотвореній". По мнѣнію П. И. Житецкаго, малорусскія думы „представляютъ оригинальный плодъ народно-культурнаго творчества", народный по міровоззрѣнію и языку и книжный „по особенному складу мысли, по способамъ ея развитія и выраженія" [1]). Подъ вліяніемъ „языка думъ установился украинскій говоръ, который, сравнительно съ другими малорусскими говорами, не представляетъ отклоненій даже въ средней стадіи малорусскаго нарѣчія. Это—вполнѣ цѣльный и строго выдержанный говоръ съ весьма незначительными звуковыми колебаніями и разнорѣчіями" [2]).

Къ концу XVII вѣка замираетъ творчество малорусскихъ народныхъ думъ. Въ XVIII столѣтіи только Палѣй съ Мазепою—послѣ Полтавской побѣды, да Желѣзнякъ послѣ Коліивщины (1768 г.) отозвались слабо въ малорусскихъ думахъ [3]). Позднѣйшимъ отзвукомъ ихъ служитъ пѣсня послѣдняго кошеваго Запорожскаго Кальнаша или Кальнишевскаго о Чайкѣ:

Ой, біда, біда чайці небозі,
Що вывіла дітей при дорозі, и проч.

Но и эта пѣсня есть не что иное, какъ передѣлка одной чумацкой пѣсни или поддѣлка подъ нее [4]).

Съ окончаніемъ казацкихъ войнъ за освобожденіе Малороссіи отъ польскаго ига, Кіевъ и лѣвобережная Украина оказались подъ властію единовѣрнаго Московскаго государ-

---

[1]) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы", В. Н. Перетца, т. Ш. С.-Петербургъ, 1902 г., стр. 424 и 15.

[2]) „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія", П. И. Житецкаго, Кіевъ, 1876 г., стр. 291.

[3]) „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича", т. П. Кіевъ, 1877 г., стр. 460.

[4]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVШ в.", Н. Петрова. Кіевъ, 1880 г., стр. 21.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.

ства, а правобережная Украина, кромѣ Кіева съ небольшимъ округомъ, совершенно подавлена была Польшею, и во всякомъ случаѣ закрыто было поле для военныхъ подвиговъ казаковъ за родину. Но духовная жизнь Малороссіи все-таки не замерла, и если не отражалась болѣе въ народныхъ казацкихъ думахъ, то избрала для своего выраженія другіе пути, болѣе соотвѣтствовавшіе ея тогдашнему политическому положенію. Въ это время образованные малороссы углубляются въ свое чувство и даютъ особое развитіе лирической поэзіи, а въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ или воспоминаютъ свое славное прошлое, или прославляютъ русскихъ царей, болѣе или менѣе благоволившихъ къ малорусскому народу, или же въ комическихъ интерлюдіяхъ изображаютъ внутреннія взаимоотношенія различныхъ слоевъ малорусскаго населенія. Эти виды поэтическихъ произведеній, т. е. лирика и драма, и получаютъ теперь особое развитіе и оживленіе, чему не мало содѣйствовало возрожденіе классицизма на малорусской почвѣ съ начала XVIII вѣка, или со времени Ѳеофана Прокоповича.

По школьнымъ піитическимъ правиламъ, лирика раздѣлялась на гимны въ честь Бога и святыхъ его, элегіи печальнаго содержанія и характера и привѣтственныя оды на разныя событія личной, семейной и общественной жизни. Всѣ эти виды лирики имѣли въ XVII вѣкѣ преобладающій религіозный или вообще духовный характеръ, но съ начала XVIII вѣка элегія съ любовною пѣснею и ода получаютъ мало по малу, подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ, и свѣтскій характеръ [1]).

Школьные гимны въ честь Бога и святыхъ его появились и развивались въ Кіевской Академіи не безъ вліянія

---

[1]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“, январь, 1867 г., стр. 83 и сл.

польско-католическихъ образцовъ. Такъ, напримѣръ, въ „Комедіи на Рождество Христово“, приписываемой св. Димитрію Ростовскому, помѣщенъ одинъ гимнъ или кантъ, начинающійся такимъ образомъ:

Ангелъ пастырямъ вѣстилъ:
Христосъ ся вамъ днесь родилъ
Въ Виѳлеемѣ, градѣ Давидовомъ,
Въ колѣнѣ Іудовомъ
Отъ дѣвы Маріи.

Но этотъ кантъ представляетъ изъ себя, по крайней мѣрѣ въ начальныхъ своихъ строфахъ, буквальный переводъ одной польской рождественской „пѣсни набожной“ [1]). Съ теченіемъ времени являются и болѣе или менѣе самостоятельные гимны Кіевскихъ ученыхъ на разные церковные праздники, напр. на Рождество Христово и Пасху, на Покровъ Богородицы, „О иконѣ чудотворной Ильинской Черниговской“, и др. [2]) Такимъ образомъ накопился въ послѣдствіи времени большой запасъ духовныхъ кантовъ или псальмъ, распѣвавшихся на югѣ Россіи „старцями“, т. е. нищими, а на сѣверѣ Россіи „калѣками перехожими“. Этотъ запасъ отчасти собранъ и въ уніатскомъ Почаевскомъ „Богогласникѣ“ 1825 года, не пренебрегавшемъ и православными авторами, и въ обширномъ изданіи Безсонова „Калѣки перехожіе“.

Близко граничитъ съ гимномъ другой видъ лирической поэзіи элегія, которая первоначально служила въ Кіевской Академіи формою для изліянія скорбнаго религіознаго чувства. Таковы элегіи о страданіяхъ Спасителя, всемірномъ потопѣ, смерти, послѣднемъ судѣ и т. п. [3]). Но съ

---

[1]) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н. Перетца, т. I. С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 169—175.

[2]) „О словесныхъ наукахъ и литер. занятіяхъ“..., Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, январь, 1867 г., стр. 87.

[3]) Тамъ же, стр. 94 и слѣд.

конца XVII вѣка школьныя элегіи, не теряя своего религіознаго тона, стали примѣняться и къ малорусской простонародной жизни. Отчаявшись въ успѣхѣ борьбы за свое существованіе и родину, малороссы естественно обратились къ Богу, плодомъ чего былъ цѣлый рядъ малорусскихъ элегій школьнаго происхожденія, полу-религіозныхъ, полувоенныхъ, и даже соціально-общественныхъ крестьянскихъ. Старѣйшія извѣстныя доселѣ записи такихъ элегій относятся къ 1713-му году. Въ одной изъ этихъ элегій говорится:

Ой, коли бъ знали
И коли бъ вѣдали,
Якъ у пекли лиха доля
Тотчасъ пошли бы мы
Гдѣ до монастыра
За грѣхи Бога прохати.
Всіогды въ пекли бути,
Всіогды съ бисомъ жити—
О проклятая доля!
Воливъ бы не знати
Батька а ни мати,
Нижъ въ пеклѣ пробывати.
Бо коли дорога
До неба у Бога
Святого намъ завинетъ,
Всяя наша справа
И казацка слава
Змѣнится на погибель

Элегія заканчивается такими словами:

Ей братя казаки,
Славныи юнаки!
Коли часъ поправьмося.
Мати Украина
Козацкого сына
На славу породила.
Не гиньмы ж якъ мухи
И дурни и плюхи,
Мѣрне будемъ служити.

Другая пѣсня, повидимому крестьянская, говоритъ:

Бывало лиха много на свѣти,
Студено въ зимѣ, гарачо въ лѣти.
Гольта усюгды гроши не маетъ,
А панамъ що день пакъ прибываець...
А што жъ дѣлати з лихомъ негожимъ?
Мусимъ терпѣти, коли не зможемъ...
Глянемъ,—на однимъ сорочки пусто,
На другомъ свиты шовковой густо;
Одинъ и хлѣба крошки не маетъ,
Другій пероги прочь одкидаетъ.
О такъ на свити всіогды церпити;
Гараздъ не гараздъ што жъ з тымъ радити?

Остается единственнымъ утѣшеніемъ надежда на будущее.

Чомъ ся ты молойче журишъ,
Чомъ собѣ головоньку трудишъ?
Ой, покинь, покинь тужити,
Почнемо Бога ся молити.
Бѣсъ бѣду лихую збуде,
Што жъ буде, то десеть на буде...
Ту правда, каждого вика
Безъ смутку нема чловика.
Не всіогды зима бывае,
По ночи дзень наступае.
Не всіогды пѣруны біютъ,
И вѣтры зимные віютъ;
На весну клёнъ заквитае,
Хочъ въ осень листъ опадае...
Хочъ нива пашни не родитъ,
Хочъ осмакъ з мошны выходитъ,—
Не то панъ што гроши маетъ,
Але то, што Бога знаетъ.
Богъ долю беретъ и даетъ,
Богъ людзіомъ все удѣляетъ,
Часто быва, што рано плаче,
А въ вечоръ весёло скаче.

Ой, покинь, покинь тужити,
Зачнемо Господа хвалити! [1]).

Съ начала XVIII вѣка стала появляться въ записяхъ и чисто свѣтская малорусская пѣсня школьнаго происхожденія. Ближайшею причиною этого мы считаемъ обращеніе Кіевскихъ ученыхъ къ образцамъ классической лирики. Ѳ. Прокоповичъ описалъ бѣгство Алексѣя человѣка Божія съ брачнаго пира тѣми же стихами, какими Овидій описалъ свою ссылку въ первой книгѣ Tristium, eleg. 3. Онъ же переложилъ 7-ю элегію Овидія въ славяно-русскіе стихи. Указаніе же на классическіе образцы лирики, подражаніе имъ и переводы на русскій языкъ не могли не сообщить школьной лирикѣ свѣтскаго колорита [2]). Въ этомъ отношеніи небезъинтересно стихотвореніе самого Ѳ. Прокоповича подъ заглавіемъ „Плачетъ пастушокъ о долгомъ несчастіи“, такъ какъ оно развиваетъ мысль послѣдняго изъ приведенныхъ элегическихъ отрывковъ о надеждѣ въ будущемъ на лучшія времена и въ этомъ отношеніи представляетъ переходную ступень отъ элегій XVII вѣка къ позднѣйшимъ свѣтскимъ лирическимъ произведеніямъ. Здѣсь говорится:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ?
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,
Все ненастье;
Нѣтъ и надежды,—о многобѣдно
Мое счастье!

---

[1]) „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, 1901 г., кн. 2, стр. 71—82.

[2]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“..., Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, январь, 1867 г., стр. 100—1.

Хотя жъ малую явитъ отраду
И поманитъ
И будто нѣчто польготитъ стаду,
Да обманетъ.
Дрожу подъ дубомъ, съ крайнимъ гладомъ
Овцы таютъ
И уже весма мокротнымъ хладомъ
Исчезаютъ.
Прошелъ день пятый, а водъ дождевныхъ
Нѣтъ отмѣны;
Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ
И кручины.
Потщися, Боже, насъ свободити
Отъ печали!
Наши насъ дѣды къ тебѣ вопити
Научали.

Но тогда какъ эти „дѣды“, т. е. предшественники Ѳ. Прокоповича, „вопіяли“ къ Богу о житейской нуждѣ и молились объ избавленіи отъ нея, Ѳ. Прокоповичъ груститъ въ ожиданіи красныхъ дней для представителей науки и образованности въ Россіи, осиротѣвшей послѣ смерти Петра Великаго [1]).

Другой изъ представителей возрожденія классицизма въ Южной Россіи извѣстный философъ Григорій Савичъ Сковорода писалъ также и вирши, и при томъ иногда вирши элегическаго характера. Его стихотворенія пользовались въ Малороссіи большою популярностію, а особенно двѣ его пѣсни „Всякому городу нравъ и права“ и „Ахъ ушли мои лѣта якъ вихръ съ круга свѣта“. И хотъ онѣ написаны были книжнымъ южнорусскимъ языкомъ, но попавъ въ народное обращеніе, приняли съ теченіемъ времени сильную малорусскую окраску, доселѣ распѣваются въ Малороссіи „старцами“, т. е. нищими, и первая изъ нихъ вошла

---

[1]) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н. Перетца, т. I. С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 244—6

даже въ собраніе галицкихъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска и Жеготы Паули, безъ сознанія самихъ собирателей, что эта пѣсня сочинена Сковородою [1]).

Но ни у Ѳ. Прокоповича, ни у Гр. С. Сковороды, какъ людей, отрѣшенныхъ отъ семейной жизни и треволненій любви, нѣтъ даже и зародыша любовной пѣсни, не смотря на то, что эти образованные люди знакомы были съ классическими образцами любовной лирики. Напротивъ, у Ѳ. Прокоповича есть даже предостереженіе юношѣ всячески беречься общенія съ женщинами:

Конверсацій женъ прилежно блюдися
И разговоровъ съ ними бѣгай, бережися.
Да не смотриши на ня, буди встанливѣйшій!
Течетъ оттуда въ душу эхидны ядъ злѣйшій,
И до сердца проходя разлитый во члены,
Всю красоту душъ губитъ тотъ пламень геенны.
Иль кратка, иль ниедина рѣчь ти съ ними буди,
Бо и тутъ Плютоновы поджоги жгутъ уди [2]).

Но представители свѣтскаго юношества, получившіе школьное образованіе, не боялись упиваться этимъ ядомъ любви и даже воспѣвали его въ своихъ любовныхъ пѣсенкахъ. Изъ такихъ лицъ мы укажемъ на казаковъ Климовскаго и Захарію Дзюбаревича.

Украинскій казакъ Климовскій въ началѣ XVIII вѣка написалъ извѣстную малорусскую пѣсню „Іхавъ козакъ за Дунай“, и доселѣ распѣваемую въ Малороссіи [3]).

Между 1722—1730 годами казакъ Гадяцкаго полка Захарія Дзюбаревичъ составилъ Сборникъ пѣсенъ, между

---

[1]) Тамъ же, стр. 237—8; мои „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка“. Кіевъ, 1880 г., стр. 19.

[2]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“..., Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, январь, 1867 г., стр. 103.

[3]) „Старосвѣтскій Бандуриста“, Н. В. Закревскаго, 1860 г., стр. 31—2.

которыми есть нѣсколько пѣсенъ и его личнаго творчества. Это—пѣсни о разлукѣ съ милой и о жизни его на чужбинѣ. Въ одной пѣснѣ авторъ говоритъ:

...Дивчинонько мое сердце...
...Тяжко, нудно мнѣ безъ тебе...
...Исти пити не озмуся
Слезоньками обиллюся.
...Любивъ—кохавъ я тебе...
А теперъ я отхожу
И въ дорогу прохожу...
Лице свое смутное отираю,
А плачучи промовляю
И самъ себе проклинаю, и проч.

На чужбинѣ авторъ стосковался по своей родинѣ, по отцу—матери, по роднымъ братьямъ:

И они тежъ не знаютъ,
Якъ я бидный погибаю;
Ни о себѣ знати не даютъ,
Чи всѣ живи пребываютъ.

Всѣхъ ихъ онъ оставилъ въ живыхъ, а теперь слышитъ—они преставились. И эта мысль не даетъ ему покоя:

А чужина не всѣмъ сладка,
Лечъ мнѣ бѣдну барзе горка:
Лучше бъ ей не знати,
Нежели теперь погибати.

На чужбину эту авторъ, по всей вѣроятности, отправился въ Дербентскій походъ 1722 года, о которомъ въ его сборникѣ записана особая псальма [1]).

Къ половинѣ XVIII вѣка любовныя пѣсни получили на югѣ Россіи широкое распространеніе, воспринявъ въ себя и грубый, чувственный, плотской элементъ, и потребовали особаго, спеціальнаго обличенія. Въ своей трагедокомедіи о тщетѣ міра сего, составленной въ Кіевской Академіи около

---

[1]) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы", В. Н. Перетца, т. I. С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 217—222.

1742 года, авторъ ея іеромонахъ Варлаамъ Лащевскій говоритъ слѣдующее:

Видѣть безъ слезъ немощно, что глаголы жизны
Нынѣшній вѣкъ приведе въ конецъ укоризны!
Елико кощунствуютъ кощуны безстудны,
Гдѣ канты слагаютъ, гдѣ комплементы блудны,
Матерія съ писаній кощунамъ готова,
Въ кантахъ студныхъ начало отъ Божіяго слова [1]).

Что любовныя, иногда даже и срамныя, неприличныя пѣсни получили въ XVIII вѣкѣ широкое распространеніе не только на югѣ, но и на сѣверѣ Россіи, это въ настоящее время не требуетъ особыхъ доказательствъ. Мы имѣемъ ихъ множество какъ въ южнорусскихъ, такъ и въ сѣверноруссскихъ записяхъ ихъ XVIII и XIX столѣтій. Такъ напримѣръ, въ одномъ сборникѣ „Пѣсенъ набожныхъ“ 1718—1727 гг., составленномъ въ школѣ Леонтіемъ Родичемъ Ягелницкимъ и Павломъ Гриневичемъ, записано 83 пѣсни, изъ коихъ 23—свѣтскія пѣсни, большею частію любовнаго и вольнаго содержанія, преимущественно заимствованныя у поляковъ [2]). Значительное число подобныхъ любовныхъ пѣсенъ попало даже въ позднѣйшіе сборники малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, каковы, напр., „Вжинокъ рідного поля“ Н. Гатцука, 1857 г., „Старосвѣтскій Бандуриста“ Н. В. Закревскаго, 1860 г., „Сборникъ Малорусскихъ любовныхъ пѣсенъ“ Лавренка, 1864 г., и др. Школьное происхожденіе ихъ узнается по относительной правильности силлабическаго стихосложенія, по опредѣленному количеству слоговъ въ каждомъ стихѣ, по риѳмѣ, цезурѣ и т. п. [3]).

Изъ Малороссіи подобныя любовныя пѣсни очень рано перешли съ одной стороны въ нынѣшнюю Галицію, Угор-

---

[1]) Тамъ же, стр. 264—5.

[2]) Тамъ же, стр. 212—5.

[3]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, Н. Петрова. Кіевъ, 1880 г., стр. 20—1.

скую Русь и Буковину, гдѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка занесены въ сборники народныхъ пѣсенъ Е. В. Головацкимъ, Г. Купчанко и А. Лоначевскимъ, а съ другой—въ сѣверную Россію, и произвели здѣсь довольно раннія подражанія и передѣлки. Въ половинѣ прошлаго столѣтія между костромскими семинаристами въ ходу были пѣсни малорусскаго происхожденія, попадающіяся и въ Буковинѣ, какъ напр. пѣсни: „Ай во полѣ, полѣ стояла береза", „Ой за гаемъ—гаемъ, гаемъ зелененькимъ", „Ой полола горлица лебеду—лебеду", „Звелѣла мнѣ мати зеленъ ячмень жати" и др. Эти и подобныя пѣсни могли проникнуть на сѣверъ Россіи или непосредственно чрезъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, переселявшихся на сѣверъ Россіи не только на учительскія должности, но иногда и въ качествѣ учениковъ (наприм., въ Московскую Академію), или же чрезъ посредство рукописныхъ и печатныхъ пѣсенниковъ, напр. Чулкова, Новикова и др., въ которые нерѣдко заносились и малорусскія пѣсни [1]).

Но, переселяясь на сѣверъ Россіи и оказывая здѣсь извѣстное вліяніе, малорусская любовная пѣсня съ теченіемъ времени и сама стала подчиняться сѣвернорусской лирикѣ, послѣ того, какъ эта послѣдняя стала принимать болѣе или менѣе художественныя формы. Извѣстны южнорусскія школьныя вирши священника Гр. Лютенскаго (т. е. села Лютенки), записанныя имъ въ 1760-хъ годахъ. Въ числѣ ихъ есть пѣсенка:

Не прельщай меня, драгая,
И не кажись моимъ глазамъ, и проч.

Пѣсенка эта сдѣлалась ходячею въ извѣстныхъ кругахъ малорусскаго Общества и въ „Москалѣ Чарівникѣ"

---

[1]) О сборникахъ пѣсенъ см. „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы". В. Н. Перетца, т. I, стр. 292 и сл.

И. П. Котляревскаго влагается въ уста ловеласа Финтика [1]). А между тѣмъ оказывается, что эта пѣсня принадлежитъ Сумарокову и только искажена малороссами до неузнаваемости [2]).

Послѣдній изъ намѣченныхъ нами видовъ школьной лирики есть ода, подъ которою разумѣлись привѣтственные стихи на разные праздники и торжества, съ обращеніемъ къ слушателямъ [3]). Таковы особенно поздравительные стихи на Пасху и Рождество, замѣнившіе собою прежнія „колядныя“ и „волочебныя“ пѣсни или принаравливавшіеся къ нимъ. Эти стихи получили литературную форму и отдѣлку не безъ вліянія латинопольскихъ образцовъ. Въ одномъ изъ старѣйшихъ стиховъ на Пасху, въ записи 1604 года, мы читаемъ слѣдующее:

Нынѣ веселый намъ день насталъ,
Ижъ Христосъ есть отъ мертвыхъ всталъ.
Веселимся, христіанстіи людіе,
Ижъ намъ пришло избавленіе,
Вызнаваемо сотворителя,
Пеклу побидителя.
Стеръ врата пекелныя,
А насъ просвѣтилъ темныя
Отецъ нашъ свободитель,
А насъ грѣшныхъ откупитель, и проч.

Но это русское стихотвореніе представляетъ значительное сходство съ современными ему польскими стихотвореніями, которыя даже и начинаются такими же словами:

---

[1]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“. Н. Петрова. Кіевъ, 1880 г., стр. 20.

[2]) „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1903 г. кн. 1, стр. 98—103.

[3]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіев. Академіи“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, январь, 1867 г., стр. 90—1.

Wesoly nam dzień nastał [1]). Развиваясь далѣе на южнорусской почвѣ, подобныя поздравительныя вирши или оды получаютъ съ 40-хъ годовъ XVIII вѣка особенный простонародный юмористическій тонъ и колоритъ, изображая священные предметы и событія подъ угломъ зрѣнія малорусскаго простолюдина, въ его бытовой обстановкѣ и его же собственнымъ простонароднымъ языкомъ. Изъ такихъ виршъ укажемъ на болѣе характерныя, каковы напр., „Вирша, говоренная запорожцами на свѣтлый Воскресенія Христова праздникъ“ (нач.: „Христосъ воскресъ, радъ міръ увесь, дождали Божой ласки“) [2]); 2) „Вирша на Велыкъ-день“ (нач.: „Кажуть, буцимъ молодици-негодяйки, ледащыци“); 3) Рождественская вирша (нач.: „Христосъ родився, міръ взвеселився“) [3]) и 4) „Рождественская же вирша“ (нач.: „Христосъ народывся, щобъ мыръ звеселывся“ [4]). Всѣ онѣ писаны болѣе или менѣе правильными силлабическими стихами и тѣмъ обнаруживаютъ свое школьное происхожденіе. Но, что особенно для насъ важно, въ составленіи такихъ виршъ принимали видное и, можетъ быть, главное и первенствующее участіе воспитанники Кіевской Академіи. Особенно это нужно сказать о „виршѣ, говоренной гетману Запорожцами на свѣтлый Воскресенія Христова праздникъ“.

---

[1]) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н. Перетца, т. I, стр. 86—92.

[2]) Сводный текстъ ея, въ основу котораго положенъ списокъ Н. В. Гоголя, изданъ въ „Кіевской Старинѣ“ за апрѣль 1882 г., а варіанты ея—тамъ же, за сентябрь 1882 г., и въ 7 № „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1877 г., стр. 206—8. Доселѣ неиздана старѣйшая Запись ея 1795 года, о которой см. „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, т. II. Москва, 1897 г., № 78, стр. 35.

[3]) „Кіев. Старина“, декабрь, 1882 г., стр. 624—6.

[4]) Обѣ послѣднія вирши изданы въ „Кіевской Старинѣ“, январь—мартъ, 1888 г., стр. 271—282.

Общее содержаніе вирши—слѣдующее. Въ началѣ вирши авторъ описываетъ розговѣнье и пасхальное веселіе православнаго народа и затѣмъ разъясняетъ причины этого веселія, заключающіяся въ побѣдѣ воскресшаго Спасителя надъ Сатаной, Адомъ и Смертію, въ обращеніи ихъ въ постыдное бѣгство и въ освобожденіи праведниковъ изъ Ада. Въ числѣ праведниковъ находятся и олицетворяемые народною фантазіею дни недѣли св. Пятница и Понедѣльникъ. Освобождаемые изъ Ада ветхозавѣтные праведники радостно бѣгутъ изъ него, куда попало, напрягая послѣднія свои силы, истощенныя адскими мученіями, и оставляя за собою слѣды разрушенія своихъ прежнихъ адскихъ жилищъ. Вирша заканчивается такими словами:

Адаме, грай! отпертый рай, иди поспѣшайся!
Райскимъ плодомъ зо всѣмъ родомъ радъ будь, утѣшайся!
Веди всѣхъ урядъ у райскій садъ яблоукъ збирати!
Ужъ отъ древа уже Ева не буде вмирати.

Для полнаго представленія о содержаніи этой вирши, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ старѣйшей записи ея 1795 года о послѣдней судьбѣ Іуды Предателя, доселѣ неизданный и какъ бы цѣликомъ выхваченный изъ западныхъ легендъ о вѣчномъ жидѣ.

А сей Юда с того зъюродився якъ макуха,
То синѣе, то краснѣе, бо бере сокруха.
Вельми сей злякъ, и мѣхъ заклякъ зъ грошима за плечима.
За его грѣхъ той клятій мѣхъ усе передъ очима:
Въ землю вкопавъ, щобъ михъ пропавъ,—та окаменѣла;
Посохъ тамъ цвѣтъ, и травы нѣтъ,—большъ не зеленѣла;
Въ водѣ рыбу михъ изъ глибу роспужавъ и раки;
Вырнувъ злій духъ изъ воды сухъ, до Юди и паки;
Злую мару пѣкъ у жару,—такъ не загорѣвся;
Мѣцно пошитъ, чортомъ подбитъ, що й не розидрався;
Зъ огню с печи опять на плечи берется на Юду,
Из тѣмъ мѣшкомъ ходитъ пѣшкомъ у пеклѣ повсюду.
Такъ Бѣгъ повелѣвъ, щобъ мѣхъ не тлѣвъ до страшного суду [1]).

[1]) „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. II. Москва, 1897 г., № 78, стр. 35.

О происхожденіи этихъ виршей мы имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство бывшаго воспитанника Кіевской Академіи Аѳанасія Кирилловича Лобысевича, который въ 1794 году письмомъ просилъ преосвященнаго Георгія Конисскаго выслать ему, для изданія въ свѣтъ, интерлюдіи къ его трагедокомедіи „о воскресеніи мертвыхъ“ 1746 года, писанныя или самимъ Георгіемъ Конисскимъ, „или славнымъ Танскимъ, природнымъ стихотворцемъ, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ... Я помню нѣкоторые стихи,—пишетъ Лобысевичъ,—описаніе Великодня, бѣгство сатаны и смерти, смерть Іуды: прекрасныя описанія“ [1]). Но интерлюдіи къ пьесѣ Г. Конисскаго „о воскресеніи мертвыхъ“ теперь уже извѣстны,—и въ нихъ нѣтъ ничего подобнаго ни описанію Великодня, ни бѣгству сатаны и смерти, ни смерти Іуды [2]); а между тѣмъ всѣ эти подробности находятся въ интересующей насъ пасхальной виршѣ, которую, очевидно, Аѳ. Кир. Лобысевичъ и смѣшалъ съ интерлюдіями къ пьесѣ Г. Конисскаго „о воскресеніи мертвыхъ“. Да и самъ Лобысевичъ въ письмѣ къ Г. Конисскому имѣетъ въ виду не сценическое представленіе событій, а только ихъ „описаніе“, которое опять-таки соотвѣтствуетъ описательному характеру данной вирши. Это смѣшеніе вирши съ интерлюдіями важно для насъ въ томъ отношеніи, что можетъ свидѣтельствовать о внутренней, можетъ быть генетической связи вирши съ интерлюдіями вообще: она есть не что иное, какъ примѣненіе правилъ и пріемовъ комическихъ интерлюдій къ праздничнымъ поздравленіямъ, и можетъ быть названа драматизированною виршею.

---

[1]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I. ч. 1. Кіевъ, 1904 г., стр. 385 и сл., и ч. 2, стр. 431.

[2]) Изд. въ „Древней и новой Россіи“, за ноябрь, 1878 г.

Кѣмъ сочинена эта вирша, Г. Конисскимъ, или Танскимъ,—въ существѣ дѣла для насъ безразлично: во всякомъ случаѣ, она вышла изъ Кіевской Академіи. Но если принять во вниманіе, что въ виршѣ есть непристойности, неприличныя духовному сану Г. Конисскаго; то слѣдуетъ предположить, что пьеса сочинена Танскимъ, „природнымъ стихотворцемъ, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ". Вѣроятно, онъ принадлежалъ къ роду тѣхъ Танскихъ, изъ котораго происходила прабабушка нашего великаго писателя Н. В. Гоголя, жена Семена Лизогуба [1]).

Впрочемъ, если пасхальная вирша и сочинена Танскимъ, то не безъ сильнаго вліянія Г. Конисскаго на техническую обработку или форму ея. Вирша написана двойными леонинскими стихами, въ которыхъ, по правиламъ піитики Г. Конисскаго, каждый стихъ, риѳмуясь съ сосѣднимъ стихомъ, раздѣлялся на два полустишія, а первое полустишіе, въ свою очередь, дѣлилось цезурою на двѣ части, оканчивающіяся одинаковою риѳмою. Таковы стихи самого Г. Конисскаго въ его піитикѣ 1745—6 года на тему „Чистое сердце есть сѣдалище Св. Духа":

Чиста птица Голубица Таковъ нравъ имѣетъ:
Буде мѣсто Гдѣ нечисто, Тамо не почіетъ,
Но гдѣ травы И дубравы И сѣнь есть отъ зноя,
То прилично, То обычно Мѣсто ей покоя, и проч.

Здѣсь въ каждомъ стихѣ помѣщено по три риѳмы, требовавшія по крайней мѣрѣ по шести созвучныхъ слоговъ, расположенныхъ на опредѣленномъ мѣстѣ и приближающихъ силлабическій леонинскій стихъ къ тоническому стиху. Разрабатывая этотъ леонинскій стихъ, Г. Конисскій, по видимому, хотѣлъ объяснить имъ происхожденіе и тоническаго стиха Ломоносова или, по крайней мѣрѣ, найти

---

[1]) „Изъ семейной хроники Гоголей", подъ редакціей В. А. Чаговца. Кіевъ, 1909 г., стр. 36 и 69.

точки соприкосновенія между прежнимъ силлабическимъ и новымъ тоническимъ русскимъ стихосложеніемъ [1]). Вотъ этимъ-то двойнымъ леонинскимъ стихомъ и написана пасхальная вирша Танскаго.

Такъ какъ особенное развитіе леонинскаго стиха составляетъ характеристическую особенность теоріи стихотворства въ піитикѣ Г. Конисскаго; то, слѣдовательно, написанная такими стихами пасхальная вирша не могла быть составлена раньше 1745—6 года; но она уже извѣстна была А. К. Лобысевичу, поступившему въ студенты Кіевской Академіи около 1747 года [2]). Впослѣдствіи она могла быть произнесена запорожцами передъ гетманомъ К. Г. Разумовскимъ, а, можетъ быть, и предъ нареченнымъ гетманомъ запорожскимъ Гр. Ал. Потемкинымъ, какъ гласитъ о томъ старинное преданіе [3]).

Вольное подражаніе пасхальной виршѣ Танскаго, по нашему мнѣнію, представляетъ „Вирша на Велыкъ-день“, начинающаяся словами: „кажуть, буцимь молодыци—негодяйки, ледящыцы“. Въ этой виршѣ разсказывается, что Марія (Магдалина), отправившись среди ночи на Голгоѳу ко гробу Христову, встрѣчаетъ тамъ самого Христа и получаетъ отъ Него радостную вѣсть о воскресеніи Его. Затѣмъ идетъ разсказъ о томъ, какъ Христосъ сошелъ во адъ и, побѣдивъ смерть и сатану, освободилъ оттуда ветхозавѣтныхъ праведниковъ, и какъ они, истомленные адскими муками, поспѣшно убѣгали изъ ада:

---

[1]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, іюль, 1866 г., стр. 327—9.

[2]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I, ч. 2, стр. 431.

[3]) См. „Кіевскую Старину“, апрѣль и сентябрь, 1882 года.

И далы воны изъ пекла драла.
Ева на вси жылы брала,
А Адамъ ажъ употивъ,
Попередъ усихъ летивъ.

Въ заключеніи вирши дѣлается обращеніе къ какому-то архіерею, передъ которымъ она была сказана. Записана была эта вирша въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по видимому въ Кіевѣ [1]); но варіанты ея встрѣчаются и въ бѣлорусской редакціи [2]).

Школьнымъ же происхожденіемъ и характеромъ отзываются и нѣкоторыя рождественскія вирши, написанныя совершенно въ духѣ пасхальной вирши Танскаго и даже тѣми же леонинскими стихами. Въ одной изъ этихъ рождественскихъ виршъ, записанной С. И. Пономаревымъ неизвѣстно гдѣ, сначала описывается веселое празднованіе православнымъ міромъ рождественскихъ праздниковъ. При видѣ этого веселья,—

Старенькій Бігъ На стілъ ізлігъ И самъ собі дума:
„Праздникъ душамъ, Тільки Адамъ изъ Евою рюма".

Сжалившись надъ ними, онъ посылаетъ Адаму съ архангеломъ Гавріиломъ письмо, извѣщая его о рожденіи Христа, который истребитъ Адъ, побѣдитъ Діавола и Смерть и освободитъ праотцевъ отъ адскихъ мученій. Получивъ это письмо, Адамъ повеселѣлъ и сообщилъ радостную вѣсть и своимъ потомкамъ, томившимся съ нимъ въ аду. Всѣ они загудѣли, какъ пчелы лѣтомъ, и выражали свою радость различными способами, обычными въ такихъ случаяхъ въ деревенскомъ быту, тогда какъ Діаволъ и Смерть сильно

---

[1]) „Кіевская Старина", январь—мартъ, 1888 г., стр. 279—282.

[2]) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы", В. Н. Неретца, т. I, стр. 274—5.

смутились и притихли на время. Вирша заканчивается такими словами:

Нашъ Богъ Христосъ Чортівъ, якъ осъ, Подавить ногою,
Зъ твоихъ кістокъ, Смерте, трісокъ Наробить и гною,
Всіхъ васъ у прахъ Потре и шляхъ Намъ зробить до раю.
Симъ я Христомъ, Паны, зъ різдвомъ Васъ поздравляю [1]).

Другая рождественская вирша, сводный текстъ которой изданъ В. Науменко, разсказываетъ о событіяхъ Рождества Христова въ порядкѣ евангельскихъ повѣствованій о рожденіи Спасителя, а именно о самомъ рожденіи, о поклоненіи пастырей и волхвовъ и объ избіеніи Виѳлеемскихъ младенцевъ, но съ особенною подробностію останавливается на описаніи предсмертной болѣзни Ирода и приключеній его въ аду, пользуясь для этого красками пасхальной вирши Танскаго. Эта рождественская вирша несомнѣнно искажена исполнителями или записчиками ея; но и въ настоящемъ ея видѣ мѣстами сохранилась въ ней первоначальная конструкція того леонинскаго силлабическаго стиха, какой мы видѣли въ пасхальной виршѣ Танскаго. Такъ наприм., въ отрывкѣ о пастыряхъ говорится:

Пастухи изъ степу Прыбиглы къ вертепу, Да и по
ягнятку прынеслы;
На дудкы гралы, Якои зналы, Тай знову до стада
пишлы [2]).

Заканчивая этимъ рѣчь свою о Кіевской школьной лирикѣ, мы обратимся теперь къ Кіевской школьной драмѣ, которая составитъ центральный пунктъ нашего труда и будетъ нами разсмотрѣна съ особенною подробностію.

---

[1]) „Кіевская Старина“, декабрь, 1882 г., стр. 624—6.

[2]) Тамъ же, январь—мартъ, 1888 г., стр. 275—8. Такими же леонинскими виршами написано и стихотвореніе «Вакула Чмиръ», напечатанное при грамматикѣ малорусскаго языка Павловскаго, 1817 года.

Кіевская школьная драма.

Школьная драма появилась въ Западной Европѣ, черезъ нее перешла въ Польшу, а изъ Польши и въ юго-западную Русь.

На западѣ Европы школьной драмѣ предшествовали мистеріи священнаго характера или сценическія поясненія латинскаго богослуженія, непонятнаго народу, въ которыя мало по малу вторгался и элементъ народнаго языка и народныхъ игръ. Такія мистеріальныя представленія первоначально пріурочивались къ важнѣйшимъ праздникамъ церковнаго года, Рождеству Христову и Свѣтлому Воскресенію, а затѣмъ и къ другимъ праздникамъ и торжественнымъ случаямъ. Вытѣсненныя изъ церкви, *мистеріи* перенесены были на церковные погосты и кладбища и наконецъ вытѣснены за церковную ограду и, идя на встрѣчу запросамъ народной жизни и сближаясь и переплетаясь съ нею, разнообразились въ своемъ составѣ и характерѣ. Если мистерія имѣла своимъ предметомъ прославленіе жизни, дѣяній и чудесъ святыхъ, наиболѣе популярныхъ въ народѣ, то получала названіе мистеріи чудесъ или *миракле́й* (Miracle-plays), имѣющей сродство съ духовными стихами и лубочной литературой житій Развитіе въ древнихъ мистеріяхъ аллегорическаго и нравоучительнаго начала содѣйствовало образованію особаго вида духовной драмы *moralité*, въ которомъ, давалось мѣсто олицетворенію отвлеченныхъ началъ наряду съ оживленными человѣческими типами: Честь, Правда, Милосердіе и т. п. получаютъ рѣшительное значеніе въ кругу лицъ, дѣйствующихъ въ духовныхъ драмахъ этого рода. Впослѣдствіи въ него проникла и политическая сатира. Если въ духовной драмѣ изображалось не одиночное событіе, а цѣлый рядъ главнѣйшихъ событій священной исто-

ріи, то такая драма получала характеръ священно-исторической хроники. Съ нею имѣютъ генетическую связь историческія драматическія произведенія, имѣющія въ виду обработку событій всеобщей или отечественной исторіи, съ постояннымъ присутствіемъ въ нихъ божественнаго участія и вообще духовнаго начала. Эти главные типы мистеріальной драмы, развиваясь внѣ церкви, долго, однако же, помнили свою историческую связь съ нею и удерживали ее въ трехъярусномъ устройствѣ мистеріальной сцены, дѣлившейся на землю, рай и адъ, причемъ рай, назначавшійся для изображенія священныхъ мѣстъ и событій, помѣщался въ самой церкви, а остальное дѣйствіе совершалось въ церковной оградѣ.

За священной мистеріей съ ея видами слѣдовало въ исторіи западно европейскаго театра возрожденіе классицизма, имѣвшее нѣсколько стадій или эпохъ въ своемъ развитіи. Оно началось въ Италіи и выразилось здѣсь подражаніями итальянскихъ комиковъ XIV и XV вв. римскимъ комедіямъ Плавта и Теренція, но особенно упрочилось въ Германіи, нашедши себѣ пріютъ въ школахъ. Здѣсь христіанское юношество, въ видахъ упражненія въ латинскомъ разговорѣ, стало изучать и разыгрывать классическія комедіи, особенно комедіи Теренція и Плавта, которыя затѣмъ, внѣ школы, стали переводиться и на народный языкъ и и служить предметомъ для подражаній на отечественномъ языкѣ. Съ появленіемъ реформаціи Лютера, эта школьная драма стала ареною борьбы между реформаціею и католическою церковію. Обѣ стороны ревностно пользовались подмостками для своихъ полемическихъ цѣлей, и католическіе писатели въ своихъ пьесахъ такъ же рѣзко декламировали противъ Лютера, какъ лютеране—противъ папы.

Видную роль въ этой борьбѣ, по крайней мѣрѣ въ католическихъ странахъ, сыгралъ іезуитскій орденъ. Въ числѣ

важнѣйшихъ своихъ задачъ онъ поставилъ борьбу съ врагами римской церкви, всегда и вездѣ стремился захватить въ свои руки образованіе высшихъ классовъ общества и однимъ изъ средствъ для своей пропаганды сдѣлалъ школьную драму. Обычай сочинять и разыгрывать латинскія пьесы, явившійся первоначально у протестантовъ, скоро перенимается іезуитами. Но послѣдніе съ самаго начала имѣли въ виду обученіе не одной только латинской фразеологіи, но и извѣстнымъ идеямъ, а потому не признавали никакой пользы въ разучиваніи комедій Теренція или Плавта и въ своихъ коллегіяхъ заставляли учениковъ разыгрывать только пьесы, сочиняемыя *ad hoc* самими преподавателями, обставляя выполненіе такихъ пьесъ небывалою пышностію. Заимствовавъ внѣшнюю форму отъ древнеклассическихъ комедій и вообще драмъ, іезуиты ограничили содержаніе этихъ пьесъ сюжетами священными и благочестивыми, въ родѣ прежнихъ мистерій, мираклей и moralité; но при этомъ дали широкій просторъ всякаго рода символамъ и аллегоріямъ, и въ своихъ дѣйствахъ выводили на сцену, рядомъ съ христіанскими ангелами и святыми, божества языческаго Олимпа, олицетворенія добродѣтелей и пороковъ, церкви и государства, частей свѣта, морей, рѣкъ, городовъ и проч. Особенно любимыми олицетвореніями были человѣческая природа (Natura humana) и душа (Anima), встрѣчающіяся въ очень многихъ пьесахъ. Иногда въ пьесѣ вводился своего рода параллелизмъ библейскихъ событій съ миѳологическими картинами; подобный параллелизмъ часто примѣнялся къ поясненію новозавѣтныхъ событій ветхозавѣтными, какъ прообразами ихъ. Для снисканія покровительства и милости у императоровъ, владѣтельныхъ князей и архіепископовъ, іезуиты устраивали такъ называемые *ludi caesarei* панегирическаго характера, отличавшіеся особеннымъ блескомъ и пышностію постановки.

Польская драма проходила тѣ же стадіи развитія, какія и западно-европейская, служившая для нея образцомъ,

Она началась съ драматизированныхъ церковныхъ обрядовъ и перешла къ литургической драмѣ и мистеріи, а эта послѣдняя испытывала всѣ тѣ перемѣны, какія совершались и въ западной драмѣ. Подъ давленіемъ формальныхъ запрещеній литургическихъ мистерій папами и духовными властями, издававшихся съ XII и до начала XVII вѣка, драматическія представленія въ Польшѣ переселяются изъ церквей на кладбища и въ стѣны училищъ и превращаются въ зрѣлища полу-духовныя, полу-свѣтскія; въ важные сюжеты вставляемы были обыкновенно забавныя интермедіи. Однимъ изъ наиболѣе полныхъ видоизмѣненій мистеріи является *діалогъ*, имѣющій характеръ чисто коллективной мистеріи, исполненный въ 1533 году въ Краковскомъ монастырѣ Доминиканцевъ. Обнимая собою всѣ послѣдніе дни жизни Спасителя, начиная со входа во Іерусалимъ, эта пьеса отличалась огромными размѣрами и большимъ числомъ дѣйствующихъ лицъ и исполнялась въ теченіи нѣсколькихъ дней. Она носитъ уже на себѣ признаки moralité: наряду съ живыми людьми являются въ ней Милосердіе, Печаль, даже Симфонія и Эхо. Съ другой стороны, въ ней замѣтно пробивается и комическій народный элементъ, получившій въ XVI вѣкѣ особенное развитіе и во вставочныхъ комическихъ народныхъ интерлюдіяхъ къ мистеріямъ, и въ отдѣльныхъ комическихъ пьесахъ, каковы, напримѣръ, комедія „Мясопустъ“ 1530 г., „Разговоры“ Вита Корчевскаго 1533 г. и др. Но въ XVI-мъ же вѣкѣ проглядываетъ въ польской драмѣ новое направленіе, проникшее сюда съ Запада же Европы. Оно возникло здѣсь подъ вліяніемъ возрожденія классицизма и протестантскихъ идей. Возрожденіе классицизма появилось еще въ Краковской Академіи, основанной въ 1537 году, и въ происшедшихъ отъ нея польскихъ школахъ. Въ философскомъ факультетѣ Краковской Академіи изученіе словесности и въ особенности поэзіи знакомило слушателей съ основами древне-классической драмы, счи-

тавшейся священнымъ образцомъ, и развивало подражаніе ей, стѣсняемое до нѣкоторой степени особыми условіями спеціально-богословскаго характера этого учрежденія. Но болѣе полнымъ выразителемъ идей возрожденія классицизма является Янъ Кохановскій, довершившій свое образованіе заграницей и особенно въ Италіи. Въ своей трагедіи Odprawa poslow Greckich онъ переноситъ пріемы возрожденія классицизма на родную почву, избираетъ самый сюжетъ своей трагедіи изъ древняго міра и старается придать ей какъ бы античный лоскъ. Что же касается протестантскихъ идей, то представителемъ ихъ въ Польской драмѣ является Н. Рей изъ Нагловицъ. По религіознымъ своимъ убѣжденіямъ кальвинистъ, Рей въ своей литературной дѣятельности выставляетъ на позоръ темныя стороны польской жизни и требуетъ господства справедливости и честности во всѣхъ сферахъ людской дѣятельности. Онъ — сторонникъ чисто Спартанскихъ нравовъ и требуетъ отъ своихъ соотечественниковъ гражданскихъ добродѣтелей; онъ возмущается отсутствіемъ у нихъ этихъ добродѣтелей и какъ бы въ образецъ всѣмъ пересказываетъ въ драматической формѣ библейскій разсказъ о прямодушномъ, терпѣливомъ и мудромъ Іосифѣ (прекрасномъ). Съ конца XVI вѣка іезуиты стали постепенно захватывать въ Польшѣ школьную драму въ свои руки и совершенно обезличили ее въ національномъ отношеніи, допустивъ, однако же, въ свои школьныя и публичныя пьесы элементъ комическихъ интерлюдій въ народномъ духѣ [1]). Интерлюдіи эти писались не только на поль-

[1]) „Старинный театръ въ Европѣ“, А. Веселовскаго. Москва, 1870 г., гл. 1 и 2; „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I. С.-Петербургъ, 1889 г., гл. 4; „Історія українськоі драми“, І. Стешенка, въ журналѣ „Україна“, январь—май 1907 г.; „Исторія русскаго театра“, Б. В. Варнеке, ч. I. Казань, 1908 г.; „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ“, Пыпина и Спасовича. С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 375 и слѣд.

скомъ языкѣ, но и на малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ. Таковы, напримѣръ, двѣ интерлюдіи къ трагедіи Якова Гавватовича на день усѣкновенія главы Предтечи (29 августа), представленной на ярмаркѣ въ Каменцѣ-Подольскомъ въ 1619 году. Въ этихъ интерлюдіяхъ, представленныхъ на городской площади по случаю храмоваго праздника мѣстной Предтеченской церкви, выводятся въ комическомъ видѣ мѣстные крестьяне, какъ простоватые, такъ и плутоватые, съ ихъ простонароднымъ малорусскимъ говоромъ [1]). Такова же пьеса, подъ заглавіемъ „Комунія духовна свв. Бориса и Глѣба, на актъ данная чрезъ молодежъ Коллегіума Полоцкаго іезуитскаго“, конца XVII вѣка, съ интерлюдіями въ простонародномъ духѣ, въ которыхъ выводятся на сцену кожевникъ, хлопъ, драгуны, казаки, жиды, діаволъ и др. [2]). Такъ какъ въ Полоцкѣ былъ древній русскій Борисоглѣбскій храмъ, построенный еще въ до-татарскую эпоху; то, по всей вѣроятности, и эта пьеса съ простонародными интерлюдіями представлена была въ храмовой праздникъ этой церкви, на ея погостѣ или на площади [3]).

Въ Кіевскую Коллегію школьная драма перешла непосредственно изъ Польши, подъ властію которой находилась тогда Южная Русь, и на первыхъ порахъ усвоила себѣ преимущественно іезуитскій характеръ произведеній этого рода, какъ самый современный и пользовавшійся наибольшимъ успѣхомъ въ государствѣ. Первое извѣстіе о суще-

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1883 г., № 12 и 1885 г., № 11.

[2]) Тамъ же, іюль, 1894 г.

[3]) О другихъ польско-іезуитскихъ интерлюдіяхъ въ простонародномъ духѣ см. „Исторію русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 63—70; „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, ст. В. Н. Перетца, 1905 г., кн. 1 и 2, 1907 г., кн. 3 и 4, и др.

ствованіи въ Кіевской Коллегіи школьныхъ драматическихъ представленій относится къ самымъ первымъ годамъ послѣ преобразованія Петромъ Могилою Кіево-Братской школы въ 1631 году. Въ 1676 году Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ въ письмѣ своемъ къ Мелетію Дзику писалъ о покойномъ Ѳеодосіѣ Сафоновичѣ: „когда то въ трагедіи мы вмѣстѣ играли: я—роль Іосифа, а въ Бозѣ почившій—роль Веніамина“ [1]). И если съ точностію неизвѣстны содержаніе и характеръ этой недошедшей до насъ школьной пьесы; то въ послѣдующихъ драматическихъ пьесахъ Кіевской Академіи XVII вѣка, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, мы увидимъ довольно вѣрное отраженіе польско-іезуитскихъ школьныхъ драмъ не только по содержанію и характеру, но и по сценическому выполненію.

Но съ переходомъ Кіева и доброй половины Малороссіи подъ власть Московскаго государства, устранилась необходимость рабскаго подражанія Кіевской школьной драмы польско-іезуитскимъ образцамъ и открылась возможность замѣнить эти устарѣлые образцы другими лучшими. Рѣшительный поворотъ въ этомъ направленіи совершился въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича, который, закончивъ свое образованіе въ Римѣ и воспитавшись на классическихъ образцахъ и на лучшихъ представителяхъ возрожденія классицизма и гуманизма, съ 1705 года сталъ проводить принципы возрожденія и гуманизма и въ Кіевской Академіи и положилъ начало болѣе свѣжему и жизненному направленію Кіевской школкой драмы, приближая ее къ общественной и народной жизни и къ высшимъ, духовнымъ интересамъ человѣчества. Это—второй періодъ существованія Кіевской школьной драмы, періодъ сравнительнаго процвѣтанія ея, продолжавшійся, съ незначительными отклоненіями назадъ,

[1]) „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка“, Н. Петрова. Кіевъ, 1895 г., стр. 104—5.

до конца царствованія Елизаветы Петровны или до начала царствованія Екатерины II (1762 года).

Съ царствованія Екатерины II, при развитіи сѣверорусской художественной литературы и драмы, школьная драма почти совершенно изгоняется изъ Кіевской Академіи, какъ устарѣлая вещь; но обрывки ея воспринимаются и варьируются низшими слоями малорусскаго населенія и подготовляютъ почву для образованія, съ конца XVIII вѣка, новой художественной украинской литературы въ лицѣ И. П. Котляревскаго и др.

Намѣчая эти періоды въ исторіи Кіевской школьной драмы, мы однако должны оговориться, что основныя характеристическія черты направленія этихъ періодовъ не исключаютъ нѣкоторыхъ отклоненій отъ основнаго типа, по требованію обстоятельствъ мѣста и времени, и потому даютъ намъ возможность въ каждомъ изъ намѣченныхъ періодовъ отличать особыя группы школьныхъ драматическихъ произведеній Кіевской Академіи и отдѣльныхъ ея представителей и воспитанниковъ.

I.

Первый періодъ Кіевской школьной драмы (1631—1705 гг.)

Первый періодъ появленія и развитія Кіевской школьной драмы есть періодъ слѣпаго, рабскаго подражанія ея польской и особенно польско-іезуитской схоластической драмѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Кіевская школьная драма XVII вѣка была даже безцвѣтнѣе и блѣднѣе своихъ польско-іезуитскихъ образцовъ какъ въ силу своей подражательности, такъ и вслѣдствіе приниженнаго положенія Кіевской Коллегіи въ иновѣрномъ польскомъ государствѣ или же колебанія ея между подчиненіемъ Московскому или Польскому государствамъ. Кіевская школьная драма не имѣла подъ собою прочной почвы въ мѣстныхъ народныхъ

обычаяхъ и обрядахъ, какъ это было на Западѣ Европы, а съ другой стороны, не отваживалась полемизировать на сценѣ съ католиками и, заключенная въ тѣсныхъ стѣнахъ школы, не выступала публично на церковныхъ погостахъ и площадяхъ передъ народною толпою и не приспособлялась къ народному быту и языку, какъ это дѣлали въ Польшѣ іезуиты въ своихъ интермедіяхъ или интерлюдіяхъ. Если же бродячіе студенты Кіевской Академіи и пытались иногда дѣлать публичныя представленія своихъ діалоговъ и интермедій; то подвергались различнымъ репрессіямъ со стороны польско-католическаго духовенства [1]).

Но и въ этотъ періодъ сильнаго вліянія іезуитскихъ образцовъ Кіевская школьная драма нерѣдко уклонялась отъ нихъ въ сторону и почерпала матеріалъ для себя и изъ другихъ, хотя и родственныхъ источниковъ. Особенно это нужно сказать о такихъ драматическихъ произведеніяхъ, которыя составлены не для публичныхъ представленій или разыгрывались Кіевскими воспитанниками внѣ стѣнъ Кіевской Академіи. Профессоръ В. И. Рѣзановъ говоритъ, что у іезуитовъ преобладали пассіональныя драмы и что въ репертуарѣ іезуитскаго театра не встрѣчается вовсе драмъ рождественскихъ или пасхальныхъ. А между тѣмъ эти послѣднія встрѣчаются между школьными драматическими произведеніями, открытыми въ недавнее время въ предѣлахъ Галиціи. Онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ не іезуитскому, а польскому народному театру, послужившему проводникомъ на Русь вліянія западно-европейскаго средневѣковаго театра [2]). Но еще болѣе свободными отъ іезуитскаго вліянія чувствовали себя тѣ Кіевскіе ученые, которые въ XVII и въ самомъ началѣ XVIII вѣка вызываемы были въ Москву и должны были служить здѣсь интере-

[1]) „Кіевская Старина“, февраль, 1885 г., стр. 236 и слѣд.

[2]) „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1908 г., кн. 3, стр. 52—54.

самъ Московскаго государства и русской православной церкви. Таковы Симеонъ Полоцкій, св. Димитрій Ростовскій и первые учители преобразованной въ самомъ началѣ XVIII вѣка по латинскому типу Московской Академіи.

Соотвѣтственно территоріальному распространенію Кіевской школьной драмы перваго періода и степени освобожденія ея отъ іезуитскаго вліянія, скажемъ сначала о о школьной драмѣ въ самой Кіевской Академіи, затѣмъ объ отраженіи этой драмы въ Галиціи и въ Слободской Украинѣ и наконецъ о перенесеніи Кіевской школьной драмы въ Московское Государство.

А. Школьная драма перваго періода въ самой Кіевской Академіи.

Изъ Кіевскихъ школьныхъ пьесъ перваго періода, сочиненныхъ и представленныхъ въ самой Кіевской Академіи, доселѣ извѣстны слѣдующія: 1) трагедія о прекрасномъ Іосифѣ 1630-хъ годовъ, упоминаемая Лазаремъ Барановичемъ; 2, „Алексѣй человѣкъ Божій“, 1673 года; 3) „Дѣйвіе на страсти Христовы“, относимое нами къ 1685 году; 4) „Царство натуры людской“, 1698 г.; 5) „Свобода“, 1701 г.; 6) „Мудрость предвѣчная“, 1703 г., и 7) Declamatio de Sancta Catharina, того же 1703 года.

Первыя шесть пьесъ, согласно давнему обычаю, должны быть составлены профессорами Піитики [1]), тогда какъ декламаціи составлялись учениками. Послѣднія произносились только въ классѣ [2]). Но профессорскія „дѣйства“ разыгривались торжественно передъ всею академіею, и на представленія ихъ нерѣдко приглашались и именитые гости, какъ напримѣръ, въ 1673 году воевода Кіевскій князь Б. П. Трубецкой, а 1685 году генералъ Патрикій Гордонъ [3]). Самое исполненіе этихъ пьесъ, судя по заглавіямъ ихъ, пору-

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, ч. 1, стр. 95.

[2]) „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.“, Н. Петрова, Кіевъ, 1895 г., стр. 83 и 98.

[3]) См. объ этомъ ниже.

чалось воспитанникамъ благороднаго или шляхетскаго происхожденія, которые имѣли возможность придать имъ и довольно роскошную сценическую обстановку. Языкомъ этихъ пьесъ служилъ южнорусскій книжный языкъ того времени, какъ языкъ оффиціальный, но въ стихотворной формѣ.

Соотвѣственно этой внѣшней, торжественной, показной сторонѣ профессорскихъ школьныхъ дѣйствъ, и содержаніе и тонъ ихъ были самые корректные и благопристойные, тѣмъ болѣе, что исполненіе такихъ пьесъ обыкновенно пріурочивалось къ извѣстнымъ днямъ церковнаго года, а иногда, можетъ быть, и къ священнымъ мѣстамъ. Общій характеръ всѣхъ этихъ дѣйствъ—нравоучительный, относящій ихъ къ разряду іезуитскихъ moralité. Но есть въ нихъ отраженія и другихъ видовъ древней мистеріи, а именно: мистеріи въ тѣсномъ смыслѣ, какъ поясненія къ богослуженію, и мираклей, основанныхъ на житіяхъ святыхъ. Мистеріальный элементъ мы видимъ въ 3-мъ актѣ „Дѣйствія на страсти Христовы“, 1685 года, въ которомъ текстъ пьесы направленъ къ объясненію и чествованію иконописныхъ страстей Христовыхъ [1]), а отраженіе мираклей замѣчаемъ въ пьесахъ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ и о св. Екатеринѣ, которыя уже граничатъ съ пьесами государственно-политическаго характера (ludi caesarei). Подобно іезуитскимъ пьесамъ, мы увидимъ и въ Кіевскихъ пьесахъ этого времени параллелизмъ и аллегорію, сопоставленіе христіанскихъ святыхъ съ древнеклассическими богами и героями, олицетворенія добродѣтелей, пороковъ, свойствъ Божіихъ и вообще отвлеченныхъ понятій. „Натура людская“ и „Душа“, часто фигурировавшія въ іезуитскихъ пьесахъ, составляютъ главный предметъ кіевскихъ пьесъ „Царство натуры людской“ 1698 г., „Свобода“ 1701 г. и „Мудрость предвѣчная“ 1703 года.

---

[1]) „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 г.г.“, Н. Тихонравова. т. 1. С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 538 и слѣд.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы Кіевскія пьесы перваго періода исторіи Кіевской школьной драмы были только переводами или блѣдными копіями іезуитскихъ драматическихъ оригиналовъ. При всемъ видимомъ сходствѣ нѣкоторыхъ Кіевскихъ пьесъ съ іезуитскими по содержанію, доселѣ не указано ни одной чисто переводной Кіевской пьесы, да и не можетъ быть указано, такъ какъ кіевскія пьесы могли быть только болѣе или менѣе вольнымъ подражаніемъ іезуитскимъ образцамъ. Оно состояло въ заимствованіи готовыхъ сюжетовъ и выработанныхъ практикою пріемовъ, образовъ и представленій и въ извѣстной комбинировкѣ ихъ соотвѣтственно намѣренію автора. Разъ выработанные сюжеты, образы и представленія въ такихъ случаяхъ являлись какъ бы эпическими пріемами нашихъ народныхъ рапсодовъ, примѣнявшимися ими къ любой матеріи. Примѣры такого подражанія мы можемъ указать въ настоящее время на двухъ Кіевскихъ пьесахъ „Свобода“ 1701 г. и „Іосифъ патріархъ“ Лаврентія Горки 1708 года. Въ кіевской пьесѣ „Царство натуры людской“ 1698 года, въ первой сценѣ 2-го акта, Злость, узнавъ о предстоящемъ освобожденіи людей изъ Ада, говоритъ:

Добрѣ же ти *свобода* внійде въ моя слухи.
Блюсти я крѣпко буду пекелними духи [1]).

Этотъчастный эпизодъ, по нашему мнѣнію, послужилъ основною тэмою для послѣдующей Кіевской пьесы „Свобода“ 1701 г., трактующей тотъ же самый предметъ, но со значительными измѣненіями [2]). Другой примѣръ: трагедокомедія Л. Гор-

---

[1]) „Памятники русской драматической литературы. Школьныя дѣйствія XVII и XVIII вв.“, В. И. Рѣзанова. Нѣжинъ, 1907 г., стр. 153.

[2]) Изд. В. И. Рѣзановымъ въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, 1908 г., кн. 3, стр. 55—61.

ки „Іосифъ патріарха“, 1708 года, съ собственноручными его замѣтками, помѣщена въ одномъ сборникѣ съ болѣе раннимъ „Дѣйствіемъ на страсти Христовы“, которое несомнѣнно имѣлось подъ руками у Л. Горки при составленіи его трагедокомедіи „Іосифъ патріарха“. Въ „Дѣйствіи на страсти Христовы“ пять сценъ перваго акта тоже посвящены патріарху Іосифу, изображая продажу его братьями купцамъ и печаль Іакова [1]). А Лаврентій Горка какъ бы продолжаетъ „Дѣйствіе на страсти Христовы“, изображая дальнѣйшую судьбу Іосифа въ Египтѣ въ дому Пентефрія, въ темницѣ и на престолѣ [2]). „Дѣйствіе на страсти Христовы“ могло только опредѣлить выборъ предмета для трагедокомедіи Л. Горки и дать извѣстное настроеніе автору, почерпавшему матеріалъ для себя изъ библіи и другихъ источниковъ.

Не могутъ свидѣтельствовать о переводномъ характерѣ Кіевскихъ драмъ и встрѣчающіяся въ нихъ имена древнеклассическихъ миѳическихъ существъ, напр. Еринны, Алекто, фурій и т. п., такъ какъ эти имена обыкновенно брались напрокатъ изъ школьныхъ „Пособій поэзіи“ (subsidiis poëseos), заключавшихъ краткія свѣдѣнія по греко римской миѳологіи [3]), и нисколько не указывали на первоначальный индувидуальный характеръ этихъ миѳическихъ существъ.

При болѣе или менѣе свободномъ отношеніи ко своимъ образцамъ для подражанія и источникамъ, авторы Кіевскихъ школьныхъ драмъ перваго періода ихъ развитія могли привносить въ нихъ, да и дѣйствительно привносили и мѣстные этнографическіе и историческіе элементы. Мы не говоримъ уже о книжномъ южнорусскомъ

---

[1]) „Русскія драматическія произведенія“, Н. Тихонравова, т. 1, стр. 514—524.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 356 и слѣд.

[3]) „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.“, Н. Петрова. Кіевъ, 1895 г., стр. 81.

языкѣ этихъ драмъ, постепенно освобождавшемся отъ полонизмовъ и воспринимавшемъ нѣкоторыя особенности малорусской рѣчи: въ самыхъ воззрѣніяхъ кіевскихъ драматурговъ и въ содержаніи ихъ пьесъ порою проглядываютъ образы народной фантазіи (указаніе на обрядъ „додолы» при „обжинкахъ“ въ „Дѣйствіи на страсти Христовы“), попадаются сцены изъ простонароднаго быта (напр., въ интерлюдіи къ пьесѣ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ) и указанія и намеки на государственно-политическихъ дѣятелей, напр. на царя Алексѣя Михайловича и Екатерину I. Конечно,—все это было толвко въ зародышѣ, распустившемся лишь въ XVIII вѣкѣ; но, вѣдь, безъ зародыша невозможно и дальнѣйшее развитіе.

1) Первая Кіевская школьная драма не сохранилась до настоящаго времени. Неизвѣстно даже и подлинное ея заглавіе. Извѣстно только, что въ ней выводились дѣйствующими лицами *Іосифъ патріархъ* и братъ его Веніаминъ Въ 1676 году Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ писалъ о покойномъ Ѳеодосіѣ Сафоновичѣ слѣдующее „когда-то, въ трагедіи мы вмѣстѣ играли, я—роль Іосифа, а въ Бозѣ почившій—роль Веніамина“ [1]). Очевидно, въ этой трагедіи шла рѣчь не о продажѣ Іосифа братьями въ неволю, въ отсутствіи Веніамина, а о встрѣчѣ братьевъ уже въ Египтѣ, куда они явились, вмѣстѣ съ отцомъ, за покупкою хлѣба во время голода. Въ такомъ случаѣ, Кіевская трагедія совпадала бы по своему содержанію съ польской драмой „Іосифъ“ Рея, который доводитъ исторію Іосифа до встрѣчи его съ отцомъ въ Египтѣ [2]). Но вѣроятнѣе всего, что кіевская трагедія объ Іосифѣ не заимствована изъ Рея, а представляетъ изъ себя подражаніе какому либо польско-

[1]) Тамъ же, стр. 104—5.

[2]) „Старинный театръ въ Европѣ“, А. Веселовскаго. Москва, 1870 г., стр. 275.

іезуитскому образцу. Она исполнялась въ Кіевской Академіи въ 1630-хъ годахъ, когда учились здѣсь Лазарь Барановичъ и Ѳеодосій Сафоновичъ [1]), и вѣроятно написана быка однимъ изъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ посылалъ Петръ Могила, для довершенія образованія, въ иновѣрныя коллегіи или академіи [2]).

2) Вторая изъ дошедшихъ до насъ пьесъ XVII в. носитъ такое заглавіе: „*Алексѣй человѣкъ Божій*. Діалогъ въ честь царя и великаго князя Алексѣя Михайловича. Представленъ въ знаменіе вѣрнаго подданства чрезъ шляхетную молодь студентскую въ Коллегіуму Кіево-Могілеанскому на публичномъ діалогѣ". Въ концѣ прибавлено: „сіе дѣло, по желанію его царскаго пресвѣтлаго величества боярина и намѣстника Нижегородскаго и воеводы Кіевскаго, благороднаго князя Георгія Петровича Трубецкаго, напечатася въ святой великой чудотворной лаврѣ Кіевопечерской року отъ Р. Х. 1674, мѣсяца февраля дня 22" [3]). Предполагаютъ, что діалогъ исполненъ 17 марта 1673 года, въ день царскихъ именинъ.

Діалогъ состоитъ изъ пролога, двухъ дѣйствій, эпилога и двухъ интермедій или игралищъ.

Въ прологѣ зрителямъ обѣщаютъ показать „ото на семъ пляцы" божьяго человѣка. Прологъ заключается словами:

Будетъ то и на славу пресвѣтлому и благочестивому
царю Алексѣю,
Который въ Бозѣ и въ святыхъ маючи надѣю,

---

[1]) „Обзоръ русской дух. литературы", Филарета Гумилевскаго, 3 изд. С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 202 и 206; „Лазарь Барановичъ", Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1895 г., стр. 6—8.

[2]) „Исторія Кіевской Дух. Академіи", С. Т. Голубева, вып. I. Кіевъ, 1886 г., стр. 225—6.

[3]) Но это Кіевское печатное изданіе извѣстно только по названію; съ рукописнаго списка издано въ „Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ", Н. Тихонравова, т. I, стр. 5—75.

Зъ непріятелемъ креста Христова дѣло зачинаетъ,
Але, яко Костинтинъ, нигды не проиграетъ.

Самый діалогъ дѣлится на два „дѣянія“, изъ которыхъ первое заключаетъ въ себѣ пять, а второе—шесть явленій, названныхъ „видоками“ или „видѣніями“.

Въ первомъ явленіи перваго дѣйствія архангелъ Рафаилъ, покровитель супружества, высказываетъ архангелу Гавріилу свое удивленіе, почему это люди не хотятъ вступать въ бракъ и, подобно ангеламъ, хотятъ быть безплотными, т. е. безженными. Въ отвѣтъ архангелъ Гавріилъ разсказываетъ ему о паденіи Люцифера, о причинахъ грѣхопаденія, восхваляетъ скромность и прославляетъ цѣломудріе. Такъ какъ послѣ паденія Люцифера и его сообщниковъ ангельскіе лики уменьшились, то Богъ и пополняетъ ихъ праведниками, людьми честными и дѣвственными избирая такихъ преимущественно изъ знатнаго рода:

Наибарзе зъ достатныхъ фамилій збираетъ,
Ровныхъ себѣ въ роженю миле прибираетъ;
Бо и самъ уродился зъ царскаго коліна
Давидова: Авраамля знаю быти сына.

Поэтому-то Гавріилъ посланъ къ сенаторскому сыну Алексѣю, чтобы убѣдить его блюсти цѣломудріе. Оба ангела спускаются съ неба на землю. „Ту ангеломъ нисходящимъ отъ степеней высоты, цвѣты носящимъ, Алексѣй показуется имъ на встрѣчу“. Гавріилъ (невидимо) обращается къ нему съ кроткимъ внушеніемъ блюсти чистоту, ибо она есть „дорога найпростѣйшая до самого Бога“. Алексѣй стоитъ на распутіи, въ сомнѣніи и нерѣшительности. Къ нему подходятъ Юнона и Фортуна и, прельщая его мірскимъ счастьемъ, постилаютъ ему коверъ къ суетнымъ утѣхамъ, широкою дорогою сбѣгающій внизъ до ада. Увлеченный богинями, Алексѣй уже ступаетъ на гибельный коверъ; но его останавливаетъ Virtus, которая указываетъ ему, что „той путь пространный ведетъ въ пагубу и въ огнь, злымъ уготованный“. Въ это время „ту змій ротъ роззявитъ и дымъ

испущаетъ". Алексѣй рѣшается идти тернистымъ путемъ, ведущимъ на небо. Въ третьей сценѣ отецъ Алексѣя Евѳиміанъ высказываетъ свое намѣреніе женить сына и призываетъ къ себѣ жену свою Аглаиду и сына Алексѣя. Родители намѣчаютъ ему невѣсту; Алексѣй не хочетъ жениться и только послѣ настойчивыхъ убѣжденій родителей соглашается покориться ихъ волѣ. Но тутъ является ему архангелъ Михаилъ и убѣждаетъ его возвратиться къ прежнему рѣшенію своему отречься отъ брака. Алексѣй притворно соглашается на бракъ, но съ тайнымъ намѣреніемъ бѣжать отъ невѣсты и изъ родительскаго дома. Въ четвертой сценѣ Алексѣй, бѣжавшій изъ дому во время свадебнаго пиршества, встрѣчаетъ нищаго, мѣняется съ нимъ одеждою, посылаетъ его продать эту одежду Евѳиміану, а самъ, руководимый архангеломъ Уріиломъ, „достигаетъ града Едеса:

Се градъ Едесъ, се есть той храмъ Царицы неба,
Тутъ мнѣ, яко же слышелъ, склонитися треба".

Въ пятой сценѣ, въ Римѣ „выходитъ Евѳиміанъ плачливый" и жалуется на свою судьбу, узнавъ о бѣгствѣ сына. Нищій приноситъ ему на продажу одежду Алексѣя; жена Евѳиміана горько плачетъ вмѣстѣ съ нимъ объ утратѣ сына; слуги утѣшаютъ ихъ и отправляются на поиски, на то мѣсто, гдѣ нищій встрѣтился съ Алексѣемъ.

Во второмъ дѣйствіи, въ первомъ его явленіи, римскій императоръ Гонорій высказываетъ подозрѣнія противъ своихъ опекуновъ. Бояре совѣтуютъ послать за Евѳиміаномъ, который въ грустномъ настроеніи является къ императору и, для объясненія своей печали, разсказываетъ ему о бѣгствѣ сына. Гонорій, съ своей стороны, посылаетъ слугъ и „килка ротъ добрыхъ жолнѣровъ и збройныхъ, бы его въ чужихъ странахъ шукали, пытали". Во второй сценѣ царскіе слуги, вмѣстѣ съ Евѳиміановыми, ищутъ Алексѣя, но не находятъ его, потомъ встрѣчаютъ его въ Едесѣ, въ

видѣ нищаго, но не узнаютъ его и подаютъ ему милостыню. Въ третьей сценѣ покинутая Алексѣемъ молодая жена его плачетъ отъ горя и рѣшается ждать возвращенія Алексѣя. Слуги возвращаются и сообщаютъ ей о безуспѣшности своихъ поисковъ. Въ четвертой сценѣ Евѳиміанъ выходитъ на дорогу посмотрѣть, не возвращается ли его сынъ со слугами; но слуги передаютъ и ему, что всѣ старанія ихъ узнать что либо объ Алексѣѣ оказались напрасными. Въ пятомъ явленіи въ Едесѣ „ангелъ Уріилъ Алексѣя человѣка Божія людемъ объявляетъ“ и совѣтуетъ обращаться къ нему „въ потребахъ“. Вслѣдъ за этимъ, къ Алексѣю приходятъ „два изъ родовыхъ людей, вспоможенія просячи“. Алексѣй, не желая, чтобы люди знали о немъ, рѣшается покинуть Едесъ и уйти въ другое мѣсто. Смотря на дорогу въ Римъ, онъ говоритъ:

До Рима, бачу, тая дорога провадить;
Лечъ до него мысль моя мнѣ идти не радить...
Однакъ пойду тамъ, прикрымъ жебъ не быть никому,
Буду я жить незнаймо во отцовскомъ дому.

Въ видѣ нищаго Алексѣй встрѣчается съ отцомъ Евѳиміаномъ и просится къ нему на житье; тотъ позволяетъ ему жить на дворѣ. Алексѣй жилъ у отца неузнаннымъ 17-ть лѣтъ. Евѳиміанъ приглашаетъ нищихъ, вмѣстѣ съ Алексѣемъ, къ своему столу. „Ту слуги приказные ѣсть вынесли, що лучши, сами поѣли, а Алексѣю сухій хлѣбъ принесли“. Алексѣй за все благодарилъ Бога. Чувствуя приближеніе кончины и желая написать о себѣ „гисторію“, онъ посылаетъ слугу за чернилами и бумагой и умираетъ со своимъ рукописаніемъ въ рукахъ. Ангелы принимаютъ его душу. Въ шестой сценѣ императоръ Гонорій, по внушенію небеснаго голоса, ищетъ въ Римѣ „человѣка божого“, молитвенника за городъ, и находитъ этого человѣка въ умершемъ Алексѣѣ, который изъ своихъ рукъ и дозволяетъ им-

ператору взять свое рукописаніе. Изъ него всѣ узнаютъ, кто былъ Божій человѣкъ. Отецъ, мать и невѣста плачутъ и причитаютъ надъ его тѣломъ; царь утѣшаетъ плачущихъ, между тѣмъ какъ Алексѣй „тѣшится на небеси посреди ангеловъ". Съ высоты неба онъ обращается къ царю Алексѣю Михайловичу съ такими словами:

Не забуду и тебе, кліенте единый
Алексѣе, которому ровный не есть иный;
На землѣ бо—сь монарха единъ православный
И для того усему свѣту добре явный.

Здѣсь прославляются въ особенности набожность царя, его щедроты, которыми онъ уже давно стяжалъ себѣ пресвѣтлое небо, его покровительство монастырямъ, и снова говорится о начавшейся войнѣ съ турками:

... великое дѣло себѣ зачинаешь:
Антихристомъ южъ правымъ войну хочешь мати
И зъ онымъ ся потужно мыслишь пасоваты.
Пасуйся, Богъ ти въ помощь! Я при тебѣ стану,
Яко при православномъ монарсѣ и пану;
Буду горячо Бога о тое благати,
Бы побѣду рачилъ ти надъ врагами дати.

Въ „навершеніи рѣчи" или эпилогѣ исполнители благодарятъ зрителей за вниманіе и желаютъ имъ получить вѣчное блаженство св. Алексѣя.

Въ діалогъ введены были еще двѣ интерлюдіи, называемыя въ пьесѣ „игралищами": одна—послѣ третьей сцены перваго дѣйствія, а другая—послѣ второй сцены втораго дѣйствія. Вторая интерлюдія не дошла до насъ, а первая имѣетъ тѣсную связь съ третьей сценой перваго акта и представляетъ „играніе свадьбы" Алексѣя. Слуги Евѳиміана зовутъ на брачный пиръ пановъ и мужиковъ. Къ послѣднимъ выходитъ самъ Евѳиміанъ, благодаритъ за поздравленія и принесенные подарки и проситъ угощаться. Мужики,—подданные римскаго сенатора, что нисколько не мѣшаетъ имъ быть истыми малороссами, цьютъ *оковитое*,

йоютъ и пляшутъ подъ музыку и, наконецъ, напившись, начинаютъ браниться и драться. Одинъ мужикъ „будто иныхъ меньше пьянъ“, миритъ ихъ, а оставшись одинъ, проситъ у зрителей прощенія:

О, давъ бы вамъ золы пить, а не малзамѣи!
Якои наробили они голосѣи!
Хмѣль—не вода, якъ кажуть. Панове! пробачьте,
А на ихъ пьяныхъ за то дивовать не рачьте!

Содержаніе діалога заимствовано изъ популярнаго житія св. Алексѣя человѣка Божія, которое въ XVII вѣкѣ извѣстно было въ Южной Россіи и по сочиненію іезуита Петра Скарги „Житія святыхъ“ въ польскомъ подлинникѣ и въ южнорусскомъ переводѣ І. Галятовскаго, и по московскому печатному Аѳологіону 1660 года; но оба эти источника одинаково имѣютъ своимъ первоисточникомъ Метафрастово житіе св. Алексѣя и существенно не отличаются одинъ отъ другого. Различіе могло состоять только въ языкѣ обоихъ источниковъ. Тогда какъ весь діалогъ написанъ книжнымъ южнорусскимъ языкомъ XVII столѣтія, и притомъ силлабами,—„листъ Алексѣя святого“ и надгробныя причитанія отца, матери и невѣсты, написаны церковнославянскою прозою и близко подходятъ къ тексту московскаго Аѳологіона 1660 года.

Но, заимствуя основное содержаніе изъ готовыхъ источниковъ, составитель діалога ввелъ участіе ангеловъ и аллегорическихъ фигуръ, далъ имъ сценическую обстановку и пріурочилъ къ личности царя Алексѣя Михайловича. Хотя пьеса составлена была на день царскихъ именинъ; но она вызвана къ бытію и тогдашними политическими обстоятельствами, т. е. войною, которую тогда предпринималъ Алексѣй Михайловичъ противъ татаръ. 5 ноября, 1672 года, царь Алексѣй Михайловичъ послалъ Донскому Войску грамоту о томъ, чтобы оно чинило воинскій промыселъ противъ Азова и шло походомъ на Крымскіе улусы и на Черное

море. Слѣдовательно, Алексѣй Михайловичъ своимъ предпріятіемъ затрагивалъ самые живые интересы Малороссіи и Сѣчи Запорожской, поставившихъ своимъ девизомъ борьбу со врагами креста Христова Татарами и Турками. Учащаяся въ Кіевской Коллегіи казацкая шляхетная молодежь живо откликнулась на предпріятіе царя, на что и указывается какъ въ прологѣ, такъ и въ эпилогѣ къ діалогу.

Исполнителями пьесы, судя по ея заглавію, были учащіеся юноши „шляхетнаго“, т. е. болѣе или менѣе знатнаго казацкаго происхожденія, а не дѣти мѣщанъ и крестьянъ. Да послѣднія и не могли матеріально участвовать въ болѣе или менѣе сложной и дорогой постановкѣ пьесы и въ ея декораціяхъ: это могла сдѣлать только „шляхетная молодь студентская“.

На постановку пьесы есть нѣсколько сценическихъ указаній въ самомъ діалогѣ. Съ одной стороны, на сценѣ, представляющей собственно землю, устроенъ былъ рай, въ видѣ помоста, приподнятаго надъ сценою и соединеннаго съ нею рядомъ ступеней, покрытыхъ, вѣроятно, краснымъ сукномъ; а съ другой—адъ, въ видѣ ямы, гдѣ находился змѣй. Въ раю ангелы славословятъ Господа и бесѣдуютъ между собою; они „нисходятъ отъ ступеней высоты“ съ цвѣтами, къ Алексѣю, на землю. Когда Алексѣй стоялъ на распутіи, въ сомнѣніи и нерѣшительности, Юнона и Фортуна прельщаютъ его мірскимъ счастіемъ и постилаютъ ему коверъ къ суетнымъ утѣхамъ, широкою дорогою сбѣгающій внизъ до ада. Но Virtus предостерегаетъ Алексѣя, что „той путь пространный ведетъ въ пагубу, въ огнь, злымъ уготованный“, разстилаетъ передъ нимъ узкій коверъ, ведущій на небо, и убѣждаетъ Алексѣя избрать этотъ тернистый путь. „Ту змій ротъ раззявитъ и дымъ испущаетъ“.— говорится въ пьесѣ [1]).

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, ч. 1. С.-Петербургъ, 1889 г., стр. 96—104; „Історія українськоі драми“,

3) Къ эпохѣ руины и въ частности къ 1685 году мы относимъ Кіевскую школьную драму, подъ заглавіемъ *„Дѣйствіе на страсти Христовы* списанное", сохранившуюся при піитикѣ профессора Кіевской Академіи іеромонаха Лаврентія Горки 1707—8 года [1]). Она собственно представляетъ изъ себя копію съ оригинала, вѣроятно современнаго ей, обличающую въ переписчикѣ незнаніе польскаго языка, какъ напр. въ польскомъ „пѣни" или кантѣ во второй сценѣ перваго акта [2]), или въ выраженіи „внѣмахомъ" вмѣсто польскаго „мнѣмахомъ" [3]). Что эта пьеса, по своему содержанію, относится къ эпохѣ украинской „руины", объ этомъ, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ самый прологъ къ ней, въ которомъ говорится о враждѣ единоутробныхъ и единовѣрныхъ братій:

Властительскую силу пріятъ Зависть въ свѣтѣ:
О любовномъ нигдеже не слыхать совѣтѣ;
Ісполнися ярости единоутробныхъ
Братій сердце, егда Злость движе преисподнихъ
Силы, дабы ся во всѣмъ свѣтѣ пространила
И единоутробныхъ братій побудила
До зазрости, иже днесь любовъ преминяютъ
Въ ярость, гды ковъ на братій своихъ воздвизаютъ,
Любвы своей ко любвѣ не хтятъ накланяти,
Совѣтуютъ братіи своей пострадати.
Аще нѣкіи въ паствѣ овецъ пребываютъ,
Обаче отъ истинной пути заблуждаютъ,
Егда въ себѣ рекоша смертію умрѣти
Братіи безневинной [4]).

І. Стешенко, въ журналѣ „Україна", сентябрь, 1907 г., стр. 318—325.

[1]) „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг.", Н. Тихонравова. С.-Петербургъ, 1874 г., т. I, стр. 507—562.

[2]) Тамъ же, стр. 511—2.

[3]) Тамъ же, стр. 521.

[4]) Тамъ же, стр. 507.

Почти такими же красками описываетъ эпоху „руины“ южнорусскій лѣтописецъ Величко, дѣтство котораго прошло подъ впечатлѣніями „руины“, и описываетъ какъ будто имѣя въ виду наше „Дѣйствіе“ съ его отвлеченными персонажами: „тогда умножишася въ Украинѣ,—говоритъ онъ,—наипервѣй въ значныхъ, потомъ и въ посполитыхъ козакахъ, гнѣвы, несогласія, властолюбія, раздвоенія, измѣненія, рвенія, зависти, вражди, междоусобія съ кровопролитіемъ, и иная тимъ подобная злоключенія и непотребства“ [1]). Есть довольно опредѣленное указаніе и на самый годъ составленія этой пьесы. Иностранецъ Гордонъ, строившій въ концѣ XVII вѣка Кіевскую крѣпость, въ дневникѣ своемъ подъ 1685 годомъ передаетъ, что въ великую пятницу онъ со многими другими „отправился въ Братскій монастырь, чтобы быть тамъ на школьномъ дѣйствѣ (Schul—Actus)“ [2]). А наша пьеса дѣйствительно представлена была на сценѣ въ страстную седмицу, такъ какъ она заканчивается рыданіемъ „Плача“ объ умершемъ и во гробѣ положенномъ Христѣ и не доводится до воскресенія и вознесенія Господня.

Такимъ образомъ, „Дѣйствіе на страсти Христовы списанное“ написано было въ 1685 году и исполнялось на сценѣ въ страстную пятницу [3]).

---

[1]) „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв.“, П. И. Житецкаго, ч. I. Кіевъ, 1889 г., стр. 149.

[2]) Дневникъ Гордона см. въ „Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1875 г., № 5, стр. 195. Въ 1685 году страстная пятница падала на 17 апрѣля.

[3]) Водяной знакъ на бумагѣ, на которой написано „Дѣйствіе“, изображаетъ кавалера и даму, съ надписью: Galles mode papier: но этотъ знакъ, не обозначающій собою опредѣленной бумажной фабрики, чрезвычайно разнообразился и притомъ не имѣлъ большого употребленія въ Россіи; контрафакціи его попадаются на бумагѣ 1690 и 1697 гг. См. Н. П. Лихачева атласъ водяныхъ зна-

Главная мысль „Дѣйствія“ выражена въ прологѣ къ нему: это—обличеніе противообщественныхъ страстей и грѣховъ, доводящихъ нерѣдко до братоубійства, и врачеваніе ихъ зрѣлищемъ крестной смерти Спасителя, положившаго душу свою для истребленія этихъ страстей и грѣховъ. Такимъ образомъ, общій тонъ пьесы—нравоучительный, и она должна быть отнесена къ такъ называемымъ moralité. Но на этомъ общемъ фонѣ есть значительныя отличія между отдѣльными актами „Дѣйствія“. Въ первомъ актѣ Ериннѣсъ, богиня вражды, воздвигаетъ войну противъ Любви и вооружаетъ Каина противъ Авеля и сыновей Іакова противъ брата своего Іосифа. Во второмъ актѣ Ериннѣсъ съ фуріями, пороками и страстями, господствуетъ во всемъ мірѣ; Любовь и другія добродѣтели, отовсюду изгнанныя, рыдаютъ; Гоноръ и Отмщеніе Божіе хотятъ истребить Еринну и фурій, чтобы избавить отъ нихъ людской родъ; но Любовь сама рѣшается сокрушить адскія силы и спасти родъ людской своею крестною смертію. Оба эти акта являются чистыми moralité, съ тощими олицетвореніями добродѣтелей, пороковъ и отвлеченныхъ понятій; но они служатъ только какъ бы приготовленіемъ къ третьему, самому важному акту, въ которомъ изображаются ветхозавѣтные прообразы страданій Спасителя и показываются иконы прообразуемыхъ страстей Христовыхъ, въ возложеніемъ на каждую изъ нихъ 12-ю юношами по вѣнку изъ 12-ти звѣздъ и съ сотвѣтственными стихотворными славословіями. Слѣдовательно, этотъ актъ имѣетъ отчасти и мистеріальный характеръ.

ковъ въ V-мъ томѣ „Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“, 1892 г., №№ 683—5, и его же „Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ“. С.-Петербургъ, 1899 г., ч. II, стр. 399 и 409.

Какъ наиболѣе важный по намѣренію автора, третій актъ и развитъ имъ съ особенною тщательностію и подробностію. Тогда какъ въ первыхъ двухъ актахъ нѣкоторыя сцены имѣютъ одни только заглавія, и развитіе ихъ предоставлялось, по видимому, самимъ исполнителямъ—студентамъ (наприм., сцены 6 и 7 во второмъ актѣ), въ третьемъ актѣ нѣтъ такихъ нѣмыхъ сценъ,—и онъ въ рукописи занимаетъ почти столько мѣста, сколько два предыдущіе вмѣстѣ. Тутъ даже чувствуется мѣстами искусственная растянутость нѣкоторыхъ сценъ, особенно въ тѣхъ сценахъ, въ которыхъ показывается та или иная икона страстей Христовыхъ и 12-ю юношами возлагается на нее вѣнокъ изъ 12-ти звѣздъ, съ произнесеніемъ соотвѣтствующихъ славословій. Каждый изъ этихъ юношей, возлагавшихъ вѣнецъ на извѣстную страстную икону или, можетъ быть, составлявшихъ живыя звѣнья въ этомъ вѣнцѣ, на подобіе хора, произносилъ не менѣе 4-хъ силлабическихъ 13-ти сложныхъ стиховъ, а всѣ 12-ть вмѣстѣ—не менѣе 48-ми стиховъ. А такъ какъ въ этомъ актѣ показывалось не менѣе пяти страстныхъ иконъ, то во всѣхъ сценахъ съ апоѳеозомъ ихъ насчитывается до 240 силлабическихъ стиховъ. Въ этихъ апоѳеозахъ обыкновенно указывалось на ветхозавѣтные прообразы извѣстныхъ моментовъ страданій Спасителя, изображенныхъ на иконѣ, а затѣмъ изъяснялись и истолковывались детали самой страстной иконы, къ которой относился апоѳеозъ. Но если этотъ естественный матеріалъ исчерпывался авторомъ, то онъ прибѣгалъ къ различнымъ аналогіямъ, сравненіямъ, уподобленіямъ и антитезамъ, къ игрѣ мыслей и словъ. Объяснимъ это примѣромъ. Въ третьей сценѣ этого акта „Дѣйствія“ Ровоамъ, царь Израильскій, грозившійся бить своихъ подданныхъ скорпіонами, искусственно представляется прообразомъ Христа, привязаннаго къ столбу и бичеваннаго. Большею же частію объясненіе деталей извѣстной страстной иконы основывалось на болѣе или менѣе

остроумныхъ сравненіяхъ и антитезахъ и на игрѣ мыслей и словъ. Напримѣръ, говоря о каменномъ столбѣ, къ которому привязанъ былъ бичуемый Спаситель, авторъ говоритъ:

Егда камень о камень кто ли ударяетъ,
Скоро огнь во молніяхъ отъ нихъ воскрешаетъ.
Но у каменна столпа мысленный той камень
Іисусъ біенъ; отъ него любве горитъ пламень.

Вѣроятно, стихи апоѳеоза сочинялись сами же исполнителями—студентами, подобно тому, какъ ими же восполнялись подробности нѣмыхъ сценъ въ первыхъ двухъ актахъ „Дѣйствія“.

О мѣстѣ сценическаго представленія можно гадать только предположительно. Исходнымъ пунктомъ для своихъ предположеній мы возьмемъ тѣ же самыя страстныя иконы, которыя выставлялись въ третьемъ актѣ для апоѳеоза. Это иконы: 1) Христа, молящагося въ вертоградѣ; 2) Христа, біеннаго у столпа; 3) Христа, носящаго на себѣ терновый вѣнецъ; 4) Христа, несущаго крестъ на Голгоѳу, и 5) распятія Спасителя. Но такія же изображенія видѣлъ въ 1654 году архидіаконъ Антіохійскаго патріарха Макарія Павелъ Алеппскій на стѣнахъ трапезной Борисоглѣбской церкви Кіево-Братскаго училищнаго монастыря [1]), которыя и могли послужить для исполнителей „Дѣйствія“ объектомъ апоѳеоза. Въ такомъ случаѣ, наша пьеса могла быть исполнена въ трапезной церкви Кіево-Братскаго монастыря. Этимъ мѣстомъ исполненія ея могла бы объясняться и скудость указаній въ текстѣ пьесы на ея сценическую обстановку. Здѣсь не разъ фигурируетъ только престолъ для Еринны и ея подругъ и глухо упоминается объ адѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ могъ служить и рвомъ для Іосифа передъ продажею его измаильтянамъ; но нѣтъ упоминанія о небѣ, хотя ангелы и появляются на землѣ.

---

[1]) „Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, писанное его сыномъ, архидіакономъ

Во всякомъ случаѣ, пьеса эта, предназначавшаяся для сценическаго представленія въ страстную пятницу, имѣла священный характеръ, который налагалъ на сочинителей и исполнителей ея печать строгой серьезности. Комическій элементъ въ ней почти незамѣтенъ, за исключеніемъ развѣ девятой сцены 2-го акта, гдѣ Еринна съ фуріями и другими представителями страстей и нечистыхъ помысловъ, не безъ чванства и бахвальства усѣвшись на престолѣ міра, должна была въ страхѣ „утѣкать“ при появленіи „Гонора Божія“. Обмалвливается иногда авторъ пьесы и сравненіями, заимствованными изъ простонародной жизни, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ стихахъ:

Отъ неплодныя земли егда пожинаетъ
Терніе Христосъ грѣховъ, кончину вѣщаетъ
Жатвы, понеже вѣнецъ терновый на главу
Пріятъ, ему же даде злый Родъ во неславу [1]).

Въ этихъ стихахъ указывается на существующій въ Юго-Западной Россіи народный обычай при „обжинкахъ“ (окончаніи жатвы), по которому жницы выбираютъ изъ своей среды красивѣйшую, называемую ими „додолою“, и надѣваютъ ей на голову вѣнокъ изъ колосьевъ, который затѣмъ и приподносятъ хозяину.

Не смотря, однако же, на сравнительную блѣдность нашей пьесы, она имѣла и нѣкоторое историческое значеніе: апоѳеозъ иконъ былъ любимымъ мотивомъ въ драматическихъ произведеніяхъ съ именемъ св. Димитрія Ростовскаго [2]), а сцены объ Іосифѣ и продажѣ его братьями въ

Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса“, вып. 2. Москва, 1897 г., стр. 78—9.

[1]) См. актъ третій, сцену 6-ю.

[2]) См. М. Н. Сперанскаго объ Успенской драмѣ св. Димитрія въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. II, стр. VI и VII.

неволю впослѣдствіи передѣланы были въ особый діалогъ [1]).

4) Слѣдующая, въ хронологическомъ порядкѣ, кіевская школьная драма носитъ такое заглавіе: „*Царство натури людской*, прелестію, ею же смерть царствова надъ непогрѣшившими, разоренное, благодатію же Христа Царя слави, терновимъ вѣнцемъ увяденнаго, паки составленное и вѣнчанное, смутнимъ же дѣйствомъ въ Кіевскихъ Аѳинахъ, подъ властію пресвѣтлаго тривѣнчаннаго сущихъ, отъ благородныхъ россійскихъ младенцовъ извѣщенное року, въ онь же Христосъ Царь славы разоривий адово царство 1698 г.“ [2]).

„Прологъ извѣствуетъ, како Натура людская, во Едемѣ царствующая, царство свое погуби, како бисть радостна царствующой смерти, и како на первое царства райскаго возвратися достояние“. Заключенная въ адской темницѣ, Натура людская

Вѣчне би не свободна пребиваше тамо,
Аще бы ю Христово пришествіе—амо...
Не свободи оную кровавими рѣки.

Въ первомъ актѣ Люциферъ, посвященный въ предвѣчные Божіи совѣты, что Натура людская превознесена будетъ превыше всѣхъ ангеловъ и архангеловъ, возмущается противъ Бога и хочетъ сдѣлаться равнымъ ему:

И кто виде въ чести прахъ, пепелъ, червь, блато?
Можетъ ли тля съ свѣтомъ, а нощь со днемъ жити?
Огнь и вода вкупѣ безъ вреда пребити?
Будутъ сія, когда Богъ на престолѣ райскомъ
Посадитъ человѣка въ величествѣ царскомъ,
Которому недостойно въ толикой бить чести;
Никто же бо съ правдою не смѣшаетъ лести.
Азъ есмь токмо достоинъ райскія держави,

---

[1]) См. его въ „Исторіи русскаго театра“, П. О. Морозова т. I, приложен. стр. XXX—XXXIII.

[2]) Изд. въ „Памятникахъ русской драматической литературы“ В. И. Рѣзанова. Нѣжинь, 1907 г., стр. 121—166.

Яко въ себѣ содержу всѣ ангеловъ слави;
Нѣсть во мнѣ жадной лести, вся правда со мною,
Сего ради возмогу сѣсти и съ Тобою,
Боже, на престолѣ: свѣтъ бо есмь и Денница,—
Лѣпо, да мя обиметъ Божая десница [1]).

При помощи Злости и Прелести, Люциферъ соблазняетъ Натуру людскую преступить заповѣдь Божію и вкусить отъ запрещеннаго плода. Гнѣвъ Божій ярится на преступную Натуру людскую и хочетъ поразить ее молніею, но, убѣждаемый Милосердіемъ, Судомъ и Истиною, не истребляетъ ее, а низвергаетъ въ адскую темницу на муки. Вулканъ куетъ для нея цѣпи, а Неволя связываетъ ими ея ноги. Натура людская оплакиваетъ свое паденіе, и ей сочувствуютъ небесные ангелы и Плачъ.

Ангели.

Людску натуру и стихія сами,
Огнь, воздухъ, земля и вода, со нами
Горко ридайте!
Птенци, звѣріе, древа плодовити,
Такой отмѣни, и морские кити
Всѣ соридайте!

Плачъ.

Райские рѣки, лийте моя слези,
Идѣ же ваша проходятся стези
Въ пространомъ мирѣ!
Промийте жалемъ очи мирянину,
Да зритъ на людской Натурѣ отмѣну
Плачемъ безъ мѣри.

Ангели.

Гдѣ твой, Едеме, властителний житель?
Райские звѣри, гдѣ повелитель?
Рабъ есть на волѣ.

---

[1]) „Памятники русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, стр. 123.

[2]) Тамъ же, стр. 143.

Ридай, Едеме, плачте, звѣри рая!
Житель вашъ плачетъ, въ темници ридая
По райской волѣ.

Благодать Божія утѣшаетъ людскую Натуру обѣщаніемъ возвратить ее въ первобытное блаженство. Зависть, Прелесть и Отчаяніе торжествуютъ. Отчаяніе говоритъ:

Згрѣши людска натура коль много, коль крати,
Егда Божию дерзну заповѣдь попрати;
Сего ради горе ей з своими грѣхами,
В раи падшой и спадшой в геенске ями...
Натура чловѣчска упала у клюби
Темничние, горшие паче лвовихъ зубы.
Нѣкогда не изидетъ з темничнаго кита,
Поки Богъ Богомъ будетъ, поки станетъ свѣта.
Тамъ уже зѣло будетъ во мукахъ страждати,
О освобождени же а нѣ помишляти:
Первѣе солнце згаснетъ, звѣзди потемнѣютъ,
Первѣе свѣтозарнии небеса истлѣютъ,
Первѣе вся стихия будутъ въ еднемъ лѣцѣ,
Неже людска Натура изийдетъ з темницѣ;
Мощнѣе вкупѣ бити лѣту со зимою,
Мощнѣе огнь сочтений зрѣти со водою,
Мощнѣе нощь со днемъ видѣти, вещь странну,
Неже волнѣ Натуру людску отчаянну.
Скорѣе истощатся источники во морѣ,
Скорѣе непроходна во путь пойдутъ гори,
Скорѣе камения возглаголютъ стѣни,
Неже ю помилуютъ Бога благостини [1]).

Но Вѣра, Надежда и Милость Божія утѣшаютъ Натуру людскую обѣщаніемъ возвратить ей райскую отчизну.

Во второмъ актѣ Люциферова Злость, услышавши о Милосердіи Божіемъ къ Натурѣ людской, предпринимаетъ мѣры, чтобы не выдустить ее изъ адской темницы:

Добрѣ же ти свобода внийде в моя слухи,
Блюсти я крѣпко буду пекелними духи.

---

[1]) Стр. 147—8.

Нехай здѣ и вся силы небесныя прийдутъ,
Безъ успѣха, безъ славы со встидомъ отийдутъ [1])

Люциферова Злость призываетъ къ себѣ Неволю и говоритъ ей:

Хощетъ Натуру Милость свободить Егова;
Но ти намѣренную препни сию волю,
Во образѣ Юдейскомъ возми ю в неволю
До люта Фараона: нехай як волами
Працуетъ Натурою вданною жидами [2]).

Жиды дѣйствительно подпадаютъ подъ тяжкое иго Фараона. Но Богъ посылаетъ Моисея извести народъ израильскій изъ неволи египетской. Люциферова Злость ярится на Моисея и отдаетъ Натуру людскую во власть смерти которая величается широтою своей власти надъ всѣмъ міромъ. Возведенная на престолъ смертными грѣхами, Смерть говоритъ:

Возведенна на престолъ, посажденна вама,
Царствовахъ и царствую даже отъ Адама:
Той во миръ воведе, и есмь мира пани,
Вся конци въ области мнѣ презъ него дани.
Мнѣ то Азия служитъ, Европа голдуетъ,
Америка, Африка всегда услугуетъ,
Всходомъ, югомъ, полнощію владѣю,
Царствия, княженія въ сей длани имѣю..
Крипкие разораю твердини и гради,
Трепещутъ мя мужіе старии и млади;
Младенцевъ яко шипковъ коса посѣкаетъ,
А якъ травно билие старихъ подтинаетъ;
Гди такие плевели терномъ исторгаю,
И пшеницу оную презъ искореняю,
Связавши въ смертние потреблю гроби,
Аки въ дебрь огненую. Нѣсть таковий, ктоби
Того мнѣ забронилъ смертелнаго жнива:
Нѣкимъ, точию мною, свѣта зжнется нива...

---

[1]) Стр. 153.
[2]) Стр. 154.

Симъ страхомъ и Натурѣ будетъ сердце тлѣти,
Поки буду на вѣки землею владѣти;
Ибо людска Натура приде въ мои руки,
Аще й Мойсеомъ есть отъ египетской муки
Избавлена: владѣю и керую ею,
Господствую, якъ пани рабою своею [1]).

Къ сожалѣнію, конца пьесы не сохранилось, а потому трудно рѣшить вопросъ о томъ, какая была эта пьеса, страстная, или пасхальная. Судя по заглавію и прологу, она оканчивалась изображеніемъ страданій и смерти Спасителя и, вѣроятно, исполнена была въ страстную пятницу, какъ и предыдущая пьеса.

На поляхъ разсматриваемой пьесы и въ заглавіяхъ нѣкоторыхъ сценъ ея есть нѣсколько указаній на сценическую постановку пьесы. Во второй сценѣ перваго акта всемогущая рука благословляетъ людскую Натуру съ небесъ [2]), въ пятой сценѣ тогоже акта Богъ съ неба посылаетъ громы и молніи [3]), въ 9 сценѣ того же акта Натура людская сидитъ въ темницѣ [4]); въ 3-й сценѣ второго акта Богъ является въ купинѣ огненной [5]).

Въ пьесѣ мѣстами есть буквальное сходство со вторымъ дѣйствіемъ одновременной съ нею „Успенской драмы“ св. Димитрія Ростовскаго, напримѣръ въ приведенномъ нами отрывкѣ о невозможности помилованія для Натуры людской [6]); но это сходство можетъ объясняться и единствомъ источниковъ для обѣихъ пьесъ. Сходныя въ

---

[1]) Стр. 164—166.
[2]) Стр. 130.
[3]) Стр. 137.
[4]) Стр. 151.
[5]) Стр. 157.
[6]) См. Успенскую драму въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. II, стр. 29.

нихъ мѣста въ рѣчахъ Отчаянія и Грѣшника представляютъ изъ себя вольное подражаніе одной элегіи Овидія [1]).

Пьеса эта имѣла значительное вліяніе на композицію слѣдующихъ Кіевскихъ школьныхъ пьесъ: „Свобода“ 1701 г и „Мудрость предвѣчная“ 1703 года, въ которыхъ мы увидимъ нѣкоторыя частности и мотивы только-что разсмотрѣнной нами пьесы „Царство Натуры людской“.

5) Въ 1701 году разыграна была въ Кіевской Академіи пьеса подъ такимъ заглавіемъ:

„*Свобода*, отъ вѣковъ вожделѣнная Натурѣ людской, юже Міръ грѣхами лестнѣ себѣ въ роботу плѣнивъ, на крестномъ полю пречистою кровію подписанная и презъ неповинную смерть Милости Божія тщательствомъ Милосердія, тойжде плѣнившейся уже во любовь Христову Натурѣ дарствованная, отъ благородныхъ младенцовъ во училищахъ Кіево-Могилеанскихъ въ актахъ и сценахъ подобіемъ ритмосложнимъ гаданіемъ изобразися, року, в онь же—

В нАтуру людску ѰАлмописцевъ синъ облеклся,
Воеже бы з геенскихъ узъ человѣкъ извлеклся,

т. е. 1701 года.

Къ сожалѣнію, пьеса сохранилась только въ конспектѣ или афишѣ. Она состояла изъ пролога, трехъ актовъ съ 7-ю сценами въ каждомъ, и эпилога.

Въ первомъ актѣ Гласъ Божій спрашиваетъ Натуру, гдѣ она находится, и, на оправданіе Натуры въ своемъ паденіи, повелѣваетъ Херувиму, облекши ее въ одежду отмщенія, изгнать изъ рая. Натура человѣческая рыдаетъ, слагая вину своего паденія на Произволъ. Послѣдній заявляетъ себя невиннымъ въ этомъ дѣлѣ, но Натура прогоняетъ его и опять рыдаетъ о своемъ паденіи. Роскошь

---

[1]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ въ Кіев. Академіи“, январь, 1867 г., стр. 101.

утѣшаетъ Натуру, склоняетъ ее къ себѣ и призываетъ седмочисленные (т. е. смертные) грѣхи, которые обѣщаютъ свое повиновеніе Натурѣ и совѣтуютъ ей обратиться къ Міру, суля ей въ такомъ случаѣ многія богатства и сласти. Напрасно Совѣтъ и Ангелъ Хранитель обличаютъ Натуру и умоляютъ ее уклониться отъ лжи и познать истину. Душа отдается Міру съ его Любочестіемъ и Суетою, который обѣщаетъ ей всяческія блага и призываетъ Грѣхи, чтобы они сорадовались ему. Во исполненіе своего обѣщанія, Міръ повелѣваетъ Фортунѣ засѣять „златое жниво“, а Часу (т. е. Времени) — оросить его. Эти послѣдніе исполняютъ повелѣніе. Къ нимъ присоединяется и Златоглавый Идолъ. Натура радуется своему мнимому счастію и не слушаетъ вторичнаго обличенія и предостереженія со стороны Совѣта и Ангела Хранителя. Она сидитъ на престолѣ вмѣстѣ съ Міромъ, который повелѣваетъ Церерѣ, при помощи Фортуны и Часа, произрастить цвѣты. Въ это время является пророкъ Даніилъ, обличаетъ Міръ и его тщетную славу и гордость съ суетными богатствами и предрекаетъ паденіе его царства, представляемаго въ идольскомъ видѣ. Раздраженный его обличеніями, Міръ велитъ Любочестію и Суетѣ ввергнуть Даніила въ ровъ. Натура радуется и не хочетъ слушать обличеній Совѣта. Тогда является Смерть, ярится на всю движущуюся тварь, коситъ цвѣты и уходитъ, послѣ чего падаетъ идолъ. Натура нѣсколько смутилась, но все-таки осталась въ своемъ прежнемъ заблужденіи.

Во второмъ актѣ Натура человѣческая, оставивши истиннаго Бога, обращается къ Юпитеру и другимъ языческимъ богамъ и проситъ у нихъ помощи. Богъ посылаетъ къ людямъ пророковъ, чтобы направить ихъ на путь истины. Пророкъ Исаія молитъ Вышняго, чтобы онъ погубилъ всѣхъ творящихъ беззаконіе, и рыдаетъ о паденіи Натуры. Этому рыданію вторятъ небо и земля со всею тварію. На-

тура слышитъ вопль этого рыданія, который стараются заглушить Юпитеръ и Адъ. Тогда являются Смиреніе, Милость Божія и Щодробливость и убѣждаютъ человѣческую Натуру обратиться къ Богу; но она отгоняетъ ихъ Пререкословіемъ и призываетъ на Совѣтъ Фурію и Погнушеніе, чтобы погубить Милость Божію. Призвавши на помощь Адъ, они находятъ Милость Божію,—и Натура человѣческая распинаетъ Господа нашего І. Христа и осыпаетъ его укоризненными словами. Совѣсть обличаетъ человѣческую Натуру; меркнутъ солнце и мѣсяцъ со звѣздами и мертвые возстаютъ изъ гробовъ; Натура отъ страху убѣгаетъ. Возмущенный такими беззаконіями, Гнѣвъ Божій ярится на человѣческую Натуру и хочетъ ее погубить. Съ нимъ соглашается и Справедливость. Они призываютъ архангела Михаила, даютъ ему въ лѣвую руку вѣсы, а въ правую—мечъ, и повелѣваютъ ему погубить всѣхъ, кромѣ тѣхъ, за которыхъ распялась Милость Божія. Но Милосердіе и Благодать умоляютъ Гнѣвъ Божій пощадить человѣческую Натуру; Гнѣвъ Божій обѣщается погубить только Міръ, Грѣхи, языческихъ боговъ и т. п., для чего повелѣваетъ, чтобы возгремѣло небо и испустило молніи.

Въ третьемъ актѣ Небо умерщвляетъ громомъ и молніями седмочисленные Грѣхи, Міръ и Гнѣвъ, собравшихся на совѣщаніе съ Натурой человѣческой, но послѣднюю оставляетъ въ живыхъ. На нее набрасывается Смерть, скрежеща своими зубами; но и Смерть была связана и повергнута подъ ноги пригвожденнаго ко кресту Господа, чтобы принять равную казнь со своими друзьями. Затѣмъ совершается избавленіе людской Натуры, которое изображается и прообразовательно примѣромъ пророка Іоны, спасеннаго изъ чрева китова, и аллегорически выставленіемъ на сцену Милосердія Божія, которое вмѣстѣ съ Ангеломъ Хранителемъ обнадеживаетъ Натуру обѣтованіемъ спасенія и направляетъ ее къ распятому на крестѣ Господу. При пѣніи анге-

ловъ, Милосердіе, Ангелъ Хранитель, Произволеніе и Совѣсть приводятъ Натуру къ распятому Господу, слагаютъ въ его гробѣ орудія страстей Христовыхъ и сердца, цѣлуютъ всѣ вмѣстѣ крестъ и пригвожденнаго къ нему, снимаютъ тѣло Господа съ древа и полагаютъ во гробѣ.

Въ Епилогѣ воздается благодареніе Богу и слушателю за предпринятые послѣднимъ труды и испрашивается прощеніе за допущенныя погрѣшности.

Обращаетъ на себя вниманіе сложность сценической обстановки, какой требовало исполненіе драмы „Свобода". Въ 4-ой сценѣ 2-го акта меркнутъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, мертвые возстаютъ изъ гробовъ; въ послѣдней сценѣ 2-го акта и въ 3-мъ актѣ, въ первомъ явленіи, гремитъ громъ, блистаетъ молнія, а въ 3-мъ явленіи 3-го акта театръ долженъ представлять волнующееся море съ бѣдствующимъ среди волнъ кораблемъ; чтобы спастись отъ потопленія, мореплаватели бросаютъ Іону въ море; пророка проглатываетъ китъ, а въ 5-мъ явленіи онъ изрыгаетъ его на берегъ [1]).

Нося общій характеръ іезуитскихъ moralité, эта драма не чужда и домашнихъ позаимствованій. Выше мы указывали на нѣкоторую зависимость драмы „Свобода" отъ предыдущей Кіевской драмы „Царство Натуры людской" въ выборѣ самого сюжета, который, по нашему мнѣнію, заимствованъ изъ частнаго эпизода послѣдней драмы и положенъ въ основаніе драмы „Свобода". Сходные мотивы есть и въ другихъ пунктахъ обѣихъ драмъ. Въ драмѣ „Свобода" Смерть такъ же ярится на всю движущуюся тварь, а Небо и Земля со всею тварію такъ же вторятъ рыданію падшей Натуры, какъ и въ „Царствѣ натуры людской". Въ обѣихъ драмахъ одинаково гремятъ

---

[1]) Изд. В. И. Рѣзановымъ въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ", 1908 г., кн. 3, стр. 36 и слѣд.

небесные громы и сверкаютъ молніи. Такъ какъ драма „Свобода“ доводится только до положенія тѣла Спасителя во гробъ, то надобно полагать, что она разыгрывалась тоже въ страстную пятницу, какъ и предыдущія двѣ драмы.

Нѣкоторое сходство съ этими драмами обнаруживаетъ и слѣдующая Кіевская школьная драма:

6) „*Мудрость предвѣчная*, во едемскомъ душу разумную вертоградѣ наздавшая, самоизвольнѣ же въ плѣнъ Ада восхищенную отъ погибели вѣчной къ первому рая блаженству Любве Божія довлетвореніемъ возведшая, чрезъ благороднихъ Россіи младенцовъ въ училищномъ Коллекгіумѣ Кіево-Могілеанскомъ стихотворнымъ сложеніемъ 1703 явствовася“.

Драма состоитъ изъ „Проліокга“, трехъ дѣйствій съ нѣсколькими „пѣніями“ или хорами и „Епѣліокга“.

Прологъ указываетъ, между прочимъ, на древній обычай писать драмы:

Изрядное отъ древнихъ обрѣтенно дѣло
Хотяще непремѣннѣ сохранити цѣло,
Діалогично реку въ лицѣхъ явствованно
Строеніе, въ то время назнаменованно,
Учащеся сложномъ въ россійской Аѳинѣ
Стихотвореніе се отновити нинѣ
Умислихомъ въ честь Богу въ Троици едину,
Мудростію строящу всяческая выну.

Въ первомъ актѣ Мудрость Предвѣчная вызываетъ къ бытію душу разумную и свободную для того, чтобы она была властительницею земли и зрительницею дѣлъ Божіихъ, и даетъ ей заповѣдь о невкушеніи плода съ древа познанія добра и зла. Душа сначала хранитъ заповѣдь и живетъ въ согласіи съ разумомъ и волею, но потомъ, по внушенію Гордости, Безумія и другихъ олицетворенныхъ страстей и пороковъ, нарушаетъ Божію заповѣдь, теряетъ гармонію своихъ силъ, проситъ у Срама одежды и скрывается. Мудрость Предвѣчная ищетъ душу и зоветъ ее къ себѣ:

Гдѣ едемскій гражданинъ? гдѣ ся водворяетъ?
Кое нѣдро райское его сокрываетъ?
Престолъ вижу спразденный...
Ниже древеса имутъ подъ собою спяща.
Гдѣ сія, гдѣ—гдѣ сія, на коемъ есть мѣстѣ?
Почто доселѣ оцѣ мои не видѣсте?
Вѣмъ, чесо ради бѣжа въ тайная отсюду.
Предамъ теди отнинѣ ю смертному суду.

И дѣйствительно, Мудрость Предвѣчная призываетъ Смерть и отдаетъ подъ ея власть преступную душу. Смерть радуется добычѣ и ведетъ ее въ Адъ, который привѣтствуетъ приходъ ея пѣніемъ.

Во второмъ дѣйствіи выходитъ на сцену Вражда. Она торжествуетъ побѣду надъ Миромъ, радуется раздѣленію, происшедшему между Богомъ и душею, и упрекаетъ Бога за то, что Онъ райскою обстановкою какъ бы самъ подготовилъ паденіе души, и что, поэтому, Онъ несправедливо наказываетъ ее. Но небесный голосъ отвѣчаетъ Враждѣ, что душа была свободна сохранить или нарушить заповѣдь Божію и потому ничѣмъ не можетъ оправдаться въ преступленіи этой заповѣди. Тогда Вражда всѣми силами своими обрушивается на преступную душу. Вмѣстѣ со Справедливостью она призываетъ Гнѣвъ Божій и повелѣваетъ ему „протещи земные и подземные предѣлы и погублять всѣхъ живущихъ:

Протецы, яко искра по стеблію злака,
Яко пламень сквозѣ дебрь многовидна зрака,
Сотри, убій, погуби всяка безъ пощады,
Не пожалѣй силъ чести Божія ради“!

Подъ ударами Гнѣва Божія душа горько плачетъ. Безуміе, Гордость, Ненависть и другія олицетворенныя страсти ликовствуютъ. Разумъ и Воля сѣтуютъ о погибели души Ихъ печали вторитъ само Небо. Въ Небѣ слышится пѣніе:

Горькія слезы точити начнѣте
Звѣзди, планети и солнечній свѣте!
Паде вамъ зритель, паде въ устнѣ Аду,
Въ смертну ограду.
Постени, земле, трепетнѣ ужасно!
Твое падеся строеніе красно,
Падеся вѣчнѣ вся твоя оздоба
До адска гроба.
Древа жизненни, благолѣпни цвѣти!
Ридайте сего, что васъ имѣти зрѣти!
Падеся лестнѣ сицева красота,
Ваша доброта.
Холми и дебри, многоплодни рѣки!
Творѣте вопли можете колики!
Вашъ обладатель предадеся смерти.
О судъ нестерти (?)!
Безплотныхъ лики пронзивія гласи
Даждмо, да всю тварь обыдутъ ужаси!
Душа разумна есть вселенна нинѣ
Въ адской тинѣ.
Архангелъ полки вси совокупленно
Изліймо слезы горкія чувственно!
Наша обряща во тму предадеся,
Ибо падеся.
Вси сполне хори риданія види
Даждте различни, яко нѣ суть слѣди
Во наше число, но даже до Ада
Зъ едемска сада.

Миръ Божій, тронутый плачевнымъ положеніемъ души и печалію о ней всей твари, рѣшается примирить грѣшную душу съ Богомъ, а для этого истребить первоначально корень зла Гордость и Безуміе.

Въ третьемъ дѣйствіи Миръ Божій, вмѣстѣ съ Вѣрою и Надеждою, приступаетъ къ престолу Мудрости и умоляетъ ее простить страждущую душу. Но Справедливость и Гнѣвъ находятъ невозможнымъ простить грѣшную душу, такъ какъ сама она не въ состояніи удовлетворить Правдѣ Божіей за свой грѣхъ. Тогда выступаетъ Любовь и рѣшается

сама пострадать для примиренія души съ Богомъ. Вражда, узнавши о намѣреніи Любви искупить человѣческую душу, возмущается и хочетъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы продолжить и увеличить раздоръ между Богомъ и душею и помѣшать дѣлу искупленія человѣка. Ко Враждѣ являются Безуміе и Двоедушіе, ободряютъ ее и обѣщаютъ ей свою помощь. Двоедушіе обѣщается предать Любовь въ руки Вражды:

Есмъ бо Двоедушіе: двѣ душѣ всегда маю,
Едну для васъ, другую для ей ховаю;
Тѣмъ едною въ васъ буду, а другою льстити
Буду ю лобзаніемъ, дабы восхитити,
И восхитивши предамъ ей вамъ не драго;
Сердце бо мое къ ней зѣло не есть благо.

Безуміе одобряетъ Двоедушіе, и оба они отправляются исполнить замышленное дѣло.

Дальнѣйшій ходъ пьесы строго слѣдуетъ за евангельскимъ порядкомъ повѣствованія о страстяхъ Христовыхъ Двоедушіе играетъ роль Пилата, а Безуміе—Ирода. Иногда евангельскій текстъ чуть не буквально воспроизводится въ пьесѣ. Таковъ, напримѣръ, разговоръ Лицемѣрія съ Любовію:

Лицемѣріе: Ти же рци ми,—откуду еси? рци,—откуду?
Любовь: Ниже азъ, ниже царство есть мое отсюду;
Аще убо отсюду царство мое было,
Не би мое воинство мене оставило, и проч.

Конецъ драмы—такъ же печальный, какъ и предыдущихъ трехъ драмъ. „Епѣліокгъ“ ея гласитъ такъ:

Обѣщаніе наше уже во кончину
Приспѣ дѣйствомъ тройственнимъ, составленнимъ
въ чину;
Вся бо предреченная свой конецъ пріяша:
Уже, глаголю, слезна исполнися чаша,
Уже довлетворящій зложися во гробѣ,
Уже Вѣра, Надежда, сѣтующе обѣ,
Опрятоша во Любвѣ Іисусово тѣло.
Южъ хотѣніе ваше, мню, же ся довлило.

Но аще что не сладко рытмъ нашъ вѣщеваше,
Не изъ Гипокрени, лечъ изъ Мерри истѣкаше
Тѣмъ благостнѣ покрити восхощите молимъ,
Да тако двойственную скорбь нашу утолимъ.
Мзда же не отъ рукъ нашихъ за прияти труди,
Но якъ со страждущимъ сострадавши буди
Желаемъ.

На основаніи печальнаго окончанія драмы можно думать, что она писалась не для забавы, а для возбужденія скорби о распятомъ Господѣ, и потому болѣе всего приличествовала днямъ страстной седмицы, посвященнымъ воспоминанію страданій Спасителя.

Въ сценической обстановкѣ драмы фигурируютъ земной Рай, Адъ и Небо, и съ Неба слышатся небесный голосъ и пѣніе ангельскихъ хоровъ, которые мы слышали и въ „Торжествѣ Натуры людской". Есть съ послѣднею и другія точки соприкосновенія нашей драмы какъ въ изложеніи исторіи грѣхопаденія прародителей, такъ и въ наказаніи преступной души, особенно же въ пѣніи небеснаго хора, оплакивавшаго паденіе человѣка. Это пѣніе представляетъ изъ себя лишь перифразъ приведеннаго нами выше пѣнія Ангеловъ и Плача въ „Царствѣ Натуры людской". Но, не смотря на возможныя позаимствованія, драма „Мудрость Предвѣчная" проникнута единствомъ теплаго религіознаго чувства и тона и отличается относительною чистотою русскаго языка въ сравненіи съ предыдущими Кіевскими школьными драмами. Есть въ ней, по видимому, и нѣкоторыя картины малорусской природы, какъ, напримѣръ, сравненіе дѣйствій всеистребляющаго гнѣва Божія со степнымъ пожаромъ: „протецы яко искра по стеблію злака" [1]).

---

[1]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіев. Академіи", Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи", ноябрь, 1866 г., стр. 362—7; „Описаніе рукописныхъ собраній... въ Кіевѣ", Н. Петрова, вып. I. Москва, 1892 г., № 258, стр. 285.

7) Послѣднее изъ намѣченныхъ нами драматическихъ школьныхъ произведеній Кіевской Академіи перваго періода собственно не принадлежитъ къ числу драмъ, а представляетъ изъ себя только школьное упражненіе въ классѣ піитики [1]). Такія упражненія писались въ Кіевской Академіи и на латинскомъ, и на польскомъ языкахъ. Латинскую декламацію мы имѣемъ на день обрѣзанія Господня и вмѣстѣ на день памяти св. Василія Великаго [2]). Наша пьеса называется *Declamatio de Sanctae Catharinae genio* и составлена въ 1703 году на польскомъ языкѣ коллективнымъ трудомъ 29-ти студентовъ Кіевской Академіи, вѣроятно подъ руководствомъ тогдашняго профессора піитики Кіевской Академіи Иларіона Ярошевицкаго.

По содержанію своему, декламація эта представляетъ изъ себя послѣдовательное переложеніе въ драматическую форму житія св. великомученицы Екатерины, празднуемой православною церковію 24 ноября. Къ этому дню и должно быть пріурочено составленіе декламаціи. По изслѣдованію Вл. А. Розова, изложеніе житія св. Екатерины въ декламаціи имѣетъ нѣкоторыя особенности въ частностяхъ, не встрѣчающіяся въ славяно-русскихъ источникахъ этого житія, какъ наприм., въ Анѳологіонѣ 1660 г. и въ Четь-Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Отъ миней она отличается именемъ императора (не Максиминъ, а Максентій), отъ Анѳологіона—и формою имени полководца (не Порфиріонъ, а Porfirius), и подробностями мученій св. Екатерины. Кое въ чемъ она отступаетъ отъ обоихъ источниковъ: мать и родственники мученицы, склоняющіе дѣву по обоимъ житіямъ

---

[1]) „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.“, Н. Петрова. Кіевъ, 1895 г., стр. 83 и 98.

[2]) Изд., на основаніи рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря проф. Р. Абихт-омъ въ брошюрѣ „Declamatio de nomine dulcissimi Jesu circumcisi. Leipzig. 1903.

къ браку, въ декламаціи отсутствуютъ; ихъ замѣняетъ аллегорическая Amor Terrestris. Префектъ Александріи въ ней названъ Chursasaden; упоминается философъ Hargocrates или Hyrocrates; нѣтъ сцены съ народомъ, когда мученицу ведутъ на казнь; не упоминается о превращеніи ея крови въ молоко, о перенесеніи ея тѣла ангелами на Синай, и проч. По нашему мнѣнію, объясненія житійныхъ варіантовъ нужно искать въ „Житіяхъ святыхъ“ Петра Скарги, у котораго въ житіи св. Екатерины, подъ 25 ноября, дѣйствительно встрѣчаются имена Maxentius, Porfirius, Chursasaden и др.

Но откуда бы ни заимствовано было существенное содержаніе декламаціи, во всякомъ случаѣ оно подверглось нѣкоторымъ передѣлкамъ, чтобы приспособить его къ спеціальнымъ задачамъ нашего автора. По мнѣнію В. А. Розова, декламація написана въ честь будущей второй супруги Петра I Екатерины Алексѣевны, звѣзда которой ярко восходила въ это время; именно въ это время произошло ея сближеніе съ Петромъ. Нѣкоторыя измѣненія въ житіи, допущенныя Ярошевицкимъ, по видимому, подтверждаютъ, что онъ имѣлъ въ виду именно будущую императрицу. Напримѣръ, Екатерина житія, гордая своей красотой, мудростью, знатностью и богатствомъ, ищетъ себѣ супруга, который бы превосходилъ ее во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Какъ ни льстить Екатеринѣ Скавронской, но придать ей богатство и знатность было невозможно. Нашъ авторъ нашелся: гордость богатствомъ онъ замѣнилъ презрѣніемъ къ нему, а благородство происхожденія—благородствомъ добродѣтели. Эти и нѣкоторыя другія измѣненія житія, допущенныя декламаціей, странны и непонятны безъ предположенія, что она имѣетъ въ виду Екатерину Скавронскую [1]).

---

[1]) „Южно-русская школьная драма о св. Екатеринѣ“, Вл. А. Розова, въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ преп. Нестора Лѣтописца“, кн. XVIII, вып. III и IV. Кіевъ, 1905 г. Сн. „Историческій Вѣст-

Итакъ, всѣхъ пьесъ перваго періода Кіевской драмы, несомнѣнно представленныхъ въ самой Кіевской Академіи, доселѣ извѣстно только семь, а сохранилось, хотя и не вполнѣ, только шесть. Четыре изъ нихъ разыгрывались въ страстную Пятницу и потому естественно носятъ на себѣ строгій священный характеръ, не допуская никакихъ простонародныхъ интерлюдій, которыя профанировали бы святость этого дня, а двѣ, именно объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ и о св. Екатеринѣ, приближаются по характеру къ панегирическимъ пьесамъ въ честь царей и царицъ, такъ называемымъ *ludi caesarei*.

Исполнялись онѣ, а—можетъ быть—отчасти и сочинялись, учившимися въ Кіевской Академіи сыновьями казацкой старшины, какъ это видно изъ заглавій большинства пьесъ, исполненныхъ „благородною“ или „шляхетскою“ молодежью. Эта молодежь несомнѣнно пользовалась въ Кіевской Академіи извѣстнымъ значеніемъ и выдѣлялась изъ ряда другихъ учащихся. Въ 1684 году иностранецъ Патрикій Гордонъ приглашалъ студентовъ знатнаго происхожденія къ себѣ на обѣдъ и отчасти посвящалъ ихъ въ государственную политику [1]). Они имѣли и матеріальныя средства для того, чтобы обставить исполняемыя ими школьныя драмы нѣкоторою пышностію. Можетъ быть, аристократическимъ характеромъ исполнителей школьныхъ драмъ объясняется отчасти и сравнительная ихъ мертвенность и отдаленность отъ живыхъ интересовъ народной малорусской жизни. Отцы этихъ „шляхетныхъ“ юношей, да и сами они заступили мѣсто только-что изгнанныхъ изъ Малороссіи польскихъ

никъ“, май, 1903 г., ст. „Изъ жизни Петра Великаго“, стр. 451 и слѣд. Двѣ рождественскія драмы и одну пасхальную, относимыя г. Стешенкомъ къ XVII вѣку, мы считаемъ позднѣйшими.

[1]) См. дневникъ П. Гордона въ „Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1875 г., № 2.

пановъ и шляхты, сдѣлались новыми притѣснителями простого народа [1]) и чуждались его жизненныхъ интересовъ. Если и можно видѣть въ этихъ школьныхъ драмахъ какой либо прогрессъ, то онъ замѣчается только во внѣшней ихъ сторонѣ, въ постепенномъ очищеніи южнорусскаго книжнаго языка отъ полонизмовъ и въ приближеніи къ общерусской литературной рѣчи, особенно же послѣ возсоединенія Кіева съ Россіей.

Если же считать сохранившіяся доселѣ произведенія Кіевской школьной драмы перваго періода ея развитія отраженіемъ только аристократическаго элемента „шляхетскаго“ юношества, обучавшагося въ Кіевской Академіи; то возможно и даже необходимо допустить, что рядомъ съ этою школьною аристократическою драмою существовали произведенія и другаго рода, удовлетворявшія и низменнымъ слоямъ учившагося въ Кіевской Академіи юношества. Студенческая „голота“ имѣла особенное побужденіе интересоваться школьными драматическими проиведеніями, находя въ нихъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для своего проптанія. Отправляясь на „эпетиціи“ для испрошенія себѣ вспомоществованія къ продолженію наукъ [2]), или же пристроившись гдѣ либо въ провинціи къ опредѣленному мѣсту, подобные бѣдняки весьма часто промышляли и сценическими представленіями. А такъ какъ сложныя школьныя драматическія пьесы не могли быть исполняемы ихъ малочисленными, слабыми силами; то обыкновенно странствующіе „эпетиторы“ и „дьяки“ изъ студентовъ исполняли передъ своими зрителями только одну какую нибудь сцену, діалогъ, декламацію, интермедію или интерлюдію [3]), и притомъ старались, по возможности, принаровлять свое произведеніе къ

---

[1]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. 1, ч. 1. Кіевъ, 1904 г., введеніе, стр. 17.

[2]) Тамъ же, т. II. Кіевъ, 1906 г., № 117, стр. 375—6.

[3]) „Кіевская Старина“, февраль, 1885 г., стр. 326.

пониманію и вкусамъ своихъ слушателей и такимъ образомъ популяризировать школьную драму. Нѣсколько такихъ драматическихъ отрывковъ, и притомъ составленныхъ иногда съ претензіей на популярность, и сохранилось отъ XVII вѣка въ предѣлахъ нынѣшней Галиціи и Слободской Украины, которые, поэтому, мы и можемъ считать отраженіемъ Кіевской школьной драмы перваго періода ея развитія.

Б. Отраженіе Кіевской школьной драмы XVII и XVIII вв. въ Галиціи и Слободской Украинѣ.

Въ Галиціи и въ Слободской Украинѣ въ XVII вѣкѣ не было своихъ особыхъ латинскихъ православныхъ школъ, въ которыхъ составлялись бы школьныя драмы. А между тѣмъ въ этихъ областяхъ въ послѣднее время отыскано до семи небольшихъ школьныхъ пьесъ, отрывковъ изъ нихъ и передѣлокъ на южнорусскомъ книжномъ языкѣ, которые носятъ иногда латинскія названія, а въ иныхъ случаяхъ прямо обнаруживаютъ православіе своихъ составителей.

Естественнѣе всего думать, что эти пьесы и отрывки изъ нихъ обязаны занесеніемъ въ эти страны или передѣлкою ихъ здѣсь воспитанникамъ Кіевской Коллегіи или Академіи, которая привлекала къ себѣ православныхъ слушателей изо всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ концовъ Малороссіи. Это дѣйствительно и можно утверждать, хотя и съ большою осторожностію, относительно Слободской Украины, юношество которой тяготѣло къ Кіевской Академіи не только до основанія Бѣлогородско-Харьковскаго Коллегіума въ 1722—6 гг., но и послѣ этого времени [1]). Что же касается

---

[1]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., № 29, стр. 384. О слободскихъ воспитанникахъ см. тамъ же, по алфавитному указателю подъ словомъ „Слободскіе полки“.

предѣловъ нынѣшней Галиціи; то она, кажется, и донынѣ представляется нѣкоторыми совершенно изолированною и замкнутою отъ непосредственнаго воздѣйствія на нее Кіевской Академіи съ половины XVII вѣка [1]). Когда въ концѣ XVII вѣка Кіевъ окончательно отошелъ къ Россіи, то общеніе съ нимъ строго воспрещено было польскимъ правительствомъ своимъ подданнымъ [2]), а слѣдовательно и жителямъ Галиціи. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что общеніе Кіевской Академіи съ Галиціею никогда въ дѣйствительности не прерывалось, тѣмъ болѣе, что оно было не только непосредственное, но и посредствовалось зависѣвшими отъ Кіевской Академіи коллегіями въ предѣлахъ самой Польши. Да и непосредственное общеніе жителей Галиціи съ Кіевомъ и Кіевскою Академіею не прерывалось и послѣ запрещенія этого общенія польскимъ подданнымъ въ концѣ XVII вѣка. Изъ именныхъ вѣдомостей студентовъ Кіевской Академіи за 1736—7 и 1737—8 годы видно, что въ 1736—7 учебномъ году было въ ней заграничныхъ воспитанниковъ 127 человѣкъ, а въ 1737—8 году 122 человѣка. То были преимущественно уроженцы нынѣшняго Юго-Западнаго края Россіи (губерній Кіевской, Волынской и Подольской), Сѣверо-Западнаго края (Бѣлоруссіи и Литвы) и Галиціи [3]). Даже въ 1790 году зарубежныхъ воспитанниковъ въ Кіевской Академіи было 47 человѣкъ [4]). Тѣмъ болѣе могло быть въ Кіевской Академіи воспитанниковъ изъ этихъ краевъ въ XVII вѣкѣ.

---

[1]) „Кіевская Старина“, іюнь, 1896 г., стр. 411.

[2]) „Очерки исторіи базиліанскаго ордена, въ бывшей Польшѣ“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, августъ, 1870 г., стр. 417.

[3]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія вторая, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904 г, № 9, 10 и 22, стр. 272 и др.

[4]) Тамъ же, т. V, Кіевъ, 1908 г., стр. 280—291.

Кромѣ самой Кіевской Академіи, въ правобережной Украинѣ были еще двѣ второстепенныя латино-польскія православныя коллегіи, подчиненныя Кіевской, которыя могли обслуживать научно-религіозныя нужды православнаго населенія въ Польшѣ,—это коллегіи Винницкая и Гойская, основанныя Петромъ Могилою.

Объ основаніи Петромъ Могилою Винницкой Коллегіи говоритъ Сильвестръ Коссовъ въ своемъ Екзегесисѣ 1635 года. Она помѣщалась въ Винницкомъ Вознесенскомъ монастырѣ, одинъ изъ иноковъ котораго написалъ въ 1638 году на польскомъ языкѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ Indicium, т. е. Показаніе церкви истинной [1]). Но эта Коллегія существовала не долго, и значеніе ея для края было не велико.

Долговѣчнѣе и вліятельнѣе была другая православная правобережная коллегія Гойская или Гощанская на Волыни, близъ Луцка, тоже составлявшая филію Кіево-Могилянской Коллегіи. По сообщенію одной исторической записки о Кіевской Академіи, первымъ ректоромъ преобразованной П. Могилою въ 1631—2 году Кіевской Коллегіи былъ игуменъ Кіево-Братскаго монастыря Исаія Трофимовичъ Козловскій, который считался и провинціаломъ Коллегіума Кіевского и *Гойского*, „которое Гойское Коллегіумъ зъ монастыремъ належали до монастыря Братского Кіевского“ [2]). Изъ послѣдующихъ ректоровъ Гойскаго Коллегіума извѣстны: Игнатій Оксеновичъ Старушичъ въ 1639—40 г. и Иннокентій Гизель въ 1640—1 г., вѣроятно избиравшіеся, по обычаю, на трехлѣтіе. Лучшею похвалою Кіевской и Гойской Коллегіямъ можетъ служить отзывъ о нихъ измѣнника православію и злѣйшаго врага его Кассіана Сако-

---

[1]) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ“, Петрушевича. Львовъ, 1874, стр. 492.

[2]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіев. Академіи“, т. IV. Кіевъ, 1907 г., стр. 133.

вича, который въ 1642 году, упрекая уніатовъ въ невѣжествѣ, говорилъ имъ: „Что ваши училища? Они ничего не значатъ не только передъ латинскими, но и предъ училищами Петра Могилы Кіевскимъ и Гойскимъ“ [1]). Изъ послѣдующихъ начальниковъ Гойской Коллегіи извѣстны: воспитанникъ Кіевской Академіи Лука Шашкевичъ, бывшій въ Гощѣ учителемъ, префектомъ и ректоромъ [2]), и Сильвестръ Головчичъ, рекомендованный въ 1673 году мѣстоблюстителю Кіевской митрополіи архіепископу Лазарю Барановичу Варлаамомъ Ясинскимъ въ преемники себѣ по Кіевской ректурѣ и дѣйствительно утвержденный въ этой должности Лазаремъ Барановичемъ [3]). Вѣроятно, имѣлъ какое либо отношеніе къ Гощанской Коллегіи воспитанникъ Кіевской Коллегіи Ѳеофанъ Гурскій [4]), въ 1676 году бывшій настоятелемъ Мѣлецкаго монастыря [5]). Наконецъ, въ одномъ сборникѣ печатныхъ брошюръ Абрагама Взовія мы находимъ указаніе на послѣдняго ректора православной Гойской Коллегіи. Въ концѣ третьей брошюры этого сборника есть такая запись: „Помяни Господи во царствіи своемъ небесномъ іеромонаха Митрофана Судовскаго, ректора Гойского,

---

[1]) „Кіев. Академія во второй половинѣ XVII вѣка“, Н. И. Петрова. Кіевъ, 1895 г., стр. 12 и 16.

[2]) „Исторія Кіевской Дух. Академіи“, С. Т. Голубева, вып. I. Кіевъ 1886 г., приложен., стр. 78.

[3]) „Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в.“, Н. И. Петрова, Кіевъ, 1895 г.; стр. 31; сн. „Описаніе рукописныхъ собраній... въ Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. III, Москва, 1904 г., стр. 62, л.126—8.

[4]) „Описаніе рукописныхъ собраній... въ Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. I, Москва 1892 г., № 128, стр. 233. Здѣсь онъ ошибочно названъ Губскимъ.

[5]) Письмо его къ Варл. Ясинскому хранится въ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи, въ XV витринѣ.

игумена Луцкого, преставльшогося року 1678 декабр. 5“ [1]). Въ 1679 году Львовскій епископъ, тайный уніатъ Іосифъ Шумлянскій, просилъ польскаго короля отдать ему Гощанскій монастырь, а въ 1681 году дѣйствительно получилъ его въ свое владѣніе [2]). Въ 1678 году онъ рекомендовалъ Гойскую Коллегію духовенству своей епархіи, говоря: „можете и тутъ поучитися добрѣ яко русскаго, славенского, такъ и польского и латинського письма и языка“ [3]).

Воспитанники Кіевской и Гойской Коллегій, получивъ въ нихъ образованіе и возвращаясь на родину, могли приносить съ собою цѣлыя школьныя драмы или конспекты ихъ и отрывки изъ нихъ и здѣсь приспособлять ихъ къ своимъ практическимъ цѣлямъ. Были и особыя артели воспитанниковъ этихъ коллегій, которыя расхаживали по провинціальнымъ городамъ и селеніямъ со своими діалогами и интермедіями. По крайней мѣрѣ, это извѣстно о нѣкоторыхъ воспитанникахъ Кіевской Академіи первой половины XVIII вѣка. Такъ напр., около 1715 года одинъ пѣвчій изъ недоучекъ Кіевской Академіи съ двумя странствующими студентами ея публично исполнялъ въ Шкловѣ на Пасху какой-то діалогъ съ интермедіею [4]). Вѣроятно, при такихъ же условіяхъ арестованы были въ 1753 году въ Мозырѣ полковникомъ татарской хоругви Барановскимъ шесть бѣлорусскихъ студентовъ Кіевской Академіи [5]).

---

[1]) Изъ книгъ Смоленскаго епископа Гедеона Вишневскаго, находится въ библіотекѣ Смоленской дух. семинаріи. Сообщено Д. К. Вишневскимъ.

[2]) „Очерки исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, августъ 1870 г., стр. 422 и 424.

[3]) „Шематизмъ провинціи св. Спасителя чина св. Василія Великаго въ Галиціи“. Львовъ, 1867 г., стр. 108.

[4]) „Кіевская Старина“, февраль, 1885 г., стр. 326.

[5]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2. т. II, № 31, стр. 88.

Такими путями изъ Кіевской и Гойской Коллегій могли быть занесены въ XVII-мъ и въ началѣ XVIII вѣка въ Галицію найденные здѣсь списки пьесъ, отрывковъ изъ нихъ и передѣлокъ: 1) Мистерія на Благовѣщеніе, съ интерлюдіей, половины XVII вѣка; 2) Прологъ и эпилогъ къ пьесѣ на Рождество Христово, служившіе какъ бы афишею къ ней, того же времени; 3) Dialogus de passione Christi, около 1670 г.; 4) „Антипрологъ“ къ какой-то пасхальной пьесѣ; 5) „Слово про збурене пекла“ и 6) „Венкетъ духовный“, конца XVII или начала XVIII вѣка.

Языкъ этихъ произведеній—макароническій, составленный изъ элементовъ польскаго и южно-русскаго народнаго. Онъ не мыслимъ былъ въ кругахъ Львовскаго Ставропигіальнаго братства, въ которомъ сохранялись строгія традиціи „славяно-русскаго“, т. е. церковнаго языка [1]), и скорѣе свойственъ латино польско-русскимъ школамъ типа Могилянскихъ коллегій Кіевской и Гойской, и притомъ или извѣстной опредѣленной мѣстности, или извѣстной эпохи.

Казалось бы возможнымъ по количеству полонизмовъ въ этомъ языкѣ опредѣлить приблизительно время написанія каждой изъ этихъ пьесъ, не имѣющихъ опредѣленной хронологической даты, относя къ болѣе раннему времени наиболѣе обильныя полонизмами пьесы, какъ это мы видѣли на пьесахъ несомнѣнно Кіевскаго происхожденія. Но эта точка зрѣнія въ данномъ случаѣ совершенно непримѣнима. Сильная примѣсь полонизмовъ въ языкѣ этихъ пьесъ скорѣе указываетъ на западныя окраины Малороссіи, гдѣ малорусская рѣчь имѣетъ естественные этнографическіе переливы и переходныя ступени къ сосѣднему родственному языку польскому и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ополячивается. А между тѣмъ кіевскій южно-русскій книжный языкъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе очи-

[1]) „Кіевская Старина“, апрѣль, 1891 г., стр. 135.

щался отъ полонизмовъ и приближался къ общерусскому языку. Такимъ образомъ, въ послѣдствіи времени образовались въ Малороссіи двѣ особыя этнографическо-лингвистическія группы, отрознившіяся между собою до взаимнаго непониманія одной другою. Въ 1749 году профессоръ Кіевской Академіи іеромонахъ Георгій Конисскій на требованіе Кіевскаго губернатора Леонтьева прислать къ нему изъ студентовъ Академіи переводчика съ польскаго на русскій отвѣчалъ, что „способный къ таковому дѣлу въ Академіи не сискался. Хотя бо многыи суть полскій языкъ гораздо вѣдающіи, однакъ тіи русскаго язика совершенно не знаютъ; а напротивъ, которіи на русскомъ язикѣ, какъ и породившіися зде, искусны, тіи полскаго... не вѣдаютъ". По словамъ заграничнаго студента Максима Огіевскаго, въ 1750 году въ Кіевской „Академіи полскій діалектъ не производится, точію учителе всегда слѣдуютъ ученіе діалектомъ латинскимъ и русскимъ", и не захотѣлъ болѣе учиться въ ней [1]).

Не смотря однако же на отрозненность въ языкѣ западной и восточной Украины, малорусское населеніе той и другой долго жило еще общею жизнію, участвовало въ казацкихъ войнахъ XVII вѣка и переселялось изъ одной части Малороссіи въ другую, особенно изъ западной въ восточную. Вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ посредничества Кіевской Академіи, переходили изъ Западной Малороссіи въ восточную Украину и письменные памятники или во время казацкихъ войнъ съ эпохи Богдана Хмельницкаго, въ качествѣ военной добычи, или же со времени заселенія лѣвобережной и особенно Слободской Украины съ половины

---

[1]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи", серія 2, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., введеніе, стр. VI и VII.

XVII вѣка выходцами изъ правобережной Украины и въ частности изъ Галиціи. Такимъ именно путемъ, по объясненію г. Франка, занесена изъ Галиціи въ Слободскую Украину пасхальная вирша „про збурене пекла“ [1]).

Въ виду этихъ обстоятельствъ, мы не рѣшаемся опредѣлять старшинство драматическихъ произведеній этой группы по количеству полонизмовъ въ рѣчи и на этомъ основаніи включать ихъ въ общую хронологическую канву исторіи Кіевской школьной драмы перваго періода ея развитія. Мы не можемъ также съ увѣренностію утверждать, что извѣстное драматическое произведеніе разсматриваемой группы получило окончательную обработку въ правобережной или лѣвобережной Украинѣ; поэтому-то мы и не отдѣляемъ строго найденныхъ въ Галиціи произведеній этого рода отъ произведеній, найденныхъ или записанныхъ въ лѣвобережной и въ частности въ Слободской Украинѣ.

Къ сожалѣнію, другихъ данныхъ для опредѣленія времени и мѣста происхожденіи этихъ драмъ мы имѣемъ весьма мало. Палеографическія особенности Галиційскихъ и Слободскихъ украинскихъ списковъ школьныхъ драматическихъ произведеній, имѣющія въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе, не обслѣдованы надлежащимъ образомъ, и даже не указаны бумажные водяные знаки рукописей,—и намъ по необходимости приходится довѣрять въ установленіи хронологіи нѣкоторыхъ изъ этихъ драматическихъ произведеній готовымъ опредѣленіямъ лицъ, открывшихъ и обслѣдовавшихъ эти рукописи.

1) Одною изъ старѣйшихъ пьесъ, найденныхъ въ Галиціи, считается мистерія на Благовѣщеніе, съ интерлюдіею къ ней, относимая къ половинѣ XVII вѣка.

---

[1]) „Южно-русская пасхальная драма“, Мирона (Ив. Франка). въ „Кіевской Старинѣ“, іюнь, 1896 года.

Мистерія носитъ названіе „*Архангелови вѣщанія Маріи*“. Отъ пьесы дошли только сцены 5, 6 и 7, по видимому принадлежавшія къ одному и единственному дѣйствію или акту, такъ какъ ими исчерпывается вся сущность тайны Благовѣщенія.

Въ пятой сценѣ выводится Душа грѣшная. Она скорбитъ объ утратѣ своего возлюбленнаго жениха и объ отдаленіи отъ себя Бога грѣхомъ своимъ и слезно молитъ Творца сжалиться надъ нею, обвиняя въ преступленіи противъ Бога свое Тѣло грѣшное. Послѣднее сознается въ своей винѣ, ссылаясь, въ облегченіе вины, на соблазны Свѣта, доведшіе ихъ обоихъ до Ада, и совѣтуетъ Душѣ грѣшной припасть вмѣстѣ съ нимъ ко Господу со слезами и молить его, чтобы Онъ ниспослалъ имъ свое милосердіе. Оба они, и Душа и Тѣло, павши на колѣна, молятъ Творца послать имъ помощь съ своего престола. Милосердіе Божіе, съ возженною свѣчею, утѣшаетъ Душу грѣшную и Тѣло грѣшное обѣтованіемъ, что оно само низойдетъ съ неба взять на себя грѣхи человѣка и опять возвести его на небо. Душа и Тѣло благодарятъ за это Творца своего.

Въ шестой сценѣ начинается исполненіе обѣтованія, благовѣствуется о рожденіи Пресвятыя Дѣвы Маріи и излагается евангельская исторія посвященія ея Господу и обрученія Іосифу. Выходятъ на сцену Захарія святитель, неплодные Іоакимъ и Анна, ангелъ благовѣститель и затѣмъ Пречистая Дѣва Марія и Іосифъ Обручникъ. Въ заключеніе сцены „Пречистая Панна стоячи (будетъ) псалтирь читати, а хоръ будетъ спѣвати: Благовѣствуй, земле, радость велію! Пойте небеса Божію славу!“

По словамъ профессора Вл. Н. Перетца, „пьеса представляетъ большой интересъ, и не только потому, что даетъ обращикъ мистеріи: мы очень мало имѣемъ украинскихъ пьесъ отъ XVII вѣка, а открытую г. Свѣнцицкимъ и публикуемую нами, судя по характеру языка и стиля, мож-

но отнесть именно къ этой эпохѣ. Церковно-славянская стихія въ языкѣ пьесы сравнительно слаба; наблюдается обиліе полонизмовъ не только въ словарѣ, но и фонетикѣ, напр. *южъ*, *ижемъ-ся*, *же* (что), *естемъ*, *альбовѣмъ*, *з бозкой опатрности*, *жийте*, *незносный*, *зепсованный*, *млодзенче*, *пелна*..., что сближаетъ пьесу съ кругомъ литературныхъ произведеній первой половины и средины XVII вѣка. Довольно замѣтна и народная украинская стихія, какъ въ фонетикѣ—частая мѣна *у* и *в*, полногласіе (*стережи*, *боронити*), такъ и въ морфологіи и словарѣ. Отъ позднѣйшихъ продуктовъ литературы XVIII вѣка нашу пьесу отдѣляетъ ея, конечно условно, наблюдающійся въ ней реализмъ. Такъ, очень реально изображенъ Захарія, въ бесѣдѣ съ Іоакимомъ, напоминающій скорѣе сельскаго батюшку, а не Израильскаго первосвященника".

Захария наперед вийдетъ святителъ, и усядет собѣ на ок..., а потомъ Іоакимъ из Анъною жертву винесуть.

Захария Стлъ. Іоакиме, старче, где то такъ идешъ,
Що то вдячъного из жоною несешъ?

Іоакимъ Богу несу овчатко на жертву отдати,
Да ли былъ моглъ отъ него ласку отримати.
А ти зась, святителю, приймы, що приношу,
А офѣру за мене велце Богу прошу.

Захария. Іоакиме старче, любъ тя прогнѣваю,
Не учиню я того, и волѣ не маю.

Лямент Анны о безчадіи напоминаетъ плачъ матери Алексѣя человѣка Божія въ западно-русскомъ и Метафрастовомъ житіи. Встрѣчаются и черты того литературнаго стиля, который укрѣпился въ украинской лирикѣ въ XVII вѣкѣ, а въ великорусской—въ эпоху Петра Великаго. Таковы риторическія формулы вопрошенія: „Ахъ, що чинити маю", и т. п. Въ шестой сценѣ, послѣ благовѣщенія ангела Аннѣ, поютъ пѣснь: „О Маріе и Дѣвице, Пречистая [Голубице]". Пѣснь эта извѣстна по позднѣйшимъ спискамъ Богогласника XVIII вѣка и по печатному его изданію:

О Маріе и Дѣвице,
Пречистая Голубице!
О утренко, звѣзда ясная,
Отъ хоровъ ангельскихъ прекрасная...

Седьмая сцена заключается словами: „конецъ сценамъ поважнымъ всѣмъ“, послѣ чего помѣщена интермедія, относящаяся, по видимому, къ предыдущимъ „поважнымъ“ сценамъ.

Сюжетъ интермедіи разрабатывался и въ западно-европейской литературѣ. Онъ достаточно извѣстенъ въ старинной русской анекдотической литературѣ. Въ рукописяхъ XVII в. встрѣчается прѣніе Тараски-жидовина съ христіаниномъ-шутомъ о вѣрѣ, при чемъ лучшею объявляется та, которая имѣетъ больше праздниковъ; при счетѣ ихъ условливаются за каждый праздникъ вырывать у оппонента по волоску изъ бороды. Іудей перечисляетъ очень немного праздниковъ, христіанинъ же перечисляетъ воскресенья, дванадесятые праздники, выдергивая постепенно волосы у іудея, и наконецъ за праздникъ всѣхъ святыхъ вырываетъ всю бороду. Этотъ анекдотъ облеченъ авторомъ интермедіи въ бытовую обстановку украинской жизни: жидъ является перекупщикомъ шкурокъ тхоровъ (хорьковъ) и воску. Русинъ напрашивается къ нему въ попутчики и заводитъ споръ о вѣрѣ. Когда онъ вырвалъ у еврея всю бороду,—

Жидъ по бородѣ ляментъ зачинаетъ:
О вей, Адонай, Бозе зивий!
Ото оспетилъ мене гой злосливий!
Бороду мнѣ вирвалъ, якъ драпѣзний волъкъ,
И киемъ дузе такъ зе бока натолькъ,
Нѣ до зонки, нѣ до дѣтей нѣякъ прийти.
Ото оспетилъ такъ еси мене, гою, ти!
И отходитъ[1]).

[1]) См. „Архангелови вѣщанія Маріи и благовѣщенская мистерія“, Ил. Свѣнцицкаго въ „Запискахъ Науковаго товари-

Состоя изъ одного только акта или дѣйствія, съ семью явленіями, пьеса, очевидно, разсчитана была не на большое число актеровъ, которое могло бы найтись въ болѣе или менѣе многолюдной школѣ, а на малое число любителей-актеровъ какого-либо захолустья Галиціи. Вѣроятно, она составлена или редактирована была какимъ либо воспитанникомъ православныхъ южно-русскихъ школъ Могилинскаго типа, т. е. Кіевской или Гойской коллегій.

2) Къ половинѣ же XVII вѣка относятъ Прологъ и Епилогъ къ *пьесѣ на Рождество Христово*, найденные въ томъ же рукописномъ сборникѣ, въ которомъ найдены и отрывки предыдущей пьесы.

Прологъ обыкновенно указываетъ главную тему пьесы и предшествуетъ ея сценическому представленію. Въ данномъ Прологѣ говорится слѣдующее:

Премѣнивши фрасунокъ на гойную радость,
Отложѣмо отъ себе грѣховную сладость.
Приложѣмся до хвали презацного Пана,
Привернѣмъся до чести славного Гетмана,
Который отпустивши гмахи небесные,
Спустился на низкіе краини земніе,
А вселилъся во животъ Пречистои Панни,
А нинѣ ся рождаетъ у бидлячой стайнѣ;
Навѣжаетъ праотца въ тѣлѣ созданнаго,
Изъ раю пресличного за грѣхъ вигнаннаго,
Которого дьяволъ лютий презъ овоцъ былъ извѣлъ
И до неласки бозкой навѣки былъ привелъ.

щества имени Шевченко въ Львовѣ", 1907 г., кн. 2 и 3.; „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра", В. Н. Перетца, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ", 1907 г., кн. 4, стр. 63—84; „Інтермедія еврея з русиномъ", Ив. Франка, Харьковъ, 1908 г. (Оттискъ изъ XVIII тома „Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества").

Въ человѣческий образъ днесь ся оздобляетъ,
Сказителное тѣло бозствомъ обновляетъ.
Нинѣ тому аггели съ пастирми спѣваютъ
И царіе отъ востокъ со дари витаютъ,
Ливанъ, смирну и злато чистое приносятъ,
Яко своему послугу голосятъ,
Бо познали моцарство вельможного Пана,
Котрому идетъ хвала отъ всякого стана.
Нехай же днесь и отъ насъ тому будетъ слава,
Якъ превѣчному Слову, речетъ моя глава;
Мы въ мовѣ *отроческой* то вамъ повѣдаемъ,
А о ритмовъ слуханя миле упрашаемъ.
Послухай не тескливе тоей бозкой справи,
Въ побожнихъ справахъ своихъ *церковной* забави.

Въ эпилогѣ, какъ заключительной части пьесы, высказываются благопожеланія слушателямъ:

Яко жъ слышалъ зъ нашихъ мовъ, що то тутъ правили,
Христа рожденнаго *сценами* хвалили;
Ти за свое пилъное слухачъ слуханя
Зичимъ въ небѣ зъ рожденнимъ Христомъ кролеваня,
Абы тутъ вамъ даровалъ вѣки злоцѣстие,
А у небѣ радости въ тожъ вѣкуистие,
За то, жесь—те слухали бозкой въ *церквъ* хвали,
Дай рожденний, абысьте долъгий вѣкъ мешкали
Тежъ на земли, а въ небѣ не мѣючий конца
Взяли вѣкъ до мешканя отъ Бога Отца [1]).

Прологъ и эпилогъ соотвѣтствуютъ между собою по содержанію и нѣкоторымъ частнымъ особенностямъ и потому должны быть отнесены къ одной и той же пьесѣ на Рождество Христово, составляя какъ бы программу или афишу ея. Судя по прологу, въ пьесѣ говорилось о грѣхопаденіи прародителей, воплощеніи и рождествѣ Сына Божія, славословіи ангеловъ и пастырей новорожденному Богомла-

---

[1]) „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра“, В. Н. Перетца, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1907 г., кн. 4, стр. 84—6.

денцу и поклоненіи ему волхвовъ. Но, не смотря на сложность содержанія, пьеса представлена была „въ сценахъ“ или явленіяхъ, а не въ дѣйствіяхъ или актахъ, и, слѣдовательно, состояла изъ одного только акта или дѣйствія, заключавшаго въ себѣ нѣсколько сценъ. Вѣроятно, она извлечена была изъ какой нибудь болѣе сложной рождественской драмы, и при томъ человѣкомъ школьнаго образованія, знакомымъ съ силлабическимъ стихосложеніемъ. Исполнителями пьесы были „отроки“, вѣроятно воспитанники какой нибудь сельской дьяковской или монастырской школы, во главѣ которой стоялъ панъ—бакаляръ изъ обучавшихся въ какой либо коллегіи.

Мѣстомъ исполненія пьесы была церковь, какъ объ этомъ согласно говорятъ и прологъ и эпилогъ. Очень возможно, что въ западной Малороссіи, вслѣдствіе сосѣдства съ поляками и по примѣру ихъ, подобныя добавочныя къ праздничному Рождественскому богослуженію пьесы исполнялись и въ самой церкви и имѣли характеръ священныхъ мистерій.

3) Къ мистеріальнымъ пьесамъ отчасти примыкаетъ и „*Діалогъ о страданіи Спасителя* (Dialogus de passione Christi)“, XVII в. Онъ найденъ въ рукописномъ сборникѣ села Смерекова, Львовскаго уѣзда, заключающемъ статьи и замѣтки 1607, 1655 и 1670 годовъ. Діалогъ писанъ тою же рукою какою и заглавіе, помѣченное 1670 годомъ, къ которому приблизительно и должна быть отнесена его переписка, если не составленіе.

Діалогъ этотъ состоитъ изъ пролога, писаннаго на польскомъ языкѣ и заключающаго въ себѣ сценарій для драмы, и пяти сценъ, писанныхъ, по признанію автора, русскимъ діалектомъ. Изъ этихъ пяти сценъ три первыя можно считать мистеріей, двѣ же послѣднія переходятъ въ родъ moralité.

Главное содержаніе пьесы несомнѣнно заимствовано изъ евангельскихъ сказаній и церковныхъ пѣснопѣній на страстную седмицу. Но эти первоисточники не помѣшали, однакоже, и самобытному творчеству автора, который съумѣлъ подмѣтить и рельефно выставить нѣкоторыя драматическія детали въ психическомъ состояніи не только самого Спасителя въ его моленіи о чашѣ, но и Богоматери, и ангела, принесшаго Спасителю чашу страданій, и новой церкви Христовой, и оттѣнить психическіе мотивы въ дѣйствіяхъ этихъ лицъ библейскими параллелями и сопоставленіями.

Въ первой сценѣ является Ангелъ, несущій Спасителю чашу страданій. Онъ жалуется на людей, которые грѣхами своими довели до необходимости воплощенія Божія и страданій Богочеловѣка; жалуется и на то, что ему одному изъ всего ангельскаго сонма выпала печальная доля поднести своему Владыкѣ чашу страданій. Съ Ангеломъ встрѣчается Пресв. Дѣва и, узнавъ о цѣли его миссіи, останавливаетъ его и проситъ его дать ей самой выпить чашу страданій, назначенную для ея возлюбленнаго Сына, такъ какъ Онъ постоянно находится въ ея сердѣ:

Тутъ есть Сынъ мой, тутъ завше я его ховаю,
Во внутрностяхъ и въ серцу Ісуса я маю,
Дай же теды, Ангеле, мнѣ келихъ выпити,
Если хочешь Ісуса мого напоити.

Ангелъ не осмѣливается нарушить даннаго отъ Бога повелѣнія. Тогда Пресв. Дѣва умоляетъ Ангела дать ей хоть немного отпить изъ этой ужасной чаши страданій, чтобы облегчить сколько-нибудь крестныя страданія своего Сына:

Вдаръ копѣю у серце, любъ на мои скронѣ
Терновой той окрутной дай мѣсце коронѣ,
Або въ руки гвоздіе мои рачъ убити,
Любъ щоколвекъ,—тилко хтѣй и мнѣ удѣлити.
Нехай не всѣ мордерства Ісусъ мой поносить,—

О то тебе нендзная Матка Его проситъ.
Но въ это время доносится изъ ада скорбный вопль:
Будь милостивъ, Господи, змилуйся надъ нами!
Покажи милосердіе Твое надъ вязнями,
Снийди съ небеси, Творче, выбавъ насъ зъ неволѣ,
Учини, о Господи, дость Отцевской воли!

Послѣ этого Ангелъ рѣшительно отказываетъ въ мольбѣ Богоматери. Она плачетъ, не зная, куда ей обратиться для спасенія возлюбленнаго своего Сына. Пошла бы она со своими слезами ко Отцу на небо, но туда пускаютъ не со слезами, а только съ радостями; боролась бы съ Ангеломъ и отняла бы у него чашу страданій, но не имѣетъ силъ Іакова. Архангелъ Гавріилъ уже не привѣтствуетъ ее скорбную, а его прежнее благовѣстіе принесло ей теперь еще большую скорбь. Богоматерь сама обращается къ Отцу небесному съ мольбою за Сына, напоминаетъ Ему о вѣчномъ Его милосердіи къ людямъ, о спасеніи ея съ Сыномъ во время бѣгства во Египетъ и избавленіи Его отъ убійцъ Ирода, и въ заключеніе обращается къ своему Сыну съ такою мольбою:

Вступи теды, о Сыну, до моей утробы.
Нехай оразъ съ Тобою буду въ едномъ гробѣ!
Вниди, Сыну, до сердца и хтѣй тамъ умрѣти,
Гдесь ся тежъ на початку рачилъ уродити!

Во второй сценѣ Ангелъ подходитъ къ Спасителю, молящемуся въ саду Геѳсиманскомъ, и подаетъ Ему чашу страданій. Спаситель смущается духомъ при мысли, что Его преслѣдуютъ не только люди, но и ангелы, и готовятъ Ему лютую смерть. Ангелъ оправдывается и указываетъ на то, что онъ есть только несчастный исполнитель воли Бога Отца. Тогда Спаситель обращается съ мольбою къ Отцу своему небесному, напоминаетъ Ему о своемъ предвѣчномъ единеніи съ Нимъ, о Его милостяхъ, оказанныхъ Лоту при выходѣ его изъ Содома, Товіи, Даніилу и др.,—милостяхъ, которыхъ однако теперь ока-

зался лишеннымъ Онъ—Единородный Сынъ Отчій, и проситъ, да мимо идетъ отъ Него чаша сія. На новое оправданіе Ангела, что онъ—только исполнитель воли Бога Отца, Спаситель отвѣчаетъ жалобою, что Онъ является какъ бы обманщикомъ передъ своими врагами и народомъ, когда проповѣдывалъ, что у небеснаго Отца Его—тмы темъ легіоновъ ангеловъ, исполняющихъ Его волю. Ангелъ еще разъ повторяетъ, что онъ—только несчастный исполнитель воли Бога Отца, прибавляя:

Если теды не приймешъ (що и я жадаю),
Я ся назадъ зъ келихомъ заразъ повертаю.

Но въ это время опять слышится изъ преисподней знакомый уже намъ вопль грѣшниковъ:

Будь милостивъ, Господи, змилуйся надъ нами! и проч.

Тогда Спаситель рѣшительно беретъ изъ рукъ Ангела смертную чашу и говоритъ:

Стой, Ангеле, почекай, дай Ми чашу въ руки!
Юже ты жъ ся отважу на всѣ тые муки.
Проразило мя пекло, ляменты и лканя,
Серце мое зранили людскіе воланя.
И маетъ же такъ марне отъ Мене створеный
Чоловѣкъ загинути въ пеклѣ зануреный?
И будетъ же такъ много смерть людми радити,
Албо шатанъ пекелный будетъ ли губити?
Иду на крестъ, на кгроты, и тежъ на катовнѣ!
Стану предъ судіями, умру неотмовнѣ.

Въ третьей сценѣ Пресв. Дѣва встрѣчаетъ своего возлюбленнаго Сына съ чашей страданій, слышитъ отъ Него о его рѣшимости пострадать и умереть за грѣшный людской родъ, представляетъ въ своемъ умѣ предстоящія Ему тяжкія страданія и молитъ Его, чтобы и она была соучастницею Его страданій и крестной смерти. Спаситель отказываетъ въ ея просьбѣ:

Бысь заразъ оразъ зо мною мѣла умирати,
Сама того не зычь Ми, пречистая Мати;
Бо мусѣлъ бымъ срожшіе муки подносити,

Если бымъ былъ съ Тобою на крестѣ прибитый.
Станемъ въ той часъ зъ Тобою, кгды сядемъ на тронѣ,
Теразъ нехъ стоятъ лотры на обыдвѣ стронѣ.

Въ это время въ третій разъ повторяется вопль грѣшниковъ изъ преисподней:

Будь милостивъ, Господи, змилуйся надъ нами! и проч.

Эта троекратно повторяющаяся скорбная мелодія играетъ въ пьесѣ какъ бы роль древнеклассической судьбы или директива, направляющаго ходъ пьесы, по видимому готовой уклониться въ сторону, къ своему опредѣленному концу, и должна была производить на современныхъ зрителей и слушателей глубокое, потрясающее впечатлѣніе. На этотъ разъ Пресв. Дѣва, потрясенная воплемъ грѣшниковъ, не настаиваетъ уже ни на минованіи чаши отъ Ея Сына, ни на соучастіи въ Его крестныхъ страданіяхъ, а молитъ только о дозволеніи стоять при крестѣ и сквозь слезы смотрѣть на Его смерь.

Четвертая сцена развивается на тему пророчества Симеона Богопріимца о Пресв. Дѣвѣ: „Твое сердце оружіе пройдетъ“. Выступаютъ на сцену Сердце Пресв. Дѣвы и Окруценство. Сердце Богоматери, узнавъ, что І. Христосъ пошелъ уже на тяжкія муки, зоветъ ангеловъ и людей стать на защиту Спасителя и само проситъ меча или другаго оружія, чтобы защищать Іисуса отъ смерти. Окруценство или Злоба подаетъ дѣвичьему Сердцу мечъ, но не рукояткою, а остріемъ, поясняя, что оно и Сына Божія поразило остріемъ гвоздей, копія, трости и терноваго вѣнца, и затѣмъ пронзаетъ Сердце Богоматери остріемъ меча. Пронзенное Сердце горько рыдаетъ о смерти Спасителя и заключаетъ свои рыданія такими словами:

Буду въ жалю и плачу цалый вѣкъ мой жити,
Зъ острымъ тымъ мечемъ буду по всякъ часъ ходити.

Въ пятой сценѣ Любовь, Вѣра и Надежда, оставивши ветхую Синагогу, привѣтствуютъ новую Церковь, основан-

ную страданіями Спасителя, и просятъ ее принять ихъ въ свое услуженіе. Новая Церковь скорбитъ о заблужденіи Синагоги, предавшей на смерть благодѣявшаго ей Господа и прогнавшей отъ себя Любовь, Вѣру и Надежду. Новая Церковь любовно принимаетъ къ себѣ эти добродѣтели и со скорбнымъ чувствомъ благодаритъ Спасителя за то, что Онъ основалъ ее своими страданіями, низко преклоняетъ предъ Нимъ свои колѣна и величаетъ Его страсти. Изліяніе чувствъ новой Церкви троекратно прерывается повтореніемъ двустишія, которое имѣетъ здѣсь значеніе какъ бы припѣва, служащаго отдыхомъ для напряженнаго чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливающаго единство лирическаго тона въ длинномъ монологѣ новой Церкви. Это двустишіе— слѣдующее:

Укрыжованый Пане, добрый есь заисте,
Добротливый предъ смертю и при смерти, Христе!

Заканчивается этотъ патетическій монологъ такими словами:

А ты, Пане мой, Боже, рачъ милостивъ быти,
И въ притомныи часы рачъ мя боронити!
Ты естесь Панъ отъ вѣка щодробливый, гойный,
Отдали жъ отъ насъ плакги, повѣтря, гладъ, войны!
Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Щодробливый предъ смертю и по смерти, Христе!

Изъ пролога къ пьесѣ можно видѣть, что Діалогъ этотъ не есть простой переводъ съ польскаго или простая транскрипція, какъ это могло показаться изъ самаго текста, но написанъ былъ самостоятельно, болѣе или менѣе оригинально, на томъ языкѣ, на какомъ и дошелъ до насъ, т. е. на „русскомъ діалектѣ“, хотя и переполненномъ полонизмами. Въ польскомъ предисловіи къ Діалогу авторъ говоритъ:

Taką my Tragedią wyslawim po Panie,
A to się wszystko *ruskim dialektem* stanie.

Когда и кѣмъ написанъ этотъ Діалогъ, объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго. Изъ пролога можно видѣть, что Діалогъ приготовленъ былъ для сцены и дѣйствительно разыгрывался на сценѣ. Здѣсь, напримѣръ, говорится о второмъ явленіи то, чего нѣтъ въ самомъ этотъ явленіи: „Ангелъ придетъ, а потомъ вы увидите въ саду Христа, молящагося небесному Отцу. И послѣ краткаго пѣнія, съ этой же лѣвой стороны изъ-за занавѣса покажется ангелъ съ чашей, съ печалью будетъ подносить чашу Христу, а Христосъ будетъ отказываться въ длинной рѣчи. Но, увидѣзъ заключенныхъ въ безднѣ и услышавъ ихъ невыносимые вопли, по своему милосердію, возметъ чашу, и такимъ образомъ окончится вторая сцена“, и т. д.

Изъ пролога же мы видимъ, что Діалогъ представлялся на сценѣ, закрытой занавѣсомъ. Въ первомъ явленіи обстановка сцены, по видимому, представляла Геѳсиманскій садъ, а во второмъ—Голгоѳу съ крестомъ. Въ первыхъ трехъ явленіяхъ, повидимому, представленъ былъ и адъ съ грѣшниками, которые періодически поднимались изъ него, какъ изъ подполья, и повторяли свой жалобный вопль.

Г. Миронъ (псевдонимъ Ив. Франка), открывшій и издавшій этотъ Діалогъ, полагаетъ, что онъ написанъ и сценированъ не въ глухомъ селѣ Смерековѣ, въ которомъ найденъ, а въ какомъ нибудь большомъ городѣ или монастырѣ, напримѣръ во Львовѣ, Жолквѣ, но никакъ не во Львовскомъ Ставропигіальномъ братствѣ, въ которомъ сохранялись строгія традиціи „славяно-русскаго“, т. е. церковнаго языка, а макаронизмъ польскаго съ народнымъ былъ почти не мыслимъ. Г. Миронъ склоняется къ тому предположенію, что Діалогъ былъ разыгрываемъ, а можетъ быть и написанъ въ Жолквѣ, при дворѣ могучихъ въ то время пановъ Собѣсскихъ, и готовъ пріурочить его къ 1660 году,

въ которомъ въ Жолквѣ введенъ былъ новый обычай торжественнаго празднованія Пасхи [1]).

Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что даже въ 1736—1738 годахъ въ Кіевской Академіи бывали воспитанники изъ округовъ Львовскаго и Жолковскаго [2]). Такіе воспитанники могли занесть на свою родину и готовую пьесу, или же сочинить ее по изученнымъ ими въ школѣ піитическимъ правиламъ. Нашъ діалогъ несложенъ по составу дѣйствующихъ лицъ и по сценической обстановкѣ и легко могъ быть поставленъ на сценѣ при участіи мѣстныхъ церковно-приходскихъ школяровъ.

4) Несомнѣнно отъ пасхальной какой-то драмы сохранился „*Антипрологъ*“, найденный І. Франкомъ въ библіотекѣ Львовскаго „Народнаго Дома“, неизвѣстно какого времени вѣроятно конца XVII вѣка [3]). Антипрологъ представляетъ изъ себя какъ бы программу болѣе или менѣе обширной драмы и по своему содержанію раздѣляется на двѣ части, можетъ быть соотвѣтственно двумъ дѣйствіямъ драмы: въ первой части говорится о грѣхопаденіи прародителей и изгнаніи ихъ изъ рая, а во-второй—объ избавленіи ихъ изъ ада воскресшимъ Спасителемъ.

„Антипрологъ“ начинается разговоромъ Адама съ Евою, любовавшеюся древомъ познанія добра и зла. Адамъ напоминаетъ ей о заповѣди Божіей не касаться этого дерева. Но Ева, обольщенная дьяволомъ, отвѣчаетъ мужу:

Не вѣси, яко Богъ премудрость отъ насъ утаи,
Да не ѣдше отъ древа яко наемни будемъ въ раи.
Азъ слишахъ, яко аще отъ древа сего ямы,

---

[1]) „Мистерія страстей Христовыхъ“, Мирона, въ „Кіевской Старинѣ“, апрѣль, 1891 г., стр 151—154.

[2]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904, №№ IX и X.

[3]) Терминъ „Антипрологъ“ мы встрѣчаемъ въ южно русскихъ школьныхъ пьесахъ съ конца XVII вѣка.

Уже не умремъ, но вѣчне будемъ богами,
Вся убо будемъ знати, яже суть на свѣтѣ
Злая и благая, а нынѣ есмы аки въ клѣтѣ.
Слушай убо мя, Адаме, яжь отъ сего плода
И сице преславно пойдемъ отъ рода въ рода.

Соблазняемый Евою, Адамъ долго не упорствуетъ, рѣшается нарушить заповѣдь Божію и говоритъ Евѣ:

Даждъ ми яблоко, любимая невѣста,
Будемъ ясти—то имо, да непогубимъ сіе мѣсто.

Ихъ застаетъ на мѣстѣ преступленія Ангелъ и укоряетъ ихъ. Адамъ сваливаетъ вину на Еву, а она—на змія:

Не азъ, Адаме, но той, которій мя наустилъ,
Змій, и самъ мнѣ съ древа яблко спустилъ.
Азъ разумѣла, же рѣчъ правдива,
Же буду Богомъ, а то вижу фалшива.
Теразъ же южъ Адаме мусишъ робити,
А я во болѣзни мушу чада родити.

Ангелъ изгоняетъ прародителей изъ рая. Они плачутъ и причитаютъ по раѣ:

Увы мнѣ окрадену,
Отъ раю удалену,
Увы недоумѣнну,
Человѣку южъ тлѣнну,
Быхъ я во раи яко царъ,
Ахъ, якій погубихъ даръ!
Всей царствуя вселеннѣй,
Ажъ съ всего удаленный.
Южъ буду работати,
Ридлемъ землю копати.
Рай погубихъ безъ ума,
Не вслишу его шума,
Не уздру Содѣтеля
Бога благодѣтеля.
Въ той бѣдѣ южъ умѣрти,
По яблцѣ вкушу смерти.

Во второй половинѣ „Антипролога“ Ангелъ утѣшаетъ Адама вѣстію о воскресеніи Христовомъ и избавленіи его

изъ ада и приглашаетъ его съ Евою къ веселію и водворенію съ ангельскими ликами. Вмѣстѣ съ Адамомъ и Евою радуются и другіе ветхозавѣтные праведники, изводимые изъ ада для жизни на небѣ.

Давидъ.

Воста яко спя Христосъ насъ ради пробужденный,
Возродивъ изъ ада родъ отриновенный.
Древле звахомъ до Содѣтеля своего,
Да насъ возведетъ погибшихъ изъ ада сего.
Ное, Енохъ тамъ волали съ нами,
Іеремія, Исаия землю обливали слезами,
Людие во тмѣ видѣли свѣтъ велий,
Гды маютъ воскресенія день веселый.
Вижу нынѣ конецъ пророчества моего,
Гды оглядаю Христа воскресшаго.

Самуилъ пророкъ.

Христосъ воскресъ, о которомъ повѣдалемъ давно,
Который смерть и Ада побѣдилъ преславно.
Збуривъ всю вражію державу
И самаго Люципера пышну стеръ главу.
Насъ выводитъ всѣхъ пророкъ зъ пекла весело,
Жебисмо осѣли въ небѣ ангелское коло.

Замѣчательно, что въ этомъ отрывкѣ не Богъ непосредственно бесѣдуетъ съ праотцами, а Ангелъ [1]).

Какъ бы подробнымъ развитіемъ второй части приведеннаго „Антипролога“ является пьеса—

5) *„Слово про збурене Пекла“*. Остовъ этой южно-русской драмы сначала воспроизведенъ былъ Ив. Франкомъ по малограмотной позднѣйшей записи Галиційскаго крестьянина

---

[1]) „Нові матеріали до історіі украіньского вертепа“, І. Франка, въ „Записках Наукового Товариства імени Шевченка“ 1908 г., кн. II, стр. 30—34. Сн. „Жалостную комедію объ Адамѣ и Евѣ“ въ „Рускихъ драматическихъ произведеніяхъ 1672—1725 годовъ“, Н. Тихонравова, т. I, СПбургъ 1872 г., стр. 243—269.

Ѳомы Кышка и по аналогичной пасхальной виршѣ, записанной изъ устъ народа въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи. Впослѣдствіи г-ну Франку удалось найти въ Галиціи двѣ болѣе раннія записи этой пьесы, относящіяся къ XVШ вѣку, и издать по нимъ сводный текстъ драмы.

Общій ходъ пьесы—слѣдующій. Люциферъ бесѣдуетъ съ Адомъ и говоритъ, что онъ Люциферъ слышалъ о Христѣ, Маріинѣ Сынѣ, предвозвѣщенномъ пророками, будто бы Онъ Богъ и человѣкъ и заберетъ у нихъ всѣхъ узниковъ. Но онъ Люциферъ имѣетъ множество слугъ, черезъ которыхъ знаетъ, что дѣлается не только на землѣ, но и на святыхъ облакахъ, и на краю свѣта; знаетъ Творца Предвѣчнаго, живущаго на небѣ, но не можетъ понять того, чтобы на землѣ былъ Сынъ Божій; онъ ненавидитъ называемаго Сыномъ Божіимъ всѣми силами своей души. Когда Богъ создалъ Адама изъ земли и посадилъ его въ раю съ женою, то онъ Люциферъ внушилъ имъ черезъ змѣя мысль преступить заповѣдь Божію и затѣмъ посмѣялся надъ человѣкомъ, когда онъ изгнанъ былъ изъ рая и осужденъ воздѣлывать землю. Знаетъ онъ Люциферъ и то что Богъ имѣетъ девять чиновъ ангельскихъ, отъ которыхъ принимаетъ на небѣ хвалу, и что онъ только подумалъ сравниться съ Богомъ и за то свергнутъ былъ съ неба; но знаетъ также и то, что, соблазнивъ Адама ко грѣху, онъ и потомство Адамово подчинилъ себѣ, сталъ устраивать Адъ и заключилъ въ него не только Адама, но и всѣхъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, царей и рыцарей, Іоанна Предтечу, и надѣется имѣть у себя и самого Христа.

Адъ предостерегаетъ Люцифера, что хотя у нихъ и есть до ста тысячъ слугъ, но не слѣдуетъ трогать І. Христа, а нужно оставить его въ покоѣ; потому что Христосъ еще недавно вырвалъ изъ Ада четвероднѣвнаго Лазаря, несмотря на отчаянное сопротивленіе адскихъ силъ. Нужно опасаться, чтобы и самимъ не попасть въ неволю.

Люциферъ старается успокоить Адъ и сообщаетъ ему, что постарается собрать многочисленное войско противъ страшнаго Маріина Сына и храбро сразиться съ Нимъ, и что онъ уже предпринялъ противъ Него рѣшительныя мѣры.

Уже я напустилъ на него жидовъ, и войшли у раду,
Аби на него найшли фальшивую зраду.
И до того подмовилемъ своего утѣшителя Иуду,
Аби видалъ Исуса до фалшивого суду.
Бо гдижъ чинитъ ся Богомъ бити,
А хто жъ предъ нимъ стоитъ его боронити?
Теперъ при нему не видно и жадного апостола,
И Марія боится за нимъ причинити.
Не вижу я его, бо ся онъ и мене боитъ.
И отъ тихъ апостоловъ его дванадцять
Не будемо боязливими,
Хочъ би било ихъ тисящъ килка—двадцять.
От заразъ будутъ на него жиди сторону имѣти
И насъ о помощъ барзо просити.
И попущаю я слугъ своихъ,
Отъ которихъ маю приязнь прихилную,
И въ каждой годинѣ будемъ мати вѣдомость вѣрную,
Въ каждой годинѣ буду знати,
Що той Ісусъ будетъ умѣти и що будетъ дѣлати.

На новое предостереженіе со стороны Ада Люциферъ отвѣчаетъ ему:

Але, Аде, добру я надѣю маю,
Душу Христову себѣ понимаю.
Заразъ пошлю з войскомъ старшого воеводу Трубая,
И другаго Венеру, тамъ нехай бѣгаютъ
Под мѣсто Ерусалимъ до великаго гаю,
Аби Христа пилно стерегли,
Жеби аггели душѣ его до неба не взяли.

Основаніемъ надежды Люцифера на успѣхъ служитъ его невѣріе въ божество І. Христа:

Гди бы онъ билъ Божій Синъ, не терпѣлъ бы онъ муки,
Не видавалъ би Онъ себе въ жидовскіе руки.

По совѣту Ада, Люциферъ укрѣпляетъ пекло и снаряжаетъ многочисленное войско противъ Христа.

Между тѣмъ является въ Адъ Іоаннъ Креститель, проповѣдуетъ о скоромъ сошествіи Спасителя во Адъ для избавленія грѣшниковъ и призываетъ Давида веселиться и ударить въ струны въ виду ожидаемаго пришествія Спасителя. Люциферъ запрещаетъ Предтечѣ смущать насельниковъ Ада своимъ благовѣстіемъ и велитъ дать ему напиться смолы и адскаго кваску.

Въ это время, одинъ за другимъ являются къ Люциферу вѣстники отъ посланныхъ имъ противъ Христа воевод и сообщаютъ ему радостныя для него вѣсти. Одинъ посланецъ доноситъ, что Христосъ уже въ оковахъ, и жиды водятъ его „отъ ради до ради, а нѣхто ему не дастъ поради“, что его скоро поведутъ за городъ и тамъ готовятъ для него лобное мѣсто; другой вѣстникъ докладываетъ, что Христосъ уже распятъ на крестѣ и прибитъ желѣзными гвоздями; третій вѣстникъ извѣщаетъ, что Христосъ уже умираетъ на крестѣ, претерпѣвъ страшныя мученія, и что воеводы Люциферовы остались тамъ только для того,

Аби душу его взявши принесли сюда на наши угоди.

Люциферъ торжествуетъ; но Адъ опять предостерегаетъ своего товарища, чтобы онъ не бралъ въ пекло душу Христову:

Нехай душа его идетъ до неба,
А намъ еи тутъ не треба.
Бо всѣ пророки поднесли ся и радуютъ,
Приходъ его духомъ святымъ чуютъ.

Не успѣлъ Адъ окончить своей рѣчи, какъ прибѣгаетъ четвертый гонецъ и докладываетъ, что Христосъ уже умеръ; но когда душа его вышла изъ тѣла, то она окружена была сонмами ангеловъ, земля заколебалась, солнце и мѣсяцъ въ кровь премѣнились, мертвые воскресли изъ гробовъ, отъ страха всѣ упали на землю и лежали на ней три часа. Приходятъ и воеводы Венера и Трубай и говорятъ, что они хотѣли—было Христову душу взять къ себѣ,—

Але Божіи сили не дали къ ней приступати,—

и что, по всей вѣроятности, Христосъ придетъ въ Адъ и заберетъ изъ него съ собою всѣхъ, начиная съ Адама.

Люциферъ смущается и какъ бы колеблется въ признаніи Христа Сыномъ Божіимъ:

Если Онъ Божій Синъ, нехай собѣ в неби пануетъ,
А з нами и Пекломъ нехай ся не воюетъ.

Но, при всемъ тэмъ, въ силу своей сатанинской гордости, онъ не хочетъ уступить Сыну Божію, собираетъ свое войско и укрѣпляетъ твердыни Ада, чтобы дать отпоръ Сыну Божію. Онъ ожидаетъ только прибытія послѣдняго гонца.

Этотъ послѣдній доноситъ Люциферу и Аду, что на нихъ надвигается уже грозный царь Христосъ со множествомъ ангеловъ, архангеловъ и божественныхъ силъ. Они дѣйствительно подступаютъ къ Аду, и имъ не могутъ противостоять преисподнія силы и въ ужасѣ падаютъ ницъ.

Христосъ приходитъ къ адскимъ вратамъ и возглашаетъ:

Господъ скленъ во брани,
Возмѣте врата, князи, ваша,
И возмѣтеся врата вѣчная,
Внидетъ въ васъ царъ слави.

Когда Люциферъ не пускаетъ его, Христосъ благословляетъ адскія врата „корогвою“ и говоритъ:

Господь крѣпокъ и силенъ въ брани!
Возьмѣтеся врата вѣчная.
Вныйдетъ во васъ царъ слави.

Когда Люциферъ и во второй разъ не хотѣлъ впустить Іисуса въ Адъ, то Христосъ снова благословляетъ „корогвою“ адскія врата, произнося:

Ото входитъ во васъ царъ слави!
Господь силенъ, той есть царъ слави!

Врата распадаются и открываютъ Спасителю входъ въ Адъ.

Ветхозавѣтные праведники освобождены Христомъ изъ Ада, за исключеніемъ премудраго Соломона, который освобождается изъ Ада своею хитростію. На вопросъ Люцифера, зачѣмъ онъ остался въ Аду, Соломонъ отвѣчаетъ:

Южъ повторне Христосъ по мене пріиде;
Страшний его билъ приходъ первій,
Еще другій страшнѣйшій буде.

За это бѣсы выгнали Соломона изъ Ада. „Соломонъ скачучи почалъ спѣвати". Въ заключеніе онъ выхваляетъ Бога въ Троицѣ и Пречистую Богородицу словами церковной пѣсни („Богородична"): „Преблагословена еси Богородице Дѣво! Воплотивий (вымъ) бо ся изъ Тебе Адъ плѣненъ бысть, Адамъ призвася, клятва потребися, Ева свободися, смерть умертвися, и ми ожихомъ. Тѣмъ поюще воспоемъ: Благословенъ Христосъ Богъ нашъ, изволивый и такая. Слава Тебѣ" [1]).

Въ основаніи этой драмы лежатъ ветхозавѣтныя пророчества о сошествіи Спасителя во адъ (напр., псалмопѣвца Давида) и новозавѣтныя сказанія объ этомъ событіи, а нѣкоторыя подробности ея заимствованы изъ апокрифическаго Никодимова евангелія и изъ такого же слова Евсевія Александрійскаго на великій пятокъ.

Нося общехристіанскій характеръ, сюжетъ этой драмы разрабатывался и въ западно-европейской и въ польской регіозной драмѣ, а именно въ мистеріальныхъ пьесахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Descensus, но не съ такою обстоятельною подробностію, какъ въ нашей драмѣ [2]), кото-

---

[1]) „Южно русская пасхальная драма", Мирона, въ „Кіевской Старинѣ", іюнь, 1896 г. стр. 380—412; „Слово про збурене Пекла", Ив. Франка, въ „Записках Науковаго Товариства імени Шевченка", 1908 г., кн. 1, стр. 5—50.

[2]) „Записки Наукового Товариства імени Шевченка", 1908 г., кн. 1, стр. 36 и слѣд.

рая несомнѣнно получила свою обработку въ нѣдрахъ православной Церкви [1]). Извѣстно и нѣсколько русскихъ иконъ Сошествія Спасителя во адъ, на которыхъ воспроизводятся нѣкоторыя подробности Никодимова евангелія и слова Евсевія Александрійскаго [2]). Самое заключеніе пьесы „Богородичномъ“ не произвольно сдѣлано авторомъ, а имѣетъ корни въ древне русской письменности. Въ одной рукописи XVII в. на вопросъ „чесо ради пишутся крилѣ у Ивана Предтечи, при животѣ ли его даны ему бысть, или по смерти его“,—дается такой отвѣтъ: „При животѣ бысть Іванъ Предтеча, яко же и протчій человѣкъ, носяше власиницу. И по смерти—ангелъ, и сниде во адъ душею и радость всѣмъ возвѣсти, во адѣ крылатъ бѣ, и воспѣвъ: *Преблагословенна еси Богородице Дѣво.* И надъ нимъ во адѣ никоторыя власти не имать, но прежнее начало страху и трепету исполнено“ [3]).

Когда и гдѣ составлена эта пьеса, на эти вопросы г. Франко отвѣчаетъ слѣдующими соображеніями. Въ Харьковской губерніи, въ разное время записаны были изъ устъ народа три версіи пасхальной вирши, а именно въ Изюмскомъ, Купянскомъ и Старобѣльскомъ уѣздахъ, одинаковаго содержанія со „Словомъ про збурене пекла“. Вирша иногда заимствуетъ изъ драмы даже собственныя имена (напр. „Бынарей“ и „Трубарей“) и цѣлые стихи и двустишія, но въ то же время опускаетъ нѣкоторые эпизоды драмы, а

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самый конецъ драмы, состоящій изъ „Богородична“.

[2]) См. „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Атласъ снимковъ. Части I и II“. Н. П. Лихачева. СПбургъ, 1906 г., №№ иконъ 227, 425, 423, 424, 425, 426, 484, 491 и др.

[3]) Рукопись библіотеки Смоленской дух. Семинаріи № 1497, л. 112, „О иконѣ Іоанна Предтечи“. Сообщилъ Д. К. Вишневскій.

иные переставляетъ на другое мѣсто. Во всякомъ случаѣ, генетическая связь между драмой и виршей стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Г. Франко предполагаетъ, что Харьковская пасхальная вирша представляетъ изъ себя сокращеніе и передѣлку пасхальной драмы, занесенной изъ глубины Галиціи при переселенческомъ движеніи малороссовъ правобережной Украины въ Слободскую Украйну, начавшемся со второй половины XVII в. Составленная въ первой половинѣ XVII в. на правомъ берегу Днѣпра, эта драма быстро сдѣлалась популярной и распространялась не только съ подмостковъ, сооружавшихся по города мъ въ страстный пятокъ или въ самой церкви, или внутри церковной ограды для представленія страданій, смерти и воскресенія Спасителя, но и въ рукописяхъ, какъ назидательное чтеніе. И когда религіозная драма пришла въ упадокъ, она въ лѣвобережной Украинѣ сократилась въ виршу и въ этой новой формѣ живетъ до сихъ поръ въ памяти народной. Только на при-Днѣпровской Украинѣ доселѣ не найдено никакихъ слѣдовъ этой драмы или указаній на нее. По мнѣнію г. Франка, составленіе драмы должно быть отнесено къ первой половинѣ XVII вѣка. На это указываютъ и самыя вирши, и форма драмы, напоминающія складъ козацкихъ думъ, сочинявшихся въ это время [1]).

Не смотря на заманчивость этой теоріи передвиженія нашей драмы изъ захолустьевъ Галиціи въ Слободскую Украйну, мы, однако, не рѣшаемся принять ее съ полнымъ довѣріемъ. Эта теорія утверждается у г. Франка, между прочимъ, на томъ его положеніи, будто бы Галицкое Подгорье гдѣ найдена драма, представляетъ изъ себя такой уголокъ, „который, начиная со временъ Владиміра Великаго вплоть

---

[1]) „Кіев. Старина“, іюнь, 1896 г., стр. 412; „Записки Науковаго Товариства імени Шевченка“, 1908 г., кн. 1, стр. 49 и 50.

до настоящаго дня, жилъ отдѣльной отъ лѣвобережной Украйны политической жизнью, входилъ и входитъ въ составъ совершенно отличныхъ и во многомъ рѣзко обособленныхъ политическихъ организмовъ“ [1]). Но мы уже знаемъ, что и Галиція во всемъ ея объемѣ ни въ XVII, ни даже въ XVIII вѣкахъ не прекращала своихъ связей съ Кіевомъ и посылала свое юношество учиться въ Кіевской Академіи [2]). Поэтому весьма возможно, что и Галицкая драма, и Харьковская пасхальная вирша имѣютъ прототипъ свой въ какой-либо школьной драмѣ, составленной въ Кіевской Академіи, откуда она могла быть одинаково занесена въ разныя стороны, съ одной стороны въ Галицію, а съ другой въ Слободскую Украйну, и получить здѣсь болѣе или менѣе значительную переработку.

А что въ Кіевской Академіи были сочиняемы и представляемы подобныя драмы, это можно видѣть изъ двухъ дошедшихъ до насъ, недавно обнародованныхъ Кіевскихъ драмъ „Царство натуры людской“, 1698 года, и „Торжество естества человѣческаго“, 1706 года. Въ обѣихъ этихъ пьесахъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ выводится Люциферъ, какъ и въ „Словѣ про збуржене пекла“. Въ первой изъ этихъ пьесъ, въ первомъ актѣ, объясняется причина возстанія Люцифера противъ Бога и вражды его къ людямъ. Предвидя, что Богъ превознесетъ Натуру людскую превыше всѣхъ ангеловъ и архангеловъ, Люциферъ возмущается противъ Бога и старается погубить человѣка. Во второмъ актѣ Злость Люциферова, получивъ вѣсть о предстоящемъ изведеніи Натуры людской изъ преисподней, принимаетъ всѣ мѣры къ укрѣпленію ада и увеличенію адскихъ мукъ для Натуры людской. Въ сценѣ пятой того же второго акта таже Люциферова Злость ставитъ Смерть

---

[1]) Тамъ же, стр. 411.

[2]) См. выше.

царицею надъ людской Натурою, и Смерть дѣйствительно царствуетъ во всемъ мірѣ и обѣщается совершенно покорить себѣ людскую Натуру. Къ сожалѣнію, списокъ этой пьесы дошелъ до насъ безъ окончанія [1]).

Есть сходные мотивы и точки соприкосновенія со „Словомъ про збуржене пекла“, и въ пьесѣ „Торжество естества человѣческаго“, 1706 года, особенно во второй его части. Здѣсь, въ „Антипрологѣ“, Смерть такъ же величается своими побѣдами въ Мірѣ, какъ Люциферъ въ „Словѣ про збурене пекла“. Сонмище еврейское, нанявъ стражу ко гробу Господню и запечатавъ его крѣпкими печатями, находитъ камень отваленнымъ отъ гроба, а стражу—пораженною ужасомъ при воскресеніи Христа, но, по упорству, подкупаетъ стражу распустить вѣсть, будто бы во время ея сна ученики украли изъ гроба тѣло Іисусово. Въ шестомъ явленіи Милость Божія освобождаетъ Естество человѣческое изъ ада съ ветхозавѣтными праотцами и возводитъ его отъ земли на небо; Адъ ярится и высылаетъ противъ Милости Божіей семиглаваго змія; но побѣда Христова побѣждаетъ змія и связываетъ Адъ вѣчными узами [2]).

Изъ приведеныхъ примѣровъ можно видѣть, что въ Кіевской Академіи существовалъ цѣлый циклъ драматическихъ представленій на тему о сбуреніи пекла, между которыми нужно предположить и драму, послужившую образцомъ для „Слова про збурене пекла“ и Харьковской пасхальной вирши. Судя по времени соотвѣтствующихъ „Слову“ Кіевскихъ драмъ 1698 и 1706 г. г., мы отнесли бы прототипъ „Слова про збурене пекла“ къ концу XVII или къ началу XVIII вѣка.

Предполагая собою неизвѣстную пассіональную драму, „Слово про збурене пекла“ и Харьковская пасхальная вир-

[1]) См. выше и „Памятники русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова. Нѣжинъ, 1907 г., стр. 121 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 66—84.

ша интересны въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуютъ уже о разложеніи этой первоначальной драмы и переходѣ ея въ другія литературныя формы. Какъ вирша, такъ и „Слово про збурене пекла“, написаны стихами болѣе или менѣе свободнаго размѣра, дѣйствительно похожаго на размѣръ казацкихъ думъ вообще, но не исключительно думъ эпохи Богдана Хмельницкаго.

6) „*Розмова вократцѣ о душѣ грѣшной*, судъ принявшей отъ судіи справедливаго Христа Спасителя“, найдена въ рукописи въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи. Рукопись писана съ помарками и поправками, свидѣтельствующими о томъ, что это—черновая авторская рукопись, окончательно выправленная авторомъ.

Краткій прологъ къ этой пьесѣ написанъ весьма невразумительно. Въ немъ говорится слѣдующее:

Не такъ судъ той, якъ звикли описовать люде,
Въ остатний день предъ Сыномъ Бога Отца буде.
Но зъ сей розмови о томъ хтѣмо памятати,
Якъ барзѣй предъ страшнѣйшимъ судомъ мѣмъ стати.
Кгди Сынъ Божий зъ дѣлъ нашихъ будетъ намъ судити;
О горе зло творящимъ, кой страхъ будутъ мѣти!

По видимому авторъ хотѣлъ здѣсь отличить второе страшное пришествіе Христово отъ болѣе страшнаго посмертнаго суда Божія надъ каждой душой умирающаго человѣка. Объ этомъ частномъ судѣ онъ и трактуетъ въ своей „Розмовѣ“. На вопросъ возставшихъ изъ гробовъ мертвецовъ,

Кгды на судѣ нинѣ Судіе сѣдаешъ,
Чи и повторе жъ насъ судити маешъ?

Праведный Судія отвѣчаетъ:

Не бойтеся, не на судъ то казано вамъ встати,
Но угодно мнѣ есть за свѣдковъ васъ мати.

Грѣшникъ сконалъ, тожъ душу нехай на судъ ставитъ. Картина суда надъ грѣшною душою представлена въ шести „видокахъ“, т. е. явленіяхъ. Въ первомъ явленіи архангелъ Михаилъ вызываетъ умершихъ изъ гробовъ, дабы, въ

качествѣ публики, присутствовали на судѣ и были свидѣтели того, что правосудіе Божіе не творится подъ вліяніемъ „ярости и гнѣва“, а руководствуется лишь „справедливостію“. Во второмъ явленіи Судія приказываетъ архангелу Михаилу ввести судимую душу, которая, не видя возможности защищаться, готова безъ суда пойти въ адъ. На нее набрасывается дьяволъ, но ангелъ хранитель, играющій роль защитника, требуетъ свободы для подсудимой до произнесенія вердикта:

Пречъ, враже! прежде время чѣмъ душу турбуешъ?
Можешъ ся омилити, што ей обѣщуешъ.
Жила зле, а часомъ тежъ жила и побожне,
Узримъ: нехъ едно идетъ ко суду свободне.

Судья изрекаетъ обвиненіе, согласно предъявленному діаволомъ „списку“ злыхъ ея дѣлъ; душа старается оправдать чѣмъ нибудь свои проступки и проситъ о помилованіи. Ангелъ-хранитель въ свою очередь предъявляетъ списокъ добрыхъ дѣлъ ея и проситъ принять ихъ во вниманіе. Судья назначаетъ провѣрку силы доказательствъ обвиненія и защиты, которая производится въ третьемъ явленіи на вѣсахъ; оказывается, что злыя дѣла перевѣсили добрыя, и ангелъ-хранитель отступаетъ отъ души, предоставляя ей самой сказать послѣднее слово въ свою защиту. Душа старается свалить часть своей вины на совѣсть и на діавола.

Згрѣшила-мъ, ахъ згрѣшила! вижду сама явне,
Же шаля (вѣсы) добрыхъ дѣлъ злимъ подается снадне;
Ахъ сумлѣня (совѣсть)! чѣмъ же-сь мнѣ не оповѣдило,
Чѣмъ же-сь мя отъ сей казни не остерегало?
Чомъ мнѣ жиючой зъ тѣломъ не чинило смутки,
Аби-мъ била въ покутѣ доказала скутку?
Згрѣшила-мъ, але и чортъ зводивъ мя на тое,
Аби-мъ всегда во свѣтѣ починала злое.
Его то сѣти, его справи мя вловили,
А такъ въ срогіе муки мене утопили.

Совѣсть и дьяволъ опровергаютъ оправданія души.—Въ пятомъ явленіи Судія, поставивъ вопросъ о виновности души, требуетъ отъ 12-ти апостоловъ ихъ мнѣнія. Одиннадцать апостоловъ высказываются за обвиненіе; одинъ только Іоаннъ повергаетъ участь души на усмотрѣніе Судьи, прося о милосердіи. Въ шестомъ явленіи Судія, убѣдившись, что всѣ признаютъ душу достойною наказанія, „видаетъ декретъ, абы по дѣломъ отнесла заплату“ [1]).

Наибольшее сходство эта „Розмова“ имѣетъ со вторымъ актомъ недавно найденной „Успенской драмы“ св. Димитрія Ростовскаго и съ его драмой „Грѣшникъ кающійся“, въ которыхъ тоже выступаетъ на сцену грѣшникъ и подобнымъ образомъ подвергается суду Божію, но суду длительному, начинающемуся еще при жизни грѣшника и оканчивающемуся за гробомъ. Разница между „Розмовою“ и пьесами св. Димитрія состоитъ и въ томъ, что въ послѣдней грѣшникъ признается достойнымъ наказанія, а въ пьесахъ св. Димитрія, не смотря на свою виновность, получаетъ помилованіе [2]). Общій источникъ всѣхъ этихъ трехъ пьесъ заключается въ житіи преп. Василія *Новаго*, составленномъ ученикомъ его Григоріемъ. Этотъ Григорій передаетъ здѣсь слышанный имъ въ сонномъ видѣніи разсказъ преп. Ѳеодоры объ ея приключеніяхъ передъ самою смертію и послѣ смерти, на томъ свѣтѣ. Къ одру умирающей явилось множество ѳеіоповъ, т. е., дьяволовъ, съ записями ея грѣховъ, и какъ бы ожидало прихода нѣкоего Судіи. Явились и два ангела, изъ коихъ одинъ говорилъ дьяволамъ: „почто всегда предваряете ко умирающимъ приходити, и творяще молвы устрашаете

---

[1]) Изд. Ц. Г. Нейманомъ въ „Кіевской Старинѣ“, іюнь, 1884 г., стр. 289—305.

[2]) Изд. М. Н. Сперанскимъ въ „Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. II.

и смущаете всякую отъ тѣла разлучающуюся душу? Но не вельми радуйтесь, здѣ бо не обрящете ничесо же; ибо Божіе есть съ нею милосердіе, и нѣсть вамъ части, ниже жребія въ души ея". Во время спора ангеловъ съ дьяволами является къ одру умирающей смерть, которая постепенно отнимаетъ у нея разные члены тѣла и наконецъ поитъ ее чашею. Ангелы берутъ душу умершей въ свои руки и, въ противовѣсъ предъявляемымъ дьяволами грѣхамъ ея, собираютъ добрыя дѣла ея: „едино по другомъ собираху,—говоритъ преп. Ѳеодора,—и готовяху та положити на мѣрилѣ противъ злыхъ дѣлъ моихъ". При помощи преп. Висилія Новаго, душа Ѳеодоры, сопровождаемая ангелами, благополучно миновала 20 мытарствъ, на которыхъ она задерживалась дьяволами и должна была давать отвѣтъ за грѣхи, соотвѣтствующіе извѣстному мытарству. На вопросъ Ѳеодоры, почему дьяволы знаютъ всѣ грѣхи человѣческіе, ангелы отвѣчаютъ ей, что каждая душа имѣетъ своего ангела—хранителя, записывающаго ея добрыя дѣла, и что къ каждой душѣ сатана приставляетъ и дьявола, записывающаго ея грѣхи, которые потомъ и предъявляются ей на мытарствахъ. „Егда же душа разлучится отъ тѣла,—говорятъ ангелы,—и къ Создателю своему въ небесная взыти тщится, тогда лукавіи они возбраняютъ ей, показующе написаны грѣхи тыя. И аще имать душа болѣе добрыхъ дѣлъ, неже грѣховъ, не могутъ удержати ея. Аще же грѣховъ болѣе въ ней обрящутъ, удерживаютъ ю на время, и затворяютъ въ темницѣ невидѣнія Бога, и мучатъ, поелику сила Божія мучити имъ попуститъ, дондеже та душа церковными молитвами и ближнихъ своихъ милостынями искупленіе пріиметъ. Аще же кая душа обрящется толь грѣшна и мерзостна Богу, яко не будетъ ей спасенія надежды, но вѣчная погибель ожидаетъ ю, тую абіе низводятъ въ бездну, идѣже себѣ имать къ вѣчнымъ мукамъ уготованное мѣсто, и тамо держатъ до втораго пришествія Господня". Пройдя мытар-

ства, душа преп. Ѳеодоры предстала предъ престоломъ Божіимъ, затѣмъ осмотрѣла райскія обители и адскія муки и наконецъ успокоилась въ обители преп. Василія Новаго [1]).

Тогда какъ св. Димитрій Ростовскій изъ этого длительнаго процесса суда Божія надъ душей умершаго человѣка избралъ исходнымъ пунктомъ своихъ драмъ судъ предсмертный, авторъ „Розмовы“ изображаетъ собственно судъ посмертный, облекая его въ формы всеобщаго суда Господня при второмъ пришествіи Спасителя на землю, извѣстныя изъ распространненыхъ въ Россіи картинъ страшнаго суда. Авторъ „Розмовы“, кажется, имѣлъ въ виду подѣйствовать на зрителей и слушателей не однимъ только страхомъ предстоящихъ грѣшникамъ наказаній, но и раскрытіемъ идеи страшнаго суда Божія, разсматривающаго грѣхи людей со строгою справедливостію и вмѣстѣ съ тѣмъ съ законною снисходительностію къ грѣшникамъ. Однимъ изъ признаковъ нелицепріятности суда Божія является и выставляемый въ „Розмовѣ“ состязательный процессъ открытаго, гласнаго судопроизводства, элементы котораго находятся еще въ житіи преп. Василія Новаго и узаконены были для Юго-Западной Россіи Литовскимъ Статутомъ и Саксонскимъ правомъ.

Авторъ „Розмовы“ несомнѣнно получилъ школьное образованіе и знакомъ былъ со школьными правилами силлабическаго стихосложенія, хотя послѣднее и не вездѣ имъ строго выдержано. Можно также предполагать, что авторомъ ея былъ приходскій священникъ, хорошо освѣдомленный со всѣми изгибами состоянія грѣшной души и умѣющій сказать *за* и *противъ* нея. Ближайшимъ поводомъ къ ея

---

[1]) Подъ 26 марта. Мы пользовались Московскимъ изданіемъ Четь-Минеи 1845 года.

составленію могло послужить годичное воспоминаніе о второмъ пришествіи Христовомъ и о страшномъ судѣ, пріурочиваемое православною Церковію къ мясопустной недѣлѣ [1]).

Въ нѣкоторыхъ заглавіяхъ „видоковъ“ или „видѣній“ есть руководительныя указанія для исполнителей, напр. „дияволъ показуетъ списку“, „Ангелъ охранитель присмотривается вазѣ, але злие дѣла добрихъ переважаютъ“ и т. п. Слѣдовательно, „Розмова“ предназначалась для сцены. Она могла быть исполняема школьниками какой нибудь дьяковской церковно-приходской школы.

На основаніи языка „Розмовы“, обилующаго полонизмами, и техническихъ театральныхъ терминовъ „видокъ“, „видѣніе“, встрѣчающихся въ пьесѣ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ 1673 года, нѣкоторые относятъ „Розмову“ приблизительно къ тому же времени [2]). Но въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о времени сочиненія „Розмовы“ можетъ имѣть опредѣленіе времени появленія ея первоисточника на югѣ Россіи. Житіе преп. Василія Новаго, откуда взятъ сюжетъ „Розмовы“, заимствовано св. Димитріемъ изъ Московскихъ великихъ Миней, третья четверть которыхъ Мартовская прислана изъ Москвы въ 1695 году [3]), и явилась въ печати въ январѣ 1700 г. [4]); раньше этого года не могла появиться и „Розмова“. Языкъ ея похожъ на тѣ „барзо простую мову и діалектъ“, какими якобы написалъ свое учительное евангеліе въ 1670 году Рѣшетиловскій священникъ С. Тимофѣевичъ [5]), и можетъ свидѣтельствовать

---

[1]) „Старинный театръ въ Европѣ“, А. Веселовскаго, стр. 332.

[2]) Історія украінскоі драми, І. Стешенка, въ „Украинѣ“ сентябрь, 1907 г., стр. 317.

[3]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И Шляпкина, 1891 г., стр. 255.

[4]) Тамъ же, стр. 265.

[5]) См. о немъ выше, въ отдѣлѣ о южно-русской литературѣ вообще.

развѣ о правобережномъ происхожденіи автора; а театральная терминологія можетъ свидѣтельствовать только о времени обученія автора въ Кіевской Академіи, а не о времени сочиненія пьесы.

7) Большой интересъ, въ смыслѣ проникновенія науки въ народную жизнь, представляетъ изъ себя *„Банкетъ духовный“*, школьный діалогъ конца XVII или начала XVIII вѣка, найденный въ неполномъ спискѣ въ бывшемъ Подгорецкомъ базиліанскомъ монастырѣ въ Галиціи. Діалогъ состоитъ изъ трехъ частей: стихотворнаго пролога, разговора и стихотворнаго же эпилога.

Въ прологѣ, отъ котораго сохранился только конецъ, исполнители обращаются къ родителямъ учащихся въ школѣ дѣтей и посвящаютъ ихъ въ сущность школьнаго ученія, съ тою цѣлію, чтобы слушатели,—какъ говоритъ авторъ,—

На насъ были потомъ бачнѣйшіе
И до своихъ домовъ пріемнѣйшіе.

Самый разговоръ состоитъ изъ „пытаній„ и „отповѣдей“, т. е. изъ вопросовъ и отвѣтовъ. Сначала идутъ вопросы и отвѣты общаго, такъ сказать философскаго характера: сколько разъ каждый человѣкъ на свѣтъ родится? сколько Адамъ праотецъ имѣлъ состояній или испыталъ перемѣнъ, будучи въ раю и по изгнаніи изъ него? сколько каждая человѣческая душа имѣетъ въ себѣ состояній? Далѣе слѣдуютъ вопросы и отвѣты чисто катехизическаго свойства о символѣ вѣры, церковныхъ таинствахъ, десятословіи и двухъ важнѣйшихъ заповѣдяхъ его, т. е. любви къ Богу и ближнему, о богословскихъ добродѣтеляхъ вѣрѣ, надеждѣ и любви, о седми смертныхъ грѣхахъ, седми дѣлахъ милосердія и о памятованіи смерти, суда, ада и царства небеснаго.

Послѣ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехизическаго содержанія опять слѣдуютъ вопросы общаго, какъ бы философскаго содержанія, или „квестіи посполитыхъ людій“: на-

сколько земля выше небесъ? какіе святые освятились еще въ утробѣ матерней? какія дѣти спорили между собою еще до своего рожденія? кто исполнилъ Божіе повелѣніе, но погибъ за то? кто по смерти пилъ и ѣлъ и больше не умиралъ? кто родился прежде отца и матери? много ли есть чистыхъ водъ?

Эпилогъ гласитъ такъ:

Южъ дошелъ конецъ, на томъ теразъ стало,
Пребачте, бо ся розне мотало.
Здало бы ся было вамъ уконтентовати,
Цные слухаче, болше банькетовати.
Еднакъ кто слухалъ и, писма не знаючи,
Силу зрозумѣлъ, въ памяти маючи,
Вшисткихъ заровно просимъ, пребачте,
Якъ то отъ дѣтей ласкаве пріяти рачте.
А свое дѣти до школы давайте,
Бы ся учили въ школѣ шановати
Родичовъ своихъ, якъ тежъ и Бога знати.
Не допущайте дѣтемъ своей волѣ,
Не поблажайте, хочь выбютъ въ школѣ.
Слезы то чистые очи вытискаютъ,
Гды капость у школѣ дѣти пріймаютъ.
Але, якъ бачу, всѣ ходятъ по воли,
Ажъ хиба сотый дасть хлопця до школы.
Для того вѣра въ Россіи угасаетъ,
Же справу дати, якъ вѣритъ, не знаетъ.
Презъ що подданство срогое настало,
Чемъ панство нашей Россіи упало.
Поневажъ вѣкъ свой въ пустотѣ стравили,
А въ наукахъ бы намнѣй ся не бавили.
Жаль то незносный мѣвши та не мѣти,
Прето давайте до школъ свои дѣти,
Досыть бо на томъ молитвы успѣти,
И вѣру свою строха зрозумѣти.
При семъ и тое вамъ до слуховъ приносимъ,
За якую колвекъ працу оремусу (oremus) просимъ [1]).

[1]) „Банкетъ духовный“, Мирона (Ив Франка) въ „Кіевской Старинѣ“, апрѣль, 1892 г., стр. 59—70.

Изъ этого эпилога видно, что „Банкетъ духовный“ исполнялся предъ какою либо сельскою „громадою“, изъ среды которой иные были и неграмотны и едва сотый отдавалъ дѣтей своихъ въ школу. Исполнялся онъ школьниками какой нибудь дьяковской или соотвѣтствующей ей монастырской сельской школы, подъ руководствомъ пана-бакаляра или, что тоже, дьяка. Но этотъ дьякъ представляетъ собою уже переходный типъ отъ прежняго простаго начетничества къ систематическому школьному образованію. Онъ не чуждается еще доморощенной народной мудрости апокрифическаго или легендарнаго происхожденія и характера; но въ то же время обнаруживаетъ знакомство со школьными правилами силлабическаго стихосложенія и даже съ латынью, какъ напр. въ словахъ „квесціи“, oremus и т. п., и предлагаетъ здравое катехизическое ученіе, можетъ быть вынесенное имъ изъ той латино-русской школы, въ которой учился самъ.

Извѣстно, что сельскій дьякъ, завѣдывавшій и церковно-приходскою школою, обыкновенно считался носителемъ деревенской мудрости, къ которому прихожане обращались за разъясненіемъ недоумѣнныхъ вопросовъ высшаго вѣдѣнія. Къ сельскому дьяку пріурочена была въ Юго-Западной Россіи такъ называемая „евангелистая пѣснь“, ведущая свое начало изъ глубокой западно-европейской древности и затѣмъ перешедшая въ Россію. Одна изъ юго-западныхъ редакцій „евангелистой пѣсни“ начинается такъ:

Ой ты дячко ученый.
Надъ школами выбранный!
Скажи, дячко, що есть разъ?
Единъ Сынъ Маріинъ;
Той въ небі царствуе—крулюе
Надъ нами панами [1]).

---

[1]) Послѣднее слово *панами* вставляется для удобства пѣнія и, вѣроятно, замѣняетъ собою какое нибудь утраченное слово первоначальнаго текста.

Потомъ слѣдуютъ вопросы: что есть два, что есть три, и т. д. до 12-ти включительно. При каждомъ отвѣтѣ на новый вопросъ повторяются отвѣты и на прежніе вопросы, такъ что на послѣдній вопросъ, „що есть двинадцать", повторяется, въ обратномъ порядкѣ, все, что было сказано на предыдущіе 11-ть вопросовъ:

Двинадцять апостоліевъ,
[Единънадесять праотецъ],
Десять божихъ приказаній,
Девять чиновъ ангеловыхъ,
Сімь Божьихъ сакраментовъ,
Шість крыжовъ крыжованыхъ,
Пять ранъ терпівъ Панъ
За насъ грішныхъ христіанъ,
Штирі ліcти вангелисты,
Три лици въ единіці,
Дві Моисіови таблици,
Единъ Сынъ Маріинъ
Той въ небі царствуе—крулюе
Надъ нами панами [1]).

Въ разныхъ дьяковскихъ рукописныхъ сборникахъ встрѣчаются и другіе подобные вопросы и отвѣты высшаго вѣдѣнія, въ духѣ извѣстной апокрифической „Бесѣды трехъ святителей", напримѣръ: „кто первый пророкъ о крестѣ Христовомъ пророковалъ? что есть ребра Северова и градъ царя великаго?" [2]). и т. п.

Подобные вопросы и отвѣты или „квестіи посполитыхъ людій" мы видимъ и въ „Банкетѣ духовномъ". Такъ, напримѣръ на вопросъ о томъ,—насколько земля стоитъ выше неба,—дается такой отвѣтъ: „въ единствѣ Христовомъ за

---

[1]) См. „Труды Кіевской Дух. Академіи", іюнь, 1872 г., стр. 466—470.

[2]) „Записки украінського Наукового Товариства въ Киіві", кн. 2. Кіевъ 1908 г., стр. 109; сн. „Записки Науковаго Товариства імені Шевченка в Львові", 1908 г., кн. 4, стр. 172—3.

чтырехъ елементовъ понева жъ въ тѣлѣ увельбеномъ, надъ всѣ небеса сѣдитъ по правици Отца своего", т. е. земля, вошедшая въ составъ плоти Христовой, сидитъ выше всѣхъ небесъ, одесную Отца. Есть у нашего автора и спеціально педагогическіе вопросы и отвѣты, напримѣръ: *„Пытаніе... много водъ есть найчистшихъ?—Отповѣдь.* Пять. Первая при крещеніи, другая Іорданская, третія слезы, которіи за грѣхи вытѣкаютъ, четвертая слезы дѣтей малыхъ, же гды ихъ родичове за выступки карутъ и въ школѣ; пятая котрая на млинъ идетъ".

Но существенное ядро „Банкета духовнаго" составляетъ краткій школьный катихизисъ. При своей краткости, онъ обнимаетъ всю широту Христіанскаго вѣроученія и несомнѣнно составленъ православнымъ авторомъ, признававшимъ исхожденіе Св. Духа отъ единаго Отца. Въ основаніи этого катихизиса лежитъ школьный катихизисъ, составленный въ Кіевской Академіи по католическому богослову Беллярмину и со второй половины XVII вѣка преподававшійся здѣсь на латинскомъ языкѣ въ низшихъ классахъ Академіи [1]). Онъ извѣстенъ и въ славяно-русскомъ переводѣ [2]), испыталъ нѣкоторое сокращеніе и измѣненіе въ катехизисахъ студенческихъ конгрегацій Кіевской Академіи начала XVIII вѣка [3]) и въ такомъ видѣ употреблялся на сѣверѣ Россіи въ качествѣ катихизиса для экзаменатора ставленниковъ и

---

[1]) „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка", Н. Петрова, Кіевъ 1895 г., приложеніе VI, стр. 147—171. Сн. „Акты и документы относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи", т. IV, Кіевъ, 1907 г., стр. 245.

[2]) „Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в", Н. Петрова, приложеніе VI, стр. 147.

[3]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи", серія 2—я, т. 1, ч. 1, Кіевъ, 1904 г., № VI, стр. 51—62

для миссіонеровъ, какъ это можно видѣть изъ катихизиса Арсенія Мацѣевича 1738 года [1]). Катихизисъ нашего „Банкета духовнаго“ по своему составу наиболѣе подходитъ къ конгрегаційному катихизису 1731 года [2]).

Во всякомъ случаѣ, для насъ кажется несомнѣннымъ, что катихизическая часть „Банкета духовнаго“ заимствована изъ Кіевской Академіи и занесена въ Галицію кѣмъ-либо изъ ея воспитанниковъ.

Главная цѣль „Банкета духовнаго“ была высоко-патріотическая: это—заставить крестьянъ отдавать своихъ дѣтей въ школу и сколько нибудь поднять народное образованіе въ Россіи, недостатокъ котораго былъ причиною оскудѣнія православной вѣры, усиленія крѣпостничества и политическаго паденія Россіи:

Для того вѣра въ Россіи угасаетъ,
Же справу дати, якъ вѣритъ, не знаетъ.
Презъ що подданство срогое настало,
Чемъ панство нашей Россіи упало.

Но при этомъ авторъ „Банкета духовнаго“ не забываетъ и себя и проситъ своихъ слушателей, чтобы они охотнѣе принимали учителей въ свои домы и вознаграждали ихъ за ихъ труды.

Вѣроятно: „Банкетъ духовной“ исполнялся на публичномъ актѣ какой нибудь сельской школы.

Всѣ эти пьесы, найденныя въ Галичинѣ и въ Слободской Украинѣ, не отличаются широтою объема и не требуютъ для себя многочисленныхъ исполнителей. Это или только конспекты и афиши пьесъ, или одноактныя сцены въ нѣ-

---

[1]) „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, 1907 г., кн. 3, стр, 297—312.

[2]) „Акты и документы относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I, ч. 1, Кіевъ, 1904 г., стр, 55—59.

сколькихъ явленіяхъ, или діалоги, соотвѣтствующіе одному явленію. По всей вѣроятности, ядромъ или, по крайней мѣрѣ, исходнымъ пунктомъ для ихъ развитія послужили тѣ небольшія сцены изъ драмъ, діалоги и декламаціи, которые школьными правилами предписывалось ежемѣсячно задавать ученикамъ на память и разыгрывать въ классѣ, но не болѣе, какъ въ теченіи получаса или, по крайней мѣрѣ, часа, и притомъ безъ театральной обстановки [1]). Таковы напр. декламаціи на Обрѣзаніе Господне и память Св. Василія Великаго, т. е. на Новый годъ, о св. Екатеринѣ [2]), и др. По разнообразію своего состава и незатѣйливости сценической постановки, они представляли изъ себя богатый сподручный матеріалъ для выбора сюжетовъ, болѣе или менѣе интересныхъ и доступныхъ пониманію невзыскательной публики и легкихъ для переработки, подражанія и сценическаго представленія. Въ числѣ такихъ сюжетовъ мы видимъ даже школьный катихизисъ, преподававшійся въ низшихъ классахъ Кіевской Академіи („Банкетъ духовный"). Подобные сюжеты прежде всего могли быть разносимы во всѣ концы Малороссіи странствующими студентами, отправлявшимися на „эпетиціи" или вакаціи; но они могли быть обрабатываемы и студентами, получившими уже осѣдлость, на основаніи піитическихъ правилъ тѣхъ школъ, въ которыхъ они воспитывались. „Розмову о душѣ грѣшной" мы предположительно приписываемъ приходскому священнику, а на примѣрѣ Св. Димитрія Ростовскаго мы увидимъ впослѣдствіи, что иногда и настоятели монастырей не гнушались заниматься піитическимъ творчествомъ назидательныхъ духовныхъ драмъ. Соотвѣтственно объему пьесъ этой категоріи, сценическая постановка ихъ была несложная; нѣтъ въ нихъ указаній на ту пышность и роскошь сценической обстановки, какія

---

[1]) „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.", Н. Петрова, Кіевъ, 1895 г., стр. 77 и 83.

[2]) См. о нихъ выше.

мы видѣли въ дѣйствіяхъ, исполнявшихся въ самой Кіевской Академіи. Нѣкоторыя изъ нихъ, по видимому, исполнялись въ храмахъ (галиційская пьеса на Р. Христово), а другія—въ церковно-приходскихъ дьяковскихъ школахъ („Розмова", „Банкетъ духовный"). Но за то онѣ рѣзко отличаются отъ слишкомъ церемонныхъ дѣйствъ самой Кіевской Академіи сравнительною жизненностію содержанія, приспособленностію къ окружающей дѣйствительности и къ насущнымъ религіознымъ нуждамъ простого народа. Вслѣдствіе этого, нѣкоторыя изъ нихъ, наприм. „Слово про збурене пекла", получили въ свое время довольно широкое распространеніе и въ измѣненномъ видѣ (вирши) доселѣ удерживаются въ устахъ простого народа. Но во всякомъ случаѣ пьесы этого рода все-же выражаютъ собою одну изъ сторонъ Кіевской школьной драмы, въ практическомъ примѣненіи ея къ текущимъ, насущнымъ религіознымъ нуждамъ страны.

В. Перенесеніе Кіевской школьной драмы XVII и начала XVIII в.в. въ Московское государство.

Кіевская школьная драма въ XVII же вѣкѣ перешла и въ Московское государство и имѣла здѣсь болѣе благопріятныя, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, условія для своего развитія, чѣмъ въ юго-западной Россіи, подчиненной тогда Польшѣ. Въ Москвѣ уже чувствовалась въ это время особенная нужда въ научномъ образованіи, которой удовлетворять было некому. Извѣстно, что Борисъ Годуновъ послалъ до 30-ти человѣкъ молодыхъ русскихъ людей въ Западную Европу для обученія наукамъ, полезнымъ для государства; но изъ нихъ впослѣдствіи только одинъ возвратился въ отечество, тогда какъ остальные навсегда остались заграницей [1]). Нужно было сначала подготовить почву для науки въ самой Россіи и завести мало-мальски систематическое образованіе,

[1]) „Исторія Россіи", Иловайскаго, т. III, Москва, 1890 г. стр. 363; „Историческій Вѣстникъ", январь, 1884 г., стр. 10.

которое служило бы подготовительною ступенью къ болѣе солиднымъ научнымъ знаніямъ. И этой потребности образованія стали удовлетворять кіевскіе и вообще южно-русскіе ученые, которыхъ стали вызывать въ Москву приблизительно съ половины XVII вѣка. Таковы южно-русскіе ученые Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій и Симеонъ Полоцкій. Особенно вызовъ южно-русскихъ ученыхъ въ Московское государство усилился со времени Петра I, который вызывалъ ихъ и для занятія іерархическихъ должностей, и для преподаванія въ тамошнихъ школахъ, напримѣръ въ Московской Академіи.

Вызываемые въ Московское государство, южно-русскіе ученые старались показать здѣсь, по возможности, весь запасъ своихъ знаній; и нѣкоторые изъ нихъ писали и драматическія сочиненія. Между ними нашелся даже и спеціалистъ по театральной части: это Степанъ Чижинскій, львовскаго повѣта шляхетскій сынъ, по спеціальности учитель латинскаго языка, побывавшій и въ Кіево-Братскомъ монастырѣ. Онъ дѣлалъ въ Москвѣ „комедію о Давидѣ съ Голіаѳомъ и иныя комедіи и училъ комедійному дѣлу 80 человѣкъ всякаго чина людей“ [1]). Но для насъ важнѣе самостоятельныя драматическія произведенія кіевскихъ ученыхъ, появившіяся на сѣверѣ Россіи. Они несомнѣнно имѣли свой корень въ кіевскихъ школьныхъ драмахъ, діалогахъ, декламаціяхъ и т. п., но имѣли возможность развернуться на сѣверѣ Россіи болѣе свободно, чѣмъ на югѣ ея, такъ какъ не стѣсняемы были почти обязательнымъ для Кіевской Коллегіи типомъ польско-іезуитскихъ коллегій и академій. Къ такимъ кіевскимъ драматургамъ на сѣверѣ Россіи отно-

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 190—2.

сятся Симеонъ Полоцкій, св. Димитрій Ростовскій и учители Московской Академіи самаго начала XVIII вѣка, между которыми главная роль принадлежала, по видимому, іеромонаху Іосифу Туробойскому. Всѣ они, въ большей или меньшей мѣрѣ, выбираютъ для разработки такіе виды драматическихъ формъ, которые менѣе всего разрабатывались въ Кіевской Академіи въ XVII вѣкѣ, и пытаются вложить въ нихъ новое, болѣе живое содержаніе и новыя идеи. Такъ, напримѣръ, Симеонъ Полоцкій отвергаетъ аллегорическій способъ представленія драматическихъ событій, стоитъ на реальной почвѣ Св. Писанія и ратуетъ въ своихъ пьесахъ противъ коренныхъ недостатковъ въ жизни русскаго народа и за научное просвѣщеніе. Св. Димитрій въ своихъ произведеніяхъ какъ своихъ собственныхъ, такъ и составленныхъ по его указанію и подъ его наблюденіемъ, любитъ разрабатывать тотъ родъ драматическихъ произведеній, который извѣстенъ подъ именемъ *мираклей*, т. е. основанный на житійной литературѣ. Онъ вкладываетъ въ нихъ идеи всепрощающей любви къ слабому, грѣшному человѣку и сочувствія къ низшей братіи и потому можетъ быть названъ проповѣдникомъ любви и милосердія къ ближнему. Первые учителя Московской Академіи самаго начала XVIII вѣка изъ кіевлянъ привлекаются Петромъ I къ служенію государственнымъ интересамъ Россіи и, подъ его указку, компилируютъ свои школьныя драматическія произведенія въ духѣ государственныхъ интересовъ Петра I.

I. Драматическія сочиненія Симеона Полоцкаго.

Іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, воспитанникъ Кіевской Академіи, вызванъ былъ въ Москву въ 1664 году, въ качествѣ наставника для цесаревичей [1]). Между другими много-

---

[1]) „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета, 3 изд., СПБ., 1884 г., стр. 245.

численными его сочиненіями извѣстны и двѣ его комедіи: 1) „О Навуходоносорѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи не сожженныхъ“, и 2) „Комедія притчи о блудномъ сынѣ“ [1]).

1) Первая изъ нихъ несомнѣнно обязана своимъ появленіемъ московскому „Пещному дѣйствію“. Симеонъ Полоцкій, всегда свысока относившійся къ московскимъ церковнымъ обычаямъ, находилъ постановку этого дѣйствія грубою и неискусною и потому пожелалъ разработать эту тэму въ пьесѣ, написанной стихами, согласно правиламъ школьной піитики, и вообще дать содержанію Пещнаго дѣйства литературную форму. Для болѣе стройнаго и полнаго развитія сюжета, онъ призналъ необходимымъ ввести въ пьесу самого Навуходоносора, какъ главнаго виновника тѣхъ бѣдъ, которыя угрожаютъ тремъ отрокамъ,—его бояръ Амира, Зардана и Навусара, казначея, воиновъ, музыкантовъ, народъ и проч. Дѣйствіе начинается прологомъ („предисловіемъ“), въ которомъ идутъ похвалы царю (Алексѣю Михайловичу) и указывается, что не таковъ былъ Навуходоносоръ. Самая пьеса начинается хвастливою рѣчью Навуходоносора, который отдаетъ приказаніе поставить ему дорогую статую и поклоняться ей. Спустя мгновеніе, слуги, отдернувъ завѣсу, показываютъ царю его образъ и раскаленную пещь. Когда три отрока не исполняютъ царскаго повелѣнія, ихъ бросаютъ въ пещь. Это исполняютъ шесть воиновъ—представители грубой сферы, служащіе въ пьесѣ предвѣстниками цѣлыхъ вводныхъ сценъ или интермедій. Одинъ изъ воиновъ говоритъ:

Азъ и двѣ кожѣ готовъ есмь издрати
Съ единаго хребта, а самъ не страдати.

---

[1]) Обѣ изданы въ „Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ 1692—1725 годовъ“, Н. Тихонравова, т. I, СПБ., 1874 г., стр. 296—336.

Другой:

Мнѣ евреина толь сладко убити,
Яко же меда сладка чашу пити.

Во время мученій отроки исполняютъ пѣснь, „яко же есть у Даніила, глава 3-я".

2) Но важнѣе другая пьеса Симеона Полоцкаго „Комедія притчи о блудномъ сынѣ" [1]). Она состоитъ изъ пролога, эпилога и шести дѣйствій или частей, а послѣ каждой части слѣдуетъ хоръ и интермедія.

Въ прологѣ говорится о содержаніи комедіи и о пользѣ театральныхъ представленій.

Въ первой части выходитъ отецъ съ двумя сыновьями и многими слугами. Онъ благодаритъ Бога за всѣ милости къ нему, затѣмъ даетъ сыновьямъ совѣты и дѣлитъ между ними свое имущество. Старшій въ длинномъ монологѣ благодаритъ отца; младшій проситъ позволенія посѣтить чужія страны. Онъ говоритъ:

Богъ далъ волю, и птицы летаютъ,
И звѣри въ лѣсахъ вольно пребываютъ.
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати
Разумну сущу весь міръ посѣщати.

Отецъ старается отговорить его, выставляетъ на видъ, что „юности воля сія нѣсть спасенна" и что посѣщать чужія страны надо съ умомъ, а сынъ еще „не у добрѣ изученъ". Онъ совѣтуетъ молодому человѣку сперва „вящше пріучитися въ домѣ", а потомъ уже пускаться въ далекое „странствіе"; но сынъ настаиваетъ на своемъ:

Что̀ стяжу въ дому? чему изучуся?
Лучше въ странствіи умомъ сбогачуся.

---

[1]) „Старинный театръ въ Европѣ", А. Веселовскаго, Москва, 1870 г., стр. 349 и 350; „Исторія русскаго театра" П. О. Морозова, т. I, стр. 114—6.

Но, получивъ волю еще не окрѣпши въ добрѣ, молодой человѣкъ, вмѣсто обогащенія умомъ, предается въ чужихъ краяхъ широкому, необузданному разгулу.

Во второй части онъ называется уже „блуднымъ“ и пьянствуетъ со своими рабами: одному изъ нихъ онъ приказываетъ набрать побольше слугъ, обѣщая каждому платить по 100 рублей; съ другимъ играетъ въ зернь и, наконецъ, совершенно пьяный ложится спать.

Въ третьей части „изыдетъ блудный сынъ похмѣленъ“; слуги утѣшаютъ его и совѣтуютъ опять пить вино. Во время попойки сладкогратели (музыканты) и пѣвцы играютъ и поютъ. Подъ конецъ, слуги отказываются служить блудному сыну и съ крикомъ: „емлимъ!“ расхищаютъ все имущество и разбѣгаются.

Въ четвертой части блудный сынъ является свинопасомъ. Съ голоду онъ ѣстъ со свиньями; за то, что онъ разогналъ стадо, его сѣкутъ плетьми; наказаніе происходитъ за занавѣсой, откуда слышны только крики блуднаго: „государь, пощади!“

Въ пятой части блудный сынъ возвращается къ отцу. а въ шестой, въ длинномъ монологѣ, читаетъ себѣ нравоученіе:

Познахъ бо нынѣ юность дурность быти,
Аще кто хощетъ безъ науки жити.

Въ эпилогѣ комедіи говорится:

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати;
Старимъ,—да юныхъ добрѣ наставляютъ,
Ничто на волю младыхъ не спущаютъ;
Найпаче образъ милости явися,
Въ немъ же Божая милость вобразися,
Да и вы Богу въ ней подражаете,
Покаявшимся удобь прощаете [1]).

[1]) „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ“, Н. Тихонравова, т. I, стр. 296—322.

Пьеса эта издавалась съ рисунками для актеровъ, изображающими ихъ роли въ отдѣльныхъ сценахъ и эпизодахъ. Рисунки эти гравированы по рисункамъ голландца Пикара, воспроизводятъ не московскую сцену, а нѣмецкую или голландскую, и мѣстами восполняютъ содержаніе комедіи Симеона Полоцкаго. Такъ, напримѣръ, въ комедіи ничего не говорится о женщинахъ, а на картинкахъ онѣ изображены. На одной картинкѣ представлена даже цѣлая сцена, которой въ комедіи не оказывается,—сцена изгнанія блуднаго сына, ограбленнаго слугами, изъ жилища женщинъ, съ которыми онъ прежде пировалъ: „тогда и прелюбодѣицы ругахуся ему, овая гнаше кочергою, овая же воду ліяше на него; онъ же, избѣжавъ, „увы!“ глаголетъ“. Очень возможно что, сочиняя свои рисунки, Пикаръ имѣлъ передъ глазами и отчасти копировалъ какіе нибудь иностранные образцы [1]).

Немаловажный интересъ въ комедіи должны были представлять собою ея интермедіи. Къ сожалѣнію, онѣ не были помѣщены въ текстѣ комедіи, и о нихъ мы можемъ судить только предположительно. Въ одной изъ позднѣйшихъ записей московскихъ школьныхъ интермедій начала XVIII вѣка мы видимъ какъ бы интермедію къ комедіи Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ. Въ ней именно выступаетъ на сцену блудный сынъ, и притомъ вполнѣ соотвѣтственно съ тѣмъ характеромъ его, съ какимъ онъ представленъ въ комедіи Симеона Полоцкаго. Въ этой интермедіи блудный сынъ представленъ пирующимъ. Къ нему приходитъ пьяница и изъявляетъ желаніе выпить за его здоровье. Въ благодарность за добрыя пожеланія, блудный сынъ подноситъ ему чашу, опустивъ въ нее сто златницъ. По сценическому указанію, „та чаша первіе наполненна явѣ, а потомъ тайно

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 114—120.

источится, юже онъ подъемъ праздну аки испіетъ". Выпивъ эту „праздную" чашу, пьяница сваливается съ ногъ; слуги относятъ его къ сторонкѣ; здѣсь пьяница умираетъ, и демонъ уноситъ его душу въ адъ. Блудный велитъ похоронить мертвеца и „съ другимъ другомъ далѣе веселится". Эта сцена напоминаетъ разсказъ Олеарія о томъ, какъ русскіе кутилы его времени сталкивали опившихся подъ лавку и продолжали, какъ ни въ чемъ не бывало, пировать [1]).

Такъ какъ церковная недѣля блуднаго сына предшествуетъ разгульной масляницѣ, то надобно полагать, что „комедія притчи о блудномъ сынѣ" первоначально предназначалась для представленія наканунѣ масляницы и имѣла въ виду сколько нибудь сдержать и умѣрить предстоявшій масляничный разгулъ. На это указывала бы и приведенная выше интермедія къ пьесѣ о блудномъ сынѣ, выхваченная изъ Московской жизни.

Но, кромѣ этой непосредственной, ближайшей цѣли, указываютъ и другую, высшую цѣль комедіи. Основная мысль комедіи, съ одной стороны,—необходимость науки, образованія, которое одно только и можетъ сдерживать порывы юности и направлять ея стремленія на разумный путь, съ другой стороны — проповѣдь мягкаго, добродушнаго отношенія старшихъ къ ошибкамъ и проступкамъ неопытной юности. Эта мысль имѣла прямое отношеніе къ интересамъ русской жизни XVII столѣтія, когда въ умахъ молодого поколѣнія стала пробуждаться пытливость и въ обществѣ почувствовалась потребность болѣе широкаго образованія на европейскій ладъ. Намъ уже извѣстно, что Борисъ Годуновъ посылалъ нѣсколько молодыхъ русскихъ людей за границу для образованія, которые, однако, затерялись гдѣ-то на чужбинѣ. Можетъ быть, подъ вліяніемъ этихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 333; „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг.", Н. Тихонравова, т. I, стр. 417—8.

примѣровъ, люди стараго закала упорно держались за свою старину, оставаясь вѣрными девизу: „которая земля переставливаетъ обычаи свои, и та земля не долго стоитъ“. Симеонъ Полоцкій, какъ человѣкъ просвѣщенный, какъ одинъ изъ дѣятелей весьма немногосичленнаго въ его время кружка новыхъ людей въ Россіи, хотѣлъ своею обработкою евангельской притчи сгладить рѣзкія крайности и примирить неопредѣленныя стремленія молодежи съ консерватизмомъ стариковъ, какъ это видно изъ приведеннаго выше эпилога къ комедіи [1]).

Можно указать и болѣе частный случай къ составленію этой комедіи, прекрасно характеризующій ту эпоху, когда русская передовая молодежь томилась жаждою заграничнаго образованія. Въ 1660 году сынъ царскаго любимца Л. Ав. Ордина—Нащокина, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды, которому иноземные учителя вскружили голову разсказами о Западной Европѣ, бѣжалъ заграницу. Отецъ былъ страшно сконфуженъ и убитъ горемъ, самъ увѣдомилъ царя Алексѣя Михайловича о своемъ несчастіи и просилъ отставки. Царь отвѣчалъ ему задушевнымъ письмомъ, въ которомъ писалъ, между прочимъ: „Просишь ты, чтобъ дать тебѣ отставку, съ чего ты взялъ просить объ этомъ? думаю, что отъ безмѣрной печали. И что удивительнаго въ томъ, что надурилъ твой сынъ? отъ малодушія такъ поступилъ. Человѣкъ онъ молодой, захотѣлось посмотрѣть на міръ и его дѣла; какъ птица полетаетъ туда и сюда и, налетавшись, прилетаетъ въ свое гнѣздо, такъ и сынъ вашъ припомнитъ свое гнѣздо и свою духовную привязанность и скоро къ вамъ воротится“ [2]). Эта царская мысль, повидимо-

[1]) „Старинный театръ въ Европѣ“, А. Веселовскаго, Москва, 1870 г., стр. 353—4; „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 119.

[2]) „Курсъ русской исторіи“, В. О. Ключевскаго, ч. III, Москва, 1908 г., стр. 422.

му, и обобщена Симеономъ Полоцкимъ въ его комедіи о блудномъ сынѣ, развита на основаніи евангельской притчи и освящена авторитетомъ св. Писанія.

О наружной связи комедій Симеона Полоцкаго со школьными драмами Кіевской Академіи XVII вѣка свидѣтельствуетъ уже самая форма и внѣшняя отдѣлка ихъ. Обѣ онѣ составлены по всѣмъ правиламъ кіевской школьной піитики и написаны силлабическими виршами.

Что же касается внутренняго характера комедій Симеона Полоцкаго, то въ этомъ отношеніи онѣ, по словамъ нашихъ ученыхъ, довольно рѣзко отличаются отъ южнорусскихъ школьныхъ дѣйствъ: въ нихъ нѣтъ ни одной аллегорической фигуры, какія были необходимою принадлежностью южнорусской школьной драмы, и всѣ дѣйствующія въ нихъ лица стоятъ на исторической и вообще на реальной почвѣ. Эта особенность его комедій и особенно „комедіи притчи о блудномъ сынѣ“ объясняется тѣмъ, что въ послѣдней Симеонъ Полоцкій пользовался не іезуитскими источниками, а польскими народными, которые обрабатывали эту тэму, не вдаваясь въ нравоучительный символизмъ, такъ какъ притча о блудномъ сынѣ и безъ того достаточно поучительна. Можетъ быть, Симеонъ Полоцкій не рѣшился ввести въ свою пьесу отвлеченныя фигуры также и потому, что для большинства московскихъ зрителей его времени онѣ были бы мало понятны [1]). Другіе объясняютъ реализмъ комедій Симеона Полоцкаго и воздѣйствіемъ на него современной ему нѣмецкой драматической летературы въ Москвѣ, въ русской обработкѣ. Симеону Полоцкому нѣкоторые предположительно приписываютъ участіе въ систематической обработкѣ пьесъ пастора Грегори, постав-

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 121—2.

лявшихся на московской придворной сценѣ. Въ свою очередь, пьесы Грегори могли отразиться и на драмахъ самого Симеона Полоцкаго: знакомству съ ними будтобы обязанъ онъ реализмомъ и естественностію своихъ произведеній, а особенно драмы о блудномъ сынѣ [1]). Не отрицая дѣйствія этихъ причинъ, мы съ своей стороны замѣтимъ только, что и кіевская школьная драма не чуждалась совершенно реализма въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ, какъ это мы видѣли въ школьныхъ драматическихъ произведеніяхъ, занесенныхъ въ Галицію и Слободскую Украину [2]), и, слѣдовательно, реализмъ Симеона Полоцкаго можно считать лишь естественнымъ развитіемъ реализма кіевскихъ школьныхъ пьесъ, особенно не предназначавшихся для публичнаго представленія.

Комедія Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ пользовалась въ Московскомъ государствѣ большимъ успѣхомъ и не разъ перепечатывалась [3]). Что же касается его комедіи о Навуходоносорѣ, то отраженіе ея мы видимъ на московской школьной пьесѣ „Страшное изображеніе второго пришествія Господня на землю“, 1702 года, гдѣ тоже выводятся на сцену Навуходоносоръ и пророкъ Даніилъ, хотя и въ другихъ положеніяхъ [4]).

II. Драматическія произведенія съ именемъ св. Димитрія Ростовскаго.

Св. Димитрій (Туптало) Ростовскій, воспитанникъ Кіевской Академіи, большую часть жизни своей провелъ на югѣ Россіи, обезсмертивъ себя въ духовной литературѣ ка-

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, Б. В. Варнеке, ч. I, Казань, 1908 г., стр. 43.

[2]) См. предыдущую главу.

[3]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 122.

[4]) „Русскія драматич. произведенія 1672—1725 годовъ“, Н. Тихонравова, т. II, СПБ., 1874 г., стр. 8.

питальнымъ трудомъ своимъ, составленіемъ извѣстныхъ Четь —Миней. Небольшіе досуги своей трудовой жизни или часы необходимаго отдыха онъ употреблялъ иногда и на составленіе духовныхъ пьесъ школьнаго характера, хотя и не имѣлъ непосредственныхъ служебныхъ отношеній къ Кіевской Академіи. Значитъ, онъ чувствовалъ въ себѣ нѣкоторое поэтическое призваніе и, по возможности, отзывался на него. Къ пьесамъ южно-русскаго періода его жизни нужно отнести „Успенскую драму“ и „Грѣшникъ кающійся“. Назначенный въ 1701 году въ Ростовскіе митрополиты, св. Димитрій учредилъ въ Ростовѣ епархіальную школу;—и хотя классы ея доведены были только до грамматики, однако и въ ней отправлялись, въ нарочитые дни, школьныя дѣйства, вѣроятно составленныя по желанію и указаніямъ самого св. Димитрія. Къ такимъ пьесамъ относятся недошедшій до насъ Діалогъ на Воскресеніе Христово, конспектъ Ростовскаго дѣйства, Рождественская драма и Димитріевская драма [1]).

1. Успенская драма св. Димитрія Ростовскаго, извѣстная до послѣдняго времени только по названію, найдена и напечатана лишь въ 1907 году профессоромъ М. Н. Сперанскимъ по черновому автографу св. Димитрія. По мнѣнію профессора Сперанскаго, рукопись относится къ концу XVII вѣка.

Содержаніе и ходъ драмы слѣдующіе:

Въ первомъ явленіи перваго дѣйствія Іаковъ, посланный отцомъ своимъ Исаакомъ въ Месопотамію къ сроднику своему Лавану свататься къ прекрасной дочери его Рахили, объявляетъ о своемъ намѣреніи людямъ, въ данномъ слу-

---

[1]) Біографическія подробности см. въ книгѣ „Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.)“, И. А. Шляпкина, СПБ., 1891 года.

чаѣ слушателямъ пьесы, и приглашаетъ ихъ къ себѣ какъ бы въ сваты или въ дружки:

Хощете ли, и съ нами на свадбу пойдѣте,
Прошу—радъ буду, и Лаванъ васъ прииметъ,
Яко приятелей своихъ любезнѣ обиметъ.

Утружденный долгимъ путемъ и дневнымъ зноемъ, онъ ложится на землю спать, положивъ въ возглавіе камень, и видитъ во снѣ лѣствицу отъ земли до небесъ, съ восходящими и низходящими по ней ангелами, предзнаменовавшую рожденіе изъ его потомства дѣвы Маріи, соединившей небо съ землею.

Во второмъ и третьемъ явленіяхъ изображаются успеніе Богоматери, плачъ христіанской церкви объ ея кончинѣ, ея взятіе на небо и прославленіе ангелами. Извѣщенная архангеломъ Гавріиломъ о своей кончинѣ за три дня до нея, Пресв. Дѣва пожелала видѣть святыхъ апостоловъ, которые мановеніемъ Божіимъ собраны были со всѣхъ концовъ вселенныя и честно проводили ея тѣло ко гробу:

Іоаннъ вѣтвь, инны свѣщи впредъ ношаху,
Инны аллилуіа со псалмы пояху.

Во время погребальнаго шествія одинъ невѣрный жидовинъ хотѣлъ опрокинуть гробъ съ пречистымъ тѣломъ, но наказанъ былъ ангеломъ отсѣченіемъ рукъ; увѣровавши во Христа и Пресв. Дѣву, онъ получилъ исцѣленіе. Душа Пресв. Богородицы взята была возлюбленнымъ ея Сыномъ на небо, а тѣло погребено на Елеонской горѣ, откуда оно вскорѣ взято было на небо для соединенія съ душою.

Между тѣмъ Вѣсть сообщаетъ пустынникамъ о кончинѣ Богоматери. Пустынники скорбятъ о ея смерти; но Вѣсть утѣшаетъ ихъ, увѣряя, что она—

Не умре, но къ жизни въ жизнь вѣчну преселися,
Въ безконечныя вѣки тамъ съ Сыномъ царствуетъ.

Скорбитъ о кончинѣ Богоматери и Церковь:

Преставися отъ земныхъ милосердна Мати;

Кто намъ въ сиротствѣ будетъ, кто милость являти?
Къ кому притекутъ скорбныи и въ бѣдахъ елицы?
Къ кому... Дѣвы матере вдовицы?
Кто утѣшитъ плачущихъ, нищихъ и печальныхъ,
Словомъ, дѣломъ ввеселитъ кто ближнихъ и далнихъ?

Утѣшеніе объясняетъ плачущей Церкви планы Божьяго домостроительства человѣческаго спасенія, что Дѣва съ плотію взята ангелами на небо, оставивъ людямъ свое святое имя, и свыше призираетъ на людей милосерднымъ окомъ. Олицетворенное Вравіе (вѣтвь) райское разсказываетъ о предсмертномъ пламенномъ желаніи Богоматери соединиться на небесахъ съ возлюбленнымъ своимъ Сывомъ, о вознесеніи ея ангелами на небеса и о торжественной встрѣчѣ ея здѣсь Отцомъ, Сыномъ и Св. Духомъ. Затѣмъ, „ангели, прочіимъ поющимъ, приходятъ ко гробу и вземлютъ образъ“ и поютъ хвалебныя пѣсни Богородицѣ.

Въ четвертомъ явленіи передается эпизодъ о невѣріи Ѳомы, не поспѣвшемъ на погребеніе Богоматери и не вѣровавшемъ въ ея кончину. Вѣра, Надежда и Любовь убѣждаютъ его, а ангелы показываютъ ему гробъ Богоматери, но безъ ея тѣла, взятаго уже на небо.

Въ пятомъ явленіи „отроки рыдаютъ о преселившейся въ небо Богородицѣ“. Первый отрокъ приглашаетъ всю тварь соболѣзновать ему въ печали:

Плачите, очи, плачи и все тѣло,
Плачите зѣло,
Восплачи, земля, и яже суть въ тебѣ,
Плачите древа, цвѣты, требѣ!
Плачте камены, взрыдайте горы,
Иже въ моры! и проч.

„Ангелъ съ небесъ“ утѣшаетъ плачущихъ юношей, говоря:

Се желаніе ваше исполнися:
Мати Бога,—всякій присмотрися, –
Отъ Отца, Сына вѣнцемъ увѣнчанна,
Свѣтомъ Святаго Духа осіянна,

Облечеся нетлѣнна въ нетлѣнну одежду,
Вамъ же всѣмъ возвѣщаетъ вѣчнихъ благъ надежду.

Второе дѣйствіе Успенской драмы почти все посвящено попеченію Богоматери о грѣшномъ человѣкѣ, который осужденъ былъ небеснымъ судомъ на муки и спасенъ чрезъ покаяніе и черезъ молитву Богородицы за него. Грѣшный человѣкъ отчаевается въ своемъ спасеніи, но Совѣсть, въ несвойственной ей роли, убѣждаетъ его не предаваться отчаянію и принести покаяніе прежде чѣмъ наступитъ смерть. Грѣшникъ отвѣчаетъ ей перифразомъ Овидія

Первѣе солнце згаснетъ, звѣзди потемнѣютъ,
Первѣе свѣтозарніе небеса истлѣютъ,
Первѣе источатся источницы въ морѣ,
Первѣе непроходны во путь пойдутъ горы,
Первѣе каменные возглаголютъ стѣны,
Неже мя помилуетъ Бога благостины.

Тогда Гнѣвъ Божій приступаетъ къ грѣшнику и хочетъ убить его, чтобы онъ принялъ возмездіе за свои грѣхи. Между ними начинается разговоръ, напоминающій собою разговоръ Ирода или Аники воина со смертію.

Грѣшникъ. Гнѣве Божій, потерпи поне мало время,
Да грѣховъ моихъ сложу на чистое бремя.

Гнѣвъ (уже не зремый). Доколѣ имѣлъ еси разумъ, память, волю,
Могущъ каятися: въ вѣчну днесь иди неволю!

Грѣшникъ. Поне часъ или два ны продолжи, молю ти!

Гнѣвъ. Ни полминуты!
Приими казнь по дѣломъ ти, и болшую пріймешъ,
Егда ся огнемъ вѣчнымъ геенскимъ обыймешъ.

За грѣшника заступается Благоутробіе Богородицы и убѣждаетъ Гнѣвъ Божій представить грѣшника на Судъ Божій, который, послѣ предъявленія обвиненій противъ грѣшника и вслѣдствіе заступничества Милосердія,—

Не преда(етъ) грѣшника подъ адское бремя,
Но въ крѣпкую темницу заключаетъ на время,

т. е. какъ бы подвергаетъ его предварительному заключенію.

Находясь во временномъ заключеніи, Грѣшникъ вспоминаетъ свои грѣхи, подвергается мученіямъ Совѣсти и даже завидуетъ безсмысленному скоту, который умираетъ навѣки и, вслѣдствіе своего неразумія, не знаетъ вѣчной муки. Совѣсть и Надежда успокоиваютъ его и ободряютъ упованіемъ на Милосердіе Богоматери.

Въ третьемъ явленіи втораго дѣйствія происходитъ правый Судъ Божій надъ грѣшникомъ, который, однако же, по молитвѣ Пресв. Дѣвы, освобожденъ отъ вѣчныя смерти и адскихъ мученій и облеченъ въ первоначальную бѣлую одежду чистоты.

Въ четвертомъ явленіи прощенный Грѣшникъ прославляетъ милость Богоматери, которая—

Надежда убо грѣшнымъ, помощь отчаяннымъ,
Спасеніе погибшимъ и въ муку посланнымъ.

Онъ приглашаетъ и другихъ людей обращаться къ заступничеству Богоматери въ тѣсныхъ обстоятельствахъ своей жизни:

Вы же, о человѣци, прилѣжно внымайте,
Марію человѣкомъ заступницу знайте:
На земли, во пустыни и промежду горы,
Въ крвавыхъ бранехъ на поле, такожде и въ моры
Взывай на помощь Дѣву: та будетъ ти щитомъ,
Та предстанетъ ти въ помощь съ ангелъ синклитомъ.

Примиренный съ совѣстію, Грѣшникъ умираетъ и, не смотря на протестъ нотарія, признается освобожденнымъ отъ адскихъ мученій и восходитъ на небо. Ангелъ—хранитель радуется и приглашаетъ къ сорадованію и всѣ ангельскіе чины.

Послѣднее, пятое явленіе содержитъ своего рода апоѳеозъ Богоматери. Олицетворенныя Власть, Митра Церкви, Вѣнецъ и т. д. возносятъ хвалы Богородицѣ и преклоняются предъ ея образомъ, при чемъ дѣлаются указанія на современныя политическія обстоятельства Малороссіи. Такъ, на-

примѣръ, Щитъ отъ гражданъ, обращаясь къ Богоматери, какъ столпу, молитъ ее:

...Защити вѣрныхъ отъ злыхъ агаряновъ
И отъ невѣрныхъ прочихъ погановъ!

Епилогъ высказываетъ главную идею драмы:

Се уже, слышателю, еже обѣщахомъ,
По сылѣ нашей любви твоей показахомъ:
Како Дѣва безсмертна на небѣ царствуетъ,
И како спасеніе намъ ходатайствуетъ.
Вамъ же за вниманіе главы преклоняемъ,
Что въ словѣ согрѣшихомъ, простѣте, желаемъ [1]).

Соотвѣственно двумъ актамъ своимъ, Успенская драма св. Димитрія распадается, по своему содержанію, на двѣ части, изъ коихъ первая говоритъ собственно объ успеніи Богоматери, а вторая—о спасеніи грѣшника ея заступничествомъ.

Первая часть драмы основана на циклѣ православныхъ и иныхъ сказаній объ успеніи Богородицы, каковы, напримѣръ, проложныя статьи, слова Іоанна Богослова и Іоанна Солунскаго, распространенныя въ русскихъ спискахъ, содержаніемъ коихъ дѣйствительно покрывается вся фактическая сторона драмы. Но особенную близость обнаруживаетъ драма съ изложеніемъ сказаній объ успеніи въ его же минеѣ. Въ этомъ можно предполагать не заимствованіе изъ минеи въ драму, а скорѣе—общность источниковъ. При этомъ нѣкоторыя отдѣльныя подробности показываютъ, что нѣкоторые источники, не использованные минеей, повліяли на св. Димитрія при изложеніи драмы стилистически [2]).

---

[1]) „Успенская драма св. Димитрія Ростовскаго", съ предисловіемъ М. Н. Сперанскаго, въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ", 1907 г., кн. 3, отд. II.

[2]) Тамъ же, стр. VII и VIII.

Другая половина Успенской драмы, именно о кающемся грѣшникѣ, основана частію на житійныхъ же, частію на другихъ стороннихъ источникахъ.

Выше мы указывали „Розмову вократцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшей отъ Судіи справедливаго Христа Спасителя“, начала XVIII вѣка, основанную, по нашему мнѣнію, на житіи Василія новаго, составленномъ ученикомъ его Григоріемъ [1]). Это же самое житіе, до XVIII в. не встрѣчающееся въ южнорусской письменности, но помѣщенное въ Четь-Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго и заимствованное имъ изъ великихъ Макаріевскихъ Четь-Миней, послужило основаніемъ и для второй части Успенской его драмы, которая, однако же, существенно отличается отъ „Розмовы“ тѣмъ, что заканчивается не осужденіемъ грѣшника, а помилованіемъ его по заступничеству Богоматери.

Это заступничество Богоматери за грѣшника объясняется уже изъ другихъ источниковъ. Извѣстны греческія иконныя изображенія *Деисиса* (δέησις—моленіе), переименованныя у русскихъ въ Деисуса, на которыхъ предстоящіе Богородица и Предтеча умоляютъ Спасителя помиловать грѣшный родъ человѣческій.

Богородица. Пріими моленіе Матери Твоей, Милостиве!
Христосъ. Чесо просиши, Мати?
Богородица. Спасенія смертныхъ.
Христосъ. Они прогнѣвали меня.
Богородица. Помилуй ихъ, Сыне Мой!
Христосъ. Но они не обращаются.
Богородица. Спаси ихъ туне! [2]).

Есть и распространенныя въ Малороссіи апокрифическія сказанія о хожденіи Богородицы по мукамъ, по обо-

---

[1]) См. выше, въ предыдущемъ отдѣлѣ; сн. Четь-Минеи св. Димитрія подъ 26 марта.

[2]) См. экземпляръ въ коллекціи иконъ преосвящ. Порфирія Успенскаго; сн. „Труды Кіевской Дух. Академіи“, окт., 1886 г., стр. 297.

зрѣніи которыхъ она возносится ангелами на небо, къ престолу Сына своего, и умоляетъ его о помилованіи грѣшниковъ [1]).

Въ Успенской драмѣ св. Димитрія замѣтны нѣкоторые слѣды зависимости ея и отъ предшествующихъ ей Кіевскихъ школьныхъ драмъ. Въ ней такъ же, какъ и въ „Дѣйствіи на страсти Христовы“ 1685 года, полагаются иконы для апоѳеоза, и замѣчается нѣкоторое сходство въ характеристикѣ выводимыхъ на сцену лицъ. Напримѣръ, въ „Успенской драмѣ“ Грѣшникъ, а въ „Дѣйствіи на страсти Христовы“ Іовъ въ сходныхъ чертахъ проклинаютъ день своего рожденія. Затѣмъ, въ Успенской драмѣ Грѣшникъ иногда буквально выражаетъ свое отчаяніе такими же словами, какими и олицетвореннное Отчаяніе въ драмѣ „Царство Натуры людской“ 1698 года, перифразируя элегію Овидія [2]).

Судя по названію и содержанію, Успенская драма св. Димитрія написана на день успенія Богодицы, 15 августа, но не для школьнаго употребленія, такъ какъ св. Димитрій до своего митрополитства въ Ростовѣ не имѣлъ непосредственныхъ отношеній къ какой либо школѣ, да и праздникъ Успенія падаетъ на вакаціальное время. Тѣмъ не менѣе, изъ нѣкоторыхъ замѣчаній пьесы можно видѣть, что, если она и не представляема была на сценѣ, то предназначалась для этого авторомъ. Таковы, напримѣръ, замѣчанія: „по первомъ пѣніи изыйдетъ Утѣшеніе съ именемъ Маріинымъ“ (дѣйств. 1, стихъ 375), „Ангели прочіимъ поющимъ приходятъ ко гробу и вземлютъ образъ“ (д. I, стр. 597), ап. Ѳома

---

[1]) „Записки Українського Наукового Товариства въ Київі“, кн. 2, Кіевъ, 1908 г., стр. 173 и слѣд.

[2]) „Памятники русской драматич. литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г. стр. 148; сн. „Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. II, стр. 29.

„смотритъ въ гробъ“ (д. 1, ст. 811), „ангели отворяютъ“ (д. I, ст. 822), „Гнѣвъ уже не зремый“ (д. II, ст. 93), и проч. Разные эпизоды совершаются на землѣ, на небѣ и въ аду. Можно бы, поэтому, подумать, что драма предназначалась для представленія въ какомъ либо многолюдномъ монастырѣ по случаю храмоваго праздника. Такимъ монастыремъ могъ быть или Кіево-Печерскій, въ которомъ св. Димитрій періодически проживалъ съ 1684 года, или Черниговскій Елецкій Успенскій монастырь, въ которомъ онъ былъ настоятелемъ съ 1697 до 1699 года. А такъ какъ мартовская четверть великихъ Макарьевскихъ Четь-Миней, изъ которой извлечено житіе преп. Василія Новаго, получена была св. Димитріемъ изъ Москвы въ 1695 году [1]); то слѣдуетъ заключить, что Успенская драма сочинена и могла разыгрываться въ бытность св. Димитрія Елецкимъ архимандритомъ, между 1697 и 1699 годами. Если же признать нѣкоторую зависимость Успенской драмы отъ Кіевской школьной драмы „Царство Натуры людской“ 1698 года; то нужно будетъ отнести Успенскую драму къ 1698 или къ 1699 году. Исполнителями ея могли быть молодые монахи и бѣльцы—послушники или пѣвчіе, на которыхъ и указываетъ пьеса подъ названіемъ „еремитовъ“ или „пустынниковъ“ и „отроковъ“.

Во всякомъ случаѣ, Успенская драма написана св. Димитріемъ тогда, когда онъ уже освоился съ церковно-славянскимъ языкомъ великихъ Макарьевскихъ Четь-Миней. Этимъ и объясняется и относительная чистота языка Успенской драмы въ сравненіи съ макароническимъ стихомъ прежнихъ школьныхъ Кіевскихъ дѣйствъ.

2) Другая драма, приписываемая св. Димитрію Ростовскому, есть драма *„Грѣшникъ кающійся“*. Содержаніе

---

[1]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, 1891 г., стр. 36, 255, 257 и 263.

этой пьесы князь Шаховской передаетъ слѣдующимъ образомъ. Сцена изображаетъ пустынный видъ. Въ срединѣ стоятъ три существа: грѣшникъ, ангелъ-хранитель и демонъ. Грѣшникъ—въ бѣлой одеждѣ, скрытой подъ черными нашивками, на которыхъ написаны всѣ его прегрѣшенія. Рѣчи ангеловъ и демоновъ дополняются двумя невидимыми хорами ихъ собратій. Хоръ ангеловъ восхваляетъ милосердіе и благость Божію, и грѣшникъ готовъ покаяться; но, опустивъ глаза, онъ видитъ свою одежду, ужасается бездны грѣховной и богохульствуетъ; адъ радуется новой добычѣ. Но ангелы воспѣваютъ прощеніе разбойника; это обуздываетъ отчаяніе грѣшника, и онъ отъ всего сердца начинаетъ молитву. По мѣрѣ покаянія, нашивки спадаютъ одна за другою и, наконецъ, обнаруживается бѣлая одежда, символъ невинности. Но борьба утомила человѣка; смерть близка; онъ умираетъ, а душа его возносится къ небу при пѣніи ангеловъ, тогда какъ въ аду слышатся отчаянные крики и скрежетъ зубовъ [1]).

Очевидно, эта пьеса представляетъ изъ себя только варіацію втораго акта Успенской драмы св. Димитрія. Несмотря на различіе обстановки, чувствуется сходство въ изображеніи самой идеи покаянія и въ развитіи дѣйствія. Какъ и въ Успенской драмѣ, мы видимъ колебанія грѣшника по отношенію къ покаянію, постепенное его обращеніе; такъ же, какъ и въ Успенской драмѣ, символомъ прощенія является одежда (тамъ возвращаемая ему прежняя чистая, а здѣсь—постепенно бѣлѣющая) [2]).

3) *„Ростовское дѣйство“*, сохранившееся только въ программѣ или афишѣ, написано было на Рождество Христово.

---

[1]) Тамъ же, приложен., стр. 71—2.

[2]) „Чтенія въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. II, стр. VII.

Содержаніе его слѣдующее. Благодать Божія возводитъ человѣка на престолъ и даетъ ему заповѣдь не вкушать отъ древа познанія добра и зла. Но человѣкъ, поддавшись искушенію лести дьявольской, нарушаетъ заповѣдь и вкушаетъ яблока, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, видитъ все злое. Тогда является къ нему грѣховная злоба на лютомъ змѣѣ, отгоняетъ благодать Божію, ниспровергаетъ престолъ и обнажаетъ человѣка, а Гнѣвъ Божій предаетъ его въ руки смерти. Во второмъ дѣйствіи Голіаѳъ, по примѣру дьяволовъ, приготовляющихъ орудія мученія для человѣка, приготовляется уничтожить израильтянъ; но Давидъ, прообразовавшій І. Христа, одерживаетъ побѣду надъ Голіаѳомъ и приноситъ его голову Саулу.—Въ третьемъ дѣйствіи молнія побиваетъ діаволовъ, кующихъ оружіе на міръ, а „бездушный образъ“, представляющій собою смертнаго человѣка, привѣтствуетъ восходящее солнце, предзнаменующее имѣющаго родиться предвѣчнаго солнца Христа. Любовь Божья является на спасеніе міра и возвращаетъ человѣку его престолъ [1]).

Но принадлежность этой пьесы св. Димитрію болѣе, чѣмъ сомнительна. Въ видѣ программы или афиши, она могла быть занесена въ Ростовъ изъ Кіевской Академіи, гдѣ дѣйствительно она имѣетъ параллели и сходство съ тогдашними кіевскими драмами конца XVII и начала XVIII в.в. Доселѣ указывали сходство ея по содержанію съ кіевской пьесой „Мудрость Предвѣчная“, 1703 года [2]). Мы, съ своей стороны, укажемъ еще на кіевскую пьесу „Свобода“ 1701 г., въ которой подобнымъ образомъ Небо умерщвляетъ гро

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 109; „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, приложен., стр. 70 и 71.

[2]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 107—109.

момъ и молніями седмочисленные грѣхи, Міръ и Гнѣвъ, и также выступаютъ на сцену Гнѣвъ Божій, Смерть и наконецъ Милосердіе Божіе. Изъ этой же пьесы можно понять и выступающій въ „Ростовскомъ дѣйствѣ“ непонятный „бездушный образъ“ въ человѣческомъ видѣ, которому въ пьесѣ „Свобода“ соотвѣтствуетъ „златоглавый идолъ“, означающій собою Міръ съ его тщетной славою, гордостію и суетными богатствами [1]).

Афиша или самая пьеса могла быть занесена изъ Кіева въ Ростовъ или даже сочинена здѣсь по кіевскимъ образцамъ учителями Ростовской школы св. Димитрія, получившими образованіе въ Кіевской Академіи. Изъ учителей этой школы извѣстны учитель русскаго языка Евѳимій Морогинъ и латинскаго—Иванъ Мальцевичъ, судя по фамиліи, малороссъ [2]).

4) *„Рождественская драма“* представлена была въ Ростовѣ 24 декабря 1702 года. Она написана по всѣмъ правиламъ школьной піитики и состоитъ изъ антипролога, пролога, 18-ти явленій и эпилога.

Въ антипрологѣ „Натура людская“ скорбитъ о человѣческомъ несовершенствѣ и грѣхопаденіи, сдѣлавшемъ ее рабою Смерти. Надежда, Золотой вѣкъ, Покой (т. е. Міръ), Любовь, Кротость, Незлобіе, Радость и Фортуна утѣшаютъ ее; за ними Разсужденіе, Желѣзный вѣкъ, Брань, Ненависть, Ярость, Злоба, Плачъ и Зависть указываютъ на темныя стороны жизни. Натура смущена, а Смерть провозглашаетъ свое господство. Ее останавливаетъ Жизнь, явившаяся въ міръ оживить человѣка и сподобить его вѣчнаго житія. Далѣе слѣдуетъ прологъ, съ изложеніемъ содержанія

---

[1]) „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1907 г., кн. 3, стр. 55 и сл.

[2]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, стр. 328—330.

дѣйства: гибель Ирода, поплатившагося за то, что онъ „зѣло въ суетныхъ міра страстѣхъ былъ окованъ".

Въ первомъ явленіи Земля плачется на свою участь вслѣдствіе грѣхопаденія праотцевъ; Небо утѣшаетъ ее, обѣщая скорое пришествіе Спасителя. Слышится пѣніе „Христосъ рождается, славите", и проч.; на сцену выходитъ Милость Божія, объявляя на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе. Во второмъ явленіи Вражда или Зависть, порожденіе Люцифера и цѣлаго ада, ярится противъ Милости Божіей и проситъ Вулкана и Циклоповъ сковать ей оружіе, которое она разсѣетъ въ іудейскіе предѣлы и прольетъ имъ много крови. Циклопы поютъ хоръ. Затѣмъ слѣдуетъ интермедія—сцена пастуховъ. Выходятъ мужики Борисъ, Аврамъ и Аѳоня. Двое послѣднихъ пошли въ городъ за покупками, а первый остался при овцахъ и, съ наступленіемъ ночи, идетъ искать своихъ товарищей. Съ разспросами о нихъ онъ обращается къ зрителямъ:

Судари, мои свѣты! здорово ль живете?
Вы въ семъ мѣстѣ собраны подавно сѣдете:
Не видали ли моихъ товарищъ, идущихъ
Въ городъ, иль изъ города кошели несущихъ?
Одинъ уже и пристаръ, маленько горбатый,
Кривъ на глазъ; имя ему Аврамъ сторожатый;
Другой молодъ, именемъ Аѳоня названный,
Въ старомъ шубіонку, что намъ въ подпасочки данный.

Аврамъ и Аѳоня скоро приходятъ: они замѣшкались оттого, что зашли „на кружало" выпить на алтынъ винишка; впрочемъ, не забыли и товарища. Всѣ садятся ужинать. Раздается пѣніе ангеловъ. Мужики удивляются, смотрятъ на небо. Является ангелъ, приноситъ вѣсть о рожденіи Спасителя и велитъ имъ поклониться Христу въ Виѳлеемѣ. Испуганные пастухи спрашиваютъ:

Сударь! надобно ли что въ поклонъ понести,
Штобъ не велѣлъ, якъ нашъ князь, у шею вонъ вести?

Ангелъ успокаиваетъ ихъ, и они „украсившись въ чулки и лапти новые", отправляются въ путь. Сцена заключается заимствованнымъ съ польскаго хоромъ „Ангелъ пастыремъ вѣстилъ".

Явленіе 4-е представляетъ пастуховъ привѣтствующими поочередно новорожденнаго Христа и затѣмъ возвѣщающими о немъ людямъ.

Въ слѣдующей сценѣ Любопытство звѣздочетское, замѣтивъ появленіе на небѣ новой звѣзды, обращается за разъясненіемъ ея значенія къ пророку Валааму, который встаетъ изъ гроба и объясняетъ свое пророчество о Христѣ. Любопытство посылаетъ волхвовъ вслѣдъ за звѣздою.

Дальнѣйшій ходъ пьесы слѣдуетъ, въ общемъ, евангельскому сказанію о пришествіи волхвовъ къ Ироду, поклоненіи ихъ Христу и возвращеніи на родину инымъ путемъ, о повелѣніи Ирода избить всѣхъ Виѳлеемскихъ младенцевъ мужскаго пола, о плачѣ Рахили и проч.

Вождь воиновъ приноситъ къ Ироду головы дѣтей; Иродъ въ радости велитъ пѣть и засыпаетъ. За сценой— хоръ, призывающій Отмщеніе; слуги царскіе въ ужасѣ разбѣгаются, и предъ Иродомъ, во снѣ, является Невинность, въ бѣлой одеждѣ, съ двумя чашами, наполненными кровью и слезами. Истина объявляетъ, что Ироду уготовано мѣсто въ геенѣ, и приказываетъ двумъ ангеламъ водворить Невинность на небо. Иродъ, проснувшись, дѣйствительно чувствуетъ себя больнымъ, заживо сгниваетъ отъ болѣзни, сѣтуетъ на свою судьбу и умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ. Отмщеніе низвергаетъ его въ адъ, гдѣ въ адскихъ мукахъ онъ вопіетъ и проклинаетъ своихъ совѣтниковъ и день своего рожденія.

Два послѣднія явленія (17 и 18) представляютъ какъ бы заключеніе антипролога. Смерть торжествуетъ, напоивши землю кровію 14-ти тысячъ младенцевъ и убивши Ирода, и хочетъ сѣсть на престолъ и возложить на себя вѣнецъ. Но

Жизнь ее останавливаетъ: она Жизнь, а не Смерть, на вѣки сохранитъ за собою престолъ и увѣнчаетъ свою другиню Натуру. Крѣпость Божія объявляетъ, что Иродъ терпитъ муки за гордыню, и что такія же муки уготованы грѣшникамъ, „убивающимъ Христа своими грѣхами“.

Эпилогъ, по обычаю, благодаритъ слушателей за вниманіе и проситъ прощенія за ошибки въ дѣйствѣ. Онъ заключается такими словами:

Сему всякъ съ охотою, молимъ, да внимаешь,
Ты же, архіерею, да благословляешь [1]).

Изъ послѣднихъ словъ можно видѣть, что Рождественская драма сочинена не самимъ св. Димитріемъ, а, вѣроятно, учителями его Ростовской школы. Вѣроятно, она имѣетъ корни свои еще въ Кіевской и вообще южнорусской школьной драматической литературѣ. Здѣсь мы видѣли афишу какой-то пьесы на Рождество Христово, занесенную въ Галицію и состоящую собственно изъ пролога и эпилога, изъ которыхъ видно, что въ пьесѣ говорилось о рожденіи Спасителя, котораго славословятъ ангелы съ пастырями и привѣтствуютъ восточные цари съ дарами. Мы видимъ въ Ростовской драмѣ и нѣкоторые персонажи и сцены кіевскихъ пассіональныхъ драмъ, напр. Натуру людскую, встрѣчающуюся въ Кіевскихъ пьесахъ „Царство Натуры Людской“ 1698 г. и „Свобода“ 1701 года, и Циклоповъ, кующихъ оружіе на людскую пагубу, которымъ соотвѣтствуютъ седмочисленные грѣхи въ „Свободѣ“ 1701 года, и діаволы, кующіе оружіе на міръ, въ предыдущей Ростовской афишѣ. Есть въ Ростовской драмѣ и нѣкоторые излюбленные пріі-

---

[1]) „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ“ Н. Тихонравова, т. I, СПБ., 1874 г., стр. 339 и сл.; „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, 1889 г., т. I, стр. 89—95. „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, 1891 г., стр. 343—7.

емы самаго св. Димитрія, встрѣчающіеся и въ его „Успенской драмѣ“, и въ „Грѣшникѣ кающемся“, какъ наприм. обращеніе пастуха Бориса непосредственно къ зрителямъ, облеченіе Невинности въ бѣлую одежду и сопровожденіе ея двумя ангелами на небо, отчаяніе умирающаго Ирода и проклятіе имъ дня своего рожденія. Эти пріемы могутъ свидѣтельствовать о томъ, что драма составлялась не безъ указаній и участія самаго св. Димитрія.

Сценическая постановка Ростовской драмы напоминаетъ собою такую же постановку извѣстной уже намъ пьесы объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ 1673 года. И въ Ростовской драмѣ съ одной стороны ангелы спускаются съ неба (изъ рая) къ пастухамъ, а съ другой—Иродъ мучится въ аду. Въ аду же, вѣроятно, помѣщались и циклопы, которыхъ Вражда заставляетъ ковать себѣ оружіе; оттуда выходили на землю аллегорическія фигуры Брани, Ненависти, Смуты и проч.; съ неба являлись Милость и Крѣпость Божія. На земной сценѣ съ одной стороны должно было находиться изображеніе Виѳлеема, гдѣ происходили сцены поклоненія пастуховъ и царей, съ другой стороны—дворецъ Ирода, такъ что дѣйствіе разыгрывалось попеременно то здѣсь, то тамъ [1]).

Питаясь южнорусскими и въ частности кіевскими источниками и матеріалами, Ростовская рождественская драма получаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣстный Ростовскій великорусскій колоритъ. Ея пастыри Борисъ, Авраамъ да Аѳоня въ сущности малорусскіе „чабаны“ со своими „отарами“ овецъ, но они являются въ обстановкѣ великорусской жизни и похожими на великорусскихъ мужиковъ и говорятъ полу-малорусскимъ, полу-великорусскимъ языкомъ.

Нѣкоторые видятъ въ Ростовской рождественской драмѣ черты сходства съ позднѣйшимъ малорусскимъ вертепомъ,

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 100.

наприм., въ эпизодахъ о пастыряхъ и о плачущей Рахили, но это сходство объясняется тѣмъ, что и Ростовская драма, и вертепъ почерпали изъ одного общаго имъ источника [1]).

5) Димитріевская драма носитъ такое заглавіе: „*Вѣнецъ славно-побѣдный* доброподвижнику, храбреннику Христову св. великомученику Димитрію въ день преславнаго праздника его торжественна отъ смиренныхъ, того именоносца преосвященнаго Димитрія, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, питомцевъ грамматики, учащихся младенцевъ стихословнѣ отъ дванадесяти цвѣтовъ сплетенный въ богоспасаемомъ градѣ Ростовѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1704“. Вѣроятно, и она тоже составлена учителями Ростовской школы св. Димитрія.

Эта небольшая пьеса состоитъ изъ антипролога, пролога, двухъ дѣйствій, раздѣленныхъ на шесть явленій каждое, и эпилога.

Въ антипрологѣ „Идолопоклонство величается о своей силѣ и многобожіи:

Во всей бо подсолнечной азъ есмь прославленно
Зане боги моими сталось умноженно;
О Кронѣ и Зевесѣ и Фебѣ хвалюся,
О Ареи и Ерміи честна быти мнюся“, и т. д.

Точно такъ же и въ первомъ дѣйствіи царь Максиміанъ „хвалится о силѣ своей“; но идолы предсказываютъ ему свое паденіе и умноженіе православія. Разгнѣванный царь посылаетъ воиновъ преслѣдовать христіанъ и назначаетъ Димитрія Солунскимъ воеводой. Димитрій, „на своемъ властительскомъ сѣдя мѣстѣ, усумнѣвается: лучше ли боятися царя земного, или небеснаго“, и рѣшается проповѣдывать христіанство. Въ этомъ рѣшеніи его поддерживаютъ аллегорическія лица Вѣры, Надежды и Любви. Во второмъ дѣйствіи, царь, узнавъ, что Димитрій—христіанинъ, пытается

---

[1]) „Малорусскій вертепъ Гр. П. Галагана“, П. И. Житецкаго, въ „Кіевской Старинѣ“, октябрь, 1882 г., стр. 5.

убѣдить его возвратиться къ идолопоклонству, но, не успѣвъ въ этомъ, ярится и приказываетъ заключить его въ темницу, а идолопоклоннику Лію—бороться съ христіанами и истреблять ихъ. Христіанинъ Несторъ, по благословенію Димитрія, побѣждаетъ гонителя Лія; царь, въ гнѣвѣ, приказываетъ отсѣчь голову Нестору и заколоть Димитрія копьями. Казнь Нестора и Димитрія представлены въ нѣмой сценѣ. „Тщеславіе Максиміаново хвалится, аки бы Максиміана вся подсолнечная трепещетъ о мучительствѣ его, наипаче же о убіеніи христіанъ; но слава Димитрія поражаетъ Тщеславіе копьемъ и величаетъ „достопобѣдника Христова“[1]).

6) Св. Димитрію Ростовскому приписывалась еще пьеса „*Воскресеніе Христово*“, до сихъ поръ не найденная въ текстѣ[2]).

Такимъ образомъ, изъ пьесъ, извѣстныхъ и дошедшихъ до насъ съ именемъ св. Димитрія, двѣ несомнѣнно составлены самимъ Димитріемъ („Успенская драма“ и „Грѣшникъ кающійся), а Рождественская и Димитріевская драмы, вѣроятно, составлены учителями Ростовской его школы, но не безъ его иниціативы и указаній. Это обстоятельство и служитъ причиною того, что почти всѣ драмы съ именемъ св. Димитрія, хотя бы и не имъ написанныя, имѣютъ общій всѣмъ имъ индивидуальный характеръ. Большая часть ихъ основана на историческихъ документахъ, взятыхъ или изъ Св. Писанія, или изъ житійной литературы, и имѣетъ преобладающую форму мираклей. По внутреннему же своему характеру, всѣ онѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, отличаются искренностію и глубиною религіознаго чувства, любовнымъ отношеніемъ къ низшей братіи (пастухамъ, крестьянамъ, ремесленникамъ, купцамъ), сознаніемъ ихъ человѣческаго достоинства, ихъ правъ на лучшую жизнь, ихъ обязанностей передъ Богомъ и ближними. Въ этомъ отношеніи Димитрій Ростовскій является предшественникомъ Тихона Задонскаго, Иннокентія Херсонскаго и Филарета Московскаго.

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 339—340; „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И. А. Шляпкина, прилож. VI, стр. 59—70.

[2]) „Чтенія въ Императ. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. II, стр. II.

янамъ) и особенно всепрощающимъ милосердіемъ къ грѣшному человѣку. Вѣроятно, благодаря этому глубоко-христіанскому гуманному настроенію своему, пьесы св. Димитрія пользовались въ послѣдствіи времени популярностію и успѣхомъ. Есть извѣстіе, что пьеса „Грѣшникъ кающійся“ представлена была при дворѣ Елизаветы Петровны, при участіи Волкова и Дмитревскаго [1]), и что списки драмы св. Димитрія сдѣланы были Волковымъ и для Екатерины II [2]).

IV. Школьная драма въ Московской Академіи въ началѣ XVIII вѣка.

Съ самаго начала XVIII столѣтія въ Московской Академіи были заведены, по царскому указу, „ученія латинскія“, для чего вызваны были въ Москву изъ Кіевской Академіи не только учителя, но и ученики. Въ числѣ первыхъ вызванныхъ учителей мы видимъ учителей—іеромонаховъ Іосифа Туробойскаго, Игнатія Миштальскаго [3]) и Стефана Прибыловича [4]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ перенесена была въ Московскую Академію и кіевская школьная драма, которая первоначально явилась здѣсь съ тѣмъ же священнымъ содержаніемъ и схоластическимъ характеромъ, какіе имѣла и на своей родинѣ; но въ скоромъ времени волею Петра I она вынуждена была служить его государственнымъ видамъ и приняла характеръ панегирико - государственныхъ произведеній. Московскія

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 110.

[2]) „Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. II, стр. II.

[3]) „Кіевская Академія въ первой половинѣ XVII в.“, Д. Вишневскаго, Кіевъ, 1903 г., стр. 119, 150 и 186.

[4]) „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.“, Н. Петрова, Кіевъ, 1895 г., стр. 51; „Описаніе рукоп. собраній... въ Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. III, Москва, 1904 г., № 671, стр. 283—4.

школьныя пьесы этого рода прославляютъ Петра I, сопоставляя и сравнивая его или со св. патрономъ его апостоломъ Петромъ, или съ Моисеемъ и Давидомъ, или же съ Іисусомъ Навиномъ. Особенно подвиги этого библейскаго героя давали ближайшій и удобнѣйшій поводъ къ восхваленію воинскихъ подвиговъ Петра I. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти пьесы всячески указывали на ту мощную защиту, которую нашло православіе подъ скипетромъ Петра I. А если принять во вниманіе, что дѣятельность Петра I встрѣчала суровое осужденіе со стороны лицъ, выдававшихъ себя за ревнителей истиннаго благочестія и доходившихъ въ своихъ нападкахъ на Петра до признанія въ немъ самого Антихриста; то значеніе этихъ пьесъ становится гораздо болѣе крупнымъ, и школьная забава выростаетъ въ далеко небезразличное орудіе для защиты просвѣтительной дѣятельности самого царя авторитетомъ духовной школы и церкви. Такимъ образомъ, могучая рука Петра и архаическую принадлежность школьнаго обихода съумѣла использовать въ духѣ государственныхъ интересовъ и просвѣщенія [1]).

1) Одною изъ двухъ первыхъ школьныхъ пьесъ, представленныхъ въ Московской Академіи, была комедія, подъ названіемъ „*Ужасная измѣна сластолюбиваго житія* съ прискорбнымъ и нищетнымъ, въ евангельскомъ Пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная, нынѣ же при запустныхъ пированіяхъ дѣйствіемъ благородныхъ великороссійскихъ младенцовъ въ новосіяющихъ славяно-латинскихъ Аѳинахъ, въ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ явленная лѣта 1701 году ноемвріа дня".

Пьеса состоитъ изъ антипролога, трехъ частей съ четырьмя явленіями и съ заключительнымъ хоромъ въ каждой изъ нихъ и изъ эпилога.

---

[1]) „Исторія русскаго театра", Б. В. Варнеке, ч. I, Казань, 1908 г., стр. 74—5.

Антипрологъ состоитъ изъ двухъ живыхъ картинъ, въ которыхъ „всего дѣйствія вещь и событіе образнѣ является“. Въ первой картинѣ является сластолюбецъ „между брашны и питіемъ и прочими міра прелестьми сѣдя, надъ его же главою мечъ на власу виситъ“; приходитъ смерть и ввергаетъ его въ муку вѣчную. Во второй картинѣ представленъ Лазарь на гноищѣ, „надъ его же главою виситъ вѣнецъ на власу“. Является Милость Божія и вселяетъ Лазаря въ вѣчное блаженство.

Въ первой части самой пьесы Сластолюбіе съ Прелестію, Міромъ и его приспѣшниками является и „чашею сластей богомерзкихъ многихъ напояетъ“, а въ томъ числѣ и евангельскаго Пиролюбца—богача, который со своими друзьями думаетъ только о томъ, какъ бы повеселѣе провести время. Среди роскошнаго пиршества онъ засыпаетъ и видитъ во снѣ многоболѣзненнаго Іова на гноищи, который увѣщеваетъ его о суетѣ міра и его прелестей. Пробудившись, Пиролюбецъ „усумнѣвается о видѣніи Іова“, но Прелесть утѣшаетъ его и развлекаетъ новымъ пиромъ, во время котораго является убогій Лазарь, прося пищи. Пиролюбецъ гонитъ его прочь, и Лазарь ложится на гноищѣ, „на странѣ, далече отъ трапезы“. Пиролюбецъ тѣшится стрѣльбой изъ лука, попадаетъ въ сердце, служившее цѣлью, велитъ принести его и видитъ въ немъ самого себя въ адскихъ мученіяхъ. Это снова смущаетъ его; но Прелесть опять развлекаетъ Пиролюбца, и онъ „утѣшенъ, ничтоже сумняся отходитъ“. Хоръ сѣтуетъ на измѣнчивость и мимолетность суетнаго міра.

Во второй части Милость и Помощь Божія ободряютъ несчастнаго Лазаря. Вмѣстѣ съ ангеломъ—хранителемъ, несущимъ доску, на которой написаны всѣ праведныя дѣла Лазаря, Милость является къ суду Божію, который повелѣваетъ Истинѣ рѣшить, чего онъ достоинъ. Истина присуждаетъ ему вѣчное блаженство; Воздаяніе и Жизнь вѣнча-

ютъ духъ Лазаря съ пѣніемъ „аллилуіа“. Гнѣвъ Божій приводитъ скованный духъ Пиролюбца и, обвиняя его въ нечестіи, указываетъ на доску съ изображеніемъ множества грѣховъ. Совѣсть и Грѣхъ являются свидѣтелями противъ обвиняемаго, и Судъ Божій отсылаетъ его въ адскую бездну. Лазарь умираетъ, и ангелы возносятъ его душу на небо. Съ неба сходитъ ангелъ съ ключемъ, „ряся зѣло на Пиролюбца, и отверзаетъ студенецъ геенскій, отъ него же вопль, дымъ и пламень огненный исходитъ“. Хоръ прославляетъ Лазаря.

Въ третьей части пьесы къ Пиролюбцу приходитъ Смерть. Она замѣняетъ приготовленныя для пира кушанья мертвыми костями, землей и гадами, а налитое вино обращаетъ въ ядъ, и скрывается. Пиролюбецъ съ друзьями садится за столъ и, выпивъ чашу, умираетъ. Тѣло его лежитъ на землѣ; къ нему приходитъ изъ ада Душа, связанная желѣзными узами, и вступаетъ съ нимъ въ споръ, обвиняя его въ своей гибели. Отмщеніе огненнымъ орудіемъ поражаетъ грѣшное тѣло; раздается ударъ грома, земля разступается и пожираетъ тѣло,—„отъ пропасти же пламень и вопль“. Въ послѣднемъ явленіи Пиролюбецъ мучится въ аду, видитъ Лазаря на лонѣ Авраама, „прося же помощи отъ него и не обрѣтая, горцѣ рыдаетъ“.

Эпилогъ произносится Православною Церковію, которая, соотвѣтственно времени представленія пьесы передъ Филиповымъ постомъ, восхваляетъ постъ:

Сыновомъ моимъ постъ—врачевство драго.
Постъ—животъ души, постъ—пагуба злаго
Яда житейскихъ сластей, постъ—отрада
Тѣломъ тяжелымъ, постъ—ключъ люта ада,
Постомъ сподобленъ Лазарь райска свѣта,
Постомъ избѣжа лукава навѣта,
Постъ ти во врачбу вручаю; всякъ вѣрный
Тѣхъ мукъ избѣжавъ, внидетъ въ свѣтъ премерный [1]).

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, 1889 г., стр. 297—299.

Такимъ образомъ, все это аллегорическое представленіе приспособлено къ одной нравоучительной цѣли—показать любителямъ „запустныхъ пированій“ спасительныя свойства поста и воздержанія. По нашему мнѣнію, пьеса написана именно на Филипово заговѣнье, которое празднуется въ Малороссіи довольно разгульно, хотя могла быть представлена и въ масляницу. Она представляетъ собою пьесу, вполнѣ выдержанную въ духѣ и стилѣ однородныхъ произведеній польской и южно-русской школы. Заключительный хоръ четвертаго явленія первой части пьесы дословно сходенъ съ однимъ изъ хоровъ Рождественской драмы св. Димитрія Ростовскаго и, вѣроятно, заимствованъ изъ польскаго источника. Этотъ хоръ начинается такъ:

О прелестна міра,
Лютѣйшаго звіра.
Нынѣ тя ласкаетъ,
Утро пожераетъ;
Нынѣ даетъ злато,
Утро вержетъ въ блато, и т. д. [1]).

Аллегорическія личности пьесы почти всѣ встрѣчаются и въ болѣе раннихъ извѣстныхъ намъ южно-русскихъ драмахъ. Галиційскій писатель и ученый Ив. Франко подыскалъ и нѣкоторые южно-русскіе варіанты къ этой пьесѣ, служащіе къ поясненію украинскаго вертепа. Когда Смерть пришла къ богачу съ косою, чтобы подкосить его,—являются и черти, и одинъ изъ нихъ, принимая душу богача, такъ радуется своей новой добычѣ:

Го, го, го, гостю нашъ пожаданый,
Суседе милый и брате коханый,
Давносмо тя къ собѣ пожадали,
Жебысмо въ своихъ рукахъ мали.
Прійди южъ до насъ, будемо утѣхи заживати,
Смолою, сѣркою будемо перепивати.

---

[1]) Тамъ же, стр. 300—1.

А южъ твою понесу до пекла душу,
А своихъ товаришовъ по твое тѣло запрошу [1]).

Сценическая постановка пьесы требовала довольно значительныхъ приспособленій: въ 7-мъ явленіи ангелы возносятъ душу Лазаря на небо, въ 8-мъ явленіи ангелъ отверзаетъ адскую бездну, изъ которой исходитъ пламень и вопль, въ 11-мъ при громовомъ ударѣ разверзается земля, и т. д. Для того, чтобы представить все это, конечно, требовались „махины и летанія". Что касается до устройства и дѣленія сцены, то оно, по видимому, было такое же, какъ и въ другихъ старыхъ школьныхъ дѣйствахъ, наприм., въ комедіи объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ или въ Рождественской драмѣ св. Димитрія Ростовскаго: возвышенный помостъ въ глубинѣ или сбоку сцены изображалъ собою небо, откуда нисходили и куда восходили ангелы; на противоположной сторонѣ, ниже уровня сцены, помѣщался адъ, гдѣ мучился Пиролюбецъ [2]).

2) Вторая школьная пьеса Московской Академіи тоже въ общемъ имѣла священный характеръ moralité и пріурочена къ предмасляничной недѣлѣ мясопустной, посвященной воспоминанію о будущемъ второмъ пришествіи и страшномъ судѣ Христовомъ. Она носитъ такое заглавіе: *„Страшное изображеніе втораго Пришествія Господня на землю,* при державѣ благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, дѣйствіемъ благороднѣйшихъ отроковъ великороссійскихъ въ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества славено-россійскихъ Аѳинахъ въ

---

[1]) „Нові матеріали до історіі українського вертепа", І. Франка, въ „Записках Наукового Товариства імени Шевченка", 1908 г., кн. 2, стр. 30—52.

[2]) „Исторія русскаго театра", П. О. Морозова т. I, стр. 304.

царствующемъ и богоспасаемомъ великомъ градѣ Москвѣ явленное 1702 году февраля въ 4 день".

Судя по сохранившейся программѣ пьесы, она состояла изъ пролога, эпилога и 13-ти явленій. Начальныя сцены аллегорически представляютъ противоположность Царства Небеснаго и Царства Земнаго. Православная церковь со своими друзьями, т. е. добродѣтелями, печалится о умноженіи беззаконій въ мірѣ; Честь Божія жалѣетъ о своемъ умаленіи на Землѣ; Всемогущество, Судъ и Истина, обличая умноженіе беззаконій, обѣщаютъ наказать Землю и судить человѣчество. Съ другой стороны, Міръ со своими друзьями т. е. грѣхами, хвалится своей силой и властью надъ людьми. Отмщеніе предсказываетъ гибель грѣховнаго Міра. Тоже предвѣщаетъ и сонъ Навуходоносора о четырехъ царствахъ, истолкованный пророкомъ Даніиломъ. Между тѣмъ Міръ продолжаетъ свое пагубное веселье, которое прерывается появленіемъ нѣсколькихъ смертей со своими обычными орудіями: онѣ губятъ пирующихъ и „ликуютъ надъ убіенными". Затѣмъ слѣдуетъ страшный судъ. Представляется видѣніе пророка Даніила о четырехъ звѣряхъ, съ соотвѣтствующимъ толкованіемъ. Ветхій деньми даетъ Сыну власть судить Міръ; Міръ пораженъ голодомъ, войнами и въ отчаяніи убиваетъ самъ себя мечемъ. Діонисій Ареопагитъ возвѣщаетъ второе пришествіе Сына Божія; звѣзды падаютъ съ неба; является Премудрость Божія на дугѣ съ крестомъ; ангелы трубнымъ гласомъ пробуждаютъ мертвыхъ и приводятъ на судъ; праведники идутъ на небо, а осужденные грѣшники въ геенну и „огнемъ горяще являются". Въ эпилогѣ торжествующая Церковь, вмѣстѣ со всѣми дѣйствующими лицами, благодаритъ слушателей и, напоминая о кончинѣ Міра, заключаетъ дѣйство похвалою милосердому Богу [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 311—2. Программа или афиша пьесы переиздана въ „Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ", Н. Тихо-

Аллегорической своей частью эта пьеса во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ намъ прежнія южнорусскія драмы. Судъ Божій, Отмщеніе или Гнѣвъ Божій являются здѣсь въ тѣхъ же роляхъ, въ какихъ мы видѣли ихъ во второй части Успенской драмы св. Димитрія Ростовскаго, а Міръ съ такими же свойствами является и въ кіевской пьесѣ „Свобода“ 1701 года [1]).

Но замѣчательную особенность этой пьесы представляетъ собою вставочный эпизодъ о томъ, какъ „Самоволіе и Гордыня люди отъ послушанія короля своего разрѣшаютъ и сердца къ несогласію разжигаютъ“. Здѣсь поляки препираются между собою и „терзаютъ“ сеймъ, не слушая Геніуша польскаго, пришедшаго въ сенатъ увѣщевать ихъ. Является Королевство Польское и укоряетъ сенаторовъ, говоря, что вслѣдствіе ихъ междоусобій и гордыни оно потеряло много областей. На смѣну безсильному Геніушу Польскому приходитъ торжествующій Марсъ Роксолянскій; Фортуна и Побѣда украшаютъ россійскому орлу, вмѣсто гнѣзда, трофеумъ или столпъ торжественный, и орелъ огненнымъ оружіемъ поражаетъ Ляховъ.

Это аллегорическое осужденіе самоволія и гордыни поляковъ включено въ пьесу несомнѣнно по желанію Петра I, который передъ тѣмъ склонялъ польскаго короля Августа къ войнѣ противъ Швеціи. Король дѣйствительно и хотѣлъ начать войну со Швеціей, не предваривъ о томъ польскаго сейма. Вслѣдствіе этого въ Польшѣ, гдѣ вовсе не желали войны, многіе члены сейма замедляли ходъ дѣла и вообще были противъ военныхъ приготовленій. Все это было непріятно Петру, который поэтому и пожелалъ осудить въ пьесѣ „самоволіе и гордыню“ поляковъ.

нравова, 1874 г., т. 2, стр. 7—11. По частнымъ свѣдѣніямъ, экземпляръ какой-то печатной Московской пьесы 1702 г. находится въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ, въ Варшавѣ.

[1]) См выше объ этихъ пьесахъ.

Профессоръ Морозовъ полагаетъ, что этотъ „политическій эпизодъ вставленъ совершенно произвольно и не имѣетъ никакого отношенія къ содержанію остальныхъ явленій пьесы“ [1]). Но это едва ли справедливо. Въ пьесу введены также сонъ Навуходоносора о четырехъ царствахъ, истолкованный пророкомъ Даніиломъ, и видѣніе послѣдняго о четырехъ звѣряхъ [2]); а эти вставки тоже могутъ быть объяснены въ смыслѣ политическихъ намековъ на побѣды Россіи надъ тѣми государствами, съ которыми воевалъ или намѣревался воевать Петръ I, упоминаемыми въ дальнѣйшихъ московскихъ школьныхъ пьесахъ, каковы Швеція съ Норвегіей, Польша, Крымскіе татары и Турція.

Во всякомъ случаѣ, въ „Страшномъ изображеніи“ политическій элементъ впервые появляется на сценѣ московскаго школьнаго театра. Въ дальнѣйшихъ московскихъ пьесахъ этотъ элементъ все болѣе и болѣе усиливается и, наконецъ, становится главною темою. Этого требовалъ самъ Петръ Великій. Отдавая предпочтеніе школамъ латинопольскаго типа передъ византійскими и поручая южнорусскимъ ученымъ монахамъ „насаждать науку“ въ Россіи, Петръ I имѣлъ въ виду не отвлеченныя, а чисто практическія цѣли. Онъ ожидалъ, что эта наука и ея представители будутъ содѣйствовать осуществленію преобразованій, подыскивать для нихъ теоретическія основанія въ своихъ ученыхъ трактатахъ, комментировать практически въ проповѣдяхъ, популяризировать въ комедіяхъ. Отъ Московской Академіи онъ требовалъ служенія интересамъ дня, желая, чтобы сочиняемыя въ ней дѣйства были, такъ сказать, лицевыми вѣдомостями о тѣхъ баталіяхъ и викторіяхъ, которыми создава-

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 311—2.,

[2]) „Русскія драматическія произведенія“, Н. Тихонравова т. II, стр. 8 и 9.

лось политическое могущество новой Имперіи. И въ отвѣтъ на это требованіе явился въ Московской Академіи цѣлый рядъ пьесъ, иллюстрирующихъ и прославляющихъ разные моменты изъ великой сѣверной войны [1]).

Правда, кіевскіе ученые, переселившіеся въ Москву, не были вполнѣ подготовлены своимъ воспитаніемъ къ новому для нихъ дѣлу, однакожъ старались выполнить его сподручными имъ традиціонными средствами, употребляя священную аллегорію для поясненія и восхваленія гражданскихъ, политическихъ и военныхъ подвиговъ Петра Великаго. Такъ составлялись и іезуитскія дѣйства, такъ называемыя ludi caesarei, очень часто заключавшія въ себѣ намеки на современныя политическія событія. Подобно имъ, и московскія школьныя пьесы этого времени имѣютъ наполовину духовный, наполовину свѣтскій характеръ: чисто свѣтскія событія предзнаменуются въ нихъ библейскими и аллегорическими символами и переплетаются съ ними удивительнымъ образомъ. И тогда какъ библейскій символизмъ и аллегоризмъ роднитъ московскія школьныя пьесы этого рода съ прежними кіевскими, свѣтскій элементъ этихъ пьесъ подаетъ дружественную руку уже чисто свѣтскому театру, занесенному въ московское государство непосредственно съ Запада Европы.

3) Первая изъ такихъ пьесъ носитъ слѣдующее заглавіе: „*Царство міра, идолослуженіемъ прежде разоренное* и проповѣдію св. верховнаго апостола Петра, ангела пресвѣтлѣйшаго и великодержавнѣйшаго государя нашего, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, паки возставленное, въ день же его торжественный дѣйствіемъ благородныхъ великороссійскихъ отроковъ въ его царскаго пресвѣтлаго Величества

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова т. I, стр. 309.

славено-латинскихъ Аѳинахъ, въ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ прославленное 1702 лѣта".

Драма состоитъ изъ трехъ дѣйствій, съ прологомъ и эпилогомъ и съ подраздѣленіемъ каждаго дѣйствія на явленія.

Въ первомъ дѣйствіи выступаетъ на сцену Міръ съ съ четырьмя частями своими Европой, Азіей, Африкой и Америкой и величается широтою власти своей и славою, но, прельщенный Земною Любовію къ идолослуженію, лишается царскаго скипетра и заключается въ узы, а Гнѣвъ Божій и Правда осуждаютъ его на смерть, но, по внушенію Благодати и Долготерпѣнія Божія, отлагаютъ на время казнь. Продолжаютъ царствовать во всѣхъ четырехъ странахъ свѣта Любовь Земная и Идолослуженіе, хотя и ограничиваемыя Истиною. Благочестіе и Рыданіе плачутъ при видѣ плѣненія Міра и умноженія кумировъ на землѣ, но утѣшаются небеснымъ обѣтованіемъ о разрѣшеніи Міра отъ узъ и о разореніи идоловъ. Въ исполненіе этого обѣтованія, Любовь Небесная призываетъ къ себѣ апостоловъ Симона и Андрея. Идолослуженіе и жрецы, напуганные при совершеніи жертвъ небесными громами и „великимъ враномъ", спрашиваютъ о значеніи этихъ явленій идола Аполлона, который прорицаетъ имъ свое разореніе чрезъ Христа и апостоловъ.

Во второмъ дѣйствіи Небесная Любовь называетъ призваннаго ею Симона Петромъ и вручаетъ ему паству мысленнаго стада. Св. Петръ представляется здѣсь апостоломъ языковъ, обращаетъ Корнилія сотника ко Христу и посылается Небесною Любовію въ иныя страны и наконецъ въ Римъ. Идолослуженіе, Любовь Земная и Жестокосердіе іудейское ведутъ упорную борьбу со св. Петромъ и другими апостолами и преслѣдуютъ его до самаго Рима.

Въ третьемъ дѣйствіи апостолъ Петръ является въ Римъ, гдѣ Неронъ, поставленный Идолослуженіемъ въ

императоры, приноситъ богамъ жертвы, а лѣсные сатиры пляшутъ и радуются „о поставленіи Нероновѣ на кесарство“. При входѣ Петра въ Римъ, идолы и капища падаютъ, а Неронъ, подстрекаемый Любовью Земною и Яростію, призываетъ Симона Волхва, узнаетъ отъ него о виновникѣ паденія идоловъ и капищъ и требуетъ его къ себѣ. Въ присутствіи Нерона св. Петръ побѣждаетъ Симона Волхва словами и чудесами и наконецъ убиваетъ его небеснымъ перуномъ. Неронъ велитъ посадить св. Петра въ темницу, откуда онъ освобождается ангеломъ; но Любовь Небесная увѣщеваетъ св. Петра опять идти въ Римъ на страданіе, котораго онъ наконецъ удостоивается и получаетъ небесную славу. Въ послѣднемъ явленіи „геніушъ“ св. Петра приводитъ Идолослуженіе и Міръ на судилище Милости и Суда, Правды и Мира, и послѣ осужденія отгоняетъ Идолослуженіе въ геенну, а Міръ украшаетъ въ царскія одежды и „посаждаетъ на камени твердаго исповѣданія, аки на престолѣ царскомъ“ [1]).

Въ такомъ видѣ пьеса „Царство Міра“ мало-чѣмъ отличается отъ прежнихъ кіевскихъ школьныхъ драмъ. Содержаніе ея заимствовано изъ Евангелія и Дѣяній Апостольскихъ: это—исторія проповѣди ап. Петра, обставленная обычными на югѣ Россіи аллегорическими фигурами. Но наиболѣе близкое отношеніе эта пьеса имѣетъ къ кіевской драмѣ „Царство Натуры Людской“ 1698 года, въ которой Натура Людская играетъ такую же роль, какую и Міръ въ разсматриваемой московской пьесѣ [2]). Но характерною особенностію этой послѣдней является собственно эпилогъ. Въ немъ дѣлается спеціальное примѣненіе темы пьесы къ

---

[1]) „Русскія драматическія произведенія“, Н. Тихонравова, т. II, стр. 14—17.

[2]) См. выше и „Памятники русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., стр. 121 и слѣд.

Петру I-му, имя котораго означаетъ камень, какъ къ „единому между монархи благочестія и православія поборнику и расширителю“, и предлагается „похвальная анаграммата изъ имени его царскаго пресвѣтлаго величества“ [1]), вѣроятно что-то въ родѣ буквоначертательнаго хореграфическаго изображенія имени Петра I, подобное которому мы увидимъ впослѣдствіи и въ Кіевской Академіи.

4) Представленіе „Царства Міра“ 29 іюня 1702 года не состоялось, за отсутствіемъ царя. Петръ I прибылъ въ Москву послѣ взятія у Шведовъ крѣпости Орѣшка (Шлиссельбурга), лишь 4 декабря, и „имѣлъ торжественный входъ“ черезъ трои тріумфальныя ворота, у которыхъ его привѣтствовали „какъ первые духовные, такъ и прочихъ чиновъ люди и школьники“. 16 января 1703 года въ Московской Академіи представлено было тріумфальное дѣйство, подъ названіемъ „*Торжество Міра православнаго*“, представляющее лишь новую переработку прежней неисполненной въ свое время пьесы „Торжество Міра“. Переработка сдѣлана примѣнительно къ новымъ обстоятельствамъ, и въ ней изображается не только „разореніе идолослуженія“ проповѣдію ап. Петра, но и расширеніе православнаго Міра, т. е. предѣловъ Россіи, подвигами Петра I. Прежнія три дѣйствія „Торжества Міра“ сокращены въ два, и къ нимъ прибавлено новое третіе дѣйствіе, посвященное прославленію „трудовъ и благополучія“ Петра Великаго. Тутъ фигурируютъ и апостолъ Петръ, и Злочестіе, и Благочестіе, и Милость Божія, и Фортуна, и россійскій Марсъ, и извѣстный намъ по прежнимъ дѣйствамъ Вулканъ, и Александръ, и Помпей, и Луна Таврикійская (Крымскіе татары), и Левъ Шведскій, и проч. Война между Россіей и Швеціей представлена въ пьесѣ борьбою Православія и Благочестія съ Зловѣріемъ и Злочестіемъ. Представителемъ первыхъ является россійскій

[1]) „Русскія драматическія произведенія“, Н. Тихонравова, т. II, стр. 17.

Марсъ, т. е. Петръ, а представителями вторыхъ—шведскій Левъ и Змѣя, всегдашній символъ злобы и лукавства [1]).

5) Въ апрѣлѣ 1703 года Петръ I подступилъ къ Ніеншанцу и 2 мая взялъ эту крѣпость; 16 мая положено основаніе Петербургу, въ іюлѣ взяты Ямь и Копорье и разбитъ на р. Сестрѣ генералъ Кроніортъ; въ августѣ занятъ Везенбергъ; въ сентябрѣ заложенъ Кронштотъ; въ началѣ ноября царь возвратился въ Москву и снова праздновалъ свои побѣды тріумфальнымъ въѣздомъ въ старую столицу. Изъ трехъ тріумфальныхъ воротъ одни были устроены „учительнымъ собраніемъ" академіи и украшены цѣлымъ рядомъ картинъ миѳологическаго и символическаго характера.

Въ февралѣ 1704 года въ Московской Академіи было „вкратцѣ изображено" новое дѣйство, подъ названіемъ „*Ревность православія*", въ которомъ проводится параллель между военными тріумфами Петра I и подвигами ветхозавѣтнаго Іисуса Навина. Пьеса дѣлится уже не на дѣйствія, а на три части, которымъ предпослано краткое изложеніе содержанія или „Синопсисъ дѣйствія". Подвиги I. Навина являются какъ бы прообразомъ Петровыхъ подвиговъ. Іисусъ Навинъ побѣждаетъ Шведскаго Льва и вмѣстѣ съ Марсомъ и Мужествомъ устраиваетъ „пиръ велій со интермедіями и ликованіемъ". Побѣда утверждаетъ всѣ четыре части свѣта въ православіи. Въ заключеніе является Россія на торжественной колесницѣ, въ которую запряжены побѣжденныя Беллона и Фортуна; Благодать даетъ Россіи вѣнцы и ключи; Россія вѣнцами вѣнчаетъ I. Навина, Марса и Мужество, а ключи вручаетъ воинствующей церкви, „яже на камени крѣпцѣ утверждена есть" [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 18—24.

[2]) Тамъ же, стр. 25—33; „Исторія русскаго театра", П. О. Морозова, т. I, стр. 317—319.

6) Послѣ взятія въ 1704 году Дерпта и Нарвы, въ декабрѣ опять устроены были въ Москвѣ тріумфальныя ворота, съ миѳологическими и аллегорическими изображеніями, а въ февралѣ 1705 года въ Московской Академіи представлено было „*Свобожденіе Ливоніи и Ингерманландіи*“. Въ этомъ дѣйствѣ Моисей служитъ какъ бы прообразомъ Петра I; „ибо яко тамо Моисей силою Вышняго своего свободи Израиля, сице здѣ тою же силою Ревность россійская—свое отечество“. Но эти два центральныхъ героя обставлены въ пьесѣ союзными или враждебными имъ миѳическими, аллегорическими и символическими фигурами, каковы, напримѣръ, съ одной стороны Вѣра, Надежда, Буцефалъ, Смерть и т. п., съ другой—Фортуна, Іовишъ, Хищеніе, Роскошь и проч, [1]). Моисей въ той же роли освободителя евреевъ выводился еще въ Кіевской драмѣ „Царство Натуры людской“ 1698 года [2]); Беллона же въ Московской пьесѣ засѣваетъ златую жатву, а Іовишъ посылаетъ съ небесъ Фебуса согрѣть ее своими лучами, подобно тому, какъ въ Кіевской пьесѣ „Свобода“ 1701 года Фортуна засѣваетъ „златое жниво“, а Часъ (т. е. Время)—орошаетъ его [3]).

7) Въ 1709 году знаменитая Полтавская побѣда вызвала новые тріумфы, въ которыхъ на долю Московской Академіи выпало видное участіе. 21 декабря было устроено торжественное вшествіе въ Москву черезъ семь тріумфальныхъ воротъ, украшенныхъ всевозможными аллегорическими изображеніями. Одни ворота стояли на Никольской улицѣ, недалеко отъ Академіи, и были устроены подъ спе-

---

[1]) „Русскія драматическія произведенія“, Н. Тихонравова, т. II, стр. 345—355.

[2]) „Памятники русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., стр. 157 и слѣд.

[3]) „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1908 г., кн. 3, стр. 56, и выше.

ціальнымъ наблюденіемъ академическихъ преподавателей, со множествомъ эмблемъ и надписей. Кромѣ того, въ февралѣ 1710 года въ Московской Академіи разыграно было особое дѣйство на Полтавскую побѣду, подъ заглавіемъ *„Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе“*. Содержаніемъ послужило аллегорическое примѣненіе исторіи царя Давида къ событіямъ Шведской войны,—спеціально къ Полтавской побѣдѣ и измѣнѣ Мазепы. Пьеса дѣлится на двѣ части: первая изображаетъ „единыхъ гордыхъ“, а вторая—„противниковъ или измѣнниковъ“,—и обѣ онѣ предваряются аллегорическими пантомимами. Первая часть представляетъ борьбу между Смиреніемъ и Гордостію. Послѣдняя, соотвѣтственно заглавію дѣйства, подвергается всевозможнымъ униженіямъ. Россійскій орелъ убиваетъ Гордость и Поношеніе, и „начальная Смерть“, съ другими, меньшими Смертями, пляшутъ на ихъ трупахъ, ругаясь надъ хромымъ Львомъ, т. е. Карломъ XII. Точно такъ же и Давидъ побѣждаетъ Голіаѳа и возвращается съ торжествомъ,—„надъ нимъ же Слава на орлѣ россійскомъ съ трубою, дѣвы же съ тимпаны и гусльми срѣтаютъ его, поюще пѣсни торжественныя“.—Во второй части представлено возмущеніе Авессалома противъ отца своего. Давидъ благодаритъ Бога за побѣду надъ Голіаѳомъ и тѣшится въ рощѣ, „идѣже чрезъ умбры (umbra—тѣнь, туманная картина) орелъ россійскій льва хрома со львяты ловитъ, и львяты половилъ пособіемъ Божіимъ, левъ же хромъ бѣже“. Авессаломъ, поддерживаемый Гордостію и Тщеславіемъ и поощряемый совѣтами злодѣя Ахитофеля, начинаетъ брань противъ отца; онъ выѣзжаетъ также на хромомъ львѣ, терпитъ пораженіе отъ войскъ Давида и погибаетъ. Праведный Судъ Божій, Отмщеніе, Гнѣвъ и Истина возвѣщаютъ, что „Богъ гордымъ уничижителемъ и неблагодарнымъ власти своей противникомъ всегда противится, яко же сіе дѣйствіе изъявляетъ“. Затѣмъ они восхваляютъ вѣрную службу Россійской монархіи и „отходятъ“,

оставляя ее отдыхать отъ трудовъ подъ крылами россійскаго орла [1]).

При нѣкоторыхъ московскихъ школьныхъ пьесахъ были „интермедіи“ или „посредствія“, какъ наприм., при пьесахъ „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія“ 1701 г., „Страшное изображеніе“ 1702 г. и „Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе“ 1710 года. Эти интермедіи должны были имѣть обыкновенное житейское содержаніе. Къ сожалѣнію, онѣ не дошли до насъ, а дошедшія до насъ бродячія интермедіи, вѣроятно московскаго школьнаго происхожденія, не могутъ рекомендовать намъ литературный вкусъ ихъ составителей. „По содержанію своему,—говоритъ профессоръ Морозовъ,—онѣ отличаются отъ южно—русскихъ интермедій: это—не живыя сцены изъ народнаго быта, а какія-то отвлеченно-стихотворныя нравоученія. Монахъ-малороссъ (всѣ учителя тогдашней Академіи были монахи), переселившись въ Москву, утратилъ живую, непосредственную связь съ своею южною родиной, да и не могъ производить предъ зрителями великороссами картины чуждой имъ жизни; съ другой стороны, жизнь великорусская была ему совершенно неизвѣстна; стало быть, поневолѣ приходилось и въ интермедіяхъ оставаться на той же почвѣ общей морали, какая была усвоена комедіями, только изобрѣтая для выраженія этой морали вульгарные образы. Въ результатѣ явилась придуманность и безжизненность“ [2]).

Эта характеристика московскихъ школьныхъ интермедій дѣйствительно оправдывается ихъ анализомъ. Въ одной

---

[1]) „Русскія драматическія произведенія“, Н. Тихонравова т. II, стр. 428—439; „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 327—330.

[2]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 330—1.

изъ нихъ выводится на сцену старый мужикъ, которому хотѣлось бы купить „аршинъ съ десятокъ“ ума-разума. Онъ встрѣчается съ „мальцемъ школьнымъ“, который издѣвается надъ старикомъ, кормитъ его кусочками бумаги и плетью вгоняетъ ему память въ голову. Въ другой интермедіи, составляющей какъ бы продолженіе первой, старикъ хвалится своею ученостью и повторяетъ урокъ съ учителемъ, который, издѣваясь надъ нимъ, „остритъ“ его умъ брускомъ по головѣ, рветъ волосы и затѣмъ кормитъ его медомъ (въ оправданіе пословицы „корень ученія горекъ, но плоды его сладки“), приговаривая, чтобы старикъ возвратился къ своей сохѣ. Старикъ, вполнѣ довольный ученіемъ, уходитъ, но скоро появляется снова, и начинаетъ шумѣть съ учителемъ, и подерется; выбѣгаетъ цыганъ и прогоняетъ старика. Въ третьей интермедіи воспроизводится извѣстная басня о старикѣ и смерти, какъ старикъ, набравши тяжелую вязанку дровъ, призываетъ смерть, но, напуганный ея появленіемъ, объясняетъ ей, что онъ звалъ ее для того, чтобы она помогла ему поднять вязанку. Четвертая интермедія носитъ заглавіе „О Летяги сіе“. Летяга объявляетъ, что нашелъ сто рублей въ мѣшкѣ, и зоветъ своихъ пріятелей „на кабакъ“ отпраздновать находку. Услышавъ это, Лакомый выходитъ на сцену и жалуется, что именно онъ потерялъ эти деньги. Летяга сообщаетъ ему о своей находкѣ и за 30 рублей отдаетъ найденный мѣшокъ. Лакомый радъ, что обманулъ Летягу; въ это время Обманщикъ, „навязавъ въ мѣшокъ чего нибудь подобіемъ сорока соболей“, предлагаетъ ему купить ихъ за дешевую цѣну и уступаетъ за 30 рублей. Получивъ деньги, Обманщикъ поспѣшно скрывается „за завѣсу“, а покупатель, желая полюбоваться своей покупкой, развязываетъ мѣшокъ—и видитъ, что его обманули. Тогда онъ хватается за мѣшокъ съ рублями, взятый у Летяги, но и тамъ оказываются только мѣдныя деньги. Лакомый разсчитывалъ всѣхъ обмануть, но самъ попался на

удочку. Пятая интермедія представляетъ новую переработку старой темы объ Аникѣ воинѣ на смѣхотворный ладъ. „Исходитъ богатырь, хотяй битися“, и хвастается своею силою и непобѣдимостію, но не въ состояніи вытащить изъ ноженъ свою саблю. Въ это время выходитъ русскій воинъ и спрашиваетъ, кто здѣсь такъ похваляется своею силою. Богатырь, испугавшись, увѣряетъ, что это—не онъ; но выбѣжавшій изъ-за кулисъ мальчикъ уличаетъ его. Воинъ вызываетъ богатыря на бой; богатырь „потянетъ и урветъ рукоять и самъ съ нею падаетъ на землю“. Тогда воинъ, наступивъ ему на шею, бьетъ его плетью, приговаривая: „не хвалися!“ и прогоняетъ его.—Въ шестой интермедіи является астрологъ съ зрительною трубою и, снявъ съ себя шапку и епанчу, смотритъ на звѣзды, а въ это время воръ крадетъ у него платье. Астрологъ бѣжитъ ловить вора и падаетъ въ глубокую яму; подошедшій мужикъ читаетъ ему нравоученіе:

Се тебѣ, глупче, что высоко зриши,
А на землю подъ ноги не смотриши...
Лучше подъ ноги прилежно смотрѣти,
Землю орати, неже въ звѣзды зрѣти [1]).

Но эти московскія интермедіи не могутъ быть сравниваемы съ кіевскими школьными интермедіями по той простой причинѣ, что послѣднихъ мы почти и не знаемъ. Въ одной только пьесѣ 1673 года объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ были двѣ входившія въ составъ ея интермедіи, изъ коихъ одна, сохранившаяся доселѣ, представляетъ сцену свадебнаго угощенія, предложеннаго поздравителямъ—мужичкамъ. Мы видѣли, кромѣ того, интермедію къ пьесѣ на Благовѣщеніе, воспроизводящую старинный анекдотъ о прѣ-

[1]) Тамъ же, стр. 331—3; „Русскія драматич. произведенія 1672—1725 годовъ“, Н. Тихонравова, т. I, стр. 400—417.

ніи Христіанина съ Жидовиномъ о вѣрѣ [1]). Въ другихъ же кіевскихъ пьесахъ XVII и начала XVIII в.в., доселѣ сохранившихся, нѣтъ даже и упоминанія объ интермедіяхъ. Московскія школьныя интермедіи начала XVIII вѣка могутъ быть сравниваемы развѣ съ интермедіями польско—католическихъ школъ XVII вѣка, составленными въ простонародномъ духѣ, но и въ сравненіи съ ними едва ли могутъ стоять ниже ихъ по своему содержанію и характеру. И въ послѣднихъ мы видимъ большею частію грубые фарсы, не имѣющіе никакой идеи и обнаруживающіе презрительное отношеніе къ мужику. Такъ, наприм., въ параллель къ первымъ двумъ московскимъ интермедіямъ укажемъ на одну польскую интермедію о мужикѣ и студентѣ, гдѣ мужикъ тоже хотѣлъ бы купить у студента разума для своего сына и проситъ накласть ему этотъ разумъ въ ухо,—„а я сынку своему у дома усе и вытрасу"; но при процессѣ такого обученія мужикъ перевираетъ всѣ уроки студента и въ заключеніе отказываетъ ему въ условленной платѣ [2]). Въ одной Кросненской іезуитской интерлюдіи 1661 года 6—ть школьниковъ издѣваются надъ пьянымъ хлопомъ, крѣпко связавъ его и остригши бороду, и потомъ за плату освобождаютъ его [3]). Четвертой московской интермедіи соотвѣтствуетъ Кросненская интермедія 1661 года, подъ названіемъ Oszust (Обманъ). Плутъ, укравши у кого-то вооруженіе, предлагаетъ публикѣ купить его у него по дешевой цѣнѣ. Не находя покупщиковъ, онъ пускается на хитрость:

---

[1]) См. выше.

[2]) „Исторія русскаго театра", П. О. Морозова, т. I, стр. 66—7.

[3]) „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ", 1907 г., кн. 4, „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра", В. Н. Перетца, и отдѣльными оттисками, стр. 5—8.

надѣвастъ на себя вооруженіе и ложится какъ-бы мертвый. Къ нему подходитъ съ пѣсней мазуръ и, принявъ плута за мертвеца, захотѣлъ воспользоваться его вооруженіемъ и сталъ его снимать съ мнимаго покойника. Плутъ просыпается и начинаетъ кричать, что его хотятъ ограбить. Подошедшій русинъ принимаетъ сторону плута, не догадываясь, что передъ нимъ—мошенникъ. Въ заключеніе мазуръ убѣгаетъ съ оружіемъ отъ обоихъ, оказываясь лучшимъ обманщикомъ, чѣмъ собиравшійся перехитрить его плутъ [1]). Нѣкоторые мотивы четвертой московской интермедіи находятъ аналогію себѣ въ интермедіи къ пьесѣ Якова Гавватовича на день усѣкновенія главы Предтечи, 1619 года, въ которой пройдоха Климко продаетъ мужику Стецьку кота въ мѣшкѣ, выдавая его за лисицу, и пока Стецько развязывалъ мѣшокъ, похищаетъ у него горшки и сукманъ. Къ огорченному Стецьку подходитъ переодѣтый Климко, кладетъ въ сторонѣ Стецьковы горшки, прикрываетъ ихъ его же сукманомъ и увѣряетъ Стецька, что подъ сукманомъ лежитъ его обидчикъ—обманщикъ. Раздраженный Стецько бьетъ палкою воображаемаго врага, но разбиваетъ только собственные горшки [2]).

Такимъ образомъ, московскія школьныя интермедіи мало чѣмъ отличались, по содержанію и характеру, отъ школьныхъ іезуитскихъ интермедій XVII вѣка изъ простонароднаго южнорусскаго быта и развѣ уступали имъ только въ свѣжести колорита. Это было лишь зачаточное положеніе русской интермедіи или интерлюдіи, получившей наибольшее развитіе уже въ слѣдующемъ періодѣ развитія южнорусской школьной драмы.

---

[1]) Тамъ же, стр. 11 и 12.

[2]) „Кіевская Старина“, ноябрь, 1885 г.; сн. „Исторію русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 63—4.

Вообще же о школьныхъ пьесахъ Московской Академіи начала XVIII вѣка можно сдѣлать такое заключеніе. Онѣ пересажены были въ Москву изъ Кіевской Академіи и культивировались выписанными изъ Кіева учителями, которые весьма часто брали сюжеты, образы представленія и мотивы для своихъ драматическихъ произведеній изъ Кіевскихъ школьныхъ пьесъ, напр., изъ „Царства Натуры людской“ 1698 г., „Свободы“ 1701 г. и др. Но въ Москвѣ, по указкѣ Петра I, эта заносная драматическая литература принуждена была слѣдить за политическими событіями Россіи того времени и разрабатывать особый родъ школьной драмы, драму панегирико-политическую (ludi caesarei), дотолѣ почти не разработанную въ Кіевской Академіи. Въ свою очередь, московская школьная драма начала XVIII вѣка, получивъ болѣе или менѣе свѣтскій характеръ, имѣла нѣкоторую долю вліянія и на оживленіе кіевской школьной драмы во второмъ періодѣ ея развитія, какъ это увидимъ впослѣдствіи.

Въ заключеніе обзора перваго періода кіевской школьной драмы XVII и начала XVIII столѣтій отмѣтимъ общіе итоги этого обзора. Всѣ драматическія произведенія этого періода мы раздѣлили на три группы: 1) школьныя драмы, несомнѣнно составленныя и представленныя на сценѣ въ самой Кіевской Академіи; 2) школьныя драмы и отрывки изъ нихъ, занесенныя изъ Кіевской Академіи или зависѣвшей отъ нея Гойской православной коллегіи въ отдаленныя мѣста Галиціи и Слободской Украины, видоизмѣненныя и переработанныя здѣсь, а иногда, можетъ быть, и вновь сочиненныя по школьнымъ піитическимъ правиламъ, и 3) драматическія произведенія бывшихъ кіевскихъ воспитанниковъ, вызванныхъ на службу въ Московское государство и писавшихъ здѣсь свои драматическія произведенія болѣе или

менѣе примѣнительно къ условіямъ и требованіямъ московской общественной и государственной жизни. Первая изъ этихъ группъ кіевской школьной драмы, сколько можно судить по сохранившимся до настоящаго времени памятникамъ ея, подражала преимущественно іезуитскимъ образцамъ, обиловала символизмомъ и аллегоріею, любила щеголять миѳологическими именами и вообще отличалась болѣе или менѣе отрѣшенностію отъ жизни, блѣдностію и схоластицизмомъ, за немногими развѣ только исключеніями. Это была въ полномъ смыслѣ школьная академическая драма, не выходившая изъ стѣнъ школы и чуждавшаяся дѣйствительной жизни. Но по сохранившимся доселѣ письменнымъ памятникамъ этой группы мы не имѣемъ права произносить надъ нею окончательный приговоръ въ данномъ смыслѣ, потому что въ отраженіяхъ этой драмы на памятникахъ ея, найденныхъ въ Галиціи и Слободской Украйнѣ, мы видимъ нѣчто болѣе жизненное. Памятники этого рода, отнесенные нами ко второй группѣ, или изображаютъ реальныя личности и даже какъ бы характеры, какъ напр., первосвященника Захарію въ пьесѣ на Благовѣщеніе, или отличаются силою и искренностію религіознаго чувства (Dialogus de passione Christi) и довольно тонкимъ психическимъ анализомъ состоянія грѣшной души („Розмова вкратцѣ о душѣ грѣшной“), или же являются прямымъ примѣненіемъ школьныхъ знаній къ приходской жизни („Банкетъ духовный“). Предполагается, что переписчики, передѣлыватели и авторы этихъ пьесъ заимствовали изъ кіевской школьной драмы не все, что попадалось имъ на глаза, а только то, что могло больше нравиться какъ имъ самимъ, такъ и ихъ слушателямъ и зрителямъ, и содѣйствовать удовлетворенію ихъ духовныхъ потребностей. Въ этомъ отношеніи драматическія произведенія этой второй группы являются какъ бы практическимъ примѣненіемъ сухихъ, чисто академическихъ пьесъ къ удов-

летворенію духовныхъ потребностей провинціальныхъ городовъ и захолустныхъ мѣстечекъ и селъ Малороссіи. Къ третьей группѣ принадлежатъ драматическія сочиненія кіевскихъ воспитанниковъ уже на сѣверѣ Россіи, въ Московскомъ государствѣ. Пьесы этой группы, оставаясь болѣе или менѣе вѣрными схоластическимъ формамъ кіевской школьной драмы и только слегка видоизмѣняя ихъ примѣнительно къ своимъ цѣлямъ, имѣютъ въ виду не одну только разработку внѣшней драматической формы и преслѣдуютъ духовные интересы не приходской только провинціальной и сельской жизни, но и общегосударственной, и заключаютъ въ себѣ идеи государственныя и даже общечеловѣческія. Онѣ или вооружаются противъ коренныхъ пороковъ русскаго народа, напр., пьянства, и ратуютъ за просвѣщеніе (С. Полоцкій), или проповѣдуютъ любовь къ ближнему и особенно къ падшему человѣку и вообще христіанскій гуманизмъ (св. Димитрій Ростовскій), или же, наконецъ, имѣютъ въ виду прославленіе величія Россіи и ея монарховъ и, слѣдов., носятъ на себѣ государственный, политическій характеръ (московскія школьныя драмы начала XVIII вѣка). Но пьесамъ послѣднихъ двухъ категорій, при всей важности содержанія и идей, не доставало соотвѣтствующей, болѣе живой и реальной, драматической формы. Попытки выработать живую форму драмы, которая болѣе или менѣе соотвѣтствовала бы живому содержанію ея, или, иначе говоря, выработать соотвѣтствіе между содержаніемъ и формою школьной драмы, принадлежатъ уже второму періоду въ исторіи кіевской школьной драмы.

Второй періодъ Кіевской школьной драмы (1705—1762 гг.).

Второй періодъ Кіевской школьной драмы характеризуется отрѣшеніемъ отъ прежнихъ іезуитскихъ образцовъ и пріемовъ и поворотомъ къ болѣе жизненному направленію западно европейской драмы въ духѣ возрожденія классицизма и гуманизма.

Этотъ періодъ начинаютъ съ 1705 года, когда первый представитель этого направленіи въ Россіи, извѣстный ученый Ѳеофанъ Прокоповичъ появился въ Кіевской Академіи въ качествѣ учителя піитики. Но, конечно, одинъ Ѳ. Прокоповичъ, не смотря на свою даровитость, не могъ бы произвесть этого переворота своими единичными усиліями, если бы не подготовлена была къ тому почва цѣлымъ поколѣніемъ молодыхъ Кіевскихъ ученыхъ, стремившихся къ непосредственному ознакомленію съ западно-европейскою наукою помимо польскихъ учебныхъ заведеній, въ самомъ ея источникѣ. Это стремленіе, вполнѣ законное и понятное само по себѣ, особенно становится замѣтнымъ къ концу XVII вѣка, съ возвращеніемъ Кіева Россіи, когда польское правительство строго воспретило своимъ подданнымъ имѣть общеніе съ Кіевомъ и принимать изъ него духовныхъ

лицъ [1]), Южно-русскому юношеству, желавшему завершить свое образованіе за границею, волей-неволей приходилось или притворно и на время измѣнять православію, чтобы попасть въ польскія школы, или же, минуя послѣднія, искать высшаго образованія въ Западной Европѣ. Такъ оно и поступало.

Еще при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ Негребецкій сдѣлалъ доносъ этому царю на Яна Бѣлобоцкаго, имѣвшій цѣлію, между прочимъ, доказать потребность усиленія греческаго обученія, взамѣнъ латинскаго, и выставляющій въ примѣръ западно-европейскіе университеты Падуанскій, Лондонскій, Лейденскій, Парижскій, Пражскій. Отъ 1701 года извѣстно сочиненіе, подъ заглавіемъ „Сказаніе о Римѣ и Италіи, зъ нѣкоторыми грады, въ которыхъ великія академіи знайдуются“ [2]), Изъ отдѣльныхъ піонеровъ западно-европейской науки извѣстны западно-руссы Григорій Скибинскій и Палладій Роговскій, учившіеся въ Римѣ и подвизавшіеся потомъ на ученомъ поприщѣ въ Москвѣ [3]). Подъ 1684 годомъ Св. Димитрій Ростовскій записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „мѣсяца іюня былъ у меня въ Печерскомъ монастырѣ братъ Ѳеофанъ, изъ Батуринскаго монастыря, мой постриженецъ, который отправился въ далекія страны Богъ вѣсть съ какимъ намѣреніемъ“. Онъ „ходилъ по разнымъ землямъ, въ Парижѣ и Римѣ философіи и богословія учился; былъ и въ Барѣ, гдѣ мощи святителя Христова Николая почиваютъ“ [4]). Около 1696 года, въ бытность

[1]) „Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, августъ, 1870 г., стр. 417.

[2]) „Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіев. Дух. Академіи за $189^{5}/_{6}$ годъ“, стр. 150—1.

[3]) „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета. 3-е изд., Спб., 1884 г. стр. 262—3.

[4]) См. Дневникъ св. Димитрія Ростовскаго подъ 1684 и 1691 годами.

Стефана Яворскаго префектомъ Кіевской Академіи, отправился за границу, для довершенія образованія, студентъ Кіевской Академіи Іоакимъ Богомолевскій, былъ въ Польшѣ и въ другихъ государствахъ и побывалъ въ Гданскѣ, Кенигсбергѣ и другихъ городахъ [1]). Около того же времени выбылъ изъ Кіевской Академіи и Ѳеофанъ Прокоповичъ завершившій свое образованіе въ знаменитой тогда Римской академіи, гдѣ онъ слушалъ философскія науки и богословіе [2]). Вѣроятно, всѣ эти лица вынуждались заграницей временно и наружно измѣнять родному православію, какъ это мы знаемъ объ іеромонахѣ Тарасіи Каплонскомъ, тоже воспитанникѣ Кіевской Академіи, путешествовавшемъ на богомолье въ Баръ и возвратившемся въ Россію въ 1697 году [3]).

Изо всѣхъ этихъ южно-русскихъ искателей западно-европейскаго образованія выдающееся положеніе занимаетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ по своимъ дарованіямъ, такъ и по трезвости избраннаго имъ ученo-литературнаго направленія. Тогда какъ нѣкоторые изъ южно-руссовъ, получившихъ заграничное образованіе, склонялись къ представителямъ западнаго мистицизма [4]), Ѳеофанъ Прокоповичъ хорошо ознакомился съ классическими теоріями и образцами словесности и съ лучшими западно-европейскими представителями эпохи возрожденія классицизма и явился однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этой эпохи въ Россіи.

---

[1]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіев. Академіи", серія 2-я, Кіевъ. 1904 г., т. 1, ч. 1, № 25, стр. 166—8.

[2]) „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время", Чистовича, С.-Петербургъ. 1868 г., стр. 5.

[3]) „Харьковскій Сборникъ Историко-филологическаго Общества", Харьковъ. 1895 года.

[4]) Напр., Янъ Бѣлободскій и І. Богомолевскій. См. „Русскій гомилетъ начала XVIII вѣка Іоакимъ Богомолевскій", Д. Совицкаго, Кіевъ, 1902 г., стр. 149 и слѣд.

Прежде всего, Ѳеофанъ Прокоповичъ, при составленіи своей теоріи піитики 1704—1705 года, непосредственно пользовался древне-классическими источниками и пособіями, подтверждая и иллюстрируя свои піитическія правила примѣрами изъ лучшихъ классическихъ писателей не только римскихъ, но и греческихъ въ латинскомъ переводѣ; а этого далеко нельзя сказать о предшественникахъ Ѳ. Прокоповича по Кіевской Академіи. Въ своей піитикѣ онъ очень часто и больше всего цитуетъ Аристотеля, Горація и Аѳонія Софиста, пользуясь при этомъ и лучшими представителями западно-европейскаго возрожденія классицизма. Изъ послѣднихъ онъ особенно пользовался піитикой Скалигера при разработкѣ понятія о трагедіи и взглядами Торквато-Тассо на неприличіе христіанскому поэту употреблять въ своихъ произведеніяхъ имена языческихъ боговъ. Подобно Торквато-Тассо, Ѳ. Прокоповичъ говоритъ о христіанскомъ поэтѣ слѣдующее: „онъ не долженъ вмѣшивать языческихъ боговъ или богинь въ какое либо дѣло нашего Бога, или также героевъ, олицетворяющихъ собою какія либо добродѣтели; не долженъ употреблять имя Паллады вмѣсто мудрости, Діаны вмѣсто чистоты, Нептуна вмѣсто водъ, Вулкана вмѣсто огня,—ихъ имена употребляются только синонимически,—но онъ можетъ вводить дѣйствительныя лица Бога, ангеловъ, святыхъ, демоновъ, приписывая имъ подобныя дѣйствія. Также посредствомъ олицетворенія пусть онъ вводитъ божественныя свойства, приписывая имъ рѣчь, личность, дѣйствіе, одежды, оружіе, инструменты, колесницы и проч. Можно также вымышлять различныя мѣстности на небѣ, въ воздухѣ, на землѣ, выстраивать города, ставить дома и другія зданія“ [1]). Ѳ. Прокоповичу извѣстны были

[1]) См. „Описаніе рукописей Церковно-Археологич. Музея при Кіевской Дух. Академіи“, Н. Петрова, вып. 2, Кіевъ, 1877 г. № 417, листы рукописи 45 и 46; „Очерки исторіи украинской литературы XVIII в.“, Н. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 9.

даже нѣкоторыя произведенія французскаго псевдоклассика Корнеля, а именно его „Сидъ“ въ польскомъ переводѣ Андрея Морштына, и „Андромаха“ въ польскомъ же переводѣ Станислава Морштына [1]).

Не излагая всей теоріи поэзіи Ѳ. Прокоповича, остановимся на его довольно удачной, по тому времени, попыткѣ опредѣлить художественный характеръ или типъ въ драматическихъ произведеніяхъ. Принимая древнеклассическій принципъ поэзіи, какъ подражанія природѣ или подражательнаго вымысла, Ѳ. Прокоповичъ требуетъ отъ поэта, чтобы онъ создавалъ и изображалъ въ своихъ произведеніяхъ только типическія черты въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ. Поэтъ, по словамъ Ѳ. Прокоповича, „долженъ единственно стараться о томъ, чтобы въ извѣстныхъ и замѣчательныхъ личностяхъ указывать общія добродѣтели или пороки, напримѣръ, что государи (principes) благоразумно управляютъ государствомъ, начертываютъ законы, установляютъ права, судятъ, раздаютъ награды и проч. Эти добродѣтели суть общія, потому что идутъ всякому государю; но есть и частныя, какъ напр. если государь рисуетъ, поетъ, играетъ на арфѣ,—и это не идетъ государю, какъ государю, но можетъ идти какъ частному человѣку. О тѣхъ и другихъ изъ этихъ дѣйствій, т. е. идущихъ и не идущихъ государю, историкъ разсказываетъ съ точностію, какъ они бываютъ на самомъ дѣлѣ... Но поэтъ, пренебрегая тѣмъ, что противорѣчитъ авторитету государя, наблюдаетъ въ извѣстномъ героѣ только государевы дѣйствія, т. е. пишетъ не о томъ, что сдѣлано, а о томъ, что могло быть сдѣлано. Если же онъ желаетъ воспѣть храбраго полководца, то онъ не долженъ подробно разсказывать о томъ, какимъ образомъ

[1]) „Исторія русскаго театра“, Б. Варнеке, ч. 1, Казань, 1908 г., стр. 20.

онъ велъ войны, а долженъ наблюдать, какимъ образомъ каждый храбрый полководецъ долженъ вести войны, и этотъ типъ приписать своему герою", потому что „поэтъ имѣетъ въ виду не передавать, подобно историку, памяти потомства дѣянія, но учить людей тому, какими они должны быть въ томъ или другомъ родѣ жизни, и въ дѣяніяхъ героя, какъ бы въ зеркалѣ, показывать примѣръ, восхваляя и предлагая его другимъ" [1]).

Но художественные типы могутъ быть не только положительные, а и отрицательные. Въ этомъ отношеніи драматическая поэзія раздѣляется на три вида: трагедію, комедію и трагедо-кемедію. „Трагедія,—по опредѣленію Ѳ. Прокоповича, есть поэзія, дѣйствіемъ и рѣчью лицъ подражающая важнымъ дѣйствіямъ знаменитыхъ мужей и преимущественно превратностямъ судьбы и бѣдствіямъ. Комедія же есть такая поэзія, которая, для устроенія жизни и особенно для искорененія худыхъ нравовъ людей, общественныхъ и частныхъ, въ дѣйствіи воспроизводитъ дѣянія простого народа и выражаетъ ихъ рѣчью лицъ съ шутками и остротами. Изъ нихъ образуется третій смѣшанный видъ трагикомедія, или, какъ Плавтъ называетъ ее въ „Амфитріонѣ", трагико-комедія, т. е. такая, въ которой вещи смѣшныя и забавныя перемѣшиваются съ серьезными и печальными и лица низкія—съ знаменитыми" [2]).

„Въ трагедіи не должно показывать въ дѣйствіи всей жизни какого либо лица или даже одного дѣянія, но продолжавшагося въ теченіе многихъ годовъ или мѣсяцевъ, но одно только дѣйствіе, и притомъ такое, которое совершилось или могло совершиться въ одинъ, или, по крайней

[1]) См. Піитику Ѳ. Прокоповича, по „Описанію рукописей Церковно-Археол. Муз." Н. Петрова, № 417, листы рукописи 47 и 48.

[2]) Тамъ же, л. 63 на оборотѣ, и 64.

мѣрѣ, въ три дня. Если же это дѣйствіе будетъ зависѣть отъ многихъ предшествовавшихъ, то они выражаются черезъ разсказъ какого либо лица“ [1]). Актовъ въ трагедіи и комедіи, по правиламъ Горація, должно быть пять [2]).

Свои піитическія правила Ѳ. Прокоповичъ примѣнилъ и къ своей „Трагедокомедіи Владиміръ“. Рекомендуя въ своей піитикѣ Сенеку, какъ образцоваго трагика, а Плавта и Теренція, какъ образцовыхъ комиковъ, Ѳ. Прокоповичъ и самъ послѣдовалъ примѣру этихъ писателей. Прежде всего въ его „Владимірѣ“ мы видимъ почти безукоризненное соблюденіе классическихъ трехъ единствъ; все дѣйствіе вращается вокругъ главнаго героя и вокругъ одной темы; оно занимаетъ сравнительно небольшой промежутокъ времени и происходитъ въ одномъ мѣстѣ—въ Кіевѣ, хотя, можетъ быть, и въ различныхъ мѣстностяхъ Кіева; небо и адъ на сценѣ не представлены; аллегорическія фигуры отсутствуютъ; мірская прелесть, хула и вождѣленіе приняли образъ бѣсовъ—искусителей; точно также нѣтъ въ пьесѣ Ѳ. Прокоповича лицъ изъ античной миѳологіи, которыми такъ любили украшать свои произведенія драматурги прежняго времени. Не менѣе рѣшительное вліяніе классическихъ образцовъ чувствуется и въ содержаніи „Владиміра“: дѣйствующія лица являются не отвлеченными схемами, а живыми людьми, съ ясно опредѣленнымъ характеромъ; въ положеніи героя есть драматическая коллизія; въ изображеніи жрецовъ, при всей карикатурности, напоминающей Плавтовскихъ „Паразитовъ“, есть и типическія черты. Наконецъ, подражая Сенекѣ, Ѳ. Прокоповичъ вывелъ на сцену тѣнь Яро-

---

[1]) Тамъ же, л. 65 на обор.

[2]) „Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра“. В. Н. Перетца, I—VII, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Ак. Наукъ“, т. XII, 1907 г., кн. 3, и отдѣльными оттисками, стр. 8.

полка (напоминающую тѣнь Тантала въ трагедіи Тіэстъ), чего прежде школьная драма не допускала. „Если мы припомнимъ,—говоритъ профессоръ П. О. Морозовъ.—что именно трагедіи Сенеки послужили главною основою для піитики Скалигера, которая, въ свою очередь, сдѣлалась авторитетомъ для школьныхъ піитикъ XVII—XVIII вв., то полное соотвѣтствіе трагедокомедіи Ѳеофана съ извѣстными намъ піитическими правилами явится естественнымъ результатомъ внимательнаго изученія авторомъ римскаго трагика“ [1]).

Теорія драмы Ѳ. Прокоповича и примѣръ его трагедокомедіи „Владиміръ“ имѣли довольно сильное и продолжительное вліяніе на всю послѣдующую Кіевскую искусственную драму вплоть до основанія правильнаго русскаго свѣтскаго театра въ 1756 году. Обильныя выписки изъ піитики Прокоповича дѣлаютъ въ своихъ піитическихъ руководствахъ преемники Ѳ. Прокоповича по этой каѳедрѣ Л. Горка въ 1707—8 г., Г. Конисскій въ 1745—6 году [2]) и другіе, а Г. Конисскій даже издалъ піитику Ѳ. Прокоповича въ Могилевѣ, въ 1786 году [3]). Имѣла непосредственное вліяніе на послѣдующую Кіевскую драматическую литературу и трагедокомедія Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“: по образцу ея тоже стали составляться трагедокомедіи, и притомъ въ пяти актахъ, до Ѳ. Прокоповича не употреблявшіяся въ Кіевской Академіи. Самое содержаніе этихъ подражательныхъ пьесъ стало теперь живѣе и разнообразнѣе прежняго. Теперь уже

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. 1, С.-Петербургъ, 1889 г., стр. 570—1.

[2]) „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіев. Академіи“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, іюль, 1866 г., стр. 313 и слѣд.

[3]) „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета, 3 изд., С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 298.

стали выводиться на сцену не олицетворенія отвлеченныхъ понятій и не аллегоріи подъ именами древнеязыческихъ боговъ и богинь, а реальныя лица и даже историческія, нерѣдко заимствованныя изъ отечественной гражданской и церковной исторіи, какъ напр., Богданъ Хмѣльницкій, сербскіе цари Стефанъ Неманя, Стефанъ Душанъ и Вукашинъ, цареградскій патріархъ Фотій и другіе, которые выступаютъ въ драмахъ въ ихъ исторической обстановкѣ, съ индивидуальными чертами ихъ характера. Иногда авторы драматическихъ произведеній этого рода пытаются психологически понять и раскрыть уже готовый, данный въ первоисточникахъ характеръ, какъ напр. характеръ жены Пентефрія въ трагедокомедіи Л. Горки „Іосифъ патріарха“ 1708 года, или же вновь создать извѣстный характеръ, какъ напр. характеры добродѣтельной Агафіи и порочной Фавли въ трагедокомедіи В. Лащевскаго 1742 года и стяжательнаго Діоктита и терпѣливаго Гипомена въ трагедіи Г. Конисскаго, 1746 года.

Нужно, впрочемъ, сознаться, что всѣ эти характеры выходили въ драмахъ очень блѣдными и слабыми. Но нельзя этого сказать о драматическихъ характерахъ въ комическихъ интерлюдіяхъ къ драмамъ, получившихъ особенное развитіе въ этотъ періодъ. Правда, эти интерлюдіи представляютъ изъ себя какъ бы историческое наслѣдіе отъ латинопольской драмы XVII вѣка [1]). Мы видѣли эти интерлюдіи или интермедіи и при нѣкоторыхъ драматическихъ произведеніяхъ Московской Академіи начала XVIII в. [2]). Но теперь онѣ получаютъ значеніе какъ бы особыхъ комедій-хотя и представляемыхъ параллельно съ серьезными траге, діями, и подчиняются особымъ піитическимъ правиламъ въ

---

[1]) См. о семъ выше, и въ „Исторіи русскаго театра“, П. О Морозова, т, I, стр. 59 и сл.

[2]) Тамъ же, стр. 330 и слѣд.

духѣ возрожденія классицизма. Такъ, напр., іеромонахъ Митрофанъ Довгалевскій въ своей піитикѣ 1736—7 года, расширяя понятіе Ѳ. Прокоповича о комедіи, примѣняетъ его къ комическимъ интерлюдіямъ. Онъ требуетъ, чтобы въ комедіи „выводились лица низкія, какъ-то господарь (paterfamilias), литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, скиѳъ (татаринъ?), турокъ, грекъ, итальянецъ", и чтобы комедіи писались „слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ". Соотвѣтственно этимъ и подобнымъ требованіямъ, и въ кіевскихъ комическихъ интерлюдіяхъ XVIII вѣка выводятся на сцену поляки, мужики, литвины, цыгане, козаки, москали, жиды, греки и проч. и изображаются довольно вѣрно, со свойственнымъ каждому характеромъ и языкомъ [1]).

Вмѣстѣ съ утратою прежняго мистеріальнаго характера и съ уклоненіемъ въ свѣтскую сторону, кіевская школьная драма со времени Ѳ. Прокоповича постепенно стала отрѣшаться и отъ опредѣленныхъ временъ и дней церковнаго года, и отъ священныхъ мѣстъ. Нѣкоторыя изъ школьныхъ пьесъ этого періода, судя по заглавію, повидимому написаны были на извѣстные дни страстной недѣли или на Пасху, но въ дѣйствительности разыгрывались совсѣмъ въ другое время. Трагедокомедія самого Ѳ. Прокоповича „Владиміръ" была разыграна не на память св. Владиміра 15 іюля, а 3-го іюля, вѣроятно на актѣ при окончаніи учебнаго года; драма „Торжество естества человѣческаго о страданіи и воскресеніи Спасителя", 1706 года, представлена 7-го апрѣля, въ недѣлю женъ мироносицъ; трагедокомедія Л. Горки „Іосифъ Патріарха", прообразовавшій страданіе и вознесеніе Спасителя, представлена 25 мая, во вторникъ по сошествіи св. Духа; трагедокомедія Г. Щербацкаго „Фотій", 1749 года, представлена 18 мая.

[1]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.", Н. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 69.

Впрочемъ, это новое направленіе въ духѣ возрожденія классицизма, какъ и всякое новое направленіе, не могло сразу же сдѣлаться господствующимъ и совершенно замѣнить собою прежнія направленія. Несмотря на то, что Ѳ. Прокоповичъ въ своихъ научныхъ стремленіяхъ шелъ на встрѣчу преобразовательнымъ стремленіямъ Петра Великаго и нашелъ въ немъ сильную поддержку для себя, все таки онъ вызвалъ своею преобразовательною литературною дѣятельностію сильную вражду противъ себя и своего направленія. Правда, съ теченіемъ времени новыя идеи Ѳ. Прокоповича завоевывали себѣ все болѣе и болѣе широкій кругъ распространенія и вліянія (напр., въ лицѣ Г. Конисскаго, С. Миславскаго и др.); но за то и самые горячіе послѣдователи его уже не имѣли возможности освѣжать идей возрожденія классицизма непосредственно изъ западно-европейскаго источника, откуда почерпалъ ихъ Ѳ. Прокоповичъ: этотъ первоисточникъ почти совершенно закрытъ былъ, по крайне й мѣрѣ въ католическихъ странахъ западной Европы, для православныхъ Кіевскихъ воспитанниковъ послѣ того, какъ въ этихъ странахъ стало извѣстно о враждебномъ отношеніи Ѳ. Прокоповича къ католичеству вообще [1]). Въ виду этого южно-русскимъ почитателямъ и послѣдователямъ Ѳ. Прокоповича оставалось или только рабски слѣдовать своему учителю, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Г. Конисскаго, почти скопировавшаго піитику Ѳ. Прокоповича, или же пробавляться заимствованіемъ такихъ видовъ латино-польской драмы, которые въ прежнее время почти не культивировались въ Кіевской Академіи, каковы, напр., коллективныя или точнѣе циклическія пьесы („Торжество естества человѣческаго", 1706 года); или же, наконецъ, заимствовать драматическіе

[1]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи", серія 2-я, т. 1, ч. 1, Кіевъ, 1904 г., № XVIII, стр. 129—133.

сюжеты и пріемы, разрабатывавшіеся, по указанію Петра I, въ Московской Академіи въ началѣ XVIII вѣка. Кромѣ того, независимо отъ новаго направленія, наряду съ нимъ получили теперь полную силу и особенно развитіе панегирическія пьесы (ludi caesarei) въ честь русскихъ государей, подъ властью которыхъ находилась Кіевская Академія, и въ драматическія произведенія сталъ проникать полемическій элементъ противъ польскаго католицизма, прежде совсѣмъ не встрѣчавшійся въ Кіевскихъ школьныхъ драмахъ.

Такимъ образомъ, во второмъ періодѣ исторіи Кіевской школьной драмы мы видимъ чрезвычайное разнообразіе драматическихъ сюжетовъ, мотивовъ и пріемовъ, которые трудно подвести подъ какія либо опредѣленныя рубрики. Повидимому, различныя драматическія направленія, завися главнымъ образомъ отъ личнаго развитія и вкуса авторовъ драмъ, появлялись на исторической сценѣ спорадически и нагромождались одно на другое чисто механически, безъ видимой связи и преемственности идей. Но все таки и въ этомъ наружномъ хаосѣ драматическихъ направленій этого періода красною нитью проходитъ новое направленіе въ духѣ возрожденія класицизма, иногда цѣликомъ захватывая болѣе даровитыхъ и свѣжихъ представителей его (напр., Г. Конисскаго), а иногда только поверхностно касаясь лишь внѣшней формы драматическихъ произведеній.

Нѣкоторую опредѣленность и устойчивость вносятъ въ характеръ и направленіе этихъ драмъ съ одной стороны характеръ тѣхъ историческихъ эпохъ, въ которыя появлялись эти драмы, а съ другой—этнографическія особенности тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ культивировалась Кіевская школьная драма этого періода.

Въ первомъ отношеніи Кіевскую школьную драму второго періода ея развитія можно раздѣлить на эпохи по царствованіямъ русскихъ государей этого времени, обнаруживавшихъ сочувствіе или несочувствіе къ Малороссіи и Кіев-

ской Академіи, каковы были государи Петръ I и Екатерина I, Петръ II, Анна Іоанновна и Елизавета Петровна. Петръ I, сначала благосклонно относившійся къ Малороссіи и къ Кіевской Академіи, быстро измѣнилъ свои отношенія къ нимъ послѣ извѣстной измѣны гетмана Мазепы въ 1709 году, вслѣдствіе чего и Кіевская школьная драма, въ его царствованіе, начавшись, въ лицѣ Ѳ. Прокоповича, многообѣщающимъ разцвѣтомъ, послѣ 1709 года стушевалась и почти совсѣмъ прекратила свое существованіе въ самой Кіевской Академіи, и только къ концу его царствованія и въ царствованіе его супруги Екатерины I количественно стала распространяться въ происшедшихъ отъ Кіевской Академіи коллегіумахъ и духовныхъ семинаріяхъ.—Кратковременное царствованіе Петра II ознаменовалось почти полнымъ возстановленіемъ прежнихъ правъ и привиллегій Малороссіи, вслѣдствіе чего и Кіевская школьная драма стала получать особое ожавленіе въ патріотическомъ малорусскомъ духѣ, яркимъ доказательствомъ чего служитъ драма 1728 года, подъ названіемъ „Милость Божія“. Суровое царствованіе Анны Іоанновны собственно не было благопріятно для внутренняго развитія Малороссіи; но стремленія государственныхъ людей этого царствованія пріобщить Россію западно-европейской наукѣ заставляли ихъ дорожить кіевскими представителями этой науки и распространять ее по всей Россіи, а войны съ Польшею и Турціею склонили правительство Анны Іоанновны пригласить запорожскихъ козаковъ возвратиться въ Россію, что благопріятно отразилось и на нѣкоторыхъ Кіевскихъ школьныхъ драмахъ, въ смыслѣ проникновенія ихъ народнымъ козацкимъ духомъ.—Императрица Елизавета Петровна, какъ извѣстно, весьма благосклонно относилась къ Малороссіи, и въ ея продолжительное, говоря сравнительно, царствованіе появилось значительное число школьныхъ драматическихъ пьесъ, которыя имѣютъ въ виду или прославленіе этой доброй для Малороссіи госуда-

рыни, или же изображеніе быта различныхъ слоевъ малорусскаго населенія. Но царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, при всей ея сердечной добротѣ и, можетъ быть, именно благодаря этой сердечной добротѣ, не отличалось выдержанностію системы управленія и далеко не всегда было благопріятно для Малороссіи. Поэтому и школьныя пьесы этого періода далеко не всегда отличаются искренностію и сердечностію тона даже и въ панегирическихъ изліяніяхъ своихъ чувствъ къ императрицѣ.

Да и въ эти эпохи царствованія отдѣльныхъ государей кіевская школьная драма, будучи переносима кіевскими воспитанниками въ разныя страны Россіи и даже за границу ея, терпѣла новыя видоизмѣненія, такъ сказать этнографическаго свойства, примѣнительно къ новымъ этнографическимъ условіямъ окружающей ея среды. По имѣющимся въ настоящее время даннымъ, кіевская школьная драма въ этотъ періодъ своего существованія появляется въ Московской Академіи, Харьковскомъ Коллегіумѣ, въ семинаріяхъ Казанской, Тобольской, Новгородской, Троице-Сергіевской Лаврской, Смоленской и даже у австрійскихъ сербовъ. Въ этихъ мѣстностяхъ школьная драма вводилась, большею частію, впервые,—и задача молодыхъ неопытныхъ драматурговъ состояла не въ томъ, чтобы выдержать въ своей драмѣ какое либо новое, опредѣленное направленіе, а чтобы скропать по готовымъ образцамъ хоть какую либо драму, которая и независимо отъ содержанія и направленія представляла, по своей новизнѣ, небывалую диковинку. Однако, и въ этихъ заносныхъ провинціальныхъ драмахъ мы видимъ иногда отраженіе мѣстнаго этнографическаго элемента, какъ напр. въ интерлюдіяхъ семинарій Тобольской, Новгородской и Смоленской. Во всякомъ случаѣ, и на эти драматическія произведенія Кіевскихъ школьныхъ колоній нужно смотрѣть какъ на отраженіе Кіевской школьной драмы извѣстной эпохи, хотя иногда и весьма слабое.

Такъ какъ всѣ эти драматическія произведенія кіевскихъ школьныхъ колоній, нося на себѣ печать южнорусскаго происхожденія ихъ авторовъ, имѣютъ болѣе или менѣе опредѣленныя хронологическія даты, то мы не будемъ выдѣлять эти произведенія въ особыя группы, какъ это мы дѣлали при обозрѣніи перваго періода исторіи Кіевской школьной драмы, а введемъ ихъ въ общую хронологическую канву исторіи Кіевской школьной драмы этого второго періода, чтобы дать болѣе цѣлостное представленіе о ней.

Глава первая. Эпоха Петра I († 1725 г.) и Екатерины I (1725—1727 г.г.).

Изъ второго періода Кіевской школьной драмы къ эпохѣ Петра I относятся только три доселѣ извѣстныя Кіевскія школьныя пьесы, а именно: „Владиміръ“ Ѳ. Прокоповича, 1705 г., съ которымъ имѣютъ внутреннюю связь его позднѣйшіе разговоры тектона съ купцомъ и гражданина съ селяниномъ; 2) „Торжество естества человѣческаго“, 1706 года, и 3) „Іосифъ патріарха“, Лаврентія Горки, 1708 года, всѣ три—относящіяся ко времени до измѣны Мазепы Россіи. Тогда какъ трагедокомедія Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“ представляетъ изъ себя ясный и опредѣленной типъ пьесы въ духѣ возрожденія класицизма, а трагедокомедія Л. Горки „Іосифъ патріарха“ есть только слабое подражаніе пріемамъ Ѳ. Прокоповича,—пьеса „Торжество естества человѣческаго“ стоитъ совершенно внѣ всякаго вліянія эпохи возрожденія, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не подходитъ къ характеру прежнихъ іезуитско-схоластическихъ школьныхъ пьесъ Кіевской Академіи.

I. Полное заглавіе трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича—слѣдующее: *„Владиміръ, славенороссійскихъ странъ князь и повелитель*, отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенный Духомъ Святымъ отъ Р. Хр. 988, нынѣ же въ Православ-

ной Академіи Могилянской Кіевской на позоръ россійскому роду отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ, добрѣ здѣсь воспитуемыхъ, дѣйствіемъ, еже отъ піитъ нарицается трагедокомедія, лѣта Господня 1705, іюля 3 дня показаній" [1]). Изъ этого заглавія видно, что пьеса исполнялась не въ день памяти св. Владиміра 15 іюля, и не въ майскіе рекреаціонные дни, а 3 іюля, вѣроятно на торжественномъ актѣ при окончаніи учебнаго года, на что намекаетъ и заключительное обращеніе къ почетнымъ лицамъ, вѣроятно присутствовавшимъ на актѣ.

Самый выборъ тэмы для актоваго представленія, независимо отъ нарочитыхъ дней церковнаго года, указываетъ уже на особую, спеціальную цѣль автора, который имѣлъ въ виду прославить святого просвѣтителя Россіи свѣтомъ Христова ученія и вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно и деликатно указать и на другого просвѣтителя Россіи свѣтомъ западноевропейской науки, т. е. Петра I, которому онъ искренно сочувствовалъ еще до сближенія съ нимъ.

Первая, прямая цѣль пьесы дается непосредственно самымъ ходомъ ея. Она состояла въ томъ, чтобы сопоставить славянское язычество съ православнымъ христіанствомъ, оправдать послѣднее раціональнымъ образомъ и, въ противоположность первому, выставить православную вѣру, какъ основаніе истиннаго просвѣщенія и культурныхъ успѣховъ Россіи. Язычество здѣсь представляется въ связи съ необразованностію; напротивъ, образованіе составляетъ существенную черту православія. Вотъ какъ, напримѣръ, св. Владиміръ объясняетъ коснѣніе русскихъ въ грубомъ язычествѣ:

---

[1]) Изд. въ „Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ 1672—1725 годовъ", Н. Тихонравова, т. II., С.П.Бургъ, 1874 г., стр. 280—344.

....родъ нашъ жестокъ и безсловный
И письменъ ненавидяй есть сему виновный.

Въ трагедокомедіи „Владиміръ“ высшее сознаніе христіанское встрѣчается съ низшимъ языческимъ и представляетъ послѣднее въ комическомъ видѣ. Такимъ образомъ, соотвѣтственно названію пьесы трагедокомедіей, въ ней рѣзко выдаются двѣ стороны—комическая и высокая. По отношенію къ первой жрецы языческіе играютъ главную роль: они представляются служителями ада, обманщиками, шарлатанами, невѣждами, заботящимися только о чревѣ. Возвышенную сторону трагедокомедіи представляетъ исторія обращенія св. Владиміра къ православной вѣрѣ.

Трагедокомедія „Владиміръ“ состоитъ изъ пяти дѣйствій.

Въ первомъ дѣйствіи является на сцену посланная Адомъ на Землю тѣнь Ярополка, убитаго нѣкогда Владиміромъ, чтобы она предупредила главнаго идольскаго жреца Жеривола о намѣреніи Владиміра принять христіанство и побудила его принять мѣры къ защитѣ язычества. Тѣнь Ярополка встрѣчается съ Жериволомъ и сообщаетъ ему о намѣреніи Владиміра.

Ярополкъ. Христіанскій законъ воспріяти
Умысли, отъ боговъ же всячески отстати хощетъ.

Жериволъ. Га, га, га, га, га! Честное слово!
Азъ самъ безъ вѣсти сея,—повѣмъ нѣчто ново,
А вамъ несвѣдомое,—азъ,—глаголю вѣрно,—
Азъ первый подзрѣлъ его, яко лицемѣрно
Начатъ богомъ служити: слиши тайну странну:
Первіе онъ ко богомъ и жерцомъ пространну
Имѣ руку и, егда жертву приношаше,
Радость, праздникъ, торжество, веселіе наше
Бѣ тогда: воли толсти и тучніе кравы
Убиваеми бяху, и довольно страви
Не бози токмо, но и жерцы имѣяхомъ,
И не токмо нимало тогда не стужахомъ,

Но,—вѣруй ми, о княже!—жрецъ Перуна бога,
Добрѣ чрево исполнивъ отъ тука премнога,
Со Перуномъ,—вѣси, что̀ имамъ глаголати,—
Со Перуномъ могохъ мя гримя соравняти.
Но уже тую щедрость измѣни. О студа!
Даде вчера едина козла тако худа,
Тако престарѣлаго, тако безтѣлесна,
Тако изнуреннаго, изсохша, безчестна,
Тонка, лиха, немощна, безкровна, безплотна,
Еще ножа не пріяхъ, а смерть самохотна
Постиже его. Гнѣвъ ли уби его Божій,
Или яко не бѣ въ немъ, кромѣ одной кожи
И подъ кожею костей, тѣлесе ни мало?
Что убо мнится тебѣ? Кое се настало
Время? Не намъ се нужда творится, но, стада
Не ядше, измрутъ бози...

Вслѣдъ за тѣмъ Ярополкъ разсказываетъ Жериволу объ обстоятельствахъ своей смерти. Жериволъ готовится вступить въ борьбу съ просвѣтительными намѣреніями Владиміра и разсчитываетъ на помощь адскихъ силъ:

Подвигну мертвыхъ, адскихъ, воздушнихъ и водніхъ
Соберу духовъ, къ тому жъ звѣрей многородніхъ...
Совлеку солнце зъ неба, помрачу свѣтила,
День въ нощь претвору; будетъ явѣ моя сила.

Во второмъ дѣйствіи являются второстепенные жрецы Куроядъ и Піаръ, ничего еще не знающіе о предстоящей язычеству опасности, и приготовляются къ празднику Перуна. Куроядъ какъ бы съ завистью говоритъ о запоздавшемъ къ празднику верховномъ жрецѣ Жериволѣ, пресыщавшемся языческими жертвами:

Азъ дивную вещь видѣхъ: когда, напитаній
Многими жертвами, онъ лежаше въ охладѣ,
А чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное; обаче въ ситости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой:
Скрежеташе зубами намнозѣ безъ мѣри,
Движа уста и гортань,—и достойно вѣри

Слово твое, Пѣаре! время не имѣетъ:
И во снѣ жретъ Жериволъ.

Но Пѣаръ сообщаетъ своему товарищу, что встрѣтилъ въ лѣсу Жеривола, который бѣжалъ по дуброве простоволосый, словно подгоняемый вихремъ, и съ дикимъ воплемъ созывалъ адскія силы. Вскорѣ появляется и самъ Жериволъ, сообщаетъ товарищамъ о бѣдствіи, которое грозитъ богамъ, и творитъ заклинанія. На его зовъ являются бѣсъ міра, бѣсъ тѣла (плоти) и бѣсъ хулы и обѣщаютъ опутать Владиміра своими сѣтями и отклонить отъ принятія христіанства.

Въ третьемъ дѣйствіи Владиміръ съ дѣтьми Борисомъ и Глѣбомъ совѣтуется о томъ, какъ отнестись ему къ словамъ греческаго философа, присланнаго византійскимъ императоромъ съ проповѣдью о Христѣ, глубоко уже запавшею въ сердцѣ Владиміра. Приходитъ и Жериволъ къ Владиміу и проситъ жертвы для боговъ, которые, вслѣдствіе оскудѣнія жертвъ, отощали и заболѣли. Владиміръ смѣется надъ безпомощными богами и требуетъ отъ Жеривола, чтобы онъ состязался съ христіанскимъ философомъ о вѣрѣ. Послѣдній вскорѣ является, и Жериволъ начинаетъ свой диспутъ бранью и смѣхомъ. Когда же Владиміръ замѣчаетъ ему, что спорить надо приличнѣе, тогда жрецъ обращается къ философу съ цѣлымъ рядомъ самыхъ глупыхъ вопросовъ, такъ что грекъ долженъ былъ сказать: „се ли мудрецы ваши? Азъ овчому стаду не далъ бихъ сицеваго вождя“. Жериволъ удаляется, грозя „смирить хульника дѣломъ“, а философъ въ бесѣдѣ съ княземъ подробно говоритъ о бытіи Божіемъ, вѣчной жизни, будущемъ судѣ и мукахъ въ аду, и проч. По окончаніи бесѣды, философъ удаляется.

Въ четвертомъ дѣйствіи сыновья Владиміра Борисъ и Глѣбъ совѣтуютъ отцу принять православную вѣру; но Владиміръ хочетъ еще обсудить этотъ вопросъ наединѣ съ самимъ собою:

Отъидите на время! Азъ здѣ совѣтую
Наединѣ со мною.—Зъ воску имутъ дѣти
Сердце, скоро ихъ на вся приклонишь совѣти.

Оставшись одинъ, онъ высказываетъ свои сомнѣнія въ длинномъ монологѣ, въ которомъ выражается его внутренняя душевная борьба съ гордыми, плотскими и хульными помыслами, навѣянными на него Адомъ и его исчадіями [1]). Н. С. Тихонравовъ сопоставилъ этотъ монологъ съ проповѣдью Ѳеофана на день св. Владиміра, написанною, по всей вѣроятности, въ томъ-же 1705 году. Въ этой проповѣди развивается та же самая религіозно-нравственная идея борьбы высшихъ духовныхъ стремленій съ различными мірскими искушеніями, и побѣда человѣка надъ самимъ собою, надъ своими страстями и дурными наклонностями, представляется высшею и лучшею побѣдой. „Есть брань духовная“,—говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ проповѣди,—„противу которыя всѣ мірскія войны единымъ отрочищнымъ игралищемъ Златоустый святый называетъ. Въ бранѣхъ духовныхъ, ими же непрестанно возстаютъ на насъ три неукротиміи и зѣло лютіи супостата,—міръ, плоть и діаволъ, сихъ всѣхъ крѣпко и мужественно порази Владиміръ святый“. Ораторъ подробно разъясняетъ, въ чемъ именно состояла эта борьба св. Владиміра съ міромъ, плотью и дьяволомъ. Въ монологѣ трагедокомедіи почти буквально повторяются выраженія проповѣди [2]).

Вышедши изъ внутренней борьбы побѣдителемъ надъ самимъ собою, Владиміръ рѣшается принять христіанство и идетъ „явѣ Христа исповѣсти“. Прелесть хочетъ остановить его жалобною пѣснью и напоминаніемъ о минувшихъ наслажденіяхъ:

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, С.П.Бургъ, 1889 г., стр. 364—5.

Познай, любезне,
Кто зоветъ слезне,
Кого любиши?
Камо бѣжиши?
Въ кія идешь страны?
Откуду гнѣвъ на ны?
Плачъ тя не утолитъ,
Гласъ мой не умолитъ:
Тако еси твердій,
Тако жестосердій!
Любве ми едина!
Кая се измѣна?

Въ пятомъ дѣйствіи жрецы—въ отчаяніи: они умираютъ съ голоду, потому что князь запретилъ жертвоприношенія. Мало того, онъ приказалъ повсюду сокрушать кумиры. Являются вожди Мечиславъ и Храбрый, которые объявляютъ жрецамъ волю князя ввести въ Россію христіанскую православную вѣру и истребить языческихъ боговъ. Жрецы Піаръ съ Куроядомъ, въ страхѣ отъ ожидаемаго ими мщенія Перуна; но кумиръ его разбитъ безъ всякихъ знаменій, безъ небеснаго мщенія, и поруганъ даже малолѣтними дѣтьми:

Дѣти студніи, кумиръ разсѣкше подробну,
Во главу, аки въ сосудъ, испраздняютъ стомахъ.

Затѣмъ Храбрый разсказываетъ Мечиславу о томъ, какъ Владиміръ принялъ крещеніе. Описавъ торжество и величіе церемоніи, онъ прибавляетъ: „азъ, объятый страхомъ радостнымъ, забыхъ, гдѣ есмь; сердце же во мнѣ трепеташе“. Въ послѣднемъ явленіи вѣстникъ приноситъ грамоту отъ великаго князя Владиміра, называющагося уже Василіемъ, въ которой князь извѣщаетъ, что онъ,—

... Оставльше кумиры
Бездушніа, воспрія истиннія вѣри
Истинный законъ Христовъ,—

и подтверждаетъ свое повелѣніе о повсемѣстномъ низверженіи идоловъ.

Трегедокомедія заканчивается хоромъ апостола Андрея съ ангелами, въ которомъ дѣлается привѣтствіе гетману Ивану Мазепѣ, Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, мѣстоблюстителю патріаршаго престола Стефану Яворскому, Кіево-Печерскому архимандриту (Іоасафу Кроковскому) и Переяславскому епископу (Захаріи Корниловичу), замаскированное описаніемъ ихъ внѣшности или гербовъ ихъ.

Св. апостолъ Андрей первозванный и св. Владиміръ нерѣдко останавливали на себѣ вниманіе и прежнихъ южнорусскихъ писателей, особенно въ трудныя минуты тяжелой борьбы здѣшняго православія съ польскимъ католицизмомъ, такъ какъ первый изъ нихъ предрекъ будущее просвѣщеніе Россіи свѣтомъ православія, а второй былъ орудіемъ исполненія сего пророчества. Въ одномъ сборникѣ южнорусскихъ стихотвореній половины XVII вѣка, представляющихъ популярное изложеніе всѣхъ догматическихъ и религіозно-бытовыхъ разностей между православіемъ и польскимъ католичествомъ, авторъ, обращаясь къ русскому народу и къ русскимъ монахамъ, разсказываетъ имъ о томъ, „какъ Андрей святый апостолъ пришелъ въ Кіевъ градъ къ невѣрнымъ“, говоритъ „о крещеніи русскомъ“ чрезъ равноапостольнаго князя Владиміра и убѣждаетъ своихъ соплеменниковъ твердо держаться отеческихъ преданій и не поддаваться латинскимъ соблазнамъ. Вѣроятно, и Ѳ. Прокоповичъ говоритъ въ своей трагедокомедіи о св. князѣ Владимірѣ и объ апостолѣ Андреѣ въ полемическихъ видахъ съ католиками. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, претензіи польскихъ католиковъ и особенно іезуитовъ производить начало христіанства въ Россіи изъ Рима, съ другой—непримиримую вражду Прокоповича къ іезуитамъ и папству, можно думать, что трагедокомедія эта написана, между прочимъ, съ цѣлію показать, вопреки іезуитамъ, происхожденіе христіанства въ Россіи съ востока. По крайней мѣрѣ, Ѳ. Прокоповичъ между цѣлями русскаго краснорѣчія

полагалъ и описаніе подвиговъ знаменитыхъ мужей отечества и церкви, „чтобы узнали наконецъ“, какъ онъ выражается,—„пустѣйшіе, благоговѣющіе только передъ своими баснями враги наши, что не безплодны доблестью наше отечество и наша вѣра“. Подтвержденіе тому есть и въ самой трагедокомедіи. Въ разговорѣ греческаго философа съ Владиміромъ о православной вѣрѣ, изъ котораго, какъ болѣе интереснаго, впослѣдствіи встрѣчаются выписки, философъ говоритъ, между прочимъ, объ исхожденіи Св. Духа отъ единаго Отца и о страшномъ судѣ, не смягчаемомъ никакими предварительными очищеніями послѣ смерти. Самое описаніе обжорства и пьянства языческихъ жрецовъ, по видимому, намекаетъ на такіе же недостатки католическихъ монаховъ, о которыхъ Ѳ. Прокоповичъ говоритъ въ своей реторикѣ слѣдующее: „ничто не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе этого рода людей, такъ что не безъ справедливости можно сказать о нихъ, что они—изъ стада свиней Епикуровыхъ“ [1]).

Въ заключительномъ хвалебномъ хорѣ есть и политическій намекъ совершенно въ томъ же стилѣ, какъ и въ торжественныхъ дѣйствахъ Московской Академіи. Въ августѣ 1704 года былъ заключенъ между Россіей и Польшей оборонительный и наступательный союзъ противъ Швеціи, а въ началѣ іюня 1705 года Мазепа получилъ царскій указъ спѣшить на помощь къ польскому королю и съ 35-тысячнымъ войскомъ переправился черезъ рѣку Случь. Объ этомъ-то походѣ и говоритъ Ѳеофанъ:

Но нѣкій *левъ* ярится и на мужа силна
Ногти острить. Но ярость твоя есть бездѣльна,
Звѣре гордый! Поспѣшно, о вожду великій,
Поспѣшно иди! будетъ сверѣпій и дикій

[1]) См. мои „Очерки исторіи украинской литературы XVIII в“, Кіевъ. 1880. г., стр. 37—8.

Хищникъ раздранъ отъ тебе и издшетъ воскорѣ,
Ты же наречешися отъ всѣхъ Самсонъ вторій [1]).

Хоръ заключается такими словами:

Здѣ инніе многіе зрю доми святіе,
Отъ всѣхъ же краснѣйшее позорище сіе:
Зиждется домъ ученій. О, дней ты блаженныхъ,
Россіа! Колико бо мужей совершенныхъ
Произведетъ ти домъ сей! Надъ всѣми же сими
Храминами зиждитель Іоаннъ славимій
Начертанъ зрится. Боже дивній и великій,
Открывшій мнѣ толику радость и толикій
Свѣтъ на мя изліявій, даждь крѣпость и силу,
Даждь и многоденствіе, даждь къ всякому дѣлу
Поспѣхъ благополучній, брань всегда побѣдну!
Даждь здравіе, державу, тишину безбѣдну!
Даждь сіе царю Петру, отъ тебе вѣнчанну,
И его первѣйшому вожду Іоанну!

Здѣсь подъ созидаемымъ „домомъ ученій“ разумѣется старый, Мазепинскій корпусъ Кіевской Академіи, отъ котораго доселѣ сохранился нижній этажъ, занимаемый нынѣ Церковно-Археологическимъ Музеемъ. Онъ заложенъ былъ въ 1704 году [2]).

Кромѣ прямой, непосредственной цѣли трагедокомедіи „Владиміръ“, автору ея приписываютъ и другую высшую, идейную цѣль, состоявшую въ борьбѣ съ современными ему противниками просвѣщенія. „Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя черты“ языческихъ „жрецовъ (Жеривола, Курояда, Піара“),—говоритъ вслѣдъ за Н. С. Тихонравовымъ П. О. Морозовъ,—„списаны съ натуры, выхвачены изъ быта современнаго автору православнаго духовенства. Этого не отрицалъ и самъ Ѳеофанъ; мало того, онъ старался даже прямо намекнуть на это въ своей трагедокомедіи, такъ какъ

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 366.
[2]) „Описаніе рукописныхъ собраній находящихся въ Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. III, Москва, 1904 г., № 545, стр. 234.

въ одномъ мѣстѣ Жериволъ называется не жрецомъ, а попомъ. Да и впослѣдствіи, отвѣчая на доносъ, гдѣ его обвиняли въ томъ, что онъ „архіереевъ, іереевъ православныхъ жрецами и фарисеями называетъ..., священниковъ россійскихъ называетъ жериволами, лицемѣрами, идольскими жрецами", Θеофанъ говорилъ, что „великая часть нашего священства непотребныи суть и таковыхъ именъ или *подобій* достойни, не по званію своему, но по нраву и негодности" [1]). Но эти слова требуютъ значительныхъ ограниченій. Названіе жрецовъ попами само по себѣ ничего не доказываетъ, такъ какъ въ устахъ русскаго человѣка оно вполнѣ примѣнимо и къ католическимъ ксендзамъ. Мы говорили, что характеристика жрецовъ у Θ. Прокоповича всего ближе подходитъ къ католическимъ монахамъ, о которыхъ Θ. Прокоповичъ выражался, что „ничто не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе этого рода людей". Что же касается намековъ на такіе же недостатки и православнаго духовенства, то едва ли они входили въ первоначальный планъ и намѣреніе Θ. Прокоповича, который и самъ признается въ своемъ отвѣтѣ на доносъ, что онъ только впослѣдствіи, уже послѣ написанія своей трагедокомедіи, великую часть православнаго духовенства называлъ такими именами или уподоблялъ имъ, т. е. подводилъ ихъ подъ созданный имъ самимъ типъ жреца Жеривола, подобно тому, какъ мы всякаго скупца подводимъ подъ типъ Гоголевскаго Плюшкина. Для такихъ уподобленій Θ. Прокоповичъ имѣлъ и серьезныя основанія. Тогдашнее южнорусское духовенство въ огромной массѣ своей выбиралось прихожанами изъ своей среды, отличалось невѣжествомъ и грубостію и служило, по пословицѣ, „не ради Іисуса, а ради хлѣба куса" [2]), такъ

---

[1]) „Исторія русскаго театра", П. О. Морозова. т. I, стр. 367.

[2]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи", серія 2, т. 1, ч. I, Кіевъ, 1904 г., № IX.

что еще въ 1670 году извѣстный уже намъ образованный Рѣшетиловскій священникъ Симеонъ Тимофѣевичъ называлъ современныхъ ему священниковъ, не исключая, по христіанскому смиренію, и себя, „бруховымъ быдломъ“. Въ этомъ-то отношеніи Ѳ. Прокоповичъ и уподоблялъ русское духовенство идольскому жрецу Жериволу, да и то въ послѣдствіи времени, когда онъ уже лелѣялъ планы о поднятіи уровня образованія русскаго духовенства и объ учрежденіи архіерейскихъ школъ и семинарій во всѣхъ епархіяхъ и образованіи особаго, не выборнаго духовнаго сословія [1]).

Нѣтъ въ трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича и положительныхъ идеаловъ просвѣщенія и науки, какіе онъ могъ бы и долженъ былъ бы указывать современному ему обществу. Его трагедокомедія является въ этомъ отношеніи чисто школьнымъ, академическимъ сочиненіемъ. Его комплименты гетману Мазепѣ за постройку училищнаго дома для Кіевской Академіи не выходятъ изъ границъ обычнаго панегирика. Но въ послѣдствіи времени, выступая на широкое церковно-общественное служеніе, Ѳ. Прокоповичъ уже рисовалъ себѣ и идеальныхъ представителей просвѣщенія и науки въ своемъ „Разглагольствіи тектона, си есть древодѣла съ купцемъ“ и въ „Разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцемъ или дьячкомъ церковнымъ“, которые, поэтому, и составляютъ необходимое дополненіе къ трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“.

Разговоры эти написаны около 1716 года и, вѣроятно, составлены по подражанію Лукіану Самосатскому, котораго Ѳ. Прокоповичъ нерѣдко цитировалъ въ своей реторикѣ 1705—6 года, и, слѣдовательно, тоже стоятъ на почвѣ воз-

---

[1]) См., „Духовный Регламентъ“, и „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I ч. I Кіевъ, 1904 т., № IX, стр. 62 и сл.

рожденія классицизма. Въ этихъ разговорахъ типичными представителями возрожденія наукъ являются купецъ и гражданинъ, а противниками ихъ—тектонъ, селянинъ, дьячекъ и поверхностные латынники, но никакъ не священники, которые представляются даже въ благопріятномъ освѣщеніи, учащими селянина тому, чего ни отцы, ни дѣды его не знали. Да и пѣвецъ или дьячекъ церковный, сначала недовѣрчиво относившійся къ образованному гражданину, скоро совсѣмъ переходитъ на его сторону.

„Разглагольствіе тектона си есть древодѣла съ купцомъ", вращаясь около догматической темы о вездѣсущіи Божіемъ, имѣетъ главною цѣлію своею доказать, что не грѣшно заимствоваться богословскими свѣдѣніями у иностранцевъ и особенно нѣмцевъ, и что Богъ находится вездѣ, не только въ русской землѣ, но даже и въ турецкой, хотя благодатію своею присутствуетъ только при вѣрующихъ и уповающихъ на него. Замѣтивъ въ купцѣ глубокія богословскія познанія, тектонъ спрашиваетъ его:

— „Когда ты, господине мой, и отъ кого научился писаніямъ?

Купецъ. Егда бѣхъ въ нѣмецкихъ городѣхъ и тамо болѣзни ради приключшіяся полтора года неисходно пребывая, мѣсто отради книги божественныя, т. е. библію читалъ; имѣлъ такого врача, которій кромѣ тѣлесныхъ болѣзней и духовнія недуги, паче же ради недоумѣнія, исцѣлевати можаше, въ писаніи божественномъ зѣло искусенъ и книги отъ себе не аки отъ себе, но отъ писаній священныхъ сочиненія издавалъ по слѣдствію и съ похвалою отъ всего общества умныхъ людей".

Но тектонъ считаетъ нѣмцевъ неправославными, еретиками, а вмѣстѣ съ ними и самого купца, какъ получившаго отъ нихъ богословскія познанія. Купецъ старается вывесть своего собесѣдника изъ заблужденія, но всѣ его усилія не привели къ желанному результату.

Въ „Разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцемъ или дьячкомъ церковнымъ“ обличаются недостатки въ религіозной жизни русскаго народа, заключавшіеся или въ совершенномъ невѣжествѣ и отсутствіи основныхъ нравственныхъ правилъ жизни, или въ поверхностномъ и ложномъ образованіи. Главная роль въ этомъ разговорѣ принадлежитъ гражданину, получившему основательное образованіе въ латинскихъ школахъ. Селянинъ, идя съ пѣвцомъ или дьячкомъ „въ домъ питейный на кружку вина“, случайно встрѣтился съ гражданиномъ и обратился къ нему съ грубымъ вопросомъ. Обиженный гражданинъ назвалъ селянина простакомъ. Слово за-слово, и между гражданиномъ съ одной стороны и селяниномъ и дьячкомъ съ другой завязывается длинный разговоръ о необходимости знать молитвы даже и простолюдину, о невѣжествѣ въ религіозныхъ дѣлахъ и его тяжести, и проч., во время котораго дьячекъ незамѣтно переходитъ на сторону гражданина.

Селянинъ представляется въ разговорѣ упорнымъ невѣждою, который не хочетъ ни слушать священника, если онъ говоритъ то, чего ни отцы, ни дѣды его не знали, ни учиться грамотѣ, потому что онъ и безъ письма хлѣбъ ѣстъ; и философы, по его разсужденію, „звѣздъ не снимаютъ“. Сознавая и самъ свое невѣжество, селянинъ большею частію отмалчивался, или же ворчалъ про себя: „отцы де наши не умѣли письма, но хлѣбъ довольный ѣли, и хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, нежели нынѣ, когда письменніи и латинники умножилися“. Но иногда собесѣдники какъ бы невольно вовлекали его въ разговоръ, и тогда-то открывалось грубое невѣжество селянина касательно вѣры и нравственности, еще ярче оттѣняемое глубокимъ и правильнымъ взглядомъ гражданина на эти предметы. Когда собесѣдники старались убѣдить селянина, что за упорное невѣжество неминуемо послѣдуетъ надъ нимъ гнѣвъ Божій, онъ преспокойно отвѣчаетъ: „азъ никого же

убилъ, ничто же укралъ, не прелюбодѣйствовалъ,—чесо убо опасоватися имамъ на судѣ Божіемъ?“ Но собесѣдники обличаютъ его въ нарушеніи всѣхъ заповѣдей десятословія. Между прочимъ, они уличаютъ его въ намѣреніи захватить дворъ своего сосѣда Немѣна и въ желаніи ему смерти, въ пожеланіи чужой жены, особенно въ пьяномъ видѣ, и т. д.

Уличенный своими собесѣдниками въ незнаніи самыхъ необходимыхъ религіозныхъ истинъ, селянинъ обозвалъ ихъ „латинниками“. По этому поводу дьячекъ, вполнѣ подчинившійся убѣжденіямъ гражданина, проситъ его разрѣшить ему нѣкоторые сомнительные пункты касательно латинскаго ученія: угодно ли оно Богу? нужно ли прилагаться въ ученія странная и различная, т. е. къ чужеземной наукѣ? и занятіе философіей не будетъ ли противорѣчить словамъ Св. Писанія, въ которомъ сказано: „да никто же васъ будетъ прельщаяй философіею?“ Гражданинъ разсѣеваетъ всѣ сомнѣнія дьячка, утверждаясь на Свящ. Писаніи и на примѣрахъ святыхъ отцевъ. „Философія“, говоритъ онъ,—„не значитъ собою латинскій языкъ, ибо можетъ быть философъ и русскій человѣкъ, и на всякомъ языкѣ любомудрствовати можно... Иніи же философы не токмо никого не прельщаютъ, но и богомудры бываютъ, употребляя ученія философская ко благу и къ пользѣ ближняго, яко же многіе и отъ святыхъ отецъ были, которые, философіи научившеся, изъ того богословію основательно уразумѣть и самую истину познать лучше возмогли“.

Но, защитивъ латинское ученіе, гражданинъ показываетъ и дурныя стороны его и особенно нападаетъ на невѣждъ изъ латинниковъ, которые схватили только верхушки ученія, гордились ими и презирали людей, неучившихся письму латинскому. „Между ними есть еще многорѣчивыи невѣжды, которыи егда кто отъ правомудрствующихъ обличаетъ ихъ суевѣріе или неправое исповѣданіе, ничто же сильное, къ разумѣнію истины близкое глаголютъ въ от-

вѣтъ, но отходя далече отъ вещи, о ней же есть бесѣда, краснословесіемъ мнѣніе свое утверждаютъ, истину же самую всячески закрываютъ и слышащихъ въ другую сторону отъ нея отводятъ, умыслно пріискуя къ тому вѣтійственныя къ прельщенію на свое мнѣніе незлобныхъ сердецъ угодныя рѣчи и доводы, аще и весма неважные, однако благіе и слуху токмо пріятные (Римл. 16, ст. 18). Изъ того, что вдается имъ тотъ способъ разговора, торжествуютъ, и сіи суть хитроупорніе невѣжды... Есть еще злобные и завистливые невѣжды, которыи, завидуя на другихъ, себѣ въ чести равныхъ, а наипаче на меньшихъ хотя достоинствомъ или возрастомъ, однако правоумныхъ и силу Писанія лучше себе вѣдущихъ, и за то самое ненавидя ихъ, когда что доброе сказываютъ или проповѣдуютъ истину слова Божія, отвращаются отъ нихъ и отъ Божіего словеси, не хотя ни слышати, ни разумѣти глаголемаго отъ устъ ихъ, аще и потребно быти къ наставленію своему по совѣсти знаютъ, и за симъ въ невѣденіи волею остаются". Въ другомъ мѣстѣ разговора Ѳ. Прокоповичъ еще рѣзче отзывается о подобныхъ латинникахъ. „Обаче,—говоритъ онъ, не могу не сказати еще, яко обрѣтаются симъ, о которыхъ рѣчь, подобніи, но всячески злобніи, которыи егда кого не любятъ, паче же и ненавидятъ, преслѣдуя его, то онаго и проповѣдію и разговоромъ гнушаются, и какъ сами ученія или рѣчи его благоразумныя не слушаютъ и слушати не хотятъ, умыслно удаляяся отъ того, такъ и иныхъ отъ слушанія отводятъ по злобѣ своей, имѣющейся къ персонѣ того, который проповѣдуетъ; ненавидяще бо его самаго, купно и слова Божія имъ сказуемаго ненавидятъ, паче же и ученіе его, аще и правое и здравое, злосовѣстнѣ охуждаютъ и въ омерзеніе другимъ того коварства ихъ невѣдущимъ подаютъ"... [1]).

[1]) „Описаніе рукописей Церковно-Археологич. Музея при Кіевской Дух. Академіи". Н. Петрова, №№ 300 и 298; см. „Очер-

Въ этихъ разговорахъ отражается, прежде всего, личность самаго Ѳеофана Прокоповича. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ купцомъ, конечно ищущимъ драгоцѣннаго бисера, и подъ гражданиномъ, выводимыми въ этихъ разговорахъ, прежде всего разумѣется самъ авторъ ихъ. Это подтверждаютъ образъ мыслей и выраженій купца и гражданина, тождественный съ образомъ мыслей Ѳ. Прокоповича въ другихъ его сочиненіяхъ, и нѣкоторые явственные намеки на обстоятельства изъ его жизни. Особенно это нужно сказать объ ѣдкихъ выходкахъ гражданина противъ невѣжественныхъ латинниковъ, завидующихъ здравому ученію меньшихъ себя по сану и по возрасту лицъ и злонамѣренно охуждающихъ ихъ. Ѳ. Прокоповичъ самъ испыталъ на себѣ нѣчто подобное, когда обвинялъ его въ неправотѣ ученія митрополитъ Стефанъ Яворскій со сподручными ему лицами, и вѣроятно намекалъ на это обстоятельство въ своемъ разговорѣ.

Но, отражая на себѣ личность Ѳ. Прокоповича и его убѣжденія, разговоры эти имѣютъ тѣсную связь съ эпохою царствованія Петра I, выражаютъ лучшія идеи и стремленія этого времени и въ этомъ отношеніи открываютъ собою рядъ подобныхъ имъ литературныхъ произведеній въ преобразовательномъ духѣ. Особенно близко примыкаютъ они къ сатирамъ Кантемира, которыми обыкновенно начинаютъ исторію новой русской литературы. И Ѳеофанъ, и Кантемиръ,—оба одинаково стоятъ за реформы Петра I и вооружаются противъ слѣпыхъ приверженцевъ русской старины и недоучившихся латинниковъ. Отрицательнымъ типамъ разговоровъ Ѳ. Прокоповича у Кантемира соотвѣтствуютъ Сильванъ, Зоилъ, „Критонъ съ четками въ рукахъ“ и др. Единствомъ содержанія и тона сочиненій Ѳ. Прокоповича и Кантемира объясняется солидарность между эти-

---

ку изъ исторіи украинской литературы XVIII в“., Н. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 39—45.

ми писателями, въ силу которой Ѳ. Прокоповичъ написалъ нѣсколько эпиграммъ въ похвалу и поощреніе Кантемиру, а послѣдній посвятилъ Ѳ. Прокоповичу третью свою сатиру. Какъ родственные писатели, они имѣли одинаковое почти вліяніе и на послѣдующую южнорусскую литературу, сначала Ѳ. Прокоповичъ одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ Кантемиромъ [1]).

2) Слѣдующая школьная пьеса Кіевской Академіи, 1706 года, носитъ такое названіе: „*Торжество Естества человѣческаго*, прежде снѣдію завѣщаннаго древа умореннаго, нынѣ же смертію Христовою оживотвореннаго, еже Милость Божая, любве ради изшедшая, зъ нерушимихъ узъ адовихъ раздрѣши, изведе на царство неконча̀емия жизни, давши ему перви благодати вѣнецъ; трома частми презъ благороднихъ младенцевъ стихотворнаго ученія Академіи Кіевскія въ день страданія, и въ день востанія Господня изъявленное. Року 1706, мѣсяца Априля дня 7“ [2])

Раздѣленіе пьесы на три части, а не дѣйствія, мы впервые видимъ въ Кіевской Академіи на примѣрѣ этой пьесы. Подобное раздѣленіе пьесы на три части мы видѣли только въ пьесѣ Московской Академіи 1702 года, на день именинъ Петра I, подъ заглавіемъ „Царство міра, идолослуженіемъ прежде разоренное и проповѣдью св. апостола Петра... паки возстановленное“, и проч., и въ пьесѣ 1703 года, подъ заглавіемъ „Торжество міра православнаго“ [3]). Можетъ быть, и самое заглавіе дано кіевской пьесѣ въ соотвѣтствіе названію второй изъ этихъ московскихъ пьесъ.

---

[1]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в“, Н. Петрова, Кіевъ 1880 г., стр. 45—49.

[2]) Изд. въ „Памятникахъ русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., стр. 33—107.

[3]) См. выше, и „Исторію русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 312—317.

Но тогда какъ московскія пьесы назначались для представленія въ одинъ день,—изъ заглавія нашей пьесы видно, что она предназначалась для представленія въ теченіи двухъ, по крайней мѣрѣ, дней, „въ день страданія и въ день возстанія Господня“. Подтвержденіе этому мы находимъ и въ самомъ текстѣ пьесы. Въ эпилогѣ первой части драмы, заключающей изображеніе страданій Спасителя, авторъ говоритъ:

Неизреченну муку страждущаго Бога
Изрекоша вкратцѣ дѣйствія немнога...
Сего еднакъ воскрешша не за часи многа
Изявимо сходяща, яко отъ чертога,
Иже связавши Ада сокруши отцами,
Низведе вѣчности ихъ вѣнчати вѣнцами.
Но которое дѣйствіе въ дни торжественни
Молимъ тя, слышателю, будь зъ любви явленний.

Въ такомъ случаѣ, драма эта имѣла бы характеръ такъ называемой „коллективной“ пьесы, обнимающей собою цѣлый циклъ евангельскихъ сказаній о страданіяхъ и воскресеніи Спасителя и исполнявшейся въ теченіи нѣсколькихъ дней [1]). Такой видъ драмы дотолѣ не практиковался въ Кіевской Академіи. Но есть основаніе думать, что пьеса исполнялась не въ теченіи двухъ дней, и притомъ не въ страстную пятницу и Пасху, а въ одинъ день 7-го апрѣля, которое въ 1709 году приходилось на недѣлю женъ мироносицъ. Получается такое впечатлѣніе, что пьеса какъ будто бы приготовлена была для представленія въ страстную пятницу и въ Пасху, но почему-то не исполнена была въ эти дни и, съ прибавленіемъ третьей части, поставлена была на сцену 7-го апрѣля, въ недѣлю женъ мироносицъ.

---

[1]) „Старинный театръ въ Европѣ“, А. Веселовскаго, Москва, 1870 г., стр. 272.

Если же по формѣ своей эта пьеса представляетъ собою нѣчто новое, дотолѣ небывалое въ Кіевской Академіи, то по своему содержанію и характеру она написана совершенно въ духѣ школьныхъ дѣйствъ Кіевской и Московской академій, XVII и начала XVIII вѣка, съ упоминаніемъ даже древнеклассическихъ божествъ, напр. Феба.

Первая часть драмы „въ нѣкоторыхъ явленіяхъ содержитъ отъ Бога Естества человѣческаго паденіе и изгнаніе, такожде фигури или образи страстей Христовихъ даже до самаго во гробъ положенія". Естество человѣческое блаженствуетъ въ первозданномъ раю въ полномъ изобиліи, но, соблазняемое Лакомствомъ и Невоздержаніемъ, вкушаетъ отъ запрещеннаго Богомъ плода. Ревность Божія ярится на преступное Естество, призываетъ Справедливость и Отмщеніе Божіе и повелѣваетъ изгнать Естество изъ рая и отдать на вѣчную пагубу, во власть Люцифера. Естество человѣческое горько плачетъ, приходитъ въ отчаяніе, проклинаетъ день своего появленія на свѣтъ и рѣшается на самоубійство. Появляется съ небеси Надежда и возвѣщаетъ Естеству возвращеніе въ благодать крестными страданіями и воскресеніемъ Милосердія Божія. Прообразами обѣщаннаго Искупителя являются, какъ и въ дѣйствіи на страсти Христовы 1685 года, Авраамъ, приносящій въ жертву Богу сына своего Исаака, и Іосифъ, проданный своими братьями въ Египетъ. Наконецъ является въ міръ и сама Милость Божія и съ орудіями страданій своихъ спѣшитъ на Голгоѳу, чтобы тамъ на крестѣ положить свою жизнь за грѣшное человѣчество. Побожность всюду ищетъ Милость Божію и, по указанію небеснаго гласа, нашедши ее страждущею на Голгоѳѣ, обращается къ ней съ такими словами:

Тако ли въ Канѣ вкушаеши брака,
Весь не имѣяй доброти, ни зрака?
Или въ кринѣхъ тацѣхъ ли пасеши?
Смертію страждеши!

Тако ли Тебе Сіонскія дщери
Жениха красна мѣша на вечери,
Отъ ихъ же руку спиле-сь смертну чашу
За дерзость нашу?
Боли не терпя твоей смерти зрѣти,
Зволю при стопахъ здѣ твоихъ умрѣти,—
Нехъ покроетъ зраненну до зѣла
Смертна могила.

Іосифъ съ Никодимомъ снимаютъ распятаго и умершаго на крестѣ и погребаютъ въ новомъ своемъ гробѣ; а евреи запечатываютъ этотъ гробъ и утверждаютъ крѣпкою кустодіею, чтобы не взяли его ученики его ночью.

„Часть II образи торжественна отъ гроба востанія Господа, избавленія Естества человѣческаго со прочими праотци зъ адской темници по разореніи адова царства содержитъ“. Въ антипрологѣ къ этой части Смерть хвалится своимъ господствомъ надъ человѣческимъ родомъ. Апостолы оплакиваютъ умершую на крестѣ Милость Божію, а ревность Матерняя своими слезными мольбами побуждаетъ ее возстать изъ гроба. Милость Божія дѣйствительно возстаетъ изъ гроба и утѣшаетъ Ревность Матернюю. Сонмище еврейское, пришедши ко гробу Милости Божія и не нашедши въ немъ мертвеца, подкупаетъ стражу разглашать, что кто-то изъ учениковъ умершаго выкралъ его во время ея сна, а апостолъ Петръ оплакиваетъ свое троекратное отреченіе отъ Христа; но воскресшая Милость Божія, явившись Маріи Магдалинѣ, повелѣваетъ извѣстить Петра о своемъ воскресеніи. Она освобождаетъ Естество человѣческое изъ ада со всѣми праотцами и возводитъ его на небо. Адъ ярится за то, что разорено его царство и узники его изведены изъ него; но низшедшая съ небесъ Побѣда Христова крѣпко связываетъ князя тьмы, обезглавливаетъ седмиглаваго змія и беретъ и раздираетъ рукописаніе грѣха, а самый Адъ предаетъ геенѣ огненной.

Въ третьей части три добродѣтели Вѣра, Надежда и Любовь идутъ ко гробу Милости Божіей, получаютъ отъ ангеловъ благовѣстіе о воскресеніи Спасителя, видятъ саму воскресшую Милость Божію и возвѣщаютъ о томъ апостоламъ. Петръ и Іоаннъ притекаютъ ко гробу и получаютъ отъ ангела подтвержденіе благовѣстія о воскресеніи Милости Божіей; апостолы Лука съ Клеопою сопутствуютъ ей въ Еммаусъ и узнаютъ ее по преломленію хлѣба. Побѣда Христова торжествуетъ на небѣ съ ангельскими ликами, между четырьмя животными свою побѣду надъ Адомъ и седмиглавымъ зміемъ и освобожденіе Естества человѣческаго отъ ихъ власти. Милость Божія врачуетъ разслабленнаго, котораго еврейское сонмище, за исповѣданіе Христа, изгоняетъ изъ своей среды. Зритель божественныхъ таинъ видитъ на престолѣ Агнца и предъ нимъ 24 апокалипсическихъ старцевъ, славословящихъ его. Въ заключеніе, Милость Божія торжествуетъ на небеси свою побѣду надъ княземъ тьмы; ангельскія воинства воспѣваютъ ей благодареніе за то, что она спасла Естество человѣческое отъ работы вражеской и причла его къ первой благодати и славѣ.

Въ эпилогѣ авторъ „благодарствуетъ благоразумному слушателю за прилѣжное слушаніе, при семъ прощенія проситъ за вся въ дѣйствіи прегрѣшенія“. Здѣсь авторъ говоритъ о содержаніи своей пьесы слѣдующее:

...Дѣйствіе наше, вкратцѣ изявленно,
По силѣ нашей отъ насъ есть совершенно.
Гдѣ первіе страждуща изявихомъ Бога,
Посемъ вставша отъ гроба, яко отъ чертога,
Изведшаго Естество зъ ада со отцами,
Его же въ небѣ вѣнча вѣчнихъ благъ вѣнцами,
Князя тми крѣпко связа побѣду вѣнчаяй,
Смерти сокрушивши жало, жизнь въ мірѣ являяй.

Многоразличными нитями связана эта драма съ предыдущими кіевскими и московскими дѣйствами XVII и начала XVIII вѣка, особенно въ первыхъ двухъ частяхъ своихъ.

Мы уже указывали выше на отношеніе этой драмы къ московскимъ пьесамъ „Царство міра“ 1702 г., и „Торжество міра православнаго“, 1703 года, а также на сходство ея съ „Дѣйствіемъ на страсти Христовы“, 1685 года, въ прообразахъ Авраамова жертвоприношенія и продажи Іосифа братьями въ неволю. Есть въ ней и другіе пункты соприкосновенія съ прежними школьными драмами, особенно съ кіевской драмой „Царство натуры людской“ 1698 года. Въ послѣдней Натура людская также изгоняется изъ рая и отдается во власть Люциферу; являются тѣже олицетворенія Отчаянія, Милости Божіей, Вѣры и Надежды, Смерти и т. п., а Отчаяніе и Смерть говорятъ почти тѣми же словами, какими говорятъ они и въ разсматриваемой пьесѣ [1]). Сонмище еврейское, приставившее сильную стражу ко гробу Господню и подкупившее ее разглашать, будто бы тѣло воскресшаго Спасителя украдено изъ гроба его учениками, напоминаетъ собою подобную сцену въ „Словѣ про збурене пекла“ конца XVII и начала XVIII вѣка [2]). Седмиглавый змій нашей пьесы встрѣчается и раньше въ кіевской школьной драмѣ „Свобода“ 1701 года и въ пьесѣ Московской Академіи „Ужасная измѣна“, того же 1701 года [3]).

Изъ этихъ параллелей можно видѣть, что разсматриваемая пьеса имѣетъ чисто подражательный, компилятивный характеръ. И хотя мѣстами есть въ ней искренность и теплота религіознаго чувства, удачные поэтическіе образы, напримѣръ въ плачѣ Побожности, и психическій анализъ состояній нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ; но все это рас-

---

[1]) См. выше, и въ „Памятникахъ русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., стр. 121—166.

[2]) См. выше „Слово при збурене пекла“ и въ „Записках Наукового Товариства имени Шевченка“, Львовъ, 1908 г., В. I.

[3]) См. выше, а о послѣдней еще „Исторію русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 301.

плывается и утопаетъ въ многорѣчіи автора пьесы. Можетъ быть, отчасти и она дала матеріалъ для составленія популярной малорусской вирши на Пасху „про збурене пекла", записанной изъ устъ народа, въ трехъ варіантахъ, въ нынѣшней Харьковской губерніи [1]).

Въ сценической постановкѣ драмы фигурируютъ, какъ и въ старыхъ кіевскихъ школьныхъ пьесахъ, и рай, и небо, и земля, и адъ, къ которымъ прибавляется еще гробъ Господень.

Въ сравненіи съ піитическими правилами Ѳ. Прокоповича и его трагедокомедіей „Владиміръ" пьеса „Торжество естества человѣческаго", 1706 года, представляется консервативною, устарѣлою, и наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ новыя идеи туго воспринимаются иногда современниками и даже вызываютъ противодѣйствіе себѣ. Обѣ эти пьесы стоятъ одна противъ другой, какъ противоположные полюсы. Нѣчто среднее между ними представляетъ изъ себя слѣдующая трагедокомедія „Іосифъ патріарха" Лаврентія Горки, 1708 года, какъ будто бы имѣвшая въ виду примирить собою эти два противоположныя направленія. Она носитъ такое названіе.—

3) „*Іосифъ патріарха*, своимъ преданіемъ, узами, темницею и почтеніемъ царскаго престола Христа Сына Божія преданнаго, страждущаго и вознесшагося съ славою прообразующій, въ преславной Академіи Кіевской на позоръ Россійскому христолюбивому роду отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ дѣйствіемъ, еже отъ поэтовъ нарицается трагедокомедія, року 1708 (мая 25 во вторникъ по сошествіи Св. Духа) показанный". Одинъ списокъ этой трагедокомедіи помѣщенъ въ приложеніи къ піитикѣ іеромонаха Лав-

---

[1]) См. „Записки Наукового Товариства имени Шевченка", Львовъ, 1908 г., В. I.

рентія Горки Idea artis poëseos, 1707/8 года, съ собственноручными его замѣтками, почему пьеса эта и должна быть приписана этому профессору [1]).

Пьеса радѣляется на пять дѣйствій.

Въ первомъ дѣйствіи другъ Іосифовъ радуется тому, что хотя Іосифъ и обреченъ былъ братьями на смерть и проданъ въ неволю, но благополучно живетъ въ дому Пентефрія и управляетъ всѣмъ его имѣніемъ. Узнавши объ этомъ, братоубійственная зависть замышляетъ, въ союзѣ съ Силой Адовой, погубить не только тѣло, но и душу Іосифа. Но защищеніе Божіе разгоняетъ все адское сонмище и предрекаетъ объ Іосифѣ, что онъ хотя и претерпитъ многое искушеніе, узы, бѣды и темницу, но въ заключеніе всего будетъ посаженъ на царскомъ престолѣ. Хоръ поетъ о непостоянствѣ міра сего и о терпѣніи Іосифа въ бѣдахъ, гоненіяхъ и скорбяхъ.

Во второмъ дѣйствіи „вельможа, жена Пентефріева, наважденна отъ бѣса плоти, сквернымъ желаніемъ бѣснуется". Она прогоняетъ отъ себя Совѣсть и слушается Прелести, обѣщающей покорить ей сердце Іосифа. Прелесть приступаетъ къ Іосифу въ тотъ моментъ, когда онъ, собираясь отлучиться въ иную страну, сдѣлалъ распоряженія по ввѣреннымъ ему дѣламъ и приступилъ къ напутственной молитвѣ. Но всѣ усилія Прелести склонить Іосифа къ удовле-

---

[1]) Изд. въ „Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ 1672—1725 гг", Н. Тихонравова, т. II, С.-Петербургъ, 1874 г., стр. 356—427. Но и этотъ списокъ не представляетъ собою подлиннаго текста драмы. Есть еще другой, неполный списокъ ея, заключающій нѣкоторые коррективы къ изданному тексту, особенно въ надписяхъ для исполнителей, напр. alius tonus, „тонъ инший", „виждъ убо" вмѣсто „вижду убо", и т. п. См. этотъ списокъ въ „Описаніи рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ", Н. Петрова, вып. II, Москва, 1897 г., № 505, стр. 233.

творенію нечистаго желанія „вельможи“, остались тщетными. Хоръ воспѣваетъ Іосифово мужество и признаетъ его прообразомъ Христа, искушаемаго діаволомъ въ пустынѣ, а потомъ молящагося въ вертоградѣ.

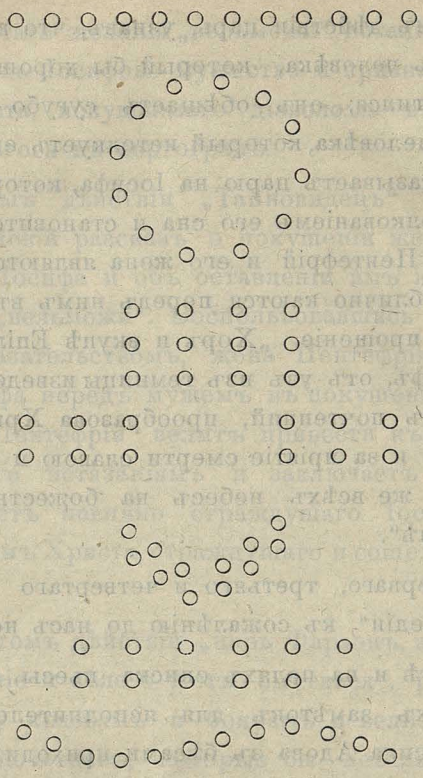
Въ третьемъ дѣйствіи „Тайновидецъ“ передаетъ извѣстный библейскій разсказъ о покушеніи жены Пентефрія на цѣломудріе Іосифа и объ оставленіи имъ верхней одежды въ рукахъ „вельможи“. Воспользовавшись этимъ вещественнымъ доказательствомъ, жена Пентефрія сама ложно обвиняетъ Іосифа передъ мужемъ въ покушенія на ея честь. Разгнѣванный Пентефрій велитъ привести къ себѣ Іосифа, подвергаетъ его истязаніямъ и заключаетъ въ темницу. Хоръ оплакиваетъ невинно страждущаго Іосифа, служившаго прообразомъ Христа, страждушаго и сошедшаго въ преисподнюю.

Въ четвертомъ дѣйствіи „царь Фараонъ, видѣвъ во снѣ страшное видѣніе и зѣло о томъ смутився“, разсказываетъ о немъ своимъ князьямъ и боярамъ и велитъ имъ найти въ городѣ звѣздочетцевъ, которые бы истолковали предъ всѣми его сонъ. Но въ столицѣ не нашлось такихъ звѣздочетцевъ. Фараонъ велитъ созвать звѣздочетцевъ со всего Египта, обѣщая тому, кто истолкуетъ сонъ, многія почести. Вражда, боясь, чтобы Іосифъ не истолковалъ царскаго сна и не удостоился почестей, клевещетъ на него Пентефрію, будто бы Іосифъ похваляется, когда выйдетъ изъ темницы, погубить Пентефрія и весь домъ его. Пентефрій, повѣривъ клеветѣ, рѣшился убить Іосифа и уже велѣлъ вывесть его изъ темницы на мученіе, но въ это время былъ позванъ къ царю. Въ хорѣ 24 „младенци аравицстіи скачуще въ своемъ ликованіи являютъ, яко скорби и печали не токмо убогихъ и богатыхъ, но царей превеликихъ во дни и въ нощи, во снѣ и наявѣ, многовидно смущаютъ и мучатъ“.

Въ пятомъ дѣйствіи царь, узнавъ, что во всемъ Египтѣ не нашлось человѣка, который бы хорошо истолковалъ его сонъ, смутился; онъ обѣщаетъ сугубо превознести и почтить того человѣка, который истолкуетъ его сонъ. Тогда виночерпій указываетъ царю на Іосифа, который удовлетворяетъ царя толкованіемъ его сна и становится вторымъ царемъ Египту. Пентефрій и его жена являются на поклонъ къ Іосифу, публично каются передъ нимъ въ своемъ грѣхѣ и получаютъ прощеніе. „Хоръ и вкупѣ Епілогъ возвѣщаетъ, яко Іосифъ, отъ узъ изъ темницы изведенній и престоломъ царскимъ почтенний, прообразова Христа, воставша отъ мертвыхъ и за пріятіе смерти славою и честію вѣнчанна, превишше же всѣхъ небесъ на божественномъ посажденна престолѣ“.

Послѣ перваго, третьяго и четвертаго дѣйствій отмѣчены „интермедіи“, къ сожалѣнію до насъ не дошедшія.

Въ текстѣ и на поляхъ списка пьесы есть много руководственныхъ замѣтокъ для исполнителей ея на сценѣ, напримѣръ: „сила Адова зъ бѣсами приходитъ отъ Ада къ Зависти на помощь“, „бѣси падаютъ и во адъ утѣкаютъ“, „бѣсъ плоти уязвляетъ стрѣлою сердце вельможи“, „идучи на пути Другиня Прелести глаголетъ“, „Пентефрій приближается до темницы и повелѣваетъ извести Іосифа на мученіе“, „зде виночерпія шепнувъ на ухо сенаторови 5-му“, „Пентефрій негодуя, со страхомъ, и трепетомъ, и вопл(емъ) вонъ изходитъ“, и др. Въ концѣ 4-го дѣйствія приложенъ „образъ хору, якъ муринки скакали“. Рисунокъ изображаетъ слѣдующія фигуры:



Эти фигуры суть не что иное, какъ поваленныя на бокъ литеры латинскаго алфавита, изображающія какую то анаграмму, можетъ быть имени и титула гетмана Іоанна Мазепы: Jo(hannes) M(azepa) D(ux) U(krainae) S(upremus). Въ такомъ случаѣ, мы имѣемъ здѣсь нѣчто подобное анаграмамъ школьныхъ дѣйствій Московской Академіи начала XVIII вѣка [1]).

По содержанію своему, трагедокомедія Л. Горки, повидимому, не представляетъ собою какого либо новаго явленія. Она начинается исторіей прекраснаго Іосифа съ того

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 313—4.

момента, до котораго дошло „Дѣйствіе на страсти Христовы“, 1685 года, т. е. до жизни Іосифа въ Египтѣ, и является какъ бы ея продолженіемъ. Мы видимъ въ ней выступающими на сцену тѣ же отвлеченныя религіозно-нравственныя понятія и аллегорическія лица, какія видѣли и въ пьесахъ перваго періода, напр. Зависть, Силу Адову, Защищеніе Божіе, Совѣсть, Прелесть, Тайновидца, Вражду и т. п. Но такихъ отвлеченныхъ аллегорическихъ понятій въ пьесѣ Л. Горки все-таки сравнительно мало. Онъ больше стоитъ на реальной исторической почвѣ и даже избѣгаетъ параллельнаго изображенія прообразовъ, представляемыхъ жизнію Іосифа, и прообразуемыхъ ими событій изъ жизни Спасителя, указывая взаимное отношеніе между ними только въ заключительныхъ „хорахъ“ каждаго дѣйствія. Отъ этого выигрываетъ цѣлостность содержанія пьесы и впечатлѣнія отъ нея. Лаврентій Горка пытается даже обставить сценическое представленіе своей трагедокомедіи нѣкоторыми характеристическими чертами египетской природы и египетскаго быта. У него, напримѣръ, изображаются море и корабли, „пустыни непроходимыя“, верблюды, орошеніе полей и нивъ бороздами, танцы 24-хъ туземныхъ „дѣтей аравитскихъ“ или „муринковъ“ и т. п. На этомъ-то общемъ египетскомъ фонѣ и совершается дѣйствіе трагедокомедіи.

Въ самой композиціи трагедокомедіи и изображеніи дѣйствующихъ въ ней лицъ есть очевидные признаки подражанія піитическимъ правиламъ Ѳ. Прокоповича и его трагедокомедіи „Владиміръ“. Мы не говоримъ уже о самомъ названіи пьесы трагедокомедіей. Подражаніе видно и во введеніи на сцену тѣхъ же дѣйствующихъ лицъ, какія мы видѣли и во „Владимірѣ“, какъ напр. „бѣса плоти“ и „Прелести“, и въ разсказахъ о побочныхъ событіяхъ черезъ третье лицо, напр. Друга Іосифова и Тайновидца, и въ обрисовкѣ нѣкоторыхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ типичными, собирательными чертами, отвлеченными отъ многихъ

разновидностей, какъ это мы видимъ на типическомъ изображеніи избалованной, капризной, сладострастной, мстительной, лукавой и изворотливой „вельможи“, т. е. жены Пентефрія.

Нужно замѣтить, что іезуиты строго предписывали при сочиненіи драмы воздерживаться отъ изображенія какой бы то ни было любви, даже чистой, и вообще устранять женщинъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ. „Невозможно безъ опасности прикасаться къ огню, даже скрытому подъ пепломъ“,—говорили они,—„угли, даже и потухшіе, пачкаютъ руки“ [1]). Этого правила дотолѣ держались и въ Кіевской Академіи. Лаврентій Горка одинъ изъ первыхъ нарушилъ его, выставивъ на сцену жену Пентефрія съ нечистою страстію и только въ самомъ пикантномъ мѣстѣ прикрывъ эту страсть дымкою разсказа вымышленнаго „Тайновидца“. Мало того,—Лаврентій Горка попытался показать на сценѣ зарожденіе и развитіе нечистой страсти жены Пентефрія и дать психологическое объясненіе этого типа сладострастной аристократки.

Когда „бѣсъ плоти уязвляетъ стрѣлою сердце вельможи“, послѣдняя говоритъ:

О бози превишніи! имущіе власти
Пустити человѣка въ бѣдахъ или въ сласти
Пребивати! почто мя остависте вину
Въ бѣдахъ и въ слезахъ горькихъ пожити едину?
Една ми скорбь многія сотворила раны,
Но друга мя злой муцѣ предаетъ во длани.
Другъ отиде далече, живъ ли есть не знаю,
Азъ же имущи мужа въ вдовствѣ погибаю (плачетъ вельможа).
Лучше есть зъ человѣки во мирѣ не жити,
Нежели желаннихъ ми днесь не получити (гнѣвается).
Ниже сонъ вожделѣнный, ниже нощь глубока
Разрѣшаетъ лютую скорбь мою; жестока

---

[1]) Тамъ же, стр. 169 и 170.

Страсть язвитъ ми утробу, горѣетъ ми тѣло,
Внутрь ми сердце палаетъ, яко же огнь зѣло
Возгорѣвійся: нинѣ ни богомъ пожрети
Могу, ниже дѣлати руками, умрѣти
Хощу скоро, токмо да узру возлюбленна (болѣзнуетъ).
Пойду, пойду во слѣдъ его, побѣжу паленна!
Что творишъ, окаянна? где идешъ безстудно?
О лютая жизнь моя! о время пагубно,
Время нещасливо! и кто можетъ мя нынѣ
Утолити палиму въ толь скорбной годинѣ?

Напрасно Совѣсть убѣждаетъ вельможу разными доводами оставить пагубную страсть: вельможа не слушаетъ Совѣсти и прогоняетъ ее отъ себя. Она обращаетъ свое милостивое вниманіе на молодаго домоуправителя своего, чужеземца Іосифа прекраснаго, и хочетъ уловить его въ свои сѣти сначала простою женскою кокетливостію. По словамъ „Тайновидца“—

Студная вельможа, по вся часи прамое
Безстудіе во сердци разжегши, мисляше,
Како прелстити мужа святаго: красяше
Лице свое, одежди измѣняше, чуднимъ
Прелщающе образомъ ко своимъ безстуднимъ
Жгуще дѣломъ...

Іосифъ, конечно, понялъ намѣренія вельможи, и Прелесть рисовала предъ нимъ соблазнительныя картины нечистой любви къ вельможѣ; но Іосифъ съ негодованіемъ прогоняетъ отъ себя Прелесть. Вельможа же еще болѣе распалена была неожиданнымъ для нея сопротивленіемъ со стороны подвластнаго ей Іосифа: она прямо и рѣшительно объясняется въ своей любви къ Іосифу и какъ бы требуетъ отъ него удовлетворенія ея страсти. Когда же Іосифъ въ борьбѣ за свое цѣломудріе оставляетъ въ ея рукахъ свою одежду, то разгнѣванная вельможа рѣшается погубить Іосифа:

...Плѣнникъ нашъ цѣною
Купленний, непотребний рабъ мой вѣчний, мною

Погордѣлъ многажди, и что болше при ложи
Моемъ посмѣяся; о лютѣ мнѣ велможи
Бѣдной и посмѣянной! Но еще отраду
Имѣетъ мое сердце, не будетъ мя младу
Никто уничижати: презрѣлъ мя рабъ лстивій,
Смѣется зъ любви моей, избѣглъ нечестивий.
Вѣмъ что ему сотвору, и како начати
За любовъ отверженну должно воздавати.
Гнѣвомъ за безчестіе мое и за праву
Милость мою сотвору, да погубитъ главу.

Она клевещетъ передъ мужемъ на Іосифа, обвиняя его въ покушеніи на ея честь, и достигаетъ того, что Пентефрій заключаетъ Іосифа въ темницу и впослѣдствіи, по внушенію Вражды, хочетъ умертвить его. Когда же Іосифъ, истолковавши сокъ Фараона, сдѣланъ былъ вторымъ царемъ въ Египтѣ и Пентефрій пришелъ въ отчаяніе и ужасъ при видѣ возвышенія Іосифа, то вельможа своею находчивостію и изворотливостію ума успокоиваетъ своего мужа, признавшись ему, что она оклеветала передъ нимъ невиннаго Іосифа, и, слѣдов., причиною страданій Іосифа была она, а не Пентерфій. Да и она сама надѣется на милосердіе Іосифа, такъ какъ она была причиною обстоятельствъ, возведшихъ Іосифа на царскій престолъ, и притомъ разсчитываетъ на доброту сердца Іосифа.

Къ чести Лаврентія Горки нужно замѣтить, что онъ, по видимому, не хотѣлъ представить жену Пентефрія однимъ только конгломератомъ отрицательныхъ чертъ женщины, а указалъ въ положеніи „вельможи“ и нѣкоторыя исключительныя обстоятельства, дѣлающія ее отчасти трагическою личностію. Есть основаніе предполагать, что Л. Горка представлялъ „вельможу“ бездѣтною и безплодіе ея приписывалъ Пентефрію, который поэтому смотрѣлъ сквозь пальцы на любовныя интрижки своей жены и впослѣдстіи довольно спокойно выслушалъ признаніе своей жены въ на-

мѣреніи соблазнить Іосифа. Данныя для такого предположенія есть и въ самой пьесѣ, напримѣръ, въ словахъ „вельможи“:

Азъ же имущи мужа во вдовствѣ погибаю.

Въ другомъ мѣстѣ она такъ отзывается о своемъ мужѣ:

Господинъ мой мужъ ми есть любящий мя зѣло;
Мню, хощетъ ми простити и покрити дѣло.

Изъ другихъ персонажей пьесы можно обратить вниманіе на олицетвореніе Прелести, носящей нѣкоторыя индивидуальныя черты обыкновенной сводницы. Она нашептываетъ нечестивыя мысли и женѣ Пентефрія, и Іосифу, старается склонить обоихъ къ нечистой любви и оправдать послѣднюю разными софистическими доводами.

Иные видятъ въ пьесѣ и нѣкоторые намеки на современную малорусскую дѣйствительность. Таково, напримѣръ противопоставленіе богатыхъ убогимъ въ словахъ Совѣсти, обращенныхъ къ вельможѣ:

Тяжко тимъ угасити (любви), иже суть во власти
И иже не труждшеся почиваютъ, страсти
Не укрощаютъ, ядятъ доволѣ и піютъ;
Ктому аще зъ богатствомъ многую имѣютъ
Власть, силу и державу, такіи то вишше
Мѣри горѣютъ, хотятъ еще преизлишше
Показати власть свою; бо кто можетъ много,
Могти хощетъ и еже не можетъ; нѣкого
Не слушаетъ, вся творитъ по своей си волѣ,
Сверипѣетъ, лѣтаетъ, поки будетъ вдолѣ.
Нѣсть сего безчинія во дворѣхъ убогихъ,
Идеже нѣсть свободи, ни сластей премногихъ.

Въ этихъ словахъ Совѣсти усматриваютъ зарождавшееся тогда въ Малороссіи крѣпостничество со всѣми отрицательными свойствами крѣпостниковъ.

Въ другомъ мѣстѣ Вражда рисуетъ строптивость и памятозлобіе рабовъ, которыя, составляя оборотную сторону крѣпостничества, могутъ свидѣтельствовать лишь о тяжести ихъ соціальнаго положенія.

...Рабъ всегда памятозлобивій,
И никто же въ мірѣ есть тако щасливій,
Дабы могъ рабску ярость когда претворити
На милость: рабъ бо вмѣетъ на зло обратити
Всяку благость и правду, любовь отвергаетъ,
Дари пріемлетъ, и то скоро презираетъ [1]), и т. д.

Остальныя лица пьесы довольно блѣдны и безцвѣтны. Языкъ трагедокомедіи—обычный тогда южно-русскій книжный языкъ, который, однако, все болѣе и болѣе освобождается отъ прежнихъ полонизмомъ и приближается къ тогдашней общерусской литературной рѣчи. Но приложенныя къ пьесѣ „интермедіи", вѣроятно, написаны были на простонародномъ языкѣ. Упоминаніе объ этихъ „интермедіяхъ", какъ особыхъ вставочныхъ сценахъ въ пьесу, впервые встрѣчается въ дошедшихъ до насъ школьныхъ пьесахъ Кіевской Академіи. Къ сожалѣнію, эти „интермедіи" не дошли до насъ, вѣроятно потому, что онѣ составлялись не профессорами, а учениками, и не пользовались уваженіемъ серьезныхъ людей.

Во всякомъ случаѣ, трагедокомедія Л. Горки носитъ уже нѣкоторыя черты новой эпохи, новаго періода въ развитіи Кіевской школьной драмы, понемногу оставляя прежній священный характеръ и спускаясь въ условія обыденной человѣческой жизни. Она пріурочена уже не къ пасхальнымъ днямъ, какъ было прежде и какъ слѣдовало бы ожидать по ея заглавію и содержанію, а къ 25-му мая, ко второму дню послѣ праздника сошествія Св. Духа, и, можетъ быть, разыгрывалась въ одну изъ майскихъ рекреацій, подъ открытымъ небомъ, такъ какъ представлена была „на позоръ россійскому христолюбивому роду", а не передъ избраннымъ только обществомъ.

---

[1]) „Історія українськоі драми", І. Стешенка, въ журналѣ „Україна", ноябрь—декабрь, 1907 г., стр. 407—9.

Такимъ образомъ, первыя три кіевскія школьныя пьесы второго періода кіевской школьной драмы представляютъ собою три характерныхъ момента въ историческомъ развитіи этой драмы: 1) новое, свѣжее направленіе у Ѳ. Прокоповича въ духѣ возрожденія классицизма; 2) старое, реакціонное направленіе въ драмѣ „Торжество Естества человѣческаго", хотя и сдвинутое немного въ сторону со своихъ старыхъ устоевъ, 3) серединное направленіе въ трагедокомедіи Л. Горки „Іосифъ патріарха", 1708 года, пытавшееся устроить компромиссъ между старымъ и новымъ направленіями. Это—обычный путь осуществленія всякой новой идеи на реальной почвѣ.

Не знаемъ, что было бы дальше съ кіевской школьной драмой, если бы дальнѣйшее естественное развитіе ея при Петрѣ I не прервано было измѣной Мазепы Петру I-му въ 1709 году. Послѣ этой измѣны Петръ I сталъ раздавать украинскія земли московскимъ вельможамъ, посылалъ казаковъ на тяжелыя работы на каналахъ, назначалъ казацкими полковниками великороссовъ, учредилъ въ 1722 году „Малороссійкую Коллегію" для управленія Малороссіею и, по смерти гетмана Скоропадскаго, оставилъ его должность незамѣщенною [1]). Малорусское духовенство запугано было и молчало. Послѣ измѣны Мазепы и до самаго конца царствованія Петра I мы не видимъ въ Кіевской Аакадеміи никакихъ признаковъ существованія и развитія школьной драмы. Только внѣ стѣнъ Кіевской Академіи порою пробивались изъ нея струйки драматическаго теченія или въ діалогахъ и интермедіяхъ странствующихъ студентовъ Кіевской Академіи и церковныхъ дьяковъ, или въ драматическихъ представленіяхъ школъ, происшедшихъ отъ Кіевской Академіи.

---

[1]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа", М. Грушевскаго, С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 298 и слѣд.

Въ автобіографіи своей священникъ Илья Турчиновскій, учившійся нѣсколько времени въ Кіевской Академіи, разсказываетъ о пребываніи своемъ въ Шкловскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, около 1715 года, въ бытность свою свѣтскимъ человѣкомъ, слѣдующее: „прилучившиися изъ Кіева два студента желали у Орши или въ Могилеви ходить до школъ, но не приняти за тимъ, что благочестивіе. Съ ними я потрудился, и на свѣтлое Воскресеніе выправили діалогъ съ интермедіею. На якій многолюдствіе благочестивыхъ собралось, и римлянъ, и самихъ езовитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ. И всѣ тому удивлялись, яко тамъ, въ тихъ краяхъ, той вещи не видали. Не малую себѣ римляне болѣзнь и безчестіе принявши, умыслили. яко бы выгнать изъ города Шклова“ [1]).

Невиданною вещію были школьныя драматическія дѣйства и въ тѣхъ русскихъ архіерейскихъ школахъ и духовныхъ семинаріяхъ, которыя проэктированы были Духовнымъ Регламентомъ 1721 года и вскорѣ послѣ того стали учреждаться въ разныхъ епархіяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ концу царствованія Петра I и въ царствованіе супруги его Екатерины I стали вводиться и школьныя драматическія представленія, которыя, понятно, не претендовали на какую либо новизну направленія и сочинялись по какимъ либо готовымъ образцамъ, занесеннымъ изъ Кіевской Академіи и ея же бывшими воспитанниками. Изъ такихъ семинарій намъ извѣстны Тобольская и Казанская и Бѣлградско-Харьковскій Коллегіумъ.

Въ Сибири начало театральнымъ представленіямъ положено было при Петрѣ Великомъ митрополитомъ Тобольскимъ Филоѳеемъ Лещинскимъ, который, по замѣчанію Сибирскаго лѣтописца, „славныя и богатыя комедіи дѣлалъ“. Въ рукописной Сибирской лѣтописи подъ 1727 годомъ ска-

---

[1]) „Кіевская Старина“, февраль, 1885 г., стр. 326—328.

зано: „Филоѳей былъ охотникъ до театральныхъ представленій, славныя и богатыя комедіи дѣлалъ; когда должно на комедіи жителямъ собиратца, тогда онъ владыка на сборъ благовѣстъ производилъ, а театры были между Соборною и Сергіевскою церквами къ взвозу, куда народъ собирался". Нововведеніе митрополита Филоѳея продолжали его преемники, изъ которыхъ нѣкоторые также были питомцы Кіевской Академіи; причемъ иногда деньги, собираемыя во время спектаклей, шли на вознагражденіе учащимъ. Такъ, сохранились свѣдѣнія, что въ 1737 году учитель пѣнія и чтенія Петръ Кирьяковъ предъ Крещеньемъ получилъ 4 рубля въ видѣ жалованья „изъ комедіи" [1]). Извѣстно и содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ комедій. Академикъ І. Г. Гмелинъ видѣлъ въ Тобольскѣ, на Пасхѣ, 15 апрѣля 1734 года одно такое представленіе. Пьеса открылась пѣніемъ. Потомъ явился мальчикъ (прологъ) и поздравилъ съ праздникомъ Пасхи. Затѣмъ явился человѣкъ весь черный, представлявшій дьявола; онъ гналъ передъ собою дряхлаго старика съ сѣдою бородою, который жалобно кряхтѣлъ и представлялъ обычные недуги старости: это былъ Адамъ. Дьяволъ всячески издѣвался надъ нимъ и, наконецъ, клалъ ему на плечи чучело змѣи съ яблокомъ въ пасти; полумертвый Адамъ падалъ на землю. Тогда выходила смерть съ косой и хотѣла овладѣть старикомъ; но дьяволъ противился тому и выкидывалъ разныя штуки. Наконецъ, показывался Христосъ съ крестомъ въ одной и вѣнцомъ въ другой рукѣ; дьяволомъ овладѣвала трусость, и онъ, послѣ неудачныхъ попытокъ спрятаться, убѣгалъ со сцены. Сила креста возвращала Адаму жизнь; приказавъ старику встать, Христосъ возлагалъ на него золотой вѣнецъ. Адамъ не зналъ, какъ благодарить

---

[1]) „Исторія русскаго театра", П. О. Морозова т. І, стр. 11; „Исторія русскаго театра", Б. В. Варнеке, т. І, Казань, 1908 г., стр. 27—8.

Искупителя; Христосъ уводилъ его на небо. Гмелинъ прибавляетъ, что эта пьеса, разыгранная мальчиками, была написана въ стихахъ. Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ изъ произведеній Кіевской школы [1]).

Въ Казани уже въ 1727 году начались драматическія представленія въ архіерейской школѣ. Лучшими авторами ихъ являлись учителя семинаріи, которымъ и выдавалось вознагражденіе изъ суммъ архіерейскаго дома. Такъ, въ 1727 году архіепископъ Сильвестръ повелѣлъ выдать сочинителю какой-то комедіи иноземной 2 р. 50 коп., а на покупку палатей съ портупеями для этого же спектакля было отпущено 1 р. 70 коп. За годъ до того тому же учителю изъ домовыхъ средствъ архіерея въ прибавку къ полугодовому 18-рублевому трактаменту за обученіе дѣтей дано 5 рублей за сочиненіе комедій. Въ 1730 году изъ архіерейскаго дома комедійныхъ денегъ для покупки различныхъ принадлежностей выдано 5 рублей Святочныя комедіи, въ устройствѣ которыхъ архіереи принимали дѣятельное участіе, разыгрывались, вѣроятно, въ помѣщеніи архіерейскаго дома, гдѣ сначала помѣщалась и сама семинарія. Можно думать, что пьесы эти писались каждый разъ по особому заказу владыки на заданную тему [2]).

Наконецъ, мы можемъ указать еще пьесу, представленную въ 1727 году въ Бѣлоградскомъ Коллегіумѣ. Она носитъ такое заглавіе: „Благоутробіе Божіе безъ поврежденія праведнаго Суда его преступленіемъ Адама погибшему роду человѣческому явленное и доселѣ въ грѣхи впадающему являемое, четырьмя дѣйствіями отъ риторическихъ ученія рачителей изображенное въ Коллегіумѣ Бѣлоград-

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 110—1.

[2]) „Исторія русскаго театра“, В. В. Варнеке, т. I, Казань, 1908 г., стр. 27.

скомъ року 1727". Дѣйствующими лицами являются отвлеченныя понятія Вѣра, Надежда, Любовь, Ревность, Истина, Естество человѣческое, Милосердіе Божіе, Правосудіе, Седмь даровъ Духа Святаго и т. п.

Есть, между прочимъ, политическая тенденція. Такъ, въ дѣйствіи третьемъ, въ явленіи 4-мъ, седмь даровъ Духа Святаго посылаютъ въ міръ 12-ть апостоловъ проповѣдывать избавленіе человѣковъ, причемъ Премудрость, вручая Петру благовѣстіе, воспоминаетъ о имѣющемъ быть въ Россіи Петрѣ Великомъ, „на немъ же, аки на камени, утвердится проповѣданная отъ него вѣра Христова". Въ слѣдующемъ явленіи Мужество ввѣряетъ Андрею проповѣдь въ Скиѳахъ, въ Виѳиніи, въ Понтѣ, Арменіи и въ Россіи, причемъ воспоминаетъ ему, сколь послѣдняя будетъ обширна и какіе будутъ въ ней самодержцы, „между которыми превосходящую въ дѣлахъ знаменитыхъ титлу приписуетъ Петру Великому, многая о его храбрости извѣствуючи; туюжде титлу приписуетъ и наслѣдницѣ его, Самодержавнѣйшей Екатеринѣ, объявляя, что равная ему во всемъ явится", и затѣмъ вспоминаетъ даже о именитыхъ въ Россіи фамиліяхъ, „въ которыхъ Андрей помянутый Петромъ Великимъ чрезъ кавалерію будетъ прославленный", и въ заключеніе всего, повелѣваетъ Андрею на горахъ кіевскихъ водрузить крестъ въ знаменіе имѣющей въ Россіи возсіять вѣры [1]).

Бѣлоградская архіерейская школа основана была епископомъ Бѣлоградскимъ Епифаніемъ Тихорскимъ въ Бѣлгородѣ, но въ 1726 году, по желанію главнокомандующаго на Украинѣ князя Мих. Мих. Голицына и при его содѣйствіи, перенесена въ Харьковъ и преобразована въ Коллегіумъ. Первыми учителями и начальниками его были воспи-

[1]) Сообщено профессоромъ Харьковскаго университета Ам. Ст. Лебедевымъ, который подлинникъ пьесы передалъ профессору того же университета Д. И. Багалѣю.

танники Кіевской Академіи, и риторику въ 1727 году преподавалъ здѣсь, по всему вѣроятію, іеромонахъ Иларіонъ Григоровичъ [1]). Политическіе намеки пьесы напоминаютъ намъ не однѣ только кіевскія пьесы, напр. трагедокомедію Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“, но и пьесы Московской Академіи „Царство міра“ 1702 г. и „Торжество міра православнаго“ 1703 года [2]).

Глава вторая. Эпоха Петра II (1727—1730 гг.).

Въ кратковременное царствованіе юнаго императора Петра II для Малороссіи настали лучшія времена. Еще нѣсколько ранѣе, въ виду возможности войны съ Турціей, въ правительственныхъ кругахъ считали нужнымъ сдѣлать что нибудь „для удовольства и приласканія“ Украины, чтобы недовольная старшина не устроила какого нибудь возстанія, пользуясь войною. Съ воцареніемъ Петра II вліяніе временщика Меньшикова, а позже партіи сторонниковъ старыхъ, до-Петровскихъ порядковъ, подчинившихъ себѣ молодаго императора, отразились на украинскихъ отношеніяхъ такъже въ этомъ отношеніи. Хотя всѣхъ прежнихъ правъ и не было возвращено Малороссіи, но за то уничтожена была „Малороссійская Коллегія“ и дозволено было избрать новаго гетмана, какимъ, по указанію русскаго правительства, и выбранъ былъ престарѣлый Миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ [3]). Эта перемѣна благопріятно отразилась и на школьныхъ драматическихъ произведеніяхъ не только Кіевской Академіи, но и Московской, въ которой учитель-

---

[1]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., № XXIX, стр. 384—5.

[2]) О послѣднихъ см. „Исторію русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 312—317.

[3]) „Очерки исторіи украинскаго народа“, М. Грушевскаго, С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 302—3.

скія должности занимали малороссы, вызываемые изъ Кіева. Отъ времени царствованія Петра II мы имѣемъ три школьныя драмы „Объ Езекіи, царѣ Израильскомъ“ іеромонаха Исаакія Хмарнаго, 1728 года, сочиненную и исполненную въ Московской Академіи, и „Милость Божія“ Ѳ. Трофимовича, 1728 года, и трагедокомедію С. Ляскоронскаго, 1729 года, сочиненныя и исполненныя въ Кіевской Академіи. Всѣ онѣ имѣютъ своею цѣлію прославленіе новаго императора и его руководителей, но далеко не всѣ съ одинаковою живостію относятся къ современной имъ дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи ниже всѣхъ ихъ стоитъ московская пьеса „Объ Езекіи, царѣ Израильскомъ“ и неизмѣримо выше—Кіевская драма „Милость Божія“.

1) Первою изъ этихъ драмъ, въ хронологическомъ порядкѣ, является драма о Езекіи, царѣ Израильскомъ, имѣющая такое полное заглавіе „*Образъ побѣдоносія торжественнаго подвигоположника*, огражденнаго несомнѣнною въ Бога вѣрою, надеждою и любовію, *іерусалимскаго царя Езекія*, чрезъ художество юности благородныхъ отроковъ училищъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи риторскаго стиховнаго составленія, на подобіе благодарящей Россіи Всемогущему Богу за благодѣянія со упованіемъ неоскуднымъ. Начертанъ лѣта Господня 1728. Anno Domini 1728“. Она написана учителемъ риторики іеромонахомъ Исаакіемъ Хмарнымъ, вызваннымъ въ Московскую Академію изъ Кіева еще въ 1724 году, и представлена была 30 января 1728 года, по поводу пріѣзда новаго императора въ Москву.

Исаакій Хмарный не обнаружилъ въ своей пьесѣ ни таланта, ни даже особой изобрѣтательности, и притомъ же долженъ былъ подчиняться традиціоннымъ пріемамъ прежнихъ московскихъ школьныхъ дѣйствъ XVII столѣтія, въ которыхъ отечественныя событія русской исторіи предзнаменовались библейскими и аллегорическими символами. Какъ въ прежнихъ московскихъ пьесахъ „Царство

Міра“ 1702 г., „Торжество Міра православнаго“ 1703 г., „Ревность православія“ 1704 г. и „Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе“ 1710 г., библейскія лица апостолъ Петръ, Іисусъ Навинъ, Моисей и Давидъ предзнаменовали Петра Великаго и его подвиги и перемѣшивались съ олицетвореніями христіанскихъ добродѣтей и съ именами древнеклассическихъ божествъ Марса, Фортуны, Беллоны и т. п. [1]); такъ и Ис. Хмарный въ своей драмѣ хотѣлъ провести параллель и аналогію между Петромъ II и Израильскимъ царемъ Езекіею, обставивъ ихъ аллегоріями христіанскихъ добродѣтелей и языческихъ боговъ ксассической древности Марса, Фортуны и др. Основною идеею, объединяющею сравниваемыя событія, является идея о благочестіи, которому покровительствуетъ Провидѣніе, защищающее его отъ нечестія какъ въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и въ русской исторіи. Но Петръ II былъ еще слишкомъ молодъ, только-что вступилъ на престолъ и не успѣлъ заявить себя какими либо подвигами, а потому и не могъ выдержать серьезнаго сравненія съ Езекіею. Исаакій Хмарный, повидимому, и самъ чувствовалъ это, а потому въ своей пьесѣ проводилъ аналогію Езекіи не съ однимъ Петромъ II, а и съ Петромъ I и Екатериною I. Да и въ этомъ ограничительномъ смыслѣ аналогія его неудачна, потому что не указываетъ въ русской исторіи этого времени такихъ событій, которыя были бы вполнѣ аналогичны съ событіями царствованія Езекіи.

Пьеса И. Хмарнаго состоитъ изъ пролога, антипролога, двухъ дѣйствій и эпилога.

Прологъ написанъ прозою, въ видѣ ораторской рѣчи, вѣроятно потому, что пьеса составлена учителемъ не піитики, какъ это было въ Кіевской Академіи, а реторики, который хотѣлъ показать и свое ораторское искусство. Об-

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 309 и слѣд.

щая мысль пролога та, что Господь одинаково помогаетъ благочестивымъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и въ русской отечественной исторіи, и что Езекія является образомъ „овогда торжествующей, овогда же воздыхающей и сѣтующей нашей Россіи“.

Въ антипрологѣ послѣдовательно выводятся на сцену Фортуна, Марсъ, Вѣра, Надежда и Любовь и восхваляютъ свои преимущества, образуя какъ бы восходящую лѣствицу совершенствъ; но Провидѣніе, не отрицая ихъ относительнаго значенія, является для нихъ общимъ руководящимъ началомъ и увѣнчиваетъ каждое изъ этихъ аллегорическихъ лицъ соотвѣтственною наградою.

Въ первомъ дѣйствіи, состоящемъ изъ 12 явленій, Езекія, восшедши на престолъ, благодаритъ за то Бога, вручаетъ ему свое царство, истребляетъ идоловъ и укрѣпляетъ благочестіе. Онъ узнаетъ, что на него поднимается войною Ассирійскій царь Сенахиримъ, и, по совѣщаніи съ сенаторами и въ надеждѣ на Божію помощь, рѣшается дать отпоръ этому могущественному врагу. Когда ассирійскій воевода Рапсакъ подступилъ къ Іерусалиму и потребовалъ его сдачи, то Езекія обращается съ молитвою къ Богу и посылаетъ къ пророку Исаіи просить его, чтобы и онъ помолился Богу объ освобожденіи отъ врага. Пророкъ Исаія утѣшаетъ царя предсказаніемъ о близкомъ пораженіи ассирійскаго войска силою Божіею. Дѣйствительно, ангелъ Господень ночью избиваетъ 185 тысячъ воиновъ ассирійскихъ. Послѣ этого, Сенахиримъ снялъ осаду съ Іерусалима и обратился за помощію къ языческимъ идоламъ, за что убитъ былъ своими собственными сыновьями. Езекія возблагодарилъ Бога за такія Его благодѣянія и получилъ отъ пророка Исаіи извѣщеніе, что Господь прилагаетъ къ его жизни еще 15 лѣтъ, въ увѣреніе чего „полагаетъ ему знаменіе въ солнцѣ, которое отъ центра своего возвратися вспять на 10 степеней“.

Второе дѣйствіе, въ 6-ти явленіяхъ, представляетъ изъ себя какъ бы примѣненіе библейской исторіи о царѣ Езекіи къ современнымъ русскимъ событіямъ. Россія благодаритъ Бога за то, что онъ далъ ей премудраго Езекію въ образѣ Петра Великаго, скорбитъ о его смерти, утѣшается Екатериною I и горько оплакиваетъ кончину послѣдней. Провидѣніе утѣшаетъ сѣтующую Россію, даровавъ ей второго Петра, причемъ авторъ пьесы считаетъ нужнымъ, наравнѣ съ юнымъ императоромъ, восхвалить и его воспитателя, барона Андрея Ивановича Остермана. Святые покровители ихъ, апостолы Петръ и Андрей, предрекаютъ Россіи благоденствіе и славу при ея новомъ царѣ. Всѣ цари привѣтствуютъ Россію съ ея новымъ государемъ; „Слава въ ликахъ и тимпанѣхъ всегласно веселится“, и апостолы вмѣстѣ съ Марсомъ, Фортуною „и прочими храбростьми и добродѣтельми“ торжествуютъ радостное событіе.

Въ эпилогѣ снова повторяются мысли, уже развитыя прологомъ, и поясняется, что исторія Езекіи взята въ примѣръ твердаго упованія на Бога, какъ высшей добродѣтели.

Изданный списокъ драмы переписанъ великоруссомъ со значительными, по мѣстамъ, искаженіями подлиннаго текста [1]).

2) Самою замѣчательною изъ пьесъ эпохи Петра II является драма: „*Милость Божія*, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмѣльницкаго, преславнаго войскъ запорожскихъ гетмана, свобо-

---

[1]) Изд. въ „Памятникахъ русской драмы эпохи Петра Великаго“, В. Н. Перетца, С. Петербургъ, 1903 г., а разночтенія по другому списку—въ „Памятникахъ русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ 1907, г., стр. 307—329. Сн. „Исторію русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 340—4.

дившая и дарованными ему надъ ляхами побѣдами возвеличившая, на незабвенную толикихъ его щедротъ память репрезентованная въ училищахъ Кіевскихъ въ 1728 году“ [1]). Высокія достоинства этой драмы и помѣщеніе ея въ нѣкоторыхъ сборникахъ вмѣстѣ съ сочиненіями Ѳ. Прокоповича побудили покойнаго М. А. Максимовича приписать ее этому знаменитому архипастырю того времени. Но мы видимъ въ ней лишь талантливое подражаніе Ѳ. Прокоповичу, выразившееся и въ выборѣ предмета изъ отечественной исторіи, и въ формѣ пятиактной драмы, и превзошедшее даже оригиналъ свой, и составленіе ея приписываемъ іеромонаху Ѳеофану Трофимовичу, бывшему въ 1728 году учителемъ піитики въ Кіевской Академіи [2]). Онъ имѣлъ и средства, и достаточный поводъ къ тому, чтобы написать драму, достойную пера соименнаго ему Ѳеофана Прокоповича. Къ этому времени составлены были двѣ малорусскія лѣтописи Грабянки и Величка, дававшія богатый матеріалъ для изображенія эпохи Богдана Хмельницкаго, а возстановленіе правительствомъ Петра II нѣкоторыхъ прежнихъ правъ Малороссіи подогрѣвало малорусскій патріотизмъ автора и вызвало на свѣтъ разсматриваемую нами пьесу, въ которой авторъ превозноситъ похвалами Петра II и новоизбраннаго гетмана Даніила Апостола и съ благоговѣніемъ вспоминаетъ Богдана Хмѣльницкаго, какъ идеальную личность въ

---

[1]) Пьеса первоначально напечатана была М. А. Максимовичемъ въ „Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“ за 1858 годъ и затѣмъ перепечатана въ 1-мъ томѣ „Собранія сочиненій“ его и во 2-мъ томѣ „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“, Антоновича и Драгоманова.

[2]) См. литературу о семъ въ „Історіи українськоі драми“, І. Стешенка, въ журналѣ „Украіна“, ноябрь—декабрь, 1907 г. стр. 420—424.

казацкой исторіи. Съ точки зрѣнія идеаловъ этого историческаго дѣятеля авторъ обозрѣваетъ не только войны Богдана Хмельницкаго, особенно освободительныя войны его съ Польшею, но и недавнее тяжелое положеніе Малороссіи при Петрѣ I, и современныя автору соціально-общественныя отношенія, совѣтуя казацкой старшинѣ не обижать простыхъ казаковъ и крестьянъ.

Драма „Милость Божія“ состоитъ изъ пяти дѣйствій, съ эпилогомъ. Къ первому, третьему и пятому дѣйствіямъ присоединяется еще „хоръ“.

Въ началѣ пьесы „Богданъ Хмельницкій долю казацкую оплакуетъ и новые совѣты въ умъ пріемлетъ“. Онъ говоритъ:

Егей славы нашея упадокъ послѣдній!
Чего въ свѣтѣ живучи дождалъ козакъ бѣдный!
Доказаковалися и мы подъ ляхами;
Чого намъ не дѣлаютъ ляхи и зъ жидами!
Честь и славу въ нивочто нашу обращаютъ,
Козацкое потребить имя помышляютъ.
Сея ли мы отъ тебе, ляше, ожидали
Платы, егда вѣрности нашей показали
На земли и на морѣ знаменія многа,
Бодуща тя враговъ си сокрушая рога?
Се ли достойная мзда? Сія ли заплата
За службу нашу? Се ли зыскъ намъ и интрата:
За неисчислимые пріятіе раны,
За смерти различные на различной брани,
За толикіе и столь славные побѣды
Терпѣли толикіе, толь тяжкіе бѣды:
Грабленія, насильства, утиски, досады,
Узы и прочая, безъ всякой отрады?
О, и вспоминати то воистину студно;
А якъ самимъ дѣломъ намъ терпѣти не трудно!
Что такъ безумни есмы, что такъ помраченни,
Что спимъ аки лѣтаргомъ якимъ омраченни?
О, жалю мой незносный! больше ли чекати?
Крайней ли погибели еще выглядати

Будемъ? Не видимъ что ся грядетъ? Окаянни
Егда стеная молчимъ, тако поругании
Суще. О, нечувствія нашего! Страдати
Кая нужда есть? Еще честь за честь воздати
Можемъ! Татаре, турки и нѣмцы бывали
Не страшни: и ляхи ли ужасни намъ стали?
Сверѣпые львы, тикгры, вепри побѣждати
Удобъ было: отъ зайцовъ ли станетъ втекати?
Когда шабля при насъ есть,—не совсѣмъ пропала
Многоименитая оная похвала
Наша; доказовала чуждой славы много
Она: студа жъ своего не отмстить такого!
Не отобрали еще ляхи намъ остатка:
Живъ Богъ, и не умерла казацкая матка!

Въ „хорѣ“ перваго дѣйствія „Муза и Аполло грядущую ляхомъ погибель предвозвѣщаютъ“. Здѣсь поэтъ воодушевляется до пророчественнаго паѳоса. Муза и Аполло говорятъ:

Не видишь поляче,
Кто на тебе плаче,
Кого обиждаешъ,
Кому досаждаешъ?
Славу ти сотворшихъ,
Побѣды порождшихъ
Тщишся погубити,
Славу испразднити.
Гдѣ жъ услуга тая,
Егда вся благая
Своя оставляли,
Тебѣ воевали:
Крови не жалѣли,
Головъ не щадѣли,
Тебе заступая,
Тебе прославляя?
О, что жъ ожидаетъ,
Кая месть чекаетъ,
Яко за благое
Воздаеши злое!
Коль лютое время,
Коль тяжкое бремя
Пошлетъ на тя вскорѣ
Судяй правду горѣ!
Се твоя предѣлы
Пройдутъ сквозѣ стрѣлы,
Солнце зайдетъ въ хмуры,
Вдарятъ на тя бури;
Шкуры тебѣ дерти,
Главы будутъ терти,
Шіи вытягати,
Въ ярмо закладати,
По лѣсахъ гонити,
По рѣкахъ топити,
Зъ склеповъ выдирати,
Ажъ за Вислу гнати.
Прійдутъ на тя злая
Непремѣнно сяя;
Богъ бо тебе судитъ,
Судъ его не зблудитъ.

Дѣйствительно, Судъ Божій „не зблудилъ": ляхи побѣждены; Украйна освобождена отъ нихъ.

При описаніи борьбы Богдана Хмельницкаго съ поляками и предшествовавшихъ ей обстоятельствъ, авторъ часто пользуется малорусскими лѣтописями, а иногда сближается и съ малорусскими народными историческими думами. Такъ, напримѣръ, Богданъ Хмельницкій разсматриваемой пьесы, перечисляя передъ запорожцами заслуги ихъ для Польши и выставляя на видъ неблагодарность послѣдней, между прочимъ указываетъ на подвиги казацкіе при разореніи Синопа, Трапезунта и окрестностей Царьграда:

Свѣдѣтель есть Трапезонтъ, на пень посѣченный.
Свѣдѣтель есть и Сынопъ, съ землею смѣшенный.
Являютъ и славные оные подходы
Ажъ подъ Константинополь...

Этотъ набѣгъ на турецкія владѣнія лѣтописи Самовидца и Грабянки приписываютъ запорожскому гетману Рожинскому, который въ 1575 году разорилъ Синопъ, Трапезунтъ и окрестности Царьграда [1]).

Далѣе, въ драмѣ говорится о дѣятельномъ участіи козаковъ въ войнѣ Хотинской, 1621 года:

...Что же и колику
Вѣрность свою свѣдчили, уже и недавно
Того доказовали подъ Хотинемъ явно.
И сами ляхи сіе, чаю, намъ признаютъ,
Любъ и не токмо славѣ нашей зазрощаютъ,
Но и всегда худыми словами, елико
Возможно, умаляютъ умыслне толико.
И Османовы войска когда напирали
Найпаче на козаковъ, ясно показали,
Что лядская вся при насъ была оборона,
Которую если бы и побили, корона

---

[1]) „Историческія пѣсни малорусскаго народа", Антоновича и Драгоманова, Кіевъ, 1874, т. I, стр. 167.

Польская давно бъ уже до чорта пропала,
И сама своего бы слѣду не познала.
А козаки первые когда мужественно
Выдержали инкурсы, тогда дерзновенно
Великій во воинствѣ его учинили
Падежъ, и самый ему обозъ разорили.
Тако о силѣ своей гордящеся зѣло,
Османа посрамили и мира всецѣло
Искати понудили.

Согласно съ этимъ описывается Хотинская война и въ лѣтописи Самуила Величка. По ея извѣстію, турки съ первыхъ дней напирали особенно на казацкій обозъ, стоявшій на челѣ къ обозу султанскому и укрѣпившійся окопами. Но козаки, послѣ жаркихъ пушечныхъ перепалокъ, дали накопецъ сильный отпоръ и, гонясь за ними, ворвались было въ турецкій обозъ и только потому не овладѣли имъ вполнѣ, что коронный гетманъ отказалъ въ подмогѣ. Война Хотинская длилась пять недѣль и кончилась тѣмъ, что грозный Османъ, несмотря на многочисленность своего войска, пожелалъ мира, который и заключенъ былъ на условіяхъ, выгодныхъ для Польши [1]).

Причины войны Б. Хмельницкаго съ поляками представлены въ пьесѣ согласно со свидѣтельствами малорусскихъ историческихъ думъ. Причиной войны, по представленію пьесы, были притѣсненія со стороны поляковъ:

Видите, якъ намъ за сія платили
И платятъ услуги; коль тяжко угнѣтили
Бѣдную Украину тыми очковыми,
Поемщизнами тыми, такожъ роговыми.
Повымышляли къ тому уже и ставщизны,
А при иныхъ поборахъ и сухомельщизны.
Власное наше добро въ очахъ передъ нами
Арендуютъ, и въ своемъ невольни мы сами.

---

[1]) „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. I, стр. 369—370.

И уже по времени а ни дѣтей родныхъ,
Ни женъ власныхъ нашихъ намъ не будетъ свободныхъ
Что жъ говорить о иныхъ бѣдахъ большихъ?
Что о безчестіяхъ, и укоризнахъ горшихъ?
Казака и за жида не важатъ: милѣйшій
Имъ жидъ, нежели русинъ, и весьма честнѣйшій;
Съ жидомъ они ѣдятъ, пьютъ, бенкеты справляютъ,
А козака бѣдного за нѣзащо маютъ.
И что горше: которымъ поклонъ отдавали
Турки и татаре, а многи не востали
Никогда же, егда разъ наклонили выи;
Нынѣ,—срамно и казать,—нынѣ сами сіи
Жидамъ кланяются и шапку въ рукахъ носятъ
Передъ ними, и ихъ якъ пановъ якихъ просятъ.

Подобнымъ образомъ описываются польскія притѣсненія и въ народныхъ думахъ объ эпохѣ Хмельницкаго:

...Стали жиди великий одкуп давати,
Стали один од одного на милю оранды становити...
Якъ іде український козакъ, то й корчму минає,
А жид вибігає, та українського козака за чуб хватає.
Та еще ёго двома кулаками по потилиці затинає:
„Козаче-левенче! за що я буду ляхам рату платити,
Що ти мимо корчми йдеш,
Та й корчму минаешь“?
Коло українського козака всю зброю одбирає...
А на Україні козак за жидом похожає,
Ще ёго й вельможним паном називає...
Ще ж і тимъ жидове не сконтентували,
Що три річки в одкуп закупляли...
Що мав би чоловік піти та риби піймати,—
То ще він до річки не добігає,
Уже він жидові за одкуп найкраще обіцає...
Щеж ж і тимъ жидове не сконтентували—
Де була яка річка велика, мости в одкуп забрали:
Од верхового по два шаги брали,
А од пішого по шагу,

А од бідного старця, що він випросить,
То одбирали пшоно да яйця [1]).

Во второмъ явленіи третьяго дѣйствія кратко упоминаются выдающіяся подробности первой войны Хмельницкаго, до битвы подъ Берестечкомъ и вызваннаго ею Бѣлоцерковскаго мира 1651 года, а именно: битва при Желтыхъ Водахъ и Корсунѣ 1648 года, плѣнъ польскихъ гетмановъ Потоцкаго и Калиновскаго и отдача ихъ татарамъ, подвиги полковниковъ и предводителей козацкихъ загоновъ, и проч.

Но, освободивъ Украину отъ ляховъ, Богданъ Хмельницкій совѣтуетъ козакамъ, изъ опасенія потерять свою независимость и снова подчиниться Польшѣ, поддерживать свой воинственный казацкій духъ и болѣе дорожить оружіемъ и воинскими занятіями, чѣмъ мирною гражданскою и хозяйственною дѣятельностію, а особливо не обижать меньшей братіи и не отнимать у нея земель и угодій. Онъ говоритъ козакамъ:

А желѣзо доброе важте и надъ злато;
Злато бо потемнѣетъ безъ него, яко блато.
Что злато и что сребро ляхомъ пользовало?
Коликіе жъ богатства желѣзо побрало?
Зъ сребныхъ полумызъ отцы наши не ѣдали,
Изъ золотыхъ пугаровъ они не пивали:
О желѣзѣ старались, желѣзо любили
И велику себе тѣмъ славу породили.
Оныхъ путемъ идите, оныхъ подражайте,
Славы ища, богатство вы за ничто майте.
Не той славенъ, который многа лѣчитъ стада,
Но иже многихъ враговъ своихъ шлетъ до ада;
Сему едино токмо желѣзо довлѣетъ,
А злато или сребро ничто же успѣетъ.
Что Богъ дастъ, тѣмъ довольни суще, никоея
Не обидите ничимъ братіи своея.

[1]) „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, Антоновича и Драгоманова, т. II, стр. 25—6.

Кто лѣсокъ добрый, или хуторецъ порядный,
Кто ставъ, кто луку, кто садъ имѣетъ изрядный,
Болѣть или завидѣть тому не хотите,
Якъ бы его привлащить къ себѣ—не ищите!
Ибо когда козаки уже обнищаютъ,
То не долго остатки ваши потрывають.
Откуду коня, или ручницы, откуду
Инный порядокъ возьмутъ, аще не оттуду?
А безъ тыхъ приборовъ, что мните, по насъ будетъ?
Слава, безъ сомнѣнія, наша не прибудетъ.
Напослѣдокъ глаголю: сами не купчуйте,
Лука, стрѣлки, мушкета и шабли пильнуйте.
Куплями бо обвязанъ житейскими воинъ,
Имени сего весьма таковъ недостоинъ.
И дѣтей своихъ, скоро отправлятъ науки,
До сей же обучайте козацкой штуки.
Тако творя, вражія потрете навѣты:
Радостъ сію на многи удержите лѣты.

Но встрѣчающіяся здѣсь наставленія Богдана Хмельницкаго не обижать меньшей братіи и не захватывать чужихъ имѣній характеризуютъ не его эпоху, а относятся къ слѣдующимъ за нимъ поколѣніямъ и особенно имѣютъ въ виду современные автору пьесы украинскіе порядки или, вѣрнѣе, безпорядки. Гетманщина мало по малу становилась „корпораціей генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ выбраннымъ отъ царя гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа, которые окружали себя родственниками, подъ названіемъ генеральной канцеляріи, и потакали имъ въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія, которые роздали своимъ пріятелямъ и распродали перекрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ полковничьи и сотничьи мѣста почти съ неограниченною властью надъ подчиненными. А судопроизводство по Литовскому, Магдебурскому и Саксонскому праву давало просторъ произволу и изворотливости судей, во вредъ несвѣ-

дущаго въ законахъ населенія Малороссіи“ [1]). На захватъ казацкихъ земель старшиною казацкою въ началѣ XVШ вѣка, по всей вѣроятности, намекалъ Ѳ. Прокоповичъ въ „разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцемъ или дьячкомъ церковнымъ“, когда выводилъ на сцену селянина, старавшагося захватить у сосѣда Немѣна его имѣніе: описаніе усадьбы Немѣновой здѣсь чисто въ малорусскомъ вкусѣ. На такой же захватъ намекаетъ и авторъ разсматриваемой пьесы, защищая общіе интересы казачества противъ его старшины.

Въ „заключеніи“ Смотрѣніе Божіе предсказуетъ Украинѣ незыблемое ея блаженство подъ крѣпкою непобѣдимыхъ монарховъ россійскихъ рукою и добрымъ рейментарскимъ правленіемъ. Украина съ радостію принимаетъ это извѣстіе но ужасается при имени Петра Великаго:

Увы мнѣ окаянной, убо мя порушитъ!

Петръ Великій дѣйствительно былъ страшенъ для Малороссіи. „Отважное предпріятіе Мазепы,—говоритъ П. А. Кулишъ,—открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія созданной въ умѣ и принятой очень близко къ сердцу имперіи слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, со свойственной ему одному геніальностью, создалъ планъ постепеннаго разрушенія гетманщины“ [2]). Но Петръ Великій выведенъ въ пьесѣ только для того, чтобы его тяжелому для Малороссіи царствованію про-

---

[1]) Журналъ „Основа“, май 1861 г., примѣчаніе къ „Липовымъ пущамъ“. Сн. Записку Гр. Ник. Теплова „о непорядкахъ въ Малороссіи“ во II томѣ „Записокъ о Южной Руси“, Кулиша, и критику на нее М. А. Максимовича въ „Собраніи“ его сочиненій, т. I, стр. 545 и слѣд.

[2]) „Основа“, май, 1861 г., примѣчаніе къ „Липовымъ пущамъ“.

тивопоставить ожидаемый золотой вѣкъ царствованія Петра II и гетманства Даніила Апостола. Смотрѣніе Божіе говоритъ Украинѣ:

Стой, не бойся! за камень первый сокрушенный
Камень другій, не меньшій, будетъ положенный,
Петръ, глаголю, имени вторый таковаго,
Монарха Всероссійскій Бога всеблагаго
Милостію увѣнчанъ, не дастъ ти упасти,
Не дастъ и славѣ твоей всячески пропасти.
Тотъ еще малъ отрокъ сый, но не дѣтоуменъ,
Къ пользѣ державы своей вельми остроуменъ,
Совершеннаго мужа въ юности являя.
Великихъ по себѣ дѣлъ знаки подавая,
Подасть ти Даніила, вождя изряднѣйша,
Не токмо благородствомъ надъ иныхъ краснѣйша,
Но и дѣлы храбрыми славнаго, который
Супостатомъ Хмельницкимъ твоимъ будетъ вторый.
Но Богъ тя во воинскомъ искуствѣ и штуцѣ
Прославивый, прославитъ Той же и въ науцѣ.
И сіе Коллегіумъ чрезъ Петра Могилу
Основавъ, произведетъ въ толику силу,
Что отъ него вѣтіи краснoглаголивы,
Богословы, сильніи и дѣломъ и словомъ
Проповѣдники, стадо пасущи Христово,
Пастыріе премудры, святи, преподобни,
Древнимъ онымъ церковнымъ свѣтиламъ подобны,
И инны изрядніи мужіе изыйдутъ,
Къ тому начатки сіи совершенство пріймутъ.
Тако ти, миръ ли будешь, или брань имѣти,
Надъ врагомъ твоимъ главу будешь возносити.

3) Значительно ниже по внутреннему достоинству другая школьная пьеса, исполненная въ Кіевской академіи въ царствованіе Петра II. Это—„*Трагедокомедія, изданная въ Академіи Кіевской честнимъ іеромонахомъ Сильвестромъ Ляскоронскимъ, учителемъ школи поэтики, 1729 года*“ [1]). Хотя она, по

[1]) Изд. С. Т. Голубевымъ въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, за сентябрь, 1877 года.

примѣру пьесы Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“, и носитъ названіе трагедокомедіи, но состоитъ только изъ трехъ актовъ, а по замыслу и выполненію напоминаетъ собою іезуитско-схоластическія пьесы перваго періода исторіи Кіевской школьной драмы и даже имѣетъ тѣсное родство съ чими. Къ современной дѣйствительности пьеса имѣетъ только наружное соприкосновеніе во вставочныхъ панегирическихъ сценахъ, не имѣщихъ органической связи съ самою пьесою.

Въ прологѣ къ трагедокомедіи авторъ обѣщается разсказать о „паденіи рода Адамля“ и объ изведеніи его Благодатіею Божіею „до рая отъ адской пропасти“. Это—основная тэма трагедокомедіи.

Въ первомъ дѣйствіи „архистратигъ Михаилъ брань имѣетъ наносить съ Люциферомъ“, который хвалится своею властію на небѣ, надъ безплотными ангелами, но, будучи посвященъ въ предвѣчные совѣты Божіи, возмущается тѣмъ, что человѣкъ, созданный „отъ персти и блата“, сядетъ превыше всѣхъ ангеловъ и даже его Люцифера, рѣшается воспротивиться планамъ Божіимъ и стать „единопрестольнымъ Савао҃у Богу“. Архангелъ Михаилъ напрасно увѣщеваетъ и предупреждаетъ его: гордый Люциферъ низвергнутъ былъ съ неба въ геенну и сталъ властителемъ Ада. И здѣсь онъ не только не раскаялся, но строитъ новыя козни противъ Натуры людской и говоритъ своимъ демонамъ:

Людская Натура имать быти вознесенна:
Треба есть, да будетъ та зъ рая низверженна.
Потщѣмся сіе блато зъ землею смѣсити,
Готови въ прахъ и пепелъ сію разорити.

Когда же Богъ создалъ человѣка изъ земли и сдѣлалъ его царемъ въ раю; то Зависть подсылаетъ къ Естеству человѣческому Прелесть, которая и соблазняетъ его вкусить отъ запрещеннаго плода, говоря ему:

Велія тайна въ семъ древѣ сокровенна,
Яже ти презъ снѣдь его будетъ изъявленна:
Истинна тя увѣси отъ днесь господина,
Не будетъ ти по Бозѣ равна ниедина.

Естество соблазняется и нарушаетъ Божію заповѣдь. По этому случаю демоны поютъ торжественную пѣснь. Гнѣвъ или Справедливость Божія угрожаетъ „потребить отъ земли людскую Натуру“; „отъ небесъ громи бьютъ и блещутъ молніи“. Милосердіе Божіе заступается за грѣшнаго человѣка и умоляетъ Гнѣвъ Божій не истреблять человѣка, а только изгнать его изъ рая.

Во второмъ дѣйствіи изгнанное изъ рая Естество плачетъ и проситъ Гнѣвъ о помилованіи, но Гнѣвъ отправляетъ его въ адскую геенну на муки. Затѣмъ слѣдуютъ отдѣльныя аѳористическія сцены, не связанныя между собою органически. Гласъ Божій призываетъ Моисея и велитъ ему извести евреевъ изъ работы Египетской, и Моисей исполняетъ Божіе повелѣніе. Пророкъ Іона освобождается отъ чрева китова и благодаритъ за то Господа. Какой-то вельможа пируетъ съ двумя своими ближними и пьетъ за ихъ здоровье, а они—за его. Затѣмъ выводятся на сцену верховные апостолы Павелъ и Петръ. Апостолъ Павелъ проповѣдуетъ распятаго Христа, за что евреи приводятъ его къ тысящнику, а тысящникъ отпускаетъ апостола, узнавши, что онъ имѣетъ званіе римскаго гражданина. Апостолъ Петръ троекратно отрекается отъ Христа, но, по возглашеніи пѣтела, оплакиваетъ свой грѣхъ и отходитъ съ рѣшимостію пострадать за Христа.

Въ третьемъ дѣйствіи „являются страсти Христовы, смерть, погребеніе, воскресеніе и освобожденіе человѣческое“. Въ первомъ явленіи „молящагося Господа емлютъ и ведутъ въ преторъ къ Пилату“, въ второмъ явленіи „отъ ранъ на крестѣ распятаго изливается кровь въ чаши, отъ ангелъ держими“. Это—двѣ нѣмыя сцены, словесное разви-

тіе которыхъ, можетъ быть, предоставлялось исполнителямъ. Третье явленіе изображаетъ плачъ Богоматери подъ крестомъ, въ четвертомъ „грѣшникъ молится о отпущеніи грѣховъ“, въ пятомъ—Іосифъ съ Никодимомъ ищутъ тѣло Іисусово, чтобы погребсти его, а ангелы оплакиваютъ умершаго Спасителя. Шестое явленіе представляетъ опять нѣмую сцену, въ которой „ангелъ Господень отваливаетъ камень и стражей устрашаетъ“. Въ седьмомъ явленіи „Избавленіе Натуру вѣнчаетъ и посаждаетъ на престолѣ“, при пѣніи ангельскихъ ликовъ; въ восьмомъ явленіи „Орелъ монаршій перунами побиваетъ льва“, при пѣніи ангеловъ, а Орфей на гусляхъ аккомпанируетъ хору, воспѣвающему царя и вельможъ, свѣтскихъ и духовныхъ.

Въ эпилогѣ—обычное обращеніе къ слушателю, съ просьбою покрыть своею снисходительностью недостатки пьесы.

Изъ самаго изложенія хода мыслей пьесы можно видѣть, что въ ней нѣтъ связнаго, послѣдовательнаго развитія дѣйствія, нарушаемаго вставочными сценами, и нѣтъ детальной отдѣлки подробностей, особенно въ такъ названныхъ нами нѣмыхъ сценахъ. Судя по основному содержанію и характеру пьесы, она какъ будто бы написана на страсти Христовы или на Пасху. Въ этомъ смыслѣ она представляетъ большую аналогію съ прежними кіевскими школьными пьесами и особенно съ извѣстной уже намъ пьесой „Царство Натуры людской“, 1698 года. Первое дѣйствіе и половина второго дѣйствія трагедокомедіи С. Ляскоронскаго, кончая освобожденіемъ евреевъ изъ Египта, на нашъ взглядъ, есть не что иное, какъ сокращенный перифразъ помянутой драмы 1698 года, не дошедшей до насъ въ цѣломъ видѣ [1]).

---

[1]) См. ее въ „Памятникахъ русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., стр. 121—166.

Нельзя, поэтому, согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будтобы въ сценахъ объ освобожденіи евреевъ изъ Египта можно видѣть сравненіе Египетскаго плѣна съ положеніемъ малороссовъ при Петрѣ I и намекъ на выходъ ихъ изъ этого положенія при Петрѣ II [1]). Естественнымъ продолженіемъ и окончаніемъ первыхъ полутора дѣйствій трагедокомедіи С. Ляскоронскаго является третье ея дѣйствіе о страданіяхъ смерти и воскресеніи Спасителя, совпадающее въ нѣкоторыхъ пунктахъ, наприм. въ сценахъ объ Іосифѣ съ Никодимомъ, съ другой Кіевской школьной пьесой 1706 года, подъ названіемъ „Торжество Естества человѣческаго“ [2]). Вѣроятно, въ такомъ видѣ трагедокомедія С. Ляскоронскаго предназначалась для представленія въ пасхальные дни.

Но мы имѣемъ основаніе думать, что трагедокомедія С. Ляскоронскаго представлена была не на Пасху, а позднѣе, на праздникъ свв. апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня. Четыре явленія второго дѣйствія, съ 6-го по 9-е, посвященныя этимъ апостоламъ, не имѣютъ органической связи съ предыдущими и послѣдующими сценами и нарушаютъ хронологію описываемыхъ новозавѣтныхъ событій и потому должны быть признаны вставочными сценами въ честь праздника верховныхъ апостоловъ 29 іюня. Это былъ день тезоименитства императора Петра II, въ честь котораго и была исполнена пьеса. Это подтверждается и концомъ пьесы, гдѣ въ 8-мъ явленіи третьяго дѣйствія фигурируютъ. „Орелъ монаршій“, который „перунами побиваетъ льва (Персію), ангеломъ поющимъ:

Даяй царемъ побѣду, крѣпкій во бранѣхъ Боже,
Его жъ противится крѣпости никтоже,

---

[1]) См. „Історію українськоі драми“, І. Стешенко, въ журналѣ „Україна“, ноябрь—декабрь, 1907 г., стр. 434.

[2]) Изд. въ „Памятникахъ русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., стр. 63—4.

Даждь царю православному крѣпки супостати
Побѣдити до конца, да не могутъ стати.
Крѣпкой его десницѣ даждь все сокрушити,
Вся враги подъ нозѣ его покорити.
Подаждь силу на ярость враждебнія брани;
Отъ тебе же да будетъ щитъ и мечъ поданній.
Да сотрется днесь врагу высокая глава,
Да будетъ же во вѣки окрестнія слава
Православному царю на многіе лѣта
Страшна всѣмъ супостатамъ во всѣхъ концахъ
свѣта!"

Есть здѣсь похвала и Верховному Совѣту, состоявшему изъ вельможъ и потентатовъ, и, кажется, Св. Синоду.

Орфей играетъ на гусли, хоромъ поющимъ:

Богомъ увѣнчанніе царскіе полати,
Да будете во вѣки славою сіяти!
Буди ваша отселѣ всезлатіе лѣта
Торжествомъ исполненни всемірнаго свѣта!..
Возвисися рогъ силенъ князей съ потентати,
Да будутъ надъ врагами всегда обладати!
Пурпуровидними днесь шати одѣянни,
Торжествуйте пресвѣтлѣ святительски сани!
Буди вамъ честь и слава въ слонце одѣянна,
При мирномъ долгоденствѣ съ небеси поданна!

Интересную особенность обозрѣваемой пьесы представляетъ вставочная сцена во 2-мъ дѣйствіи, послѣ пятаго явленія, въ которой фигурируетъ вельможа съ тремя ближними. Вельможа представляется сидящимъ за закускою съ тремя своими ближними.

Вельможа.

Вся мнѣ благопріятна, вся благонадежна,
Дни мои вся и лѣта всегда безмятежна,

Даде ми Богъ великимъ властителемъ бити,
Но ничто же такъ благо мнѣ себѣ имѣти
Надъ любовь и афектъ ближнихъ пожаданній,
Его же зрю въ тебѣ друже здѣ собранній,
Яко же во области ближнихъ моихъ ваю
Съ полнимъ любве милости сердцемъ оглядаю.
За туюжде милость и за любовь вашу
Исполню про здравіе всѣхъ васъ полну чашу:
Жійте щасливій вѣкъ, якъ Сатурнъ новій...
Воскликнѣте сладку пѣснь сладчайшіе хори!

Ближній I.

За сицевыя твоя ко намъ благодати
Даждь ти вишня десница въ сей жизни вѣкъ златій;
Да умножитъ ти Господь во области славу,
Зичливу мою днесь склонивши ти главу,
Благостини твоей болшъ не имамъ отвѣта:
Да дастъ тебѣ въ сей славѣ Господь многа лѣта!

„*Хори поютъ многа лѣта*“. Подобнымъ образомъ отвѣчаютъ на тостъ вельможи 2-й и 3-й ближніе, при пѣніи хорами многолѣтія.

Вѣроятно, эта вставочная сцена написана по подражанію московской школьной драмѣ „Ревность православія“ 1704 года, въ которой, въ антрактѣ, представленъ былъ „пиръ велій, со интермедіями и ликованіемъ“ [1]). Кто былъ этотъ вельможа, архіепископъ ли Кіевскій Варлаамъ Ванатовичъ, или другой кто, объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

Постановка пьесы была довольно сложная: являются адъ, рай, тронъ Фараоновъ; поетъ пѣтелъ; апостолъ Петръ рыдаетъ въ скалѣ; гремятъ громы небесные, сверкаютъ молніи и т. п.

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т, I. стр. 319.

Итакъ, изъ трехъ школьныхъ пьесъ эпохи Петра II одна только „Милость Божія“, 1728 года, является выразительною представительницею прогрессивнаго развитія кіевской школьной драмы, тогда какъ остальныя двѣ пьесы своею безцвѣтностью и блѣдностью какъ будто бы еще болѣе оттѣняютъ высокія достоинства этой драмы.

Глава третья. Эпоха Анны Іоанновны (1730—1740 г.г.).

По естественному порядку вещей, нужно было ожидать, что дальнѣйшее развитіе кіевской школьной драмы пойдетъ по тому пути, какой предуказанъ лучшими представителями этой драмы, т. е. пьесами „Владиміръ“, Ѳ. Прокоповича, 1705 г., и „Милость Божія“, Ѳ. Трофимовича, 1728 года, т. е. по пути національзаціи этой драмы по содержанію и характеру. Такъ оно отчасти и было, но именно только *отчасти*. Тамъ, гдѣ не было препятствій къ этому развитію драмы, она и развивалась въ данномъ направленіи. Мы имѣемъ здѣсь въ виду главнымъ образомъ трагедію воспитанника Кіевской Академіи Мануила Козачинскаго о смерти краля Уроша и паденіи Сербскаго Царства, сочиненную въ 1733 году для сербовъ, на основаніи отечественныхъ сербскихъ источниковъ. Она является какъ бы прямымъ примѣненіемъ пріемовъ Ѳ. Прокоповича и Ѳ. Трофимовича къ драматической обработкѣ отечественной сербской исторіи.

Но въ самой Малороссіи обстоятельства не благопріятствовали правильному, поступательному развитію народнаго элемента въ школьной драмѣ. Въ тяжелое царствованіе императрицы Анны Іоанновны русское правительство вернулось къ той политикѣ, какой держался Петръ I по отношенію къ Малороссіи, хотя въ виду все еще угрожавшей войны съ турками не считало своевременнымъ поступать рѣзко. Когда гетмана Даніила Апостола въ 1733 году разбилъ параличъ,

правительство не позволило ему передать управленія генеральной старшинѣ, а поручило своему резиденту съ Коллегіею, составленною поровну изъ великороссійскихъ и украинскихъ членовъ. Этой же Коллегіи, изъ шести членовъ, съ правительственнымъ резидентомъ Шаховскимъ и генеральнымъ обознымъ Лизогубомъ во главѣ, поручило оно управленіе и по смерти Даніила Апостола въ 1734 году, яко бы временно, до выбора гетмана; но въ инструкціи Шаховскому объяснялось, что о выборѣ гетмана упомянуто только во избѣжаніе волненій [1]).

При такихъ условіяхъ, затруднительна была дальнѣйшая драматическая обработка отечественной малорусской исторіи, и кіевская школьная драма въ царствованіе Анны Іоанновны въ немногихъ представителяхъ своихъ опять принимаетъ на себя стародавній священный характеръ, по крайней мѣрѣ съ лицевой, наружной стороны. Но и въ это царствованіе школьная драма все-таки нашла себѣ нѣкоторые, иногда даже окольные пути для углубленія въ содержаніе исторической и современной жизни Малороссіи, пользуясь для того извѣстными настроеніями правительства Анны Іоанновны. Это правительство особенно заботилось объ усиленіи и распространеніи въ Россіи западно-европейскаго, латинскаго образованія, какъ проводника западно-европейской науки, и дорожило Кіевскою Академіею, какъ единственнымъ серьезнымъ разсадникомъ этого образованія и науки [2]), а въ 1733 году, въ политическихъ и военныхъ цѣляхъ, дало дозволеніе запорожцамъ, удалившимся послѣ Полтавскаго погрома 1709 года въ предѣлы Крымскаго Хан-

---

[1]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушевскаго, С.-П.Бургъ, 1904 г., стр. 303—4.

[2]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. 1, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., №№ VI, XI и др.

ства, воротиться въ Россію [1]), чѣмъ привнесено было значительное оживленіе во внутреннюю и внѣшнюю жизнь Малороссіи. Вотъ этихъ-то двухъ пунктовъ, т. е. съ одной стороны, успѣховъ западнаго просвѣщенія и науки, а съ другой—оживленія малорусской жизни запорожскимъ казачествомъ, и касалась кіевская школьная драма эпохи Анны Іоанновны, и притомъ нерѣдко подъ наружнымъ покровомъ священныхъ пьесъ, въ комическихъ интерлюдіяхъ изъ простонароднаго быта, иногда даже и не записывавшихся на бумагу.

Ко времени царствованія Анны Іоановны относятся слѣдующія кіевскія школьныя пьесы: 1) Трагедія о смерти послѣдняго царя Сербскаго Уроша V, сочиненная въ іюнѣ 1733 года М. Козачинскимъ; 2) „Комическое дѣйствіе на Рождество Христово, іеромонаха Митрофана Довгалевскаго, съ интерлюдіями; 3) „Властотворный образъ человѣколюбія Божія“, того же М. Довгалевскаго и тоже съ интерлюдіями, написанная на Пасху 1737 года, и 4) „Образъ страстей міра сего“, составленная на 17-е іюля 1739 года. Первая и послѣдняя изъ этихъ драмъ обѣ касаются преимущественно интересовъ просвѣщенія и науки и писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, Мануиломъ, въ монашествѣ Михаиломъ Козачинскимъ, а двѣ пьесы М. Довгалевскаго съ интерлюдіями отражаютъ домашнюю бытовую жизнь Малороссіи. Разсмотримъ отдѣльно обѣ группы этихъ произведеній.

А., Обѣ пьесы М. Козачинскаго, хотя и писаны въ разныхъ мѣстахъ, при различныхъ условіяхъ и въ разное время, но одинаково проникнуты горячею любовію автора къ про-

---

[1]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушевскаго, стр. 297 и др.

свѣщенію и наукѣ и стоятъ въ тѣсной связи между собою. Во второй изъ этихъ пьесъ мѣстами повторяются не только мысли, но даже и выраженія первой изъ нихъ.

1. „*Трагедія сирѣчь печалная повѣсть о смерти послѣдняго царя Сербскаго Уроша V и о паденіи Сербскаго Царства*“—сочинена въ іюнѣ 1733 года ректоромъ и учителемъ риторики Карловацкихъ школъ Мануиломъ Козачинскимъ, который вызванъ былъ, вмѣстѣ съ другими воспитанниками Кіевской Академіи, въ Сербію для учрежденія школъ[1]). Но эта трагедія дошла до насъ не въ подлинномъ видѣ, а въ передѣлкѣ Іоанна Раича, издавшаго ее, съ сокращеніями и дополненіями, въ Будимѣ, въ 1798 году. Опущены Раичемъ и двѣ интерлюдіи къ этой трагедіи, а именно о мытарѣ и фарисеѣ и о богатомъ и Лазарѣ, содержаніе которыхъ, по всей вѣроятности, воспроизводится М. Козачинскимъ и въ двухъ эпизодическихъ сценахъ съ такими же заглавіями въ первомъ актѣ второй его пьесы „образъ страстей міра сего“. Мы передаемъ здѣсь содержаніе трагедіи М. Козачинскаго безъ дополненій І. Раича.

Трагедія состоитъ изъ пролога и десяти дѣйствій.

Въ первомъ дѣйствіи „Стефанъ (Неманя) первовѣнчанный краль показуетъ свой родъ, и племя, откуда и како произыде“, въ доказательство того, что онъ принялъ „царство правильно и честно“. Онъ призываетъ своихъ бояръ на совѣщаніе о благоустроеніи своего государства и, выслушавъ ихъ мнѣнія начиная съ младшаго, принимаетъ намѣреніе сначала учредить церковную іерархію и духовные суды, а затѣмъ устроить и воинскую часть.

---

[1]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. 1, ч. 1, Кіевъ, 1904 г., № XLIII, стр. 234—240.

Во второмъ дѣйствіи „Сербія благодареніе приноситъ Богу, яко сицеваго даровалъ ей царя, и возвеличилъ ю о мнозѣ“. Она говоритъ о своемъ царѣ Стефанѣ (Душанѣ):

Онъ во чести достойныхъ своей потверждаетъ.
Недостойныхъ же паки тояжде лишаетъ.
Законы и правила людемъ полагаетъ,
Благонравія образъ повсюду являетъ.
Епископомъ прямая опредѣлилъ мѣста,
Иже даже доселѣ нераздѣльны бѣста.
Оруженосныхъ добрѣ устроилъ есть воя,
Еже защищать тѣми вся предѣлы своя.
Ничто мнѣ не достаетъ, во всемъ изобилна
Есмь и благонадеждна, крѣпка же и силна.
Яко Богъ царство мое устроитъ во вѣки,
И прославитъ е всегда между человѣки.

Благочестіе, недовольное горделивымъ тономъ Сербіи, внушаетъ ей, „что Вышный владѣетъ царствомъ человѣческимъ, и оному даетъ по судбамъ превысокимъ, ему же восхощетъ“, и учитъ Сербію, какъ нужно достойно благодарить Господа.

Въ третьемъ дѣйствіи „Стефанъ (Душанъ), превысокій царь Сербскій, состарѣвся, призываетъ князы своя и раздѣляетъ между ими страны царства своего въ правленіе“ до совершеннолѣтія единственнаго сына своего Уроша, опекуномъ же надъ сыномъ своимъ дѣлаетъ князя Вукашина, человѣка образованнаго и знающаго иностранные языки, взявъ съ него клятву въ свое время отдать царство Урошу. Вукашинъ такъ клянется:

Самъ Богъ да побіетъ мя се своими словы,
Клянуся, что не вчиню козны неистовы,
Но отдамъ царство цѣло твоему породу,
Се съ клятвою глаголю при всему народу.

Въ четвертомъ дѣйствіи „Вукашинъ кичится, яко пріятъ царство Сербское, и не хощетъ возвратити е господину своему“, не смотря на увѣщанія собора архіереевъ. Сласто-

любіе и Славолюбіе утверждаютъ его въ зломъ его намѣреніи. Сластолюбіе говоритъ Вукашину точно такъ же, какъ Прелесть князю Владиміру въ трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича:

Помяни, Вукашине, дни первіе тіе,
Егда тя имѣяше царство Сербское сіе,
Кое тогда пространство, кая радость бяше
Сласти, что едва твое сердце вомѣщаше;
Игри и плясанія бяху невозбранно,
Сласть же всяка течаше въ душу непрестанно,
Коихъ тогда радостей не быхомъ мы сыти,
Помянути коль сладко тожъ дѣло творити.
Помяни, когда зѣлной ко сердцу охладѣ,
Быхомъ съ тобою въ красномъ ономъ вертоградѣ.
Тако, тако азъ тебѣ глаголю нелестно,
Помни Сластолюбіе, коль сладко и честно.
Сластолюбія того инако едина
Кая бы то днесь была измѣнна година?
О тебѣ всюду златы днесь проходятъ вѣсти,
И твоей славы никто можетъ исповѣсти.
Пощади себе, молю, пощади самого,
Не отдавай Сербскаго царства предрагаго!

Въ пятомъ дѣйствіи „Урошъ жалуется на Вукашина, яко лестію похити царство, и не хощетъ возвратити е ему". Ангелъ утѣшаетъ его, предрекая паденіе Сербскаго царства, а Урошу обѣщая царство небесное. Урошъ и соборъ обличаютъ Вукашина въ клятвопреступленіи, но Вукашинъ, подстрекаемый Враждою, убиваетъ Уроша.

Въ шестомъ дѣйствіи „Мати ищетъ сына со отроковицами" и словами тѣни Ярополка въ трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича „Владиміръ" изображаетъ надменность Вукашина:

Днесь врагъ нашъ,—говоритъ она,—на престолѣ сидитъ превысокомъ,
Самъ честенъ, а прочихъ величавымъ окомъ
Презираетъ; самъ токмо свѣтелъ же и златый,
Прочіи предъ нимъ просто не смѣюще стати

Прегибаютъ колѣна, и ниже подъ нозѣ
Припадаютъ лежаще на земли надолзѣ.
Мнози отъ иностранныхъ приходятъ со дары,
Царемъ и зовутъ, а онъ окруженъ боляры,
Легкимъ степенемъ сѣмо и овамо ходитъ,
Удивляющымся всѣмъ бровъ куди возводитъ.

Узнавъ объ убіеніи сына Вукашиномъ, мать горько плачетъ; отроковицы стараются утѣшить скорбящую матерь, которая, наконецъ, предаетъ убійцу Вукашина суду Божію.

Въ седьмомъ дѣйствіи Вукашинъ, мучимый совѣстію, видитъ страшный сонъ: будто бы онъ отправился къ брату, и дорогою конь трижды спотыкался подъ нимъ, черный воронъ трижды пролеталъ надъ нимъ; во дворѣ брата встрѣтилъ его черный привратникъ, и наконецъ, когда онъ переступилъ порогъ дома брата, его подняли на мечи и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, убили. Вукашинъ призываетъ Волхва, чтобы онъ истолковалъ этотъ вѣщій сонъ, а Волхвъ призываетъ себѣ на помощь бѣсовъ словами Жеривола въ трагедокомедіи „Владиміръ“:

Азъ двигну мертвыхъ адскихъ, воздушныхъ и водныхъ
Соберу духовъ, къ тому звѣрей многородныхъ,
Совокупно пріидутъ зміи страховидны,
Гады, скоты, ползящя, скорпіи, ехидны.
Совлеку солнце съ неба, помрачу свѣтила,
День въ нощь претворю, явѣ будетъ моя сила.

Между тѣмъ, пока Волхвъ созываетъ бѣсовъ, къ Вукашину приходитъ Отчаяніе и осуждаетъ его на погибель. „Здѣ Вукашинъ громомъ убивается“.

Въ восьмомъ дѣйствіи „патріархъ пришедши утѣшаетъ Сербію“, говоря:

Мню, яко всевышный Богъ мене тебе ради
Послетъ, яко ищеши въ печалы отрады,
Отънелѣ бо смерть отятъ царя твоегъ родна,
Вся страна царства Сербска къ тому нѣсть свободна:

Подпала бо прегорко сія страна свѣта,
И въ яремъ тяжкій пришла турчина проклята
Но не скорби, Сербліе, азъ нелицемѣрно
Патріархъ твой сказую, се ти буди вѣрно,
Яко за тя пастырски тако крѣпко стану,
Дондеже изподъ ига зведу твою страну.
Азъ умолю кесаря, да пріметъ вся люди,
Токмо ты, о Сербліе, въ вѣрности пребуди!

Тутъ разумѣется Сербскій патріархъ Арсеній Черноевичъ выведшій сербовъ, въ концѣ XVII вѣка, въ Австрію. Но патріархъ Черноевичъ умеръ,—и Сербія скорбитъ о его смерти и о томъ, что онъ не оставилъ послѣ себя школъ. Благочестіе утѣшаетъ ее, говоря:

Что доселѣ не было, о томъ не крушися,
Но въпредъ тое снискати бодро попецыся.
Первый степень мудрости есть наукъ искати;
Аще бо восхощеши, можеши снискати.
Послетъ тебѣ на то Богъ іерарховъ добрыхъ,
Иже школы воздвигше, учителей мудрыхъ
Приведутъ, и науки въ оныхъ же водрузятъ,
Невѣжество прежднее какъ во водѣ погрузятъ.

Въ десятомъ дѣйствіи „Марсъ величаяся сказуетъ, яко въ Серблехъ науки не суть на потребу“. Ему вторятъ Беллона и Зависть, а Паллада защищаетъ науку, находя мудрость необходимою для всѣхъ людей, не исключая и военныхъ [1]).

Такимъ образомъ, трагедія М. Козачинскаго обнимаетъ важнѣйшіе моменты Сербской исторіи съ конца XII вѣка, во время процвѣтанія Сербскаго царства и послѣ его паденія, подъ водительствомъ національныхъ сербскихъ патріарховъ, до позднѣйшаго времени, оканчивая вызовомъ

---

[1]) Изд. А. И. Соболевскимъ въ „Чтеніяхъ въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца“, кн. XV, Кіевъ, 1901 г., вып. II и III, отд. 3, стр. 49—87 и 89—122.

русскихъ ученыхъ, во второй четверти XVIII вѣка, въ Сербію для учрежденія латинскихъ школъ. Драматичная уже сама по себѣ, Сербская исторія въ драматической обработкѣ М. Козачинскаго произвела въ свое время глубокое впечатлѣніе на сербовъ, особенно на непосредственныхъ учениковъ Козачинскаго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ его учениковъ Іоаннъ Раичъ, который говоритъ о себѣ, что онъ эту трагедію „еще въ юности своей переписавъ частократно увеселенія ради прочитывалъ"; впослѣдствіи онъ написалъ и издалъ „Исторію разныхъ славенскихъ народовъ, найпаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ", и былъ въ свое время однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей сербской литературы и представителей возрожденія сербской народности [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что мысль представить сербскую исторію въ драматической формѣ навѣяна была на М. Козачинскаго кіевскими школьными пьесами „Владиміръ", Ѳ. Прокоповича, 1705 г., и „Милость Божія", Ѳ. Трофимовича, 1728 года. Изъ первой, какъ мы замѣчали при изложеніи содержанія трагедіи М. Козачинскаго, онъ нерѣдко дѣлаетъ почти буквальныя выписки, а вторую, судя по разсчету времени, онъ долженъ былъ видѣть въ исполненіи во время обученія своего въ Кіевской Академіи.

Воротившись въ 1737 году, по вызову Кіевскаго архіепископа Рафаила Заборовскаго, въ Кіевскую Академію въ качествѣ профессора ея [2]), Мануилъ, въ монашествѣ Михаилъ Козачинскій и здѣсь продолжалъ свою драматическую дѣятельность, но уже въ иномъ нѣсколько направленіи: онъ не касался политической исторіи Россіи и политическихъ ея дѣятелей, но, соотвѣтственно тогдашнему настроенію высшихъ правительственныхъ сферъ, посвятилъ ее просвѣ-

---

[1]) Тамъ же, вып. II, отд. 3, стр. 51, 58 и др.

[2]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи", серія 2, т. 1, ч. 1, № XLIII, стр. 235.

щенію, наукѣ и ихъ покровителямъ, съ легкими только намеками на ближайшія историческія событія Малороссіи. Мы имѣемъ въ виду его драму—

2). *„Образъ страстей міра сего образомъ страждущаго Христа исправися“* [1]).

Что драма эта написана М. Козачинскимъ, это мы заключаемъ на основаніи близкаго сходства и даже тожества выводимыхъ на сцену лицъ и отдѣльныхъ ея мыслей и выраженій съ соотвѣтствующими лицами, мыслями и выраженіями въ его трагедіи о смерти послѣдняго царя сербскаго Уроша V-го. Тамъ и здѣсь выходятъ ва сцену Беллона, Марсъ, Паллада, защитники и противники ученія, и говорятъ иногда одинаковыми словами. Напримѣръ, въ трагедіи объ Урошѣ V-мъ Паллада говоритъ:

Кто когда безъ мудрости побѣдитель бяше,
Или безъ ученія кто торжествоваше;
Есть ли безъ ученія Марсова сила
Подъ Черними горами Турка побѣдила,
Темишваромъ, Белградомъ и подъ Варадиномъ,
Не безъ мудрости бяше подъ самимъ Будимомъ
Брань: но почто Марсъ свою силу восхваляетъ,
И почто ученіе здѣ уничтожаетъ?
Безъ него же самый свѣтъ мнится потемненный,
Безъ него же день свѣтлѣйшій зрится помраченный.
Ученіе милуютъ царіе, и князы,
Вси ѐ хотятъ умѣти строптивы и блази.
Развѣ ему же зависть очи помрачила,
Или страсть сердце мракомъ полнѣйшимъ покрила.
Ихже вси исчезаютъ во суетѣ дніе,
Человѣцы сицевы вси суть проклятые,
Иже уничтожаютъ ученіе свято,
Рожденіе нхъ быти сказуютъ проклято.
Подобнымъ образомъ Паллада говоритъ о себѣ

---

[1]) Изд. въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, сентябрь, 1877 г., стр. 616—665.

и въ пьесѣ „Образъ страстей міра сего“:

Азъ госпожа премудрости всѣми есмь славима,
Всякъ, иже мене не вѣсть, слѣпъ и мжа очима.
Кто убо таковъ можетъ когда обрѣстися,
Бы безъ моего моглъ дара вознестися?
Нѣсть царь, нѣсть вождь, нѣсть крѣпкій, славенъ и богатій,
Дабы безъ мене сія улучилъ пріяти...
Кто мудрости моея аще и во брани
Возыскуетъ, любезнѣ побѣждаетъ страни.
Азъ прославляю всегда, азъ даю совѣты,
Коими бы моглъ злыя отвращать навѣты:
Добре жити во свѣтѣ, добре чтити Бога,
Вся радости пріяти отъ Него премнога.
Мною суть человѣци честни и прекрасни
И во всякомъ дѣлѣ суть и будутъ опасни.
Безъ мене человѣка мертва чаю быти
И весма во всемъ мирѣ яки бы не жити.
Азъ рачителей своихъ, мудрость достигнути
Хотящ(ихъ), наставляю на правыя пути.

Повторяются въ обѣихъ пьесахъ и другіе персонажи-напр. фарисей и мытарь, евангельскій богачъ и убогій Лазарь.

Пьеса написана въ честь и похвалу кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, который, будучи вѣрнымъ поборникомъ просвѣтительныхъ видовъ русскаго правительства, много содѣйствовалъ преспѣянію ввѣренной его попеченію Кіевской Академіи: ввелъ новыя науки, проэкти, рованныя Духовнымъ Регламентомъ, посылалъ молодыхъ людей заграницу для приготовленія къ профессорству и надстроилъ второй этажъ стараго академическаго корпуса съ Благовѣщенскою церковію при немъ.

Пьеса состоитъ изъ пролога и трехъ актовъ.

Прологъ намѣчаетъ главную тэму драмы, которая должна была состоять въ противопоставленіи мудрости непостоянству и суетѣ мірской:

Тако непостоянна, тако неключима
Въ мірѣ суетою вся суть уничижима.
Едину токмо мудрость отъ сихъ разцѣляю:
Сію бо едину азъ вѣчну быти знаю.
Сія во мнозѣ славы всегда процвѣтаетъ,
Сія никогда навѣта злаго не внимаетъ.
Иная вся, аще быти мнятся славна,
Единою згубою погибаютъ равна.
Блаженъ посмѣваяйся сей суетѣ свѣта,
И блаженъ оплакуяй мерска сего лѣта.

Въ первомъ актѣ непостоянство и суета міра доказываются классическими и библейскими примѣрами. Въ шести сценахъ этого акта поочередно выступаютъ Гераклитъ и Демокритъ, Каинъ и Авель, фарисей и мытарь, свѣтъ въ гордости и славѣ и плоть съ діаволомъ, Атлантъ, изнемогающій подъ тяжестью грѣховнаго міра, Іовъ многострадальный, евангельскій богачъ и убогій Лазарь, евангельскій купецъ, впадшій въ разбойники, и Немилосердіе и Человѣколюбіе, и т. п.

Во второмъ актѣ выходитъ астрономъ и разсматриваетъ кругъ небесный. По нему онъ предусматриваетъ, что въ текущемъ году будетъ плодородіе, не будетъ вреда здравію и храбрости и не предвидится голоду. Къ астрономъ приходитъ Россія и спрашиваетъ его: „удобно ли есть время, еже избираю, мнѣ ко наученію“? Астрономъ находитъ, что она избрала самое благопріятное къ тому время, и предсказываетъ будущее поведеніе и успѣхи ея дѣтей въ ученіи:

Не еденъ разумъ всѣмъ зрю, госпоже, быти;
Богу бо возлюбися тако устроити:
Едину убо разумъ благъ и умъ дадеся,
Другому же инако отъ небесъ послеся.

Послѣ этого, Россія идетъ искать изряднаго учителя для своихъ дѣтей и встрѣчается съ Палладой, которая хвалится своею мудростію въ приведенныхъ выше словахъ

предлагаетъ Россіи свою помощь, беретъ ея дѣтей подъ свое покровительство и приглашаетъ на совѣтъ къ себѣ Аполлона, Туллія и Аристотеля, представителей поэзіи, краснорѣчія и философіи. Но, согласно предсказанію астронома, не всѣ дѣти Россіи съ одинаковою охотою внимали урокамъ мудрости. „Два сына Россіи похваляютъ мудрость“, но третій сынъ тяготится ею и вступаетъ въ сообщество непослушанія, преслушанія и Бахуса. Этотъ блудный сынъ Россіи такъ отзывается о тогдашнемъ ученіи:

Аще кто таковую скорбь претерпѣваетъ,
Въ чемъ на семъ свѣтѣ, яко въ мудрости бываетъ?
Къ сей мя болѣзни нынѣ прилѣпила мати;
Ниже что изучихся, кромѣ злѣ ридати.
Се ми мучительница, се узница бяше,
Кромѣ мя умертвити премудрѣ хотяше.
Избѣгохомъ бо отъ руки мучителя злаго,
Его же нарицаютъ учителя благаго.
Аще хощу пребывати живущи во мірѣ
Преблаго, не дамъ убо симъ злонравнымъ вѣры.
Пойду лучше въ погибель весма погибати.

Такое же раздѣленіе въ мнѣніяхъ о мудрости существуетъ и внѣ школьныхъ стѣнъ. Здѣсь съ одной стороны является премудрый Соломонъ, къ которому приходитъ царица Савская съ дарами, а съ другой—Неронъ со свитою пороковъ, затыкающій уши отъ наставленій мудрости.

Въ послѣднихъ двухъ сценахъ второго акта (5 и 6-ой) являются Беллона и Марсъ, поступающій въ ея державу. „Бунтъ жалѣетъ отвращенія Марсова“, т. е. подчиненія его Беллонѣ, и обѣщается составлять бунты. Къ нему приходятъ Обѣщаніе и Отмщеніе. Послѣднее говоритъ:

Что глаголеши дерзко о себѣ, о трекляте
Душепагубный всѣми росскій супостате?
Гдѣ еси таковую своея державы
Воспріялъ крѣпость, яко претишь наша славы?
Не боиши ли ся сій противящъ ся власти?
За сіе ти требѣ есть воскорѣ препасти;

Всякъ, противяйся власти, противится Богу;
Вижду, яко отъ него казнь пріимеши многу.

Наконецъ, Бунтъ смиряется предъ Обѣщаніемъ и Отмщеніемъ и проситъ у нихъ милости, но напрасно: его связываютъ, „да не избѣгнетъ отъ руку, но да пріиметъ казнь и горькую муку".

Подъ Беллоной нужно разумѣть здѣсь Россію, къ которой присоединился украинскій Марсъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, а подъ Бунтомъ измѣну Мазепы, послѣ которой запорожскіе казаки передались Турціи и хану Крымскому. Но въ 1733 году, какъ мы уже знаемъ, императрица Анна Іоанновна простила запорожцевъ и разрѣшила имъ возратиться въ предѣлы Россіи, гдѣ они и основали Новую Сѣчь Запорожскую. По всей вѣроятности, въ пьесѣ и разумѣется этотъ новый союзъ Запорожскаго Марса съ всероссійскою Беллоною, съ указаніемъ на предшествовавшія ему смутныя обстоятельства въ козацкой исторіи.

Въ третьемъ актѣ дѣлается спеціальное примѣненіе къ архіепископу Рафаилу Заборовскому и къ Кіевской Академіи. Здѣсь „исходитъ Любомудріе, желая видѣти премудрости". Ангелъ извѣщаетъ его, что Мудрость уже знаетъ о желаніи Любомудрія и сама идетъ къ нему на встрѣчу. Она оставляетъ небесный престолъ свой, чтобы видѣть землю и порадоваться съ людьми, и исходитъ, поддерживаемая подъ руки дочерьми своими Вѣрой, Надеждой и Любовію, представительницами богословскаго образованія. Подошедши къ „сѣни", она говоритъ:

Се покой мой, ту вселюся во вѣки
И всегда назираяй буду съ человѣки.
Се во жилище прежде обрахъ себѣ благо,
Се сотвору вовѣки, се предпочту драго.

Ко Вѣрѣ, Любви и Надеждѣ глаголетъ:

И вы, дщери, вонь азъ вселихся, прійдѣте,
Предуготовленній мнѣ покой предузрѣте!

Веселитися вамъ нынѣ благо есть со мною,
Да пребудемъ во вѣки купно со собою.

Подъ „сѣнію“ здѣсь нужно разумѣть каменную надстройку Рафаиломъ Заборовскимъ втораго этажа надъ старымъ Мазепинскимъ корпусомъ Кіевской Академіи, съ богословской и философской аудиторіями, конгрегаціоннымъ залом ъ и конгрегаіонною Благовѣщенскою церковію, существующими и доселѣ.

По приглашенію Мудрости, дочери ея Вѣра, Надежда и Любовь поселяются, вмѣстѣ съ матерью, въ приготовленномъ для нихъ покоѣ. Къ нимъ приходятъ на поклонъ Любомудріе, Смиреніе и Чистота. Затѣмъ „исходитъ церковь тріумфующая“, къ которой приходитъ Прелесть, какъ представительница Римской церкви; но ангелъ прогоняетъ ее и утверждаетъ Православную церковь. Наконецъ „исходитъ Единомысліе и желаетъ весь міръ въ согласіи быти“. Вражда гнѣвается на Единомысліе и говоритъ къ нему перифразомъ Овидія:

Что се? что, что хощеши въ свѣтѣ исправити?
Воистину вся отъ моря вспять пойдутъ рѣки;
Мира же не исправишь между человѣки.
Слонце въ тму преминится, луна не дастъ свѣта,
Миръ же не будетъ во всякіе лѣта.
Удобѣе есть землю въ небо претворити,
Неже повсюду миру устроенну быти.

Но приходитъ Благоустроеніе и заботится о томъ, чтобы „единаго Бога купно всѣ знали, въ тишинѣ и мирѣ и вѣрѣ единѣ живуще“. Оно препираетъ Вражду и заключаетъ братскій союзъ съ Единомысліемъ. Въ послѣдней сценѣ пьесы „Ангелъ благовѣствуетъ миръ всѣмъ ближнимъ, отъ смерти Господа нашего Іисуса Христа исполненній“, и варьируется описаніе герба, состоящаго изъ креста съ сердцемъ и діадимою. Это—гербъ польской фамиліи Заборовскихъ, изъ которой происходилъ архіепископъ Рафа-

илъ Заборовскій, усвоившій себѣ этотъ гербъ. А такъ какъ фамилія Заборовскихъ раздѣлялась на нѣсколько вѣтвей и входила въ родственныя связи съ другими фамиліями, то въ пьесѣ описаны гербы и нѣкоторыхъ изъ этихъ отраслей, а также гербы фамилій Покоръ и Дуниновъ, о послѣдней изъ коихъ несомнѣнно извѣстно, что она находилась въ родственныхъ связяхъ съ фамиліей Заборовскихъ. Такимъ образѣ въ пьесѣ представлена довольно полная генеалогія фамиліи архіепископа Рафаила Заборовскаго, въ честь котораго и составлена пьеса [1]).

Время составленія ея опредѣляется окончаніемъ надстроекъ архіепископа Рафаила Заборовскаго надъ старымъ мазепинскимъ академическимъ корпусомъ. По сообщенію В. И. Аскоченскаго, „17 іюля, 1739 года, въ первый разъ происходило торжественное собраніе во вновь устроенной (конгрегаціонной) залѣ. Чтобы увѣковѣчить это событіе и доказать глубочайшую свою признательность архипастырю благодѣтелю, академисты на публичномъ диспутѣ поднесли Рафаилу отличнѣйшую картину, сочиненную и исполненную однимъ изъ воспитанниковъ сего училища Григоріемъ Левицкимъ“ [2]). Къ этому или къ слѣдующему 1740 году когда окончены были всѣ надстройки м. Рафаила надъ старымъ корпусомъ, должна быть отнесена и наша пьеса. Правда, въ этихъ годахъ М. Козачинскій не былъ преподава-

---

[1]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, Н. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 85—6.

[2]) „Кіевъ, съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею“, В Аскоченскаго, т. II, стр. 80—81 и др., сн. Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. 1, ч. 1, № V, стр. 36. Расходы Р. Заборовскаго на школы и церковь оканчиваются 1738 годомъ, а конгрегаціонная Благовѣщенская церковь освящена имъ 1 ноября 1740 г. См. тѣ же „Акты“, т. 1. ч. 2, стр. 279.

телемъ піитики или риторики, да и вообще никогда не преподавалъ этихъ предметовъ въ Кіевской Академіи, но, какъ человѣкъ бывалый, опытный и энергическій, онъ вообще занялъ въ Кіевской Академіи положеніе какъ-бы оффиціальнаго поставщика пьесъ на торжественные случаи и впослѣдствіи написалъ еще двѣ пьесы по случаю прибытія въ Кіевъ императрицы Елизаветы Петровны, какъ это увидимъ впослѣдствіи.

Б) Ко второй группѣ драматическихъ произведеній эпохи Анны Іоанновны относятся школьныя пьесы съ бытовыми намеками и сценами, каковы: Рождественская пьеса М. Довгалевскаго, 1736 г., и Пасхальная пьеса его же, 1737 года,—обѣ съ интерлюдіями. Судя по наружному виду этихъ произведеній, Кіевская школьная драма принимаетъ въ нихъ, по видимому, не ту форму и направленіе, какія указаны Ѳ. Прокоповичемъ и Ѳ. Трофимовичемъ, а другую, и какъ бы дѣлаетъ крутой шагъ назадъ, къ іезуитско-схоластическимъ драмамъ. Но эти драмы М. Довгалевскаго представляютъ собою только наружную оболочку школьныхъ дѣйствъ, которою закрывалось болѣе живое и интересное содержаніе комическихъ интерлюдій изъ простонароднаго быта, и должны быть разсматриваемы совокупно, въ живой, органической связи съ ними. Драмы эти, безъ интерлюдій, слишкомъ кратки по содержанію и просты по композиціи, и скорѣе принадлежатъ къ тому роду драматическихъ произведеній, который извѣстенъ подъ именемъ школьныхъ „декламацій“, т. е. драматическихъ отрывковъ, исполнявшихся въ самомъ классѣ, безъ особой сценической обстановки и безъ налич-

ности высокопоставленныхъ слушателей или зрителей. Но краткость этихъ драмъ, повидимому, преднамѣренна и имѣла своею цѣлію дать побольше мѣста органически связаннымъ съ ними комическимъ интерлюдіямъ. Послѣднія не являлись теперь случайностью, какъ прежде, а составляли составную часть цѣлой пьесы, и притомъ не были только пародіями на простой народъ или безцѣльными насмѣшками надъ нимъ, какъ у польскихъ іезуитовъ XVII вѣка, а представляли реальныя бытовыя картины, не чуждыя иногда и драматическаго элемента. Піитическія правила самого М. Довгалевскаго требовали, чтобы „въ комедіи выводились лица низкія, какъ то господарь (pater familias), литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, скиѳъ, турокъ, грекъ, итальянецъ“, и чтобы комедіи писались „слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ“ [1]). Эти правила онъ и осуществлялъ въ интерлюдіяхъ къ своимъ драмамъ, и слѣдов., понималъ эти интерлюдіи, какъ школьную „комедію“.

3) Рождественская пьеса М. Довгалевскаго носитъ такое заглавіе: „*Комическое дѣйствіе* въ честь, похваленіе и прославленіе по пророчеству и обѣтованію рождшемуся, ветхому денми, младенствовавшому подъ лѣти, усти отъ вѣка пророкъ провозвѣщенному, явленіемъ звѣзди и поклоненіемъ царей свѣдительствованному, царю царей, Христу Господу, всемирной дѣля радости четирма явленіи изображенное“. Въ концѣ его приписано: „1736 года декабря 25 отправляемое дѣло. Авторъ сего Іером. Митрофанъ Довгалевскій, учитель піитики“.

Пьеса дѣйствительно состоитъ изъ одного только „дѣйствія“, заключающаго 4 явленія, съ прологомъ въ на-

---

[1]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, Н. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 69.

чалѣ, эпилогомъ въ концѣ и кантами и интерлюдіями послѣ каждаго явленія.

Въ Прологѣ „выходитъ Валаамъ и хвалясь пророчествуетъ о пришествіи Христовомъ и предсказуетъ кратко о всемъ комическомъ слѣдующомъ дѣйствіи, въ четирехъ явленіяхъ заключенномъ". Сказавъ о созданіи человѣка, грѣхопаденіи прародителей и искупленіи ихъ новорожденнымъ Спасителемъ, Валаамъ продолжаетъ:

Сему унуки мои, тріе цари силни,
Водиміи звѣздою, дари изобилни
Принесутъ; но Іродъ царь весма усумнится,
І о рождествѣ его бѣднѣ засмутится,
Тщатимется убити, отнюдь не возможе,
Самъ точію врагъ Христовъ въ жизни изнеможе;
Пошлетъ, гнѣвомъ поощренъ, младенци избити—
Декретъ Божій убійци прійдетъ вся отмстити;
Человѣколюбіе Божіе съ пророки
Пѣснь воспоютъ на земли съ ангелски лики.

Въ первомъ явленіи выходятъ три царя, предшествуемые необычайною звѣздою, разсуждаютъ о значеніи ея и идутъ отыскивать новорожденнаго царя.

Во второмъ явленіи они встрѣчаются съ Иродомъ и, на его вопросъ о цѣли путешествія, сообщаютъ ему, что они идутъ поклониться новорожденному царю, который „подсолнечною имѣетъ владѣти". Иродъ, затаивъ въ своей душѣ злобное намѣреніе убить воображаемаго соперника своего, проситъ волхвовъ на обратномъ пути сообщить и ему о новорожденномъ царѣ, чтобы и самому привѣтствовать его.

Въ третьемъ явленіи „выходитъ Іродъ царь и, зѣло ярясь, печалуетъ о погубленіи царства и о невозвращеніи къ нему воспять царей, до котораго выходитъ Гнѣвъ и поощряетъ его, да вскорѣ пославъ воя своя во Виѳлеемъ, из-

биетъ дѣти. Посемъ выходитъ Декретъ Божій и призиваетъ Смерть и Діавола, да умерщвлятъ Ірода за младенцовъ неповинное убійство". Декретъ Божій говоритъ, между прочимъ, Ироду:

Се падеши отъ Смерти, о враже треклятій!
Пріиди, о Смерти, вскорѣ, посѣци косою,
Да царствуетъ во адѣ и живетъ съ тобою
Сей, иже надѣяся долго царствовати;
Потреби память его, дабы не моглъ встати...

Смерть.

Не годѣ будетъ сего, яко посѣцу тя,
Но горѣе будетъ ти, яко въ адъ возму тя.
Се приглашу и друга—что дѣлать съ тобою?
І возмемъ тя отсюду на жилліо зъ собою.
Пріиди, друже искренній, первѣйшій владико,
І увиждь снѣдь готову, сладку намъ толико!
Долгое бо ми время сего ожидали,
Даби въ руцѣ Ірода убійцу пріяли

Діяволъ.

О, гостя вожделѣнна, друга прелюбезна,
Давно тя ожидаетъ глубочайша бездна!
Желалъ еси во свѣтѣ сладцѣ царствоваты,
Обаче лутше ти есть съ нами пребивати.
Первое бо съ Каиномъ мѣсто означенно,—
Первѣйшихъ васъ на будетъ,—и саномъ почтенно;
Заслуга ваша знатна и вездѣ есть явна,
За что пекелна бездна вамъ готова здавна.

Въ четвертомъ явленіи „выходитъ Человѣколюбіе Божіе, обявляя посланіемъ Единороднаго Сина милость, сотворшуюся роду человѣческому, гдѣ приходитъ и царь Давидъ съ пророками, благодаря, яко не тощное бисть пророчество ихъ о пришествіи Христовомъ. Послѣ приходятъ ангели и благодарственній поютъ кантъ и вси купно съ пѣніемъ отходятъ" [1]).

---

[1]) Изд. въ „Памятникахъ русской драматической литературы", В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., стр. 169—182.

Къ рождественской драмѣ Митрофана Довгалевскаго сочинено было пять интерлюдій комическаго характера. Несоотвѣтствіе числа ихъ съ 4-мя явленіями самого „дѣйствія“ наводитъ на мысль, что интерлюдіи сочинялись не самимъ М. Довгалалевскимъ, а другими лицами, подъ его наблюденіемъ, вѣроятно, студентами академіи, его учениками, между которыми были люди и съ комическимъ талантомъ. Одного изъ нихъ, Савву Лебединскаго, козачьяго сына изъ г. Мглина, Стародубскаго полку, самъ М. Довгалевскій аттестовалъ въ своемъ спискѣ такъ: Magister Comoediae, salis sermonisque urbanitate abundat, и проч. Мы увидимъ впослѣдствіи, что и другія интерлюдіи къ школьнымъ пьесамъ XVIII вѣка сочинялись студентами же, а не учителями. Тѣмъ не менѣе, составители интерлюдій все-таки старались приноровить ихъ содержаніе къ содержанію „дѣйствія“, такъ сказать „выворачивая его наизнанку“. Въ соотвѣтствіе восточнымъ волхвамъ звѣздочетцамъ, и въ интерлюдіяхъ выводится астрономъ или астрологъ—полякъ, а мужику видѣлся сонъ, будто бы большая звѣзда бьется съ мѣсяцомъ. Подобно тому, какъ волхвы приносятъ дары новорожденному Спасителю, и крестьяне литвины приготовляютъ и подносятъ подарокъ своему пану поляку [1]).

Въ первой интерлюдіи „виходитъ астрономъ и хвалится своею наукою, до котораго виходитъ два мужика, литвинъ, циганъ, и проженутъ“. „Шляхтичъ урожденный“ сомнительнаго происхожденія хвалится своею родовитостію, разумомъ Катона, мужествомъ Гектора, знаетъ, „что дѣется въ пеклѣ и въ небѣ“, но нисколько не имѣетъ счастья, и не имѣетъ ни обуви, ни шапки.

Однако онъ не унываетъ и разсчитываетъ на свои астрономическія познанія. Подвернувшійся тутъ мужикъ отнесся къ нему подозрительно и задалъ вопросъ:

---

[1]) „Кіевск. Старина“, декабрь, 1882 г., стр. 463 и слѣд.

А якую ж ти тутъ, вашецъ, човпешь веремѣю?
Чи не хочешь ти насъ тилко вернуть на менѣю?

Астро. Але я не тенъ, я знамъ, цо се въ небѣ чини,
Розмове мое слово нигды не омини,
И я завше згадне, кеды и ораць до хлѣба.

Мужикъ призываетъ своего пріятеля Пархома посмотрѣть на этого человѣка, котораго „сюда чортъ принесъ съ неба". Вслѣдъ за Пархомомъ собираются къ астроному цыганъ и литвинъ, и всѣ они обращаются къ астроному съ вопросами о томъ, что болѣе всего интересуетъ каждаго изъ нихъ. Пархомъ думаетъ привести къ нему свою рябую корову, чтобы астрономъ опредѣлилъ, „якое буде теля", и задаетъ ему вопросъ:

А що бакъ ти у чорта и скажи, (что) за птица:
Чи мишь, чи кажанъ, чи перепелиця?

Астро. А я естемъ Польскей науки острологъ.

Муж. Е, се бачу-той, що бавлятъ остронугъ,
Що вѣнъ напередъ летючую хватае,
Около неба звѣзди избирае.

Цыганъ говоритъ, что у него „естъ кобила,—три роки жеребна, да ще не родила лошати", и спрашиваетъ астронома, какой масти будетъ лоша, не черной ли.—Литвинъ спрашиваетъ его о своихъ пчелахъ:

Га, га, кабузнѣкъ! о пчелкахъ чи знаешъ?!
Въ мшанику іость сколко, чи въгадаешъ?
А въ борцяхъ чи живи, чи не рушивъ недзведь?
Кажи, чи знаешъ, або уже не бредзь!
Албо висеяць горохъ колѣ треба?

Не понимая его словъ или изворачивая ихъ смыслъ, совопросники заподозриваютъ астронома въ томъ, „що вѣнъ надувсь до оранди", т. е. хочетъ взять ихъ землю въ аренду, издѣваются надъ нимъ и прогоняютъ.

Во второй интерлюдіи „виходитъ мужикъ, сонъ росказуе и прикликае до себе еще двохъ; по тому призоветъ бабу и циганку; цыганъ пріиде за циганку, всѣхъ пропудитъ". Мужику Семену приснился диковинный сонъ:

Ажъ бачця анголикъ зъ рогамы до мене прибрався,
Тай кажетъ такъ на мене: чи бачивъ ти дѣво?
Я бачця гулкъ на небо, ажно небо сиво,
А звезда велицузна да зъ мѣсяцемъ бется,
Мѣсяцъ не пуска сюда, вона къ мѣнѣ прется,
Дакъ я пакъ ище гѣрше хрищусь, молюсь Богу.
Якъ злякався да и назадъ лѣзу и къ порогу,
Ажъ бачится мене за руку хувра (хивря=свинья) да и на пулъ,
Дакъ у мене ис правои ногы испавъ постулъ...
Коли бъ бакъ хто сей снище заразомъ одгадавъ,
Я бъ остатню корову перѣстую отдавъ.

Онъ зоветъ Пархума, Пархумъ совѣтуетъ обратиться къ Кузюбердѣ, а Кузюберда—къ бабѣ Настѣ. Но послѣдняя сама предупредила ихъ желаніе и припла къ нимъ за милостынею:

Баба. Помагай бѣ, сподарѣ, дайте мылостину!
Глянтесь на старость который отцкій сину!

Она толкуетъ сонъ въ благопріятномъ для мужика смыслѣ:

Баба. О сежъ вамъ идетъ на хлѣбъ, на плудъ да на дѣты;
Будетъ за кимъ на старостъ спокойно сидѣти.

Въ это время подходитъ ворожея—цыганка, очевидно подслушавшая ихъ разговоръ, и сама передаетъ содержаніе сна и толкуетъ его.

Цыг. Помагай бѣ, пани! чи здорови, жадани?
Маешъ тугу на сердцу своему,
Що снилось во снѣ тезкови твоему.
Хиба вы мнѣ дайте наибѣлшое сало,
Щобъ правдивой циганцѣ за ворожку стало.
Я знаю, що до васъ ангелы и звѣзди ходилы
І всяку потѣху до васъ приносили.

Мужики удивлялись прозорливости цыганки, которая, между тѣмъ, успѣла уже вытянуть у мужика изъ—за пазухи хустину. Баба Настя уличаетъ ее въ воровствѣ, и мужики собирались уже бить циганку, отправить ее къ войту, ото-

драть ее и забить ногами въ громадскую колоду. Но цыганку выручаетъ ея мужъ и уводитъ съ собою, посылая мужикамъ такой упрекъ:

Въ нашимъ роду того не мае, щобъ у колодкахъ сидѣти,
Чого ваши не дождутъ и всы пѣи дѣты.
Лучше би цигану не бути на свѣтѣ.

Въ третьей интерлюдіи „виходитъ козакъ съ пѣснею, до которого выходитъ ляхъ на влови: козакъ схоронится; потомъ виходятъ къ тому жъ ляху поддании съ поклономъ". Эта интерлюдія—самая интересная по обрисовкѣ отношеній между козаками, ляхами, ихъ подданными—литвинами и москалями. Интерлюдія начинается думкою козака, который былъ у турка подъ руками, а у татаръ въ оковахъ, и только—что (въ 1734 г.) воротился на родину.

Мати моя старенкая, чи ти мнѣ раденкая
Моей молодости? 2.
Бувъ у турка подъ рукамы, а въ татаровъ зъ кайданами
У самой жалости. 2.
Да вже правда тепера нема добра всюди,
Дармо пряцуемъ, выставляемъ груди.
Богъ виручивъ мя оттуда, а теперъ мѣсця не найду.
Въ дому не сидѣти:
Лѣсы, поля спустошенни, лугы сѣна покошенни,
Пороспускавъ дѣты 2.
Толко ж правда, що треба взираты на Бога;
Той всѣмъ есть въ добичи простая дорога.
Пойду знову на Сѣчъ, маты! пойду долѣ внизъ шукаты:
Козацкая доле 2!
Аче й буду потугою, а въ москаля заслугою
Мати ж моя Оле 2!
Спитаю, чи не буде хочъ на низу добра,
Чи не тралится де поимати лиса або бобра.
Буду турковъ воеваты, мечемъ слави добувати,
Буду воевати 2.

Кармазини зъ луданамы, шати драты зъ султанамы,
Совсѣмъ буду брати: зъ очей не спускаты 2.
Егей, коли б впять якъ була козацкая слава,
Щобъ роспустилась всюди якъ пѣрами пава,
І щобъ зацвѣла знову якъ рожа у лѣтѣ,
Якъ Богъ поволитъ побрать турецкіи дѣты,
Або ляховъ на той часъ трапится поиматы
І сѣмъ кіемъ козацкимъ по ребесахъ дати.

Къ концу этого монолога выходитъ ляхъ на полеванье и высказываетъ желаніе, чтобы его подданные поднесли ему еще новаго сокола, для ловли перепелокъ.

Въ отвѣтъ на его желаніе являются литвины, его подданные, на поклонъ своему господину. Старшій изъ нихъ предварительно учитъ младшихъ, какъ привѣтствовать пана:

Оттакъ буду гаварицъ: на здорове тобе, пане!
Нехай и панеи стане: і всѣмъ дзіеткамъ вашимъ,
Нехай станіесе гето тутъ приходомъ нашимъ.

Но ихъ простое, незатѣйливое привѣтствіе показалось пану оскорбительнымъ, и онъ приказываетъ своему хлопцу бить ихъ проволочными постронками, начиная съ войта, какъ старшаго, прибавляя:

Цо жъ то за диво до мне, и яка причина,
Хлопа забиць, убить, якъ скурвего сына?!
Лит. Ну жъ, моспане, и меніе еще прохварасцѣ,
А прохварасцѣвши та й до дому пусцѣ.

Приказавъ и этому литвину отмѣрять сто кіевъ (палокъ), ляхъ дивится хлопской отвагѣ: „знать же то москаль або козакъ ему допомага“! Имя козака и москаля вызываетъ у него воспоминаніе о прежней славѣ Польши, когда у него „подданство въ Кіевѣ бывало, гдѣ онъ былъ губернаторомъ“, и онъ строитъ завоевательные платы насчетъ Украины, хвастаясь, что онъ съ товарищами посрубаетъ подданнымъ шеи до корня, выгонитъ изъ Украины дурня—козака и заберетъ всѣ принадлежавшія полякамъ поселенія около Глухова:

То вшистко мечемъ, огнемъ звоеваць можеми,
А Лещинскего круля внову отбержеми,
А внетъ зацѣнгнеми ту менжнего Гектора,
И на помоць пришле намъ одъ свего Двора
Круль французскій же тысіонць друге—тржеце,
Мы ся сберемы вколо до сто тысонць пржедзце,
Бендземы тежъ воіоваць до самей Полтавы,
Абы одебрать первшій гоноръ нашей славы.

Въ объясненіе этого мѣста интерлюдіи нужно замѣтить, что Станиславъ Лещинскій, избранный въ короли Польскіе въ 1705 году и въ 1709 году принужденный бѣжать изъ Польши, въ 1733 году пытался снова занять польской престолъ, но въ 1736 году долженъ былъ вторично отказаться отъ него.

Услышавъ хвастовство поляка, являются сначала козакъ, а потомъ москаль, и прогоняютъ поляка.

Коз. А доки жъ вы бестелюги будете звегати?
Чи то ми васъ не зможемъ кіями прогнаты?
Земку, о земку! швидко давай поратунку!
Ось тутъ добичи озмемъ не одну вже сунку.

Моск. Што они тебя, гаспадинъ панъ казакъ, не ругаютъ ли?

Коз. Дежъ пакъ не лаютъ? отъ такъ лаютъ, що ажъ лихо!

Моск. Дабро ти, казакъ! вось ми убіеромъ ихъ тихо.

Поляк. Нумы тежъ, браця, хвитаць до свего оренжа,
Абы не утратить жаднего жолнержа!

Моск. Казакъ, пріимайсь, не бойся, бери зъ плечей двоихъ,
А я тотъ часъ уберу далгополихъ отъ тихъ.
А што здесъ о рубежахъ они спаминали,
Будто ляшонки Украйну въ областяхъ держали,
Дабро, вотъ покажемъ рубежи кнутамы на спинѣ!

Коз. І добре, земочку, щобъ другой памятавъ
Да и дѣдчой своей дитинѣ заказавъ.

Въ 4-й интерлюдіи „выходитъ мужикъ зъ жидомъ на ярмарокъ, до которого выходятъ ксонзи три езуита, кри-

жакъ да и Барнадимъ; до всѣхъ ихъ пріидетъ москаль и запряжетъ двохъ, а съ третѣмъ сядетъ, и отидутъ". Мужикъ везетъ на волѣ жида на ярмарку и добродушно перебранивается съ нимъ.

Муж. Гей, собъ! Якій катъ тебѣ, воле, тобѣ теперь стався?

Жид. Поганяй зе свиденко, въ дорозѣ не гайся!
Ну, поспѣсайся скоро въ ярмарокъ, Іванце!

Муж. Сиди жъ бо, коли сѣдишь, остилій поганче!
Як покину, то озметъ дяволова мати.

Жид. Якъ покинесь, то не дамъ твоей заплати;
Коли цѣло привезесъ, я платити буду.

Муж. Я из горла выдеру, якъ року добуду.
Отъ бачишь, якъ хватався на ярмарокъ дуже!

Жид. Сцобъ напередъ съ тасою (палаткой) розобратись, друже

Муж. Уже жъ бо тутъ роспинай, олендару, ташу!
А мы вашець бика поведемъ на пашу.

Жид. Скоро зъ вертайся съ пасѣ, будесъ глядеть ташѣ,

Муж. А тамъ же хто будетъ доваровать кашѣ?
Отъ еще я тобѣ щось забувъ исказати,
Бо Одарка велѣла де що куповаты.

Жид. Сцожъ такое казала? дай же на папиру!

Муж. Отъ же, якъ тамъ еси бувъ, казала и бумберу (имбиру)
Купити, галку муштукову и перцю,
Ладану, воску, калѣи и курки, да и ложечку черцю.

Жид. Кази зъ, сцо еще треба къ вашему святу!

(*Муж*). Го, люлку и чубукъ добрій купиты моему свату.

Въ это время подходятъ три ксендза; жидъ зазываетъ ихъ къ себѣ.

Жид. Просе на вудечке, просе, звольте пити.

Ксон. Дай—но, жизню, самъ на цій шостакъ биты!
Мы не таки людъ, якъ шизма преклента.

2. Проше, ойче, повѣдь, зкондъ та вяра взента?

3. А цо тутъ бендзель о вярѣ дишкуроваць?
Слыше, идзе москаль, ту бендзе штурмовать.

Моск. Што здесь за шумъ, што за крикъ? да нетъ ли раздіоровъ?

1 *Ксон.* Чекай—но, васпанъ, мы не въ твоимъ двору.
Моск. Што балтаешь, скурый синъ! ти меня називаешъ воромъ?
Да ище хвалисся здѣся своимъ дворомъ?
Полно балтать! мнѣ нада дать скоро падводу.
Ксон. Мы, моспане, естесьмы не такего роду.
Моск. Какъ тіе завутъ? гавари! кака въ тіе манѣта?
Я, моспане, естемъ вчоный іезуита.
Моск. А тебіе, другъ, какъ завутъ? знать ли ти палякъ?
2, Добрже—сь згаднолъ, моспане, же я естенъ кржыжакъ.
Моск. Тіебіе, третой, какъ завутъ? да и ты ли зъ нѣмъ?
Ксон. О, я естемъ польскего закону барнадимъ.
(Моск.). Побратимъ? садись, поганяй, вить мніе ніе даліоко:
Въ Броварахъ почту сміенѣмъ или въ Платавіе,
Тамъ васъ пущу кармитця на доброй отавіе.

Въ пятой интерлюдіи „виходитъ жидъ и тужитъ за кобилою, до которого приходитъ грекъ и насмѣвается жиду, до которихъ виходитъ волохъ и звелитъ своему хлопцю вывести кобилу; жидъ признается до кобили, якъ заговорятъ единъ до едного, не знать буде, цыганъ талмачъ буде миж нимы, всѣхъ проженетъ [1]).

4. Пасхальная драма М. Довгалевскаго носитъ такое заглавіе: „Властотворній образъ человѣколюбія Божія всемирной дѣня радости пяточисленнымъ явленіемъ обновленній въ честь и прославленіе искони единосильный совѣтъ давшему единому отъ Троицы Сыну Божію, яко сотворити благоволившему и отъ небытія во бытіе перваго человѣка приведшему, его же ради сей, яко заповѣди преступника, за крайнее благоутробіе воплотися, пострада даже до смерти крестнія и всемощною Божества силою тридневно воскресе, и паки сего и всѣхъ клятвѣ его виновнихъ на первое вѣчнія свободи (ы) и радованія возведе блаженство". Въ

[1]) Изд. въ приложеніи къ „Кіевской Старинѣ" за сентябрь и октябрь 1897 г., стр. 89—104

концѣ—приписка: „1737 году апрѣля 10“. Эта драма тоже состоитъ изъ одного только дѣйствія, заключающаго въ себѣ прологъ и пять явленій, съ пятью кантами при нихъ и 5-ю интерлюдіями. Въ первомъ явленіи „виходитъ Совѣтъ Божій о сотвореніи перваго человѣка, еже бы, сотворивъ его по образу и по подобію своему, украсити всякимъ дарованіемъ и дати мѣсто райскія свободи; къ нему же виходитъ Правосудіе Господне, прекословя совѣтному намѣренію, еже не творити таковаго человѣка, до которихъ виходитъ Милость Божія, и между Совѣтомъ и Правосудіемъ средствіе творитъ, согласуя паче о сотвореніи Совѣту, неже Правосудію“. Во второмъ явленіи Милость Божія вводитъ первозданнаго человѣка въ рай и даетъ ему первую заповѣдь, но Прелесть склонила его нарушить эту заповѣдь; въ третьемъ Правосудіе Боже отдаетъ преступнаго человѣка „въ работу и плѣнъ Смерти и Діаволу“. Обращаясь къ Смерти и Діаволу, Правосудіе говоритъ имъ:

Се вашъ вѣчный рабъ, плѣнникъ и наслѣдникъ бездни.

Смерть и Діаволъ говорятъ:

Ни, Правосуде, но гость и другъ прелюбезній.

Правосудіе Божіе.

Сей возжелалъ со Богомъ равно царствовати.

Смерть и Діяволъ.

Обаче лучше ему съ нами пребывати.
Заслуга его знатна и предъ нами явна,
Его же желаніемъ ожидали здавна.

Въ четвертомъ явленіи Діяволъ хвалится своимъ владычествомъ надъ человѣческимъ родомъ и приглашаетъ свою союзницу Смерть, которая и отправляетъ въ адъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ Авеля, Моисея, Іосифа Прекраснаго и Симеона Богопріимца за вину праотца Адама;

Что виновни суть пророци, не ядшіи отъ древа?
Кромѣ пріяша оскому, ей же причастна Ева.

Въ пятомъ явленіи милость Божія выводитъ перваго человѣка и праотцевъ изъ ада и возвращаетъ имъ первобытную свободу [1]).

Въ комическихъ интерлюдіяхъ къ пасхальной драмѣ М. Довгалевскаго замѣчается такое же приноровленіе къ пасхальнымъ событіямъ, какое мы видѣли и въ рождественскихъ интерлюдіяхъ. Такъ, напр., въ первой интерлюдіи литвинъ воскресаетъ изъ мертвыхъ и разсказываетъ о томъ, что видѣлъ на томъ свѣтѣ; въ пятой интерлюдіи казакъ, въ параллель освобожденію праведниковъ изъ ада, вызволяетъ мужиковъ изъ лядской неволи и самого ляха съ жидомъ запрягаетъ въ ярмо. Нѣкоторыя изъ пасхальныхъ интерлюдій имѣютъ довольно близкое отношеніе къ южнорусскимъ народнымъ преданіямъ и разсказамъ [2]).

Въ первой пасхальной интерлюдіи „виходитъ два мужика заставляти тенета, до которихъ виходитъ третій для поради; оставивши тенета, скріются; потомъ виходитъ литвинъ и упадетъ въ тенета, и напавши мужики литвина убютъ. Потомъ выходятъ синки шукаючи батька и знайшовшы воскресятъ. Еще къ нимъ виходитъ ксонзъ питатися, що на томъ свѣтѣ дѣется, и литвинъ ксонза прожене". Выходятъ два мужика съ тенетами, рѣшившіеся попытать счастья на звѣроловствѣ. Первый изъ нихъ, повидимому мельникъ по профессіи, любуется пущею, которая прежде не одного предпріимчиваго человѣка поставила на ноги, а теперь уже стала бѣднѣе звѣрями, и, въ случаѣ неудачи, рѣ-

---

[1]) Изд. въ „Памятникахъ русской драматической литературы", В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 года, стр. 183—203.

[2]) Изд. въ приложеніи къ „Кіевской Старинѣ", за октябрь и ноябрь 1897 г., стр. 104—117; сн. „Кіевск. Старину", декабрь, 1882 г., стр. 463—4.

шается бросить жену и дѣтей и самъ идти „куди очи“ глядятъ. Онъ говоритъ:

Гай, гай, Грицку братухо! іось пожал(ь)ся Боже,
Що то за мѣсце було отблизку пригоже,
Не одного се хлѣбомъ попогодовало,
Да не за великій часъ якъ не тее стало.
Тутъ бувало стовпище лучшого звѣряти,
Якъ свѣтъ свѣтомъ такого не было видати.
Бацця бъ, коли бъ умѣло, то бъ проговорило,
Що не одному паршѣ нащинцу обмило.
Першенкій Пархѣмъ Жижа,—мовляла жъ Дроздиха,—
Отсѣль схвативсь на ноги не зъ якого лиха.
Такъ же Понаскій Спаскій у злидняхъ купався:
Ни свѣтъ, было, ни зоря той потелѣпався.
Все бувало, якъ Марко, по пеклу товчется,
Гледи, той пре, ажъ у три погибелѣ гнется;
А теперъ сидитъ собѣ, якъ журавль у просѣ:
Тилко жъ що хочь говори, есть щось въ іого въ носѣ.
Нащо жъ якъ и нащинецъ отъ лиха пряцуе,
Що въ Бога день на ступѣ и въ жорнахъ танцюе;
А коли попадешь той осмакъ и лядскую,
Або шелягъ зламаній, копѣйку якую,
Не збагнешь куди вткнути—всіого душа хоче.
А що дай, да й кождому, то таки опроче:
Жунка гризе голову, а тутъ дѣти въ крики;
Хочь бо вже якого, то зобютъ съ полетыки.
Хиба еще и сіого хлѣба запитаю;
Коли жъ недзо, то и прощай, брате Николаю!
Жунку зъ дѣтми зъ блеску гдесь зацуприкую,
А самъ пручъ куда очи и почемчикую.
Шкода балагурити и свѣтомъ нудити
Нумо, тилко спитаймо тенета розбити!
Дававъ Богъ брат(ь)ця людямъ, и намъ обицався,
Я бъ таки бачця тута чогось сподѣвався.

Но мужики не сошлись въ выборѣ мѣста и поссорились между собою. Ихъ помирилъ третій мужикъ, и всѣ они, закинувъ тенета, усѣлись вблизи, чтобы тотчасъ же оглу-

шить попавшагося звѣря и не дать ему времени порвать тенета.

Въ это время идетъ въ лѣсъ литвинъ навѣдать сноихъ бортныхъ пчелокъ и такъ разсуждаетъ самъ съ собою:

Хвалю цiебiе, Господзѣ, зо всiема святога,
Што даждався вiесiолаго цiепiеръ дня такога!
Нумо жъ ми цiепiеръ усiе, вкупiе веселѣтца!
Нiехай Юда Хваришнѣкъ въ пiеклiе засмуцѣця,
Колѣ нiе хацiевъ въ нiебiе зъ Богомъ лѣковаца(ѣ).
Восъпознаецъ злодзiей, якъ Бога продаваць!
Колѣ бъ iонъ бувъ по—моиму барцми забавлявся,
Зъ дзiеруномъ (медвѣдемъ) пагуляцѣ, а ту бъ въ гiетакую бiеду нiе папався.
А я цiепiеръ исцiенно да душѣ нiе дбаю,
Пчолкѣ ужо виставляць часъ хороши маю.
Гдзiе поидзiешь—усяго iосць, и глядзiець пригоже,
I зъ дзеруномъ любо граць, хрестъ на менiе Боже.

Среди этихъ благочестивыхъ размышленiй онъ попалъ въ тенета, разставленныя мужиками, которые приняли его за звѣря и застукали по головѣ, но, увидавъ свою ошибку, въ страхѣ разбѣжались. Между тѣмъ литвина батька ищутъ двое сыновей его, находятъ мертвымъ и оживляютъ его при помощи лягушки:

Дай—мо лягушку, то iонъ зъ голоду одувся.

Батько—литвинъ оживаетъ и разсказываетъ, о томъ, что видѣлъ на томъ свѣтѣ.

Баць(ко). Вохъ, Христосъ аскрiосъ, синки, я съ неба цiепера.
Сынъ. Скажи жъ намъ, бацюгна, цѣ бачивъ Лѣхвiера?
Баць. Вохъ, синки, вѣдзiавъ въ нiебiе кошки баравiе,
Да такъ вжо нiе такiе,—усiо палавiе.
А на Божомъ гумнiе святiе малоцяць,
А Пятро съ Павломъ всiо снапочки валочаць.
Колѣ жъ я пашовъ туда, гдзiе сонце заходзѣцъ,
Ажъ вотъ тамъ проклятая змiея съ агнемъ ходзѣцъ.

Толко жъ што забачила, якъ шмаргніецъ за мною,—
Я вціеки, ажъ Кузма—Дзіемянъ кричиць: Богъ съ тобою!
Вотъ мы хуціенка тамъ въ кузню захавалѣсь,
А яна, ну калацѣць, штобъ мы отчинѣлѣсь;
Всіо кричицъ: дай злачинцу! бо мніе его треба,
А колѣ ніе дасѣ, сапхнѣ жъ яго съ ніеба.
Толка жъ што Кузма-Дзіемянъ мніе зъ неба спусцѣлѣ,
Ажъ тутъ вы зъ лягушкою ка мніе загасцѣлѣ.
Благодариць же Бога, што вкупку сплялѣся!
А то бучѣ, какъ пчолки по міодъ разбрилѣся.

Тутъ подходитъ ксендзъ и спрашиваетъ, кто тутъ звалъ исповѣдника. Узнавъ же отъ литвина, что онъ былъ на небѣ, ксендзъ спрашиваетъ его:

Ксон. Кеды же-сь былъ на небе, змовь, цо се тамъ дзѣе?
Лит. Брешешь ти! тамъ всіо святцѣ; то въ піеклѣ зладзіее.
Ксон. Якъ же се тамъ нашему Папижу поводзи?
Лит. Памѣнай ужо якъ звалѣ: прапавъ іонъ да и годзѣ.
Яму ніеба и ніе снѣлось ва сніе—смажиць дошку.
Ксон. Свентый жебы былъ въ пеклѣ? щекашь ты, старушку!
Прши нимъ еще была ласка Христусова.
Лит. Правда, правда, угадавъ ти:
Сагнувшись, саматужки прецъ до піекла дрова,
А хваришнѣки акругъ скачуцъ и играюцъ,
Гетакимы дубцямы вотъ такъ поганяюцъ.

Подобное разсказывается въ южнорусской народной сказкѣ о безсчастномъ Иванѣ, какъ панъ послалъ его довѣдаться на тотъ свѣтъ въ пекло. Воротившись оттуда, Иванъ разсказываетъ пану, что „покойный панъ старий, того пана батько, дрова возить у пеклѣ“ [1]).

---

[1]) Народныя южно-русскія сказки, Рудченка, Кіевъ, 1869 г., вып. 1, стр. 95.

Во второй интерлюдіи „виходитъ чортъ и несетъ жида за плечима, и приказуетъ ему чинити; потомъ віидетъ циганъ и диспутуется зъ жидомъ, и проженетъ жида цыганъ".

Въ третьей интерлюдіи „віиздитъ мужикъ на торгъ и зъ сыномъ и, оставивши сина, поидетъ торговати; потомъ до сина пріидутъ три яриги и обикрадутъ сина, и скоро пріидетъ батко до сина, будетъ зѣло скорбѣти; потомъ иній ирига пріидетъ продаючи шляпу, и за той торгъ побются". Интерлюдія открывается чисто бытовою картиною пріѣзда батька съ сыномъ на сельскую ярмарку для закупокъ къ свѣтлому празднику.

Бат. Не заиздѣмъ далеко, станмо и къ дорозѣ;
То я пойду на мѣсто, а ты сядь на возѣ.
Синъ. Добре, татку, будемо на возѣ сидѣти;
Тулко не забудь къ святѣмъ де-що покупити.
Бат. А я того найбарзе, що сама казала:
Вона и благовѣсного яиця споминала.
Сѣди жъ, синку, да и гледи: от на возѣ мѣхи!
Синъ. Казала еще мати, щобъ продавъ орѣхи.
Батко. Чи не казала ще чого на мѣстѣ купити?
Синъ. Къ светому воскресенію чи не купишъ свити?
Бат. О то, еще казала шахрану на паску.
Синъ. То то, татку, купи и запаску.
Бат. Добре, синочку, куплю; ось озму свитище,
Синъ. Уже жъ заразомъ купи Солосѣ и днище,
Гребѣнъ и веретено, и люлку для Яця,
Черцю, курки, галуну покрасити яйца (к святу),
А минѣ на чоботи кармазину, тату,
Горщокъ, макутру, мяло и соли у хату.
Бат. Ну, вжежъ пойду на мѣсто, щобъ намъ не баритись.
Синъ. Та вже тебе я знаю, що ти радъ напитись.
Бат. Не буйся, синокъ, не тее веремя тепера.
Синъ. Та я знаю, що тее буде, якъ и вчера (Батко soluta oratione).

Іо такій пяній бувъ, що въ ротѣ нѣ зуба,
Що якъ вдаривъ по мармузѣ, такъ ще болитъ губа.

Бат. Отъ я сіого, Пелипку, нѣчого не знаю,
Що я чиню пяній: чи бю, чи полаю.
Ну, не бѣ(й)ся, дитятко, не буду вже питы;
Колибъ тѣлко до дому де що покупиты.

Въ отсутствіе батька, къ сыну подходятъ Московскіе „яриги“ (солдаты) и показываютъ видъ, будто хотятъ снять рога съ вола. Сынъ старался защитить воловъ и рога, но они не нужны были яригамъ и остались цѣлыми, за то пропали съ воза пироги съ мѣхами. Воротившись къ возу и открывъ пропажу, батько пожурилъ сына и не хотѣлъ ему покупать шапки къ празднику.

Нехай же, хотѣвъ купити къ святѣмъ шапчину,
Ходи жъ теперъ безъ шапки, нетецкій сину!

Но тутъ опять подошелъ къ нимъ ярига и предлагаетъ купить у него шапку. Мужикъ соблазнился—было предложеніемъ яриги и хотѣлъ купить для сына шапку, но, не сошедшись въ цѣнѣ, поссорился съ яригою и прогналъ его.

Пріемъ яригъ отводить хозяину глаза отъ предмета поживы встрѣчается, при такой же обстановкѣ, и въ малорусской сказкѣ „Чоловікъ з масломъ и москалі“. Мужикъ выѣхалъ на торгъ продавать масло, поставилъ его на землю и самъ сѣлъ на него. Замѣтили это два москаля и сговорились между собою: зайти ты сзади, говоритъ одинъ,—а я подойду къ нему и начну говорить. Подходитъ москаль къ мужику и все присматривается къ нему, какъ будто узнаетъ его, и наконецъ говоритъ: „здоровъ, Иванъ“!—„Здоровъ!“ отвѣчаетъ мужикъ. Слово за словомъ, и москаль такъ разговорился съ мужикомъ, какъ будто дѣйствительно былъ знакомъ съ нимъ, и наконецъ объявилъ мужику, что пришелъ царскій указъ, чтобы мужика взять въ солдаты: только не знаю,—прибавилъ москаль,—годишься ли ты; по-

тому что нужно, чтобы былъ такого росту, какъ эта палка. „Встань, помѣряю!“. Мужикъ всталъ. Москаль нѣсколько разъ мѣрялъ его, но нашелъ, что мужикъ не подходитъ подъ мѣру, и пошелъ прочь. Мужикъ оглянулся назадъ и тутъ только замѣтилъ пропажу своего масла [1]).

Въ четвертой интерлюдіи „виходятъ пиворѣзи первѣе единъ, а потомъ другій, которіи и малярство умѣютъ; къ нимъ виідетъ мужикъ, и его отмалюютъ пиворѣзы, за которое малярство приведетъ на нихъ войта и ктитора, и проженутъ пиворѣзовъ“.

Пив. Где бъ то, вашецѣ проше, мѣсце проискати?
Жившы безъ кондиціи, потяжко на шаты;
А и еще бъ думалось набрати тузинку,
Бо велце докучаютъ студенти у зимку.
А приодягшись мало, поишолъ би въ Березну;
Но для совѣта гряду ко другу любезну,
Іже въ Претиской школѣ криласа правитель
Лѣвого, горѣлицы и бражкы любитель.
Паче бо въ Коропѣ градѣ користы бываютъ,
І соборніи нашѣ тамо учащаютъ.
Всѣмъ той камень прибѣжище заяцемъ и маты,
Гдѣ братія животъ свой жаждетъ скончевати,
Камо и азъ шествую алчній, жаждній пити,
Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончити,
Въ немъ же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ криличествовалы
І по шагу изъ диму рокового брали.
І тамъ насъ братія соборнѣйша знаетъ:
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Подъ нашу милость, даби клиру сопричтити
І соборъ мижъ братію добре утвердиты,
Не толко жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще кунштн разніе писати.

---

[1]) „Народныя южно русскія сказки“, Рудченко, Кіевъ, 1869 г., вып. II, стр. 167—8.

2 *Пив.* Хто здѣ таковъ хвалялся себе величаше?
Аще прійдетъ кто къ нему, нѣчого не даше.
А мы було якъ когдась на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни въ школу приходжалы:
Ми бо бувало всіого подостатку маемъ,
І хто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно вгощаемъ,
Веліе бяше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чванцы текущы зъ подтрубной криницы,
І всего, слава Богу, бяше подостатку;
Що у людей, то и въ насъ всякого статку.
Да и теперъ богати, маемъ воли и телицы,
Іже купно мандруютъ по стѣнѣ къ трубницѣ.
1. Не хвалѣтесь! бо и мы блощичного роду.
Маемо подостатку и всякого плоду,
Довольствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса,
Все ходячи по школѣ справляемъ труса;
Потрясши кучерами да спати лѣгаемъ,
А уставши раненко бражку попиваемъ.
Може, варець, ремество вмѣете робиты?
Бо и я умѣю; то бъ вкупѣ стали бъ собѣ жити.
2. Скажѣть, варецѣ проше, откуду грядѣшы?
Да и азъ ис тобою, аможе идешы.
1. Грядемо, мосцѣ пане, съ Середнои Буди.
2. І мы толко що прійшли, було насъ усюди;
Где ж намѣриваете нинѣ шествовати?
1. Ходѣмъ до Березнои, где и дяковаты
Будемъ; бо вже давно къ мнѣ присилали
Всѣ титарѣ до мене, и болшъ поступалы
Роковщины; та боюсъ, бо построивъ штукы,
Такъ щобъ не попастися прото(по)пѣ въ рукы.
2. Скажѣте, пане Власе, що то тамъ такое?
1. Сто барбаръ занесли, такъ диво самое (Ей-ей).
2. Перестанмо сіого, нумо маліоватись!
Якъ пойдемъ до Коропа, добрѣ залѣцатись
Будемъ; напередъ мене зволте вмаліоваты,
А потомъ мы варецѣ будемъ рисовати.

Вѣроятно, они занялись приведеніемъ своихъ физіономій въ порядокъ и подкрашиваніемъ ихъ косметическими средствами.

Въ это время къ нимъ подходитъ мужикъ и проситъ ихъ, какъ людей мудрыхъ, рѣшить его споръ со сватомъ: „чи Кавель Кавеля вбивъ? [1]) кому брехня буде, чи мнѣ бъ то ис кумомъ, чи моему свату“? Мужикъ обѣщаетъ за то дать имъ крупъ, и соли, и пшена, и гороху, и даже „шажокъ“ (грошикъ). Одинъ изъ пиворѣзовъ отвѣчаетъ мужику:

Гряди въ шинку тамъ до номѣната (моего). Но мужикъ заинтересовавшись малеваньемъ пиворѣзовъ, проситъ умалевать и его; но пиворѣзы такъ размалевали всего мужика на смѣхъ, что за него вступились другіе мужики, его товарищи.

Муж. Що се тобѣ, Артюше, сталося такее?
Ще жъ мы вперше на роду видимо от сее,
Що такъ отъ легкодуха терпѣтимутъ люде!
Едже якъ не вибемо, то из насъ смѣхъ буде.
Гледи лишь, Тарасе, да стань отъ порога,
То мы легкобитовѣ припиляемъ рога.
И іонъ скурвій синъ поднявъ смѣхъ з нашого брата-
Коли бъ що добре таки, а то шарапата.

Пив. Забіваютъ нищету нашу, и печаль нашу, обійдоша мя псы мнозы; жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста; о Бозѣ моемъ прелѣзу стѣну: сонмъ лукавихъ обдержаша мя“.

Прозвище „пиворѣзовъ“ въ XVIII вѣкѣ усвоено было въ Малороссіи извѣстному разряду учениковъ церковно-приходскихъ дъячковскихъ школъ изъ сиротъ и бобылей, которые, обучившись здѣсь чтенію, письму и пѣнію, оставались жить въ школѣ въ качествѣ помощниковъ дьяка и, пѣвчихъ, привыкали къ бездѣлью и пьянству и нерѣдко доживали здѣсь до сѣдыхъ волосъ. Они обыкновенно считались кандидатами на дъяковскія и пономарскія должности,

---

[1]) Т. е. Каинъ ли Авеля убилъ? Есть легенда о томъ, что пятна на лунѣ изображаютъ убіеніе Авеля Каиномъ.

ходили по разнымъ мѣстечкамъ и школамъ въ качествѣ „мандрованыхъ“ дьяковъ и нанимались на причетническія должности по уговору съ крестьянами и церковнымъ кто-торомъ. Средоточными пунктами для ихъ собраній были мѣстечка Коропъ, Березна и др., въ нынѣшней черниговской губерніи, изобиловавшія винокурнями и шинками. О пьянствѣ этихъ пиворѣзовъ существуетъ цѣлая литература. Кромѣ данной интерлюдіи, извѣстны еще „Синаксарь выписанъ изъ службы 12-ти нетлѣнныхъ братіевъ Коропскихъ... на память пиворѣзамъ о изобличеніи сивухи, какъ когда, кимъ и какимъ образомъ она въ свѣтъ произошла“, „Лѣкарство на болящихъ немощію пьянства или бахуса новоизобрѣтенное“ [1]), „Правило увѣщательное пьяницамъ“, 1779 года. „Достойно и праведно,—говорится въ одномъ мѣстѣ этого правила,—похулити подвиги и труды ваши, голко пійцы; обтекаете бо вселенну аки орли во облацѣ парящіе отъ града въ градъ, отъ веси въ весь, творяще лядопивство, и гдѣ изобиліе шинковъ и винныцъ жители имѣютъ, тамо... возгнѣздитесь, а идѣже по желанію вашему не получите, то тамо и прахъ отъ ногъ своихъ отрясше, дерзаете возглашати безумніи апостольское слово“. Впослѣдствіи они переняли отъ студентовъ школьные канты на праздники и драматическіе школьные отрывки на Рождество и пустили ихъ, какъ одно изъ средствъ для пропитанія и пьянства, въ народное обращеніе. „Радуйтеся, пиворѣзы, — говорится въ другомъ мѣстѣ того же „Правила“,—и паки реку радуйтеся! се радости день приспѣваетъ, день — глаголю — праздника Рождественскаго сближается. Востаньте убо отъ ложей своихъ и воспріимите всякъ по своему художеству орудія, содѣлайте вертепи, склейте звѣзду, составьте партесы! егда же станите по улицахъ со звукомъ

[1]) Описаніе рукописей Церковно-Археологич. Музея при Кіевской Дух. Академіи, Н. И Петрова, вып. 2, Кіевъ, 1877 г. № 422, стр. 389, л. 473—5.

бродя, ищущи сивухи, приймутъ васъ подъ кровы своя“ [1]). Въ церковно-приходскихъ школахъ Кіева эти пиворѣзы, называемые „выростками“, стѣсняемы были студентами Академіи, проживавшими въ этихъ школахъ, какъ это видно изъ одного дѣла о столкновеніи студентовъ съ дьяками и „выростками“ въ упоминаемой интерлюдіею Притиско-Никольской школѣ [2])

Въ пятой пасхальной интерлюдіи „вивозитъ ляхъ мужика въ клѣтцѣ, и війдетъ до него жидъ и заорендуетъ мужиковъ. Потомъ до нихъ війдетъ козакъ и, визволивши мужиковъ, запряжетъ ляха и жида (и) отидетъ“. Ляхъ вывезъ мужика въ клѣткѣ на продажу.

Лях. Гды бы мнѣ кто такій хлоповъ потарговалъ,
Зайсце шизматицкей крви бымъ не жаловалъ.
Нехъ же кеды южъ така одміяна се стала,
Цо до тыхъ часъ вольность свента трвала,
А теразъ наши хлопы на насъ се бунтуютъ
И з козацы на польску корону вотуютъ,
Жебы ю выкоренить и вшистке ей цноты
И одебрать до себе шляхетски клейноты,
И таку—то пораду собѣ всеймовали,
Жебы наши поддани на насъ и повстали:
Не дочекаютъ того, жебы то такъ было,
А бендземы воіоваць, бы щенсце служило.
Подданство свое продамъ, южъ теразъ не треба,
А у войску гдзѣ колвекъ попадне шматъ хлѣба,
И бенде самъ воіовалъ, поки силы стане.

Узнавши объ этомъ, жидъ совѣтуетъ ляху не продавать подданныхъ, а отдать ему въ аренду, и соглашается дать за нихъ 100 злотыхъ. На вопросъ ляха, знаетъ ли мужикъ своего новаго орендаря, мужикъ отвѣчаетъ:

---

[1]) Тамъ же, № 665, сн. Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи, т. IV, Кіевъ, 1907 г. № VIII, стр. 73 и сл.

[2]) Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевск. Академіи, т. I, ч 1, Кіевъ, 1904 г., N L, стр. 258—266.

Знаю! якъ була въ іого велика кошара
Овець, дакъ мы помалу те все прибиралы,
Чи сита, чи худенка—не перебиралы.

Жид. У ноцѣ, о вей пане, сцоб и мене не вкравъ,
То я имъ буду на ницъ руки, ноги вязавъ.

Лях. Я, орендаржу, тобѣ такъ и приказую:
Нехъ еденъ и другій зъ нимъ связани ночуютъ!

Муж. А будь ласкавъ, паночку, змилуйся надъ намы!
Хочь самы мы будьмо володать рукамы.
А то несвѣцкій соромъ прийшлося терпѣты,
Несподѣване лихо ось въ турмѣ сидѣти
Прійшлось, а теперъ моя нещасная доле!
Тилко що бувъ бичаткомъ виихавъ у поле,
Ажъ ось ти, пане, бѣжишь до мене на ниву,
Да и казавъ взять у мене кобилчину сиву,
А минѣ зказалы бика запрягати.
Дакъ я все то сюд, то туд, да и покинувъ жаты,
І посовтавъ дому, да всовтався въ лихо.
Нѣкуды вже будчати, тѣлко сидѣть тихо.

Козакъ. Що б то се за причина, и якъ розважати,
Що ляхы шилихвости людій продаватй
Почали? Да не знаю, що то съ того війде,
Якъ на ляха година нещаслива прійде
За те, що хрестянску кровь жидамъ орендуютъ;
Десь то на себе лихо якее вѣщуютъ.
Да ще будетъ имъ лихо, нехай пождутъ трохы!
Бо мы вже взналы добре ляховецкы здохы:
Тулки ихъ помаленку будемо нуздати,
То воны заречутся хрестянъ продаваты.

Муж. Ей, будь ласкавъ, козаче, визволь з сего лиха!
Якъ прійдешъ до мене, дамъ вовса полмѣха.

Козакъ. А тебѣ то сей ляшуга узявъ у кандалы?

Муж. Едже такъ, козаченку, ти (ут) и ночовалы.

Козакъ. А защо ти, шевлюго, людей даешь въ муку?

Лях Яко живо не дае...

Козакъ. Або не чувъ гуку, якъ отъ тебе хрестяне отсіи кричалы?

Муж. Ще ото маю: хотѣвъ заслать на каналы,
Якъ на роботу, такъ іого стали мы просити,

Щобъ не славъ туди; ажъ жидъ пришовъ, щобъ купити
Насъ, а вунъ и запрягъ у ярмо Потапа,
А надо мною знучавсь собачая лапа,
Да ще уперъ у турму, щобъ тутъ намъ сидѣти.

Козакъ. Не буйся, чоловѣче, буде самъ вертѣти
Хвандамы, якъ будемо въ ярмо запрягати,
То вже не одважится людей продавати.

Лях. А моспане козаче, наде мной змулуйсе
И такей мей глупости, проше, не дзивуйсе!
Я и въ паменци тего не мялемъ трафунку.

Жид. Едже васець и мене привѣвъ до фрасунку,
Сцо хоць людей продавати, такъ я сіого не знавъ,
Я віихавъ на мѣсто, такъ ти самъ сказавъ.

Козакъ. Дакъ ти сіого, нехристе, не знаешь нѣчого?

Муж. І вже заплативъ усѣ сѣмь безъ золотого тараля.

Козакъ Віймы, ляше, ис турмы сіого чоловѣка,
Да самъ клады и з жидомъ голову безъ крика!

Жид. О минѣ, пане козаце, треба до Олика мѣста на ярморокъ.

Лях А бондзь ласкавъ, моспане, на ме свего слуге!
Южъ далебогъ не бенде тего чинить вдруге.

Козакъ. Годѣ калантурить, зволь шію въ ярмо класты,
Да поидешъ до мене з жидомъ овецъ пасты!

Эта интерлюдія—единственная въ томъ отношеніи, что пытается стать на историческую почву, хотя строго и не выдерживаетъ историческаго своего характера. Описываемый здѣсь бунтъ хлоповъ и козаковъ противъ Польши, по всей вѣроятности, относится къ эпохѣ Богдана Хмѣльницкаго но въ интерлюдіи есть указаніе и на работы на каналахъ (Ладожскомъ), производившіяся при Петрѣ I.

Такимъ образомъ общій или преобладающій характеръ всѣхъ интерлюдій къ драмамъ М. Довгалевскаго—характеръ бытовой, современный. Онѣ обнимаютъ собою какъ лѣвобережную Украину, находившую во владѣніяхъ Россіи, такъ и всю правобережную, остававшуюся въ границахъ Польши. Съ одной стороны, мы видимъ здѣсь указаніе на города и мѣстечка лѣвобережной Украины Полтаву, Глуховъ, Бровары, Коропъ, Березну, Середину Буду, а съ

другой—мѣстечко Олыку, находящееся въ западной Волыни. Неоднократно выводятся на сцену и бѣлоруссы—литвины, а въ двухъ случаяхъ выводятся на сцену цыгане или волохи съ ихъ собственнымъ молдавскимъ языкомъ и греки, что указываетъ если не на Молдавію, то на нынѣшнюю Подольскую губернію со смѣшаннымъ народонаселеніемъ. Эта широта кругозора интерлюдій, обнимавшихъ громадное пространство тогдашней Малороссіи и Бѣлоруссіи, служитъ новымъ доказательствомъ того, что онѣ представляютъ изъ себя результатъ коллективной работы не одного человѣка, а нѣсколькихъ лицъ изъ студентовъ Академіи, собравшихся въ нее не только изъ разныхъ концовъ Малороссіи, но и изъ-за рубежа. Принадлежа къ разнымъ слоямъ общества, не исключая и крестьянскаго, авторы интерлюдій иногда весьма удачно воспроизводили бытовыя картинки изъ окружающей ихъ дѣйствительности и въ этомъ отношеніи могутъ быть названы одними изъ первыхъ южнорусскихъ фолклористовъ. Нѣкоторыя черты изъ жизни малорусскаго мужика, какъ напр. поѣздка на ярмарку съ жидомъ и благодушная перебранка съ нимъ дорогою, охота на звѣря съ тенетами, поѣздка мужика съ сыномъ на ярмарку для покупокъ къ свѣтлому празднику и встрѣча ихъ съ яригами, схвачены весьма удачно и умѣло и доселѣ могутъ имѣть значеніе бытовыхъ картинокъ. Не дурны также и согласны съ народными представленіями, хотя иногда и утрированы, характеристики простодушнаго литвина—бѣлорусса, хвастливаго и своевольнаго поляка, безцеремоннаго и подчасъ плутоватого москаля, беззаботнаго и отважнаго казака, покладистаго и плутоватаго жида, вороватой ворожки—цыганки и т. п. Иногда авторы интерлюдій возвышаются и до политической точки зрѣнія, намекая на политическія взаимоотношенія козаковъ, москалей и поляковъ, и притомъ съ простонародной точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи интерлюдіи къ драмамъ Довгалевскаго стоятъ выше предыду-

щихъ трагедокомедій въ духѣ возрожденія классицизма „Владиміръ“ Ѳ. Прокоповича и „Милость Божія Ѳ. Трофимовича, витавшихъ преимущественно въ высшихъ политическихъ сферахъ. Эти интерлюдіи оставили и болѣе глубокіе слѣды по себѣ въ послѣдующей искусственной южнорусской литературѣ. Подъ ихъ вліяніемъ и по ихъ образцу составлялись и послѣдующія школьныя интерлюдіи, какъ-то: при драмѣ „Стефанотокосъ“ префекта Новгородской Семинаріи іеромонаха Иннокентія Одровонжъ-Мигалевича, 19 декабря 1742 года; при трагекомедіи учителя піитики въ Кіевской Академіи іеромонаха Георгія Конисскаго „О воскресеніи мертвыхъ“, 1746 года, и при деклямаціи учителя Смоленской Семинаріи Мануила Базилевича, около 1753 года. Впослѣдствіи мы увидимъ нѣкоторые пункты соприкосновенія интерлюдій при драмахъ М. Довгалевскаго съ южнорусскимъ народнымъ вертепомъ.

Что же касается самихъ драмъ священнаго характера, сочиненныхъ самимъ М. Довгалевскимъ; то и онѣ представляются намъ далеко не маловажными въ общемъ развитіи кіевской школьной драмы. Мы уже высказывали предположеніе, что краткость ихъ была преднамѣренная, сдѣланная съ цѣлію дать больше простора комическимъ интерлюдіямъ въ простонародномъ духѣ. Но онѣ и сами по себѣ имѣли свои внутреннія достоинства. Можетъ быть, подъ вліяніемъ піитическихъ правилъ и примѣра Ѳ. Прокоповича, М. Довгалевскій въ своихъ драмахъ не только избѣгалъ употребленія именъ древнеклассическихъ божествъ, но и аллегорій, и по возможности старался стоять на реальной почвѣ священнаго писанія и священнаго преданія. Особенно это нужно сказать о рождественской его драмѣ „Комическое дѣйствіе“. А эти существенныя черты драмъ М. Довгалевскаго, т. е. краткость и простота, содѣйствовали ихъ популяризаціи внѣ академическихъ стѣнъ. Бѣдные студенты Кіевской Академіи, жившіе „эпетиціями“ и „прошеннымъ хлѣбомъ“,

нашли въ подобныхъ драмахъ одно изъ лучшихъ средствъ къ расположенію доброхотныхъ дателей въ свою пользу и такимъ образомъ распространяли ихъ въ народныхъ массахъ. „Не вездѣ,—говоритъ П. И. Житецкій,—требовалось представленіе всей драмы цѣликомъ: въ одномъ мѣстѣ зрители могли пожелать строго благочестивыхъ поучительныхъ картинъ, въ другомъ мѣстѣ могли интересоваться преимущественно смѣшными, веселымл сценами. По обстоятельствамъ можно было представить то и другое. Такъ оно и было, конечно, въ большинствѣ случаевъ, но не всегда“ [1]).

Въ общемъ итогѣ, эпоха Анны Іоанновны даетъ для исторіи Кіевской школьной драмы образцы трагедіи въ духѣ произведеній Ѳ. Прокоповича и Ѳ. Трофимовича, но, что̀ важнѣе всего,—ознаменовывается особеннымъ развитіемъ комическихъ интерлюдій въ простонародномъ духѣ и такимъ образомъ завершаетъ кругъ развитія всѣхъ важнѣйшихъ формъ школьной драмы, прибавляя къ прежде выработаннымъ трагедіи и трагедокомедіи еще комедію, хотя бы и въ качествѣ прикладной части къ серьезнымъ драмамъ.

Глава четвертая. Эпоха Елизаветы Петровны (1741—1761).

Въ благодушное царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, питавшей особенныя симпатіи къ Украинѣ, послѣдней возращены были ея прежнія права, отнятыя Пет-

---

[1]) „Кіевская Старина, октябрь, 1882 г. стр. 8.

ромъ I и Анною Іоанновною, и разрѣшено выбирать гетмана, на каковую должность, согласно желанію императрицы, выбранъ былъ братъ любимца ея, графъ К. Г. Разумовскій. Перемѣны эти произвели значительное оживленіе и въ южно-русской искусственной литературѣ этого времени, которая, питаясь прежними традиціями, стала понемногу проникаться и общерусскими стремленіями и увлекаться русской художественной литературой въ лучшихъ представителяхъ ея Кантемирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ и др., такъ что въ этомъ отношеніи она пыталась быть выразительницею не только малорусскихъ, но и общерусскихъ интересовъ. Такова же была и южнорусская искусственная драма этого періода. Она культивировала прежнія драматическія формы трагедію, комедію и трагедокомедію, выработанныя лучшими кіевскими драматурами Ѳ. Прокоповичемъ, Ѳ. Трофимовичемъ и М. Довгалевскимъ, все болѣе и болѣе склоняясь къ обличительному и сатирическому элементу. Пищу для обличенія и сатиры давали какъ грубое невѣжество народныхъ массъ на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, такъ и недочеты въ религіозно-нравственномъ и соціальномъ строѣ высшихъ классовъ малорусскаго общества, которые воспользовались дарованными имъ монаршими милостями къ обидѣ рядовыхъ козаковъ и простаго народа и для своего обогащенія и закрѣпленія своихъ сословныхъ преимуществъ и въ тоже время увлекались духомъ заносныхъ лжеученій и распущенностію нравовъ. Нѣкоторыя изъ драматическихъ школьныхъ произведеній этой эпохи, отражая на себѣ малорусскую дѣйствительность, преслѣдуютъ и общерусскіе интересы, напримѣръ, борьбу съ католичествомъ и отрицательными идеями Западной Европы, и нерѣдко вторятъ, въ этомъ отношеніи, сѣверно-русскимъ художественнымъ писателямъ, напримѣръ Кантемиру.

Но прежде всего, вниманіе южно-русской искусственной драмы этой эпохи обратила на себя личность самой императрицы, которая, при всѣхъ своихъ личныхъ, симпатичныхъ качествахъ, долго отстраняема была отъ наслѣдственнаго престола узурпаторами, подвергалась разнымъ непріятностямъ и гоненіямъ и даже опасности жизни. Къ тому же, Елизавета Петровна сама любила театральныя представленія и иногда лично посѣщала духовно-учебныя заведенія, которыя, поэтому, и устраивали въ честь ея спеціальные спектакли. Такимъ образомъ появился цѣлый рядъ школьныхъ драматическихъ произведеній въ честь императрицы Елизаветы Петровны, которыя, подражая по формамъ прежнимъ лучшимъ драматическимъ произведеніямъ Ѳ. Прокоповича, Ѳ. Трофимовича и М. Довгалевскаго, выдвигали, однако, на первый планъ не столько содержаніе и идейную сторону драмы, сколько панегирическій элементъ. Къ такимъ драмамъ относятся: 1) „Стефанотокосъ“, Иннокентія Мигалевича, съ интерлюдіями, представленная въ Новгородской Семинаріи 19 декабря, 1742 года, въ присутствіи императрицы, 2) драма о воцареніи Кира и 3) „Дѣйствіе на Рождество Христово“, представленныя въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны, вѣроятно въ Московской Академіи; 4) Діалогъ двухъ учениковъ Троице-Лаврской Семинаріи, произнесенный предъ императрицею въ 1743 году; 5) Панегирикъ Елизаветѣ Петровнѣ, поднесенный ей Кіевскою Академіею по случаю посѣщенія императрицею Кіева въ 1744 году и составленный Мих. Козачинскимъ, и 6) драма „Благоутробіе Марка Аврелія“, написанная тѣмъ же Козачинскимъ и по тому же случаю.

Остальныя же Кіевскія школьныя пьесы Елизаветинскаго царствованія—нравоописательныя и обличительныя. Къ числу ихъ относятся; 7) трагедокомедія Варлаама Ла-

щевскаго „О награжденіи въ семъ свѣтѣ пріисканныхъ дѣлъ мзды въ будущей жизни вѣчной“, около 1742 года; 8) трагедокомедія Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ, съ интерлюдіями къ ней, 1746 года; 9) „Трагедокомедія, нарицаемая Фотій“, Георгія Щербацкаго, 1749 года; и 10) Деклямація на мясопустную недѣлю, съ интерлюдіями къ ней, учителя Смоленской Семинаріи Мануила Базилевича (1752—1755 г.г.), 11) Кромѣ того, извѣстна по заглавію драма „Давидъ и Соломонъ“ учителя піитики въ Кіевской Академіи Ѳ. Нессина, 1754—6 годовъ.

Разсмотримъ особо обѣ эти группы драмъ Елизаветинской эпохи.

А) Панегирическія пьесы въ честь Елизаветы Петровны.

1) Первое, по времени и, можетъ быть, по внутреннему содержанію и достоинству, мѣсто изъ панегирическихъ драмъ въ честь Елизаветы Петровны занимаетъ драма „*Стефанотокосъ*“. Въ „краткомъ историческомъ свѣдѣніи о Новгородской Семинаріи“, помѣщенномъ въ „Исторіи Россійской іерархіи“ Амвросія Орнатскаго, сказано: „въ 1742 году, декабря 19, удостоилась Новгородская Семинарія Высочайшаго посѣщенія Государыни Императрицы Елизаветы Петровны и того же числа въ Высочайшемъ присутствіи Ея Императорскаго Величества представлена была на семинарскомъ театрѣ семинаристами драмма въ стихахъ, на сей случай сочиненная префектомъ Семинаріи“. Префектомъ же Новгородской Семинаріи въ 1740—1743 годахъ былъ іеромонахъ Иннокентій Одровонжъ-Мигалевичъ, которому и должно быть приписано сочиненіе драмы [1]). Инно-

[1]) „Памятники русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., предисловіе, стр. XII.

кентій Мигалевичъ былъ родомъ изъ Львова, получилъ образованіе въ Кіевской Академіи и былъ въ ней учителемъ въ низшихъ классахъ до перевода въ 1740 году въ Новгородскую Семинарію [1]).

Драма состоитъ изъ антипролога и пролога, пяти дѣйствій и эпилога, и при ней обыкновенно помѣщаются интерлюдіи комическаго характера.

Въ аллегорическомъ антипрологѣ выступаютъ на сцену два мальчика и пускаютъ мыльные пузыри, которые тотчасъ же лопаются. Потомъ одинъ изъ мальчиковъ бросаетъ стаканъ на землю и разбиваетъ его на мелкія части, восклицая: „тако совѣты нечестивыхъ!“ Эта аллегорическая картина поясняется въ „Прологѣ“. Примѣръ сей,—говорится здѣсь,—предлежащему нынѣшнему дѣйствію яки заглавіе или надписаніе того ради положити умыслихомъ, да всякъ можетъ чувствами своими осязати сіе, что коварные человѣцы сколь болѣе хитрыхъ своихъ ради пронырствъ и злокозненныхъ замышленій бѣсовскимъ гордымъ вѣтромъ надменны возносятся, толь скоряе, среди коварствъ ихъ просѣдшеся, исчезаютъ“. Эта общая мысль со всею ясностію примѣняется къ судьбѣ Елизаветы Петровны въ „краткомъ показаніи, что́ заключается въ... драмѣ“. „Стефонотокосъ“,—говорится здѣсь, знаменуетъ къ вѣнцу рожденный: симъ именемъ тайнѣ показуется дѣйствіе о Августѣйшей Самодержавнѣйшей Великой Монархинѣ всероссійской Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ яже по прародителской и родителской крови рожденна къ

---

[1]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. 1, ч. 2. Кіевъ, 1904 г., стр. 297, 370 и др. Сн. о Софроніѣ Мигалевичѣ тамъ же, стр. 285.

вѣнцу Россійскаго імперіумъ; но отъ злобныхъ и коварныхъ навѣтниковъ не токмо лишена была наслѣдія своего, но уже и неищетнымъ бѣдствіямъ по злоухищреннымъ недоброхотовъ замышленіямъ подлежаше; обаче Богъ неизглаголанными своими и непостижимыми судбами и возведе ю на прародителскій и родителскій престолъ, и вѣнцемъ, къ нему же рожденна бѣ, украси ю".

Самая драма написана тоже въ аллегорическомъ тонѣ: въ ней выводятся, за исключеніемъ 4-го дѣйстія, заимствованнаго изъ библейской исторіи, аллегорическія лица Вѣрность, Надежда, Злоба, Зависть, Лукавство, Совѣсть, Отечество, Стефанотокосъ, Благочестіе, Благополучіе, Эхо, Слава, Мужество, Воинъ и 4 части Свѣта; но каждое дѣйствіе драмы, а иногда даже и отдѣльныя явленія ея сопровождаются „краткими толкованіями", которыя даютъ совершенно ясныя и опредѣленныя указанія какъ на саму Елизавету Петровну, такъ и на ея приверженцевъ и враговъ.

Въ первыхъ дѣйствіяхъ изображается глухая, затаенная вражда и борьба между Вѣрностію, подъ которою разумѣются преданные Елизаветѣ Петровнѣ ея вѣрноподданные, и между Злобою, Завистію и Лукавствомъ, обозначавшими „недоброхотовъ" Елизаветы Петровны, которые, по своему корыстолюбію и коварству, всегда старались отдалить Цесаревну отъ прародительскаго и родительскаго престола. Вѣрность, всегда „нещадно" проливавшая свою кровь за отечество, горько сѣтуетъ на Злобу и Зависть, которыя лишаютъ ее чести и „лютѣ погубляютъ", какъ злодѣя, приписывая себѣ всѣ ея заслуги и славныя дѣла:

Добродѣтель бо уже на земли попранна,
Злоба же и Лжа имутъ жилища пространна;
Въ свѣтѣ тѣ имѣютъ жали и печали,
Которые услугу Богу всѣ отдали.

Стефанотокосъ, какъ Давидъ, гонимый Сауломъ и Авессаломомъ,—

. . . . . лишенный напрасно
Родительска престола,—ахъ, и вспомнить страшно!
Бѣдствуетъ въ гоненіи, скорби и печали;
Пришельцы бо и рабы на него возстали.

Надежда утѣшаетъ скорбящую Вѣрность, говоря, что близко уже время, когда гонимый Стефанотокосъ восторжествуетъ надъ своими гонителями. Злоба и Зависть нападаютъ на Вѣрность и хотятъ истребить ее „и мещутъ на ню оружіе; но Вѣрность отъ оружія убѣгаетъ“. Лукавство, хвастаясь своею силою, вступаетъ въ дружескій союзъ со Злобою и Завистію и обѣщаетъ имъ свою помощь, чтобы изгнать отъ земли Вѣрность и погубить Стефанотокоса. Лукавство пытается привлечь на свою сторону Вѣрность обѣщаніемъ богатства и славы, указывая и примѣры тому:

Коль многихъ человѣковъ милость ихъ и сила
Славою и честію дивною почтила!
Иже иностранные пріидоша къ намъ нищи,
Достоинствъ не имуще, ни дневныя пищи,
Уже обильно живутъ въ богатствѣ и славѣ,
Что, дивящеся, видятъ вси народы явѣ.

На это Вѣрность отвѣчаетъ Лукавству:

Сіе—то дѣло вѣрныхъ насъ зѣльнѣ снѣдаетъ,
Сіе, аки острый мечъ, сердце намъ пронзаетъ;
Богатство и честь даютъ лестителемъ безмѣрнымъ,
А намъ отчества сыномъ и всѣмъ слугамъ вѣрнымъ,
Аки псы, послѣднее изъ рукъ вырываютъ,
Безвинно же многихъ и самыхъ погубляютъ.

Вслѣдствіе новыхъ лестныхъ предложеній Лукавства, Вѣрность начинаетъ уже колебаться, но внезапно появляющаяся Совѣсть осыпаетъ ее упреками, грозитъ судомъ Божіимъ и убѣждаетъ еще потерпѣть немного, въ надеждѣ на скорую Божію помощь. Для укрѣпленія Вѣрности, Совѣсть приводитъ къ ней Надежду, которая и показываетъ Вѣрности „пробу, какъ пропадаютъ враги неизбѣжно“.

Пробою этою служитъ вставная трагедія объ Артаксерксѣ и Есфири, занимающая все 4-е дѣйствіе пьесы „Стефанотокосъ“. Аманъ, пріобрѣвшій неограниченное довѣріе царя Артаксеркса, испрашиваетъ у него повелѣніе истребить всѣхъ евреевъ, какъ инородцевъ, не ревнующихъ о благѣ государства. Въ упоеніи властію и общимъ раболѣпствомъ, онъ оскорбляется непочтительностію Мардохея къ нему и готовитъ ему высокую висѣлицу, но Есфирь раскрываетъ глаза Артаксерксу на злую дѣятельность Амана, который, по приказанію царя, и повѣшенъ былъ на той самой висѣлицѣ, которую онъ самъ приготовилъ для Мардохея. Въ „краткомъ толкованіи къ сему дѣйствію“ говорится: „Изясненіе лучшое, яко врази сами, злая на неповинныхъ замышляющіе, погибаютъ,— пріемлется отъ гисторіи, въ священномъ писаніи положенной, о злобномъ Аманѣ, иже, навѣтуя на Іудейскій родъ и весьма истребити тщащися, самъ погибе, родъ же Іудейскій Есфирою Царицею спасеся отъ погибели“. По изображенію трагедіи, Аманъ былъ иноземный пришелецъ, и при томъ низкаго происхожнія, и напоминалъ зрителямъ русскаго Амана—Бирона.

Ободренная зрѣлищемъ торжества добродѣтели въ лицѣ Есфири и Мардохея и гибели порока въ лицѣ Амана, Вѣрность рѣшается выступить противъ недруговъ Стефанотокоса. Къ нему приходитъ Вѣрность, Отечество и Благочестіе и просятъ его принять наслѣдственную державу. Отечество, между прочимъ, говоритъ:

Въ сердце внидоша наше ужасы и страхи,
Уже почти смертные покрыли насъ прахи:
Господствуютъ надъ нами странные пришельцы,
Все наше добро грабятъ нищи иноземцы;
Инный вчера пришелъ къ намъ въ платьишкѣ убогомъ,
А нынѣ обильствуетъ въ богатствѣ премногомъ.
Вѣрные твои слуги и вся моя чада
Мучатся, ниже имъ есть какова отрада.

Чада отъ внѣшнихъ враговъ тебе защищаютъ,
Домашніе же, какъ пси лютые, терзаютъ.
На тое ли отъ Бога многими слезами
Испрошенъ еси, дабы пришельцы надъ нами
Господствовали? То ли твоимъ будетъ слава
Родителемъ, егда честь всяка и держава
Есть отъ тебе отъята, котора пристоитъ,
Злоба же и Зависть ужъ, что хощетъ, то строитъ?

Благочестіе говоритъ объ угнетенномъ положеніи Церкви. Иноземцы

Востаютъ дерзновенно на самаго Бога,
И се ли тебѣ еще печаль есть немнога?
Уничтожиша церкве святыя уставы,
Ни во что ставятъ уже Божій законъ правый,
Говоритъ намъ о вѣрѣ нѣтъ уже свободы;
Смѣются, ругаются намъ уже вси народы!
На сіе ли на крестѣ есмы искупленны,
Да врагомъ креста будемъ днесь порабощенны?

Стефанотокосъ, однако же, все еще не рѣшается на смѣлый шагъ. Въ отвѣтъ на увѣщанія Благочестія, онъ высказываетъ опасеніе напраснаго кровопролитія. Рѣшившись, наконецъ, поднять руку на Зависть и Злобу, онъ даетъ своимъ ближнимъ такое приказаніе:

Вы оружіе въскорѣ острое примите,
Злобу зъ други и Зависть вездѣ поищите,
Взыскавши же, тяжкіе наложите узы
На нихъ. Грядите смѣло, любимые друзи!
Да увидятъ явственно и добрѣ познаютъ,
Что родители въ чадѣхъ своихъ воскресаютъ.

По приказанію Стефанотокоса, Вѣрность, Мужество и Воинъ схватываютъ Злобу, Зависть и Лукавство и налагаютъ ни нихъ „тяжкія узы“, и затѣмъ, вмѣстѣ съ Благополучіемъ и Славою, возводятъ Стефанотокоса на престолъ. Слава летитъ по всему міру, возвѣщая наступленіе златаго вѣка, и всѣ четыре части свѣта являются на поклонъ къ

Стефанотокосу и воспѣваютъ его. Европа такъ хвалится своею культурою и наукою:

Всякому добру могу нарещися Мати,
Ибо отъ мене всяко добро истекати
Обыче, ученія славная сіяютъ
Во мнѣ, во мнѣ народомъ пользы прозябаютъ.
Домы и грады красны, гдѣ архитектуры
Моя созда десница; аще жъ меркатуры
Размножити кто хощетъ къ общей царства пользѣ,
Научу въ мало время, чего бы надолзѣ
Ищущій не обрѣлъ онъ; со всѣми имѣти
Миръ и согласіе вся земли учу дѣти, и проч. [1]).

Драма „Стефанотокосъ“ есть историческая драма. Въ ней была драматизирована, подъ покровомъ аллегоріи, исторія только что минувшаго времени, исторія вчерашняго дня. Зритель Стефанотокоса, правда, видѣлъ на сценѣ аллегоріи, но,—говоритъ проф. П. О. Морозовъ, аллегорія „простыя и доступныя; здѣсь не было ни ветхозавѣтныхъ параллелей, ни прообразовъ, а въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ слышался голосъ самой жизни, слышались тѣ самыя рѣчи, которыя въ то время раздавались повсюду въ Россіи,—и въ дворцовой залѣ, и въ церкви съ проповѣдническаго амвона, и въ домахъ, и на улицахъ. Если даже теперь, полтора вѣка спустя, смыслъ этихъ рѣчей легко раскрывается нами, то не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили онѣ на современниковъ: для нихъ каждое слово этой пьесы рисовало яркую, вполнѣ реальную картину пережита-

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. 1, Спб., 1889 г., стр. 350—360; см. сообщеніе А. М. Лободы въ „Чтеніяхъ въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. XV, вып. 4, отд. 5, стр. 57—62; изд. въ „Памятникахъ русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., предисловіе, стр. III—XVI, и 230—290.

го, будило въ нихъ вполнѣ опредѣленныя мысли и чувства“ [1]).

По характеру и внѣшней пяти-актной формѣ своей, эта драма напоминаетъ намъ кіевскія школьныя драмы „Владиміра“ Ѳ. Прокоповича и особенно „Милость Божію“ Ѳ. Трофимовича, но растянутѣе и многословнѣе ихъ; встрѣчаются повторенія мыслей, замедляющія ходъ драматическаго дѣйствія. Антипрологъ къ драмѣ составленъ аллегорически, въ духѣ московскихъ школьныхъ дѣйствъ начала XVIII вѣка, напр., „Ужасной измѣны властолюбиваго житія“, 1701 г. [2]).

Къ драмѣ „Стефанотокосъ“ въ разныхъ ея спискахъ прибавлялось отъ 7 до 8 комическихъ интерлюдій, которыя до послѣдняго времени приписывались Московской Академіи и считались только случайно соединенными съ драмой „Стефанотокосъ“. Но въ одномъ, болѣе старомъ и исправномъ спискѣ эти интерлюдіи размѣщены по разнымъ мѣстамъ самой пьесы, съ точнымъ указаніемъ того, въ какомъ дѣйствіи и послѣ какого явленія должна быть помѣщена извѣстная интерлюдія. Эта точность указаній мѣста интерлюдій въ пьесѣ оказалась необходимою въ виду того, что интерлюдій было написано отъ 7 до 8, тогда какъ всѣхъ дѣйствій въ драмѣ было всего только пять. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы размѣщеніе 7-ми или 8-ми интерлюдій между 5 ю актами драмы было совершенно произвольное: внѣшнимъ образомъ оно опредѣлялось тѣми „краткими толкованіями“, которыми сопровождались не только отдѣльные акты драмы, но и группы однородныхъ „явленій“ и даже отдѣльныя „явленія“ ея. Судя по количеству этихъ „краткихъ толкованій“, интерлюдій въ драмѣ могло быть и больше 8-ми.

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. 1, стр. 359.
[2]) Тамъ же, стр. 297—8.

Первая интерлюдія „Раскольникъ съ плодомъ своимъ выходитъ“ вставлена была послѣ 1-го явленія 1-го дѣйствія. Въ ней выходитъ на сцену раскольникъ и горько жалуется на нынѣшнія времена:

Какъ то нынѣ увязли люди глыбоко!
Какъ то жить въ мірѣ несносно и жестоко!
Послѣдняя времена, видимъ, что приспѣли,
Бо и нѣкоторые отъ старцовъ ужъ антихриста зрѣли.
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, яко кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы...
Что законъ и правила святыхъ отцовъ возбраняютъ,—
Свои брады наголо желѣзомъ сбриваютъ;
Человѣцы ходятъ, якъ обезьяны,
Вмѣсто главныхъ волосовъ носятъ паруки, будто нѣмцы поганы, и т. д.

„Новыя вѣры люди“ не даютъ покоя старовѣрамъ и гонятъ ихъ; въ особенности же непріятны раскольнику „латинскія школы“,изъ-за которыхъ „нѣтъ воли учить простой народъ по улицамъ“.

Раскольникъ удаляется въ пустыню. На смѣну ему выходитъ цыганъ,—и начинается какъ бы другая, новая сцена, не отмѣченная, однако же, особою цифрою. Въ длинномъ монологѣ цыганъ рекомендуется тѣми же характерными чертами, съ какими онъ является въ интерлюдіяхъ къ драмамъ М. Довгалевскаго и съ какими увидимъ его въ интерлюдіяхъ къ драмѣ Г. Конисскаго. Цыганъ, его Солоха и его „жаданчата“—мастера на всѣ руки, отлично умѣютъ „махліовать“, ворожить и воровать; но, при всѣхъ этихъ художествахъ, третій день сидятъ голодные. Мечтанія цыгана о салѣ и колбасахъ прерываются появленіемъ старика—литвина; это—бѣлорусскій мужикъ—полѣшукъ, пчеловодъ и знахарь, извѣстный намъ и по интерлюдіямъ М. Довгалевскаго. Этотъ мужикъ умѣетъ „пчелки выдирать и меду подъѣдать“ и обѣщается научить цыгана „килы наводзиць и всіого знахарства“. Онъ приноситъ съ собою „соколюю мать“, тоже

извѣстную по интерлюдіямъ М. Довгалевскаго, для продажи на ярмаркѣ.

Во второй интерлюдіи, помѣщавшейся во второмъ дѣйствіи, послѣ второго явленія, „пирожникъ выходитъ и похваляетъ подовые пироги, къ которому приходитъ ставленникъ, которой купуетъ пироги; а къ нему приходятъ мошенники и, поѣвши подовыхъ пироговъ, у ставленника укравши деньги, уходятъ".

Третья интерлюдія, помѣщавшаяся послѣ 1-го явленія 3-го дѣйствія, выводитъ на сцену цыгана, лѣкаря и хлопа. Голодной цыганъ жалуется на свою судьбу.

Коли люди чули, чтобъ цыгане зъ голоду пропали?
А мы уже такихъ вѣковъ, бѣдные, дождали,
Хоть добрѣ шалверовать умѣешъ,
Хоть лутчихъ надъ цыганъ и нема злодѣевъ;
Однакъ же теперь зъ голоду приходитъ пропасти.

Легши спать, онъ нѣсколько разъ засыпаетъ, и видитъ во снѣ, что около носа вьется колбаса, но никакъ не можетъ ее поймать. Затѣмъ выходитъ лѣкарь — нѣмецъ, со слугою, и раскладываетъ и расхваливаетъ свои лѣкарства. Цыганъ хочетъ полѣчиться у него отъ голоду; и между ними происходитъ потѣшный разговоръ, вся соль котораго заключается въ перевираніи цыганомъ латинскихъ фразъ лѣкаря. Наконецъ, лѣкарь вырываетъ у цыгана зубъ; цыганъ съ бранью убѣгаетъ, а лѣкарь бьетъ своего слугу,—„нащо упусти паціента".

Четвертая интерлюдія „Могильникъ съ кобыльникомъ" помѣщалась въ драмѣ послѣ 3-го явленія третьяго дѣйствія; она представляетъ изъ себя грубый фарсъ. „Выходитъ могильникъ копать могилы, а послѣ къ нему приходитъ кобылякъ, который ищетъ кобылы и спрашиваетъ у могильника, да оба глухіе". Копая отцу своему могилу, могильникъ говоритъ самъ съ собою:

А вой вой, батюшко ты мой!
Топере уже не дождацца мнѣ тебя домой.

Какъ ѣздилъ, было, ты на добычку хоть въ полночку,
А пріѣхалъ—мнѣ привезешь гастинца своему сыночку.
А вой вой, батюшко ты мой, голупчикъ биленкой,
Пошто ты меня оставилъ, миленкой?
Закатился ты, солнышко мое красно,
Покинулъ ты меня бѣднаго напрасно,
И некому меня теперь по головкѣ ушъ погладить,
Толко всякъ по затылку заѣхать ладитъ.
И некому за меня сироту теперь заступить:
Толко всякъ хочетъ вшивицу нагрить...

Кобылякъ спрашиваетъ могильника, не видалъ ли онъ его пропавшей кобылы. Между ними завязался разговоръ; но по глухотѣ, каждый изъ нихъ понимаетъ и толкуетъ слова собесѣдника въ интересахъ своего дѣла. Кобыльникъ, заподозривъ могильника въ кражѣ и увѣчьи своей кобылы, собирается бить его.

Пятая интерлюдія, помѣщенная послѣ 4-го явленія 4-го дѣйствія, выводитъ на сцену грека, барышника и цыгана. Грекъ ѣхалъ изъ Стамбула съ мелкимъ товаромъ—чубуками, мыломъ и проч., волки съѣли его кобылу, оставили только хвостъ да гриву. Грекъ ищетъ, гдѣ коня купить; барышникъ къ нему приходитъ; и заговорившись (сговорившись), барышникъ цыганъ съ кон(ь)ми приводитъ. Сторговавшись и гроши побравши, цыгане съ кон(ь)ми утѣкаютъ". Барышникъ осматриваетъ съ грекомъ хвостъ съѣденый волками кобылы и говоритъ ему: „Екъ тебѣ хорошо ходить съ хвостомъ,—толко разсуждать".

Послѣ 4-го явленія 5-го дѣйствія помѣщена 6-я интерлюдія, въ которой „жидъ съ расколщикомъ споръ имѣетъ о вѣрѣ, и въ томъ своемъ спорѣ на судъ призываютъ судію, да разсудитъ имъ, которая вѣра права, но онъ разсудилъ по денгамъ". Раскольникъ скорбитъ о злополучіи старой вѣры и, встрѣтивъ жида и услышавъ отъ него, что тотъ называетъ себя человѣкомъ „стараго закона", считаетъ его за старообрядца и начинаетъ съ нимъ потѣшный

диспутъ. Рѣшителемъ спора является цыганъ, издѣвающійся надъ обоими спорщиками.

Седьмая интерлюдія не сохранила точнаго указанія на свое мѣсто въ пьесѣ, но должна быть отнесена тоже къ пятому акту. На сценѣ являются дьячекъ съ женою и двумя сыновьями. Приходятъ подъячіе, чтобы, по указу, взять дѣтей въ семинарію. Дьячекъ слезно проситъ избавить ребятъ отъ науки и даетъ за это взятку; но подъячіе, взявъ посулъ, все-таки уводятъ дѣтей, къ великому огорченію дьячка, который причитаетъ надъ ними:

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, сберитеся сюда,
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда:
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ
И въ проклятую серимарію на муку обираютъ:
О, мои цѣтушки сердечныя!
Не на ученье васъ берутъ, но на мученье безконечное!
Лучше вамъ не родитися на сей свѣтъ, а хотя и родиться,—
Того жъ часа киселемъ задавиться и въ воду утопиться.
О, мои милыя дѣтушки и бѣлыя лебедушки!
Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,
Нежели въ серимарію на муку отдалъ [1]).

Кромѣ того, В. О. Миллеромъ найдена еще одна интерлюдія этого цикла, помѣщенная въ рукописи подъ однимъ общимъ заглавіемъ съ интерлюдіей „Могильникъ и Кобылякъ“; это—интерлюдія „шапошникъ и мужикъ“. Шапошникъ, торгуя въ торговомъ ряду шапками, видитъ прохожаго мужика въ худой шапкѣ, потирающаго отъ морозу

[1]) Изд. въ „Лѣтописяхъ русской литературы“, Н. Тихонравова, отд 3, стр. 35—60; варіанты къ нимъ см. въ „Памятникахъ русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., стр. 291—300, и въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи наукъ“, 1900 г., т. V, кн. 3, стр. 747—768; изложеніе ихъ см. въ „Исторіи русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, Спб., 1889 г., стр. 334—337.

уши, „предлагаетъ ему купить у него новую шапку; примѣрявши шапку и посмотрѣвшись въ зеркало, мужикъ сторговалъ ее за 25 копѣекъ. Къ нему подходитъ другой мужикъ, очевидно мошенникъ, хвалитъ купленную шапку и проситъ у покупщика погулять въ ней немного. Польщенный мужикъ—покупатель дозволяетъ это плуту, какъ „человѣку доброму“, и на замѣчаніе третьяго мужика, что плутъ обманулъ его „заозерскаго пестеря“, самоувѣренно отвѣчаетъ:

Нѣтъ, браечь, не такия мы люди, что у насъ... пропадать.
Мы и сами на это ужъ доки.
Пойду, да какъ найду, да нагну, да отломаю ему и боки[1]).

Трудно сказать, составляетъ ли эта новонайденная интерлюдія сравнительно позднюю имитацію прежнимъ интерлюдіямъ, или же сочинена была одновременно съ ними, но почему-то не попала въ драму „Стефанотокосъ“. Скорѣе можно принять второе предположеніе, такъ какъ, по нашему наблюденію, и всѣ остальныя интерлюдіи, размѣщенныя въ драмѣ, сочинены были особо отъ драмы и уже, по сочиненіи, размѣщались въ ней по усмотрѣнію автора. Какого нибудь строго-спеціальнаго соотношенія между содержаніемъ отдѣльныхъ интерлюдій и соотвѣтствующими мѣстами драмы мы не замѣчаемъ, и любая интерлюдія можетъ быть переставлена на другое мѣсто безъ ущерба дѣлу и измѣненія характера пьесы. Но это не значитъ того, будто бы и всѣ эти интерлюдіи не имѣли никакого отношенія къ общему содержанію пьесы. Всѣ эти отрицательные типы цыганъ, нѣмцевъ докторовъ шарлатановъ, мошенниковъ, воровъ—разбойниковъ (отецъ могильщика), барышниковъ и т. п.

---

[1]) „Новая интерлюдія XVШ в.“, В. Ѳ. Миллера, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1900 г., т. V, кн. 3, стр. 755—760.

могли находить себѣ благодарное примѣненіе къ тѣмъ недругамъ Елизаветы Петровны, которые олицетворены были въ драмѣ въ символахъ Злобы, Зависти и Лукавства. Сцены же съ невѣжественными раскольниками—старообрядцами и съ дьячкомъ, оплакивающимъ отдачу своихъ дѣтей въ семинарію на муку, должны были оттѣнять ту горячую любовь автора драмы къ наукѣ и западной культурѣ и цивилизаціи, какую онъ влагаетъ въ уста Европы въ пятомъ дѣйствіи драмы.

Кѣмъ написаны интерлюдіи къ драмѣ „Стефанотокосъ“, тоже опредѣленно сказать нельзя. Можно только утверждать, что онѣ написаны были различными авторами. Тѣ интерлюдіи, въ которыхъ выступаютъ на сцену цыганъ, литвинъ, еврей, грекъ и т. п., написаны самими учителями Новгородской семинаріи, прибывшими изъ Кіева, а именно Инн. Мигалевичемъ, и напоминаютъ собою извѣстныя уже интерлюдіи М. Довгалевскаго. Въ одной интерлюдіи прямо указывается даже на южнорусскіе города Кролевецъ и Ромны. Типы же мѣстныхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ-то раскольниковъ, маркитанта, дьячковъ, мошенниковъ, воровъ, торгашей, барышниковъ, мужиковъ и т. п. списаны съ натуры и описаны такимъ провинціальнымъ русскимъ нарѣчіемъ, которое никакъ нельзя приписать Ин. Мигалевичу или другому изъ южнорусскихъ ученыхъ. Поэтому нужно предположить, что въ составленіи интерлюдій принимали дѣятельное участіе и новгородскіе семинаристы.

Вслѣдствіе коллективности работы надъ интерлюдіями, онѣ получаютъ весьма пестрый, разнообразный этнографическій колоритъ. Каждое дѣйствующее лицо говоритъ по своему, соотвѣтственно своей національности и положенію. Рѣчь раскольника сбивается на церковно-славянскій ладъ; въ говорѣ цыганъ, кромѣ цыганскихъ словечекъ, слышатся полонизмы и малоруссизмы, литвинъ дзекаетъ, нѣмецъ докторъ произноситъ латинскія фразы, маркитантъ пирожникъ

сыплетъ прибаутками, грекъ изъ Константинополя говоритъ ломанымъ русскимъ языкомъ; жидъ изъ западнаго края—мѣстнымъ говоромъ, но съ еврейскимъ цоканьемъ, и проч. Но въ большинствѣ текста интерлюдій преобладаетъ сѣверно-великорусскій говоръ, а не московскій [1]), что̀ опять-таки указываетъ на составленіе интерлюдій въ Новгородской семинаріи, а не въ Московской академіи.

„Такимъ образомъ,—говоритъ П. О. Морозовъ, и на сѣверѣ школьная драма пошла тѣмъ же путемъ, какъ и на югѣ,—къ постепенному сближенію съ живою дѣйствительностью. Въ интерлюдіяхъ она старалась приспособиться къ новой обстановкѣ, встрѣченной ею на сѣверѣ, и дать на сценѣ картины, хорошо знакомыя московскимъ (сѣверно-русскимъ) зрителямъ".

2) Къ панегирическимъ же драмамъ въ честь Елизаветы Петровны относится и драма о воцареніи Кира, подъ заглавіемъ *„Гисторія Кира"*, найденная въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка, писанномъ разными руками. Въ основѣ драмы лежитъ изложенная въ прологѣ къ ней мысль о бытіи промысла Божія, управляющаго судьбами вселенной, цѣлыхъ народовъ и царствъ и отдѣльныхъ личностей. Эта мысль доказывается, главнымъ образомъ, исторіей Персидскаго царя Кира, который, будучи предопредѣленъ Промысломъ Божіимъ на Персидское царство, избавленъ былъ отъ погибели, приготовлявшейся ему дѣдомъ его, Мидійскимъ царемъ Астіагомъ, и дѣйствительно получилъ впослѣдствіи персидскій престолъ. Но эта исторія Кира избрана авторомъ драмы потому, что она представляетъ полную аналогію съ судьбою императрицы Елизаветы Петровны, которая, будучи законною наслѣдницею прароди-

[1]) „Извѣстія" отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ, 1900 г., т. V, кн. 3, стр. 749—750.

тельскаго престола, не только была отстранена отъ него, но и подвергалась опасности жизни. На эту аналогію между Киромъ и Елизаветою авторъ прямо и указываетъ въ прологѣ къ своей драмѣ, говоря, что это „дѣйствіе... не безъ вины мы учинили: понеже память наша по естеству своему слабка и непостоянна видится быти, случается бо, яко и *въ недавномъ времени случаи бывши*, аки отнюдъ не бывалыя пребываемъ; того для да не предложенная весма полезная могущая всякаго во удивленіе привести повѣсть забвенію предастся, возобновити ю сицевымъ образомъ умыслихомъ". Слѣдов., драма составлена „въ недавнемъ времени" по вос_шествіи императрицы Елизаветы на престолъ.

Сюжетъ драмы заимствованъ изъ Геродота, но съ примѣненіемъ къ судьбамъ Елизаветы Петровны.

Кромѣ пролога, написаннаго прозаич. рѣчью, пьеса состоитъ изъ 10-ти дѣйствій и эпилога. Мидійскій царь Астіагъ, упоенный славою и гордостію, видитъ вѣщій сонъ, будто-бы отъ чреслъ его дочери выросло дерево, высотою доставшее до облаковъ, и своими вѣтвями осѣняло всю Азію. Одинъ изъ царедворцевъ истолковалъ этотъ сонъ въ томъ смыслѣ, что у его дочери Манданіи родится сынъ который нѣкогда возьметъ подъ свою власть Мидійскія страны, покоритъ всю Азію, а самого Астіага лишитъ мидійской короны. Чтобы не сбыться этому сну, Астіагъ выдаетъ свою дочь за неблагороднаго человѣка, и когда у нихъ родился сынъ, велитъ любимцу своему князю Гарпагу умертвить ребенка. Гарпагъ поручаетъ это дѣло пастуху, а пастухъ, бросивши его въ лѣсу на съѣденіе лютымъ звѣрямъ и увидѣвши, какъ одинъ изъ звѣрей бережетъ и питаетъ его, беретъ его къ себѣ на воспитаніе. Киръ подростаетъ и своею мудростію и царственными замашками и пріемами обращаетъ на себя подозрительное вниманіе вельможъ и своего дѣда, который узнаетъ въ мнимомъ пастушонкѣ своего внука, гнѣвается на Гарпага за то, что этотъ

не исполнилъ царскаго повелѣнія, и рѣшается добровольно отдать своему внуку мидскую державу. Онъ говоритъ:

Понеже отъ Гарпага совсѣмъ есмь попранны,
За мою къ нему любовь отъ него проданны,
Что не токмо отрока сего той убити
Восхотѣлъ, но и тайно умыслилъ вскормити;
Сего ради смущаюсь о внукѣ вскормленномъ,
Во время царствія моего рожденномъ,
Самовольно оному Мидскую державу
Вручаю, царства моего вящщую впредь славу.
Съ тымъ же злодѣемъ моимъ что имамъ творити,
Вы, друзи мои, даждте здравыя совѣты!

Вельможи совѣтуютъ Астіагу убить единственнаго у Гарпага сына. Царь велитъ убить Гарпагова сына, а самаго Гарпага заключить навѣки въ темницу. Въ заключительномъ явленіи Киръ является уже могущественнымъ и славнымъ царемъ, благодаритъ благость Божію за чудесное спасеніе отъ смерти, величается своею славою и честію,, приглашаетъ всѣхъ къ радости и веселію и особенно Гарпага: „Радуйся наипаче и торжествуй ты, первосовѣтниче Гарпаже! всю бо царствія моего славу твоему причитаю храненію,—дражайши паче всего животъ мой твоему приписую храненію! Радуйтеся, наконецъ, и вы достохвалны и чудны въ бранѣ воины! вашею бо крѣпостію и оружіемъ и силою возшелъ на высоколѣпны тронъ сей, и яко царь и владыка почитаемъ“. Кира привѣтствуютъ вельможи и 4 страны свѣта—Азія, Европа, Африка и Америка. Въ эпилогѣ исполнители, по обычаю, просятъ у зрителей извиненія въ своихъ недостаткахъ:

Чрезъ десяточисленныя сцѣны продолженно
Дѣйствіе наше здѣ ста концемъ украшенно,
Въ немъ же предложихомъ вамъ Гисторію Кира,
Како отъ дѣда, аки отъ лютѣйша звѣря,
Гонимъ былъ, но ничто врагъ успѣлъ возяренны,
Властію Божіею весма побѣжденны:

Того для впервыхъ, имже вси есмы движимы,
Предвѣчна Мудрость буди Богъ отъ насъ блажимы,
Безъ Его жъ бы не токмо дѣло не свершили,
Но ниже бы начати како силны были,
Потомъ же васъ просимъ, *мужіе почтенны*,
Да на труды, по силѣ нашей сочиненны,
Смотря, не презрите въ чемъ недостатки сущи,
Но глубочайши разумъ паче насъ имущи.
Любезно тыя сполнить подщитесь собою;
Не бо на сіе дерзнули, водимы хвалою,
Но дабы поелику могли услужити,
Вашей любвѣ замыслили сіе предложити... [1]).

Изъ этого можно видѣть, что драма исполнялась передъ собраніемъ „мужей почтенныхъ“, можетъ быть на публичномъ актѣ при окончаніи учебнаго года. Трудно сказать, въ какомъ учебномъ заведеніи исполнялась эта пьеса. Языкъ ея—довольно чистый русскій языкъ того времени; но онъ, по видимому, уже очищенъ отъ малороссизмовъ переписчикомъ, или опускавшимъ нѣкоторые изъ нихъ, или искажавшимъ ихъ на русскій ладъ. Въ привѣтствіяхъ вельможъ Киру опущено нѣсколько строкъ, (стр. 227), и въ привѣтствіи Америки искаженъ даже грамматическій смыслъ ея рѣчи:

Смиренно ти *вящую* честь твоея славы
Америка склоняю верхъ моея главы (стр. 228).

Вѣроятно, вмѣсто *вящую* въ оригиналѣ стояло *венщую*, т. е. привѣтствую. Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ видѣ текстъ драмы удержалъ еще нѣсколько малорусскихъ особенностей, напр, въ словахъ Астіага о Гарпагѣ:

Како вовся прелстился и не познахъ лѣса (т. е. лиса, лисицу),
Человѣка образомъ, прелестію бѣса? (стр. 225).

---

[1]) „Памятники русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., стр. II и стр. 205—229.

3) Весьма сходно съ „Гисторіей Кира“ по конструкціи, нѣкоторымъ подробностямъ и языку найденное въ одномъ сборникѣ съ нею *„Дѣйствіе на Рождество Христово,* изявляющее преступленіе души человѣческой ради грѣха смертію обладанной, ея же ради избавленія Богъ посла Сына своего единороднаго“.

Содержаніе ея—слѣдующее. „Грѣхъ, родившійся отъ натуры человѣческой“...„и убивающій раждающую, яко ехиднино порожденіе матерь свою“, величается своими успѣхами въ мірѣ ангельскомъ и человѣческомъ и приписываетъ себѣ мрачную честь паденія Денницы и первозданнаго Адама, а чрезъ него—и всего человѣчества:

Ибо откуду бы лесть, убивства во мірѣ.
Откуду всяка злоба и развраты въ вѣрѣ?
Вся сія содержу азъ доселѣ съ начала,
Полза бо ми отъ сего и корысть не мала.
Азъ силенъ волю мою нынѣ простирати,
Азъ могу людемъ разньство и измѣну дати,
Азъ человѣка свята, честна и блаженна
Вскорѣ могу сотворить всѣхъ даровъ лишенна.

Между тѣмъ падшую душу оплакиваютъ мертвецы. Ее утѣшаетъ Милосердіе, обѣщая содѣйствовать возвращенію душѣ прежней благодати и ниспосланію, для этой цѣли, Сына Божія на землю. Объ этомъ молятъ и праотцы, сидящіе въ аду и желающіе освобожденія изъ мрачной адской темницы, подобно тому, какъ молили грѣшники въ аду въ Діалогѣ XVII вѣка:

Доколѣ, Господи, здѣ, доколѣ сидѣти?
Доколѣ адскую тму, доколѣ терпѣти?
Почто забываеши сѣдящихъ во адѣ?
Почто оставляеши стенать безъ отрады?
Доколѣ нами врагъ нашъ будетъ обладати?
Доколѣ во мѣстѣ семъ будемъ вси рыдати?
Услыши, Господи, гласъ рабъ твоихъ смиренный,
Услыши молитву самъ и вопль умиленный!

Пошли Сына Твоего, избави отсюду
Изми отъ устъ адовыхъ, даждь утѣху люду,
Разрѣши грѣховныхъ узъ, разрѣши плѣницы,
Изведи насъ отъ адской мрачной сей темницы!

Ихъ утѣшаетъ Надежда избавленіемъ изъ ада Сыномъ Божіимъ. Пророки Валаамъ и Исаія возвѣщаютъ міру о предстоящемъ пришествіи Спасителя. Христосъ дѣйствительно раждается. „Волсви со звѣздою шествуютъ и испытаютъ о рожденномъ царѣ отъ Ірода. Ірод̀ъ же слышавъ удивляется о таковой вѣсти, велитъ призвати книжниковъ и испытуетъ о Христѣ, гдѣ раждается. Воспріявши же вѣсть отъ книжниковъ, яко Христосъ въ Виѳлеемѣ раждается, повелѣваетъ волхвамъ его искати, и егда обрящутъ, молитъ, дабы ему возвѣстили; волхвы же, получивши таковую вѣсть, въ путь свой шествуютъ“. Эти волхвы, внуки Валаамовы, „отдаютъ дары Христу, во Виѳлеемѣ лежащему, идѣже Марія и Іосифъ присутствуютъ, и ангели *Слава въ вышнихъ Богу* воспѣваютъ. Отдавши же поклонъ и дары, смирну, ливанъ и злато, шествуютъ восвояси и не возвращаются ко Іроду“. А „Ірод̀ъ, бывши отъ волхвовъ поруганъ, сѣтующе о таковой вѣсти и недоумѣвающе, что съ ними творити имать, совѣтуетъ (ся) о новорожденномъ со Злобою, Завистью, Коварствомъ и Убійствомъ, имъ же діаволъ шепталъ на ухо, которыи совѣтники убѣждаютъ царя о убійствѣ младенца; Ірод̀ъ же повелѣваетъ избити младенцевъ во всей Іудеи:

Грядите, вси, во всю Юдею грядите,
Во всѣхъ предѣлѣхъ моихъ младенцевъ губите!

Жестокое повелѣніе Ирода исполнено. Дщерь Сіонская плачетъ о избіеніи чадъ своихъ, и ея плачу вторитъ „Пѣніе“ или хоръ, сострадая ей въ горѣ и утѣшая ее. Дщерь Сіонская, между прочимъ, такъ жалуется на Ирода:

Толико свирѣпыя и тяжкой болѣзни
Не начаялась имѣть во всей моей жизни,

Коликую мнѣ нанесъ Іродъ вселукавый,
Кровь дѣтей неповинныхъ проліявы!
Съ любовію терпѣла въ рождеству печали,
Нынѣ мя несносные бѣды поискали.
Пѣніе:
Полно тужить!
Сѣтуешъ вскую,
Престани!
Хотя твои
Чада ссѣченныи,
Но суть спасенныи,
Увѣнчанныи.
Между нами
Вси устнами
Спѣваютъ, играютъ, ликовствуютъ.
Тоже подтверждаетъ ей и Ангелъ небесный:
Богъ въ вышнихъ живый странахъ, печалная мати,
Изволилъ мене сѣмо до тебе послати
Утѣшить, да жалостно всуе не рыдаешъ,
Но паче на оного крѣпко уповаешъ:
Чада бо твои аще и земныхъ лишились,
Однакъ не въ смерть, но въ животъ вѣчный преселились.
Яко бѣлы орлы въ небо возлетѣли,
Идѣже селеніе свое положили;
Божественную славу ясно соцерцаютъ,
Безсмертныя сладости себе насыщаютъ.

Въ заключительномъ, 10 мъ явленіи „Власть Божія", побѣдившая діавола и протчихъ противниковъ своихъ, торжествуетъ со Смиренномудріемъ и Незлобіемъ; вручивши Благочестію державу свою, отходитъ въ горній Сіонъ; Благочестіе же за сицевую милость благодареніе Богу воздаетъ и пѣніемъ оканчеваетъ".

Интересно это олицетворенное Благочестіе, которое не вытекаетъ съ необходимостью изъ предыдущаго хода пьесы и является со всѣми аттрибутами царской власти на землѣ. Власть Божія говоритъ Благочестію:

Пріими непобѣдиму власть мою и силу,
Ею же низложиши вражію лесть гнилу.
Се ти враговъ подъ нозѣ твои повергаю,
Всѣхъ твоихъ противниковъ тебѣ покоряю.
Наступай и побѣждай и царствуй во вѣки,
Въ побѣдахъ прославлю тя между человѣки.
Се ти царски скипетръ, се ти діадима,
На престолѣ Божьемъ ти власть буди нерушима.
Азъ бо, сія скончавши вся благополучно,
Иду тамо, идѣже живу неразлучно,
Иду тамо, идѣже ангельскія лицы
Желаютъ низвѣсити красныя зѣнницы,
Въ горнихъ бо красныхъ мѣстахъ выну обитаю,
Вамъ же неоскудную милость оставляю.

Эти слова съ полною увѣренностію могла примѣнить къ себѣ императрица Елизавета Петровна, да вѣроятно они и назначались для нея авторомъ драмы.

Заключительное „Пѣніе“ опять обращается къ дочери Сіонской съ утѣшеніемъ:

Аще кая болѣзнь въ мірѣ можетъ быти,
Что паче матери можетъ уязвити,
Еже зрѣти чада порожденна, за гнѣвъ збіенна?
Болѣзненно мати кровь си проливаетъ
Въ тотъ часъ, егда чадо свое раждаетъ,—
Болѣзненно мертвы соглядати дѣти,
муки терпѣти.
Іродъ во убивствѣ бысть преокаянный,
За пролитую кровь отъ всихъ поруганный;
Измытися имать за смертные раны
Во адской банѣ.
Не печалуй сердцемъ, прискорбная мати,
Престани отселѣ толь скорбно рыдати:
Чада твои аще отъ меча падоша,
Но не умроша [1])!

И въ этой пьесѣ есть тоже малороссизмы, обличающіе въ авторѣ южнорусскаго ученаго, какъ напр. „*Надъ*

[1]) „Памятники русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., предисл. стр. II и стр. 1—17.

тебе достоинъ весь міръ не можетъ быти", „*происка*въ его" вм. нашедши его, „нынѣ мя несносные бѣды *поискали*", риѳмованіе словъ „предѣлы" и „пріуныли", „въ мірѣ" и „вѣры", „на вѣки" и „превелики" и т. п.

Г. Стешенко относитъ эту драму къ концу XVII или къ началу XVIII вѣка, главнымъ образомъ на основаніи краткости и примитивности ея, сближающихъ эту пьесу со школьными дѣйствами XVII и начала XVIII вѣка [1]).

Но, вѣдь, такою же краткостію и примитивностію отличаются и драмы М. Довгалевскаго 1736 и 1737 годовъ, съ которыми, поэтому, и должно быть сравниваемо наше „Дѣйствіе на Рождество Христово". Оно именно составлено по подражанію драмамъ Довгалевскаго, но составлено значительно позже ихъ, въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны. На это указываютъ и аналогія съ „Гисторіей Кира", и намеки на личность императрицы Елизаветы Петровны.

Можно допустить предположеніе, что обѣ драмы „Гисторія Кира" и „Дѣйствіе на Рождество Христово" составлены Кіевляниномъ, но переписаны и измѣнены въ отношеніи языка гдѣ-либо на сѣверѣ Россіи, можетъ быть въ Московской Академіи, гдѣ учителя въ это время были преимущественно изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи. Сочиненіе двухъ драмъ въ непродолжительномъ времени указываетъ на какой либо крупный просвѣтительный центръ, какимъ, въ данномъ случаѣ, могла быть только Московская Академія, а не Кіевская. Первая изъ этихъ драмъ снабжена прозаическимъ прологомъ, въ видѣ ораторской рѣчи, какъ и Московская драма объ Езекіи, царѣ израильскомъ, 1728 года; а это свидѣтельствуетъ о томъ, что драма сочинена

---

[1]) „Исторія украінскоі драми", І. Стешенка, въ журналѣ „Украіна", ноябрь—декабрь, 1907 г., стр. 374—5

не учителемъ піитики, какъ это дѣлалось въ Кіевской Академіи, а учителемъ риторики, по московскому обычаю.

4) Къ первымъ годамъ царствованія Елизаветы Петровны мы относимъ діалогъ, подъ заглавіемъ *„Стихи по вопросамъ и отвѣтамъ сложеннія*, отъ двоихъ учениковъ предъ великою монархинею сказованнія". Одинъ изъ учениковъ говоритъ:

Елисаветъ, коей точной нѣтъ, мать есть благосерда,
Всѣмъ надежда, безмятежна сѣнь, стѣна всетверда;
Врагомъ злобнимъ, безутробнимъ жизнь даде свободно;
Всѣхъ гонившихъ, зло творившихъ прости благородно;
Разгна волни страха полни, вставшія противно;
Взятъ побѣди, напослѣди миръ даде предивно;
Тепла въ вѣри не по мѣрѣ, къ Богу вся горяща;
Любве сила ю плѣнила вѣчно горѣ зряща.
Та вождь правій, та настави, укрѣпи ко труду,
Пѣше ходитъ и посѣтитъ сію лавру къ чуду.
Сверхъ то внушимъ и разсудѣмъ, коль къ ученій свѣту
Зримъ щедротну, доброхотну мать Елисавету,
Будемъ въ доводъ отъ рода въ родъ сѣмо ми собранни,
Да ученій плодъ блаженній, плодъ пожнемъ избранній;
Кто бо здѣ зналъ, или слыхалъ мудростніи рѣчи?
Не имѣли и не зрили вси прошедши вѣки.
Кто когда мнѣлъ, даби процвѣлъ вертоградъ здѣ плодній
Ума зрила, съ слова дѣла и въ немъ плодъ свободній?
Се же чудна неоскудна милость Монархинѣ,
Изліяла, показала разума быстрини.
Се насади и огради всѣхъ щедротъ оплотомъ
Цвѣти благи, къ жизни драги щадя доброхотомъ,
И да полній цвѣтъ доволній всегда будетъ въ славѣ,
Дождь богатій благодати изливаетъ явѣ.
Сама зрити, досмотрити второе приходитъ,
Посѣщая мать благая, сладку радость родитъ.
Сіе внявши, трудъ отнявши, разсуди, сколь можно,
Убѣгати, или стати предъ матерью должно?

Второй ученикъ внялъ убѣжденіямъ своего товарища, и оба вмѣстѣ воспѣли они императрицѣ хвалебную пѣснь, довольно, впрочемъ, безцвѣтную.

Прежде мы высказали мнѣніе, что этотъ діалогъ говоренъ былъ двумя студентами Кіевской Академіи 8 сентября 1744 года предъ императрицею Елизаветою Петровною во второе посѣщеніе ею Кіевской Академіи [1]). Теперь мы совершенно оставляемъ это мнѣніе. Въ діалогѣ прямо называется „лавра", какъ предметъ посѣщенія императрицы, и дается та мысль, что собранные здѣсь ученики учились въ училищѣ, вновь учрежденномъ щедротами императрицы:

Кто бо здѣ зналъ или слихалъ мудростніи рѣчи?
Не имѣли и не зрили вси прошедши вѣки.
Кто бо когда мнѣлъ, даби процвѣлъ виноградъ здѣ плодній
Ума зрила, съ слова дѣла и въ немъ плодъ свободній?

Такимъ новоучрежденнымъ училищемъ нужно признать Троицкую лаврскую семинарію. Ее предписано было учредить еще въ 1738 году, но въ дѣйствительности она открыта была лишь въ октябрѣ 1742 года [2]). Елизавета Петровна не одинъ разъ ходила въ Троицкую лавру пѣшкомъ на богомолье, и второе путешествіе ея сюда относится приблизительно къ 1743 году [3]). На этотъ же годъ указываетъ и намекъ діалога на побѣду надъ шведами и заключеніе мира съ Швеціей въ августѣ 1743 года:

Взятъ побѣди, напослѣди миръ даде предивно.

Но малороссизмы въ языкѣ діалога свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ составленъ не учениками, а самимъ учителемъ, получившимъ образованіе въ Кіевской Академіи.

---

[1]) „Очерки изъ украинской литературы XVIII вѣка", Н. Петрова, Кіевъ, 1880 года, стр. 108—9.

[2]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи", серія 2, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., № XXIX, стр. 413.

[3]) „Исторія Троицкой Лаврской семинаріи", С. Смирнова, Москва, 1867 г., стр. 90. Въ февралѣ 1743 года было уже третье посѣщеніе Сергіевой Лавры Елизаветою; тамъ же, стр. 92.

Въ 1744 году императрица Елизавета Петровна предприняла путешествіе въ Кіевъ на богомолье. По этому случаю русскіе Аѳины, т. е. Кіевская Академія, озаботились о томъ, чтобы достойно встрѣтить и привѣтствовать императрицу. Префектъ Академіи, извѣстный уже намъ іеромонахъ Мих. Козачинскій, сочинилъ Панегирикъ изъ нѣсколькихъ риѳмовъ или одъ и драму „Благоутробіе Марка Аврелія".

5) „*Панегирикъ*" Козачинскаго императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ не относится къ драматическимъ произведеніямъ, но по своимъ характеристическимъ чертамъ имѣетъ немаловажное значеніе для объясненія пьесы того же автора „Благоутробіе Марка Аврелія".

Самое названіе риѳмовъ панегирика „одами" сближаетъ ихъ съ одами М. В. Ломоносова въ честь Елизаветы Петровны. Есть пункты соприкосновенія между Ломоносовымъ и Козачинскимъ и въ стихосложеніи. Вотъ, напримѣръ, начало первой оды Козачинскаго:

Безначальный и всехвальный!
Милость твою, Боже,
Кто есть силенъ, изобиленъ
Сказать? Ей, никтоже! [1]).

По видимому, эти стихи, за исключеніемъ послѣдняго, написаны тоническимъ размѣромъ, именно хореемъ. Въ дѣйствительности же это есть не что иное, какъ силлабическій двойной леонинскій стихъ, сущность котораго состоитъ не въ тоническомъ размѣрѣ, а въ количествѣ силлабъ или слоговъ, цезурѣ и риѳмѣ. Двойной леонинскій стихъ, какъ намъ уже извѣстно, раздѣлялся цезурою на три риѳмован-

[1]) Панегирикъ этотъ изданъ въ Кіевѣ, въ 1744 году.

ныя части, требовавшія созвучія нѣсколькихъ слоговъ и словъ, и такимъ образомъ получалъ какъ бы нѣкоторый тоническій размѣръ, какъ это мы видимъ на вышеприведенныхъ стихахъ М. Козачинскаго. Одинъ изъ историковъ Кіевской Академіи, повидимому, признавалъ силлабическіе леонинскіе стихи Козачинскаго за тоническіе [1]).

Приближаясь къ тоническому стиху Ломоносова, М. Козачинскій проводилъ въ своихъ одахъ тѣ же мысли и чувства, какія высказывалъ и Ломоносовъ въ своихъ одахъ. Оба эти писателя были выразителями общихъ чувствъ русскихъ людей, видѣвшихъ въ Елизаветѣ свою родную государыню, освободившую ихъ отъ владычества иноземцевъ. Въ своихъ одахъ Козачинскій описываетъ стѣсненное положеніе Елизаветы и печальное состояніе Россіи по смерти Петра Великаго и Екатерины I, желаніе видѣть на престолѣ Петрово племя и радость при исполненіи этого желанія.

Гдѣ бо волны бѣдъ злыхъ полны,
Страшныя якъ въ морѣ?
Расточились, премѣнились
Словомъ суща горѣ.
Онъ бо сильный вопль умилный
И гласъ внушилъ слезный,
Еще жъ нужный страхъ окружный
Якъ отецъ любезный.
Что жъ творитъ, да ускоритъ
Въ помощь? Приникаетъ
Онъ незримо съ небесъ сѣмо
И тако вѣщаетъ:
Еда ль ковы неистови
На Петровъ восташа
Домъ державный, міру славный?
Коль тщетна мысль ваша!
Съ нимъ азъ буду, преизбуду,
Въ немъ азъ воцарюся.
Вожделѣнно, непремѣнно
Здѣ во вѣкъ вселюся.

[1]) „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею“, В. Аскоченскаго, т. II, стр. 55.

Самое восшествіе Елизаветы на престолъ описывается слѣдующимъ образомъ: Богъ.

Елизавети повелѣ дерзати
И всероссійскій скипетръ воспріяти:
Людемъ отъялъ страхъ, да сердца изліютъ
И мысль открыютъ.
Испусти жъ противъ враговъ нечаянно
Бурю и смутилъ ихъ непостоянно.
Се есть измѣна Вышняго десницы:
Врагъ есть въ темницѣ.
Аки воды, люде стогны загустили,
Какъ гласъ окружный купно возопили:
Віватъ ты наша Монархиня нова,
Духъ, кровь Петрова!

Вслѣдъ за вѣстію о воцареніи, послѣдовали различные указы, благодѣтельные для Россіи:

Единъ обиды щедро награждаетъ;
Другій невинныхъ отъ узъ свобождаетъ,
Превращаетъ же кирхи иновѣрны
Въ храмъ благовѣрный.
Рабомъ смертію претитъ—посты святы
Съ еретиками впредь не оскверняти.
Ежели жъ ино что внесоша врази,
Спразнятъ укази.

6) Подобнаго же панегирическаго характера и драма М. Козачинскаго „*Благоутробіе Марка Аврелія*“, написанная имъ во время пребыванія Елизаветы Петровны въ Кіевѣ и напоминающая іезуитскіе ludi caesarei. Она представлена въ присутствіи императрицы 5 сентября, 1744 года [1]).

Драма состоитъ изъ пролога, трехъ дѣйствій и эпилога.

Прологъ состоитъ изъ трехъ явленій и представляетъ какъ бы особую вступительную пьесу.

---

[1]) Пьеса эта имѣла два изданія: въ Кіевѣ въ 1744 году и во Львовѣ въ 1745 году. Во второмъ изданіи прямо указывается 5 сентября, какъ день исполненія пьесы.

Первое явленіе пролога начинается споромъ Гнѣва съ Благоутробіемъ, по видимому олицетворяющими тяжелыя времена Россіи послѣ смерти Екатерины I и до восшествія Елизаветы Петровны на престолъ, и благодушное царствованіе послѣдней. Благоутробіе одолѣваетъ. Являются пять добродѣтелей Ея Величества: „Милость и Истина срѣтаются“, потомъ „Правда и Миръ облобызаются“, и наконецъ Мужество приходитъ и обращается къ нимъ съ рѣчью, въ которой указываются обстоятельства восшествія Елизаветы на престолъ и характеръ ея царствованія:

Почто аки смятени? Что вси суть уныли,
Аки бы потеряли чувства и вся силы?
Милость ускаржается, истина рыдаетъ,
Будьто ихъ съ предѣлъ Росскихъ неправда сгоняетъ.
Правда такожде скорбитъ, и Миръ печалуетъ,
Аки бы онъ съ протчими того и не чуетъ,
Что по часѣ толь лютомъ, по часѣ пребѣдномъ,
Россія на престолѣ сидящу наслѣдномъ
Имѣетъ Елисаветъ. О Россійска мати!
Кій языкъ, кое слово сильно показати?
Елисаветъ Петровна, ты въ дѣлѣ и словѣ
И во всемъ подобишся первому Петровѣ.
Онъ бо Кіевъ посѣщалъ, ты тожде твориши;
Нѣсть раба, подданна, въ комъ не благоволиши.
Съ тобою милость, правда, съ тобою миръ златый,
Въ сердцы Богъ почиваетъ въ милости богатый,
Аще убо Богъ съ нами, то кто уже на ни?
Елисаветъ страхъ творитъ и надъ Агаряни.

Второе явленіе пролога состоитъ изъ анаграммъ, представленныхъ перемѣщеніемъ однихъ и тѣхъ же буквъ „чрезъ сальты, глаголемые тарчовые“. Подобныя анаграммы мы видѣли въ польскихъ школьныхъ драмахъ въ честь Станислава Лещинскаго и въ московскихъ школьныхъ драмахъ въ честь Петра I [1]).

[1]) См. выше и „Исторію русскаго театра“, П. О. Морозова, т. I, стр. 313—4.

Третье явленіе пролога открывалось выѣздомъ олицетвореннаго Кіева на золотомъ возѣ. Объ этой сценѣ, на основаніи „Исторіи Россовъ“ псевдо-Конисскаго, до 1870 года существовало сбивчивое представленіе. Въ этой исторіи разсказывается о встрѣчѣ Елизаветы Петровны кіевлянами слѣдующее: „Отъ Кіевской Академіи, помощію выписанныхъ машинъ и своего изобрѣтенія, дѣланы государынѣ разныя удивительныя явленія къ ея удовольствію; между прочимъ, выѣзжалъ за городъ важный старикъ самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною, но сдѣланный съ молодаго студента. Колесница у него была божескій фаетонъ, а въ него запряжены два піитическіе крылатые коня, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и князя кіевскаго Кія. Онъ встрѣтилъ государыню на берегу Днѣпра, у конца мосту, привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, яко въ свое достояніе, и поручалъ его и весь народъ русскій въ милостивое ея покровительство“. Между тѣмъ оказывается, что нѣчто подобное было не при первой встрѣчѣ государыни кіевлянами, а гораздо позже, 5 сентября, въ день ея тезоименитства, и притомъ выѣзжалъ не древній кіевскій князь Кій, а олицетворенный театральный городъ Кіевъ, какъ это видно изъ третьяго явленія пролога разсматриваемой пьесы. Выѣхавъ на золотомъ возѣ, Кіевъ говоритъ:

Кіевъ здѣсь, градовъ мати, радость ощущаю
И для того на златомъ возѣ поѣзжаю,
Отъ радости вопію: чада, поспѣшайте,
Елисаветъ Петровну со мной встрѣчайте!
Се въ славномъ величіи съ побѣдою прійде,
Съ ею радость новая съ небесъ на насъ снійде,
Се Ея Величество прійде обновити,
Аки бы первый княжескъ престолъ сотворити.

Вспомянувъ о древнихъ князьяхъ и о Петрѣ I, онъ говоритъ о недавней побѣдѣ надъ Шведомъ, доставившей Россіи Финляндію:

Се жъ паки днесь первые наступили вѣки,
Се же побѣда надъ Свѣмъ, миръ златъ съ человѣки;
Седмъ сотъ сорокъ четвертый годъ златый сіяетъ,
Дщерь Петра Елисаветъ Кіевъ посѣщаетъ [1]).

Въ заключеніе олицетворенный Кіевъ говоритъ:

Пойду убо отверзу заключенныя двери,
Да изыдутъ днесь въ привѣтъ россійскія дщери.

И вотъ, эти россійскія дщери поютъ привѣтственную пѣснь, *разнопестрыя* на пирамидѣ переплетая узоры.

Затѣмъ слѣдуютъ самыя дѣйствія драмы, представляющія исторію римскаго императора Марка Аврелія, въ примѣненіи ея къ Елисаветѣ Петровнѣ.

Въ первомъ дѣйствіи Маркъ Аврелій „торжествуетъ о Киликіи, Сиріи, Египтѣ, Іудеи и надъ Сарматы побѣдитель“. Вождь его Кассій привѣтствуетъ его и обвиняетъ фельдмаршала Вера „въ слабомъ содержаніи команды“, вслѣдствіе чего кесарь поручаетъ власть Кассію и затѣмъ отходитъ. Между тѣмъ Кассій, получивъ власть, гордится и злоупотребляетъ ею и наконецъ провозглашаетъ себя императоромъ. Дѣйствіе заканчивается „сальтами шабельными и интерлюдіумомъ 2“.

Во второмъ дѣйствіи Маркъ Аврелій узнаетъ о замыслѣ Кассія, но не вѣритъ полученнымъ отъ Луція свѣдѣніямъ и даже хвалитъ Кассія, который между тѣмъ обманываетъ Египтянъ, будто бы Маркъ Аврелій умеръ, а сынъ его Коммодъ неспособенъ будто бы къ управленію. Воины жребіемъ выбираютъ кесаря, но жребій падаетъ на Аврелія, показывая тѣмъ, что Аврелій еще живъ. Не смотря на это, Кассій провозглашаетъ себя кесаремъ и повелѣваетъ пи-

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. III, стр. 741—2.

сать объ этомъ къ сыну своему, въ Александрію. „Здѣсь салти металніи и інтерлюдіумъ 3“.

Въ третьемъ дѣйствіи Маркъ Аврелій, узнавши о злоумышленіяхъ Кассія, пишетъ о немъ въ сенатѣ, который присуждаетъ Кассія къ смерти; но кесарь не рѣшается исполнить постановленіе сената, не смотря на убѣжденія сына его Коммода, и проситъ боговъ, чтобы они сдѣлали двери къ тайникамъ человѣческаго сердца. Философъ Момъ говоритъ, что онъ уже много потратилъ на это времени, но сердца человѣческаго узнать не можетъ, и совѣтуетъ кесарю распознавать людскія сердца расторопностію и разумомъ. На этомъ совѣтѣ и успокоивается кесарь, предоставляя богамъ возмездіе Кассію. Философы Гераклитъ и Демокритъ чудятся непостоянству свѣта, фигурируя точно такъ же, какъ и въ „Образѣ страстей міра сего“, 1739 года. Боги дѣйствительно отомстили Кассію. Запутавшись въ интригахъ, онъ въ страхѣ бѣжитъ отъ кесаря, случайно появившагося во время его откровеннаго разговора съ Антипатромъ Иродомъ о своихъ измѣнническихъ планахъ. Воины преслѣдуютъ его и, отрубивши ему голову, приносятъ ее къ кесарю, который однако высказываетъ имъ свое неудовольствіе, велитъ голову похоронить съ честію и навѣки прощаетъ Кассіеву дому. „Народи, сему удивившеся, благодарственную поютъ пѣснь, уравнительнѣ и благоутробію Ея Величества“. Здѣсь, между прочимъ, говорится:

Въ правду Аврелій толь монархъ былъ велій,
Что ровна нѣту на цѣломъ свѣту.
Только ему точна едина восточна
Імператрица, Росска денница,
Ей неложно.
Елисаветъ мати, свѣтъ Россіи злати
Съ природной доброты
Ко всѣмъ благосердна, ко всѣмъ милосердна,
Всѣмъ свои щедроты
Обилно являетъ.

Былъ Риму даръ велій Тітусъ и Аврелій,
Августъ въ покою, Тіверіушъ въ бою
И доднесь славятся; но съ ними сравняться
Можетъ Елисаветъ, златъ Россіи свѣтъ
Безъпримѣрно.
Петрови бо слѣди третъ лаври побѣди
Духомъ своимъ смѣлимъ, разумомъ же зрѣлимъ
Скипетръ добрѣ правитъ, миръ отчеству ставитъ.
То ея радость, то ея сладость
Жити мирно...

При этомъ не забытъ былъ М. Козачинскимъ и объявленный Елизаветою наслѣдникомъ своимъ Петръ Ѳеодоровичъ:

Се жъ намъ радость нова, что внука Петрова
Россомъ учредила наслѣдника мила,
Въ коемъ сила будетъ, слава преизбудетъ,
Сотворитъ Петрови намъ побѣди нови.
О, дай Боже!
Ибо недалеко отъ сосцъ съсущихъ млеко
Плодъ ихъ отпадаетъ, древо се являетъ;
Корень бо каковій, то и плодъ таковій.
Се же непремѣнно, а вовся отмѣнно
Быть не може.
Се бо младъ Петръ лѣти, какъ мужъ знаменитій
Наслѣдникъ готовій
По имени стати, дѣла подражати преславни Петрови;
Его бо есть крови.
Тѣмъ тя молимъ, Боже, яко у его же се власти и силы,
Да сія двоица аки голубица подъ твоимы крилѣ
Во вѣки царствуетъ.

Дѣйствіе заканчиваютъ „салты сатировіи, столцовіи и интерлюдіумъ 4“.

Въ эпилогѣ, соотвѣтственно указаннымъ въ прологѣ пяти добродѣтелямъ императрицы, „пять главныхъ свойствъ вѣрныхъ подданныхъ изображаются, а именно вѣра, надежда, любовь, искренность, веселіе. Музы россійскіе поютъ пѣснь и благодарствуютъ за авдіенцію, польскимъ діалектомъ

краткими слоги, посемъ писмены славенскими... и латинскими... Іллюминація окончеваетъ дѣло".

Пьеса М. Козачинскаго представляетъ чистѣйшій типъ панегирическихъ драмъ, называемыхъ ludi caesarei, и отличается общими для нихъ недостатками. Для уясненія добродѣтелей Елизаветы Петровны, М. Козачинскій проводилъ параллель между нею и Маркомъ Аврелiемъ и, можетъ быть, въ этомъ отношеніи потрудился не мало. Но подробности жизни Марка Аврелія мало понятны были русскому слушателю и скорѣе могли отвлекать его вниманіе отъ главнаго предмета, т. е. отъ Елизаветы Петровны, въ сторону. Не мало вредитъ пьесѣ и то, что авторъ ея болѣе, кажется, заботился о внѣшней помпезности ея, чѣмъ о содержаніи. Въ этомъ отношеніи пьеса М. Козачинскаго имѣетъ сходство съ московскими школьными панегирическими дѣйствами начала XVIII вѣка въ честь Петра I. Мы уже указывали на аналогію анаграммъ Козачинскаго съ анаграммами московскихъ дѣйствъ. Можетъ быть, и олицетворенный Кіевъ выѣзжалъ на встрѣчу Елизаветѣ Петровнѣ на золотой колесницѣ въ подражаніе московской драмѣ 1704 года „Ревность православія", гдѣ олицетворенная Россія выѣзжала на торжественной колесницѣ, запряженной побѣжденными Беллоной и Фортуной [1]). Наибольшій интересъ должны были бы представлять 4 интерлюдіи къ пьесѣ, но онѣ, къ сожалѣнію, не дошли до насъ.

Судя по извѣстію, сообщаемому у Аскоченскаго, что Елизавета въ день своего тезоименитства, 5 сентября, осчастливила своимъ посѣщеніемъ Кіевскую Академію [2]), надо полагать, что пьеса исполнялась въ стѣнахъ самой Академіи.

---

[1]) „Исторія русскаго театра", П. О. Морозова, т. I, стр. 319.

[2]) „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею", В. Аскоченскаго, ч. 2, стр. 96.

Б. Нравоописательныя и обличительныя пьесы Елизаветинской эпохи.

Къ нравоописательнымъ и обличительнымъ пьесамъ Елизаветинскаго царствованія относятся пьесы Варлаама Лащевскаго, Георгія Конисскаго и Георгія Щербацкаго и деклямація учителя Смоленской семинаріи Мануила Базилевича.

7) „*Трагедокомедія о тщетѣ міра сего*, составленная Варлаамомъ Лащевскимъ и репрезентованная въ Академіи Кіевской“ или „о награжденіи въ семъ свѣтѣ пріисканныхъ дѣлъ мзды въ будущей жизни вѣчной“, около 1742 года [1]), самымъ названіемъ своимъ „трагедокомедія“ напоминаетъ излюбленную Ѳ. Прокоповичемъ драматическую форму и, подобно драмамъ М. Довгалевскаго, состоитъ изъ одного только дѣйствія съ пятью явленіями. По содержанію, она съ большою точностію повторяетъ мысли Ѳ. Прокоповича въ его діалогахъ или разговорахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пытается изобразить и религіозно-нравственный уровень общественной жизни въ эпоху Елизаветы Петровны.

Въ „разговорѣ гражданина съ селяниномъ, да съ пѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ“ Ѳ. Прокоповича гражданинъ отзывался о недоучившихся латинникахъ такимъ образомъ: „письменніи почитай вси суть, но не вси, сказуй, разумніи; иніи бо токмо читать и писать знаютъ и тѣмъ величаются; аще же разглагольствовать полатыни умѣютъ, уже зѣло себе мудрыхъ быти мечтаютъ, презирая гордо прочіихъ всѣхъ, неучившихся письма латинскаго“. То же говоритъ и Варлаамъ Лащевскій въ своей трагедокомедіи:

Иніи букваръ токмо виучатъ единій,
Да когда еще знаютъ и отъ латини,

---

[1]) Изд. въ „Лѣтописяхъ русской литературы“, Н. Тихонравова, 1859 г., т. I, отд. Ш, стр. 3—10.

Запроси отъ писаній вездѣ сочиняютъ,
Аки бы всѣхъ мудрѣйши были притворяютъ.
А спросить къ спасенію нужнѣйшаго слова,—
Безотвѣтна увидишь того суеслова.

Въ другомъ разговорѣ „тектона си есть древодѣла съ купцомъ“ Ѳ. Прокоповичъ старается показать различіе между церковію рукотворенною и нерукотворенною. То же доказываетъ въ своей трагедокомедіи и Варлаамъ Лащевскій, говоря отъ лица церкви:

Нѣсмь азъ Церковь, яко мнятъ, отъ древъ нечувственныхъ,
Но отъ людей во Христовъ духъ соединенныхъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Варлаамъ Лащевскій имѣетъ въ виду и противодѣйствіе деистическому и атеистическому образу мыслей, непризнававшему видимой церкви и отрицавшему личное безсмертіе человѣка. Лащевскій, довершившій свое образованіе за границей, могъ и тамъ непосредственно познакомиться съ деизмомъ; но могъ видѣть поверхностное и грубое отраженіе его и въ самой Россіи, гдѣ еще Кантемиръ обличалъ невѣрующихъ въ бытіе Божіе, и гдѣ въ темное царствованіе Анны Іоанновны былъ полный просторъ практическому невѣрію и распущенности нравовъ. Поэтому Лащевскій съ одной стороны старается доказать личное безсмертіе человѣка и отвѣтственность его въ загробной жизни, съ другой—обличить распущенность современныхъ нравовъ и сдержать ее угрозами наказаній въ загробной жизни, а вмѣстѣ и поощрить праведниковъ въ ихъ бѣдствіяхъ. Вслѣдствіе этого, вся трагедокомедія носитъ на себѣ строгій, даже суровый характеръ.

Она раздѣляется на пять небольшихъ явленій. Въ первомъ изъ нихъ Церковь жалуется на своихъ невѣсгъ и на скудость истинно вѣрующихъ людей, перечисляетъ свои бѣдствія, претерпѣнныя ею въ лицѣ мучениковъ и исповѣдниковъ, и особенно останавливается на современномъ сво-

емъ положеніи, какъ бы намекая на бѣдственное положеніе свое въ предыдущее царствованіе. Церковь говоритъ:

Симъ убо погибшимъ, папа возбѣсися,
Отъ папы Лютръ, отъ Лютра Калвѣнъ уродися:
Сіи нынѣ найпаче коль на мя зѣваютъ,
Поглотить мя образи всѣми промышляютъ.
Слава Спасу моему, яко въ щитъ мя нынѣ
Благовѣрной Россійской вручи монархинѣ!
И отецъ ея Петръ бысть въ щитъ мнѣ непостидній,
И внукъ его тожь будетъ по ней Петръ наслѣдній,
Абы за благовѣрной токмо ихъ держави
Въ благочестіи обще пожили всѣ правѣ.
Но то бѣда, что нинѣ множайшіи бывше
Отъ числа Хрістіановъ, мене жъ оставивше,
Овъ на куплю, овъ въ село, овъ же за женою,
Вси пошли во слѣдъ міра, вси за суетою.

Во второмъ явленіи выходитъ на сцену Міръ, гордится множествомъ своихъ послѣдователей и тѣмъ подтверждаетъ жалобы Церкви на скудость истинно вѣрующихъ сыновъ ея.

Вспомянувъ о древнемъ идолопоклонствѣ, Міръ замѣчаетъ слѣды его и между христіанами:

Да и между самими христіанской вѣри
Коликіе остались и доднесь кумири!
Вси, иже знахорствуютъ, шепчутъ, обаяютъ—
Идоловъ моихъ въ помощь себѣ призиваютъ.
Да отъ тѣхъ же хрістіанъ пріятъ часть премнога
Собственное чрево свое вмѣсто Бога,
Ему же множайшіи толма работаютъ,
Яко и животъ свой весь на то изнуряютъ,
Какъ бы е аки юнци сластьми упитати,
Откуду бы щоденно пири составляти.
Которому едина нива угобзися,
И той глаголетъ чреву: яжь, пій, веселися!
Множайшіи отъ утра до вечера піютъ,
Маліе имъ стакани вовся не довлѣютъ.
Болшими наливати какъ барило тѣло,
То ихъ чрезъ все житіе едино дѣло.

Протчіи вмѣсто боговъ протчое избраша,
Множайшіи честь тую плоти своей даша.
Сице Содомли дщери ревности служаху;
Что сердце вожделѣло, то любодѣяху.
Нѣтъ ли плоти и нынѣ во людехъ Содому:
Содомъ дѣется едва не во всякомъ дому:
Что вижу шинки? Токмо Содомскіе двори.
Что́ слышу гласъ въ *перезвахъ* [1])? гласъ иній Гомори.

Въ третьемъ явленіи „Благодать Божія, въ потѣшеніе Церкви, и въ укореніе Міра, будущая воздаянія праведнимъ и грѣшнимъ припоминаетъ".

Въ четвертомъ явленіи раскрывается картина загробной жизни. „Виходитъ два лица женскаго полу, една отъ благодати, другая отъ муки, благочестива и злочестива", одна съ веселіемъ, другая съ жалобою на свою участь. Оказывается, что обѣ онѣ были дочери нѣкоего Вротоса (смертнаго), гражданина города Космополя, изъ коихъ одна называлась Агаѳіей, а другая—Фавлей. Агаѳія вела себя скромно и честно, а Фавля разсказываетъ о себѣ слѣдующее:

Знаю, и я знаю,
Какъ многихъ своимъ, было, образомъ прелщаю:
Вимивахся по всякъ часъ, не ступихъ безъ мила,
Благовонніе краски, драгіе бѣлила
Устроеваxъ на тварѣ (лицѣ), очерня все цвѣти
Прилѣпляхъ зловонніе мушки на ланити.
А нинѣ, яко зриши, тваръ оная бѣла
Какъ жупелемъ геенскимъ вовся очернѣла?
Краски моя суть нынѣ огнь неугасимій,
Аромати въ тлѣніи смрадъ неистерпимій,
Мушки живіе—печаль, червь неусипаяй
По тварѣ и всемъ тѣлѣ сидитъ угризаяй...
Уви мнѣ, яко ходихъ по игрищахъ всюду,
По улицяхъ, по валахъ расхождахъ повсюду!

---

[1]) Перезва—визитъ новобрачныхъ родителямъ невѣсты, на другой день послѣ брака.

Уви мнѣ, яко всяко искусна бѣхъ лстити
И самима очима умѣхъ говорити!
Уви, яко на умѣ мнѣ танци да пляси,
Музики, студни лики бѣху по вся часи!
Уви, яко въ перезвахъ безъ всякого срама
Срамословихъ и воплихъ и плескахъ рукама!

Затѣмъ Фавля снова описываетъ свои мученія, сходныя съ мученіями грѣшницы въ старинныхъ русскихъ повѣстяхъ, и проситъ сестру свою Агаѳію, не можетъ ли она дать ей какую-либо хоть малую отраду. Но послѣ смерти уже нѣтъ покаянія и избавленія, и обѣ сестры расходятся по своимъ мѣстамъ.

Въ пятомъ явленіи выходятъ два юноши, бывшіе свидѣтелями свиданія сестеръ, и разсуждаютъ о наградахъ и наказаніяхъ на томъ свѣтѣ, выводя нравоученіе для различныхъ классовъ и слоевъ общества. Между прочимъ, они обличаютъ неправедныхъ судей, любострастныхъ женщинъ, нерадивыхъ и корыстолюбивыхъ пастырей и проч.

Второй.

Аще бы здѣ судія какій присмотрѣлся,
Какъ преславно во синѣхъ Божіихъ вмѣнился
Судившій людемъ право, впротивъ обидящій
Какъ безъ милости во огнь осужденъ горящій,—
Отселѣ не снѣдалъ бы вдовичого дому,
Не хотѣлъ бы обиди творити нѣкому.

Первый.

Оби вняли прилежно дѣвици и жени,
Какъ цѣломудра внійде на бракъ торжественній,
Юрода же, по стогнахъ плясавшая градскихъ,
Какъ стенетъ безутѣшно въ узилищахъ адскихъ;
Беззаконно бы дѣвство свое не теряли,
Въ супружествѣ оное бъ чисто сохраняли.

Второй.

Дабы и вси внушили пастиріе стаду,
Коль пастиръ вѣренъ бывшій взя маду безъ прикладу,

Расточивій же овци пастирь неключимій
Стенетъ нынѣ лютими муками томимій,—
Хранилъ бы всякъ тщаливо своя огради
Страха Божія паче, не доходовъ ради...

Онъ же.

Видѣть безъ слезъ немощно, что глаголи жизни-
Нынѣшій вѣкъ приведе вконецъ укоризни.
Елико кощунствуютъ кощуни безстудни,
Гдѣ канти, комплементи слагаются блудни,—
Матерія съ писаній кощуномъ готова,
Въ кантахъ студнихъ начало отъ Божія слова.

Первый.

Въ крайной и тѣ имѣютъ оное огидѣ,
Кои слышаще слово у другихъ въ бесѣдѣ,
Называютъ коеюсь-то пиворѣзнею.

Въ заключеніе оба юноши рѣшаются неуклонно слѣдовать по правому пути добродѣтелей, дабы достигнуть вѣчнаго блаженства.

8. Во многомъ сходна съ трагедокомедіей Варлаама Лащевскаго и пьеса Георгія Конисскаго, подъ заглавіемъ „*Воскресеніе мертвыхъ*, обще убо всѣмъ будущее, но страждущимъ всѣмъ неповинно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибельно, въ пяти дѣйствіяхъ въ пользу чающихъ онаго показанное Георгіемъ Конѣцкимъ 1746 года“, съ пятью комическими интерлюдіями къ ней [1]). Какъ человѣкъ любознательный и съ универсальными стремленіями, Георгій Конисскій съ одной стороны старался совмѣстить въ своей пьесѣ всѣ почти прежніе лучшіе элементы южнорусской школьной драмы, съ которыми его драма имѣетъ многоразличныя отношенія, а съ другой—былъ однимъ

[1]) Трагедокомедія издана въ „Лѣтописяхъ русской литературы“, Н. Тихонравова, а интерлюдіи къ ней—въ „Древней и Новой Россіи“, за ноябрь, 1878 года.

изъ усерднѣйшихъ проводниковъ вліянія сѣверно-русской художественной-литературы на южно-русскую, „много заботясь,—по словамъ И. А. Максимовича,—о водвореніи русскаго языка между малороссіянами по образцамъ Ломоносовскимъ“ [1]).

Прежде всего, пьеса Г. Конисскаго, принадлежа по содержанію своему къ пасхальнымъ духовнымъ драмамъ, составлена по плану трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“, состоявшей изъ пяти дѣйствій и заключавшей возвышенный и комическій элементы. За тѣмъ, интерлюдіи къ этой пьесѣ составлены по тѣмъ же піитическимъ правиламъ, по какимъ написаны и интерлюдіи М. Довгалевскаго, и имѣютъ одинаковый характеръ съ ними. Наконецъ, замѣтную долю вліянія на пьесу Г. Конисскаго оказала и трагедокомедія В. Лащевскаго, которую Г. Конисскій читалъ въ классѣ, дѣлалъ выписки изъ нея въ своей піитикѣ [2]) и избралъ для своей трагедокомедіи тотъ же самый предметъ. Но у Конисскаго еще болѣе пробивается стремленіе обличить и поразить невѣріе, все болѣе и болѣе развивавшееся въ Россіи. Извѣстны отвѣты Г. Конисскаго на письмо г. Вольтера къ учителямъ Церкви и богословамъ [3]). Противъ невѣрія же онъ боролся и въ своей пьесѣ о воскресеніи мертвыхъ.

Что же касается вліянія сѣверно-русскихъ художественныхъ писателей на Г. Конисскаго; то изъ нихъ мы можемъ упомянуть Ломоносова и Кантемира. Въ своей Піитикѣ

---

[1]) „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. I, 1876 г., стр. 529.

[2]) См. піитику Г. Конисскаго, въ рукописи Кіевской Дух. Академіи по моему „Описанію рукописей... Музея“, № 426. Здѣсь Г. Конисскій, приведши изъ трагедокомедіи Лащевскаго рѣчь Церкви о претерпѣнныхъ ею бѣдствіяхъ отъ враговъ своихъ, замѣчаетъ: caetera, si vacabit, in schola.

[3]) „Домашняя Бесѣда“ за 1867 годъ, №№ 46—48.

Г. Конисскій приводилъ въ примѣръ оду М. В. Ломоносова на бракосочетаніе наслѣдника Петра Ѳеодоровича и Екатерины Алексѣевны, 1745 года, и разбиралъ ее съ точки зрѣнія леонинскаго силлабическаго стихосложенія [1]). Въ трагедокомедіи же своей Г. Конисскій нерѣдко высказывалъ тѣ же мысли, какія встрѣчались у Кантемира. Въ первой сатирѣ своей Кантемиръ слѣдующимъ образомъ обличаетъ безбожниковъ:

Тщетную мудрость міра вы оставьте,
Злы богоборцы! Обративъ кормило,
Корабль свой къ брегу истины направьте!
Теченье ваше досель блудно было,
Признавайте Бога, иже управляетъ
Тварь всю, своими созданну руками! [2])

Въ другомъ мѣстѣ Кантемиръ указываетъ любостяжателю, что путемъ неправедныхъ прибытковъ онъ не войдетъ въ рай.

Еслибъ я видя кого, что съ рукъ не спускаетъ
Часовникъ, и пятью въ день въ церкви побываетъ,
Постится, кладетъ свѣчи и не спитъ съ женою,
Хоть отнявъ у бѣднаго ту, что за душою
Одну рубашку имѣлъ, нагимъ ходить нудитъ;
Если бъ я, видя, сказалъ: дружокъ, умъ твой блудитъ;
Тѣмъ путемъ не войдешь въ рай, и буде радѣешь
Душу спасть, отдай назадъ, чѣмъ худо владѣешь,
Вспылавъ, ревность мою наградитъ симъ отвѣтомъ:
Напрасно, молокососъ, суешься съ совѣтомъ [3]).

Подобнымъ образомъ Георгій Конисскій порицаетъ невѣрующихъ въ воскресеніе, называя ихъ „стократъ безумными“, и обличаетъ безсовѣстныхъ богачей, силой —

---

[1]) „О словесныхъ наукахъ..., въ Кіевской Академіи“, Н. И. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, іюль, 1866 г., стр. 327—8.

[2]) „Сочиненія Кантемира“, изд. 1862 г., стр. 143.

[3]) Тамъ же, сатира 7, стр. 115—6.

неправдой отнимающихъ чужія имѣнія и не думающихъ о судѣ Божіемъ.

Общее содержаніе трагедокомедіи Георгія Конисскаго слѣдующее:

Въ первомъ дѣйствіи выводится на сцену земледѣлецъ, который, осмотрѣвъ хлѣбные всходы на полѣ, отъ сгнившаго въ землѣ и прозябшаго зерна заключаетъ къ воскренію тлѣннаго человѣческаго тѣла на страшномъ судѣ, а встрѣтившійся съ нимъ на дорогѣ священникъ объясняетъ ему, что въ будущей жизни не всѣ люди будутъ въ одинаковомъ положеніи: добрые будутъ блаженствовать, а злые— мучиться.

Во второмъ дѣйствіи выступаютъ на сцену любостяжательный Діоктитъ и терпѣливый Гипоменъ, какъ представители злыхъ и добрыхъ людей. Гипоменъ „исповѣдуетъ озлобленія, отъ Діоктита ему приключившіяся, ищетъ же и мѣста, гдѣ бы отъ него скритися". Діоктитъ отнялъ у него имѣніе, лишилъ его чести въ глазахъ людей, разорилъ его домъ, вломился къ нему ночью и взялъ въ тюрьму его жену и мать. Не довольствуясь этимъ, Діоктитъ снова напалъ на Гипомена, связалъ его, заковалъ въ цѣпи и посадилъ въ темницу; а когда Гипоменъ напомнилъ ему о судѣ, Діоктитъ говоритъ:

Что онъ мнѣ судъ—говоритъ? Вѣдь, онъ тое знаетъ,
Что Діоктитъ на судѣ и самъ засѣдаетъ.
Начнетъ на мя челомъ бить, буду отрѣшенній,
Да будутъ судить мои единомысленни.
Чи не могутъ тѣ сдѣлать ему волокити?
Чи не знаютъ правъ къ моей части накрутити?
А буди бы сталъ на меня апелліовать вишше,
И въ вишшемъ судѣ маю патроновъ излишше.
Нехай толко кто схощетъ правду защищати,
А сей мой Юда малой (*капшукомъ труситъ*) можетъ доказати:
Ослѣплю очи дарми, руцѣ плѣню мздою;
Хотя бы онъ и святій, потягнетъ за мною.

Въ третьемъ дѣйствіи олицетворенное Терпѣніе проситъ Господа объ освобожденіи Гипомена отъ Діоктитовыхъ притѣсненій и объ отмщеніи Діоктиту; но олицетворенная Отрада обѣщаетъ награду Гипомену и отмщеніе Діоктиту въ будущей жизни.

Въ четвертомъ дѣйствіи умираютъ Гипоменъ и Діоктитъ: первый отъ ранъ, съ душевнымъ спокойствіемъ, а второй, отъ пьянства, въ ужасныхъ мукахъ, изображаемыхъ отчасти согласно сказанію преп. Ѳеодоры о своей смерти въ житіи Василія Новаго

Діактитъ, Ляшку, дай только фляшку! (*піетъ и напившись кричитъ*): несносное горе!
Огню изливъ на сердце, аки ножемъ поре
Внутренности моя. Вижу, прійшло погибати (*ложится на ложе*)!
Якъ же я имѣю грунта оставляти?
Что дѣлатъ съ имѣніемъ? что̀ денегъ зъ сумою?
Не приберу спосо̀бу, какъ забрать зъ собою.
Что̀ я говору—забрать? (*смерть рубаетъ*) се уже правая
Рука заклякла: (*тожъ рубаетъ*) се же клякнетъ и другая.
(*Отрубаетъ вся*) Ноги совсѣмъ отняла, уда ни едина
Не чую (*напаваетъ смерть*). Великая въ умѣ мѣшанина!

Пятое дѣйствіе трегедокомедіи Конисскаго изображаетъ судьбу Гипомена и Діоктита на томъ свѣтѣ, Гипомена—въ раю, а Діоктита—въ адскихъ мукахъ.

Въ сравненіи съ трагедокомедіей В. Лащевскаго, трагедокомедія Г. Конисскаго имѣетъ значительныя преимущества. Тогда какъ Лащевскій въ своей трагедокомедіи только скользитъ по поверхности общественной малорусской жизни, обличая иногда мелочныя и безразличныя въ нравственномъ отношеніи явленія, Г. Конисскій коснулся самаго больного мѣста въ тогдашней общественной жизни Малороссіи, именно захвата козацкою старшиною чужихъ имѣній беззащитныхъ козаковъ, и притомъ путемъ вопіющаго не-

правосудія, и сталъ на сторону обижаемой меньшей братіи. Благодаря единству основной мысли, драма Г. Конискаго имѣетъ и единство предмета и дѣйствія, и потому въ техническомъ отношеніи долго служила образцомъ драматическихъ произведеній этого рода и сохранилась въ значительномъ числѣ списковъ.

Къ числу важныхъ преимуществъ драмы Г. Конисскаго относятся и сопровождавшія ее интерлюдіи, въ которыхъ кругозоръ автора расширяется и захватываетъ собою не только внутреннія, домашнія отношенія малороссовъ, но и историческія отношенія ихъ къ притѣснителямъ своимъ полякамъ. Но тѣ и другія отношенія ставятся въ связь съ содержаніемъ трагедокомедіи и выставляются въ соотвѣтствующихъ интерлюдіяхъ, параллельныхъ по содержанію съ отдѣльными дѣйствіями трагедокомедіи.

Въ первой интерлюдіи, въ параллель земледѣльцу перваго дѣйствія трагедокомедіи, выходитъ на сцену мужикъ осматривающій свою ниву. Онъ утѣшается предстоящимъ хорошимъ урожаемъ, обѣщая часть его отдать церкви Божіей.

То-то кажутъ, або такъ балагурятъ люде,
Щіо будьто мудрагелѣ вгадаютъ щіо буде.
Ажъ и вгадали завтра! Хто то можетъ знати,
Щіо намъ іого светая маетъ грѣшнимъ дати?
Хочъ пакъ вони по *іонумъ* (т. е. по звѣздамъ) мудрощей, доходятъ,
Та ба! да не дойдутъ того, якъ нивки зародятъ.
Куди пакъ имъ те знать,—таки кажю смѣло;
Бо то не ихъ, то наше господарске дѣло:
Ми то люди пахарни, все веремя знаемъ,
Коли яке насѣння въ полѣ засѣваемъ.
Дай—бе и до вѣку такъ, якъ у мене зродило!
Коли бъ тулко безъ капости въ цѣлости доспѣло;
Бо ми за іого ласку и светую волю
Орюмъ и сѣюмъ на всякого долю,

Щіобъ невимовно перше, чимъ свѣтятъ одмѣнити,
Да и чимъ куратъ у онуй (въ церкви) въ крамарувъ
купити;
Треба жъ и роковщинку, щіо школу зъучае,
И тому щіо тимъ (щипцами) у онуй (въ церкви) онее
(свѣчи) зривае.
Треба жъ и тимъ, щіо миркаютъ, щіо нибудь уткнути,
А того пакъ щіо пака (попа) симъ-тимъ не отбути,
Ще жъ то и на правенти, тулко б зъ того дбати
И себе б то и саму з детми годовати,
Аби ми годни були да й іого хвалили.

Но въ это время сыновья мужика приводятъ къ нему пойманную въ ихъ житѣ бабу, которая якобы сидѣла ракомъ въ житѣ и дѣлала вредныя, по народному повѣрью закрутки, и тѣмъ совершенно разбила надежды мужика на хорошій урожай. Мужикъ отправляетъ бабу къ войту, и оба вмѣстѣ, не желая марать своихъ рукъ о бабу, хотятъ отдать ее яригѣ, который бьетъ кошекъ. Но тутъ появляется москаль и замѣняетъ собою „ярыгу“. Узнавши, въ чемъ дѣло, москаль допрашиваетъ бабу:

Инъ добро! Сказивай мніе, какая тіе сила,
Знать развіе вражеская тамъ по паляхъ носила?
Какое твое дѣло? Признавай мніе въ рожу!
А буди ніетъ, вотъ этимъ (кнутомъ) всю опору кожу!
Баба. Батечку, голубчику, щипочко мой любій,
Не вѣрь симъ напастникомъ, атъ плюнь имъ у зуби!
Я лихого не знаю чинить и не знала,
Тулко потребнихъ зюлокъ по полю шукала

Но москаль не принялъ оправданій бабы и подвергнулъ ее тѣлесному наказанію. „Тутъ мужикъ на козла держитъ бабу, а москаль біетъ“.

Во второй интерлюдіи, взамѣнъ обижаемаго Діоктитомъ Гипомена драмы, выступаетъ на сцену еврей, являющійся жертвою польскаго безправія. Онъ говоритъ:

О вей миръ! Каравъ мене Богъ с такимъ лихимъ паномъ,
Десь би гирсого лиха не знавъ и под татарскимъ ханомъ,
Якъ подъ нимъ бувъ: забравъ всю що було худобу,
А еще коли бъ бувъ не втѣкъ, прибивъ бы до гробу.
Нехай ему аренда и зунка и дѣти,
А узе больсъ не хоцу отъ него терпѣти;
Будто булшъ панувъ нема, тулко панъ Подстолій,
Отъ которого я утѣкъ тулко що не голій.
Такъ мене зо всіого, такъ ограбивъ цисто,
Сцо ни въ кагалъ явитись, ни вйти на мѣсто:
Забравъ миски, талѣрки, лозки и сукмани,
А послѣ хотѣвъ мене забити въ кайдани.
Я бацу, сцо лыхо; порадившись зъ зоною,
Покинувъ еи зъ дѣтми, самъ утѣкъ ранніою зорою.
Пудъ такого-то пана попався бувъ въ руку,
Що минѣ зъ зункою и з дѣтми учинивъ розлуку.
Нехай іому, якъ казутъ, и хомутъ и дуга.
Вунъ собѣ панъ Подстолій, я іому не слуга;
Будто луцсого пана не знайду другого.
Коли бъ тулко не натрапивъ знова на такого.

Жидъ встрѣчается съ паномъ Бандоліемъ и хочетъ сѣсть у него на аренду, но подвернувшійся тутъ Подтолій не хочетъ отпустить отъ себя жида, бьется съ Бандоліемъ на сабляхъ и наконецъ приказываетъ подвернувшемуся мужику разрубить жида на части, чтобъ не достался онъ ни тому, ни другому. Мужикъ не хочетъ осквернять о жида своей „хрестьянской сокиры“, которую онъ рубитъ свиней къ празднику Пасхи. Панъ принуждаетъ его къ тому побоями. Изъ этой бѣды выручаетъ его москаль.

Москаль. Да за што ето тебе?

Муж. Іо? не знаешь за щіо? От за те,
Щіо чого наши батьки з роду не чювалы,
Щіобъ хрестянску сокиру да на жидахъ каляли,
Тую, щіо къ великодню свиннѣ рубаемъ.

Москаль. Яку беду, сматри ти, Лѣшіонки възбудѣли,
Въ жива—ста чюпруна душу атрубили.
Да ково—жъ теперва въ падводъ взять, ейбогу не знаю.

По совѣту мужика, онъ запрягаетъ пановъ Подстолія и Бандолія. Невзнузданные ляхи разбили москаля, который винитъ въ томъ мужика, бьетъ его и прогоняетъ всѣхъ.

Въ третьей интерлюдіи, въ соотвѣтствіе приближающемуся къ смерти Гипомену трагедокомедіи, выводится на сцену цыганъ, чуть не умирающій отъ голода, какимъ онъ обыкновенно представляется и въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ. Цыганъ не выпросилъ себѣ и кусочка сала и чуть не валится съ ногъ отъ голода.

Бѣда безъ жюнки! Коли бъ сама яко мога
Зволоклася изъ шатра циганка небога,
Вже бъ вона что нибудь мене поратовала,
Виворожила б десь минѣ хоть кусочокъ сала.
Циганка приходитъ.
Бѣдна головко! щіо мнѣ с тобою чинити?
Покинувъ мене хвору, и шатеръ и дѣти,
И безъ сѣна и овса оставивъ кобилу.
Уже й боки запали, тулко щіо стоитъ насилу и не ржетъ,
О, Маре муй, Маре! Чи боишся ти Бога?
Ти тутъ и иси и піешь, я з голоду мру небога.
Цыганъ. Габавъ тебе дѣдко, я самъ хожу насилу;
Чи тебе, чи дѣтей? чи порати кобилу?
Коли бъ ти добра була, и собѣ дбала,
Достала бъ овса шкапѣ, и для мене сала.
Циганка.
Ой, ласъ ти, ласъ на сало, а я на ковбаси,
И циганчата наши на те ж велми ласи;
Да где ихъ узяти? Ходи тулко до шатра,—
Я достала для тебе два хращѣ зъ осетра.
Навару тебѣ борщю, испеку комара
И накормлю тебе мого милого господара.

Чтобы заглушить голодъ, „Цыганъ ложится спать; сонъ же манитъ саломъ и ковбасою, а онъ схватуется“.

Циганка. Встань, лиха зъиси, хиба собаче мило,
То-то борщь ситій, то-то страва люба!
Возми лишь да покоштуй, ажъ злипается губа.
Цыганъ Се жъ твуй борщь похюжъ на ракову юшку.

Цыганка. То-то для смаку кидала снитку и петрушку.
Ижъ тулко да ляжъ, я пошмарую кости.

Цыганъ ложится, а цыганка спутываетъ его сѣткою и бьетъ за то, что онъ не хочетъ работать. Цыганъ освобождается и прогоняетъ жену изъ шатра.

Въ четвертомъ дѣйствіи трагедокомедіи, какъ мы видѣли, умираютъ Гипоменъ и Діоктитъ. Также и въ четвертой интерлюдіи умираютъ молодой дьякъ, безвинно изрубленный ляхомъ, а ляхъ за убійство дьяка бросается мужиками въ болото и пропадаетъ тамъ. Интерлюдія открывается монологомъ литвина:

Слава цiебе Госпадзѣ, Свяцѣцiелю Боже,
Што з ласки твоей святой паводзѣтся гоже
Високимъ властямъ, панамъ, и намъ людзямъ грешнимъ
Всiо харашенко твоимъ промисломъ паспешнимъ!
Хвалю цiебе, Господзѣ, што мы спорядзѣлѣ
На хвалу твою цiеркав, як зъмаглѣ намъ сѣли (т. е. силы).
И званѣцу новую, и чатири звони,
Всѣ придались, звонятъ харашо въ разгони.
Имеимъ папа сiебiе честнаго старого;
Имѣимъ панамара и дзяка молодого,—
Але добрiй и цѣхiй, всѣхъ людей шануицъ
И церкви светой всiогды дзiень и ночь пѣлнуицъ;
Нѣ гарелки, нѣ бражки пяной а нѣ мiоду,—
Нѣчого хмельного нiе пецъ апрочь воду;
А што салавей у церквѣ людзiомъ спѣваецъ
И дзѣцiей харашенко въ школѣ обучаецъ.
Дай же Боже здаровье и щастiе всяму миру,
Штоб нieслѣ цiебiе въ церковь ладанъ на офѣру,
Свiечи, красное вино, чистой столко муки,
Штоб съ праскуръ асталось и папу на шулики.

Въ это время прибѣгаетъ шинкарка „и извѣщаетъ, що ляхъ дяка въ шинку убивъ“:

Охъ, минѣ лихо! що мнѣ теперь робити?
Принюсъ ляха недобрiй въ домъ мой чесній пити:
Пяница, ледащиця всѣ вукна повибивавъ
И дячка молодого шаблею порубавъ,

И втѣкъ конемъ, не знаю въ сторону якую.
Мужики огорчены потерею дорогаго для нихъ дьяка:
Теперь насъ привѣвъ ляхъ уо втрати и беди,
Посѣкъ, порубавъ совсѣмь дека молодого,
А вже намъ не найти такого другого.

Собравшись, они допрашиваютъ шинкарку, какъ произошло дѣло, и собираются посылать въ погоню за ляхомъ, но не знаютъ, куда посылать:

Тебѣ десять дорюгъ, а іому одинъ шляхъ.

Тогда литвинъ предлагаетъ громадѣ свои услуги.

Литв. Стойціе-тка, ня бойціеся, ось я гето справлю:
Іонъ самъ в руки намъ впадзіець, толко сіець заставлю.

Муж. Оттакъ лучше, якъ за имъ посилати маемъ!
Шкода ж шкапѣ и хвоста мять, колись тутъ поймаемъ.

„Литвинъ сѣтку закидаетъ и ворожитъ булавою:
Ліесавие, баравие и балотние, ка мніе приходзѣціе
И въ гетой прозбіе ви мніе поможѣціе!

„Дияволъ ляха гонитъ въ сѣтку“. Напрасно ляхъ предлагаетъ за убитаго имъ ляха головщину: мужики присудили, чтобы голова за голову лягла, и утопили ляха въ болотѣ,

Штобъ знавъ собака, якъ хрестянъ забиваць.

Пятая интерлюдія служитъ какъ бы продолженіемъ четвертой и говоритъ о загробной жизни убитаго ляха, подобно тому, какъ 5-е дѣйствіе трагедокомедіи изображетъ загробную жизнь Гипомена и Діоктита. Пятая интерлюдія заставляетъ ксендза вызвать своими молитвами утопленнаго мужиками ляха на этотъ свѣтъ для исповѣди. „Ляхъ ищетъ брата, которого мужики за дьяка въ болото втопили“, встрѣчается съ ксендзомъ, который дѣлаетъ ему строгое внушеніе за неуваженіе къ святому костелу и костельнымъ праздникамъ, пьянство и гултяйство, и сообщаетъ ему свои наблюденія и предположенія о смерти его брата. Оба они встаютъ на колѣна и слѣдующимъ образомъ молятся о возвращеніи утопленнаго на этотъ свѣтъ для исповѣди и о водвореніи его въ чистилище:

Выслухай мне, выслухай, о свента Дорота!
Вырви шляхциця зъ тего смерджончего блота!
Змилуйсе надъ гинончимъ шляхцицемъ, Ягниска,
Выдвигни зъ плюгавего шляхцица багниска!
Нехъ ему дода помоци твоя ренка, Ядвига,
Нехъ го зъ оней баюры якъ може выдзвига!

Дѣйствительно, утопленный шляхтичъ приходитъ и проситъ ксендза, чтобы онъ разрѣшилъ его отъ грѣховъ и препроводилъ въ чистилище; но и этому помѣшали неугомонные мужики. Они давно замѣчали, что въ ихъ селѣ бродитъ по ночамъ какой-то злой духъ, громадой пошли отыскивать его и натолкнулись на утопленнаго ляха съ его братомъ и съ ксендзомъ.

Мужикъ 1-й. Постуй лишъ, куди ти ведешь? сіого злого духа
Давно ми вже громада на іого чатуемъ,—
Яке лихо ночью човпе, цѣлимъ селомъ чуемъ.
„ *2-й* Едъ се вунъ, коли хочь знать, щіо всѣгди в ночѣ ходитъ,
Не тулко намъ, але и товаринѣ (скоту) шкодитъ.

Ксендзъ и ляхъ старались убѣдить мужиковъ, что мертвый—безъ души и никогда не ходитъ; мужики не убѣдились ихъ доводами, наградили всѣхъ трехъ побоями и прогнали. [1]).

Интерлюдіи при драмѣ Г. Конисскаго несомнѣнно имѣютъ связь съ интерлюдіями М. Довгалевскаго и составлены по образцу ихъ. Такъ, напр., въ первой рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго мужики издѣваются надъ поляком—астрономомъ, хвалившимся, что онъ знаетъ, „когда орать до хлѣба“. Какъ бы продолженіемъ этой сцены является первая интерлюдія Г. Конисскаго, въ которой мужикъ, осматривавшій свою ниву, иронически упомянулъ о „мудрагеляхъ“, будто они „вгадаютъ, щіо буде“, и считаетъ это своимъ „господарскимъ дѣломъ“. Баба—ворожея Настя во второй рож-

[1]) „Древняя и Новая Россія“, ноябрь, 1878 г., стр. 251—6.

дественской интерлюдіи Довгалевскаго соотвѣтствуетъ бабѣ-чаровницѣ у Конисскаго, дѣлавшей закрутку въ житѣ. Мотивъ запряганія ляховъ въ ярмо или въ подводу одинаково встрѣчается и у Довгалевскаго, и у Конисскаго. Въ пьесахъ того и другого являются преимущественно одни и тѣ же персонажи—мужикъ, литвинъ, ляхъ, еврей, цыганъ, москаль, и обрисовываются одинаковыми чертами. У Довгалевскаго старикъ—литвинъ попадаетъ въ разставленныя для звѣря тенета,—и его застукиваютъ мужики; а у Конисскаго мужики нарочно разставляютъ тенета для поимки ляха и убиваютъ его.

Впрочемъ, рабскаго подраженія интерлюдіямъ М. Довгалевскаго и не могло быть въ интерлюдіяхъ къ пьесѣ Г. Конисскаго. По свидѣтельству Лобысевича, послѣднія сочинены или „славнымъ Танскимъ, природнымъ стихотворцемъ во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ“, или самимъ Георгіемъ Конисскимъ [1]), который самъ владѣлъ недюжиннымъ юмористическимъ талантомъ, нерѣдко просвѣчивавшимъ даже и въ его оффиціальныхъ бумагахъ [2]). Интерлюдіи Довгалевскаго могли давать этимъ авторамъ развѣ только тэмы и поводы къ дальнѣйшему развитію ихъ, а сами авторы могли почерпать строительные матеріалы и руководящія мысли и изъ своей фантазіи. Замѣчательно, что авторы интерлюдій къ пьесѣ Г. Конисскаго ни разу не соблазнились примѣромъ М. Довгалевскаго выставить однимъ изъ главныхъ героевъ своихъ интерлюдій козака или запорожца, и защитникомъ народныхъ интересовъ и врагомъ ляховъ

---

[1]) „Археографич. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси“, т. II, стр. 147.

[2]) Напр., Отповѣдь на жалобу учителя Черниговскаго Коллегіума монаха Гавріила Искры въ „Актахъ и документахъ, относящихся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I, ч. I, Кіевъ, 1904 г., № XCII.

выставляютъ москаля. Принуждаемый поляками рубить жида, мужикъ ждетъ помощи отъ москаля, говоря:

Ой, коли бъ тутъ муй земъко, може бъ и ми знали;
Во ми такихъ чортувъ не разъ въ чирмачки вбирали.

Заслышавъ пѣсню приближающагося москаля, мужикъ продолжаетъ:

Слава жъ Богу! щіось гуде, не би то наши.

9) *Декламація*, составленная въ Смоленской Семинаріи между 1752 и 1755 годами, подъ руководствомъ учителя ея Мануила Базилевича, вызваннаго изъ студентовъ Кіевской Академіи въ 1750 году. Декламація эта, съ интерлюдіями къ ней, составлена на сырную недѣлю или масляницу и носитъ на себѣ слѣды подражанія трагедокомедіямъ В. Лащевскаго и Г. Конисскаго. Варлаама Лащевскаго напоминаетъ въ этой Декламаціи общій нравоописательно-обличительный тонъ, касающійся преимущественно внѣшняго благоповеденія человѣка; изъ трагедокомедіи же Г. Конисскаго дѣлаются даже большія буквальныя выписки.

„Декламаціями“, какъ намъ извѣстно уже, назывались школьныя упражненія студентовъ въ составленіи драматическихъ произведеній, исполнявшіяся ими не публично, а въ классѣ [1]). Но въ данномъ случаѣ Смоленская декламація имѣетъ округленную форму драмы, состоящей изъ одного дѣйствія, съ прологомъ, пятью явленіями и эпилогомъ.

Прологъ оповѣщаетъ слушателей о содержаніи пьесы, имѣющей говорить о добродѣтеляхъ цѣломудрія и чистоты и о дѣлахъ нечистоты и пьянства.

Въ первомъ явленіи цѣломудріе съ грустью воспоминаетъ о своемъ прежнемъ первобытномъ величіи и жалуется на ту пагубную Гордость, которая низринула перваго человѣка, съ сонмовъ духовъ, въ адъ, повергла израильскій

[1]) См. выше, и „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.“, Н. Петровъ, Кіевъ, 1895 г., стр. 77 и др.

народъ въ идолопоклонство и нынѣ отводитъ отъ истиннаго богопочитанія многихъ христіанъ, которые—

Въ православіи суще, держатъ вѣру криво,
Называютъ русскую вѣру весьма просту,
Что накладено много правилъ, пѣній, посту!
Правда, хочай преданій во оной есть много,
Но въ душевную пользу поданы суть Богомъ;
А въ римской литанія есть едина только,
Да еще придается и *патеръ* (pater noster) посколько.
Спрежде-жъ сего не было, бысть вѣра едина
Съ нами, но ихъ отвела самая гордыня
Отторгнутись восточной отъ церкви Христовой
И быть въ своей ересной злобѣ неистовой.
Горе жъ мнѣ и отъ своихъ, иже окруженны
Многою гордостію, суть умалишенны!
Не отринувши ль мене, панство потеряли
Греки, что церкви Божой на прагъ возъѣжали,—
Гдѣ бъ со страхомъ и ужасомъ должно приступати,
Но гордостно, не якъ въ храмъ, но якъ до простой хати?

Затѣмъ, Цѣломудріе обличаетъ православныхъ христіанъ въ служеніи мамонѣ, угнетеніи бѣдныхъ, кривосудіи и т п., пользуясь при этомъ буквальными выписками изъ рѣчи Діоктита въ драмѣ Г. Конисскаго.

Во второмъ явленіи къ Цѣломудрію приходитъ Чистота и съ своей стороны жалуется предъ нимъ на то, что и ее многіе отъ себя отвергли и ведутъ праздную, распутную и нетрезвую жизнь, утѣшаясь надеждою на одно только милосердіе Божіе. Чистота указываетъ, между прочимъ, въ духѣ обличеній В. Лащевскаго, на народный обычай поить водкою и малолѣтнихъ дѣтей:

Ахъ горе, что не только себѣ позволяютъ,
Но и многихъ невинныхъ на сіе прельщаютъ:
Поучаютъ замладо, какъ чашу испити,
Какъ бы къ оному злому дѣлу пріучити!

Въ третьемъ явленіи „лице отрады утѣшаетъ цѣломудренно и чисто живущихъ, яко не временну, но вѣчну радость,

а высокоумствующіи и нечисто живущіи пагубу улучатъ,— и ангели выходятъ съ вѣнцами".

Въ четвертомъ явленіи „старый человѣкъ выходитъ, удивляющися временнѣ и вѣчно погибающимъ отъ пьянства". Онъ считаетъ пьянство корнемъ всѣхъ грѣховъ, но, со стариковской точки зрѣнія, не порицаетъ умѣреннаго и своевременнаго употребленія вина:

Хочь праздникъ иль недѣля, однакъ выпить мощно.
Пущай стомаха ради, немощи ль коликой,
И то мѣрно, чтобъ было безъ страсти великой,
Яже бы не лишила сей временной жизни,
А паче сего всего небесной отчизны;
Пущай въ кое время и пиръ сотворяетъ,
Но по силѣ своей чашу испиваетъ.

Но старый человѣкъ рѣшительно порицаетъ какъ потчиваніе, такъ и чрезмѣрное употребленіе вина и особенно масляничный разгулъ въ дни сырныя недѣли, предназначенные Церковію для приготовленія къ св. четыредесятницѣ.

Да то бѣда,—продолжаетъ онъ,—что егда полной не исполнити
Гарцевой, то и начнетъ другъ друга бранити.
И такъ дружка за дружку муситъ выпивати:
Любви и впредь пить вмѣстѣ бы не потеряти...
Праздненства, которыя преданы святыми
Суть, сырныя недѣли, дабы мы хранимы
Были въ нихъ отъ всей скверны къ посту святому
Четыредесятницы, яже есть самому
Преблагопріятная Господу и Богу,
Чрезъ кой въ путь спасительный имѣть бы дорогу,—
Но мнози во зломъ пьянствѣ сіи провождаютъ,
Бахуса, аки отца, весьма ожидаютъ,
Ему же пѣсни мерзки поютъ велегласно,
Питтемъ-яствіемъ столы представляютъ красно,
И съ великимъ желаніемъ другъ друга стрѣтая,
Лобизаютъ искренно, онымъ поздравляя,
Приговоруя: теперь намъ повеселитись!

Выпивая пугары, хочь бы разлучитись
Зъ душею и со тѣломъ, ничто не вважаютъ,
Да маслину въ Бахуса добрѣ провождаютъ,
Кая уже се со лики грядетъ и тимпаны,
Дабы увеселити холопы и паны
Игрми и плясаніемъ зъ безстудными музы,
Съ приговоромъ веселымъ: гуляйте днесь, друзи!

Въ пятомъ явленіи выходитъ и самъ Бахусъ и хвалится своею властію надъ всѣмъ свѣтомъ. Ему поклоняются четыре части свѣта Азія, Африка, Америка и Европа. Затѣмъ Бахусъ хвалится, что его чествуютъ на всякомъ пиру, во всѣхъ семейныхъ и общественныхъ торжественныхъ случаяхъ, что онъ измѣняетъ характеръ и судьбу людей, предающихся пьянству, напр. умнаго дѣлаетъ глупымъ, глупаго—разумнымъ въ его собственномъ мнѣніи, богатаго—бѣднымъ, сильнаго—слабымъ, и т. д., и въ заключеніе приглашаетъ своихъ почитателей широко праздновать пьяную масляницу.

Къ „Декламаціи“ приложенъ кантъ, который, по ремаркѣ режиссера, долженъ былъ пѣться, по частямъ, въ двухъ мѣстахъ пьесы: послѣ пролога и передъ выходомъ старика. Кантъ этотъ почти цѣликомъ заимствованъ изъ драмы Г. Конисскаго, поетъ о суетѣ и непостоянствѣ міра и тщетѣ мірскихъ благъ и приглашаетъ слушателей отречься отъ міра и послужить Богу, въ надеждѣ на вѣчное мздовоздаяніе.

Въ епилогѣ—обычное обращеніе къ слушателямъ, съ просьбой о снихожденіи къ недостаткамъ исполненія пьесы [1]).

Не смотря на явное подражаніе драмѣ Г. Конисскаго и буквальныя заимствованія изъ нея, все-таки Смоленская деклямація имѣетъ и нѣкоторыя оригинальныя черты въ

---

[1]) Изд. съ предисловіемъ Д. К. Вишневскаго, въ „Смоленскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1897 г., №№ 3 и 11, и въ приложеніи къ „Кіевской Старинѣ“, 1897 г., іюль—сентябрь.

описаніи масляничнаго разгула и отчасти въ обрисовкѣ взаимныхъ отношеній между православными и польско-католиками въ странѣ со смѣшаннымъ населеніемъ.

Къ этой же декламаціи мы относимъ и двѣ дошедшія до насъ интерлюдіи, подъ общимъ заглавіемъ: „Выписано изъ бывшихъ въ Смоленской семинаріи комедей". Онѣ найдены въ рукописномъ сборникѣ половины XVIII в. и, слѣдовательно, по времени происхожденіи, совпадаютъ со временемъ составленія Декламаціи, которой отчасти соотвѣтствуютъ и по своему содержанію: въ одной изображаются приключенія пьянаго мужика—литвина, а въ другой говорится о масленичныхъ блинахъ.

Первая интерлюдія, подъ заглавіемъ „Мужикъ", написана какъ бы въ доказательство вреда отъ пьянства. Старый мужикъ—литвинъ сидитъ въ кайданахъ или желѣзахъ и размышляетъ о случившейся съ нимъ бѣдѣ. „Охъци мнѣ, ци вѣдаетъ то ета моя баба, што я въ ето лихо попався и эвтемъ бяздѣллимъ обчипався, коли бъ уже и на свѣцѣ не было! а все яна, якъ вужа вилами, такъ мене: „инъ идзи, дакъ идзи у Любавичи, ци ни пападзѣтца чаго гуляючи; и Богу помолися, и зъ своими павидзися: авось таки и ци ни пападіетца чаго купицы"... Ну вотъ, правда, яѣ и паслухайся да и падзи. Вотъ на тую пору и попадися мнѣ кумъ Анципъ, коли знаице вы его. Кажытца, вотъ и понемногу, по единому, правда, выпили карячку. Ажно тамъ и стали брязгаць, по нашему—то къ абѣдни, а по ихъ — къ замши. „Вотъ я пайди у ихъ хасціолу, ажно тамъ заиграюцъ: хто въ дудочи, хто въ свистѣлачки, а хто въ тарарычки. Вотъ я, правда, не бывши лихъ, да и падзи скакаць". За это ксендзъ велѣлъ заковать его въ кайданы. Продолжая свои размышленія, мужикъ объясняетъ свое посѣщеніе костела тѣмъ, что онъ съ малолѣтства былъ богомоленъ, и какъ только заслышитъ гдѣ звонъ, то и идетъ въ церковъ, „взявши въ руки свѣчку, а въ торбу

перепѣчку". „А такъ, правда, и въ своемъ дворѣ заставляю: „жонка, бій поклоны земляные, гроза издѣцъ"... „Неякъ вякнувъ и священникъ на мяне": „а Цѣрихъ! вить ты нѣяки нѣхрисцянинъ". А я: „а, бацка, меня вся дзяревня знаицъ, што я къ церкви прилѣженъ, што и папу много вякаць? Я, бывало, и къ собѣ таки позову, да укладу его блинами, сочнями, якъ гонтомъ, ажно и папа не видно; паѣвши, паѣвши, да и пуза развяжицъ: „Охъци мнѣ, Цѣрихъ:—я и у пана такъ не гулявъ, якъ у цябѣ цяперь!"—А коли таки и безъ мене, дакъ я таки приказываю: „Жонка, глядзи; коли попъ приедзиць, приумѣй яго харашенка чимъ ни буцъ, хоць коровьяго наверни, штобъ попъ ув очи ня лѣзъ и вопосли людзіомъ не жалився". А цѣперь, вотъ, панове, попався у эти кросны"... „Мужика ищетъ сынъ, находитъ его и разбиваетъ на немъ желѣза. Полякъ хочетъ отвести ихъ за самоуправство къ викарію; но батько съ сыномъ приняли его въ кіи (колья) и прогнали съ помятыми боками.

Въ другой интерлюдіи мужикъ Свиридъ сидитъ на цѣпи (въ „кунѣ") и объясняетъ другому мужику Змитроку (Димитрію) причину своего несчастія. Дѣти его убѣдили его идти на исповѣдь, говоря: „идзи, бацка, ку спаведзи! ты нѣразу въ церкви не бывъ!" да и упихнули бацку, якъ дурня, въ церкву: „кажи-дзе, бацка, тое, што попъ будзецъ казаць!" Попъ говоритъ: „ци бывъ ты хуть разъ въ исповедзи". И я папу: „ци бывъ ты хуть разъ въ исповедзи?" и т. д. „Вотъ за тое попъ на мене и манисты наложивъ, а я ихъ отроду не носивъ! а цаперь мнѣ ихъ чортъ нагадзивъ.

Змѝтрокъ. Охъ, Сваридухна! маю цябѣ вѣры, што то гавариць и дзетокъ бранить! Тяпѣрь стало не па старому, стало все по писмянному: чинаши („отче нашъ") настали, все съ хитрощами да зъ мудрощами, все стало навыворотъ; учуць, голубе, не учяць, голаву турбуютъ, языкомъ не вверниш; ищо якъ нашему брату галавы не высуниць? У мяне то дзиця, Свиридухна, къ усячинѣ смыслиць, уси каляды,

масляницу и радуницу, товстую суботу--усе на памяць, а каверзень спляцѣтъ, якъ души не влепитъ. А другій—собака, весь у матку удався: людзи до зари блиновъ наядутця, а яна спиць патуль, пакуль сонце бокъ припечецъ, тагди ужо якого хварыша пришкварицъ, паскудница, кагды бы пропала!

Свиридъ. Што наши бацки и предки живали, хлѣбъ робляли, землю пахали, а этай испавѣдзи яны не знавали, а таки жъ благадарны бывали.

Змитрокъ. Такъ, Свиридухна, такъ, такъ, голубятокъ! яны маливались по простацкому безъ чанашовъ (отче нашъ)! што паднявъ, то знашовъ, якъ уставъ, такъ и зачавъ: „Слава цябѣ, Господзи, сущую, часнѣйшую, избранны ваявода, радуйся нявѣста, уси чины манашѣскія, святая трапѣза, искрясѣнья побядзителю, Михаилы пророка и Миколы мученика, трехъ свяцицѣлѣй, Кузму и Дзямида, заступи на царства мяне Змитрака, и падружницу Пеклу Несцѣровну, и кола и двора, и скацинки и шарсцинки, алалуй насъ до конца вѣка, Аминь. И шарпни, Господзи, па души и па цѣлу; па жонки, и па дзеткамъ, святое сягодни, святое и завтрѣ [1]).

Свиридъ. Ахъ, Змитруче, не патрапишъ! ажъ морозъ по касцямъ, ажъ до сліозъ праймаитъ бацьковъ напыхъ богамолье!

Змитрокъ. Ну, Свиридухна, аставайсе здаровъ, слабани цебя, Господзи! якъ ты папався, дакъ и выдзирайсе!

Свиридъ Ахъ, Змитруче! кали Богъ тваю галовку назадъ завернетъ, навѣдайсе мяне! [2])

---

[1]) Нѣчто подобное этой молитвѣ и доселѣ произносятъ Остерскія торговки въ церкви, при открытіи алтарной завѣсы, говоря: „шарпани мене Господи святымъ твоимъ шарпанемъ па души и па тѣлу“. *Сообщ. М. С. Гаврушкевичъ.*

[2]) „Къ исторіи польскаго и русскаго театра“, В. Н. Перетца, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер.

10. Сходна по характеру съ трагедокомедіей Георгія Конисскаго и трагедокомедіи Георгія Щербацкаго. Полное заглавіе ея слѣдующее: „*Трагедокомедія, нарицаемая Фотій*, т. е. о отступленіи западныя церквы отъ восточныя, учиненномъ найпаче во время Фотія патріарха Константинопольскаго, и о отсѣченіи рымлянъ, яко еретиковъ, отъ общенія вѣрныхъ, дѣйствіями въ Академіи Кіевской представленная 1749 года, мая въ 18 день, пречестнѣйшимъ іеромонахомъ Георгіемъ Щербацкимъ, бывшимъ на тотъ часъ учителемъ школы піитики“ [1]). Какъ и трагедокомедія Конисскаго, пьеса Георгія Щербацкаго раздѣляется на пять дѣйствій и отличается сравнительною чистотою русскаго языка; но по содержанію своему и нѣкоторымъ пріемамъ примыкаетъ къ трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“. Выше мы сдѣлали предположеніе, что Ѳ. Прокоповичъ въ своей трагедокомедіи говоритъ о св. князѣ Владимірѣ и апостолѣ Андреѣ въ полемическихъ видахъ съ католиками. Тѣ же дѣйствующія лица выступаютъ изъ-за главнаго предмета и въ трагедокомедіи Щербацкаго, но уже съ прямою цѣлію утверждать православіе и обличать латинянъ. Сходство между обѣими трагедокомедіями простирается даже на нѣкоторыя частности. *Въ трагедокомедіи* Ѳ. Прокоповича князь Владиміръ высылаетъ своихъ дѣтей, совѣтовавшихъ ему принять православную вѣру, и разсуждаетъ самъ съ собою:

Отъидите на время! азъ здѣ совѣтую
Наединѣ со мною.

Подобнымъ образомъ патріархъ Фотій у Г. Щербацкаго, услышавъ отъ монаха Митрофана о новомъ римскомъ

Акад. Наукъ“ 1905 г. кн. 1, и особыми оттисками. Для удобства читателей, мы нѣсколько выправили орѳографію интерлюдій примѣнительно къ нынѣшней орѳографіи.

[1]) Издана въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, за декабрь, 1877 года.

догматѣ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, высылаетъ Митрофана и разсуждаетъ самъ съ собою наединѣ:

Но отсюду
Митрофанъ! я самъ нѣчто здѣсь размышлять буду.

У Ѳ. Прокоповича вождь Храбрый, описавъ торжественность и величіе обряда крещенія Св. Владиміра, прибавляетъ: „азъ же, объятый страхомъ радостнымъ, забыхъ гдѣ есмь, сердце же во мнѣ трепеташе". Подобнымъ образомъ въ трагедокомедіи Г. Щербацкаго передаетъ свое впечатлѣніе Филоѳей, бывшій на соборѣ святителей подъ предсѣдательствомъ Фотія:

...Я тутъ бѣдный мнѣлся восхищенный
Быть на третіе небо, и неизреченны
Слышати глаголы.

Какъ во „Владимірѣ" Ѳ. Прокоповича вѣстникъ приноситъ грамоту отъ этого князя, такъ и у Щербацкаго „приходитъ чтецъ грамати патріаршей, посланной во всенародное извѣстіе о томъ, что не напрасно и съ добрымъ намѣреніемъ отвержены латины и анаѳемѣ преданы". Послѣднія явленія въ обѣихъ пьесахъ тоже имѣютъ наружное сходство между собою.

Содержаніе трагедокомедіи касается интереснаго для южноруссовъ вопроса объ отношеніи между православіемъ и католичествомъ, олицетворявшимися въ южно-руссахъ и полякахъ. Общая мысль эта получаетъ иногда живыя краски и индивидуальные оттѣнки, благодаря присутствію въ пьесѣ народнаго и легендарнаго элементовъ и намековъ на современную дѣйствительность. Поэтому трагедокомедія эта должна была производить въ свое время большое впечатлѣніе, особенно на такихъ слушателей, какимъ былъ тогдашній Кіевопечерскій архимандритъ Іосифъ (Оранскій) [1]), самъ по выраженію трагедокомедіи, „много постра-

[1]) См. о немъ „Акты и документы, относящіяся къ исторіи Кіевской Академіи", серія 2, т. 1, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., стр. 294.

давый ради *благочестія* (православія) и ради поправы нравовъ развратныхъ".

Въ дѣйствіи первомъ первѣйшій сатана бесѣдуетъ съ другимъ бѣсомъ шуточнымъ о томъ, гдѣ ему больше всего было удачи, и гдѣ не удавалось. Сатана хвалится искушеніемъ Евы, всемірнымъ потопомъ, развращеніемъ человѣческаго рода во время призванія Авраама и безплодіемъ послѣдняго съ Саррою, саддукеями и фарисеями, Симономъ волхвомъ, первыми злыми еретиками и магометанствомъ. Но шуточный бѣсъ отыскиваетъ комическую сторону въ мнимо успѣшныхъ дѣйствіяхъ сатаны, при чемъ пользуется иногда произведеніями южно русскаго народнаго юмора. Когда Сатана похвалился потопомъ, то шуточный бѣсъ, между прочимъ, говоритъ ему:

Носятся у нѣкіихъ народовъ такіи
Рѣчи: Египтянинъ ктось, ихъ зовутъ иныи
Циганами, алчущій, не имый чимъ душу
Свою препитати, злѣзъ на чужую грушу,
И какъ уже грушами оклался отъ доти,
Сшелъ зъ древа. Приходитъ хозяинъ: а хто,—
Сказуетъ.—чего злодѣй заслужилъ?—Лукавый
Египтянинъ на тое: мой пане ласкавый!
Выноватъ, прости! или, естьли не прощаешъ,—
Сѣчи, палы, убивай ужъ какъ ты самъ знаешъ,
Лишь законъ у насъ такой—черезъ плотъ не пересажуй!
Глупъ хозяинъ пересадилъ: отъ, такъ де наказуй
Всегда!—а далѣ въ ноги! Хозяинъ и слѣду
Не ухватилъ.

Въ концѣ разговора собесѣдники замѣчаютъ какого-то приближающагося къ нимъ дряхлаго старика. Это былъ гречинъ Филоѳей, получившій изъ Рима извѣстіе, что папа Николай объявилъ себя неподлежащимъ земному суду и земнымъ богомъ. Сатана радуется этому извѣстію.

Съ Филоѳеемъ встрѣчается другой гречинъ Аретофилъ,—и оба они сѣтуютъ о повленіи новаго язычества

въ христіанскомъ мірѣ, надѣясь однако же на противоборство Фотія папѣ. Выслушавъ разговоръ монаховъ, Сатана отправляется въ Римъ.

Во второмъ дѣйствіи выходятъ на сцену бѣглецы изъ еретическаго Рима—монахъ Митрофанъ и два простолюдина. Митрофанъ приходитъ къ убѣжденію, что наводненіе рѣки Тибра и моровая язва въ Римѣ при папѣ Пелагіи предзнаменовали потопъ ересей и язву душевную, открывшіеся въ Римѣ при папѣ Николаѣ, который, вмѣсто Христа, призналъ себя главою церкви и отсѣкъ отъ великой четыредесятницы первую седмицу, сдѣлавъ ее сырною. Монахъ Митрофанъ собирается идти къ патріарху Фотію, чтобы донести ему объ этомъ. Простолюдины, подслушавъ монологъ Митрофана, сочувствуютъ ему и вступаютъ съ нимъ въ разговоръ. Они съ своей стороны разсказываютъ Митрофану, что они бѣжали изъ Рима отъ новомодныхъ священниковъ,которые причащаютъ народъ опрѣсноками и, будучи безженными, становятся опасными для женъ прихожанъ. Митрофанъ одобряетъ поступокъ простолюдиновъ и идетъ къ патріарху. Между тѣмъ простолюдины, разсуждая о монахѣ Митрофанѣ и трудности его миссіи, встрѣчаются съ клирикомъ Пахоміемъ. Клирикъ говоритъ самъ съ собою:

Правду сказуетъ Павелъ: на вся есть полезно
Благочестіе; пока онаго любезно
У насъ держались, добре все у насъ велося;
Теперь благочестіе якъ пошло, пришлося
Не до добра, недавно въ городѣ Кольони
У насъ палъ перунъ въ церквѣ въ образѣ драконы,
Драконы огнистого, и убили страшно
Три священники въ церкви служащія разно,
Не въ одномъ олтарѣ, такожъ посполитыхъ
Людей шесть Много мыслилъ я о событыхъ
Смертехъ, что за вина есть? вина не иная,
Токмо что правость вѣры пропала святая;

И тѣмъ видя гнѣвъ зъ неба, якъ Лотъ изъ Содому
Бѣжалъ я съ Колоніи изъ моего дому,
Изволя странствовать, нежели...

На этомъ словѣ прерываетъ его второй простолюдинъ узнавшій клирика, и проситъ послѣдняго, какъ хорошаго пѣвца, спѣть что-нибудь примѣнительное къ бѣдственному положенію церкви. Клирикъ поетъ плачевную пѣснь, подражая извѣстному псалму—„На рѣкахъ Вавилонскихъ“.

Въ третьемъ дѣйствіи выходитъ патріархъ Константинопольскій Фотій, разспрашиваетъ монаха Митрофана о томъ, что дѣлается въ Римѣ, и узнаетъ отъ него, что тамъ въ пятницу ѣдятъ мясо, а въ субботу постятся, что первая недѣля великаго поста превращена въ сырную, священники поставляются безженные, отличающіеся развратнымъ нравомъ, что крещаемыхъ не мажутъ миромъ и признаютъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына; словомъ, Митрофанъ обвиняетъ римлянъ въ томъ же, въ чемъ обличалъ ихъ извѣстный уже намъ сборникъ южнорусскихъ стихотвореній половины XVII вѣка, о которомъ упоминали мы, при разборѣ трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“. Патріархъ Фотій—въ сильномъ волненіи; онъ проситъ Митрофана выйти и наединѣ разсуждаетъ о новоизмышленномъ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Послѣ тонкихъ разсужденій объ этомъ предметѣ, Фотій признаетъ новоизмышленный римскій догматъ ересью и рѣшается созвать патріарховъ и предать еретиковъ анаѳемѣ.

Въ четвертомъ дѣйствіи разговариваютъ греки Филоѳей, пришедшій съ собора, и не бывшій на соборѣ Аретофилъ. Филоѳей — въ восторгѣ отъ того, что сподобился быть на соборѣ. Онъ описываетъ Аретофилу великолѣпіе храма, въ которомъ происходилъ соборъ, и мудрость святителей и особенно Фотія, обличившихъ лжемудріе латинянъ и предавшихъ ихъ анаѳемѣ, съ освобожденіемъ отъ нея тѣхъ, которые обратятся къ православію. Затѣмъ чтецъ

читаетъ во всенародное услышаніе патріаршую грамоту „о томъ, что не напрасно и съ добрымъ намѣреніемъ отвержены латины и анаѳемѣ преданы". Въ оправданіе анаѳемы указывается на цѣль ея—защитить церковь отъ соблазновъ и ересей, которые уже начали проникать въ Болгарію;

Ибо Болгары, наши любезныя дѣти,
Сея ереси архи сіи апостаты
Научили однако съ собою держати.

Въ пятомъ дѣйствіи выходитъ патріархъ Фотій и, зная,— какъ Богъ неоскуденъ въ людехъ рабѣхъ своихъ, „угадуетъ, что изыщетъ Богъ люди на мѣсто отпадшихъ римлянъ". Фотій останавливается мыслію на престольномъ городѣ Русской земли Кіевѣ:

Повѣствуютъ, что нѣгдѣ есть градъ надъ рѣкою
Бористеномъ; той славенъ вещію такою
Быть чтемъ: апостолъ святый Андрей возвѣщая
Тамо евангеліе и духомъ предзная
Будущая, верхъ хольма коего—сь большаго
Водрузилъ знаменіе Христа всесвятаго
Крестъ, съ пророческими такими словами:
Возсіяетъ благодать надъ сими горами.
Божія кто же вѣсть? Може, тотъ награду
Вмѣсто рымлянъ готуетъ Богъ своему стаду.

Предвѣденіе Божіе увѣряетъ Фотія, что отпаденіе римлянъ отъ православія, дѣйствительно, вознаградится Россіею. Въ устахъ Георгія Щербацкаго слова Предвѣденія Божія являются пророчествомъ о прошломъ и настоящемъ времени. Авторъ перечисляетъ, съ похвалами, рядъ русскихъ князей, царей и императоровъ, начиная съ Владиміра, и кіевскихъ митрополитовъ, останавливаясь преимущественно на императрицѣ Елизаветѣ и кіевскомъ митрополитѣ Тимоѳеѣ (Щербацкомъ), при чемъ упоминаетъ и тогдашняго Кіево-печерскаго архимандрита Іосифа (Оранскаго). Объ Елизаветѣ Предвѣденіе говоритъ, въ духѣ пьесъ Михаила Козачинскаго, слѣдующее:

Таже правительствуетъ тамъ Елисавета,
Елисавета славна, имя чудна свѣта,
Однымъ естествомъ жена, а мужъ въ словѣ, въ дѣлѣ,
Одна—что Ромулъ въ брани, Нума въ мирѣ были.
Хотя же подъ нею есть время и притрудно
Въ пищѣ, однакъ не стало совсѣмъ то и скудно:
Сискавъ способъ ко дѣлу, царскые доходы
Вмаленны, да спасуться сельскіе приходы.

Выслушавъ предсказаніе объ Елизаветѣ Петровнѣ и ея славныхъ дѣлахъ, патріархъ Фотій желаетъ скорѣйшаго исполненія этого предсказанія.

Въ общемъ пьеса обилуетъ вялыми монологами и діалогами и мало драматична. Никакихъ сценическихъ указаній въ ней нѣтъ.

11. Послѣднею изъ школьныхъ драмъ не только Елизаветинской эпохи, но и всего второго періода исторіи кіевской школьной драмы нужно признать извѣстную только по заглавію драму Батуринскаго игумена Ѳеофила Нессина, подъ заглавіемъ *„Давидъ и Соломонъ“*. По словамъ покойнаго А. Веселовскаго, эта пьеса отличается многими сценическими указаніями. Къ сожалѣнію, она находится въ частной библіотекѣ неизвѣстнаго для насъ лица [1]) и не доступна для нашего изслѣдованія; но объ авторѣ и времени составленія ея мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія.. Ѳеодоръ, въ монашествѣ Ѳеофилъ Нессинъ, окончивъ курсъ въ Кіевской Академіи около 1750 года [2]), поступилъ въ священники, но, овдовѣвши, назначенъ былъ въ учители Кіевской Академіи. Въ 1754—5 году онъ преподавалъ здѣсь піитику, а въ 1755—6 году риторику, и, по принятіи монашества,

---

[1]) „Старинный театръ въ Европѣ“, А. Веселовскаго, Москва, 1870 г., стр. 358.

[2]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. II, стр. 461.

произведенъ былъ 22 февраля 1756 года въ игумены Батуринскаго Крупецкаго монастыря, оттуда въ 1762 году переведенъ въ игумены Скельскаго монастыря [1]). Вѣроятно, пьеса и написана имъ въ 1754 — 5 учебномъ году, въ бытность его учителемъ піитики въ Кіевской Академіи.

Такимъ образомъ, всѣхъ школьныхъ пьесъ отъ эпохи царствованія Елизаветы Петровны дошло до нашего времени 11, къ коимъ нужно прибавить еще двѣ ученическія пьесы на Рождество и на Пасху, о которыхъ рѣчь будетъ впереди. Пропорціально времени, независимо отъ продолжительнаго 20 лѣтняго царствованія Елизаветы Петровны, мы все-таки видимъ замѣтное количественное увеличеніе школьныхъ драматическихъ пьесъ за это время и расширеніе района ихъ распространенія въ Россіи. Кромѣ прежнихъ учебныхъ колоній Кіевской Академіи, драматическія школьныя пьесы вновь появляются въ Новгородской, Троице-лаврской и Смоленской семинаріяхъ. Но напрасно было бы во всѣхъ этихъ пьесахъ искать прогрессивнаго развитія въ качественномъ отношеніи. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ колоніяхъ Кіевской Академіи школьная драма еще прочно не утвердилась и была только въ зачаточномъ положеніи. Напр., въ Троице-Лаврской семинаріи мы видимъ зачаточную форму драмы въ видѣ діалога, а въ Смоленской семинаріи учитель М. Базилевичъ въ своей „Деклямаціи“ рабски подражаетъ кіевскимъ образцамъ. Даже въ Московской Академіи школьныя пьесы этой эпохи составляются какъ бы по старымъ шаблонамъ XVII столѣтія. Лучшими изъ школьныхъ драматическихъ произведеній этой эпохи были драмы, сочиненныя въ Кіевской Академіи, и драма префекта Новгородской Семинаріи Ин. Мигалевича, составленныя въ духѣ возрожденія классицизма и піитическихъ правилъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 409.

Ѳ. Прокоповича; онѣ исчерпывали собою всѣ формы драматическихъ произведеній, указываемыя въ піитикѣ Ѳ. Прокоповича, т. е. трагедію, трагедокомедію и комедію. Къ трагедіи должны быть отнесены драмы „Стефанотокосъ“ И. Мигалевича, 1742 г., „Гисторія Кира“ и „Благоутробіе Марка-Аврелія“, М. Козачинскаго, 1744 года, т. е. тѣ драмы, которыя изображали трагическую судьбу Елизаветы Петровны до восшествія ея на престолъ. Въ формѣ трагедокомедіи составлены пьесы В. Лащевскаго „О награжденіи въ семъ свѣтѣ пріисканныхъ дѣлъ мзды въ будущей жизни вѣчной“, около 1742 года, Г. Конисскаго „О воскресеніи мертвыхъ“, 1746 г., и Г. Щербацкаго „Трагедокомедія, нарицаемая Фотій“, 1749 года. Онѣ имѣютъ въ виду обличеніе религіозно-нравственныхъ недостатковъ современнаго имъ свѣтскаго, высшаго общества и преслѣдуютъ или общерусскіе интересы, или религіозные интересы зарубежнаго православнаго населенія, страдавшаго отъ польскаго безправія, вообще интересы, довольно далекіе отъ непосредственно окружающей ихъ реальной жизни, и потому отличаются какою-то расплывчатостію, неясностію и блѣдностію выводимыхъ на сцену лицъ. Въ нихъ не найдете уже тѣхъ рельефныхъ, выпуклыхъ отрицательныхъ типовъ, въ родѣ Жеривола, какіе мы видѣли въ трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“. Комедія же въ эту эпоху разрабатывалась въ интерлюдіяхъ къ пьесамъ Новгородской „Стефанотокосъ“ Ин. Мигалевича 1742 г., кіевской „О воскресеніи мертвыхъ“ Г. Конискаго 1746 г. и Смоленской „Декламаціи“ М. Базилевича, половины XVIII вѣка. Въ нихъ затрогиваются новые этнографическіе сюжеты и характеры, хотя въ общемъ всѣ эти комическія интерлюдіи по своему внутреннему достоинству ниже интерлюдіей къ пьесамъ М. Довгалевскаго и являются только подражаніями имъ. Вообще чувствовались какое-то внутреннее безсиліе и вялось кіевской школьной драмы, не питавшейся теперь непосредственно изъ западно-

европейскихъ источниковъ, и потребность освѣженія ея новыми началами и литературными пріемами, чтобы отвѣчать, по возможности, на запросы современной жизни. Этого освѣженія она ждала отъ сѣверно-русской художественной драмы въ псевдоклассическомъ духѣ, начало которой тоже положено было въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Извѣстно, что первымъ русскимъ художественнымъ драматургомъ въ псевдоклассическомъ духѣ былъ А. П. Сумароковъ. Его драматическія произведенія, по существу дѣла, не представляютъ, по видимому, какого либо совершенно новаго явленія въ исторіи русской литературы, такъ какъ основывались на томъ же самомъ принципѣ подражанія классической теоріи и классическимъ образцамъ драмы, на которыхъ утверждалась и кіевская школьная драма эпохи возрожденія классицизма со времени Ѳ. Прокоповича. И въ псевдоклассическихъ драмахъ Сумарокова мы видимъ и изображеніе какой-либо страсти вмѣсто характера, и выполненіе классическихъ трехъ единствъ (дѣйствія, мѣста и времени) и пяти-актный составъ драмы, какія мы видѣли у лучшихъ представителей кіевской школьной драмы эпохи возрожденія. Сумароковъ большею частію беретъ предметы для своихъ трагедій тоже изъ начальной русской исторіи, какъ и Ѳ. Прокоповичъ, а въ своихъ комедіяхъ и сатирическихъ произведеніяхъ обличаетъ тѣ же недостатки русской общественной жизни, какіе обличали Ѳ. Прокоповичъ, В. Лащевскій, Г. Конисскій, М. Базилевичъ и др., а именно невѣжество, корыстолюбіе и неправосудіе, поверхностное образованіе, безбожіе, безнравственность и т. п. Но драмы Сумарокова стоятъ выше кіевскихъ школьныхъ драмъ по широтѣ и общедоступности кругозора, обнимавшаго не одну церковно-религіозную область, но и свѣтскую, по интересу новизны и модности псевдоклассическаго направленія, по художественной отдѣлкѣ, по чистотѣ русскаго литературнаго языка и по тоническому стихосложенію, котораго упорно не

хотѣла признавать кіевская школьная драма. Въ этихъ преимуществахъ новой русской псевдоклассической драмы нужно искать главную причину упадка кіевской школьной драмы и изгнанія ея изъ стѣнъ школы. Въ 1756 году учрежденъ былъ первый общественный театръ въ Россіи, подъ дирекціей Сумарокова,—и съ тѣхъ поръ мы не встрѣчаемъ въ Кіевской Академіи ни одной драмы, которая разыгрывалась бы въ стѣнахъ самой Академіи. Исключеніе представляетъ только „Комедія уніатовъ съ православными“ священника Саввы Стрѣлецкаго (1796—1799 г.г.), да и она составлена на польскомъ языкѣ и не воспитанникомъ Кіевской Академіи.

Правда, мы имѣемъ свидѣтельство извѣстнаго ученаго іерарха, кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова, какъ будто бы о продолженіи подобныхъ сценическихъ представленій и послѣ 1756 года: „въ три майскія рекреаціи,—писалъ онъ,—всѣ ученики и учители и сторонніе любители наукъ выходили для забавъ на гору Скавику (Щекавицу), между оврагомъ, при урочищѣ, называемомъ Глубочица. Тамъ всѣ забавлялись самыми невинными играми, и студенты пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ ежегодно обязанъ былъ сочинять комедіи или трагедіи, а прочіе учителя—діалоги“. По свидѣтельству м. Евгенія, все это прекращено лишь преосвященнымъ Самуиломъ Миславскимъ (1783—1796 г.г.) [1]. Какъ же понимать это свидѣтельство митрополита Евгенія?

Несомнѣнно, митрополитъ Евгеній писалъ о рекреаціонныхъ сценическихъ представленіяхъ со словъ кіевскихъ старожиловъ, но записалъ ихъ не совсѣмъ точно. Прежде всего нужно замѣтить, что въ этомъ преданіи говорится не обо всѣхъ видахъ драмъ, исторически существовавшихъ въ

---

[1]) „Описаніе Кіево-Софійскаго собора“, м. Евгенія, Кіевъ, 1825 г., прибавл., стр. 223—5.

Кіевской Академіи. Нѣтъ въ немъ упоминанія ни о пассіональныхъ, пасхальныхъ и рождественскихъ драмахъ, ни о драмахъ на царскіе дни и по нарочитымъ торжественнымъ случаямъ. Что же касается самихъ рекреаціонныхъ школьныхъ драмъ, то и онѣ едва ли могли исполняться на Щекавицѣ послѣ 1772—го года, когда на этой горѣ устроено было городское кладбище съ церковію [1]). Въ преданіи, записанномъ у м. Евгенія, указывается, повидимому, только эпоха Елизаветы Петровны, когда школьныя драмы, кромѣ пьесъ на ея прибытіе въ Кіевъ, дѣйствительно разыгрывались студентами Кіевской Академіи въ одну изъ трехъ майскихъ рекреацій. На это указываютъ и хронологическія даты нѣкоторыхъ пьесъ этого времени, какъ напр. трагедокомедія „Фотій" Г. Щербацкаго помѣчена 18 числомъ мая. Свидѣтельство же м. Евгенія о прекращеніи этого древняго обычая преосвященнымъ Самуиломъ Мисловскимъ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что этотъ обычай прекращенъ былъ Мисловскимъ еще въ бытность его ректоромъ Кіевской Академіи въ 1761—1768 годахъ, при Кіевскомъ митрополитѣ Арсеніѣ Могилянскомъ. По крайней мѣрѣ, въ составленной ректоромъ Мисловскимъ и утвержденной митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ подробной академической инструкціи 1764 года уже ничего не говорится о рекреаціонныхъ школьныхъ драматическихъ пьесахъ и только не воспрещается учителямъ ходить съ учениками въ поле на рекреацію [2]).

Впрочемъ, уступая мѣсто сѣверно-русскому свѣтскому художественному театру и будучи изгнана изъ школьныхъ

---

[1]) „Историко-топографическіе очерки древняго Кіева", Н. Петрова, Кіевъ, 1897 г., стр. 26.

[2]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи", серія вторая, т. III, Кіевъ, 1906 г., стр. 100.

стѣнъ, кіевская школьная драма не исчезла безслѣдно и на мѣстѣ своего появленія и развитія, а долго культивировалась еще внѣ школьныхъ стѣнъ, проникая все болѣе и болѣе въ низшіе слои народа и принимая народный колоритъ. Этотъ заключительный періодъ развитія кіевской школьной драмы составляетъ третій періодъ ея исторіи.

III.

Третій періодъ Кіевской школьной драмы, (1762—1796 г.г.).

Третій періодъ исторіи Кіевской школьной драмы есть періодъ упадка ея, обусловливавшагося раздвоеніемъ литературныхъ интересовъ малорусской интеллигенціи и тяготѣніемъ послѣдней въ двѣ противоположныя стороны. Тогда какъ одна ея часть, болѣе переимчивая и передовая, тяготѣла къ разцвѣтавшей сѣверно-русской или общерусской художественной литературѣ, другая часть держалась мѣстныхъ литературныхъ традицій, которыя, будучи вытѣснены изъ школьныхъ стѣнъ, спускались въ общественные и народные слои и постепенно принимали мѣстную народную окраску. Такъ продолжалось почти все время царствованія Екатерины II (1762—1796 г.г.). Мѣстная, традиціонная южно-русская искусственная литература, предоставленная самой себѣ, по видимому быстро клонилась къ упадку; но въ самомъ кажущемся упадкѣ своемъ она носила зародышъ будущаго возрожденія своего. Къ концу царствованія Екатерины II оба указанныя противоположныя литературныя теченія, т. е. тяготѣніе къ сѣверно-русской художественной литературѣ и продолженіе мѣстныхъ литературныхъ традицій, смыкаются въ одну цѣпь и производятъ новый фазисъ въ исторіи русской литературы, въ которомъ выработанныя сѣверно-русскою художественною литературою формы примѣняются къ содержанію и языку мѣстной южнорусской литературы. Гармоническое сочетаніе этихъ противоположныхъ элементовъ и образуетъ то, что обыкновенно называ-

ютъ новой малорусской художественной литературой, родоначальникомъ которой считается И. П. Котляревскій.

Тяготѣніе къ сѣверно-русской или общерусской литературѣ на югѣ Россіи было естественнымъ послѣдствіемъ возсоединенія Малороссіи съ Московскимъ государствомъ въ XVII вѣкѣ и рано стало проявляться у отдѣльныхъ южнорусскихъ ученыхъ и писателей, какъ напр. у св. Димитрія Ростовскаго, Ѳ. Прокоповича и др. Изъ болѣе позднихъ южнорусскихъ ученыхъ и писателей въ этомъ направленіи извѣстны Г. Конисскій, С. Миславскій и др. Но болѣе настойчивое и систематическое проведеніе общерусскихъ принциповъ въ южнорусскую школу и литературу начинается приблизительно съ конца царствованія Елизаветы Петровны. Когда въ 1758 году Кіевскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій переведенъ былъ на Московскую митрополичью каѳедру, то въ преемники ему по Кіевской митрополіи стали назначаться такія лица, которыя, хотя и были по происхожденію южноруссы, но долгое время занимали ученыя или административныя должности на сѣверѣ Россіи, какъ-то Арсеній Могилянскій (1758—1770 г.г.), Гавріилъ Кременецкій (1770—1783 г.г.) и Самуилъ Миславскій (1783—1796 г.г.). Всѣ они были убѣжденными приверженцами великороссійскихъ порядковъ, русскаго литературнаго языка и русской художественной литературы и такими же противниками старыхъ традицій Кіевской Академіи. При нихъ ограничены и наконецъ вовсе прекращены были прежнія миркованья, эпетиціи, студенческія конгрегаціи и т. п. [1]). Учебныя занятія и литературныя упражненія въ Кіевской Академіи систематически и послѣдовательно направляемы были въ сторону сближенія въ этомъ отношеніи съ русски-

[1]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. II, № 17, стр. 375—6; т. IV, № 59, стр. 322; т. V, № 7, стр. 60, и др.

ми гимназіями, университетами и народными училищами [1]) и съ сѣверно-русской художественной литературой [2]). Способъ преподаванія піитики въ Кіевской Академіи теперь измѣнился противъ прежняго: Кіевская Академія стала примѣняться къ методу преподаванія піитики въ сѣверно-русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и вводить у себя піитическія руководства въ псевдоклассическомъ духѣ [3]), въ которыхъ не было мѣста прежнимъ школьнымъ драмамъ.

Кромѣ того, многіе изъ южнорусскаго юношества стали усиленно переходить теперь изъ Кіевской Академіи, или же, минуя ее, прямо поступать въ сѣверно-русскія учебныя заведенія и особенно въ университеты (Московскій и академическій) и участвовать въ разработкѣ общерусской художественной литературы. Малороссы Рубанъ, Максимовичъ-Амбодикъ, Богдановичъ, Капнистъ, Нарѣжный, Гнѣдичъ и другіе являются видными дѣятелями среди великорусскихъ писателей псевдоклассическаго направленія, привнося въ свои сочиненія болѣе или менѣе замѣтный южнорусскій этнографическій элементъ [4]), а иногда высказывая и сильное чувство въ духѣ украинскаго національнизма и даже сепаратизма. Извѣстно, что Капнистъ написалъ скорбную оду на закрѣпощеніе малорусскихъ крестьянъ, подъ названіемъ „Ода на рабство“, 1783 года [5]), а въ 1791 году являлся въ Берлинъ съ политическою миссіею отъ своихъ земля-

---

[1]) См. предисловія къ III, IV и V томамъ тѣхъ же „Актовъ“, Кіевъ, 1906, 1907 и 1908 г.г.

[2]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, Н. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 10—12.

[3]) „Описаніе Кіево-Софійскаго собора“, м. Евгенія, Кіевъ, 1825 г., прилож., стр. 218.

[4]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушевскаго, С.П.Бургъ, 1904 г., стр. 339.

[5]) „Исторія русской литературы“, П. Полевого, о Капнистѣ.

ковъ развѣдать, могутъ ли они, въ случаѣ возстанія противъ Россіи, разсчитывать на поддержку Пруссіи [1]).

Мы не будемъ подробно останавливаться на тяготѣніи южноруссовъ къ художественной сѣверно-русской литературѣ, какъ не относящемся непосредственно къ нашему предмету, и обратимся къ обозрѣнію судьбы мѣстныхъ южнорусскихъ школьныхъ традицій.

Не смотря на тяготѣніе къ сѣверно-русской художественной литературѣ, на югѣ Россіи продолжались и старые школьные пріемы и литературныя формы; но, во первыхъ, они измѣнялись сообразно требованіямъ современныхъ обстоятельствъ и примѣнялись къ нимъ, а во вторыхъ—существовали и развивались внѣ школьныхъ стѣнъ Кіевской Академіи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и составляли прямое ея наслѣдіе и достояніе ея исторіи. Судя по тому, въ какихъ кругахъ и въ какой мѣрѣ сохранялись и развивались эти пережитки традиціонныхъ школьныхъ пріемовъ и литературныхъ формъ, ихъ можно раздѣлить на три разряда: 1) драматическіе діалоги въ обновленной формѣ, на книжномъ южнорусскомъ и даже польскомъ языкахъ, касавшіеся высшихъ вопросовъ внутренней политики Россіи въ отношеніи къ Малороссіи и предназначавшіеся для болѣе или менѣе образованныхъ классовъ малорусскаго общества; 2) драматическіе школьные діалоги, отрывки и сцены и драматизированныя поздравительныя вирши, предназначавшіеся для среднихъ и низшихъ классовъ общества и писанные болѣе или менѣе на простонародномъ языкѣ, и 3) вертепныя представленія полушкольнаго, полу-народнаго происхожденія и характера.

---

[1]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушевскаго, стр. 314.

ГЛАВА I.

Южно-русскіе разговоры и драмы политическаго характера.

Политиканство всегда составляло слабую сторону правящихъ классовъ малорусскаго населенія, вслѣдствіе особаго положенія Малороссіи, какъ вассальной страны, стремившейся по временамъ и къ политической автономіи. Поэтому всегда процвѣтала здѣсь и литература съ политическимъ содержаніемъ и характеромъ, касавшаяся внутренняго политическаго положенія страны и ея отношеній къ Польшѣ и Россіи. Послѣ цѣлаго ряда десятилѣтій ограниченія политическихъ правъ Малороссіи, съ воцареніемъ молодой и либеральной императрицы Екатерины II оживились надежды Малороссіи на возвращеніе всѣхъ прежнихъ политическихъ правъ страны. Правда, эти надежды не осуществились; но за то многое сдѣлано было Екатериною II для улучшенія внутренняго строя Малороссіи. Въ 1767 году учреждена была коммиссія уложенія, въ которую вызваны были и малорусскіе депутаты съ правомъ заявленія о мѣстныхъ нуждахъ населенія. Въ 1781 году дарованы привиллегированнымъ сословіямъ Малороссіи права россійскаго дворянства. Въ 1786 году введены были въ Малороссіи духовные штаты и отобраны въ казну духовныя населенныя имѣнія. Наконецъ, послѣ третьяго раздѣла Польши въ 1794 году, началось въ новоприсоединенныхъ къ Россіи областяхъ Малороссіи возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію.

На всѣ эти крупныя событія въ малорусской исторіи малорусская интеллигенція прежняго школьнаго закала реагировала извѣстнымъ образомъ, или питая надежды на лучшее будущее Малороссіи и возлагая ихъ на русское правительство, или же указывая оборотныя, отрицательныя стороны правительственныхъ предпріятій. Отсюда въ царствованіе Екатерины II явился въ Малороссіи цѣлый рядъ

политическихъ памфлетовъ и сатиръ по поводу наиболѣе крупныхъ событій въ исторіи Малороссіи за это время. Въ 1764 году составлена была однимъ образованнымъ лицомъ, знавшимъ Картезія (Декарта) и Виргилія, сатира на внутреннее состояніе тогдашней Малороссіи, разъѣдаемой неправосудіемъ и взяточничествомъ въ судахъ, господствомъ въ обществѣ людей порочныхъ и преступныхъ, но богатыхъ и сильныхъ, недѣятельностію и злоупотребленіемъ въ средѣ бѣлаго и чернаго духовенства, и проч. Авторъ, по видимому, возлагалъ свои надежды на новое русское правительство въ лицѣ Екатерины II, которое должно было внести въ общество свѣжую струю законности и поднять нравственность [1]). Надеждой же на молодую, либеральную императрицу одушевленъ и „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“, вызванный желаніемъ Екатерины II узнать о сословныхъ нуждахъ Малороссіи и имѣвшій въ виду возвращеніе Малороссіи прежнихъ правъ и учрежденія политической автономіи, подъ главенствомъ русскихъ государей [2]). Когда въ 1781 году украинская старшина получила права россійскаго дворянства, окончательно закрѣпленныя за нею въ 1785 году; то въ это время многіе простые козаки, крестьяне и ремесленники разными происками и подкупами пріобрѣли себѣ право россійскаго дворянства, но всячески избѣгали дѣйствительнаго выполненія дворянскихъ обязанностей по выборамъ, продолжая заниматься торговлею, промыслами и ремеслами. Противъ такихъ-то дворянъ и направлено было сатирическое прошеніе Переяславскаго дворянскаго депутата Плящинскаго, 1790 года, объ освобожденіи его отъ выборной дворянской службы, мѣшавшей ему заниматься привычнымъ ему пинкарствомъ [3]). Тѣ же

---

[1]) „Кіевская Старина“, мартъ, 1882 г., стр. 542 и слѣд.

[2]) Тамъ же, февраль и іюль, 1882 года.

[3]) Тамъ же, январь—мартъ, 1888 г., „документы, извѣстія и замѣтки“, стр. 25—28.

злоупотребленія, но на общемъ фонѣ взяточничества, неправосудія и казнокрадства, обличаются въ идилліи на прибытіе въ 1790 году въ Малороссію новаго генералъ-губернатора М. Н. Кречетникова, который, по ожиданію Малороссіи, долженъ былъ пресѣчь всѣ эти нестроенія и непорядки въ общественной жизни тогдашней Малороссіи [1]). Введеніе духовныхъ штатовъ въ Малороссіи и отобраніе духовныхъ имѣній въ казну въ 1786 году вызвало два сочувственныхъ этой мѣрѣ произведенія „Разговоръ священника съ іеромонахомъ“ объ улучшеніи быта бѣлаго духовенства и сатирическій „Плачъ лаврскихъ монаховъ“ по поводу отобранія у нихъ монастырскихъ вотчинъ. Возвращеніе уніатовъ къ православію, начатое въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, вызвало сочувственный откликъ въ „Комедіи уніатовъ съ православными“ священника Саввы Стрѣлецкаго [2]).

Соотвѣтственно нашей задачѣ, мы остановимся только на тѣхъ изъ этихъ памфлетовъ и сатиръ, которые имѣютъ какую-либо драматическую форму. Это—или „разговоры“ политическаго характера, получившіе особенное развитіе въ царствованіе Екатерины II [3]), или въ тѣсномъ смыслѣ драматическія произведенія. Къ такимъ памфлетамъ и сатирамъ въ драматической формѣ изъ перечисленныхъ произведеній принадлежатъ: 1) „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“, составленный между 1763—1767 годами; 2) Разговоръ священника съ іеромонахомъ объ ожидаемомъ улучшеніи быта духовенства, составленный въ 1786 году; 3) „Плачъ лаврскихъ монаховъ по поводу отобранія въ

---

[1]) Тамъ же, мартъ, 1890 г., стр. 454—7.

[2]) О послѣднихъ трехъ произведеніяхъ см. ниже.

[3]) См. два изъ такихъ „разговоровъ“ въ „Описаніи рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. III, Москва, 1904 г., №№ 708 и 709, стр. 299.

казну лаврскихъ вотчинъ, въ видѣ разговора, составленный около 1786 года, и 4) „Комедія уніатовъ съ православными“, священника Саввы Стрѣлецкаго (1796—1799 г.г.), написанная на польскомъ языкѣ. Всѣ эти произведенія составлены большею частію бывшими воспитанниками Кіевской Академіи, имѣютъ въ виду высшіе интересы политической и церковно-общественной жизни Малороссіи, писаны на русскомъ и отчасти на польскомъ языкахъ и изложены старыми силлабическими стихами.

1) Первое по времени и по внутреннему значенію, мѣсто среди „разговоровъ“ занимаетъ „*Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей*“.

Обстоятельства появленія этого разговора суть слѣдующія. Въ 1763 году малороссійская казацкая старшина выработала проэктъ петиціи къ императрицѣ Екатеринѣ II о возвращеніи Малороссіи всѣхъ ея стародавнихъ правъ и преимуществъ и объ утвержденіи наслѣдственнаго гетманства за фамиліей тогдашняго гетмана К. Г. Разумовскаго. Этотъ проэктъ глубоко возмутилъ императрицу, которая въ 1764 году упразднила гетманскую должность и рѣшила ввести Малороссію въ общее русло русской государственной жизни[1]). Тѣмъ не менѣе сепаратистическія стремленія въ Малороссіи не заглохли и послѣ этого времени. Когда въ 1767 году украинскія сословія были призваны, вмѣстѣ съ прочими провинціями Имперіи, выбрать своихъ депутатовъ въ такъ называемую коммиссію уложенія и снабдить ихъ инструкціей или „наказомъ“, съ изложеніемъ мѣстныхъ нуждъ и желаній; то украинскіе патріоты опять-таки высказывали желаніе, чтобы Украина возстановлена была въ своихъ старыхъ правахъ, чтобы былъ возстановленъ выборъ

---

[1]) „Кіевская Старина“, іюнь, 1883 г., стр. 319—345; „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, отдѣл. 2, т. III, Кіевъ, 1906 г., № 17, стр. 184—6.

гетмановъ и т. п. [1]). Къ этому-то времени должно быть отнесено составленіе „Разговора Великороссіи съ Малороссіей“. Въ немъ Великороссія спрашиваетъ Малороссію объ ея происхожденіи, историческихъ судьбахъ и заслугахъ для Россіи, а Малороссія разсказываетъ свою исторію и перечисляетъ заслуги свои, оказанныя русскому народу и государству и дающія ей право на нѣкоторую автономію.

Малороссія ведетъ свой родъ отъ древнихъ козаровъ (хозаръ) и разсказываетъ, что она сначала управлялась своими вождями, потомъ подчинилась польскимъ королямъ, и наконецъ добровольно отдалась подъ власть россійскихъ государей и оказывала и оказываетъ имъ важныя услуги.

Послѣдовательная исторія Малороссіи ведется только съ 1506 года, съ гетманства Леслава Лянцкоронскаго. За нимъ слѣдовали: Венжикъ Хмельницкій, поразившій въ 1534 году Крымскую орду подъ Заславлемъ; Свирговскій, одержавшій надъ турками 14 побѣдъ; Богданко, разбившій въ 1576 году на голову Крымскихъ татаръ; Шахъ, побившій въ 1577 году Молдаванъ, и Петръ Конашевичъ, взявшій городъ Кефу и сражавшійся съ турками подъ Хотиномъ. Всѣ эти гетманы дѣйствовали въ согласіи съ поляками и имѣли общіе съ ними интересы. Но попытки поляковъ привесть козаковъ къ западной церкви и обложить ихъ данью вызвали цѣлый рядъ казацкихъ возстаній подъ предводительствомъ Наливайка, Тараса Трясилы и др. Упомянувъ кратко объ этихъ возстаніяхъ, Малороссія съ подробностію изображаетъ эпоху Богдана Хмельницкаго, перечисляетъ всѣ его побѣды надъ поляками на Желтыхъ Водахъ, подъ Корсунемъ, Пилявцами, Збаражемъ, Жванцемъ и въ другихъ мѣстахъ, восписываетъ похвалу этому гетману и оплакиваетъ его кончину.

Послѣ Богдана Хмельницкаго Малороссія входитъ въ общую жизнь Россіи: она не хочетъ уже говорить о своихъ

[1]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушевскаго, С. П. Бургъ, 1904 г., стр. 311—2.

подвигахъ, которые совершаются теперь на глазахъ самой Россіи и потому должны быть извѣстны ей; но Великороссія желаетъ отъ самой Малороссіи слышать правдивый разсказъ о послѣдующей ея судьбѣ. Малороссія исполняетъ ея желаніе и разсказываетъ объ отраженіи ею польскаго короля Яна Казиміра отъ Глухова при гетманѣ Брюховецкомъ (1664 г.), о побѣдѣ того же Брюховецкаго надъ Яблоновскимъ подъ Бѣлою Церковью (1665 г.), о пораженіи татаръ Переяславскимъ полковникомъ Думитрашкомъ надъ Ташлыкомъ (1674 г.), о сожженіи Очаковскаго уѣзда казаками (1690 г.), объ осадѣ Очакова (1692 г.) и вообще о сторожевой службѣ казаковъ противъ татарскихъ набѣговъ. Особенное сочувствіе питаетъ Малороссія къ Бѣлоцерковскому полковнику Семену Палѣю, борзенскому уроженцу, который съ охотнымъ отборнымъ войскомъ своимъ оберегалъ границы русскія отъ татарскихъ набѣговъ. Онъ ходилъ въ Бендерщину и Бѣлогородчину (Аккерманъ), посылалъ своихъ козаковъ въ Буджакъ, дважды добывалъ Очаковъ и при этомъ однажды ворвался въ крѣпость на плечахъ самихъ турокъ. Схваченный коварно поляками и сосланный въ Маріенбургъ, онъ бѣжалъ оттуда, поразилъ поляковъ подъ Фастовомъ и обратилъ въ бѣгство польскаго полковника Рустича. Въ 1695 году всѣ малороссійскіе, слободскіе и запорожскіе казаки участвовали въ походѣ Бориса Петровича Шереметева противъ татаръ и турокъ, взяли четыре каменныхъ города, плѣнили множество турокъ, разорили Кази-Керменъ и Муберенъ и въ 1696 г. много содѣйствовали взятію Азова. Подъ Азовомъ было казацкаго войска пятнадцать тысячь, подъ начальствомъ полковниковъ Гадяцкаго Михаила Боруховича, Лубенскаго Леона Свѣчки, Прилуцкаго Димитрія Горленка и Черниговскаго Якова Лизогуба, который былъ въ то время наказнымъ гетманомъ. Въ то же время запорожскій атаманъ Яковъ Чалый съ малымъ числомъ козаковъ ходилъ по морю и взялъ 8 турецкихъ кораблей. Черезъ 37 лѣтъ послѣ взятія Азова, т. е. въ

1733—4 гг., полковникъ Галаганъ разбилъ приверженцевъ бывшаго короля польскаго Лещинскаго подъ Солодковцами, а въ 1735—9 годахъ козаки участвовали въ осадѣ Очакова и Хотина.

Перечисливши всѣ эти подвиги и заслуги казаковъ въ хронологическомъ порядкѣ, Малороссія хотѣла оглянуться назадъ и припомнить заслуги престарѣлаго Палѣя во время Полтавской битвы 1709 года. По этому поводу Великороссія вспоминаетъ про измѣну Мазепы и укоряетъ ею свою собесѣдницу. Малороссія отвѣчаетъ:

Измѣна тогда не всей меня была—
От одного Мазепы только произойшла,
С коимъ никогда о томъ не соглашалась я,
И онъ одинъ предалъ непріятелю себя.
Естли же сіе меня не можетъ оправдить,
И буди то, что мой онъ былъ, станешь вѣкъ твердить;
То вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ
И разныхъ государственныхъ преступниковъ злыхъ!

Затѣмъ слѣдуетъ перечень всѣхъ этихъ измѣнниковъ и преступниковъ, къ числу коихъ въ „Разговорѣ“ отнесены: стрѣльцы, князь Василій Голицынъ, сосланный въ Сибирь за взятый имъ отъ татаръ подкупъ (1689 г.), Шереметевъ, отданный во время Чудновской битвы поляками татарамъ въ неволю (1660 г.), въ которой пробылъ больше 20 лѣтъ, Лопухинъ, казненный Петромъ I по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, графъ Петръ Андреевичъ Толстой, Шеинъ (по другому списку Геленъ), не подавшій козакамъ помощи въ сраженіи ихъ съ татарами на Черной Долинѣ въ 1706 году, генералъ-адмиралъ и кабинетъ-министръ Андрей Остерманъ, фельдмаршалъ Минихъ, оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ, канцлеръ Михайло Головкинъ, президентъ коммерцъ-коллегіи Мейгденъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Темирязевъ и др. Въ противоположность этимъ русскимъ измѣн-

никамъ и государственнымъ преступникамъ, Малороссія указываетъ, за послѣднее время, на Разумовскихъ, оказавшихъ важныя услуги русскимъ государямъ:

Знаешь ли Разумовскихъ, родившихся во мнѣ,—
Какъ Елисаветѣ одинъ изъ тѣхъ услужилъ,
Какъ и Екатеринѣ другой вѣрность открылъ?!.

Большая часть историческихъ свѣдѣній, заключающихся въ „Разговорѣ“, заимствована авторомъ изъ „Краткаго описанія Малороссіи“, составленнаго неизвѣстнымъ авторомъ 1734 года, съ нѣкоторыми дополненіями изъ другихъ источниковъ. Но главный интересъ разсматриваемаго „Разговора“, по намѣренію его автора, состоялъ не въ сообщеніи новыхъ свѣдѣній, а въ группировкѣ уже извѣстныхъ фактовъ и въ освѣщеніи ихъ опредѣленною мыслію. Уже само „Краткое описаніе Малороссіи“, легшее въ основу нашего „Разговора“ не есть собственно хроника, но опытъ систематически связной исторіи края, задавшійся мыслію поставить собственно козацкій періодъ исторіи Малороссіи въ непосредственную связь съ эпохой болѣе ранней—великокняжеской. Эта же мысль отражается и на нашемъ „Разговорѣ“, имѣвшемъ ближайшею, непосредственною задачею своею показать исконныя, родственныя связи Малороссіи съ Великороссіей, существовавшія уже при первыхъ русскихъ князьяхъ, которыя временно нарушены были польскимъ владычествомъ надъ Малороссіей, но тѣмъ не менѣе всегда побуждали послѣднюю возсоединиться съ Великороссіей, а по возсоединеніи оказывать ей и русскимъ государямъ важныя услуги. Отсюда самъ собою слѣдовалъ тотъ выводъ, что Малороссія заслуживаетъ полной признательности и справедливости со стороны Великороссіи. Какъ добровольно подчинившаяся Московскому государству, Малороссія имѣетъ право на внутреннее самоуправленіе, унаслѣдованное отъ прежнихъ временъ, и на равенство съ Великороссіей въ чинахъ и

рангахъ. Вотъ какъ отвѣчаетъ Малороссія Великороссіи въ „Разговорѣ“:

Не тебѣ, Государямъ твоимъ поддалась,
При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась.
Не думай, чтобъ ты сама была мой властитель,
Но Государь твой и мой общій повелитель.
А разность наша есть въ прежнихъ именахъ.
Ты Велика, я Мала живемъ въ смежныхъ странахъ.
Что жъ я Малой называюсь, а ты Великой,
То какъ тебѣ, такъ и мнѣ ни мало не дико;
Ибо твои предѣлы пространнѣе моихъ,
А мои обширностями поменше твоихъ.
Уже ль гора собою надо мной обладаетъ?
Нѣтъ, нѣтъ! но какъ сей, такъ та къ тому принадлежитъ.
Такъ мы съ тобою равны и одно составляемъ,
Одному, не двумъ государямъ присягаемъ,—
Почему почитаю тебя равну себѣ.
Не говори: какъ обществу, поддалась и тебѣ!
Самодержецъ твой и мой шлетъ тебя и меня,
Одинъ онъ отзываетъ изъ походу шля (веля),
А не ты республикою повелѣваешь мною.
Ничѣмъ не умаленна царемъ я предъ тобою,
Оставлена также я при всѣхъ чинахъ всѣхъ,
Обнадежена и впредь милостію тѣхъ [1]).

Екатерина II не испугалась этихъ „умоначертаній прежнихъ временъ“ и надѣялась, что „желанія къ чинамъ, а особливо къ жалованію“, побѣдятъ эти стремленія къ самоуправленію, къ особности, и не ошиблась въ своихъ разсчетахъ. Желанія 1764—7 годовъ дѣйствительно оказались преходящимъ явленіемъ. Украинская старшина, встрѣтившись съ непреклоннымъ рѣшеніемъ правительства покончить съ украинскими старыми порядками, удовольствовалась сословными правами и выгодами и помирилась съ

---

[1]) „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“ см. въ „Кіевской Старинѣ“, 1882 г., февраль и іюль.

утратою автономіи [1]). Въ „Героичныхъ стихахъ о славныхъ военныхъ дѣйствіяхъ войскъ Запорожскихъ", составленныхъ въ 1784 году въ ключѣ Уманскомъ нѣкіимъ о. Іоанномъ, при сходствѣ содержанія съ „Разговоромъ Великороссіи съ Малороссіей", уже нѣтъ сепаратистическихъ тенденцій [2]). Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ только сумазбродная затѣя Капниста 1791 года искать для Малороссіи защиты и покровительства у Пруссіи [3]), вѣроятно навѣянная французскими идеями.

2) Продолжая далѣе свою политику уравненія Малороссіи съ остальными частями Имперіи, Екатерина II стала вводить, съ 1782 года, губернскія учрежденія и въ Малороссіи, а въ 1785 году, съ дарованіемъ жалованной грамоты дворянству, ввела дворянскія учрежденія и въ Гетманщинѣ [4]). Къ этому времени относится „*Разговоръ священника съ іеромонахомъ*" объ ожидаемомъ улучшеніи быта духовенства, писанный на русскомъ языкѣ съ примѣсью малорусскихъ словъ. Въ то время, когда милостями великой монархини было взыскано и дворянство посредствомъ жалованной грамоты, и среднее сословіе посредствомъ городоваго положенія, естественно было и духовенству ожидать себѣ всего лучшаго отъ правительства. И это ожиданіе было тѣмъ сильнѣе и естественнѣе, чѣмъ приниженнѣе, даже по закону, было прежнее положеніе духовенства. Лица разговаривающія—іеромонахъ и священникъ. Іеромонахъ, припоминая, что извѣстный указъ Петра Великаго отъ 31 января 1724 года трактуетъ монаховъ, какъ тунеядцевъ, не ожи-

---

[1]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа", М. Грушевскаго, стр. 112—3.

[2]) „Кіевская Старина", январь, 1891 г., стр. 154—161.

[3]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа", М. Грушевскаго, стр. 314.

[4]) Тамъ же.

даетъ для монашества никакихъ перемѣнъ къ лучшему. Священникъ же преисполненъ розовыми мечтами и предполагаетъ даже возможнымъ, что лучшіе представители бѣлаго духовенства будутъ возводимы прямо въ архіерейскій санъ помимо монашества. Онъ желаетъ выбора духовныхъ властей *шариками*, проэктируетъ устройство отъ правительства великолѣпныхъ храмовъ на 500 душъ, съ многочисленнымъ причтомъ и съ ежегоднымъ содержаніемъ по 1800 руб. на церковь, съ готовыми домами и угодьями для причта и съ 10-ю дворами приписныхъ къ церкви подданныхъ для услуги; онъ желаетъ, наконецъ, чтобы содержаніе духовенства шло не въ формѣ взиманія доходовъ за требоисправленіе, а въ формѣ жалованья [1]).

3) Надежды священника не оправдались. Хотя, съ отобраніемъ въ 1786 году духовныхъ имѣній въ Малороссіи въ казну, и введены были здѣсь духовные штаты, но далеко не въ желательной для священника мѣрѣ. Самое отобраніе монастырскихъ имѣній въ казну вызвало собою новое литературное произведеніе, подъ названіемъ *„Плачъ лаврскихъ монаховъ“*, написанное въ 1786 году и пытавшееся изобразить тотъ переполохъ, какой произведенъ былъ между старѣйшею братіею Кіевопечерской Лавры высочайшимъ указомъ 1-го іюля 1786 года объ отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну. Сочиненіе этого „Плача“ въ надписи къ нему приписывается „перводіякону Печерскому Іоасафу Богову“, котораго, однако, считаютъ псевдонимомъ, закрывавшимъ собою дѣйствительнаго автора, Печерскаго монаха Іеремію, который еще въ 1773 году написалъ стихотворный силлабическій пасквиль на Лавру [2]). Во всякомъ случаѣ,

---

[1]) „Кіев. Епарх. Вѣдомости“, 1874 г., № 24; см. мое „Описаніе рукописныхъ собраній... въ Кіевѣ“, вып. II, № 78, стр. 35.

[2]) „Плачъ Кіевскаго лаврскаго Іереміи конца XVIII в.“, И. Каманина, въ „Чтеніяхъ въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. XX, вып. I, Кіевъ, 1907 г.

авторъ „Плача“ былъ человѣкъ маленькій, которому недоступны были административныя тайны старшей Лаврской братіи. Онъ, напримѣръ, ничего не знаетъ о судьбѣ секретнаго запасного фонда лавры, повидимому припрятаннаго въ это время старшею братіею въ ожиданіи лучшихъ временъ для лавры и найденнаго въ 1899 году подъ поломъ на хорахъ великой лавской церкви [1]), и въ своей сатирѣ мѣряетъ старшую лаврскую братію своимъ субъективнымъ аршиномъ, характеризуя отдѣльныхъ членовъ ея или по должностнымъ ихъ обязанностямъ, или по нравственнымъ качествамъ. Въ „Плачѣ“ выводится 13 лицъ лаврской братіи, съ архимандритомъ Зосимой во главѣ, высказывающихъ свои мнѣнія по поводу предстоящаго отобранія лаврскихъ имѣній въ казну. Архимандритъ Зосима (Валкевичъ), сообщивъ старшей братіи непріятную вѣсть о новыхъ монашескихъ уставахъ, заявляетъ, что и самъ онъ недолго останется съ ними и отъѣзжаетъ „въ отдаль“, и проситъ у нея прощенія и молитвъ. Повѣренный по дѣламъ Орестъ, согласно своей спеціальности, находитъ нужнымъ побывать въ Петербургѣ, куда ему дорога хорошо знакома, и, по обыкновенію, поднесть, кому слѣдуетъ, частицы мощей и „подарки сіи златомъ подкрѣпить“. Первый экономъ Епифаній совѣтуетъ подумать, „не возможно ль чего нибудь еще пріобрѣсти“; такое пріобрѣтеніе возможно, если „продадимъ хотя одни кони“ „да раздадимъ и денежныя суммы“, т. е. совѣтуетъ, повидимому, обратить въ деньги хозяйственный инвентарь лавры и раздѣлить ихъ между собою. Второй экономъ Варсонофій предлагаетъ заготовить буквицу, „бо не за что буде чаю куповати, а на сахаръ и вовся грошей не буде, да и меду—то нѣтъ, какъ не дадутъ люде“. Большинство братіи горюетъ о томъ, что ей придется ограничить себя въ пищѣ, напиткахъ, одеждѣ и прислугѣ,

---

[1]) См. „Труды Кіевской Духовной Академіи“, іюнь, 1899 г., стр. 184—5.

привыкать къ церкви и псалтири и къ черной работѣ по хозяйству. Соборный писарь Андрѣянъ выражаетъ рѣшительное намѣреніе оставить монастырь и жениться, ибо „въ мірѣ больше найти спасенія чаетъ“.

Нашлись между лаврскою братіею и истинные монахи, искренно желавшіе нравственнаго обновленія монашеской жизни: это—уставники праваго клироса Варлаамъ и лѣваго —Иннокентій. По мнѣнію Варлаама, слѣдовало бы обратиться съ молитвой „къ Варварѣ великой“ о заступленіи, но великомученица отвергнетъ монашескія молитвы: „не могу,—говоритъ,—зрѣть на ваши дорогія шаты“, и совѣтуетъ ихъ „вовся оставляти“; если же она и молится за монаховъ, то только о томъ, чтобы они „деревень и стадъ вовся забывали“, чтобы они перемѣнили свои „горды нравы“, чтобъ ихъ пути были „вездѣ правы“, чтобы „Бога всегда въ сердцахъ своихъ имѣли“ и чтобы души ихъ „всегда пламенемъ горѣли“. Иннокентій, скорбя о лишеніяхъ, которыя должны наступить для монашества съ 1 іюля 1786 года, съ обнародованіемъ „новаго устава“ монастырской жизни, замѣчаетъ, что этихъ лишеній не было бы, если бы монастыри „судебныхъ дѣлъ поменьше имѣли“, если бы монашеская твердая вѣра не была мертва безъ дѣлъ, если бы монахи побольше „апостольскихъ словъ держались и поменьше виномъ упивались“.

Самъ авторъ „Плача“, конечно, причисляетъ себя къ сонму истинныхъ монаховъ и въ „Прибавку“ къ своему „Плачу“ напоминаетъ своимъ собратьямъ, что скоро монахамъ нельзя будетъ „рабами повелѣвати“, что нельзя будетъ носить „дорогихъ шатъ“ и „матерьялныхъ рясъ“, пить „дорогіе напитки“, употреблять „златые кубки“; скоро придется къ работѣ привыкать: носить для себя воду изъ криницъ, чтобы пить ее вмѣсто „аглицкаго пива и вина шемпанскаго“; придется „кельи мести, дворы чистить и топить грубы“, а также „по очереди чистить и трубы“;

„видно, что и то время приходитъ, чтобы ченцамъ жениться; бо уже невозможно будетъ имъ съ портомойками обходиться". „Итакъ,—заключаетъ авторъ свой „Прибавокъ",—старайтесь теперь, честные отцы монахи, своими трудами наживать себѣ рубахи" [1].

4. Къ разряду публицистическихъ сочиненій политико-общественнаго значенія и характера нужно отнести и *„комедію уніатовъ съ православными"* священника Саввы Стрѣлецкаго, писанную на польскомъ языкѣ. Священникъ Савва Стрѣлецкій самъ былъ уніатомъ и, принявъ православіе, состоялъ учителемъ польскаго языка въ Кіевской Академіи при Кіевскомъ митрополитѣ Іероѳеѣ Малицкомъ (1796—1799 г.г.), „Комедія" говоритъ о начавшемся въ 1794 году, послѣ второго раздѣла Польши и присоединенія Юго-Западнаго края къ Россіи, возвращеніи уніатскихъ приходовъ къ православію и о взаимныхъ по этому поводу отношеніяхъ между уніатскимъ и православнымъ духовенствомъ и уніатскими прихожанами. Авторъ посвятилъ свой трудъ Кіевскому митрополиту Іероѳею, при которомъ уже окончено было дѣло возсоединенія уніатовъ Подольской, Волынской и отчасти Кіевской губерній съ православіемъ, совершонное главнымъ образомъ предшественникомъ Іероѳея, митрополитомъ Самуиломъ Мисловскимъ, чрезъ особо командированныхъ имъ изъ Кіевской епархіи окружныхъ протоіереевъ Радзимовскаго, Левандовскаго и другихъ, съ благочинными и лучшими священниками.

Священникъ Савва Стрѣлецкій, какъ самъ бывшій уніатомъ, конечно, хорошо былъ знакомъ съ тѣмъ дѣломъ, которое взялся представить въ лицахъ. Онъ понималъ, что унія была для Малороссіи надоѣдливою дорожною пылью,

---

[1]) „Плачъ" изданъ также, въ другихъ спискахъ, въ „Русской Старинѣ", 1881 г., № 10, стр. 435—444, и въ журналѣ „Україна", сентябрь, 1907 г., стр. 379—388.

которую она постаралась стряхнуть съ себя тотчасъ по возвращеніи домой; но авторъ безъ нужды утрировалъ иногда положеніе уніатской стороны и притомъ не съумѣлъ придать дѣйствующимъ лицамъ „Комедіи“ драматическаго характера и драматическихъ положеній; это—не драматическое произведеніе, а драматизированный разговоръ. Его дѣйствующія лица больше говорятъ на сценѣ, чѣмъ дѣлаютъ, и приходятъ къ извѣстнымъ рѣшеніямъ безъ достаточныхъ основаній и мотивовъ. Унія и православіе, по воззрѣнію автора, это—какъ бы два противоположныхъ полюса, двѣ противоположныя области тьмы и свѣта, безъ всякихъ переливовъ свѣта и тѣни. Главною пружиной дѣйствій уніатскаго духовенства выставляется его корыстолюбіе, съ различными поборами и вымогательствами, тогда какъ представители православнаго духовенства являются истыми поборниками неподкупной правды.

„Комедія уніатовъ съ православными“ состоитъ изъ двухъ актовъ. Въ первомъ актѣ изображается жизнь уніатскаго духовенства, насквозь пропитаннаго корыстолюбіемъ [1]); во второмъ актѣ являются представители православнаго духовенства, увлекаютъ за собою народъ къ благочестію и

---

[1]) О корыстолюбіи уніатскаго духовенства говорятъ и народныя южнорусскія легенды. Такъ, напримѣръ, „Баллада изъ временъ уніи“ изображаетъ красками, очевидно взятыми съ натуры, попа уніата, продающаго прихожанамъ церковныя требы тѣмъ дороже, что они просятъ его исполнить ихъ съ *благочестіемъ*, т. е. по обрядамъ Православной Церкви. Постигшее его бѣдствіе (приросла къ нему шкура, которою онъ хотѣлъ напугать мужика и взять у него найденный имъ кладъ) выражаетъ иносказательно убѣжденіе народа, что завистливая жадность къ деньгамъ господствовала въ этихъ людяхъ надъ всѣми другими чувствами, и что, поставленные учить добру прихожанъ, они не имѣли въ сердцѣ своемъ никакого добра. См. эту балладу въ „Запискахъ о Южной Руси“, Кулиша, т. II, стр. 83—96.

убѣждаютъ даже самихъ уніатскихъ ксендзовъ перейти въ православіе.

Дѣйствующими лицами перваго акта являются: суррогатъ, соотвѣтствующій должности нашихъ прежнихъ уѣздныхъ протопоповъ, дзѣканъ, соотвѣтствующій нашему благочинному, двѣнадцать курсовъ учившійся логикѣ, и убогій аспирантъ, чающій получить священническое мѣсто. Актъ открывается кантомъ, въ которомъ достопочтенное собраніе, наполнявшее обширный залъ (академическій?), приглашается успокоить помыслы и, настроивъ мысли и чувства вниманіемъ и любопытствомъ, дозволить говорить тѣмъ, кому само провидѣніе, натура и мѣсто указываютъ. Въ это время изъ-за стола, уложеннаго книгами, бумагами и разными канцелярскими принадлежностями, выходитъ суррогатъ и начинаетъ рѣчь свою панегирикомъ уніатамъ, которые одни, ревностно подражая своимъ предкамъ, мужественно, твердо и постоянно сохраняютъ свою вѣру; при этомъ онъ вспоминаетъ объ Іосафатѣ Кунцевичѣ, извѣстномъ уніатскомъ изувѣрѣ первой половины XVII вѣка. Но дальнѣйшій ходъ пьесы рѣшительно идетъ въ разрѣзъ съ этимъ самовосхваленіемъ уніатовъ. Къ дзѣкану является несчастный аспирантъ, проситъ его взглянуть на его несчастное положеніе, принять въ духовное званіе и дать должность для препровожденія остатка дней. Дзѣканъ гордо и презрительно отказываетъ аспиранту въ просьбѣ. Послѣдній, опустивъ руку въ карманъ, снова обращается къ дзѣкану.

— Чѣмъ богатъ... Соблаговоли, панъ, посмотрѣть на эти блѣдныя руки и не откажи справедливо просящему! (суетъ деньги).

Дзѣканъ (принимая деньги). Чего жъ ты доискиваешься!

Аспир. А того, чтобы быть священникомъ и имѣть парохію (приходъ).

Дзѣканъ. Понимаю. Ну, такъ и говори! А то городитъ мнѣ чортъ знаетъ что! Видя теперь въ особѣ васъ—пана

человѣка порядочнаго и почтительнаго, я постараюсь удовлетворить твоимъ желаніямъ. Но прежде всего вотъ что: скоро придетъ сюда его милость ксендзъ суррогатъ, человѣкъ не менѣе умный, какъ и милостивый,—такъ вотъ только ему, васъ—панъ, постарайся зарекомендоваться.

Аспирантъ. Это для меня пустяки.

Дзѣканъ. А во вторыхъ,—признаюсь тебѣ,—онъ до того скрупулезенъ, что ни одного аспиранта не принимаетъ безъ экзамена.

Услышавъ о предстоящемъ экзаменѣ, аспирантъ не надѣется на себя и требуетъ обратно денегъ. Дзѣканъ успокаиваетъ его, увѣряя, что экзаменъ удастся ему какъ нельзя лучше,—слѣдуетъ только выучиться одному секрету Секретъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы отвѣтить по-латыни на два вопроса, предлагаемые суррогатомъ всѣмъ экзаменующимся, именно: *unde venis? quid vis?* Аспирантъ долженъ былъ отвѣчать: Belzitiis; ad ordines. Затвердивъ требуемые отвѣты, аспирантъ скрылся на время. Оставшись одинъ, дзѣканъ считаетъ полученныя отъ аспиранта деньги: „пять старыхъ... И того съ пальца не высосешь! а къ тому жъ бѣдняга какой-то“.

Является суррогатъ съ письмомъ отъ Радомышльскаго, т. е. жившаго въ Радомышлѣ уніатскаго митрополита, съ предписаніемъ собрать слѣдуемую съ духовенства дань, а также держать духовенство въ строжайшимъ надзорѣ и порядкѣ и внушать ему, чтобы хорошо обходилось съ прихожанами. Но это предписаніе, вызванное угрожавшею уніи опасностію отъ православія, дало лишь новую пищу корыстолюбію и жадности суррогата и дзѣкана.

Суррог. Вытянувши отъ духовенства сборъ, когда насяду на нихъ и возьмусь по своему, то и мнѣ что нибудь перепадетъ.

Дзѣканъ. А мнѣ?

Суррог. А когда строго вникну въ отношенія священниковъ къ громадѣ, то вдругъ буду имѣть...

Дзѣканъ. А я жъ?

Суррогатъ. Подожди-ка! Славная мысль пришла мнѣ въ голову—вмѣшаться помежь милыхъ жидковъ и священниковъ. Они, вѣдь, ведутъ между собою дѣла [1]), такъ быть не можетъ, чтобы...

Дзѣканъ. Что касается этого,—выбери меня, панъ, своимъ орудіемъ! Увѣряю, что будешь имѣть и водки цѣлыя куфы, и денегъ сундуки.

Суррогатъ. О, дай-то Богъ! Съ этою цѣлью выѣзжай-ка ты, мой дзѣканъ, съ визитою (ревизіей),—и сдѣлаемъ мы себѣ такъ, какъ дѣлаютъ охотники: чтобы нагнать на себя звѣря, спокойно сидящаго въ лѣсу, они высылаютъ облаву, доѣзжачихъ напримѣръ; успѣхъ бываетъ удивительный. Такъ и васъ—панъ: когда, наѣхавши въ деканаты, надѣлаешь тамъ шуму и крику, словно въ лѣсу, тогда, лишь бы кто только двинулся съ своего мѣста, желая уйти отъ твоихъ сѣтей, я попаду въ него такъ, что...

Дзѣканъ (смѣясь). Божусь, что и ногою не дрыгнетъ.

Суррогатъ. Ну, вотъ видишь! такъ, однако, поступай тонко, чтобы тебя приняли за патріота, горячо заботящагося о благѣ страны, любящаго справедливость и спокойствіе.

Дзѣканъ. А если случится, что можно содрать?

Суррогатъ. Чего? лыка-то?

Дзѣканъ. Ну, да!

Суррогатъ. Лишь бы только дралось: тогда дери, когда дерется.

Разговоръ прерывается появленіемъ аспиранта, котораго дзѣканъ рекомендовалъ суррогату, какъ своего прія-

---

[1]) Мы имѣемъ свѣдѣнія, что бывшіе уніатскіе священники напивали у жидовъ водки на 80 р. и закладывали имъ свои ставленыя грамоты и презенты. См. рукопись Церковно-Археол. музея при Кіев. Дух. Ак., по рукописному каталогу № 264.

теля и человѣка ученаго. Но, сверхъ ожиданія, суррогатъ измѣнилъ обычный порядокъ своихъ вопросовъ и тѣмъ обнаружилъ невѣжество аспиранта.

Суррогатъ. Quid vis?

Аспирантъ. Belzitiis.

Суррогатъ. Unde venis?

Аспирантъ. Ad ordines.

Дзѣканъ. Пусть не дивится панъ этой ошибкѣ! случается, что такіе великіе философы, какъ онъ, понадѣявшись слишкомъ на себя, чаще всего ошибаются.

Вновь повторены были вопросы и вновь послѣдовалъ такой же неудачный отвѣтъ. Суррогатъ хотѣлъ было уже совсѣмъ отказать аспиранту въ просьбѣ, но послѣдній въ пору прибѣгнулъ къ болѣе вѣрному, испытанному уже имъ средству.

Аспирантъ (падая къ ногамъ суррогата). Ахъ, умилосердись, панъ, и соблаговоли не отринуть просьбы бѣднаго сироты! Сжалься *(цѣлуетъ руку и суетъ въ бумажникъ деньги)* и благоволи принять!

Суррогатъ (принявши). „Даръ, поданный тайно, смягчаетъ запальчивость, и подарокъ, вложенный въ пазуху, укрощаетъ великій гнѣвъ“ (Притч. гл. 21). А къ тому же „грядущаго ко мнѣ не иждену вонъ“ (Іоан. гл. 6). Сицилійскую скалу, а не сердце, носилъ бы въ груди тотъ, кто не возъимѣлъ бы сожалѣнія надъ симъ бѣднымъ человѣкомъ. Хоть онъ немножко тамъ и сбивается по-латыни, все же можетъ быть священникомъ, да и хорошимъ, въ особенности если научится теологіи.—Принимаю васъ—пана въ духовное званіе; а для того, чтобы ты былъ принятъ въ Радомышльскую семинарію, я дамъ тебѣ записочку.

По удаленіи аспиранта, суррогатъ и дзѣканъ продолжаютъ свой прежній разговоръ о предпринимаемой ими охотѣ на подчиненное имъ уніатское духовенство. Суррогатъ совѣтуетъ дзѣкану подущать священниковъ, чтобы они

увеличили плату за требы съ прихожанъ, имѣя въ виду возбудить жалобы прихожанъ и, по поводу ихъ, выжать послѣдніе соки изъ духовенства.

Во второмъ актѣ комедіи, кромѣ суррогата и дзѣкана, являются православный протоіерей съ благочиннымъ и крестьяне. Дзѣканъ уже собрался—было въ путь на ловлю своего духовенства, какъ неожиданно остановленъ былъ пріѣздомъ православнаго протоіерея, который, вмѣстѣ съ двумя довѣренными лицами, посланъ былъ русскимъ правительствомъ для возсоединенія уніатскихъ приходовъ съ православною церковію. Заѣхавъ по пути къ суррогату, протоіерей встрѣченъ былъ у него довольно безцеремонно и грубо. Послѣ разныхъ бранныхъ словъ, суррогатъ велитъ протоіерею остановиться въ корчмѣ.

Протоіерей. Вѣдь, мы жъ—христіане!..

Суррогатъ. Диссиденты, схизматики, отщепенцы!

Въ это время является къ протоіерею благочинный, съ донесеніемъ, что онъ успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе и присоединилъ уніатскія церкви съ ихъ священниками къ православію, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ священниковъ, которыхъ не желаютъ имѣть прихожане, и затѣмъ снова отправляется для дальнѣйшей дѣятельности. Суррогатъ и дзѣканъ озадачены и раздражены.

Дзѣканъ. Какъ вижу, къ намъ вяжется какая-то бѣда.

Суррогатъ. И немалая! мнѣ необходимо написать къ святому отцу и донести ему объ этихъ лжепророкахъ, которые разрушаютъ святую уніатскую церковь... Я увѣренъ, что это не понравится святой апостольской столицѣ. А послѣ этого я прикажу во всѣхъ церквахъ и костелахъ съ колокольнымъ звономъ и при зажженныхъ свѣчахъ предать ихъ анаѳемѣ.

Дзѣканъ. Охъ, далъ бы то Богъ! Я въ своей церкви выберу самую большую свѣчу,—прикажу бить въ звоны

какъ на великъ день и, переворотивши, до тѣхъ поръ буду палить ее, пока вся до конца не скапаетъ [1]).

Черезъ нѣсколько времени благочинный снова возвращается и доноситъ протоіерею о новыхъ успѣхахъ своей миссіонерской дѣятельности. Протоіерей благодаритъ его за „по истинѣ апостольскій трудъ“ и вмѣстѣ съ нимъ старается склонить къ православію и суррогата съ дзѣканомъ. Суррогатъ скоро поддался увѣщаніямъ протоіерея, какъ только послѣдній объявилъ ему, что православный архипастырь умѣетъ и любитъ воздавать каждому соотвѣтствующую награду, и не только имѣющимъ distinctoria (наперсные кресты) дозволитъ украшаться ими, но для неимѣющихъ, но достойныхъ по его мнѣнію онъ самый заботливый попечитель въ изобрѣтеніи подобающихъ имъ отличій“. Несравненно упорнѣе оказался дзѣканъ. Сначала онъ ссылался на своихъ прихожанъ, которые будто бы желаютъ остаться при своихъ уніатскихъ обрядахъ и церемоніяхъ, и особенно надѣялся на двухъ изъ нихъ Лаврина и Тымка. Но призванные протоіереемъ, прихожане съ радостію изъявляютъ желаніе принять православіе и оставить унію, и во главѣ ихъ—Лавринъ и Тымко.

Лавринъ (къ протоіерею). Богъ милостиво послалъ васъ къ намъ, исполняя желанія дѣдовъ нашихъ, хоть уже и покойныхъ, и наши собственныя.

Дзѣканъ. Какъ это? Вѣдь ты жъ хотѣлъ говорить нѣчто другое?

Тымко. Правда, что нѣчто другое. Унія, которой, кромѣ нашихъ дѣдовъ, не видалъ и не слыхалъ никакой народъ въ свѣтѣ, и которая, неизвѣстно откуда взявшись, насильно

---

[1]) Существуетъ народное суевѣріе, что если зажечь *свѣчу* нижнимъ концомъ, то врагъ зажигающаго истаетъ, какъ эта свѣча. Суевѣріе это авторъ „комедіи“ приписываетъ и уніатскому дзѣкану.

къ намъ втерлась, давно уже намъ стала костью въ горлѣ. Поэтому мы горячо молимъ Всевышняго Бога, чтобы благословилъ насъ вѣрою соборной апостольской восточной церкви. Всеблагій Богъ услышалъ наши молитвы,—и вотъ теперь чрезъ своего помазанника, нашего наияснѣйшаго монарха, и чрезъ васъ удовлетворяетъ нашимъ желаніямъ".

Протоіерей и благочинный пошли въ церковь присоединять народъ къ православію, а дзѣканъ все-таки упорствовалъ. Но причины этого упорства были слишкомъ мелочны и ничтожны, такъ что протоіерею и благочинному весьма легко было ихъ устранить, что̀ они и сдѣлали по возвращеніи изъ церкви.

Дзѣканъ. Признаюсь, я и сейчасъ готовъ бы пристать (къ православію), если бы еще не связывали меня двѣ причины.

Протоіерей. Какія же это двѣ?

Дзѣканъ. Первая—это наша непривычка запускать бороду и усы: дѣло это и некрасивое, и противное... Мы мущины еще можемъ выносить и скорѣй привыкнуть къ этому, но наши жены—никогда! Мущину, а особенно священника съ бородой, терпѣть не могутъ. Если бъ я запустилъ бороду и явился къ моей Касѣ, ручаюсь, что она коцюбой (кочергой) прогнала бы меня прочь не только со двора, но даже изъ села.

Протоіерей. Развѣ жъ такая злая?

Дзѣканъ. Нѣтъ, не то! Женщина, знаете, молодая: любитъ, чтобъ ходить прилично, всегда въ сюртукѣ, съ плотно застегнутыми пуговицами, въ башмакахъ, словомъ чтобъ галантно... А я, какъ облекусь въ эту хламиду и запущу при этомъ бороду, то, право, не дастъ и поцѣловать.

Благочинный. Ничего, можно достигнуть этого! я научу секрету [1])... Такъ и моя, бывало, сначала какъ начнетъ:

---

[1]) Вѣроятно, здѣсь намекается на секретъ, воспѣтый въ одной народной пѣснѣ того времени, которая начинается словами:

„а ты цапъ, кацалапъ!“ то, право, не знаю, гдѣ она и вокабуламъ такимъ понаучивалась; словомъ, бывало,—ни на глаза. А теперь будто не та женщина: такъ хорошо цѣлуетъ въ бороду, какъ и жиды лучше не могутъ въ свое „тфытимъ“.

Протоіерей. Какая же это другая причина?

Дзъканъ. Что жъ? можетъ быть, вы будете смѣяться и надъ нею; а по нашему мнѣнію, она больше всего внушаетъ нашимъ сопротивленія и отвращенія.

Протоіерей. Какая жъ, однако?

Дзъканъ. У васъ страхъ какъ много трудовъ для священника по части богослуженія: напримѣръ, литургіи святыя всегда поются, у насъ же онѣ могутъ быть и вычитываемы; у васъ псалтирь, каноны и другія правила всегда и всѣ нужно непремѣнно читать въ церкви, у насъ же однѣ дьякъ въ школѣ, а другія священникъ и дома вычитываетъ. Но страннѣе всего эти молебствія: ради ихъ священникъ словно невольникъ, не можетъ никуда ни уѣхать, ни уйти. Это для насъ тяжелѣе всего.

Протоіерей. Удивительная причина!

Благочинный. А правду онъ сказалъ, что будете смѣяться. Смѣха и удивленія достойны эти причины; что ни скажетъ,—все пусто, какъ съ мосту.

Дзъканъ. Ужъ вамъ, какъ вижу, хоть какую трудную квестію (вопросъ) задай, вы непремѣнно ее разрѣшите. Вотъ же признаюсь вамъ,—для кого иного никогда бы этого не сдѣлалъ, а для вашей дружбы долженъ: дѣлайте со мною, что хотите!

Зажурилась попадя своею бідою:
Ой я нещасна—мій піпъ зъ бородою!

См. „Балладу изъ временъ уніи“ въ „Записках Южной Руси“, Кулиша, 1857 г., т. II, стр. 83—96.

Благочинный. Какою ужъ разгорѣлся онъ любовію къ православію!

Протоіерей. Итакъ, идемъ въ церковь! Тамъ всему будетъ конецъ.

Дзѣканъ. Васъ это не интересуетъ, такъ вы идите, а я побѣгу (бѣжитъ [1]).

Кое-что въ пьесѣ не договорено и не выяснено. Крестьяне Лавринъ и Тымко охарактеризованы недостаточно, такъ что въ освѣщеніи автора они являются какъ бы двоедушными людьми и обманщиками, которые одно говорятъ уніатскому ксендзу и совершенно другое—православнымъ священникамъ. Трудно также понять, почему это суррогатъ и деканъ, отличавшіеся крайнимъ корыстолюбіемъ и недавно такъ враждебно настроенные противъ православія, моментально переродились и воспылали ревностію по благочестію, не получивъ даже прямого и сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта на важнѣйшій для уніатовъ вопросъ о многосложности и трудности православнаго богослуженія. Вся эта „комедія“ сшита бѣлыми нитками, изъ-за которыхъ нельзя не видѣть тенденціи автора, самого бывшаго уніатомъ, неумѣло и грубыми пріемами оправдать свое недавнее обращеніе изъ уніи въ православіе.

Да и всѣ вообще перечисленные нами разговоры политическаго и церковно-общественнаго характера въ большей или меньшей мѣрѣ отличаются партійною тенденціозностію и односторонностію.

---

[1]) Въ переводѣ на русскій языкъ „Комедія“ издана Л. С. Мацѣевичемъ въ „Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1869 г., №№ 22—24; см. „Кіевскія Епарх. Вѣдомости“, 1871 г., стр. 281—6, и „Труды Кіевской Дух. Академіи“, 1880 г., августъ, стр. 564 и слѣд.

ГЛАВА II.

Популяризація школьной драмы: отдѣльные школьные діалоги и драматизированныя вирши въ простонародномъ духѣ; піитическая дѣятельность священника І. Некрашевича и его послѣдователей въ томъ же направленіи.

Въ то время, какъ на поверхность южнорусской искусственной литературы, въ царствованіе Екатерины II, всплывали „разговоры“ политическаго характера и перенимались другія формы сѣверно-русской художественной литературы,—въ болѣе низменныхъ и устойчивыхъ слояхъ Малороссіи продолжались еще прежнія школьныя традиціи, которыя, оставляя школьныя стѣны, старались проникать теперь въ широкую публику и въ простой народъ, приспособляться къ ихъ вкусамъ и принимать народную окраску. Такъ было и со школьной драмой Кіевской Академіи и ея учебныхъ колоній.

Опрощеніе школьной драмы началось еще въ самой школѣ и самими воспитанниками ея, которые, въ практическихъ видахъ пріобрѣтенія средствъ на свое пропитаніе, нерѣдко сами сочиняли къ праздникамъ Рождества Христова и Пасхи небольшія драматическія пьесы и діалоги и разыгрывали ихъ по домамъ зажиточныхъ людей. Какъ сочиненныя самими учениками, и притомъ большею частію бѣдными, эти драматическія произведенія обыкновенно не отличались глубиною замысла, не сопровождались богатою сценическою обстановкою и имѣли примитивный характеръ. Иногда они передѣлывались или вновь сочинялись воспитанниками латино-русскихъ коллегій уже по выходѣ изъ нихъ, на мѣстахъ ихъ службы, обыкновенно исполнялись въ церковно-приходскихъ дьяковскихъ школахъ ихъ школярами и примѣнялись къ быту и пониманію зрителей или слу-

шателей. Къ такимъ драматическимъ произведеніямъ школьнаго происхожденія и характера относятся съ одной стороны небольшія драматическія произведенія въ родѣ декламацій и діалоговъ, а съ другой—драматизированныя поздравительныя вирши на Рождество, Пасху и другіе праздники.

Мы раньше высказывали ту мысль, что найденные въ послѣднюю четверть прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Галиціи драматическіе діалоги и отрывки XVII и начала XVIII вв. занесены были туда воспитанниками Кіевской или Гощанской Коллегій. Мы указывали также на примѣръ дьяка изъ недоучекъ Ильи Турчиновскаго, который около 1715 года разыгрывалъ, съ двумя студентами Кіевской Академіи, въ Шкловѣ, на Пасху, какой-то діалогъ съ интерлюдіею. Изъ болѣе поздняго времени мы указывали, въ своемъ мѣстѣ, на виршу о разрушеніи Христомъ ада, передѣланную изъ какой то драмы, и на пасхальную виршу Танскаго, составленную около 1746 года. Изъ другихъ подобныхъ произведеній, относящихся къ XVIII вѣку, въ настоящее время мы имѣемъ въ виду слѣдующія драматическія и драматизированныя произведенія, исполнявшіяся внѣ коллегіальныхъ школъ и разсчитанныя болѣе или менѣе на широкую публику: 1) и 2) рождественскую и пасхальную декламаціи, вѣроятно, составленныя въ Московской Академіи; 3) пасхальный діалогъ съ интермедіей на три персоны: баба, дѣдъ и чортъ, 1719 года [1]); 4) интермедію о богачѣ и Лазарѣ, въ записи половины XVIII вѣка; 5) интермедію на три персоны: смерть, воинъ и хлопецъ; 6) отрывокъ изъ пасхальной интермедіи о хлопѣ и его женѣ, въ спискѣ половины XVIII вѣка; 7) „Брань честныхъ добродѣтелей“ іеромонаха Іоасафа Горленка, 1737 года; 8) добавленіе къ пасхальной виршѣ

[1]) Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ нами противъ первоначальнаго плана вслѣдствіе появленія новыхъ матеріаловъ, обнародованныхъ во время печатанія нашего труда.

Танскаго 1746 г.; 9) Діалогъ или разговоръ пастуховъ, составленный послѣ 1763 года; 10) виршованный сонъ наканунѣ Пасхи, второй половины XVIII вѣка, и 11) вирши на Рождество Христово, записанныя на Волыни.

1) Первая изъ намѣченныхъ нами пьесъ *Рождественская* состоитъ изъ пролога, четырехъ краткихъ дѣйствій и эпилога. Прологъ написанъ прозою, въ тонѣ церковной проповѣди, и заканчивается такими словами: „Толикая Божія о родѣ человѣческомъ смотрѣнія не точію бренный языкъ рѵѳмотворческаго гаданія искусствомъ восхвалити, но ниже невещественные ангельскіе силы по достоинству чудитися довольни суть. Обаче мы въ память толикихъ его щедротъ тайный промыслъ сей краткими дѣйствіями изявити, въ пользу душевную упражняющуся присно въ богомысліи слышателеви предложити умыслихомъ; а понеже и простый народъ неложно твердити обыче, что всякая вещь красится слышаніемъ; того для уха доброхотнаго въ слухъ приклонити, и дѣйствія наша, аще за краткость ума въ словѣ и не красна, но вещію красящаяся (изобразуютъ бо Божія воплощенія тайну), благодарнымъ сердцемъ пріяти просимъ“.

Въ эпилогѣ исполнители пьесы говорятъ о себѣ:

Что се сотворихомъ?
Благость предложихомъ,
Юже Богъ подъ лѣты
Зволилъ намъ открыти.
За трудъ что воздати?
Благодарствовати!
Убо поклонимся,
Въ домы возвратимся.

Изъ этихъ словъ видно, что пьеса исполнялась не въ стѣнахъ школы, а передъ какою-то духовною особою, „упражняющеюся присно въ богомысліи“, можетъ быть, настоятелемъ какого-либо монастыря, съ недвусмысленнымъ въ эпилогѣ намекомъ на вознагражденіе за трудъ. Въ такомъ

случаѣ, пьесу эту нужно отнести къ числу праздничныхъ поздравительныхъ пьесъ, составленныхъ самими студентами, и нельзя предъявлять къ ней строгихъ требованій: она имѣетъ свою удѣльную цѣну, какъ ученическое упражненіе.

Въ первомъ дѣйствіи выступаетъ Буйство, отождествляемое съ „Премудростію Божіею“, и „Ветхій Завѣтъ“ со своимъ Многобожіемъ и важнѣйшими представителями своими Вавилономъ, Египтомъ и семью древними мудрецами, и каждый изъ нихъ хвалится своими качествами и дѣлами. Во второмъ дѣйствіи является „Благовѣстіе“ и предрекаетъ воплощеніе Сына Божія и гибель язычества. Это послѣднее изображается въ третьемъ дѣйствіи, въ которомъ выступаютъ на сцену идольскіе жрецы, слегка напоминающіе жрецовъ трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича „Владиміръ“. Они восхваляютъ бога Аполлона, который отвѣчаетъ имъ:

Красна мнѣ дѣла, яже сыновы изъядяша,
Наслѣжду, исполняя моленія ваша.
Воздвигну въ человѣцехъ такія нестатки,
Востанетъ сынъ на отца и дщери на матки.

Въ это время Эхо приноситъ вѣсть о рожденіи Спасителя и тѣмъ смущаетъ жрецовъ и Аполлона. Въ четвертомъ дѣйствіи ангелъ возвѣщаетъ о пришествіи въ міръ Сына Божія, которому поклоняются 4 страны, а Давидъ поетъ хвалебную пѣснь [1]).

2. Совершенно такого же происхожденія и характера и *пасхальная пьеса*, найденная въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка. Это—краткій черновой ученическій набросокъ, стоящій, по содержанію, въ близкой связи съ предыдущей рождественской пьесой: въ ней также центральнымъ

---

[1]) „Памятники русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., введ. стр. II, и стр. 18—32.

дѣйствующимъ лицомъ является „Буйство“ о Христѣ, противополагаемое мудрости міра сего.

Пьеса состоитъ изъ одного дѣйствія въ шести явленіяхъ, съ прологомъ впереди. Прологъ тоже написанъ прозаическою рѣчью, какъ и въ предыдущей пьесѣ. Содержаніемъ пьесы служитъ исполненіе предвозвѣщеннаго пророчествами и знаменіями спасенія людей крестною смертію и воскресеніемъ Спасителя. Въ самомъ началѣ пьесы выступаютъ на сцену Мудрость міра сего, хвалящаяся своимъ владычествомъ въ мірѣ, и Буйство о Христѣ, проповѣдующее новую Благодать. Ревность Божія отдаетъ власть надъ землею Буйству. Сотрудниками его являются новая Благодать и Вѣра, которыя покаряютъ Еллинство и Ветхость проповѣдію о крестѣ Христовомъ. Этой же проповѣди внимаютъ и душа грѣшная, дошедшая до крайняго отчаянія, и благоразумный разбойникъ, и каются въ своихъ грѣхахъ. Благовѣстіе утѣшаетъ ихъ обѣтованіемъ новой благодати, исцѣляетъ хромого и прокаженнаго и одѣваетъ Наготу. Въ заключеніе, Милосердіе скорбитъ о невѣрующихъ въ распятаго Христа и призываетъ всю видимую природу и человѣка къ радости и веселію и прославленію Бога [1]).

Эти двѣ пьесы, сами по себѣ, не даютъ никакихъ новыхъ тэмъ для будущаго развитія южнорусской искусственной драмы и не указываютъ новыхъ способовъ и пріемовъ драматическаго творчества; но онѣ важны въ томъ отношеніи, что, будучи составлены учениками съ практическими цѣлями, могутъ служить къ уясненію того пути, какимъ школьная драма постепенно стала переходить изъ школы въ публику и принаравливаться къ ея вкусамъ и воззрѣніямъ. Эти двѣ пьесы, очевидно, исполняемы были въ какомъ-либо умственномъ центрѣ, предъ болѣе или менѣе образованными людьми,—и авторы и исполнители ихъ, конечно, не хотѣли

---

[1]) Тамъ же, предисл. стр. I и II, и стр. 108—120.

ударить лицомъ въ грязь передъ своими слушателями и писали свои произведенія высокимъ книжнымъ стилемъ. Это—первый этапъ на пути приближенія школьной драмы къ обществу и общественной жизни. Эти первые опыты популяризаціи школьной драмы, хотя, быть можетъ, и составлены были южноруссомъ, но не въ Кіевской Академіи, а въ какой-либо изъ происшедшихъ отъ нея школъ, въ которой сочиненіе подобныхъ драматическихъ произведеній пріурочивалось не къ піитическому, а къ реторическому классу, и вѣроятнѣе всего въ Московской Академіи, и притомъ составлено, по нашему мнѣнію, позднѣе начала XVIII вѣка. Будучи сравнительно новою учебною школою, Московская Академія въ этихъ опытахъ сдѣлала лишь первые шаги въ популяризаціи школьной драмы, тогда какъ школьная драма въ старыхъ южнорусскихъ школахъ успѣла уже въ это время проникнуть въ общественныя сферы и въ церковно-приходскія дьяковскія школы и сдѣлаться доступною и для простого сельскаго народа. Это мы и видимъ на нижеслѣдующихъ десяти южнорусскихъ школьныхъ драматическихъ произведеніяхъ и отрывкахъ изъ нихъ, имѣющихъ болѣе или менѣе популярный характеръ.

3. Старѣйшимъ изъ нихъ нужно признать Волынскую *декламацію на праздникъ Пасхи, съ интермедіею* къ ней, 1719 года. Онѣ составлены или редактированы человѣкомъ, учившимся въ латинскихъ школахъ, такъ какъ написаны школьными силлабическими виршами и оканчиваются латинскою фразою: finis coronat opus. Но изъ содержанія самой декламаціи и заключающаго ее въ себѣ сборника съ несомнѣнностію открывается, что она составлена въ какой-то церковно-приходской дьячковской школѣ и исполнена была мѣстными школярами разныхъ возрастовъ, составлявшими вмѣстѣ и церковный хоръ, при участіи самихъ дьяковъ и поддячихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пьесы опредѣленно указывается даже мѣсто жительства дѣйствующихъ лицъ, какъ, напри-

мѣръ, Комнерево и Росолувка, изъ коихъ послѣдняя находится въ нынѣшней Волынской губерніи, въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ, недалеко отъ бывшей Гощанской Коллегіи. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло со школьнымъ произведеніемъ юго-западной Волыни, т. е. части западной Малороссіи, находившейся подъ властію Польши. Этимъ и объясняется языкъ пьесы, уснащенный полонизмами, и потому нѣтъ надобности относить ее, по языку, къ XVII столѣтію.

Декламація, съ прологомъ къ ней, состоитъ изъ 14-ти особыхъ поздравительныхъ пасхальныхъ виршей, вѣроятно распредѣленныхъ между 14-ю исполнителями, между которыми есть дисканты и басы, малыя дѣти, подростки и взрослые, рекомендующіе себя дьяками или кандидатами въ дьяки и даже въ священники. Текстъ виршей по временамъ прерывается одиночнымъ или хоровымъ пѣніемъ пасхальныхъ церковныхъ пѣсней „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“ и „Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме“. Повидимому, представленіе происходило на цвинтарѣ или церковномъ погостѣ, куда и теперь собираются малороссы въ первые три дня Пасхи, чтобы посмотрѣть на дѣвическіе хороводы и побесѣдовать между собою. Между собравшимися на цвинтарѣ исполнители декламаціи иногда отмѣчаютъ отдѣльныя группы и даже отдѣльныхъ лицъ, какъ напримѣръ мѣщанъ и селянъ, дѣвицъ Парасю, Ганулю и Мандзю, какого-то Ивана, мѣстнаго дьяка и т. п. Обычнымъ мотивомъ этихъ виршей являются съ одной стороны поздравленіе съ праздникомъ и благопожеланія зрителямъ, а съ другой—указанія на бѣдственную жизнь школяровъ, подростковъ и дьяковъ и нужду въ матеріальной помощи имъ хотя бы исправною уплатою „роковыхъ“ денегъ, съ указаніемъ, въ одномъ случаѣ, даже на суровость минувшей зимы и на безкормицу. Въ иныхъ случаяхъ исполнители принимаютъ какъ бы обличительный тонъ по отношенію къ своей публикѣ: под-

трунивають надъ тѣми прихожанами, которые не пришли „до церкви“, т. е. на церковный погостъ, и остались дома стеречь свои паски; иронизируютъ надъ сытымъ скупцомъ, у котораго „животъ свѣтится отъ лою какъ цибуля“; смѣются надъ сытыми „панами мѣщанами“ и надъ селянами, стоящими и озирающимися на бакаляровъ „якъ вовки половыи“, или „якъ совы лѣсовыи“ и т. п. Такимъ образомъ, декламація представляетъ довольно живую реальную бытовую картину праздничной сельской жизни того времени и особенно картину взаимныхъ отношеній между прихожанами и школярами дьяковскихъ школъ.

Приложенная къ деклямаціи „Интермедія на три персоны—баба, дѣдъ и чортъ“, по видимому, должна бы представлять особенный интересъ, такъ какъ въ ней предполагается наибольшее сближеніе съ народными понятіями и съ народнымъ говоромъ. Сама по себѣ эта интермедія весьма незамысловата по содержанію. Въ ней выводятся на сцену баба и дѣдъ и танцуютъ подъ музыку чорта, который, въ заключеніе, прогоняетъ ихъ въ „пекло“, т. е. въ адъ. Этотъ недостатокъ вымысла исполнители думали восполнить комическимъ положеніемъ беззубыхъ, шамкающихъ стариковъ, пустившихся въ несвойственную ихъ возрасту пляску подъ музыку чорта и угодившихъ съ нимъ въ адъ. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этой интермедіи безъ старческаго шамканья, затрудняющаго ея чтеніе.

Баба. Дѣдусю мой, порадо моя, южъ дикіе минулисьмо поля,
А то намъ все вказала тамъ Божая воля.
Уважаймо ж, дидоньку, жесьмы межи людми.
О теперъ же весели ми из собою будми;
Бо якъ вижу, же и люде веселя вживаютъ;
Попитаймосься их, чи гараздъ ся маютъ.

Дѣдъ. Боже, дай же добри денъ, и як ся маете?
Хочъ единъ изъ меже васъ мене ци знаете?
Савлукся дѣдъ з бабою, до васъ тутъ завитавъ,
Же бым ся на здоровя васъ усѣхъ испитавъ.

Якъ васъ вижу, не дармо вы ся тутъ зобрали,
Чачеи бысте тое и намъ з бабою сказали.
Не дбайте, що на м(н)ѣ курманъ лати:
Мене колисъ бырали усѣ люде в свати;
Я то вмѣвавъ з людми розмови чинити
И кождого молодця могъ я оженити.

Баба. Лиши ти, дѣдусу мой, з людми размовляти:
Я бымъ рада съ тобою оттутъ погуляти.
Нехай лыхо пропаде, я ж горилку маю,
Тебе якъ приятеля своего звитаю.

Баба Аришка и дѣдъ пьютъ горѣлку, собираются танцевать и для этого хотятъ нанять какого либо музыканта или „спѣвака“. Вызывается чортъ и говоритъ имъ:

Одинъ день, бабко, и ти дѣду милый.
Вижу, же есте весоли и барзо подпили.
Музики питаеши? Я грачъ цудзоземскій
И волочай потѣшній, а жартунъ вселенскій:
Як заграю, не кождій в танцу весело скачетъ,
А инший с танечниковъ и ревне заплачетъ.
Я такий музикантъ естемъ: якъ скоро заграю
То тимъ, що танцуют, пекло отвираю.

Баба. Заграй же намъ, музико нашъ, нехай потанцуем,
Ачеи красно граешъ, нехай тутъ почуемъ.

Демонъ. Южъ, бабо, дробно граю, а ти дробно танцуй,
До пекла вандровати зо мною ся готуй.

Баба. Грай же намъ, музичко нашъ, уже ми танчуемъ,
А тобѣ великую плату обѣцуемъ.

(*Тутъ демонъ спѣвати буде подебенъ: Ой гоя, гои, и баба буде з дѣдомъ танцовати*).

Демонъ спѣваетъ:

Танцуй же, бабо, танцуй,
А до пекла ся готуй,
И дѣдъ съ тобою
Весполъ зо мною
На утѣху князю
Будеш ся веселити,
А болше (ся) смутити,
Люциперови,

Славному князю,
Треба ся поклонити.

Продолжая наигрывать танецъ, демонъ говоритъ дѣду:

Не фрасуйся, твоя баба якъ погачъ въ хлѣвѣ:
Я еи в пеклѣ для тебе поставлю на лѣвѣ.

Дѣдъ. А где жъ теплча, я, якъ старий, люблю;
Бо зима як прийдетъ, и самъ себе згублю.
Та й баба моя также любитъ тепло.
А где жъ тое у васъ повѣдаешъ пекло?

Демонъ. Еще, дѣду, пятсотъ миль, за моремъ великимъ,
А до него усе треба ити полемъ дикимъ.

Дѣдъ. Хочъ бы тамъ изразъ бувати, якъ ся тамъ поводитъ.
А горилку та пиво пити тамъ ся ци годитъ?

Демонъ. Тамъ пиво якъ смола, и сѣрки достатокъ,
Обфитый край въ насъ, полно какъ и всего подостатокъ.

Дѣдъ. Провадь же насъ з бабою до своего пекла,
Коли не бороните заживати тепла.

Демонъ. А трасъ дѣду з бабою, а горилки пити
Перестанъ, южъ в пеклѣ будешъ з нами жити.

(*Тутъ поженетъ дѣтко их до пекла*).

Въ заключеніе выходитъ „Епѣліогъ“ и проситъ у слушателей снисхожденія къ ошибкамъ и недостаткамъ исполнителей пьесы [1]).

Интересно, что въ этой интермедіи дѣдъ и баба появляются на сценѣ, между людьми, минувши какія-то дикія поля, дѣдъ спрашиваетъ присутствующихъ, знаетъ ли его кто нибудь, и оба съ упоеніемъ предаются веселью, которое, по словамъ чорта, продолжается одинъ день, а по словамъ бабы, одинъ часъ. Слѣдовательно, это—не обыкновенные живые люди, а выходцы съ того свѣта или мертвецы,

---

[1]) „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра“, В. Н. Перетца, XI—XII, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, 1909 г., т. XIV кн. 1, стр. 129 – 148.

которые, по стариннымъ малорусскимъ воззрѣніямъ, однажды въ годъ являются съ того свѣта на землю на одинъ день, чтобы праздновать свой „навскій великдень“, т. е. мертвецкую пасху[1]). Но это народное преданіе потеряло въ интермедіи свое серьезное значеніе и превращено составителемъ ея въ грубый простонародный фарсъ[2]).

4. *Интермедія о богачѣ и Лазарѣ*, впервые изданная Ив. Франкомъ, переиздана Вл. Н. Перетцомъ въ болѣе исправномъ видѣ и, повидимому, отнесена имъ къ половинѣ XVIII вѣка, ко времени послѣ появленія пьесы Г. Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ. Но этотъ сюжетъ встрѣчается еще въ комедіи „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія“, представленной въ Московской Академіи въ 1701 году. При трагедіи М. Козачинскаго „О смерти послѣдняго царя сербскаго Уроша V“, 1733 года, была также интермедія о богатомъ и Лазарѣ, до насъ не дошедшая, которая и могла послужить прототипомъ и для настоящей интермедіи.

Содержаніе нашей интермедіи — слѣдующее. Убогій Лазарь, выгнанный богатымъ съ его двора, молитъ Господа взять его съ сего свѣта къ себѣ и принять его душу въ свои руки, чтобы не быть болѣе въ тягость людямъ. Ангелъ упрекаетъ богача въ жестокосердіи къ убогому Лазарю и грозитъ ему вѣчнымъ мученіемъ, а Лазарю обѣщаетъ вѣчное блаженство на лонѣ Авраамовомъ и беретъ его душу на небо. Другой ангелъ заповѣдуетъ людямъ честно похоронить тѣло Лазаря и не слушаться богача:

---

[1]) „О народныхъ праздникахъ въ Юго-Западной Россіи“, Н. И. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, октябрь, 1871 г., стр. 25 и 26.

[2]) Послѣ сего, слѣдовало бы говорить о пасхальномъ діалогѣ, исполненномъ 24 отроками, въ записи 1730-хъ годовъ, о коемъ сдѣлалъ сообщеніе проф. Перетцъ въ Кіевскомъ Науковомъ Товариствѣ осенью 1909 года; но этотъ діалогъ доселѣ еще не напечатанъ

И вамъ разсказую, бысте тѣло взяли,
Ведлугъ звычаю христіанского поховали.
Того богача вы не слухайте якъ живо,
Бо и вы з ним будете в пеклѣ мати жниво.

Богачъ не вѣритъ, чтобы то были Господни ангелы и чтобы Господь послалъ ихъ взять на небо душу такого человѣка, „который в жадной сукнѣ не ходилъ“. Братъ богача оставляетъ его и идетъ за Лазаремъ, чтобы узнать тамъ правду, и обѣщается сообщить богачу о томъ, что тамъ увидитъ. Музыкантъ оставляетъ свое ремесло и скрипку и сопровождаетъ убогого, чтобы этотъ послѣдній ходатайствовалъ за него предъ Богомъ; оставляютъ богача не только го слуги, но и его родная дочь. Богачъ говоритъ:

Що ся за чуда такіе стали,
Же мя ся всѣ поотрѣкали?
Не тилко слуги моя не хотѣли ми служити,
Лечъ и цорка моя не хотѣла ми ся покорити,
За тым трудноватим пошла мертвцемъ,
А мене южъ не хотѣла звати отцемъ.
Я о ню не буду дбати,
Буду на сем свѣтѣ роскоши заживати.
Вшакъ менѣ не машъ ровнаго,
И в моемъ панствѣ не машъ богатшаго.

Тогда приходитъ Смерть со своею огненною косою, чтобы посѣчь гордаго богача и отправить его въ адъ къ Люциферу. Богачъ видитъ свой конецъ и завѣщаетъ своимъ пріятелямъ творить милостыню нищимъ и убогимъ и не прогонять ихъ со своего двора. Смерть заноситъ надъ богачемъ свою косу, а черти беруть его душу и несутъ въ адъ къ Люциферу. При этомъ одинъ изъ чертей обращается къ богачу съ такими словами:

Го, го, го, гостю нашъ пожаданый,
Сусѣде милый и брате коханый!
Давно-смо тя к собѣ пожадали,
Жебысмо тя в своих руках мали.

Прійди южъ до насъ, будемо утѣхи заживати:
Смолою, сѣркою будемо перепивати.
Я южъ твою понесу до пекла душу,
А своихъ товаришовъ по твое тѣло запрошу.

Находясь въ преддверіи ада, душа богача видитъ изведеннаго оттуда Адама и жалуется на свою участь. Два ангела вступаютъ съ нею въ бесѣду, доказывая ей, что она по заслугамъ осуждена на адскія муки.

Ангелъ 1... убогимъ погордѣла
Лазарем, тылко своего тѣла
Роскошомъ завше догаждала,
За то-сь ся в пекло достала.

Душа богач. Христосъ воскресъ, всѣмъ откупеня даруетъ.
Нехай и мене в том поратует.
Вшакъ за всѣхъ терпѣлъ муки,
Нехай и мене вирветъ з вражей руки.

Ангелъ. В надѣю тую не тра ба (бѣ?) грѣшити,
Же Христосъ насъ мѣлъ свободити.
Ты-сь злу надѣю мала,
Же-сь в ню смѣло грѣшила.
Вийдите слуги пекелные,
Возмѣте ю в мѣста темные!

Ангелъ 2. Что ти богатство, душе, преобрѣло?
Что же и роскошъ, тучащая тѣло?
Что мятежъ рабовъ?
Дало ти въ пеклѣ на вѣки мѣшкане,
Плачъ по веселю, по роскоши горе,
По всѣхъ достаткахъ в сѣрчистое море.
Мало поживши будетъ тѣло гнити;
Ти, душе, в пеклѣ, ахъ на вѣки жити.
По смерти немашъ жаднои покуты,
Гди ся достанешъ до пекелнои гуты.

По словамъ профессора Перетца, „пьеса о душѣ богача и Лазаря выгодно выдѣляется своимъ реализмомъ среди другихъ разрабатывающихъ тотъ же сюжетъ, нисколько не уступая пьесѣ Г. Конисскаго, отрывокъ кото-

рой вѣроятно не случайно сохранился въ той же рукописи“ [1]).

5. *Интермедія на три персоны: „смерть, воинъ и хлопецъ“* разрабатываетъ одну изъ самыхъ популярныхъ темъ русской народной словесности о борьбѣ воина со смертію [2]). Интермедія найдена Н. С. Тихонравовымъ въ одномъ сборникѣ разныхъ народныхъ произведеній, составленномъ въ 1788 году на югѣ Россіи, но, судя по искаженіямъ текста списка, написана ранѣе этого времени. Въ языкѣ интермедіи попадаются полонизмы, какъ напр. *звитязить, стралять, бы-мъ ся спробовали, еще-сь*, и др., указывающіе на происхожденіе ея изъ правобережной, польской Украины. Польскій отпечатокъ видѣнъ также и въ самомъ содержаніи интермедіи, особеннно въ описаніи главнаго ея героя—воина. Этотъ воинъ во многомъ напоминаетъ намъ героя нашихъ лубочныхъ сказокъ Анику воина, осмѣлившагося помѣряться своими силами со смертію; но въ интермедіи онъ называется „паномъ“, имѣетъ, какъ рыцарь, своего оруженосца—„хлопца“ и отличается обычными пороками польскаго шляхетства и особенно хвастливостью. Воинъ выходитъ на сцену и хвалится своею непобѣдимостію.

Я есмь воинъ славній,
Всему свѣту справній;

---

[1]) „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра“, В. Н. Перетца, XI—XII, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, 1909 г., т. XIV, кн. 1, стр. 153—158.

[2]) „Виршована легенда про рицаря и смерть“, В. Гнатюка, въ LXXV томѣ „Записокъ Наукового Товариства імені Шевченка“, Львовъ, 1908 г., В. V, стр. 134—154; „Преніе живота и смерти“ и новый украинскій его списокъ, Н. К. Гудзія, въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ за 1910 годъ и отдѣльными оттисками.

Вишолъ звитязаючи,
Зе мною звитязалъ:
Як би съ тоею смертію
Спробовать самъ (ся малъ?)
Звѣдати, забилъ з луку:
Нехай смерть не попадается въ мою руку!

На вызовъ его является Смерть и предупреждаетъ его, что—

Сампсонъ былъ надній,
[Соломонъ] мудрій;
А я надъ Сампсономъ сильнѣйша,
А надъ Соломономъ мудрѣйша.

Воинъ спрашиваетъ у Смерти, какое она имѣетъ оружіе. Смерть отвѣчаетъ:

Ото: косу, грабль, заступъ маю,
Еще царей, и королей и гетмановъ стинаю.
Не вважаю я на святіи патріархи,
Закопую я въ землю влад(ы)ки и великіе монархи,
И еще-сь тоби, воине, могу ся спробовати,
Лукъ еще щастя стяти.

Начинается единоборство. Смерть наставляетъ свою косу, а воинъ—саблю, но, очевидно, не надѣясь на нее, беретъ у своего оруженосца—хлопца стрѣльбу и стрѣляетъ въ Смерть. Послѣдняя падаетъ,—и хлопецъ готовъ уже торжествовать побѣду своего пана надъ Смертію, говоря:

Уже панъ Смерть застрѣлилъ
Такъ, якъ самъ хотѣлъ:
Уже не будетъ болшъ людей заидати
И на поединокъ воина призивати.

Но Смерть встаетъ невредимою, снова предупреждаетъ воина о неминуемости смерти для каждаго человѣка, возобновляетъ свое единоборство съ нимъ, заноситъ надъ нимъ свою косу и говоритъ:

Востани, воине. Ко Богу
Ото заразъ пойдешь подъ ногу.
Кто творяй, воине, таковая,
Яко же ти творишъ вся злая?
Яко же свиня лѣзешъ до калу,
Ото заразъ упадешъ къ земному долу.

Воинъ умираетъ, скорбя о пройденномъ имъ жизненномъ пути, приведшемъ его къ адскимъ мученіямъ:

Горе будетъ отсилаемому у муку!
Подай, воине, Смертѣ свою руку
И зъ людми ужъ попрощайся,
А тутъ и не обавляйся.
Аминь [1]).

Въ интермедіи есть указанія и для исполнителей, какъ напримѣръ: „воинъ наставляетъ шаблю, а Смерть косу“, „Смерть упаде, а [хлопецъ] хвалится“, и т. п. Судя по латинскому заглавію, интермедія (intermedium) первоначально разыгрывалась въ какой либо школѣ, но въ настоящемъ своемъ видѣ носитъ уже на себѣ слѣды народнаго употребленія.

6. Отрывокъ изъ пасхальной *интермедіи о хлопѣ* (мужикѣ) *и его женѣ*, найденный въ одномъ галиційскомъ сборникѣ, повидимому, относится къ половинѣ XVIII столѣтія. Мужикъ отправился куда-то, вѣроятно по настоянію своей жены, добывать къ свѣтлому празднику паску, но возвращается съ пустыми руками и скорбитъ о томъ, что ему не придется ѣсть „свяченого“. Жена встрѣчаетъ его упреками и подозрѣніемъ въ измѣнѣ ей.

Жена. Де жъ идешъ, мужу, чемъ не несешъ паски?
Подобно-сь еи отбѣгъ у якои-сь Каски.
Хлопъ. О тобѣ сіе! еще хочетъ блазновати!
Внетъ тя почну кіемъ лоскотити.

---

[1]) „Лѣтописи русской литературы и древности“, Н. С. Тихонравова, т. Ш, 1861 г., кн. 5, отд. 2, стр. 78—80.

Жена. Ще жъ то ты мовишъ, поганине!
Перше твое племя изгине,
Нѣжели ты мене будешъ охновати.
Певне будешъ самъ кія того заживати.
А що жъ я винна, що бысь мя забивавъ,
Тимъ кіемъ барзо охновавъ?
Хлопъ пуйдетъ, а жена муви до людзи:
Ой, так, сусидонки, тыи мужи поганцѣ звикли чинити:
Коли ему хто що вчинитъ, то ся он почнетъ на жунцѣ мстити.
До корчмы иде, почнет ся упивати
И на жунку бѣдну сердца добывати.
С корчми пришовши не встигнет сѣсти,
Заразъ почнетъ жунцѣ лаяти, абы му дала исти [1]).

Нѣчто подобное встрѣчается въ малорусскомъ вертепѣ по списку Маркевича. Здѣсь цыганка докладываетъ своему голодному мужу Гараськѣ, что „изіила собака порося и паску", на его просьбу дать поѣсть что нибудь угощаетъ его борщемъ съ цибулей, петрушкой и кускомъ сала изъ комара и наконецъ бьетъ его и взаимно получаетъ отъ него побои [2]).

Правда, въ приведенномъ сейчасъ отрывкѣ о хлопѣ и его женѣ мужъ, воротившійся домой безъ „паски", не проситъ на сценѣ у жены ѣсть, но жена въ разговорѣ съ сосѣдками жалуется на него, что онъ, пришедши изъ корчмы и не успѣвши сѣсть, „заразъ почнетъ жунцѣ лаяти, абы му дала исти".

7. „*Брань честныхъ седми добродѣтелей съ седмью смертными грѣхами*" экзаменатора іеромонаха Іоасафа Горленка", 1737

---

[1]) „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра", В. Н. Перетца, XI—XII, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ", 1909 г., т. XIV, кн. 1, стр. 158—159.

[2]) „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки Малороссіянъ", Н. Маркевича, Кіевъ, 1860 г., стр. 48 и 49.

года. Полное заглавіе этой декламаціи—слѣдующее: „Брань честнихъ седми добродѣтелей зъ седми грѣхами смертними, въ человѣцѣ путнику такъ всегда, якъ найпаче въ дни святия четиредесятницы резидуючая, по числу седмицъ ея имагинацѣею піитическою и риѳмомъ описанная 1737 года апрѣля 9 дня". Въ 1737 году 9-е апрѣля падало на страстную субботу,—и, слѣдовательно, „Брань" не была пассіональною, ни пасхальною пьесою, и вовсе не предназначалась для сцены. Въ посвященіи ея митрополиту Рафаилу Заборовскому авторъ, называя себя экзаменаторомъ, прямо говоритъ о себѣ, что онъ представилъ свое произведеніе Его Преосвященству въ праздникъ Пасхи, вмѣсто „писанки" (пасхальнаго расписаннаго яица). Хотя Іоасафъ Горленко и былъ нѣкогда ученикомъ и даже учителемъ Кіевской Академіи, но въ 1737 году онъ не имѣлъ къ ней никакого отношенія, а состоялъ епархіальнымъ экзаменаторомъ ставленниковъ. Къ этой-то должности и имѣетъ непосредственное отношеніе его риѳмованная „Брань честныхъ седми добродѣтелей съ седмью смертными грѣхами", такъ какъ отдѣлъ о семи смертныхъ грѣхахъ и противоположныхъ имъ добродѣтеляхъ входитъ въ составъ катихизиса, который должны были знать ставленики. Авторъ, очевидно, хотѣлъ популяризировать свои спеціальныя занятія епархіальнаго экзаменатора, примѣнилъ борьбу седми смертныхъ грѣховъ съ противоположными имъ добродѣтелями къ святой четыредесятницѣ и представилъ читателямъ эту борьбу въ видѣ обыкновенной войны съ непріятелемъ. Вслѣдствіе этого, общія и отвлеченныя понятія принимаютъ въ произведеніи Іоасафа Горленка конкретные образы, и вся его пьеса получаетъ нѣкоторую наглядность.

Общій ходъ произведенія Іоасафа Горленка—слѣдующій.

Человѣкъ пришлецъ въ свѣтѣ, сей на земли странній,
Прохождаше вся окрестъ вселеннія страни,
Ищуще безсмертія въ временной сей жизни,

Въ немъ же хотя положити часть своей отчизни,
И се абіе врагъ нань нападе на пути,
Врагъ хотяще убити, зѣло зѣло лютій.
Онъ же брань съ нимъ сотворивъ, не по своей силѣ,
Противъ крипчайша бо ставъ въ немощномъ симъ тѣлѣ,
Зъ седми грѣхи смертными началъ воевати,
Обаче не возможе плоть духа попрати.

Уязвленный грѣховными стрѣлами, человѣкъ призвалъ на помощь семь добродѣтелей—смиреніе, благоутробіе, цѣломудріе, любовь, постъ, кротость и побожность, которыя и вступили въ борьбу съ противоположными грѣхами гордостью, лакомствомъ, блудомъ, завистью, обжорствомъ, гнѣвомъ и лѣностью. Различныя перипетіи этой борьбы пріурочены къ извѣстнымъ седмицамъ и нарочитымъ днямъ великаго поста. Однажды добродѣтели были побѣждены и прогнаны съ поля битвы.

Тогда добродѣтелей грѣхи съ поля збивши,
Вскочили къ человѣку въ обозъ и, вловивши,
Въ плѣнъ послали далеко, въ страну свѣта инну.
Въ работу тоя страни люту гражданину.

Между тѣмъ добродѣтели, потерпѣвъ пораженіе, послали на небо молитву съ просьбою о помощи и, получивъ ее, возобновили войну со врагомъ. Заступленіемъ Божіей Матери и силою честнаго Креста они побѣдили войско грѣховное. Но торжество побѣды омрачалось неизвѣстностью о судьбѣ плѣннаго человѣка; ибо никто не зналъ той страны, куда онъ отведенъ былъ въ плѣнъ. Искали его всюду, и по пустынямъ, и наконецъ отъ Маріи Египетской получили извѣстіе, что—

страна тая
Далеко есть, да ктому жъ къ ней дорога злая
Не безпечна; лежитъ бо чрезъ смертни предѣли;
Въ той путники не едни глави положили.

Тогда добродѣтели посылаютъ одинъ разъ, другой разъ и третій въ эту страну для освобожденія плѣннаго

человѣка, но посланные не возвращаются; посылаютъ затѣмъ Лазаря, но и онъ не воротился назадъ. Наконецъ, само Слово Божіе идетъ на освобожденіе плѣнника, отдаетъ плоть свою на снѣденіе сухороброй смерти, а само душею проникаетъ сквозь врата ада, побѣждаетъ его и освобождаетъ плѣнника изъ оковъ. Тогда оно снова облекается въ побѣдоносное свое тѣло и воскресеніемъ своимъ творитъ всемірную радость [1]).

Въ этомъ произведеніи мы видимъ начало тѣхъ драматизированныхъ виршей на Пасху и Рождество Христово, которыя получили въ Малороссіи особое развитіе во второй половинѣ XVIII вѣка и о которыхъ мы упоминали въ началѣ этого труда своего. Разница между ними, въ существѣ дѣла, незначительная. Какъ членъ и представитель одного изъ видныхъ казацкихъ старшинскихъ родовъ, Іоасафъ Горленко изображаетъ духовную брань человѣка—христіанина съ грѣховными помыслами и страстями, такъ сказать, съ военной точки зрѣнія и самый плѣнъ грѣшнаго человѣка въ отдаленную страну смерти и ада представляетъ подъ образомъ знакомаго ему плѣна въ турецкую неволю, тогда какъ позднѣйшія пасхальныя и рождественскія поздравительныя вирши изображаютъ священныя событія въ обстановкѣ простонародной жизни.

8. Характернымъ представителемъ праздничныхъ поздравительныхъ виршей этого рода является извѣстная уже намъ пасхальная вирша, написанная силлабическими леонинскими стихами и приписываемая нами „славному Танскому, природному стихотворцу, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ“. Въ своемъ мѣстѣ мы отнесли ее къ одному изъ видовъ лирической поэзіи; но она имѣетъ и драмати-

---

[1]) Изд. В. П. Горленко въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“, кн. VI, 1892 года, отд. III, стр. 107—137.

ческій характеръ, разсказывая о дѣйствіяхъ, какъ бы совершающихся предъ нашими глазами, и потому должна быть названа драматизированною поздравительною виршею. Въ ней изображаются празднованіе православными христіанами Великодня, т. е. Пасхи, смерть Іуды, бѣгство Сатаны и Смерти и торопливое исшествіе ветхозавѣтныхъ праведниковъ изъ ада. Составленная около 1746 года, эта вирша первоначально имѣла въ виду представить обстоятельства воскресенія Христова въ простонародномъ казацкомъ вкусѣ и тѣмъ приблизить тайну воскресенія Христова къ пониманію простого казачества. Но впослѣдствіи стали проникать въ эту виршу и соціально-общественные мотивы, вслѣдствіе чего въ разныхъ спискахъ своихъ она стала измѣняться въ своемъ составѣ: одно выбрасывалось, другое вставлялось. Такимъ образомъ, изъ большинства списковъ исключенъ былъ эпизодъ о смерти Іуды и сдѣлался какъ бы самостоятельною виршею; но за то стали включаться въ нее нѣкоторыя прибавленія съ соціально-общественными мотивами. Въ одномъ спискѣ къ концу вирши Танскаго прибавлена была слѣдующая интересная тирада, обращенная къ Адаму, выходящему изъ ада:

Веди въ саду всю громаду, веди, щобъ селилась
Тутъ въ покою и зъ тобою вічно веселилась.
Заразъ тая середъ рая свобода засіла:
Тутъ тишина, вся старшина не мае къ имъ діла;
Тутъ сіпуга, війтъ пьянуга вже не докучае
И въ подводу тутъ изъроду ніхто не хапае.
Всі подубли, що ихъ скубли сільскіи нахалы,
Подеречи, колотнечи всі уже пропали.
Зникли зборы, вже позоры не правлять кварталу.
Сказавъ Адамъ, що не подамъ людей на поталу.
Утікъ куражъ, здирства нема ж, пропали всі драчи.
Счезло лихо, живуть тихо, не даютъ подачи,
Погибла власть и вся на рясть вилізла голота,
Війтъ не ворчить, и не стучить десятникъ въ ворота...

. . . . . Ні, вже не журися:
Манна зъ неба, все що треба—іжь, пий, веселися!
Райскі птиці ластовиці весело співають,
Жайворонки, соловейки якъ въ органъ играють.
Всякихъ музыкъ ничій языкъ не може сказати,
Мудрій писакъ и перомъ такъ не може списати.
Дай, Боже, намъ, щобъ сіи тамъ музыки играли,
Щобъ більше насъ, хоть у той часъ, сіпаки не брали.
Ты, Боже, бачъ кровавый плачъ и горке рыданье,
За тее намъ покажи тамъ вічне пануванье[1]).

Приставка эта, вѣроятно сдѣлана была кѣмъ-либо изъ студентовъ Кіевской Академіи изъ „посполитого званія“, какихъ тогда не мало было въ Кіевской Академіи, и притомъ изображаетъ строй жизни, сохранившій въ правобережной Украинѣ свою силу, подъ владычествомъ Польши, до второго раздѣла ея въ 1793 году. „Кварталъ“, или сборы по четвертямъ года, существовалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были такъ называемыя староства. Получавшіе ихъ изъ рукъ короля должны были вносить въ его казну часть доходовъ съ получаемыхъ или донацій; но, внося сами, они собирали вносимое съ крестьянъ. Войтъ былъ должностнымъ лицомъ самихъ помѣщиковъ и перешелъ съ ними въ подданство Россіи. Должности *сіпуъ* или *сіпакъ* и *десятниковъ*—тоже органы помѣщицьей власти и удерживаются гораздо долѣе войтовъ. Взиманіе подводъ, утѣсненіе населенія, всякія „поберечи и колотнечи“-- обычныя явленія въ крестьянской жизни XVIII столѣтія[2]).

9. *Разговоръ пастуховъ* на праздникъ Рождества Христова приписанъ, въ видѣ чернового наброска, въ концѣ сборника рукописныхъ латинскихъ реторикъ, Кіевской 1729—1730 г. и другой—неизвѣстнаго происхожденія, составленной послѣ 1750 года, на внутренней сторонѣ переплета сборника,

---

[1]) „Кіевская Старина“, сентябрь, 1882 г. стр. 567—568.
[2]) Тамъ же, стр. 570.

сравнительно позднѣйшею рукою. Авторъ его несомнѣнно зналъ латинскій языкъ, о чемъ свидѣтельствуетъ обозначеніе имъ варіантовъ къ своему тексту латинскою буквою *v.*, т. е. *vel* (или). Разговариваютъ два пастуха Свиридъ и Овдѣй.

Свир. Хвала ж Богу! впоралисмо сѣно въ годину,
Якъ то вѣвцѣ, товар и всію скотину.
І овечки гарненко въ кошару загнали,
И рогатому бидлу сѣна подавали.
От тѣлко знаешъ що, пане Говдѣю, остается.
Овдѣй. А ну, кай, кай [*v.* плагузай 2], пане Свириде, мы рады слухати, что тебѣ на умъ наверзется.
Свир. Слухай же от-що: поки час буде вечеряти, трохи поглупіймо
І один зъ іодним поюхторит (ь) що нибудь найдемо.
Овдѣй. Калакай, калакай, пане Свириде,
Да и тогдѣ вже помитикуемъ, що изъ того війде.
Свир І вже митикуй, не митикуй все стримитъ въ оцѣ
Чого зроду не било знать, мовъ на соротцѣ.
Що то мнѣ припало на думку?
Якъ стану плегузнить, не буде рохунку,
Пусти лиш штурмъ по головѣ, чего мы дождали.
Овдѣй. Е! чего! того, чего и наши батьки не знали.
Свир. Правду кае, пане Свириде! Гетъ—то якъ были мы люде молодіи,
Бродим, було, безъ писма, юлици тѣсніи,
А тепер пуди коли маишь силу,
То заразъ попендрячатъ на мѣску кобилу;
Прошевенься коли хочъ, хоть трошки,
То заразъ не вензаешъ вѣд рукъ от пана Ярошки.
Овдѣй. Правду, люде добры, кае панъ Свиридъ самую;
Бо и я собѣ уже давно такъ кимерзую.
Свир. Да се жъ не тѣлкѣ дѣется в нашем краи,
Он закурилось еще и въ Божомъ раи.
Овдѣй. А що бъ же то тамъ такее?
Свир. Е, що там такее? Прошеревенився!
Овдѣй. Ке, хто?
Свир. Е, ке, хто! Старай Буркунъ Чмира.
Овдѣй. Ке, кто, якъ?

Свир. Е, ке, як! Не розжожвав Божего слова дошпира,
Да втокмивъ весь розум въ молодицѣ,
И вкусивъ тоей, ще не велѣвъ Бѣгъ, кислицѣ.
Якъ дочувся Господь Богъ, заразъ послявъ...
Щобъ вивѣвши изъ раю, да дали добру халазю...
Овдѣй. От такъ то правду каутъ люде, що катюзи по заслузѣ:
Этъ-это якъ напоганит иногдѣ кѣпка въ страву,
То аж пасокою въмиется, такъ толчутъ пикою об лаву...
Да от наробив халепи, що за одну кислицу
Заперъ всѣм людемъ до рая границу.
Свир. Хиба ж у іого ѣсти не било чего?
Е, било всіого доволѣ, да що нам до того?
Этъ-то въ іого руках били яблоки и груши!
Упливъ горопашный да и нас утопивъ по самые уши.
Овдѣй. О то такъ якъ каут: хто, кае, кислицы поѣвъ, а насъ оскома напала.
Свир Що ж маем чинити? така наша доля!
Треба терпѣти, пока змилуется Божія воля.
Овдѣй. Хиба ж еще треба ждать ишо й одлиги?
Свир. А як же! Гет-то такъ каут святыя книги.
Это, каутъ, народится отроча само съвоей волѣ,—
Той визволит насъ изъ сей неволѣ;
Прирвой по головам дѣдькам даст добра чоса
И старшому анциболу утре добре носа.
Овдѣй. Ой, коли бъ нам, Свириде, сіого времени дождати,
То бъ не взяла насъ г... нянская мати.
Свир. Да вже! коли не мы дождемъ, дакъ добріи люде.
А вже те, що Бѣгъ сказавъ, то такъ конче буде[1]).

Въ разговорѣ пастухи жалуются на стѣснительность народной переписи, предписанной Цезаремъ Августомъ;

---

[1]) См. „Описаніе рукописей Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Дух. Академіи“, Н. И. Петрова, вып. 2, Кіевъ, 1877 г., № 422, стр. 289. Полный текстъ изданъ В. Н. Перетцомъ въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1905 г., т. X, кн. 1. Мы вновь провѣрили текстъ разговора по подлиннику.

но подъ этою перепиcью, прикрѣплявшею народъ къ землѣ, авторъ діалога могъ разумѣть и указъ русскаго правительства 1763 года, запрещавшій крестьянамъ переходить отъ одного помѣщика къ другому [1]). Въ такомъ случаѣ, діалогъ составленъ послѣ 1763 года. Причиной всѣхъ золъ пастухи считаютъ грѣхопаденіе Адама, называемаго здѣсь Буркуномъ Чмирой, который, послушавшись своей жены, поѣлъ запретной кислицы, а на весь міръ оскома напала. Они вѣрятъ, что, согласно пророчеству св. книгъ, явится отроча, которое „привой“ (нерукосѣчнымъ камнемъ) поразитъ діавола и его слугъ.

Авторъ искусственно поддѣлывался подъ простонародную малорусскую рѣчь и уснастилъ свой діалогъ необычными, невразумительными словами, иногда непонятными и для теперешнихъ малороссовъ.

10. Значительное родство съ только что приведеннымъ рождественскимъ діалогомъ пастуховъ имѣютъ пасхальныя вирши безъ заглавія, которыя, однако, можно озаглавить такъ: *Сонъ наканунѣ Пасхи.* Правда, это—не діалогъ, а простой разсказъ автора о своемъ снѣ; но въ самомъ разсказѣ есть значительный сценическій элементъ, роднящій его съ грезами и сновидѣніями на сценѣ у современнаго нѣмецкаго драматурга Гауптмана. Авторъ виршей разсказываетъ о себѣ, что въ страстную пятницу вечеромъ, наѣвшися кваши, легъ спать съ женою своею Педорою и увидѣлъ во снѣ покойнаго дѣда, который упрекнулъ его за то, что онъ со своею Педорою не готовится къ великому празднику. Въ отвѣтъ на вопросъ, какой это великій праздникъ, дѣдъ повелъ автора на высокую гору, къ толстому дубу, на которомъ висѣлъ удавленикъ:

---

[1]) „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, М. Грушевскаго, С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 201.

Сей,—каже,—покойничокъ звався Буркунъ Змира
И знавъ усю церковну рахахубу дошпира.
Якъ же,—каже,—у Спаса обмаль грошей стало,
Дакъ онъ и его продавъ, лишъ у ладъ не припало;
Вѣнъ,—каже,— сѣромаха въ чѣпчику родився,
Да легенька жъ ему и смерть—силцемъ задавився.

Здѣсь выводится тотъ же Буркунъ Чмира, котораго мы видѣли и въ рождественскомъ діалогѣ пастуховъ, съ легкимъ измѣненіемъ фамиліи въ Змиру, но уже въ роли не Адама, какъ тамъ, а Іуды предателя.

Оборотившись назадъ, авторъ увидѣлъ смерть и чорта въ жалкомъ видѣ, идущими въ парѣ.

Лишъ же глянувъ я назадъ, ажъ друга прочвара:
Смерть из дѣдькомъ чвадае мовъ воликовъ пара.
На дѣдку кожушина вся на шматки порвата,
Роги въ пекли позбивани, хромае до ката,
Ногтѣ з лапъ позлазили, скрежече зубами,
Сызенькій мовъ журавлыкъ—знать бито кіями.
А Смерть, мовъ бубонъ, гола собою, нечвидна,
Боса, простоволоса, изгорбилась бѣдна,
Пасокою умазалась, ребра кругомъ знати,
Очей, ушей и носа притьмомъ не видати;
Коссіемъ подпершись, скаче мовъ по купѣ жаба,
Лишь витрищила зуби, щербата мовъ баба.

Оказалось, что такъ избили ихъ въ аду крестомъ за то, что они столько погубили людей, а Смерть покушалась даже поглотить и самого Спаса. Послѣ этой расправы—

Хрестяне въ небѣ пьютъ, гуляють, скачуть.

Скоро радость спустилась и на землю вмѣстѣ съ Великоднемъ, который пріѣхалъ къ людямъ изъ Іерусалима, одѣтый по праздничному и окруженный пасхальными снѣдями.

Я, правда, заглядився такой дивовижи,
Ажно зза гори мелькаютъ в ярмахъ волики рижи.
Отто я думавъ, що Христосъ съ плугомъ иде орати,
Толко жъ дудка заграла; ну, я ставъ гадати:

Може, каже, перезва до свата котится,
Ажно янголія возами тащиться.
А се, реку, яка манѣя, спитався?
Ажно, каже, Великдень в гостѣ к намъ припхався.
Вунъ, каже, з Русалиму мався давно бути,
Да лихая халепа якъ узяла дути,
Отто вунъ на тумъ боцѣ ожидавъ дороги,
Ажъ покуль не грянули Днѣпровіе пороги.
Я, правда, догадався, що те свято буде,
Якъ жунки красять яйця, паски леплятъ люде,
Да спитавшись збоку почавъ познавати,
В якомъ возѣ панъ Великдень зволить пробувати.
Ажно гляну напередъ, седить у чимлѣтѣ,
Крашанками, якъ цвѣтомъ, укруги укритій.
На немъ жупанъ съ китайки, у бока гаманъ зяе,
Ковбасою волики стиха поганяе;
Чижмачки буброви, онучки шовкови,
У вигулярнуй шапотцѣ й ермолукъ новій,
Персніовъ повно на рукахъ, мае корогвою;
Якъ ясна зоря—такъ пригожъ собою,
Да на всѣхъ поглядае окомъ веселенькимъ
И пѣсенку голосомъ спѣвае техесенькимъ.

Подобный поэтическій образъ Пасхи въ чисто малорусскомъ деревенскомъ вкусѣ мы встрѣчали и ранѣе, въ пасхальномъ діалогѣ 24 школяровъ, 1730-хъ годовъ.

Проснувшись, авторъ виршей разбудилъ и жену, чтобы она готовилась къ наступающему Великодню. Но было уже поздно, и пришлось просить сала и колбасъ на Пасху у добрыхъ людей:

Якъ вытрещить очи на мене ваша ласка,
То в мене при полѣ буде й сало й ковбаска,
А мы с Педорою смелемъ то смачненько,
Скажемъ: хто давъ, нехай той святкуе легенько.

По сообщенію издателя вирши О. Сластіона, найдена она между копіями указовъ и ордеровъ за 1786 годъ въ церкви села Красиловки, Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, и предположительно приписывается имъ тамощ-

нему дьячку Николаю Мазалевскому, умершему въ 1793 году. При этомъ г. Сластіонъ сообщаетъ, что фамилія „Змира“ въ той мѣстности и понынѣ распространена и принадлежитъ дѣловитому и зажиточному казацкому роду [1]). Поэтому весьма возможно, что авторъ вирши, называя Іуду предателя Буркуномъ Змирою, вмѣстѣ съ тѣмъ мѣтилъ и на живого міроѣда или кулака Змира. А такъ какъ этотъ Буркунъ Змира или Чмира фигурируетъ и въ рождественскомъ діалогѣ пастуховъ, играя здѣсь роль праотца Адама; то надобно полагать, что обѣ эти вирши составлены въ одной и той же мѣстности, а можетъ быть и однимъ авторомъ. По крайней мѣрѣ, лексическій составъ обоихъ произведеній, довольно вычурный и невразузительный, одинъ и тотъ же. Кромѣ имени Буркунъ Чмира или Змира, въ обѣихъ виршахъ встрѣчаются одинаковыя выраженія: чимчиковать, дошпира, пасока, плазовати, холозѣя, кросна и т. п.

11. Въ заключеніе, приведемъ еще одну виршу на Рождество Христово, записанную для насъ въ Волынской губерніи, гдѣ это всемірное событіе описывается примѣнительно къ крестьянскимъ обычаямъ при родинахъ.

Рождество Христово днесь празднуймо,
Христа рожденного выхваляймо,
И скакаймо, и гуляймо
Въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ.
Прійшли до шопи витати пана,
Прійшли до череди взяти барана,
Сколотили всю череду,
Побигъ Савва попереду
Въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ.
Прійшли до шопи, ажъ тамъ панятко,
Марія, Йосипъ и мале дитятко.
Коло ясель старый Йосипъ
Оберемкомъ сіно носитъ
Въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ.

---

[1]) „Кіевская Старина“, ноябрь, 1899 года, стр. 69—74.

Завертае Ангелъ Савву до буды:
Забрали органы, забули дуды,
И забули запытати,
Которому пану грати
Въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ.

Радость намъ, радость, радость не мала!
Якъ тупнули въ стані, станя движала
Гей, гоци-скоки!
Старый Йосипъ взявся въ боки
Въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ.

Радость намъ, радость, радость не мала!
Якъ тупнули въ стані, станя движала,
Волы очи вывалили,
Якъ тыи гости гопки били
Въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ.

Радость намъ, радость, радость не мала!
Якъ тупнули въ стані, станя движала.
Танціовали по всей стані,
Ще й хотіли на Йордани
Въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ.

Марія Мати не позволила,
До Йосипа старця слово молвила:
Возьми, старче, Іоанна,
Охристимо Христа пана
Въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ [1]).

Вирша эта — несомнѣнно искусственнаго школьнаго происхожденія, но составлена уже едва ли не подъ влія-

---

[1]) Вирша доставлена въ 1866 году однимъ изъ воспитанниковъ Волынской Дух. Семинаріи.

ніемъ уніатскихъ школъ. Фамиліарное обращеніе ея со священными лицами и событіями иногда граничитъ даже съ кощунствомъ.

Всѣ эти и подобныя драматическія произведенія были только единичными праздничными экскурсами въ общественную и простонародную малорусскую жизнь и не освѣщали ея полнымъ свѣтамъ, а только слабо принаровлялись къ ней. Но въ концѣ XVIII в. мы видимъ и такія драматическія произведенія въ малороссійскомъ простонародномъ духѣ, которыя являются плодомъ продолжительнаго, систематическаго изученія простонароднаго быта и изображаютъ его довольно полно и вѣрно, хотя и съ сословной точки зрѣнія. Мы имѣемъ въ виду сочиненія священника села Вишенокъ, нынѣ Остерскаго у., Черниговской губ., Іоанна Некрашевича и его послѣдователей.

Священникъ Некрашевичъ писалъ отдѣльные, коротенькіе разговоры и сцены и поздравительныя драматизированныя вирши, но писалъ ихъ въ реальныхъ условіяхъ сельской жизни, примѣнительно къ злободневнымъ ея нуждамъ, и притомъ на малорусскомъ языкѣ. Поэтому стихотворенія Іоанна Некрашевича представляютъ собою шагъ впередъ сравнительно съ предшествующими сочиненіями въ этомъ родѣ.

Іоаннъ Некрашевичъ, сынъ священника Георгія, родомъ былъ изъ того же села Вишенокъ, въ которомъ впослѣдствіи привелось ему священствовать, и обучался въ Кіевской Академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1763 году, при ректорѣ Академіи архимандритѣ Самуилѣ Мисловскомъ[1]). Такъ какъ село Вишенки принадлежало къ числу

---

[1]) „Акты и документы... Кіев. Академіи“, серія 2, т. III, Кіевъ, 1906 г., стр. 268. Біографическія свѣдѣнія о немъ собра-

имѣній Кіево-Печерской лавры, то оно, до отобранія монастырскихъ имѣній въ казну въ 1786 году, и управлялось въ экономическомъ отношеніи особымъ лаврскимъ городничимъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи писаря; а архимандритъ лавры, въ силу предоставленной ей автономіи и независимости отъ мѣстнаго архіерея, самъ назначалъ туда священниковъ и только презентовалъ ихъ Кіевскому митрополиту для посвященія. Этимъ-то исключительнымъ положеніемъ приходскихъ церквей и причтовъ въ лаврскихъ имѣніяхъ и объясняются тѣ особенныя отношенія, какія имѣлъ Некрашевичъ какъ къ писарю монашескаго управленія селомъ Вишенками Ив. Филиповичу, такъ особенно къ Кіево-Печерскому архимандриту Зосимѣ Валкевичу. І. Некрашевичъ несомнѣнно назначенъ былъ въ Вишенскіе священники Кіево-Печерскимъ архимандритомъ Зосимою, хотя и рукоположенъ во священный санъ Кіевскимъ митрополитомъ.

Священникъ І. Некрашевичъ былъ человѣкъ разносторонній, умный, настойчивый и властный. По мѣстнымъ преданіямъ, кромѣ богословскаго образованія, онъ владѣлъ еще столярнымъ мастерствомъ и собственноручно сдѣлалъ для своей церкви купель, рѣзной висячій ящищекъ для теплоты и рѣзной деревянный семисвѣчникъ, переданный Т. В. Кибальчичемъ въ Императорскую Академію Художествъ[1]), а для себя сдѣлалъ бричку, съ такою надписью сзади: „Не рушь мене!“ Дѣйствительно, затронуть его было опасно. Бывало, когда провинится передъ нимъ какой-нибудь прихо-

---

ны В. Н. Перетцомъ въ его „Историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ и матеріалахъ“, т. III, С.-Петербургъ, 1902 г., стр. 371—422. Мы, съ своей стороны, дѣлаемъ только нѣкоторыя поправки и дополненія къ труду профессора Перетца.

[1]) Купель и ящичекъ хранились въ Вишенской церкви до послѣдняго времени.

жанинъ, то о. Некрашевичъ приглашалъ его къ себѣ, предварительно натопивъ жарко пріемную свою комнату. Прихожанинъ обыкновенно являлся въ парадномъ кожухѣ, а о. І. Некрашевичъ принималъ его въ легкомъ домашнемъ костюмѣ и доводилъ своего гостя до десятаго поту[1]). Настойчивость его по отношенію къ прихожанамъ отчасти видна будетъ и изъ его сочиненій.

Какъ человѣкъ способный и съ полнымъ академическимъ образованіемъ, священникъ І. Некрашевичъ внимательно присматривался къ окружающей его сельской жизни и старался воспроизвесть ее въ своихъ стихотвореніяхъ, съ цѣлію воздѣйствовать на нее въ пастырскомъ духѣ.

Изъ его діалоговъ и отдѣльныхъ сценъ доселѣ извѣстны три, а именно: 1) „Споръ души и тѣла“; 2) „Ярмарокъ“ и 3) „Исповѣдь“, 1789 года, къ которымъ мы предположительно относимъ еще 4) „Суплику або замыслъ на попа“. Изъ поздравительныхъ же драматизованныхъ виршей его имѣемъ 5) „Письмо къ Гнѣдинскому священнику Іоанну Филѣповичу и къ сыну его Петру, и къ дячку Стефану Кринѣцкому“, 1791 года, на Рождество Христово.

1) Въ 1773 году былъ написанъ І. Некрашевичемъ, а въ 1881 году переписанъ и, вѣроятно, исправленъ стихотворный діалогъ *„Споръ души и тѣла“*. По формѣ это—чисто-школьное упражненіе, обычное въ южно-русской литературѣ еще со временъ діалоговъ Памвы Берынды и др. Тэма взята здѣсь старая, обошедшая почти всѣ европейскія литературы и развитая, между прочимъ, и въ извѣстной уже намъ галиційской мистеріи на Благовѣщеніе, XVII вѣка. Душа упрекаетъ тѣло въ своей погибели, тѣло оправдывается, считая душу отвѣтственною за грѣховную жизнь.

---

[1]) Сообщено покойнымъ Вишенскимъ священникомъ Ѳ. П. Яновскимъ († 1900 г.) и племянникомъ его, профессоромъ Кіевской дух. Академіи Ѳ. И. Мищенко.

Споръ оканчивается появленіемъ діаволовъ, увлекающихъ душу въ адъ. У Некрашевича діалогъ изложенъ оригинально и съ новымъ заключеніемъ.

Душа сѣтуетъ, не знаетъ, что̀ дѣлать: живя въ скверномъ тѣлѣ, она сознаетъ предстоящую ей погибель: діаволъ день и ночь неусыпно тщится уловить ее въ свою сѣть. Тѣло, обиженное обвиненіемъ, возражаетъ: „развѣ ты не видишь этихъ сѣтей діавола? Чего же ты медлишь молиться? Ты спишь, а спящаго уловить не трудно. Богъ заступникъ не поможетъ тебѣ: ты его прогнѣвляешь, оскверняя чистоту сердца грѣхами. Онъ любитъ теплую молитву; а кто самъ удаляется отъ него, тотъ не можетъ спастись отъ врага“. Тѣло призываетъ душу проснуться и внимать словамъ апостола Павла. Душа возражаетъ, что она всегда желаетъ служить Богу, но чувствуетъ себя какъ въ тюрьмѣ; тѣло само мѣшаетъ ей молиться: „Я бъ стала на молитвахъ, да ты несогласно!“ Тѣло заставляетъ душу, вопреки словамъ Христа, думать о завтрашнемъ днѣ, бояться нужды и такимъ образомъ колеблетъ ее въ вѣрѣ. Тѣло ловитъ, однако, душу на словѣ и указываетъ, что ею оно живо, согласно апостолу Іакову:

...Можетъ ли мертво благо ль, зло здѣлать что живому?
Ты жива, ты вѣчна; ты, ты владѣешь мною,
Я безъ тебе не могу двигнуть и рукою.

„Да, я духовна“,—отвѣчаетъ душа,—„но ты прилѣпилось къ земному и явилось полнымъ земныхъ нечистотъ“. Тѣло оказывается жилищемъ всѣхъ страстей, и душѣ пребываніе въ немъ кажется хуже ада. Томясь, она молитъ о смерти, чтобы улетѣть отъ тѣла.

Тѣло указываетъ ей, что рано еще ей предстать предъ судищемъ Христовымъ, гдѣ всѣ примутъ по дѣламъ, за свои поступки: „не думай оправдаться,—мы вмѣстѣ грѣшили;

Грѣшило я, признаюсь, да и ты не права,
Обомъ равно предлежитъ мука или слава...

И такъ лучше, когда хочъ грѣшили обое,
Обое жъ и покаймось, да убѣжимъ злое!"

Душа изъявляетъ согласіе вмѣстѣ съ тѣломъ творить добрыя дѣла и избѣгать грѣховъ, дабы наслѣдовать царство небесное. Оба они обращаются съ совокупною къ Богу молитвою, представляющею переложеніе молитвы Господней:

Отче нашъ пренебесный! Твоя воля съ нами
Всегда да будетъ, такъ же владѣетъ сердцами!
Имя да святится въ насъ, и царство да прійдетъ,
Да сѣтью лукавій врагъ болшъ насъ не обійдетъ;
Оставъ намъ наши долги, да й мы оставляемъ;
Избавъ отъ лукавыхъ, да Тя прославляемъ!
Даждь намъ хлѣбъ небесный твой всегда чисто ясти,
Да омерзѣютъ отсель всѣ мірскія сласти!
Безъ Тебе жъ не можемъ мы, Твое то есть дѣло
Очистить тѣло отъ скверны, здѣлать какъ снѣгъ бѣло,
Душу жъ освятить себѣ въ покоище вѣчно
И жить въ ней какъ бы въ небѣ всегда самолично.
О Боже, здѣлай сія, прилѣжно молюся,
Да азъ славы твоея въ вѣкъ онъ насыщуся,
Яко твое царство есть, и сила и слава!
Да введетъ въ оное насъ твоя рука права!

„Нужно отдать справедливость автору,—говоритъ профессоръ Перетцъ,—разговоръ ведется живо, довольно чистымъ языкомъ, съ незначительнымъ количествомъ церковно-славянизмовъ, употребленныхъ вполнѣ умѣстно въ заключительной молитвѣ" [1]).

2) Разговоръ, подъ названіемъ „*Ярмарокъ*", І. Некрашевича, повидимому не имѣетъ въ виду опредѣленной практической цѣли и представляетъ изъ себя только бытовую картинку изъ жизни малорусскаго крестьянина; но для раз-

---

[1]) „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы", В. Н. Перетца, т. Ш, С.-Петербургъ, 1902 г., стр. 396—8, и Прилож. стр. 151—5.

витія самого Некрашевича въ извѣстномъ, народническомъ направленіи этотъ разговоръ имѣетъ немаловажное значеніе, свидѣтельствуя объ его стремленіи изучить народный бытъ и языкъ. Въ сравненіи съ діалогомъ „Споръ души съ тѣломъ“, написаннымъ книжнымъ языкомъ съ примѣсью церковно-славянскаго, „Ярмарокъ“ написанъ простонародною малорусскою рѣчью изображаемыхъ въ немъ крестьянъ. Въ „Ярмаркѣ“ выводятся на сцену крестьяне Хвилонъ и Хвеcько.

Хвил. Оже да й здоровъ, Хвеcко! Що ты ярмаркуешъ
Що добре тутъ продаешъ, або що купуешъ?
Хвес. Та мовчи, бра Хвилоне, продавъ свою клячу.
Хвил. А ну, бра, за що ты збувъ ту шкуру собачу?
Хвес. Да оцце за повъпета изопхнувъ насилу,
Аделе купивъ собѣ за повъшта кобылу.
Хвил. Я жъ тобѣ давно казавъ въэ держати.
Сѣна зовсѣмъ не вкусить, и стала хромати.

Упрекнувъ Хвеcька за неопытность въ торгашествѣ, Хвилонъ вызывается купить у него слѣпыхъ воловъ и торгуется съ нимъ.

Хвес. Коли каэшъ, дакъ кай, та й будемъ сватами;
Нехай таки ще роднѣ прибуде мижъ нами.
Хвил. Ну, вступи жъ за повшнадцэть, дакъ будемъ платити,
Колибъ тѣлко годились у плузѣ робити.
Хвес. Куме! слухай, зъ моихъ рукъ щастіе тобѣ буде;
Вони дуже робочи, нехай каутъ люде.
Хвил. Спасибу жъ тобѣ, куме! нумо жъ пить горѣлку,
Та ще треба землею стерти воламъ спинку.
Випій же, свату, до дна, щобъ воли орали!
Хвес. Отъ такъ, свату, въ гору хвись, щобъ тобѣ брикали [1]).

3. Діалогъ *„Исповѣдь“* написанъ І. Некрашевичемъ въ въ февралѣ 1889 года и, по видимому, представляетъ сцену изъ дѣйствительной жизни тогдашняго приходскаго священника. Предшественники Некрашевича по приходу, какъ видно,

---

[1]) Изд. тамъ же, Приложен. стр. 157—8.

пренебрегали таинствомъ покаянія и исповѣдывали своихъ прихожанъ всѣхъ вмѣстѣ, давая всѣмъ имъ общіе вопросы, а не каждому порознь. О. Іоаннъ въ приходѣ своемъ Вишенскомъ ввелъ одиночную исповѣдь и спрашивалъ кающихся не только о явныхъ, такъ сказать вещественныхъ грѣхахъ, но и о сокровенныхъ помыслахъ и пожеланіяхъ. Непривычные къ такимъ порядкамъ крестьяне возроптали на своего священника и даже намѣревались скинуть его съ прихода. Священникъ своими наставленіями старается успокоить своихъ прихожанъ и пріучить ихъ къ одиночной исповѣди.

Духовникъ спрашиваетъ кающагося „человѣка“, т. е. мущину, о грѣхахъ его, на что послѣдній отвѣчаетъ:

Що жъ я коли зогрешу? я не такъ якъ люде,
Що иншій ледащо, да й ще звягать буде.
А я хлѣба да соли не збавивъ нѣкого,
А бѣлше якихъ грехѣвъ не чуюсь ничого,
Горую да бѣдую, хочъ хлѣба не маю,
А нѣколи нѣкого я не позываю.
Ой, чи я жъ бы бѣдовавъ, якъ теперъ бѣдую,
Якъ бы хотѣвъ грѣшити, занять речъ чужую!

Священникъ объясняетъ ему, что онъ всѣ грѣхи смѣло творилъ, но не звалъ ихъ грѣхами.

Духовникъ къ женщинѣ.

Говори жъ еще и ты, что ты согрѣшила,
Чимъ случайно и когда Бога оскорбила?
Различніи суть грѣхи, многи и велики,
Коимъ повинніи вси, жены й человѣки.
Ѣздила ль когда вездѣ ворожки искати,
Щастливое мѣсто бъ знать на постройку хати?
Шутки кощунныя ль ты въ весѣлляхъ творила,
Иль и больше чимъ, скажи, и какъ ты грѣшила?

Женщина.

Нѣ, очченку, я чесна й роду не такого,
Якъ иншее бувае матки й оцця злого;
А мене бо навчили отецъ муй и мати

Колядувокъ и щедрювокъ Бога зухваляти.
Говѣю я що-рóку, пятюнку шаную,
Нѣ ѣмъ, нѣ пѣю, не роблю до вечора въ тую.
Отъ бризнуло на губу, якъ сыръ одкидала.
Чого я не робила? ввесь ротъ полоскала.
Ісусе, прости мене грѣшную такую!
А булше я на собѣ нѣчого не чую.

Духовникъ.

Единъ Богъ есть безъ грѣха,—что ты се говоришъ?
А міръ весь во злѣ лежитъ, и ты тожде творишъ.

Женщина.

Развѣ ты, паноченьку, по собе се знаешъ,
Що ты у мене грѣхювъ такъ довго питаешъ?
Еще жъ хиба за те грѣхъ, що брехнешъ, паноче,
Губою не митою,—се жъ дѣло охоче.
Я жъ таки не все й брешу, я чесна собою;
Десь ты по злобѣ почавъ такъ крутити мною.

Священникъ смутился духомъ отъ попрековъ невѣжественной женщины, и у него промелькнула даже мысль оставить священство, если онъ никакъ не можетъ исправить невѣждъ; но онъ тотчасъ же и прогналъ отъ себя эту малодушную мысль, успокоившись на другой мысли, что его дѣло—только трудиться и настойчиво проповѣдывать а надежду на успѣхъ возлагать на Бога:

Не мое бо дѣло то сердца обращати,—
Довлѣетъ то для мене, дабы не молчати.
Едина то благодать Духа пресвѧтаго
Хотящаго и святымъ дѣлаетъ изъ злаго.

Духовникъ къ дѣвицѣ.

Къ тебѣ убо, дѣвице! рѣчь я обращаю:
Покайся,—то Богъ простить, и я нынь прощаю.
Раскажи здѣсь подробну, безъ всякой утайки,
Всѣ грѣхи до послѣдней пустой какой байки.

Дѣвица.

А я що зогрешила, що я можу знати?
На вечюрки не хожу, не пускае мати;
Шѣсть разъ мене и торюкъ моя мати била
За те, що на юлицю разювъ съ пять ходила.
Единъ тулько разъ колись пѣсню заспѣвала,
Да й вигнала изъ хати, що й не ночовала.
Все жъ теперъ добре роблю, у грѣхахъ не чуюсь,
Одъ теи доби й досѣ усе я шануюсь.

Духовникъ къ малолѣтнымъ.

И вы, дѣти, не крадьте, не будьте упрями,
Не брешѣте, не бійтесь межъ собою сами.

Малолѣтные.

Чи ще жъ и мы зогрѣшимъ? нѣ, очче, нечого;
Молимось, бьемъ поклоны, нечóго худого.

Всѣ обще ропщутъ.

А що жъ то пѣпъ нашъ почавъ всѣхъ насъ такъ нуждити?
Доки жъ уже мы іому будемо терпѣти?
Се жъ уже на спóведѣ й брехню завдавае,
Коли скаэ хто іому, що грехювъ не мае.
Оццежъ пакъ! а де іому грехювъ такихъ взяти?
Якъ нечóго не грешивъ, що жъ мае казати?
Чи то мы такъ грешимо, якъ и инши люде?
Да абы були люде, а пѣпъ у насъ буде.
И іого бъ мы за попа всѣ посполу мали,
На проскуры бъ носили, й іого бъ шановали,—
Нехай бы вѣнъ переставъ тѣлко мудровати,
Щобъ такъ по одинцю все всѣхъ насъ споведати.
Еще жь коли бъ переставъ муштровать въ причастѣ,
Що одъ свити закаврашъ одрѣзавъ у Настѣ.

Духовникъ.

Нѣтъ, возлюбленныи, нѣтъ, не хотѣте й сами!
Вы йдѣть за духовникомъ, а не онъ за вами!
Іисусъ свѣтъ истинній свѣта есть податель;

Да просвѣтитъ же и васъ, яко благодатель!
Его познать, то й грѣхи познать будетъ можно,
Покаявшися жъ житъ съ нимъ, ей се есть неложно.

Всѣ роптавшіе.

Коли жъ такъ, дакъ мы тебе всѣ будемо слухать.
Да позвюль сивуху пить, да табаку нюхать.
Росказуй тогдѣ що хочъ; бо мы всѣ слепыи,
Не знаемъ, чи за грехи есть кари якіи?
А мы будемъ пилненко на усъ те мотати,
Чи не станемъ хочъ трохи грехювъ познавати.
Теперъ же, хвала Богу, пришовъ пѣстъ великій,
Въ церквѣ не будуть хиба саміи калѣки;
Котрый не бувъ черезъ рѣкъ, теперъ побувае
Хочъ у перше, коли пѣпъ людей сповѣдае;
Очи продере свои, побачить все злее,
Що, якъ, коли зогрѣшивъ хочъ слово якее,
Ей Богу покаемся жѣнки й чоловѣки,
Щобъ у небѣ зо Хрістомъ царствовать навѣки[1])

Не трудно понять, что въ религіозно-нравственномъ невѣжествѣ малорусскихъ крестьянъ менѣе всего виноваты были они сами и что виною ихъ невѣжества были необразованные священники, почти нисколько не возвышавшіеся надъ уровнемъ религіозно-нравственнаго состоянія крестьянъ. А это, въ свою очередь, происходило отъ того, что кандидаты во священство въ Малороссіи обыкновенно выбирались самими прихожанами и изъ ихъ же среды, вполнѣ зависѣли отъ своихъ прихожанъ и мирволили имъ. Раскрытіе этой стороны церковно приходской жизни сдѣлано въ другомъ діалогѣ, подъ названіемъ.—

4) „*Суплика або замыслъ на попа*“ или „Прозба на попа слободы *Нерушь мене* отъ парафіянъ“. Старѣйшій изъ извѣстныхъ списковъ ея относится къ 1798 году. Она не разъ издаваема была въ различныхъ варіантахъ, и составленіе ея

---

[1]) Тамъ же, Приложен. стр. 159—163.

приписывалось неизвѣстному лицу XVIII вѣка, или какому-то подражателю І. Некрашевича, жившему въ самомъ концѣ XVIII столѣтія. Но упоминаніе въ одномъ изъ варіантовъ псевдонимнаго названія слободы „Нерушь мене“ указываетъ на извѣстный намъ девизъ самого І. Некрашевича, котораго, поэтому, съ правдоподобіемъ можно считать авторомъ и этой супплики или просьбы, искаженной впослѣдствіи переписчиками. Супплика или просьба имѣетъ близкое родство съ „Исповѣдью“ І. Некрашевича и продолжаетъ то, на чемъ остановилась послѣдняя. Въ суппликѣ или просьбѣ восемь прихожанъ, крестьянъ слободы „Не рушь мене“, совѣтуются между собою,—

Якъ бы намъ того попа гарно въ шоры убраты.
Тотъ винъ силомицки влѣзъ въ нашу парафѣю;
Пѣди жъ ты, якую надъ нами крутить веремѣю,
Чого наши дѣды и батьки не чували,
То щобъ мы іому на исповѣдѣ те слебезовали.
Да ще жъ то выдумавъ якую затѣю,
Щобъ мы давали дѣтей у ванацѣю.

Они обращаются къ мѣстному дьяку съ просьбой написать для нихъ прошеніе владыкѣ объ удаленіи отъ нихъ теперешняго ихъ попа. Мотивами своей просьбы они выставляютъ строгость своего священника, часто сажавшаго своихъ прихожанъ въ „куну“ на цѣпь за ихъ прегрѣшенія, и снисходительность ихъ прежнихъ священниковъ къ ихъ слабостямъ.

Харко. Не ма на свѣтѣ якъ нашъ пѣпъ бувъ старый,
Що и досѣ згадуе великій и малый...
Пархимъ. Умѣвъ же, Филине, зъ народомъ обходитця,
Да й було тодѣ де горилки напитця.
Уже небѣжчикъ за вѣнчанье добре дравъ,
Добрѣ жъ и мірянъ объ храмѣ напуввавъ.
Попили голубочки тѣ оковѣтки,
Та ще не тѣлко мы, але и наши дѣтки.

А до сіого нѣякъ и приступити,
А не тѣлко щобъ коли горѣлку пити.
Въ другомъ мѣстѣ суплики Педко диктуетъ дьяку:
Пиши ще и се, шо вѣнъ не велитъ челядѣ колядовати,
На юлицю ходиты, и на Купала скакаты.
Объ клечалной недѣлѣ заказавъ вѣнки завивати,
Щобъ на граты въ карты и въ шинкъ не ходиты.
А чому жъ небѣжчикъ не тѣлко на Купала ходивъ,
Але часто було и на вкулачки,
Що не одинъ було видъ іого полѣзе рачки.
Адже бо сей не иде и насъ не пускае,
Тѣлко въ церквѣ що день съ дьякомъ голосае.
А старый небѣжчикъ не разъ въ шинку христивъ,
На Купала скакавъ, и коліодовати ходивъ.
По весѣльямъ було не тѣлко старастуе;
Ходивъ у придане, що було и дружкуе [1]).
А вѣнчавъ небѣжчикъ не тѣлко съ кумою,
Хоть бы десь пришлось и зъ рѣдною сестрою,
Атже жъ покѣйникъ вѣнъ не менше грѣхивъ знавъ,
Таки парафянъ своихъ такъ не мудровавъ.
Вѣльно тодѣ було що хотѣть робиты,
Не принуждавъ,—царство іому,—до церкви ходити
Лихословицѣ тодѣ мы не умѣли,
Атже жъ насущный хлѣбъ ѣли.

Еще въ другомъ мѣстѣ Пархимъ говоритъ по поводу поповскаго приказанія ходить по праздникамъ въ церковь

А коли жъ, пане дьяче, будемо робити,
Якъ станемо до церкви що праздника ходити?

---

[1]) Что даже протопопы бывали иногда дружками на свадьбахъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ запретительный указъ м. Рафаила Заборовскаго. См. „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія вторая, т. I, ч. 1, Кіевъ, 1904 г., № IX, стр. 72.

Старый пѣпъ небѣжчикъ не плѣвъ ванацѣи,
Да и не було николы такои затѣи:
До церкви ходили не кожнои недѣлѣ,
А говѣли тѣлко тѣ, яки хотѣли.
А сей же бо велить и дѣтямъ говѣти,
Ище щобъ дѣтей и „вѣрую“ учити.
А хто „отченашу“ не знае, того и не исповѣдае,
А якъ „Троицѣ“ не знае, то и не причащае.

Дьякъ написалъ прихожанамъ прошеніе къ архіерею въ такомъ духѣ, съ просьбою избавить ихъ отъ этого священника и дать имъ другого. Но болѣе старые и опытные люди изъ прихожанъ не совѣтовали подавать архіерею такого прошенія, и дѣло окончилось только выпивкою, на которую приглашенъ былъ и дьякъ [1]).

Изъ сравненія „Исповѣди“ съ „Супликой“ можно видѣть, что кругозоръ послѣдней гораздо шире и вмѣстѣ съ тѣмъ глубже проникаетъ въ существо дѣла, такъ какъ „Суплика“ винитъ въ религіозномъ невѣжествѣ не одинъ только простой народъ, но и ближайшихъ его руководителей, священниковъ стараго закала, не получившихъ правильнаго, систематическаго школьнаго образованія. Въ противоположность имъ, въ „Супликѣ“, да отчасти и въ „Исповѣди“, лучшими приходскими пастырями являются „латинники“, т. е. люди со школьнымъ образованіемъ, которые неопустительно совершаютъ богослуженіе, строго относятся къ совершенію таинствъ и особенно исповѣди, проповѣдуютъ въ церкви, учатъ прихожанъ и особенно дѣтей важнѣйшимъ молитвамъ и заставляютъ прихожанъ отдавать дѣтей своихъ въ школы. Но это уже не избранные самими прихожанами священники, а назначенные епархіальнымъ начальствомъ на основаніи ихъ образовательнаго ценза, а потому держатъ

---

[1]) Изд. въ „Кіевской Старинѣ“, мартъ, 1885 г., стр. 543—550, и октябрь, 1899 г., отд. 2, стр. 3—8.

себя довольно самостоятельно и независимо отъ вкусовъ и требованій своихъ прихожанъ, какъ говорилъ духовникъ въ „Исповѣди“: „вы идите за духовникомъ, а не онъ за вами“. Слѣдовательно, „Исповѣдь“ и „Суплика“, держа сторону этихъ приходскихъ священниковъ новой формаціи, имѣютъ въ виду и тенденціозную цѣль освободить образованное духовенство отъ давленія на него со стороны невѣжественныхъ прихожанъ и образовать изъ него особое духовное сословіе.

5) Послѣднее изъ намѣченныхъ нами стихотвореній І. Некрашевича есть его стихотворное *„письмо къ Гнѣдинскому священнику Іоанну Фильповичу* и къ его сыну Петру, и къ дячку Стефану Кринѣцкому“. Оно писано 19-го декабря 1791 года, передъ Рождественскими праздниками, и принадлежатъ къ разряду поздравительныхъ праздничныхъ виршей. Писано оно такими же силлабическими леонинскими стихами, какими и извѣстная намъ пасхальная вирша Танскаго 1746 года, носитъ явные слѣды подражанія ей и иногда даже повторяетъ нѣкоторыя ея слова и выраженія. Приводимъ ее здѣсь, съ указаніемъ курсивомъ заимствованныхъ у Танскаго словъ и выраженій:

Отецъ Іванъ, Петро й Степанъ зъ своими жѣнками,
Просимъ до насъ хотя на часъ пріѣхать святками.
Будемъ *гулять* и *зухвалять* рожденного Бога.
Уже отъ васъ *просто* до насъ *зроблена дорога.*
Заспѣваемъ хоть надъ чаемъ, выпьемъ калинювки;
Поговоримъ, что сотворимъ, тутъ же зъ нами й женки.
На колодѣ о пригодѣ, що будемъ на свѣтѣ;
А чи спати, чи гуляти, або що робити.
Все то нужно, якъ досужно, теперь не до того:
Не робити, не спочити, треба дня святного.
Да то не намъ, знаешъ и самъ, бо у насъ заботи:
Бѣлшъ святного, нѣжъ простого дня бува роботи.
Да вже жъ зъ того намъ такого не розсѣстись лиха,
Треба святомъ, съ кумомъ, братомъ погулять изътиха.

Пріѣзжайте, поздравляйте, щобъ намъ дочекати
Веселенко, здоровенко и ще праздновати.
А мы разомъ усѣ скажемъ изъ вами посполу,
Ѣлшъ не вмѣемъ, що запѣемъ, не ходили въ школу.
Сядемъ дружно всѣ окружно за столомъ у хатѣ;
Хоть не пансько, да й не хамско будемъ розмовляти.
А мижъ тими рѣчми всѣми то чимъ заѣдати,
То по чарцѣ, то по парцѣ будемъ запивати.
Разгулявшись, розмахавшись, того ище й мало,
Выпьемъ опять хоть и по пять, абы тѣлько стало.
Якъ не стане, то достане батько або мати;
Однакъ честно и нелестно не выженемъ съ хати.
Насидѣвшись и напившись, росходицця станемъ;
Хто изъ нами, а хто з вами, усѣ разомъ грянемъ.
Нехай усякъ познае, якъ жить любезно треба.
Попы усѣмъ должни такимъ зробить путь до неба.
Бо вже усякъ словамъ не такъ повѣрить не хоче,
Лучче якъ самъ искаже намъ: вѣру вже, паноче!
Твоимъ дѣламъ, а не словамъ, що ты поучаешъ;
Якъ добрый самъ, то вже и намъ Бога ублагаешъ.
Такъ зробѣмо, научѣмо хрестьянъ любо жити;
Самымъ дѣломъ введемъ смѣло у небесни клѣти;
Будемъ зъ ними вѣчне всѣми въ небѣ кучова́ти;
Пиво нове зъ ребръ Хрістовыхъ будемъ попивати.
Писавъ Іванъ, бо вмѣе самъ,—навчився у школѣ,
Годѣ писать! якъ прозывать—вѣнъ вамъ всѣмъ знакомый,
Отцу Йвану дать, якъ пану, у власніи руки,
Пусть читае и споляне, щобъ не було скуки! [1]).

Изъ всѣхъ этихъ произведеній І. Некрашевича „Суплика“ или „Прозба“ на попа имѣла наибольшій успѣхъ въ извѣстныхъ кругахъ малорусскаго общества, особенно въ духовенствѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ значительное чи-

---

[1]) Изд. въ „Историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ и матеріалахъ“, В. Н. Перетца, т. Ш, С. Петербургъ, 1902 г. Приложен. стр. 163—7.

сло списковъ ея, и притомъ съ варіантами, попавшихъ до настоящаго времени въ печать. Кромѣ сословнаго интереса молодаго образованнаго священническаго поколѣнія, старавшагося высвободиться изъ-подъ опеки необразованныхъ прихожанъ своихъ, „Суплика“ или „Прозба“ интересна какъ по описанію религіозно-нравственнаго состоянія простаго малорусскаго народа и вообще по этнографическимъ
лямъ своимъ, такъ и по нѣкоторымъ практическимъ указаніямъ для сельскаго приходскаго священника и по сатирическому изображенію сельскихъ священниковъ стараго типа.

Но сатирическіе стихи подобнаго рода, не ограничиваясь сферою сельской церковно-приходской жизни и сатирою на старыхъ священниковъ, касались и болѣе высшихъ сферъ церковнаго управленія, а именно административной дѣятельности самихъ епархіальныхъ архіереевъ и ихъ отношеній къ образовательному цензу кандидатовъ во священство. Въ этомъ отношеніи не безъинтересны двѣ вирши нѣкоего молодого человѣка С. Крещеновскаго, а именно сатирическая эпитафія Черниговскому архіепископу Виктору Садковскому, скончавшемуся 11 ноября 1803 года, и „Посланіе Виктора съ того свѣта“. Авторъ, вѣроятно, происходилъ изъ духовнаго сословія, такъ какъ фамилія Крещеновскій доселѣ встрѣчается между священниками Черниговской епархіи, и, повидимому, былъ близокъ къ покойному архіепископу. Въ эпитафіи преосвященный Викторъ, этотъ извѣстный въ свое время страдалецъ за православную вѣру, изображается съ оборотной, изнанковой его стороны. Онъ представляется лицомъ, довѣрявшимся во всемъ своимъ любимцамъ Юдѣ или Юдицкому, докладчику Григорію и діакону Левонькѣ. Эти лица заправляли ходомъ всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ: по ихъ указанію, посвящалъ Садковскій священниковъ, назначалъ ихъ въ духовныя правленія и т. п., а его любимцы брали съ назначаемыхъ взятки. Священническія мѣста давались людямъ недостойнымъ, простымъ, ремесленникамъ и т. п.

Но въ „Посланіи Виктора съ того свѣта“ тотъ же С. Крещеновскій, подъ вліяніемъ-ли мѣстной духовной вла-

сти, или же по собственному почину, ослабляетъ и почти уничтожаетъ всѣ приписываемые эпитафіей преосвященному Виктору недостатки въ его управленіи, объясняя ихъ высшими административными соображеніями. Преосвященный Викторъ, между прочимъ „отвѣчаетъ съ того свѣта“:

Въ чемъ только погрѣшилъ я—Богу далъ отвѣтъ;
Я грѣшникъ не одинъ, во злѣ лежитъ весь свѣтъ.
Что неученыхъ я большъ постригалъ попами,
Тому ученые причиною вить сами.
„Я не хочу попомъ,—рече ко мнѣ студентъ,—
Вели дать аттестатъ—быть льщусь юриспрудентъ.
Какъ мнѣ за похоронъ пирогъ брать, паляницу?
Я чистый дворянинъ, поѣду я въ столицу;
Не лучше-ль быть мнѣ тамъ хотя-бъ секретаремъ,
Чѣмъ тутъ на поминкахъ сидѣть съ пономаремъ?“
Итакъ учены всѣ разсѣялись по свѣту,
Кому же въ церкви пѣть и въ ризу быть одѣту?
Послушай, мой сынокъ, что я тебѣ скажу:
Лишь только простяка я рукоположу,
Мнѣ въ защищеніе сіи слова годятся:
Богъ буія избра, да мудри постыдятся.
Апостолы тогда не книжные были;
На рыбу волоки и постолы плели,
Однако жъ мудрецовъ подъ ноги покорили
И дивныя дѣла одни они творили.
Въ простѣйшихъ Богъ живетъ воистину сердцахъ;
Некнижные въ себѣ имѣютъ Божій страхъ,
Со трепетомъ они всѣ въ церкви поступаютъ,
И хульныхъ никакихъ блеять словъ не дерзаютъ.
Учены каркаютъ: на свѣтѣ Бога нѣтъ.
Ну? какъ же таковымъ въ церквахъ священныхъ пѣть? [1])

Изъ этихъ словъ вирши С. Крещеновскаго нельзя не видѣть, что не успѣло еще прочно сложиться духовное сословіе, какъ прикрѣпленные къ нему своимъ образованіемъ воспитанники духовно-учебныхъ заведеній или бѣжали изъ

[1]) См. „Кіевскую Старину“, мартъ, 1882 г., стр. 551—7. Нѣкоторые варіанты „Супплики“ въ спискѣ 1817 г. см. въ Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ“ 1910 г., т. XV, кн. 4, стр. 179—180.

него на свѣтскую службу, или же принимали священство, не имѣя внутренняго призванія къ нему. Образовался какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго наше духовенство не можетъ выйти и до настоящаго времени. Для достойнаго прохожденія пастырскаго служенія требуется духовное образованіе, но это образованіе налагаетъ на духовныхъ воспитанниковъ ярмо сословной исключительности, подавляющее ихъ естественныя склонности и предрасположенія.

Во всякомъ случаѣ, вирши священника І. Некрашевича и С. Крещеновскаго имѣютъ сильную духовно-сословную окраску, и если онѣ касаются иногда и малорусскаго простолюдина, то трактуютъ его какъ чисто пассивную личность, какъ объектъ воздѣйствія на него со стороны слагавшагося къ тому времени образованнаго духовнаго сословія. Несравненно болѣе самостоятельнымъ въ своихъ воззрѣніяхъ на окружающую среду является этотъ простолюдинъ въ такъ называемыхъ вертепныхъ представленіяхъ.

ГЛАВА III.

О вертепныхъ представленіяхъ полу-школьнаго, полу-народнаго происхожденія и характера.

Однимъ изъ болѣе могущественныхъ способовъ распространенія и опрощенія школьныхъ драмъ, кромѣ діалоговъ и драматизированныхъ виршей, служили такъ называемыя вертепныя представленія.

Вертепъ, по польски „шопка“, есть одинъ изъ видовъ кукольнаго театра, ведущаго свое начало изъ глубокой древности и широко распространеннаго въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, и является лишь примѣненіемъ этого театра къ сценическому представленію обстоятельствъ рожденія Спасителя, которое, какъ извѣстно, совершилось въ Виѳлеемскомъ вертепѣ. Ив. Франко говоритъ, что „вертепъ возникъ, безъ сомнѣнія, изъ сочетанія религіозной рождественской драмы,

вытѣсненной изъ церковной ограды на городскую площадь, съ чисто свѣтскою кукольною игрою, и потому совмѣщаетъ въ себѣ оба элемента, религіозный и свѣтскій. Онъ состоялъ изъ передвижного, переноснаго ящика, представлявшаго собою Виѳлеемъ, съ яслями и младенцемъ Іисусомъ, съ Іосифомъ и Маріею, воломъ и осломъ и пастухами, съ тремя царями или волхвами, Иродомъ, жидами, воинами, чертомъ и смертію; а затѣмъ слѣдовала типичная кукольная комедія съ бытовыми сценами, скоромными словами да пѣсенками, съ разными національными костюмами и танцами“ [1]).

Въ такомъ видѣ вертепъ, какъ особая отрасль кукольныхъ представленій, съ двойственнымъ характеромъ своимъ сложился въ Западной Европѣ не раньше XVI вѣка, а отсюда перешелъ въ Польшу и Юго-Западную Россію и изъ послѣдней распространился по всей Россіи, до отдаленныхъ концовъ Сибири.

Когда вертепъ перешелъ въ Польшу и юго-западную Россію,—вопросъ этотъ, долго запутывавшійся неправдопо, добными показаніями Изопольскаго и др., и доселѣ остается безъ опредѣленнаго и яснаго отвѣта. Д-ръ Ив. Франко, на основаніи анализа доселѣ сохранившихся списковъ и редакцій украинскаго вертепа приходитъ къ той мысли, что вертепъ появился въ юго-западной Россіи почти одновременно съ польскою шопкою, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка, но получилъ болѣе или менѣе опредѣленныя формы уже во второй половинѣ XVIII вѣка [2]), въ то время, когда школьная драма была совершенно изгнана изъ Кіевской Академіи. Устроителями вертепа и исполнителями вертепныхъ представленій въ это время являются дьяки, ученики

---

[1]) „До історіі україньского вертепа XVШ в.,“ Ів. Франко, Львовъ, 1906 г., стр. 21 и др.

[2]) Тамъ же, стр. 31, 35 и др.

церковно-приходскихъ дьячковскихъ школъ и грамотные прихожане изъ бывшихъ же учениковъ. Между 1771—1776 годами Гущинскій дьякъ Іоаннъ Даниловичъ дѣлаетъ выписки изъ двухъ списковъ вертепной пьесы [1]). Въ сатирическомъ „правилѣ увѣщательномъ піяницамъ“ 1779 года, направленномъ исключительно противъ взрослыхъ учениковъ церковно-приходскихъ школъ и пѣвчихъ, прямо указывается на то, что вертепы устроялись именно этими учениками и пѣвчими: „радуйтеся пиворѣзы“—говорится здѣсь,—и паки реку радуйтеся! се радости день приспѣваетъ, день,—глаголю,—праздника рождественского сближается. Востаньте убо отъ ложей своихъ и воспріимите всякъ по своему художеству орудія, содѣлайте *вертепи*, склейте звѣзду, составьте партесы! егда же станите по улицамъ со звукомъ бродя, ищущи сивухи, примутъ васъ подъ кровы своя“ [2]). О своемъ спискѣ вертепа покойный Маркевичъ писалъ, что въ 1848 году крестьяне въ его селѣ захотѣли украсить церковный престолъ рѣзьбою да позолотою и чрезъ священника просили у него дозволенія колядовать по селу и собранныя деньги употребить на это богоугодное дѣло, на что онъ охотно согласился. „Въ этотъ же день,—говоритъ Маркевичъ,—грамотные мѣщане, дьяки, школьники, церковные пѣвчіе собираются и носятъ по домамъ знаменитый кукольный театръ подъ именемъ вертепъ“ [3]). М. К. Чалый передаетъ, что, по свидѣтельству старожиловъ, вертепъ появился въ Новгородкѣ въ первый разъ въ концѣ XVIII столѣтія подъ дирекціей Воскресенскаго дьякона Фотіева, который купно съ

---

[1]) „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра“, В. Н. Перетца, I—VII, С.-Петербургъ, 1905 г., стр. 12 и 13.

[2]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“ серія 2-я, т. IV, Кіевъ, 1907 г., № VIII.

[3]) „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ“, Н. Маркевича, Кіевъ, 1860 г., стр. 27.

братомъ своимъ пономаремъ и дворяниномъ Богуславскимъ впервые ознакомили своихъ согражданъ съ этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ“ [1]). Нѣкоторое исключеніе, повидимому, представляетъ Галагановскій списокъ вертепа, будто бы исполнявшагося первоначально студентами Кіевской Академіи. „Що разсказамъ моего отца,—говоритъ Г. П. Галаганъ,—нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, въ 1770-хъ годахъ къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно, ихъ представленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ, потому что мой прадѣдъ удержалъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, при чемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно до сихъ поръ“ [2]). Но это преданіе, записанное черезъ сто съ лишкомъ лѣтъ послѣ событія, едва ли достовѣрно въ томъ пунктѣ, будто бы вертепная драма исполнялась студентами Кіевской Академіи. Въ самой Академіи въ это время уже не составлялись и не разыгрывались драмы, а студенты Академіи составляли, какъ мы знаемъ уже, болѣе стройныя драмы, чѣмъ вертепныя. Всего вѣроятнѣе, къ прадѣду Гр. П. Галагана являлись не студенты Академіи, а наличные или бывшіе ученики церковно-приходскихъ дьячковскихъ школъ, подобно тому, какъ это и доселѣ дѣлается въ Галиціи. Тамъ и доселѣ молодые люди, устроивши вертепъ, ходятъ съ нимъ сначала по односельчанамъ, а потомъ отправляются съ нимъ и въ другія, сосѣднія села, къ болѣе зажиточнымъ людямъ [3]).

Впрочемъ, мы вовсе и не думаемъ отрицать участіе воспитанниковъ Кіевской Академіи и другихъ латинскихъ

---

[1]) „Кіевская Старина“, январь, 1889 г., стр. 27.

[2]) Тамъ же, октябрь, 1882 г., стр. 9.

[3]) „До історіі українського вертепа XVIII в.“ Ив. Франка, Львовъ, 1906 г., стр. 138—9.

школъ въ созданіи южно-русскаго вертепа; но это участіе выразилось, по нашему мнѣнію, не столько въ сценическомъ представленіи вертепныхъ драмъ, сколько въ ихъ композиціи. Могли составлять или компилировать ихъ приходскіе дьяки изъ академическихъ недоучекъ, при содѣйствіи случайно заходившихъ въ церковно-приходскія школы странствующихъ студентовъ Кіевской Академіи и подобныхъ ей школъ. Этимъ и объясняются тѣ частыя заимствованія, какія нерѣдко вносились въ вертепныя представленія изъ предшествовавшихъ имъ школьныхъ драматическихъ произведеній. А эта генетическая связь вертепныхъ представленій со школьными драмами и имѣетъ для насъ особенную важность, такъ какъ, благодаря этой связи, вертепныя драмы являются болѣе или менѣе отдаленными отзвуками школьной драмы и составляютъ необходимое звено въ историческомъ ея развитіи.

Соотвѣтственно времени и мѣсту своего происхожденія и развитія, южно-русская вертепная драма имѣетъ общія основныя черты, объясняемыя частію единствомъ происхожденія ихъ изъ одного общаго источника, частію вліяніемъ одной редакціи на другія.

А., Старѣйшею редакціею южно-русской вертепной драмы г. Франко считаетъ открытый имъ въ одномъ польско-русскомъ рукописномъ сборникѣ 1788—1791 гг. списокъ ея, писанный на польскомъ языкѣ. По его мнѣнію, она старѣе даже и всѣхъ польскихъ вертепныхъ драмъ. Нѣкоторые отрывки изъ нея, но уже на южно-русскомъ языкѣ XVIII столѣтія, найдены Вл. Н. Перетцомъ въ рукописномъ сборникѣ Гущинскаго дьяка Іоанна Даниловича, 1771—1776 годовъ [1]).

---

[1]) Тамъ же стр. 38, 81—86; сн. „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра“, В. Н. Перетца, 1—VII, С.-Петербургъ, 1905 г., стр. 12—17.

На какомъ языкѣ первоначально составлена была эта драма,—этотъ вопросъ рѣшить пока трудно: дьякъ І. Даниловичъ, повидимому, списывалъ свои отрывки съ польскаго оригинала, но содержаніе драмы—несомнѣнно южно-русскаго происхожденія и характера. Мы не говоримъ уже о вставленныхъ въ ея текстъ русскихъ сценахъ, которыя встрѣчаются и у драматурговъ несомнѣнно польскаго происхожденія: въ самомъ текстѣ ея есть косвенное указаніе на происхожденіе ея отъ русскаго и даже православнаго автора. Евреи, переодѣтые монахами, указываютъ на русскіе монастыри Почаевскій и Кіево-печерскій („Перепечерскій мандрихъ.—т. е., Печерскій архимандритъ). Районъ мѣстностей, упоминаемыхъ въ драмѣ, напримѣръ, тотъ же Почаевъ, Берестечко, Бердичевъ и Старо-Константиновъ, указываютъ на нынѣшнюю Волынь, просвѣтительнымъ центромъ которой для православныхъ была Гойская или Гощанская коллегія, остававшаяся въ православіи до самаго конца XVII вѣка и, въ качествѣ уніатской, продолжавшая существовать и въ XVIII вѣкѣ [1]). Въ этомъ-то центрѣ и дѣлалъ въ 1771—1776 годахъ свои выписки изъ этой драмы Гущинскій или Гощанскій дьякъ І. Даниловичъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Гощанскіе учителя и ученики, живя въ предѣлахъ Польши, считали себя людьми „польской націи“, какъ называли себя даже зарубежные студенты Кіевской Академіи [2]), а иногда и писали на польскомъ языкѣ, какъ это, напримѣръ, дѣлали православные южноруссы Аѳанасій Кальнофойскій, Лазарь Ба-

---

[1]) См. выше, и „Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, августъ, 1870 г., стр. 422 и 424, и іюль, 1871 г., стр. 153—4.

[2]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., стр. 391 и др.

рановичъ, Іоанникій Галятовскій и многіе другіе. Но въ данномъ случаѣ, по отношенію къ волынской редакціи вертепа, возможно еще предположеніе о томъ, что первоначальный текстъ ея составленъ былъ на русскомъ языкѣ. Позднѣйшій варіантъ ея мы видимъ въ одной рождественской вертепной драмѣ, записанной А. Веретельникомъ въ 1898 году въ Каменцѣ—Струмиловомъ и аналогичной съ такою же польскою шопкою. О происхожденіи этой вертепной драмы и объ отношеніи ея къ польской шопкѣ существуетъ споръ между поляками и русинами. Поляки говорятъ, что русины заимствовали и переработали свою шопку съ польскаго, а русины, наоборотъ, утверждаютъ, что польская шопка произошла отъ церковно-русскаго вертепа, переданнаго мѣстнымъ дьякомъ, но что этотъ первоначальный текстъ весьма ополячился потому, „що ми хлопці, — какъ говорятъ о себѣ исполнители,—ходили з Гиродом до панив до двора: там мусіли ломати язик на панське, бо пани не любили тоді хлопської мови“ [1]). Такова могла быть судьба и первоначальнаго текста этой редакціи вертепной драмы.

Содержаніе этой Волынской редакціи вертепной драмы слѣдующее.

Начало драмы утрачено. Повидимому, Виѳлеемскіе пастухи заснули среди поля. Одинъ изъ нихъ, Стахъ, проснувшись, слышитъ ангельскіе голоса и получаетъ отъ ангела благовѣстіе о рожденіи Спасителя. Онъ будитъ своихъ товарищей и приглашаетъ ихъ привѣтствовать подарками новорожденнаго Бога. На вопросъ, какою дорогою имъ идти, Стахъ отвѣчаетъ: „но, брате, намъ дороги не искать; сперва пойдемъ до Кракова, а зъ Кракова до Кіева, а зъ Кіева до Гданска, а зъ Гданска до Варшавы, т. е. думаютъ колесить

---

[1]) „До історіі украіньского вертепа XVIII в.“ Ив. Франко, Львовъ, 1906 г., стр. 133—140.

изъ конца въ конецъ, минуя короткую и прямую дорогу. Пришедши къ Спасителю и принесши ему посильные дары, пастухи пожелали, чтобы имъ „заспѣвали“,—и ангелъ поетъ имъ канту:

Пастыре милы,
Гдѣ есте были? и проч.

Затѣмъ, пастухи и сами поютъ о тѣхъ Сатурновыхъ временахъ, когда имъ прямо съ неба падали колбасы, а солонина и табакъ были дешевле, и когда, пріѣзжая въ городъ, имъ можно было напиваться вдоволь. Послѣ того они возвращаются къ своему стаду.

Въ слѣдующей сценѣ хлопецъ царскій приноситъ для царя стулъ или кресла, приходитъ царь (Иродъ), садится на кресла, волнуется по поводу полученнаго имъ извѣстія о рожденіи Мессіи изъ Давидова племени, отъ колѣна Іудина, и посылаетъ хлопца за жидовскими раввинами, чтобы спросить ихъ о Мессіи. Жиды говорятъ, что нельзя же тотчасъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, а сначала надо справиться съ пророческими книгами. Порывшись въ книгахъ, жиды отвѣчаютъ Ироду, что Мессія родится въ Виѳлеемѣ, отъ дѣвы. Царь отсылаетъ ихъ прочь, а самъ въ волненіи такъ разсуждаетъ самъ съ собою:

И должно быть и правда то, что говорятъ короли,
Если съ устами ихъ согласуются старшіе раввины.
Ахъ, ахъ, ахъ! что буду дѣлать и какъ себя радить,
Чтобъ не дать мнѣ тому младенцу себя съ царства
зсадить?
А, знаю, что сдѣлать и выполнить мушу,
Хоть бы то въ томъ пунктѣ послалъ въ пекло свою душу.

Онъ велитъ хлопцу призвать къ себѣ своихъ фельдмаршаловъ и приказываетъ имъ избить въ Виѳлеемѣ всѣхъ дѣтей, отъ двухъ до трехъ лѣтъ. Вышедши отъ царя, фельдмаршалы поютъ кантъ Рождеству Христову, въ которомъ упоминаютъ и о Рахили, плачущей о своихъ дѣтяхъ и не

хотящей утѣшиться. Воротившись къ Ироду, фельдмаршалы докладываютъ ему объ исполненіи его повелѣнія. Но Иродъ не избавляется отъ опасеній за свой царскій престолъ и велитъ фельдмаршаламъ убить и его собственнаго сына и принесть ему его голову:

Chto ź to wi, czi nie z niego tych smutkow przyczyna!?

Фельдмаршалы исполняютъ и этотъ безчеловѣчный приказъ и, доложивъ ему о томъ и выходя отъ царя, поютъ:

Часъ престать кровь невинну разливать, Ироде!

Въ это время вбѣгаетъ чортъ съ ножемъ и шепчетъ на-ухо царю, ходя по-заплечами. Царь ходитъ по избѣ, потомъ садится на кресла, держитъ скипетръ въ правой рукѣ и спитъ. Чортъ беретъ у Ирода скипетръ и даетъ ему ножъ, вложивши въ руку сонному. Царь просыпается отъ сна и говоритъ:

Ach biada, biada mnie Herodovi,
A tak utrapionemu królowy!
A wtym ot tego poniey naglo zgyne!

Чортъ беретъ царя и говоритъ:

Го, го! не [одну] тысячу я паръ сапоговъ истопталъ!

Этимъ собственно и заканчивается духовная, религіозная часть вертепной драмы. За нею слѣдуетъ рядъ комическихъ сценъ въ духѣ интерлюдій, имѣющихъ слабую, иногда чисто внѣшнюю связь съ первою частію.

Въ первой свѣтской сценѣ выступаютъ малороссійскій козакъ и жиды, собирающіеся на войну. Козакъ говоритъ:

А здоровы були, панове!
Ото жъ и я изъ далекого краю козакъ,
Але до того добрый маю сагайдакъ,
Еще и шаблю добру маю,
На силу свою и на неи моцно дуфаю.
Не новина мни, панове, шурмовати
До жидовскихъ пивницъ и коморъ,
Не додержитъ мне курникъ ани жадный дворъ.

Чуда барзо великіе творивъ,
Ставы, очерета огнемъ паливъ,
Горы сѣряныя,
Озера медовыя,
Кобасы, мандрики въ міхи забиравъ.
Еще жъ кто хочетъ дознати лицарства моего,
Нехай высылае килька тисячъ войска кнышового,
А я зъ ними буду герци выправляти,
А до карбана ихъ буду заганяти, и проч.

Онъ вызываетъ охотниковъ пристать къ нему, чтобы воевать турка, и встрѣчается съ жидомъ, который играетъ здѣсь совершенно несвойственную ему роль вояки и такъ хвалится передъ козакомъ:

Я еще на луки добре стриляю,
Куды стриляю, то не минаю.

Козакъ, никогда не видавшій того, чтобы жиды стрѣляли изъ лука, даетъ жиду, для пробы, свой лукъ, а жидъ, завладѣвши лукомъ и сагайдакомъ, выгоняетъ козака вонъ, созываетъ своихъ соплеменниковъ и замышляетъ идти съ ними на войну противъ козаковъ. Жиды выбираютъ себѣ военачальниковъ изъ своей среды и учатся военнымъ муштрамъ, изъ которыхъ послѣдняя состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ жиды скачутъ и поютъ:

Задкомъ, передкомъ
Передъ паномъ Ходоркомъ!

Послѣ жидовскихъ муштръ, появляется козакъ и поетъ:

А въ мистечку Берестечку
Гей, пьетъ Байда медъ—горилочку.
Гей, пьетъ же онъ да не день, не два,
Да не едну нічку, не годиночку,
Гей, пьетъ же онъ да подпиваетъ,
Да либонь джуру да подмовляетъ.

Заслышавши голосъ козака, жиды спрятались подъ лавки и оттуда стали стрѣлять изъ лука по козаку. На

опросъ козака, кто они такіе, перепуганные жиды назвались монахами, одинъ яко бы изъ Почаева, а другой даже „Перепечерскимъ мандрихомъ (т. е. Печерскимъ архимандритомъ). Конечно, они не могли обмануть козака, который мѣряетъ ихъ своею булавою, т. е. бьетъ ихъ, приговаривая:

А горилку курити,
Не на войну ходити!

Оставшись одинъ, козакъ говоритъ:

Панове! отъ бивъ поганъ, бивъ
И на чарку горилки не заробивъ,
От теперъ погуляти,
Або далі повандровати.

Затѣмъ онъ поетъ:

Да козакъ душа правдивая,
Сорочки не мае,
Да коли не пье, то в...ши бье,
Таки не гуляе.
Гопъ, цукъ! Бувайте здоровы!

Когда уходитъ козакъ, на сцену выходятъ жидъ, мужикъ и ляхъ. Сцена имѣетъ въ виду изобразить взаимныя отношенія между этими тремя представителями тогдашнихъ общественныхъ слоевъ. Жидъ является эксплоататоромъ мужика, дѣлаетъ на него поклепъ въ находкѣ и присвоеніи жидовскихъ денегъ и жалуется на него пану, который, однако, оказался справедливымъ и не нашелъ ясныхъ доказательствъ виновности мужика. Тогда мужикъ уже нарочито дразнитъ жида и даетъ ему понять, будто бы жидовскія деньги дѣйствительно находятся у него—мужика. За признаніе, жидъ даритъ мужику маленькій, узкій жупанъ, и опять ведетъ къ пану, чтобы въ присутствіи его получить отъ мужика деньги; но панъ прогоняетъ ихъ обоихъ.

Въ слѣдующей сценѣ являются дѣйствующими лицами мужики-литвины и цыгане. Приводимъ изъ нея выдержки по русскому тексту дьяка Даниловича. Литвинъ, наѣвшись вдоволь рождественской кутьи, говоритъ:

Гудуць, ахъ гудуць, истинно гудуць
Гето, кажуць, ангелы паюць,
Гето, кажуць, Христосъ народѣвся,
Гето, кажуць, ввесь миръ звеселився.
О, ціепер нам всіо жраць—
Не переставаць!
Що то я сей ночи зо сну пробудѣлся,
И золотій дощикъ с небесъ спустился.
А я на гетое самъ дивився,
Якъ ухопивъ куцѣ зрадощѣ, то ажъ самъ трохи не росѣвся
О, ціепіеръ нам пѣць та гуляць,
О, ціепіеръ нам Христа прославляць,
О, теперъ нам по бару ходзѣць,
А ціепер нам рожкѣ сопѣць,
О, ціеперъ намъ погуляць,
А етую куцюхну поціерять—раць—раць!

Но во время этого веселья онъ почувствовалъ острую боль въ животѣ отъ кутьи и упалъ на землю. Онъ проситъ добрыхъ людей сжалиться надъ нимъ и привесть къ нему какого либо лѣкаря или лѣкарку, „штобъ“ ему „што нибудзь пошепталъ“ и чтобы онъ „съ того лишенька здоровенекъ уставъ“.

Къ нему является цыганъ съ цыганенкомъ. Цыганъ рекомендуется, что онъ—нзъ Стараго Константинова и что его хорошо знаютъ въ Бердичевѣ, и предлагаетъ объѣвшемуся кутьей литвину свои услуги.

Литвинъ. А поворожи, соколику, поворожи,
Не жалуючи ліекарства приложи!
Бо мѣнѣ еще жаль, што по горшкахъ куця стоиць.
Коли-бъ мині Богъ судзилъ до іеи дойциць,
Штобъ моіей праценьки нихто не поживалъ,
Чей бы я съ того лышечька здоровеніокъ усталъ.

Цыганъ. А ну я почну коло тебе ходити
И тебе добре лічити.
От тобі руки,
От тобі ноги,
От тобі голова;

От тебе охватъ напавъ,
От тобіе глузды, стара собака, отнявъ!
А треба тобі сего ликарства добре приложити,
Штобы тыми собачими ногами добре умівъ ходити!

Литвинъ. А поворожи, соколѣку, поворожи!

Цыганъ. Ковендара на три лѣса,
На другій бѣкъ оберниса!
Банджоса джама—
Не озьметъ тебе кадуцкая мама.
Бѣжи къ чорту, не вертайся,
Больше кути не обжирайся!

Литвинъ оборачивается на другой бокъ и, вставши, убѣгаетъ за порогъ, а цыгане бьютъ его.

Вылѣчивши литвина, цыганъ поздравляетъ присутствующихъ со „святками“ и проситъ ихъ приготовить для него „хоть по червоному“.

Въ послѣдней сценѣ является тотъ же цыганъ, но лѣчитъ уже не литвина, а москаля, и отъ другой болѣзни,— отъ невѣжества и некультурности. Москаль этотъ, судя по его словамъ и дѣйствіямъ, не солдатъ, а Донской казакъ. Онъ въѣзжаетъ въ избу на конѣ и поетъ:

Гей, зъ Дону, зъ Дону,
Да по синему морю.
Тамъ ходили, выходили двѣ артемистрашки.
Воны пѣсенки поютъ,
Подлюлюкиваютъ,
А настаршимъ буярамъ
Всю жалобу кладутъ—тру, стру, стру.
Какъ Христосъ народился,
А Ородушка с... с... изкрутился,
Какъ послалъ по городахъ, по деревняхъ,
Какъ-бы новорожденого убить искать,
Какъ приперли солдатовъ до Виелеемъ мѣста,
Наробили изъ робіоночковъ большого тѣста, и проч.[1]).

---

[1]) Очевидно, это—пародія на грубаго Донского казака. См. подобную пародію въ „Изслѣдованіяхъ и матеріалахъ“ проф. В.

Тутъ вбѣгаетъ цыганенокъ, узнаетъ подъ москалемъ свою пропавшую—было кобылу и сообщаетъ о томъ своему отцу. На заявленіе цыгана, что это—его кобыла, москаль отвѣчаетъ:

Прочь, цыганъ! какъ я на фатири стоялъ,
Ето мнѣ етую лошать осударушка подаровалъ.

Но цыганъ съ сыномъ бьютъ москаля, этого „царскаго осударя", приговаривая:

А ты въ Польщу не ходи
И цыганскихъ норовивъ не бери,
А нашой кобылки не кради!

Прогнавши москаля, цыганъ говоритъ:

От такъ—то, панове, наши личатъ,
А на добре цвичатъ!
На трынды, курынды [1]).

Соотвѣтственно волынскому происхожденію своему, эта редакція вертепной драмы представляетъ украинскаго козака гостемъ „изъ далекого краю", а москаля, смѣшиваемаго съ донскимъ казакомъ,—проходимцемъ, случайно зашедшимъ въ Польшу, и рисуетъ ихъ довольно неясными, неотчетливыми, штрихами. Составителю этой редакціи вертепа ближе и понятнѣе были типы мѣстныхъ крестьянъ, литвиновъ, польскихъ пановъ, евреевъ и даже цыганъ; но онъ осторожно и довольно почтительно говоритъ о панѣ, какъ справедливомъ судьѣ въ тяжбѣ между мужикомъ и жидомъ, и подсмѣивается только надъ низшими слоями

Н. Перетца, т. I, стр. 271—2. См. варіантъ ея въ рукописномъ сборникѣ 1779 г. въ Церковно-археол. музеѣ при Кіевской Дух. Академіи, Муз. № 417, въ концѣ сборника.

[1]) Изд. Ив. Франкомъ въ его трудѣ „До історіі українського вертепа XVIII в.," Львовъ, 1906 г., стр. 39—50; выписки изъ нея дьяка І. Даниловича—въ статьѣ В. Н. Перетца „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра", 1—VII., С.-Петербургъ, 1905 г., стр. 13—16.

населенія, да и то въ довольно благодушномъ тонѣ. Литвинъ—бѣлоруссъ могъ быть извѣстенъ на Волыни и по Волынскому Полѣсью, а евреями кишьмя—кишѣла тогда вся Волынь. Повидимому, несоотвѣтствуетъ характеру евреевъ изображаемое въ пьесѣ приготовленіе жидовъ къ какой-то войнѣ съ козаками; но и оно находитъ объясненіе себѣ въ историческихъ судьбахъ правобережной Украины. Для историко-литературнаго объясненія этой сцены г. Франко указываетъ на польскую поэму Wyprawa żydowska na wojnę, 1606 года, и на польско-русскую виршу o woini żydowskiey изъ рукописнаго пѣсенника 1719 года [1]). Не отрицая литературной связи этой сцены съ только-что указанными сочиненіями, мы, однако, можемъ указать и другой, болѣе реальный поводъ къ воспроизведенію этой сцены въ волынскомъ вертепѣ, это—появленіе, около 1665 года, въ Смирнѣ еврейскаго лже—мессіи Шаббатай—Цеви [2]), возбудившее между польскими евреями большія надежды и движеніе. По этому поводу извѣстный южно-русскій ученый Іоанникій Галятовскій написалъ свое сочиненіе „Мессія правдивый“, впервые изданное въ 1668 году. Вѣроятно, это-то мессіанское движеніе между польскими евреями и отразилось на указанной сценѣ волынскаго вертепа. Въ такомъ случаѣ, понятнымъ и вполнѣ умѣстнымъ становится и появленіе здѣсь этой сцены. Она тоже имѣла въ виду явленіе Мессіи въ мірѣ, но Мессіи не христіанскаго, а еврейскаго.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ съ точностію указать тѣхъ нитей, которыя связывали бы эту редакцію вертепа

---

[1]) „До історіі украінського вертепа XVШ в.“, Ив. Франко, Львовъ, 1906 г., стр. 71—72.

[2]) „Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ“, „Н. Леопардова и Н. Чернева, серія 2, вып. I, Кіевъ, 1891 г., стр. 16.

съ какою либо опредѣленною школьною драмою. О Гощанской Коллегіи и ея школьныхъ драмахъ, по всей вѣроятности послужившихъ первоисточникомъ для волынскаго вертепа, мы почти ничего не знаемъ. Но на школьное происхожденіе и первоначальный школьный характеръ волынской редакціи вертепа указываютъ и довольно правильныя силлабическія вирши ея, и примѣры эрудицій, напр. о Сатурновыхъ временахъ, и, наконецъ, нѣкоторая симметричность между священною и свѣтскою частями волынскаго вертепа, замѣчаемая и въ школьныхъ драмахъ съ интерлюдіями къ нимъ.

Б. Ко *второй редакціи южно-русской вертепной драмы*, наиболѣе богатой связями съ предшествовавшими ей школьными драмами, относятся ея списки Маркевича, Галагана и Чалаго. Всѣ они сохранились въ лѣво-бережной Украинѣ или Гетьманщинѣ, т. е. въ центральной Малороссіи, почему и редакція эта, въ отличіе отъ волынской, можетъ быть названа „малороссійскою“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

1. Старѣйшимъ спискомъ этой „малорусской“ редакціи вертепной драмы считается *списокъ Н. Маркевича*, напечатанный имъ въ 1860 году. Онъ представляетъ изъ себя значительныя отличія отъ волынской редакціи вертепной драмы, и притомъ не только во второй, свѣтской своей части, но и въ первой, т. е. священной или духовной.

Въ первой части текста Маркевича нѣтъ сцены съ жидовскими раввинами, нѣтъ упоминанія объ убіеніи Иродова сына и самоубійствѣ Ирода; но зато есть бесѣда Ирода въ волхвами, сцена между Иродомъ и Рахилью, у которой убиваютъ послѣднее дитя, и борьба Ирода со смертію. Всего въ первой части вертепнаго текста у Маркевича насчитывается 17 сценъ, которыя, однако, по существу дѣла, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ четыремъ: 1) поклоненіе пастырей Спасителю; 2) встрѣча волхвовъ съ Иродомъ, поклоненіе ихъ Христу и возвращеніе домой; 3) рас-

поряженіе Ирода объ избіеніи всѣхъ Виѳлеемскихъ младенцевъ и спеціальное повелѣніе убить младенца у Рахили, и 4., борьба Ирода со смертію и появленіе чорта за его душею.

Въ первой сценѣ являются два ангела, и одинъ изъ нихъ говоритъ пастухамъ:

Возстаните отъ сна и благо сотворите,
Рождшагося Христа повсюду возвистите!

Хоръ поетъ:

Ангелы, снижайтеся,
Ку земли сближайтеся!
Богъ Господь, который съ нами
Днесь, отъ вика онъ былъ съ нами, и проч.

Ангелы снова являются и снова будятъ пастырей, чтобы они шли славить новорожденнаго Спасителя, а хоръ поетъ: „Слава буди въ вышнихъ Богу“, и проч. Пастухи Грыцько и Прыцько встаютъ и съ ягняткомъ въ рукахъ идутъ на гору поклониться новорожденному Спасителю.

Отъ се жъ и мы, Панычу, до вашой таки мосци
Грыцько съ Прыцькомъ приплелыся въ гости;
Ось и ягня вамъ принеслы изъ сильского стада,
Нехай буде да здорова вся наша громада!

Поднося подарокъ, они сопровождаютъ его такими благопожеланіями:

Якъ такъ, то бувай же, Панычу, здоровъ,
Да и намъ дай, щобъ и мы такы булы здоровы,
Да изъ сихъ чижмачковъ обулысь въ сапьяновы!
Благословы жъ сей подарокъ выдъ насъ прыняты,
А намъ дозволь погуляты!

Получивъ это дозволеніе, пастухи танцуютъ подъ дудочку, приговаривая: „зуба, зуба на сопилку“! Они удаляются со сцены съ такими словами:

Спасыби жъ вамъ! мы бъ довше тутъ гулялы,
Да хлиба изъ дому не бралы.

Во второмъ явленіи къ Ироду приходятъ три восточныхъ царя и говорятъ ему, что идутъ поклониться ново-

рожденному Христу, Иродъ коварно проситъ ихъ и его извѣстить о мѣстѣ рожденія Христа, дабы и онъ могъ поклониться ему, какъ царю. Затѣмъ цари покланяются Христу, приносятъ ему дары и, по внушенію ангела, не заходятъ къ Ироду, а возвращаются домой другимъ путемъ. Иродъ же выражаетъ досаду, что цари обманули его, зоветъ къ себѣ воиновъ и велитъ имъ обойти всѣ города въ предѣлахъ его царства и безпощадно избить всѣхъ младенцевъ.

Третье явленіе открывается пѣніемъ хора:

Перестань рыдаты,
Печальная маты!
И на радость преложися,
Къ царю приближыся!
Видя, яко воду
Кровь изливаемыхъ
И убиваемыхъ
Къ жизни непремѣнной,
Ко смерти нетлѣнной,
За живота страту
Пріемлютъ заплату.

Во время пѣнія этой пѣсни воинъ ведетъ къ Ироду Рахиль, держащую на рукахъ малое дитя, и говоритъ со злобою, смахивая на московскую рѣчь:

Ступай, баба, ступай! не вгинайся, ступай!

Обращаясь къ Ироду, онъ говоритъ:

Вотъ, царю, твой приказъ мы добре спальняли,
Во всихъ городахъ дѣтей убивали.
Се адинъ изъ младенцевъ въ царствѣ южъ зостался.
Я долго за его матерью ганялся;
Се послѣдня жива передъ тобою,
Мать хочетъ заминыть смѣрть іого собою.

Но Иродъ приказываетъ убить и это отроча, а на рыданія и упреки Рахили отвѣчаетъ:

Полно, баба, полно шумѣть!
Объ убитомъ нѣчего жалѣть.

Хоръ утѣшаетъ убитую горемъ мать такими словами:

Не плачь, Рахиле,
Що чадо не циле!
Не увядаютъ,
Но процвѣтаютъ
Вольныя крылья [польніи крины] [1]).
Новой святыни;
Къ Богу и Сыну
Имѣешъ прычыну.
Твое бо пернате
Небомъ суть [есть] узяте;
Путь прошедше тисный,
Побидныи писны
Поютъ царю славы,
Иже ихъ избави
Отъ ситей ловящихъ,
Въ пагубу губящихъ [2]).

Въ четвертомъ явленіи Иродъ, оставшись наединѣ, въ раздумьи говоритъ:

Увы, какая сихъ временъ сдѣлалась премина!
Думавшу мни вѣчно жить, блызыться кончина.
Однако же я съ смертію сражаться буду.

Онъ приказываетъ воинамъ не впускать къ нему Смерть; но хоръ грозно предвозвѣщаетъ ему страшную участь. Появляется и сама Смерть и обращается къ Ироду съ такими словами:

---

[1]) Поправки и дополненія въ скобахъ мы дѣлаемъ по Галагановскому списку.

[2]) Рахиль, вторая жена библейскаго паріарха Іакова, долго печалившаяся о своемъ неплодствѣ, является у пророка Іереміи образомъ Іудеи, оплакивавшей дѣтей своихъ, отводимыхъ въ Вавилонскій плѣнъ (Іерем. 40, 1), а послѣдняя у евангелиста Матѳея—прообразомъ Виѳлеемскихъ матерей, оплакивавшихъ избіенныхъ Иродомъ дѣтей своихъ (Матѳ. 2, 17 и 18). Но авторъ вертепной драмы, по вольности піитической, опять сдѣлалъ изъ этой символической Рахили индивидуальную живую личность.

Що ты, Ироде несытый?
Почто се болтаешъ
И мене убити воямъ повеливаешъ?
Изъ пропасти ада будешъ ты знати,
Неповинны чада якъ убивати!
Выйди, брате, друже, мени пособыты
Кровопыйцю Ирода
Отъ земли стребыты!

По вызову Смерти, является Чортъ и спрашиваетъ ее:

Почто ся, моя другыня, зовешъ на пораду?

Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ приказываетъ сестрѣ своей—Смерти:

Подными, сестро, косу! вдарь іого во главу,
Щобъ знались повсюду нашую державу!

Въ виду Смерти, Иродъ обнаруживаетъ заносчивость и величается своею славою и силою, а Смерть говоритъ ему:

Безумне! всіого свита я сильній нахожуся;
Изначала вика ни кому не клонюся;
Азъ есмь монархиня, всіого свита пани,
Я царыца суща на всякыи страны.
Князіе и царіе пидъ властію моею,
Усихъ васъ я посичу косою своею.

Съ этими словами Смерть ударяетъ Ирода своею косою, а хоръ провожаетъ его душу въ адъ пожеланіями, чтобы она тамъ пребывала вѣчно:

Дерзай отъ Смерти посѣченъ косою,
Да идетъ во адъ и живетъ съ тобою!
Ты будешъ тамо всегда пребываты,
О, Ироде преокаянный!

Вслѣдъ за тѣмъ чортъ подходитъ къ убитому Ироду, заключаетъ его въ свою объятія и говоритъ:

Друже мій вирный, друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глыбочайшей бездни!

При этомъ чортъ [хоръ] произноситъ нравоученіе:

Отъ такъ беруть, отъ такъ несуть
Роскошникивъ свита!
Понеже дать не могуть
Предъ Богомъ одвита!

Заключительный хоръ поетъ:

Не видавъ же онъ, що изтребыться
И царство іого въ конецъ разорыться.
Заслуга іого знатна всимъ и явна,
За то й пекельна бездна изготованна,
О, Ироде преокаянный!

Вторая, свѣтская часть вертепной драмы по списку Н. Маркевича гораздо сложнѣе соотвѣтствующей части волынскаго вертепа. У Маркевича являются отчасти тѣ же лица, какія выводились и въ волынскомъ вертепѣ, какъ-то украинскій козакъ, жиды, полякъ, цыгане, москаль или солдатъ, но совершенно въ иныхъ положеніяхъ, а нерѣдко и съ другими характерами. Нѣтъ въ Маркевичевскомъ спискѣ вертепа литвина, но за то есть новые персонажи: дѣдъ и баба, гусаринъ-венгерецъ, чортъ, Климъ со свиньей и козой и дьякъ и артиллеристъ. Маркевичевскій списокъ вертепа раздѣленъ на 31 явленіе, которыя, однако, могутъ быть сведены къ 10-ти основнымъ.

Первыми являются здѣсь на сцену дѣдъ и баба. Дѣдъ говоритъ:

Отъ теперь и намъ припало,
Якъ Ирода вже не стало;
Потанцюймо жъ, молодычко,
Мій ружевый квитъ, хоть мало!

Она отказывается, опасаясь, „щобъ не ввелы танци въ лыхо“. Дѣдъ настаиваетъ на своемъ, хоръ поетъ извѣстную пѣсню „Ой пидъ вишенькою, пидъ черешенькою“,—и баба пошла съ дидомъ танцевать.

Выражая всемірную радость о рожденіи Спасителя, охватившую всѣ возрасты, эта плящущая чета стариковъ

напоминаетъ намъ дѣда и бабу Аришку въ декламаціи 1719 года, справляющихъ свою мертвецкую Пасху [1]).

Во время танцевъ дѣда и бабы приходитъ солдатъ и обращается къ нимъ съ такою грозною рѣчью:

Кой васъ чортъ здѣсъ разносилъ?
Вѣдь тотчасъ патащу къ ахвицеру,
Штобъ вы знали крестіянску вѣру.

Дидъ и баба уходятъ, а солдатъ рекомендуется публикѣ и привѣтствуетъ ее, а затѣмъ произноситъ довольно длинную рѣчь о своей солдатской избитой спинѣ, о Рождествѣ Христовомъ и о дѣйствіяхъ Ирода. Къ солдату приходитъ Дарья Ивановна и танцуетъ съ нимъ подъ звуки камаринской. Не успѣли танцующіе вдоволь повеселиться какъ за сценой слышится барабанъ. Солдатъ спѣшитъ къ исполненію своихъ обязанностей и прощается съ Марьей Ивановной.

Послѣ солдата является цыганъ верхомъ на конѣ, заявляя, что онъ идетъ „поздравляты“ (съ праздникомъ), и хвалитъ свою кобылу, которая, однако, падаетъ въ снѣгъ со своимъ всадникомъ. Онъ предлагаетъ зрителямъ помѣняться этою кобылою или совсѣмъ продать ее, но, не получивъ отвѣта, прогоняетъ ее до шатра. Оставшись одинъ, цыганъ почувствовалъ сильный приступъ голода:

Охъ юсты жъ, юсты, смадженой капусты!
Хочь бы смальцемъ зашароваты,
Да добре попироваты!

Приходитъ сынъ и говоритъ ему:

Иды, батько! маты казала вечерять.

Цыганъ. А що жъ добраго вы тамъ наварыли?

Сынъ. Казала маты: ничого.

---

[1]) См. „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ, 1909 г., т. XIV, кн. 1, стр. 129 и слѣд.

Цыганъ. А хлибъ же ie?

Сынъ. Де бъ то взявся? нема.

Цыганъ. Такъ дарма! я тутъ съ людьми добрыми погарцюю; а вы вечеряйте соби здоровы!

Ту же печальную вѣсть слышитъ цыганъ и отъ своей жены, которая появляется на сценѣ съ кувшиномъ въ рукѣ:

Гараську, Гараську!
Изiила собака порося и паску,
Да ще и перецъ вынюхала!
Теперъ кого пеняты?
Нигде й хлиба взяты;

Цыганъ попрекаетъ свою жену, которая отвѣчаетъ ему тоже попреками:

Э, старый котюго! ще й тоби мене
Отъ се дратоваты?
А якъ знавъ бы ты соби михомъ подуваты,
Да зализо горячее молотомъ коваты.
Якъ ударю я тебе кинъвою сiею,
Не будешъ ты знущатысь надъ бидностью моею
(даетъ ему пощечину).

Цыганъ бранится и грозитъ ей плетью. Цыганка задабриваетъ своего мужа и говоритъ ему:

И не лай же мене,
И не бый же мене!
Прынесу я борщыку
Въ полывянымъ горщику.

Она приноситъ что-то въ кувшинѣ, приговаривая:

Тутъ-то страва, тутъ-то люба!
Покоштуешъ—звысне губа.

Цыганъ пьетъ, потомъ отплевывается и говоритъ съ досадою:

Ге, побыла бъ тебе годына лыхая!
Така твоя й страва, якъ и ты дурная.
Твiй борщъ да походывъ на ракову юшку.

Цыганка. Кыдала, мый мыленькiй, й цыбулю й петрушку;
А для своего господара
И кусокъ сала изъ комара.

Сцена заканчивается пляскою цыгана съ цыганкою, подъ звуки слѣдующей пѣсни, писанной наполовину леонинскими стихами:

— Чомъ, цыгане, не орешъ? бо не маю плужка!
Тыльки въ мене поясъ е, за поясомъ пужка,
— Чомъ, цыганка, не прядешъ? Бо не вмію прясты.
Изъ-за гаю выглядаю, щобъ сорочку вкрасты.
— Ходимъ, стара, до шатра, що мае Богъ даты!
Фунъ, фунъ. фонфора! проживемъ безъ хаты!

На смѣну цыганъ является гусаринъ-венгерецъ. Въ вертепномъ представленіи типъ этотъ смѣшанный, не то сербскій, не-то мадъярскій, вѣроятно такъ называемый новосербскій пикинеръ, утвердившійся въ Малороссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны. Гусаръ начинаетъ свою рѣчь съ какого-то мадъярскаго ругательства и хвастовства, смѣшаннаго съ сербскими словами. Къ нему выходитъ мадъярка; они цѣлуются и танцуютъ подъ звуки пѣсни; „Гусаръ коня наповавъ, Дзюба воду брала“. и проч.

Въ слѣдующей сценѣ появляется ляхъ съ хлопцемъ и говоритъ:

А цо тута за галацѣ?
Нѣхъ дзѣмбло вѣзмѣ гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, ведзь до мнѣ кохану,
Я ту краковяка вытанцёвать стану.

Обращаясь къ зрителямъ съ хвастливою рѣчью человѣка бывалаго, онъ говоритъ:

А цо, пановѣ?
Же-бы вы знали, цо я естемъ зъ дзяда,
Изъ прадзяда шляхтичъ уродзоный.
Я былемъ ве Львовѣ,
Былемъ и въ Краковѣ,
Былемъ и въ Кіовѣ,
Былемъ и въ Варшавѣ,
Былемъ и въ Полтавѣ,
Былемъ въ Богуславѣ.

Падамъ до ногъ ясневольможнего пана! (называетъ по фамиліи хозяина дома).

Зычу здрувья и многа лята!

Эта хвастливая, но безсодержательная тирада станетъ для насъ понятною, если мы сопоставимъ описанный въ ней путь съ тѣмъ кружнымъ путемъ, какимъ собирались идти къ новорожденному Спасителю пастухи волынскаго вертепа, и указываетъ на свою генетическую связь съ этимъ вертепомъ.

Между тѣмъ, къ поляку приходитъ полька и танцуетъ съ нимъ краковякъ. Во время танцевъ мальчикъ появляется изъ-за дверей и начинаетъ танцевать за спиною своего пана. Тотъ дѣлаетъ на̀ назадъ, опрокидывается и кричитъ, лежа на полу:

А пудзь до дзембла, лайдакъ! батогами забію!

Только что полякъ произнесъ эти слова, какъ раздается вблизи пѣсня запорожца:

Да не буде лучше, да не буде краще,
Якъ у насъ да на Украини
[Що не мае жида,
Що не мае ляха,
Не буде изміни!] [1]).

Заслышавъ пѣсню запорожца, полякъ вскакиваетъ и убѣгаетъ вмѣстѣ съ полькой. Запорожецъ выходитъ на сцену съ люлькою и булавою и съ бандурою за спиной и говоритъ слѣдующій монологъ:

Гай, гай, панове! що то якъ молодъ бувъ!
То-то въ мене була сила:
[Було, ляхивъ] бьючи й рука не мліла.
А теперъ видъ [ляхивъ] и блоха сильнишь здается,—
Плеча и руки болять, уже сыла рвется.
Ой вы лита, лита, поганая справа.

---

[1]) Пѣсня эта отнесена Н. И. Костомаровымъ къ эпохѣ Богдана Хмѣльницкаго. Текстъ ея воспроизведенъ также въ пѣснѣ о Швачкѣ, относимой М. А. Максимовичемъ къ 1768 году. „Кіевская Старина“, декабрь, 1882 г., стр. 170—1; „До історіі українського вертепа“, Ив. Франко, Львовъ, 1906 г., стр. 36.

Въ морду хоть зацупышъ, вже не та росправа.
Ой бандура моя золотая.
Колы бъ до тебе шынкарка молодая,—
Танціовавъ бы зъ ею до смаку, до смиха,
Одцурався бъ зъ ею навики одъ лыха.
Бо, бачь, заграю, не одынъ поскаче,
Да къ тому весилью може хто й заплаче!..
Я козакъ, горилку пью, люльку я вжываю;
Е шинкаркы въ мене, а жинки не маю,
А васъ, панове, святками поздоровляю.

Къ Запорожцу является шинкарка Хвеська, знакомая ему еще по Чигирину, танцуетъ съ нимъ и затѣмъ уходитъ. Когда, по ея уходѣ, запорожецъ стоялъ въ раздумьи, змѣя подползла къ нему и ужалила. Запорожецъ призываетъ цыганку поворожить, но она ворожитъ въ обратномъ смыслѣ, на его голову:

Ходыла цыганка по горахъ, долынахъ;
Носыла писокъ на вылахъ:
Скильки останется на вылахъ писку,
Стыльки бъ у тебе осталось, козаченько, духу.
Ты зовсимъ здоровъ, вставай,
Да доходъ давай!

Вмѣсто награды, запорожецъ заставляетъ цыганку потанцевать съ нимъ, а затѣмъ прогоняетъ ее и направляется къ шинку Хвеськи. Такъ какъ Хвеська не пускала его, то запорожецъ, разогнавшись, своимъ лбомъ вышибаетъ дверь у шинка.

Слѣдующая сцена рисуетъ мирное настроеніе еврейской четы, нарушенное тѣмъ же неугомоннымъ Запорожцемъ. Жидъ воспоминаетъ библейскія времена, когда самъ Богъ покровительствовалъ имъ, и ждетъ обѣтованнаго Мессію:

Ой вай міръ, Савафіяне!
Якъ гналыся, пакъ, Фараоняне,
Явреевъ самъ Богъ засцисцае,
За огненнымъ стовпомъ ихъ ховае:

Чудо друге луцце ще зробыфъ,
Въ Цормномъ мори війско затопыфъ,
Мовса, Гарунъ, Дувидъ святыи—
Воны вси бацылы цуда тыи.
Взе скоро оттый цасъ прыде,
Сцо хтось-то насъ кругомъ обыйде
И сказе, бакъ, такъ:
Цесны явреи! я мессіясъ васъ!
Теперъ я царъ, и свитъ весь насъ!

Приходитъ къ нему еврейка, и жидъ танцуетъ съ нею подъ звуки музыки и напѣваетъ:

Ой вей миръ, татуню!
Ой вей миръ, мамуню!
Ой, ой, ой, ой!
Було у насъ війска
Цотыри тысіонцы;
На тымъ війску сапки
Усе изъ заіонцы!
Ой вей миръ, татуню!
Ой вей миръ, мамуню!

Вѣроятно, это—указаніе на то еврейское войско, которое фигурировало въ волынскомъ вертепѣ.

Въ слѣдующей сценѣ Запорожецъ встрѣчается съ жидомъ, несшимъ въ боченкѣ шабасовую водку, выпиваетъ ее и, охмелѣвши, падаетъ на землю, а еврей начинаетъ душить его колѣнками, приговаривая:

А! цузои крови напывся,
Да и самъ скрутывся!

Запорожецъ просыпается, бьетъ жида, нечаянно убиваетъ его и идетъ къ колоколу позвонить по его душѣ, но, не позвонивши, призываетъ чорта, чтобы онъ убралъ жида. Чортъ является и радуется своей новой добычѣ:

Отъ теперъ я дождався,
Що жидъ мени достався!

Но такъ какъ чортъ замѣшкался съ жидовскимъ трупомъ, то запорожецъ бьетъ его булавою и прогоняетъ, а самъ танцуетъ одинъ.

Послѣ ряда проказъ, запорожецъ, наконецъ, вздумалъ о покаяніи и говоритъ:

Ище колы бъ найти уньята ледащычку,—
Щобъ врагъ узявъ!—абы лишь не пьянычку;
Бо я, прызнаться, й самъ пьянычокъ не люблю.

Является уніатскій попъ и приглашаетъ запорожца къ исповѣди:

Признавай грихы передо мною, покайся,
Передъ схизматскыми попы не признавайся!

Запорожецъ говоритъ:

Я зъмалку мандрую по свиту;
Я бывъ [ляхивъ, жидівъ,
Купцівъ, панівъ,
И всіхъ, кого заманеться]
Не бивъ уніатскихъ я попывъ,
Съ живыхъ зъ іихъ кожу я лупывъ.
Воны надъ козакомъ ждутъ смерты,
Щобъ въ домовыну скорійше заперты
Таскають, спивають, смиются,
А на помынкахъ якъ попьються,
Дакъ тыльки не танцюють,
Мовъ кони козацьки гарцюють.

Уніатскій попъ дрожащимъ голосомъ:

Треба тоби до косціола ходыть,
Часты поклоны треба бить.

Запорожецъ. Э! Бачъ? я зъ вику въ косціолъ не ходывъ,
Поклонывъ не бывъ, хиба тебе побью.

Уніатъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ.

Оставшись одинъ, запорожецъ танцуетъ, но, уморившись, ложится отдохнуть, поворачиваясь, для удобства, на всѣ боки. Въ это время набрасываются на него два чорта и хотятъ взять его. Запорожецъ ловитъ одного изъ нихъ за хвостъ и осматриваетъ его:

—Ухъ! чортъ у баклагъ влизъ!
Що се я піймавъ? чи се птычка?
Чи перепелычка?
Чи се тая сынычка,
Что вона й не дыше,
Тыльки хвостыкомъ колыше? и проч.

Поворотивши чорта на другую сторону, козакъ продолжаетъ:

Эге! воно, бачу, и крыльця мае;
Се жъ то те, що нычью литае,
Да куры хватае.
[*Стоитъ въ раздумьи*].
Се, да те, кажу я,
А воно той коныкъ,
Що по полю скаче,
Да хрущывъ ловыть.
Колы скаче, то уже жъ
Танціовать уміе.

На этомъ основаніи запорожецъ приглашаетъ чорта потанцевать съ нимъ, но такъ какъ чортъ стоялъ неподвижно, то запорожецъ бьетъ его булавою и прогоняетъ.

Въ слѣдующей сценѣ главными дѣйствующими лицами являются бобыль Климъ и церковный дьякъ.

Свинья Климова забралась подъ Иродовъ тронъ. Климъ выгоняетъ ее оттуда плетью и думаетъ отдать ее жидамъ, такъ какъ „вона давно хотила здыхать“. Подвернувшійся цыганъ предлагаетъ Климу услуги, говоря:

Отдай намъ еи, мы еи научимъ
Холяндры танціоваты,
Въ горо́дъ не буде вже скакаты.

Климъ съ досадой выпроваживаетъ цыгана. Тутъ приходитъ къ Климу „кондякъ“, т. е. дьякъ, которому Климъ и предлагаетъ свою свинью.

Дьячокъ. Дай Богъ здравствоватъ, Климе!
Клымъ. А дай Боже пану бакаляру!
Ты нашъ таки, кондяче.

Возьмы собы отсю свыню,
Бо въ горо́дъ все скаче!...

Дьячокъ благодаритъ Клима напыщеннымъ церковнославянскимъ языкомъ и велитъ пколяру Иванцу отнести свинью въ свои „клѣти“, а самъ снова обращается къ Климу съ благодарственною рѣчью:

Гевалъ, Амонъ и Амалыкъ, и вси живущы въ Тыри
Возрадуются доброти и воспоютъ въ эфири.
Мы вашу обреченну жертву,
Хоть живу, хотя мертву,
Съ благодарностью пріемлемъ,
И выю вамъ объемлемъ.

Клымъ. И тоби тее жъ, пане кондяче.

Дьякъ уходитъ, а Климъ въ умиленіи говоритъ:

Дывысь, якъ пресучій дьякъ подяковавъ гарно,
Що ажъ въ мене слёзы въ вичью навернулысь!
Да и правда есть за що и дьяковать;
Свыня хоть куды свыня,
Ребра такъ и свитяться.

Выходитъ жена и извѣщаетъ мужа, что уже кондяки принесли и ободранную со свиньи кожу. Климъ отвѣчаетъ ей:

Отъ бачъ, жинко, що я можу!
Свыняка бъ пропала,
А платыть дьяку за сына пора вже настала.
Теперь же мы рощитались:
Цилы гроши въ насъ зосталысь.

Климъ съ женою радуются выгодной сдѣлкѣ и танцуютъ.

Но тутъ Климъ припоминаетъ, что у него, кромѣ свиньи, водилась въ хозяйствѣ и коза. Онъ выгоняетъ козу на сцену, а коза прячется подъ Иродовъ тронъ. Климъ спрашиваетъ у зрителей, не видали ли они его козы, и выхваляетъ ея достоинства. Наконецъ, онъ находитъ свою козу и говоритъ:

А моя козонько, моя голубонько,
Бачъ, якъ вона скаче, мовъ танціоваты хоче!

Коза танцуетъ подъ звуки музыки. Климъ хочетъ поймать козу, но по неосторожности убиваетъ ее. Онъ плачетъ и говоритъ:

Бидна жъ моя головонька! козу вбывъ!
Понесу жъ, да отдамъ собаци шкуру,
А жинци пошью изъ мяса кожухъ [1]).

Въ послѣднемъ явленіи мужикъ везетъ пушку, а артиллеристъ стрѣляетъ изъ нея и привѣтствуетъ публику словами: „виватъ, господа!“ За сценою хоръ поетъ „многая лѣта“ [2]).

Нося печать дьячковской отдѣлки матеріала, собраннаго изъ разныхъ источниковъ, текстъ вертепной драмы по списку Маркевича имѣлъ значительныя параллели и родство и съ болѣе ранними школьными драмами латино-русскихъ коллегій и академій и въ частности Кіевской Академіи. Въ текстѣ Маркевича Смерть, пришедши къ Ироду, хвалится своею властію надъ всѣмъ міромъ, надъ князьями и царями, подобно тому, какъ это дѣлаетъ она въ кіевской пьесѣ „Царство натуры людской“, 1698 года, гдѣ она говоритъ:

Возведена на престолъ, посаждена вама,
Царствовахъ и царствую даже до Адама!
Той во миръ воведе, и есмь мира пани,
Вся конца въ область мнѣ презъ него дани...
Нѣмашъ такого панства, где бимъ я не била,
Нѣсть имже господствомъ Смерти не владѣла.
Царіе и князи, пани и вельможи
Покоряются, служатъ, должно работаютъ,
Предъ симъ престоломъ въ землю чоломъ
ударяютъ [3]).

---

[1]) Вѣроятно, жена съ козою взята изъ особаго Рождественскаго представленія козы. См. о немъ статью Хр. Ящуржинскаго въ „Кіевской Старинѣ“, сентябрь, 1898 г., стр. 73—82.

[2]) Изд. въ книжкѣ „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ“, Н. Маркевичъ, Кіевъ, 1860 г., стр. 27—64.

[3]) „Памятники русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, Нѣжинъ, 1907 г., стр. 164—5.

Плачъ Рахили въ текстѣ Маркевича напоминаетъ намъ плачъ ея въ рождественской драмѣ св. Димитрія Ростовскаго [1]), а также плачь Дщери Сіонской въ „Дѣйствіи на Рождество Христово „Елизаветинской эпохи. Хоръ или пѣніе здѣсь утѣшаетъ Рахиль подобно тому, какъ и въ текстѣ Маркевича [2]). Запорожецъ у Маркевича говоритъ о себѣ:

...бачь заграю, не одынъ поскаче
Да къ тому весилью може хто й заплаче.

Подобнымъ образомъ въ интермедіи 1719 года чортъ, наигривая дѣду и бабѣ танецъ, говоритъ:

Якъ заграю, не каждый въ танцу весело скачетъ,
А иншій съ танечниковъ и ревне заплачетъ [3]).

Наиболѣе близокъ Маркевичевскій списокъ вертепа къ тѣмъ школьнымъ драмамъ Кіевской Академіи XVIII вѣка, которыя сопровождались комическими интерлюдіями, и самъ представляетъ изъ себя какъ бы популяризацію подобной драмы. Изъ такихъ школьныхъ драмъ мы укажемъ на Рождественскую и Пасхальную пьесы М. Довгалевскаго, 1736 и 1737 годовъ, и на пьесу Г. Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ, 1746 года, съ интерлюдіями къ нимъ. Отмѣтимъ въ этихъ пьесахъ нѣсколько такихъ мѣстъ, которыя представляютъ большое сходство съ соотвѣтственными мѣстами вертепной драмы по списку Маркевича.

Въ спискѣ Маркевича Смерть, ударяя Ирода своею косою, говоритъ ему:

---

[1]) См. „Русскія драматическія произведенія“, Н. Тихонравова, т. I, стр. 339 и слѣд.

[2]) „Памятники русской драматической литературы“, В. И. Рѣзанова, стр. 12—14 и 17.

[3]) См. „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1909 г., т. XIV, кн. 1, стр. 139.

Дерзай отъ Смерти посѣченъ косою,
Да идетъ во адъ и живетъ съ тобою!
Ты будешъ тамъ всегда пребывати [1]).

Это есть не что иное, какъ перифразъ Декрета Божія въ „Комическомъ дѣйствіи“ на Рождество Христово Митрофана Довгалевскаго, 1736 года, гдѣ Декретъ Божій говоритъ Ироду:

Се падеши отъ Смерти, о враже проклятый!
Пріиде, о Смерти, вскорѣ, посѣцы косою,
Да царствуетъ во адѣ и живетъ съ тобою! [2])

Та же Смерть, по списку Маркевича, призываетъ къ себѣ на помощъ чорта:

Выйды, брате, друже,
Мени пособыты
Кровопыйцю Ирода
Отъ земли стребыты!

Чортъ, явившись на зовъ Смерти, говоритъ:

Почто ся, моя другыня, зовешъ на пораду?
Тотчасъ умерщвлю и препоручу аду!

И затѣмъ, хватая Ирода въ свои объятія, онъ говоритъ:

Друже мій вирный, друже прелюбезный!
Давно ждавъ я тебе въ глыбочайшей бездни.

А хоръ поетъ обь Иродѣ:

Заслуга его знатна всимъ и явна,
За тежъ и пекельна бездна изготованна [3]).

Нѣкоторыя изъ этихъ выраженій списка Маркевича являются почти буквальнымъ повтореніемъ соотвѣтствующей сцены въ Рождественской пьесѣ М. Довгалевскаго, 1736 года. Здѣсь Смерть поворитъ Ироду:

Не годѣ будетъ сего, яко посѣцу тя,
Но горѣе будетъ ти, яко во адъ возму тя;
Се приглашу и друга, что дѣлать съ тобою,

---

[1]) „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ Н. Маркевичъ, стр. 43.

[2]) „Памятники“ В. И. Рѣзанова, стр. 176.

[3]) У Маркевича стр. 41 и 43.

И возмемъ тя отсюду на жилье съ собою,
Прійди, друже искренній, первѣйшій владыко,
И увиждь снѣдь готову, намъ сладку толику:
Долгое время сего ожидали,
Дабы въ руцѣ Ирода убійцу пріяли.

Дьяволъ, явившись на зовъ Смерти, говоритъ объ Иродѣ:

О гостя вожделѣнна, о друга прелюбезна!
Давно тя ожидаетъ глубочайша бездна.
Желалъ еси во свѣтѣ сладцѣ царствовати,
Обаче лучше ти есть съ нами пребывати.
Первое бо съ Каиномъ мѣсто означенно,—
Первѣйшихъ васъ не будетъ, и саномъ почтенно;
Заслуга ваша знатна и вездѣ есть явна,
За что пекелна бездна вамъ готова здавна [1]).

Подобные мотивы есть и въ пасхальной пьесѣ М. Довгалевскаго, 1737 года [2]), и въ Интермедіи о богачѣ и Лазарѣ половины XVIII вѣка [3]).

Во второй, свѣтской части вертепной драмы, по списку Маркевича, Запорожецъ, поймавши одного изъ нападавшихъ на него чертей за хвостъ, тащитъ его къ свѣту и подвергаетъ комическому осмотру, говоря:

Що се я поймавъ? чи се птычка?
Чи перепылычка?
Чи се тая сынычка,
Що вона й не дыше,
Тыльки хвостикомъ колыше? [4]),

Подобнымъ образомъ и въ рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго мужикъ Пархимъ обращается къ поляку—астроному съ вопросомъ о чортѣ:

---

[1]) „Памятники“ В. И. Рѣзанова, стр. 176—7.

[2]) Тамъ же, стр. 195.

[3]) См. „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1909 г., т. XIV, кн. I, стр. 156.

[4]) У Маркевича стр. 159.

А що бакъ ты у чорта и скажи (что) за птыця,
Чи мишь, чи кажанъ, чи перепелыця? [1]).

Во второй, свѣтской части вертепной драмы по списку Маркевича сцена съ голоднымъ цыганомъ, повидимому, есть воспроизведеніе такой же сцены изъ третьей интерлюдіи къ пьесѣ Г. Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ, 1746 года. При сходствѣ положенія дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ пьесахъ, мѣстами есть даже буквальное сходство между ними. У Маркевича голодный цыганъ говоритъ:

Охъ юсты жъ, юсты, смадженой капусты!
Хочь бы смальцемъ зашароваты,
Да добре попировати! [2]).

А у Конисскаго цыганъ говоритъ такъ:

Охъ, істи, істи хочу, панове, ратуйте!
Хотя саломъ смажне губы пошмаруйте! [3]).

По списку Маркевича, цыганка обѣщаетъ накормить своего голоднаго мужа:

Прынесу я борщыку
Въ полыванымъ горщику...
Тутъ-то страва, тутъ-то люба!
Покоштуешъ,—звысне губа...

Цыганъ. Твій борщъ да походывъ на ракову юшку.

Цыганка. Кыдала, мый мыленькій, й цыбулю й петрушку;
А для свого господара
Й кусокъ сала изъ комара [4]).

И въ интерлюдіи Г. Конисскаго цыганка такимъ же образомъ угощаетъ своего голоднаго мужа.

---

[1]) Интерлюдіи М. Довгалевскаго изданы въ приложеніи къ „Кіевской Старинѣ“, октябрь—ноябрь 1897 года.

[2]) У Маркевича стр. 48—9.

[3]) Въ „Древней и Новой Россіи“, ноябрь, 1878 г., стр. 120.

[4]) У Маркевича стр. 48—9.

Цыганка. Навару тебѣ борщу, испеку комара
И накормлю тебе мого милого господара...
То то борщъ ситій, то-то страва люба!
Возьми лишь да покоштуй, ажъ злипнется губа.

Цыганъ. Се жъ твуй борщъ похожъ на ракову юшку.

Цыганка. То-то для смаку кидала снитку й петрушку [1]).

Можно бы объяснять это сходство между спискомъ вертепной драмы у Маркевича и пьесами М. Довгалевскаго и Г. Конисскаго происхожденіемъ ихъ изъ одного общаго, и притомъ книжнаго источника, такъ какъ сходство это замѣчается не только въ свѣтской, но и въ духовной, книжной части вертепа. Но мы не можемъ допустить, чтобы дьячкамъ и школярамъ приходскихъ школъ, редактировавшимъ вертепный текстъ, доступенъ былъ широкій кругъ письменныхъ литературныхъ источниковъ; да соотвѣтствующихъ вертепному тексту источниковъ пока и не найдено, кромѣ пьесъ М. Довгалевскаго и Г. Конисскаго. Поэтому мы полагаемъ, что текстъ вертепной драмы въ спискѣ Маркевича имѣлъ въ виду именно пьесы М. Довгалевскаго и Г. Конисскаго и, слѣдов., сформировался уже послѣ 1746 года, къ которому относится пьеса Г. Конисскаго.

Можно удивляться тому, что вертепная драма въ спискѣ Маркевича такъ мало заимствовала у М. Довгалевскаго и Г. Конисскаго. Въ объясненіе этого нужно сказать, что тогда какъ интерлюдіи къ этимъ пьесамъ составляли коллективный трудъ студентовъ Академіи изъ разныхъ мѣстностей юго-западной Россіи, редакторы вертепнаго текста опускали изъ школьныхъ драмъ такія сцены, которыя не соотвѣтствовали реальной дѣйствительности малорусской народной жизни въ извѣстной мѣстности, вводя, съ своей стороны, новые, мѣстные или современные сюжеты. Исключены изъ этой редакціи вертепа всѣ комическія сцены

---

[1]) „Древняя и Новая Россія“, ноябрь, 1878 г., стр. 120.

съ литвинами—бѣлоруссами, не встрѣчающимися въ центральной Малороссіи, не смотря на благодарность этой темы для насмѣшекъ, и введены современныя сцены о венгерскихъ или славяно-сербскихъ гусарахъ, поселившихся въ Малороссіи въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Заправляющая роль придана также запорожскому казаку, но уже съ явно выраженнымъ характеромъ гайдамачества второй половины XVIII вѣка.

2. *Второй списокъ малорусской редакціи вертепной драмы* представляетъ *Галагановскій* списокъ ея, текстъ котораго, по мѣстному преданію, занесенъ былъ какими-то школярами къ предкамъ Галагана въ 1770-хъ годахъ[1]). Этотъ списокъ весьма сходенъ со спискомъ Маркевича и происходитъ изъ одного общаго съ нимъ источника. Въ общемъ, въ большинствѣ случаевъ, Галагановскій списокъ буквально заключаетъ въ себѣ то же самое, что находится и въ текстѣ Маркевича, и мѣстами можетъ служить даже коррективомъ для послѣдняго. Но при этомъ Галагановскій списокъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторые варіанты и наращенія, интересные для исторіи текста вертепной драмы этой редакціи.

Нѣкоторыя сцены въ Галагановскомъ спискѣ переставлены на другія мѣста. Такъ, напримѣръ, сцена съ гусаромъ—венгерцомъ поставлена не послѣ сцены съ лѣдомъ и бабой, а послѣ сцены съ цыганомъ, сцена же запорожца съ двумя чертями помѣщена передъ сценою съ уніатскимъ попомъ. Въ сценѣ съ жидомъ текстъ пѣсни о трехъ тысячахъ еврейскаго войска вовсе выброшенъ. Въ нѣкоторыхъ сценахъ сдѣланы дополненія къ тексту, а иногда даже вставлены и совершенно новыя сцены. Укажемъ нѣсколько такихъ дополненій:

---

[1]) Изложеніе содержанія этого списка см. въ „Кіевской Старинѣ“, октябрь, 1882 г., стр. 10—37.

а) Въ первой части вертепной драмы пастухи, поклонившись новорожденному Христу, поютъ пѣснь, которой нѣтъ въ текстѣ Маркевича:

Нова радость стала,
Якъ на небі хмара,
Надъ вертепомъ звізда ясна
На увесь світъ осіяла, и проч.

Въ сцену запорожца съ уніатскимъ попомъ вставленъ вопросъ, предложенный попу запорожцемъ.

Запорожецъ. Що воно бути мае,
Якъ кажуть: бездна бездну призывае?
Попъ. Се жъ значить: гришнікъ на землі.
Запорожецъ. Эге! Бачъ, куды вінъ відвернувъ?
А по нашому: бездна бездну призывае—
Се значить: пішъ попа на обідъ кличе,
А той йому дулі тиче.

Вѣроятно этотъ эпизодъ вставленъ редакторомъ-дьячкомъ и направленъ противъ своего принципала-священника.

Въ сцену Клима съ дьякомъ вставленъ, и притомъ не совсѣмъ кстати, слѣдующій эпизодъ. Прогнавши цыгана, просившаго у него свинью, Климъ продолжаетъ:

Тоді позивай мене хочъ и въ Свирида!
А Свиридъ—мій кумъ, для мене дуже хорошій,
То не поможуть тобі твої гроші.

Эти слова—не что иное, какъ перефразировка или передѣлка слѣдующихъ словъ изъ пьесы Г. Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ о Діоктитѣ:

Что онъ мнѣ судъ говоритъ? Вѣдь, онъ тое знаетъ,
Что Діоктитъ на судѣ и самъ засѣдаетъ.
Начнетъ на мя челомъ бить, буду отрѣшенній,
Да будутъ судить мои единомысленни [1]).

[1]) „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“; Н. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 117—8.

Болѣе всего добавленій въ сценѣ перваго появленія запорожца передъ зрителями. Появленію его предшествуетъ заключеніе предыдущей сцены, въ которой выступаютъ полякъ и полька, опущенное въ текстѣ Маркевича. Танцуя съ полякомъ, полька предостерегаетъ его словами:

Пшепрошамъ пана Яна!
Идзь до мнѣ,
Бо ціебѣ гайдамака забіе.

Полякъ заносчиво отвѣчаетъ:

Цо ты, неэдукована кобіта, мувишъ?
Якъ Бога кохамъ,
Еденъ тшидзести гайдамакъ забіе.

Только-что полякъ произнесъ эти хвастливыя слова, какъ раздается вблизи пѣсня запорожца:

Та не буде лучше,
Та не буде кращче,
Якъ у насъ та на Украіні!
Що не мае жида,
Що не мае ляха,
Не буде ізміни!

Заслышавъ пѣсню запорожца, полякъ быстро убѣгаетъ, и на сцену является запорожецъ. Поворотившись въ ту сторону, куда бѣжалъ полякъ, онъ говоритъ по его адресу: „На, на! махнувъ мовъ панскій хортяга, або опареный песъ! Що то за народъ изъ ихъ пресмілый, що самъ и въ огонь не вскочить, хиба его силою впрешъ!“ Затѣмъ запорожецъ начинаетъ свой монологъ, составленный силлабическими виршами, который мы приводимъ здѣсь, раздѣливъ его на строки по указанію риѳмъ.

Хоть дивись на мене, та ба, не вгадаешъ;
Відкиль родомъ, и якъ зовуть, ни чичиркъ не знаешъ!
Кому траплялось коли у степахъ бувати,
То той може призвище мое угадати...
А въ мене имя не одно, а есть ихъ до ката,—

Такъ зовуть, якъ набіжишъ на якого свата:
Жидъ, зъ биды, за рідного батька почитае,
Милостивымъ добродіемъ ляхва называе.
А ты—якъ хочъ назови,—на все позволяю,
Абы лишъ не назвавъ крамаремъ, за те пополаю.
Теперъ. бачу, на світі біда,
Що мене одцурався рідъ.
Не бійсь, якъ бувъ богатъ,
То казали—Иванъ братъ;
А теперъ якъ нічого не маю,
То нихто й не знае.
А якъ розживется голота да й загуляе,
Тогді до чорта роду, и всякій пізнае.
Відкиль родомъ я на світі,
Всякъ изъ васъ може знать приміты.
Жінокъ въ Січі не мае,
Всякъ тее знае.
Хиба скажешъ: зъ Рима родомъ,
Або съ пугача дідъ мій плодомъ.
Но въ тимъ собі милишъ,
Инаково ливишъ.
У насъ сугакивъ тільки сліды,
Дикіі кони намъ сусіды,
Да Дніпрове сремя—
Ото наше племя.
Правда, якъ кінь въ степний волі,
То такъ козакъ не безъ долі:
Куды хоче, туды скаче,
За козакомъ нихто не заплаче,
Гай, гай! якъ я молодъ бувавъ, що то въ мене була за сила?
Було ляхивъ борючи, и рука не млила,
А теперъ и вошъ сильніша відъ ляхивъ сдается:
Плечи и нігти болять, якъ день попобьеся.
Такъ то бачу, що уже не добра літъ нашихъ година:
Скоро цвіте и вьяне, якъ у полі билина,
Хотя жъ мені и не страшно на степу вмірати,
Да тильки жаль, що нікому буде поховати:
Татаринъ цураеться, а ляхъ неприступить;

Хиба яка звіряка за ногу въ байраки поцупить.
И справди, пристаривщись, на Русь пійти мушу,
Бо тамъ одпоминають попы мою душу.
Тильки жъ мені и не чуеця на лаві вмирати,
Бо ще жъ мене тягне охота зъ ляхами гуляти.
А хай мині що небудь прикинуть для смерти,
То ще жиду або ляху мушу носа втерти.
Хочъ уже мало изледащивъ, однакъ чують плечи:
Здаеця, поборовся бъ ище зъ ляхами гречи;
Ище бъ прогнавъ шоронку за Вислу хочъ трохи,
Гинули бъ ляхи якъ отъ жару блохи.
Трохи ляхва угадала,
Що лошака даровала.
Случалось мені и не разъ въ степу варить пиво:
Пивъ турчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ надиво:
Багацько лежить и теперь зъ похмілья
Мертвихъ головъ и кистокъ одъ того весилья.
Надія въ мене певна—мушкетъ сіромаха,
Да ще не заржавіла и шабля моя сваха.
Хоча вона и не разъ пасокою вмилась,
Таки й теперъ якъ бы разізлилась,
То не одинъ католикъ лобомъ двинымъ стане,
Коли жъ втікать схватится, то на спису застряне.
Да якъ и лукъ натягну, брязну тетивою,
То муситъ съ поля втикать ханъ Крымскій зъ ордою.
Гей, нуте жъ вы, степы, горить пожарами!
Бо вже часъ кожухи мінять на жупаны съ ляхами.
Де ярмарокъ добрый,—удача покаже,
Да въ барыші жидъ зъ ляхомъ не одинъ поляже.
Пекъ имъ! якъ наможуться, до мусишъ уступити
За шкатулу червонихъ золотомъ литихъ.
Кожухъ шкарупиный скинемъ имъ до ката,
Абы якъ одцуратьсяся упрямого свата,
Да вже біжимъ до Січі могорычу пити!
Цуръ имъ, бодай ихъ! якъ повыкли ляхи насъ дурити
Козакъ Иванъ Виногура,—
У ёго добра натура:
Въ Польщи ляхівъ оббирае,
А въ корчмі пропивае.

Въ степахъ бобры та лисиці,
А въ шинку дівки да молодиці.
Козакъ—душа правдивая, сорочки не мае,
Коли не пье, такъ воши бье, таки не гуляе.

Надъ бандурою:

Гей, бандуро моя золотая!
Коли бъ до тебе жінка молодая,—
Скакала бъ и плясала бъ до лиха,
Що не одинъ бы чумакъ одчурався бъ соли й міха.
Або якъ заграю, то не одинъ поскаче,
А підождавши, одъ того весілья та ще й заплаче [1]).

Заключительная сцена списка Маркевича, въ которой фигурировали мужикъ и солдатъ съ пушкою, въ Галагановскомъ спискѣ замѣнена выступленіемъ нищаго Савочки съ торбою въ рукахъ. Онъ обращается къ зрителямъ съ такими словами:

Я Савочка нищій
Прошу на харчъ, на горілку.
Хто дасть шагъ, а хто рубъ,
Прійму и копійку,
На дощечку, на клепало;
Хто що вкине, то пишить пропало!

Въ эту торбу обыкновенно публика бросала свои подаянія въ благодарность за представленіе [2]).

Изъ этихъ дополненій, для установленія хронологіи текста списка, особенно важны выдержки изъ пьесы Г. Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ, 1746 года, раньше котораго не могъ сформироваться и самый текстъ, и длинный монологъ запорожца, отодвигающій образованіе текста этого списка къ болѣе позднему времени. Въ этомъ монологѣ запорожца кое-что только осталось отъ прежняго его моно-

---

[1]) „Кіевская Старина“, октябрь, 1882 г., стр. 22—7.
[2]) Тамъ же, стр. 38.

лога по списку Маркевича: это—предварительная пѣсня „Да не буде лучче“, 4 строки третьей строфы „Гай, гай! якъ я молодъ бувавъ“, и заключительное обращеніе къ бандурѣ. Остальной текстъ монолога—весь новый, и въ объясненіе его можно привести слѣдующія параллели.

Подъ однимъ изображеніемъ запорожца, сидящаго съ бандурою подъ дубомъ, XVIII вѣка, по сообщенію Де-ла-Флизъ, сдѣлана была слѣдующая подпись, воспроизводящая первую строфу нашего монолога:

Хоть на меня дивися, та не угадаешь,
Якъ зовуть и видкиль родомъ, и якъ прозываютъ,— не чичиркъ не знаешь.
Коли трапилось кому у степахъ бувати,
То той можетъ мое прозвище угадати.
Жидъ зъ бѣды за ридного батька почитае,
А ляхва дурно милостивымъ добродіемъ называе.
А ты якъ хочешъ, то такъ мене (назови)...,
Абы лишъ не крамаромъ...

Г. Де-ла-Флизъ называетъ этого запорожца Мамаемъ, считаетъ его историческою личностію и указываетъ Мамаевъ дубъ на урочищѣ Васильковскомъ, Мотронинской дачи, возлѣ деревни Херсонки, Чигиринскаго уѣзда. По мѣстному преданію, разбойникъ Мамай вѣшалъ на этомъ дубѣ ляховъ и жидовъ и наконецъ самъ былъ повѣшенъ на немъ по распоряженію польскаго правительства [1]).

На другомъ подобномъ изображеніи безъимяннаго запорожца XVIII вѣка внизу и по сторонамъ выписаны 4 отрывка, совпадающіе съ началомъ, серединою и концомъ нашего монолога:

---

[1]) Этнографическій альбомъ Де ла-Флизъ находится въ Церковно-Археологическомъ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи, по моему „Описанію рукописей“ сего музея № 206, стр. 154; сн. „Кіевскую Старину“, декабрь, 1882 г., стр. 471—2.

1) Хочь дивисъ, то одначе не въгадаешъ,
Вѣдки я родомъ, правда нечичиръ не знаешь.
Називай мене гайдамакою, розбойнікомъ, пяницею...

2) Що то якъ я бувъ молодъ, що во мнѣ була за сіла!
Якъ ляхѣвъ боровъ, то и рука не трусила.
А тепера и вошъ отъ мене силнѣйша здаеця.

3) Казакъ душа справедливая, сорочки не мае;
Коли не пье, то воши бье, то таки не гуляе.
Того ляхи, не менше попи и чинцѣ, набѣралися жаху

4) Гей, бандура моя золотая!
Коли бъ до тебе молодиця молодая!
Скакала бъ, спѣвала. До сёго лиха
Не одинъ бы чумакъ отъчурався гроший мѣха.
Бо якъ заграю, то не одинъ и поскаче,
А подождавше съ того веселля, то не одынъ и заплаче [1]).

Изъ этихъ параллелей можно видѣть, что монологъ запорожца въ Галагановскомъ спискѣ вертепной драмы сложился въ основныхъ своихъ частяхъ около половины XVIII вѣка. Монологъ дышетъ неукротимою ненавистью къ жидамъ и ляхамъ и является какъ бы зловѣщимъ предвѣстникомъ страшной коліивщины 1768 г, хотя о ней, повидимому, не упоминаетъ. Поэтому время появленія этого списка вертепной драмы нужно полагать между 1746 и 1768 годами. Занесенъ былъ этотъ списокъ къ помѣщику Галагану не позже разоренія Запорожской Сѣчи въ 1775 году, такъ какъ монологъ запорожца представляетъ эту Сѣчь еще существующею.

3) Есть еще и *третій списокъ малорусской редакціи вертепной драмы*, основной текстъ котораго занесенъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскъ въ концѣ XVIII вѣка. Онъ записанъ здѣсь въ 1874 году и изданъ г. Чалымъ. Текстъ этого списка ближе къ тексту Маркевича, хотя иногда заключаетъ и

[1]) „Кіевская Старина", декабрь, 1882 г., стр. 472—3. Не лишнимъ считаю замѣтить, что помѣщенная тутъ статья моя значительно измѣнена редакторомъ журнала.

то, что́ сохранилось только въ спискѣ Галагана, напр. пѣснь „Нова рада (радость) стала“, сцену съ нищимъ Савочкой и друг. Но въ сравненіи и съ текстомъ Маркевича списокъ Чалаго иное опускаетъ, иное сокращаетъ, а кое-что привноситъ и новое. Такъ, онъ опускаетъ сцену появленія гусара-венгерца, едва-ли извѣстнаго въ Сѣверщинѣ, и сцены голоднаго цыгана и Клима со свиньей и дьякомъ, замѣняетъ хвастливаго поляка танцующими парами кавалера во фракѣ и дамы въ робронѣ и другихъ господъ и заставляетъ запорожца исповѣдаться уже у православнаго попа. Эпизодъ о козѣ переданъ иначе и съ другимъ именемъ хозяина. На сцену выѣзжаетъ верхомъ на козѣ Антонъ, а за нимъ идетъ жена, подгоняя козу. Шинкарка покупаетъ у него козу за три съ полтиной рубля. Но когда пошли пить могорычъ,— прибѣгаетъ волкъ и схватываетъ козу. Коза кричитъ „мэээ“, а Антонъ горько плачетъ.

Вновь выведенъ какой то панъ гетманъ, несомнѣнно передѣланный изъ польскаго жолнера[1]). Гетманъ въ пятницу, на еврейскій шабасъ, отправляется къ богатому жиду, побоями вымогаетъ у него червонцы и коней, требуетъ жену и дѣтей и всѣхъ заставляетъ плясать, не смотря на шабасъ.

Новыми являются и второстепенныя личности служиваго, „заслужившаго себѣ чинъ господина прахвоста“, и пьяницы Хомы.

Въ заключеніе, послѣ нищаго Савочки, выходитъ генералъ, а за нимъ солдатъ. *Генералъ* (къ солдату). Поди скажи, пусть подаютъ пушку! Солдаты вкатываютъ на сцену пушку и стрѣляютъ. Хоръ поетъ „многая лѣта“.

Не смотря на топорный характеръ обработки этого текста, редакторъ его, повидимому, не прочь былъ хвастнуть и знаніемъ латыни, какъ это можно видѣть изъ словъ

---

[1]) См. пѣсню „Oy, priechaw Zownier do żyda na szabas“ въ рукоп. Кіевской Дух. Акад., Муз.. № 252, л. 30—31.

двухъ чертей, схватывающихъ тѣло умершаго Ирода: „Амицами, амицами (amice mi) зъ желѣзными рукавицами“ [1]).

В. Къ *третьей редакціи вертепной драмы* мы относимъ Смоленско бѣлорусскій вертепъ съ Новгородскимъ къ нему варіантомъ. Это, впрочемъ,—не самостоятельная редакція, а производная, занимающая середину между волынскою и собственно малороссійскою редакціями и, кажется, отчасти питающаяся ими.

Съ одной стороны, мы видимъ въ ней воспроизведеніе сценъ малорусской редакціи вертепной драмы, какъ, напримѣръ, воспроизведеніе сцены жида съ охмелѣвшимъ запорожцемъ, превращеннымъ здѣсь въ полицейскаго солдата, а съ другой—въ ней изображены литвины волынской редакціи, и притомъ въ сходныхъ положеніяхъ, напр. лѣченіе объѣвшагося литвина, и дѣлается буквальное позаимствованіе изъ военной еврейской муштры передъ паномъ Ходоркомъ волынскаго вертепа. Любопытно, что названіе танцующей съ дѣдомъ бабы Аришкою встрѣчается еще въ волынской интермедіи 1719 года.

1) *Смоленско-бѣлорусскую редакцію вертепной драмы* мы воспроизводимъ здѣсь, въ общихъ чертахъ, по записямъ А. Тарнавскаго и В. Н. Добровольскаго и по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ. Первый изъ нихъ наблюдалъ вертепное представленіе въ г. Духовщинѣ, Смоленской губерніи, а второй—въ самомъ Смоленскѣ.

---

[1]) Изд. въ „Воспоминаніяхъ“ Чалаго, въ „Кіевской Старинѣ“, январь, 1889 г., стр. 27—40. Не считаемъ нужнымъ останавливаться на другихъ позднѣйшихъ записяхъ вертепной драмы этой редакціи, свидѣтельствующихъ уже о распаденіи ея и потерѣ первоначальнаго вида. См., напр., статьи А. Н. Малинки „Живой вертепъ“ въ „Этнографич. Обозрѣніи“, 1897 г., кн. 4, стр. 37—56, М. К. Васильева—тамъ же, 1898 г., кн. 1, стр. 76—100, и др.

Первая, духовная часть Смоленско-бѣлорусскаго вертепа, вездѣ болѣе или менѣе одинаковаго содержанія, сходна съ соотвѣтствующею частію малорусскаго вертепа, хотя мѣстами указываетъ и на другіе источники своего происхожденія. Представленіе начинается появленіемъ двухъ ангеловъ въ бѣлыхъ одеждахъ:

Ангели съ небеси слетѣли,
„Слава въ вышнихъ“ запѣли.

Во время пѣнія ангелы скрываются, а мѣсто ихъ занимаютъ „пастухи съ ягняткомъ“ и прославляютъ новорожденнаго Христа. Въ слѣдующемъ явленіи Иродъ возсѣдаетъ на тронѣ, къ нему являются три волхва. Иродъ повелѣваетъ имъ на обратномъ пути изъ Виѳлеема явиться къ нему съ подробностями о рожденіи Спасителя, но, не дождавшись ихъ возвращенія, велитъ своему „воину вѣрному“ избить въ Виѳлеемѣ всѣхъ младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и ниже. Воинъ исполняетъ царское повелѣніе и доноситъ о томъ Ироду, прибавляя, что—

Только одна старая баба Рахиля
Не даетъ своего дитенка бить.

Иродъ велитъ призвать ее къ себѣ, а воину заколоть ея ребенка. Хоръ поетъ:

Не плачь, не плачь, Рахеля,
Твое дитя цѣло,
Оно не вмирало,
А отцвѣтало.

Иродъ велитъ воину прогнать отъ себя „старую бабу“. На мѣсто ея выходитъ какой-то „Отшельникъ“, вѣроятно передѣланный изъ олицетвореннаго Отмщенія Божія рождественской драмы св. Димитрія Ростовскаго или Кіевской пьесы „Торжество естества человѣческаго“ 1706 года, и говоритъ Ироду:

О, Ироде, Ироде!
Полно тебѣ грѣшити,
Пора смерти просити!

Иродъ и его велитъ выгнать, но взамѣнъ его является Смерть съ косою и говоритъ ему тѣ же самыя слова. Иродъ въ ужасѣ встаетъ на своемъ престолѣ быстро и порывисто.

Смерть. Вотъ я къ тебѣ пришла!
Насталъ твой смертный часъ:
Склони твою голову на мою косу.

Иродъ, подобно грѣшнику въ Успенской драмѣ св. Димитрія Ростовскаго, проситъ отсрочки:

Иродъ. Дай отсрочки одинъ годъ!

Смерть. Ни на одинъ мѣсяцъ!

Иродъ. Дай на одинъ день!

Смерть. Ни на одинъ часъ!

Иродъ. На одну минуту!

Смерть. Ни на одну секунду!

Иродъ покорно склоняетъ голову на косу, а Смерть, отрубивъ голову, плавно удаляется однимъ ходомъ, а другимъ вбѣгаютъ черти съ визгомъ и хохотомъ, окружаютъ тѣло Ирода и подъ предводительствомъ огромнаго чорта. тащатъ тѣло его въ адъ.

Хоръ (*изображаетъ кипѣніе адской смолы*): *жж... зз... сс...* [1]).

Въ свѣтской части Смоленскаго вертепа выступали на сцену Александръ Македонскій и царь Породинскій (т. е. Поръ Индійскій), князь и княгиня, межевой и межевая, козелъ и баба, старикъ съ Аришенькою, жидъ и полицейскій солдатъ и наконецъ 45-лѣтній „несмысленничекъ Максимка“ [2]). Этотъ Максимка соотвѣтствуетъ нищему Савочкѣ

---

[1]) „Вертепъ въ Духовщинѣ“, А. Тарнавскаго, въ „Кіевской Старинѣ“, мартъ, 1883 г., стр. 663—5; „Бѣлорусскій вертепъ“, Н. Н. Виноградова, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1908 г., т. XIII, кн. 2, стр. 71—5.

[2]) См. вышепомянутую статью Н. Н. Виноградова, стр. 75—80.

Галагановскаго и Новгородъ-Сѣверскаго списковъ, а еврей съ полицейскимъ солдатомъ играютъ тѣ же почти роли, какія въ малорусскомъ вертепѣ—запорожецъ и еврей. Въ Духовщинскомъ вертепѣ еврей идетъ съ боченкомъ въ рукахъ, а за нимъ полицейскій солдатъ, который хочетъ заарестовать еврея за „корчемную водку". Еврей проситъ помилованія и предлагаетъ водочки. Солдатъ поддается искушенью, пьетъ и тутъ же валится съ ногъ. Еврей хохочетъ и начинаетъ издѣваться надъ солдатомъ, бьетъ его и щиплетъ. Солдатъ схватывается и въ свою очередь начинаетъ бить еврея. Послѣдній кричитъ „благимъ матомъ" На крикъ прибѣгаетъ квартальный и хочетъ взять еврея въ полицію. Еврей упрашиваетъ и поетъ:

Я жидочекъ бѣдный,
Худенькій, мизерный...

Увидѣвъ, что просьбы не помогаютъ, еврей начинаетъ плясать, приговаривая:

Передъ паномъ Ѳедоро́мъ
Ходитъ жидъ ходоромъ...

Но еврея все-таки тащатъ въ полицію [1]).

Старикъ съ Аришенькой соотвѣтствуютъ здѣсь дѣду и бабѣ малорусскаго вертепа; но Аришенька превращена въ молодую бабу и носитъ то же самое имя, какое усвоено бабѣ въ волынской интермедіи 1719 года.

Сцена, подъ заглавіемъ „Максимка искатель грибовъ, и его отецъ", въ смоленскомъ вертепѣ является какъ бы туземною, бѣлорусскою. На сцену является мужикъ и говоритъ: „куда же это я забрелъ? Вотъ тебѣ на! А гдѣ жъ Максимка? (зоветъ). Сынъ Максимъ, а, сынъ Максимъ!

Максимка. Ау, татка!"

---

[1]) См. статью А. Тарнавскаго въ „Кіевской Старинѣ", мартъ, 1883 г., стр. 665.

Оказывается, что Максимка зимою грибы собиралъ въ лѣсу.

Мужикъ. Да что ты одурѣвъ, али пьянъ? какіе нонѣ объ Раствѣ грибы?

Максимка. Да еще какіе—подосиновики! Ходи ко мнѣ собирать, а то всѣхъ одному не набрать.

Мужикъ. Въ такой-то морозъ мнѣ къ тебѣ идти! Нѣтъ, ужъ ты выходи ко мнѣ скорѣй, пора домой, а то замерзнемъ!

Максимка. Нѣ, мнѣ въ лясу тяпло! Да я никакъ и заблудіувся,—такъ и есть заблудіувся.

Мужикъ. Дакъ читай за мной молитву „Да воскреснетъ Богъ".

Но и молитва не помогла Максимкѣ [1]). Очевидно, это—тотъ же 45-лѣтній „несмысленникъ" Максимка, который выступалъ и въ Духовщинскомъ вертепѣ.

Туземною же бѣлорусскою является и сцена лѣченія объѣвшагося кутьей литвина-бѣлорусса докторомъ шарлатаномъ, совершенно аналогичная съ подобной сценой въ волынскомъ вертепѣ. Выходитъ бѣлорусскій мужикъ Мацей съ подвязанымъ животомъ и стонетъ.

Мацей. Авей, авей, вохъ, вохъ, вохъ! Вотъ, мои паночки, бувъ я у пана Барановского на куцьи, да якъ подъѣвъ куцьи, дакъ ня могу сопци! Што моя Ульяна ни робила, и горшокъ на пупъ становила,—да и тое ня помогло, да яще горшь прилягло. Порадзили мнѣ галасу, купервасу да бурачнаго квасу, моху, чортополоху, и яще нѣчаго (забывся) троху,—усё гето зелья сколоциць да выпиць.

---

[1]) См. статью Н. Н. Виноградова въ „Запискахъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Наукъ", 1908 г., т. XIII, кн. 2, стр. 75—8.

Зробивъ я и геся, ня помогло, яще горшь прилягло. Вотъ, какъ бы нашовся докторочокъ да полячивъ мой животочекъ,—отдавъ бы яму и торбочку, и мяшочекъ!

Дохторъ-шарлатанъ (выходитъ). Што тебѣ, мужикъ?

Мацей. А вотъ, паночекъ, нестравность, бурченья, рѣзачка, обенбенило, якъ Антонову козу.

Дохторъ. Кладзися, мужикъ! Якъ цябе зовуць?

Мацей. Мацей.

Дохторъ (бьетъ его палкой, приговаривая): Поцѣй (т. е. потѣй), пане Мацей!

Мацей (встаетъ, а докторъ убѣгаетъ). А, лихо твоей мацяри! Напоцѣвъ, намацѣвъ, да й самъ къ чорту поляцѣвъ! Вотъ, кабъ догнавъ, вотъ бы у плечки нагрукотавъ! [1]).

Возможно, что подобныя сцены принадлежатъ къ числу „бывшихъ въ Смоленской семинаріи комедей", которыя обрабатывались здѣсь въ началѣ второй половины XVIII вѣка подъ руководствомъ учителя Мануила Базилевича [2]).

2) Варіантомъ Смоленско-бѣлорусскаго вертепа мы считаемъ *Новгородскій вертепъ*, текстъ котораго записанъ былъ въ 1905 году на Поволжьи Н. Н. Виноградовымъ отъ двухъ раешниковъ изъ Новгородской губерніи, занимавшихся вертепнымъ представленіемъ, какъ ремесломъ для заработка. Но въ немъ нѣтъ ничего, что бы характеризовало Новгородскую губернію какими-либо особыми, спеціальными чертами, или же имѣло отношеніе къ интерлюдіямъ къ Новгородской школьной драмѣ „Стефанотокосъ" 1742 года. Нов-

---

[1]) „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра", В. Н. Перетца, I—VII, СПБ., 1905 г., стр. 17 и 18; „До історії українського вертепа XVIII в.", Ив. Франка, Львовъ, 1906 г., стр. 83—5.

[2]) См. выше, и „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра", В. Н. Перетца, I—VII, СПБ., 1905 г., стр. 5—11.

городскій вертепъ несомнѣнно заимствованъ съ юга Россіи, но сильно искаженъ мѣстными исполнителями.

Новгородскій текстъ вертепа начинается пѣніемъ ангеловъ „Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ“. Затѣмъ выходитъ пастушокъ съ двумя овечками, покланяется передъ пещерою, въ которой лежитъ Іисусъ, и поетъ извѣстную по Галагановскому списку пѣснь:

Нова радость стала,
Яка въ небѣ стала,
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Свѣтла возсіяла, и проч.

Потомъ слѣдуетъ сцена пришествія волхвовъ и поклоненія ихъ Спасителю. И когда они уже направились домой другою дорогою, только теперь, какъ и въ волынскомъ вертепѣ, является Иродъ и посылаетъ воиновъ избить всѣхъ младенцевъ. Воины исполняютъ царскій приказъ и доносятъ царю объ упорствѣ Рахили, не давшей имъ убить ея ребенка. Но Иродъ велитъ убить и ея младенца. Рахиль падаетъ на землю и рыдаетъ. Ангелъ Господень утѣшаетъ ее словами:

Не плачь, Рахили,
Зря чада тѣло! и проч.

Послѣ этого, выходитъ на сцену уже не отшельникъ Смоленско-бѣлорусскаго вертепа, превращенный изъ олицетвореннаго Отмщенія Божія, а параллельный отшельнику польскій ксендзъ, который и предвѣщаетъ Ироду гибель:

О Іроде, о кручинги (окрутнику)!
За твои превеликія злости
Прійдетъ гибель-дьябель
И поберетъ чортъ душу твою и кости.

Приходитъ Смерть и говоритъ:

Азъ есмь малихиня (монархиня),
Сильнѣйшій воинъ,

Всему свѣту пани, и т. д.
Полно тебѣ, Иродъ проклятой, безумный,
На семъ свѣтѣ жить,
Пора тебѣ, Иродъ, въ адъ снить!

Иродъ хочетъ воевать со Смертію; но она зоветъ на помощь чорта и, по совѣту его, косою снимаетъ съ Ирода голову. Чортъ беретъ тѣло, а Смерть—голову, и оба уходятъ.

Въ свѣтской части Новгородскаго вертепа выступаютъ жидъ-торговецъ, обокраденный воромъ, и цыганъ, бьющій жидовъ, которые передъ нимъ танцуютъ и поютъ:

Передъ паномъ Ѳеодоромъ
Ходятъ зидки козыремъ,
И задкомъ и передкомъ,
Передъ татой—мамою.

Одинъ изъ побитыхъ жидовъ убѣгаетъ, другой идетъ къ ангелу жаловаться, но попадаетъ на чорта, который тащитъ его въ адъ.

Есть въ Новгородскомъ вертепѣ межевой и межевая, фигурировавшіе въ Смоленско-бѣлорусскомъ вертепѣ.

Изъ этого же послѣдняго, можетъ быть, заимствована Новгородскимъ вертепомъ и сцена „Кутейникъ“, съ замѣною объѣвшагося кутьей бѣлорусса литвина кутейникомъ. „Кутейникъ, въ предлинной одеждѣ“, входитъ на сцену, держась за животъ, и говоритъ:

Что мнѣ сіи святки учинили?
Объѣлся я кутьею,
Да такъ объѣлся,
Что чуть не разсѣлся,
Ажно брюшенько мое заболѣло.

Его лѣчитъ цыганъ такимъ же способомъ, какъ лѣчитъ бѣлорусса-литвина цыганъ въ Волынскомъ вертепѣ, а докторъ-шарлатанъ—въ Смоленско-бѣлорусскомъ. Цыганъ, предварительно связавши руки кутейнику, говоритъ ему:

Вотъ такъ ложись! а я попарю,
Всѣ болѣсти сразу ошпарю.

Полежи да попотѣй!
Потѣй, потѣй!
Вотъ тебѣ кутья,
Вотъ тебѣ съ медомъ,
Вотъ тебѣ сладкая!

Приговаривая это, цыганъ схватываетъ одежду кутейника и убѣгаетъ. Кутейникъ кричитъ:

Ахъ, меня развяжите,
Или того цыгана догоните,
Плащъ, шапку отнимите! [1])

Не трудно угадать, кто здѣсь разумѣется подъ кутейникомъ. Это насмѣшливое и бранное слово примѣнялось въ Великороссіи къ духовенству, на что въ данномъ случаѣ указываетъ и длинная одежда кутейника. Такимъ образомъ, первоначальная насмѣшка надъ бѣлоруссомъ-пчеловодомъ получила въ Великороссіи спеціальное примѣненіе къ православному духовенству.

Имѣя въ виду указанныя нами параллели Новгородскаго вертепа со Смоленско-бѣлорусскимъ, мы и признаемъ Новгородскій вертепъ только однимъ изъ варіантовъ послѣдняго, привитымъ къ чужой почвѣ и изуродованнымъ непонимавшими его исполнителями.

Г., Особую и едва ли не старѣйшую редакцію южнорусскаго вертепа представляетъ текстъ *Сибирскаго Вертепа*.

Въ XVIII вѣкѣ въ Сибири были двѣ духовныя семинаріи Тобольская и Иркутская, въ которыхъ разыгрывались школьныя драмы. Еще въ 1734 году академикъ І. Г. Гмелинъ видѣлъ въ Тобольскѣ на Пасху представленіе, въ которомъ въ комическомъ видѣ представлялись дьяволъ и смерть и Адамъ въ видѣ дряхлаго старика, который жа-

[1]) „Великорусскій вертепъ“, Н. Н. Виноградова, въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1905 г. т. X, кн. 3, стр. 360—382.

лобно кряхтѣлъ и представлялъ обычные недуги старости [1]). Во второй половинѣ XVIII вѣка Тобольскіе семинаристы по временамъ исполняли пьесы и нерелигіознаго содержанія, въ родѣ Максимиліана, царя Ирода и Калифа на часъ. Иногда семинаристы для увеселенія обывателей устраивали спектакли на домахъ, но въ 1818 году это было запрещено „для отвращенія случавшихся вслѣдствіе сего нравственныхъ безпорядковъ“ [2]).

Въ связи съ этими школьными представленіями ставятъ и сибирскій вертепъ, устройство котораго вполнѣ сходно съ украинскимъ вертепомъ. Два яруса, на которые дѣлится сцена, служатъ мѣстомъ дѣйствія для двухъ разнородныхъ актовъ пьесы: въ одномъ собраны всѣ преимущественно духовныя сцены, и онъ оканчивается смертію Ирода; пляски и народныя сцены образуютъ второй актъ. Гудочники и скрипачи сопровождаютъ своей игрой представленіе [3]). Н. Щукинъ въ своей статьѣ о Сибирскомъ вертепѣ говоритъ, что иногда послѣ вертепной драмы про Ирода, „разыгривалась комедія, сколько могу припомнить, изъ малороссійскаго или польскаго быта“, прибавляя, что въ этой комедіи „голый шляхтичъ хвастаетъ богатствомъ, хлопъ его обманываетъ и бьетъ“. По догадкѣ Ив. Франка, въ этой сценѣ хлопъ, вѣроятно, не обманывалъ голаго шляхтича, а только демаскировалъ его хвастовство, какъ это дѣлается въ одной русско-польской сатирической „Розмовѣ“ конца XVII или начала XVIII вѣка. Эта сцена сибирскаго вертепа съ одной стороны свидѣтельствуетъ о происхожденіи

---

[1]) „Исторія русскаго театра“, П. О. Морозова, т. 1, стр. 110.

[2]) „Исторія русскаго театра“, Б. Варнеке, Казань, 1908 г., ч. 1, стр. 28.

[3]) „Старинный театръ въ Европѣ“, А. Веселовскаго, Москва, 1870 г., стр. 398.

этого вертепа съ юга Россіи, а съ другой — показываетъ, что сибирскій вертепъ стоитъ внѣ зависимости отъ другихъ редакцій южно-русскаго вертепа, въ которыхъ нѣтъ ничего подобнаго этой сценѣ [1]).

Такимъ образомъ, мы намѣтили четыре редакціи южнорусской вертепной драмы: волынскую, собственно малорусскую, смоленско-бѣлорусскую съ новгородскимъ варіантомъ къ ней, и сибирскую, появившіяся въ тѣхъ умственныхъ центрахъ, въ которыхъ находились Кіевская Академія и ея учебныя колоніи Гойская или Гощанская, Смоленская, Новгородская и Тобольская. Основаніемъ или, по крайней мѣрѣ, исходною точкою для каждой изъ этихъ редакцій, по всей, вѣроятности, послужила какая-либо школьная драма, которая, спускаясь изъ школьной сферы въ простонародную жизнь, теряла многое изъ того, что не соотвѣтствовало данной этнографической средѣ, получала новыя наращенія и искажалась въ смыслѣ принаровленія къ данной мѣстности и къ извѣстному времени. Такъ, напримѣръ, малороссійскій вертепъ, завися отъ нѣкоторыхъ кіевскихъ школьныхъ драмъ и интерлюдій къ нимъ, не принялъ въ свой составъ нѣсколькихъ интерлюдій о литвинахъ—бѣлоруссахъ, такъ какъ ихъ не было въ центрѣ Малороссіи, а Смоленско бѣлорускій вертепъ не знаетъ украинскаго казака — запорожца и его роль сводитъ къ обязанностямъ полицейскаго солдата — взяточника, конфискующаго „корчемную водку“ у жида. Новгородскій же варіантъ Смоленско-бѣлорусскаго вертепа переводитъ черты объѣвшагося кутьей литвина—бѣлорусса на знакомый ему типъ великорусскаго „кутейника“. При переложеніи школьной драмы на вертепныя представленія, нѣкоторые персонажи отвлеченнаго, алле-

---

[1]) „До історіі украінського вертепа, XVIII в.“, Ив. Франко, Львовъ, 1906 г., стр. 36, 101 и 102.

горическаго характера превращаются въ какія-то непонятныя реальныя личности, появляющіяся на сценѣ не совсѣмъ кстати. Напримѣръ, Отмщеніе Божіе въ смоленско-бѣлорусскомъ вертепѣ превращено въ отшельника, а въ Новгородскомъ варіантѣ отшельникъ этотъ превращенъ уже въ польскаго ксендза. Первоначальные типы извѣстной редакціи, переходя въ другую мѣстность съ иною этнографическою окраскою, становятся непонятными въ новой для нихъ средѣ и искажаются до неузнаваемости. Особенно это нужно сказать о новгородскомъ варіантѣ Смоленско-бѣлорусскаго вертепа, не знающемъ хорошо ни евреевъ, ни поляковъ, ни литвиновъ, и искажающемъ ихъ рѣчи до безсмыслицы. При экстерриторіальности распространенія извѣстнаго мѣстнаго вертепа, возможны и позаимствованія у другихъ редакцій вертепа, еще болѣе запутывающія и затемняющія первоначальный планъ и составъ данной редакціи вертепа.

При видимомъ упадкѣ и искаженіи вертепныхъ представленій въ настоящее время, интересъ къ нимъ со стороны образованной публики увеличивается, однако, все болѣе и болѣе. Въ вертепѣ видятъ народный театръ, получившій широкое распространеніе по всей Россіи и удержавшійся въ народныхъ массахъ до позднѣйшаго времени, и ждутъ отъ него уроковъ для устройства современнаго народнаго театра. Но эти уроки должны клониться не къ воспроизведенію прежняго матеріала и содержанія вертепныхъ представленій, а къ уясненію общихъ законовъ ихъ развитія и примѣненію ихъ къ созданію современнаго народнаго театра.

Заключеніе.

Итакъ, въ третьемъ періодѣ исторіи Кіевской школьной драмы мы видимъ рѣшительный упадокъ ея, такъ какъ школьная драма была теперь почти совершенно изгна-

на изъ школы, хотя и продолжала еще, по инерціи, движеніе внѣ школьныхъ стѣнъ, по старымъ школьнымъ традиціямъ. Измѣнились и самыя формы этой драмы, примѣнительно къ новымъ условіямъ ея существованія, то принимая видъ мело-драматическаго діалога и поздравительной драматизованной вирши, то примѣняясь къ кукольному театру въ вертепныхъ представленіяхъ. Судя по той средѣ, въ которой пріютились эти произведенія, они или витали въ высшихъ сферахъ внутренней политики Россіи и маломальски приспособлялись въ общей русской литературной рѣчи, удерживая, однако же, старое школьное силлабическое стихосложеніе, или же спускались въ среднія и особенно низшія сферы сельской простонародной жизни и примаровлялись къ простонародной рѣчи. Къ первой категоріи относятся „разговоры“ и драматическія произведенія на общерусскомъ и даже на польскомъ языкахъ, служившіе въ нѣкоторомъ родѣ отзвукомъ наиболѣе громкихъ, выдающихся дѣяній Екатерины II по отношенію къ Малороссіи, какъ напр. созыва депутатовъ для сочиненія новаго уложенія, введенія духовныхъ штатовъ и секуляризаціи духовныхъ имѣній въ Малороссіи, послѣднихъ раздѣловъ Польши и воссоединенія уніатовъ съ православною Церковію. Но эти произведенія могли имѣть только временное, чисто историческое значеніе и скоро были забыты, какъ только вызвавшія ихъ историческія событія внѣшней и внутренней политики Россіи улеглись въ историческія рамки отжившей старины и нивеллировались въ общемъ историческомъ потокѣ русской жизни.

Долговѣчнѣе оказались тѣ пережитки старой драмы, которые, составляя наслѣдіе старой школы, достались низшимъ слоямъ малорусскаго населенія и особенно жителямъ малорусскихъ мѣстечекъ и селъ, которые, судя по естественному порядку вещей, носили модное платье лишь съ барскаго плеча и пользовались модною барскою литера-

турою заднимъ числомъ, и притомъ съ большими искаженіями. Мы здѣсь имѣемъ въ виду съ одной стороны краткіе діалоги и драматизированныя поздравительныя праздничныя вирши школьнаго происхожденія и характера, не предназначавшіеся иногда для сценическаго представленія, а съ другой—вертепныя представленія, передѣланныя изъ прежнихъ школьныхъ драмъ. Оба эти вида драматическихъ произведеній предназначались для среднихъ и низшихъ слоевъ малорусскаго народонаселенія, приспособлялись къ народному быту и говору и имѣли широкое распространеніе въ народныхъ массахъ, долгое время удовлетворяя ихъ незатѣйливые литературные вкусы. Въ этихъ родахъ литературы мы замѣчаемъ если не прогрессъ, то все же таки нѣкоторое движеніе: авторы и передѣлыватели ихъ нерѣдко привносятъ въ нихъ элементъ критическаго, сатирическаго отношенія къ окружающей ихъ обыденной дѣйствительности и освѣщаютъ обличительнымъ свѣтомъ нѣкоторыя темныя ея стороны. Но, предоставленная самой себѣ, эта драматическая литература простонароднаго характера безслѣдно погибла бы, какъ она дѣйствительно и вымираетъ уже въ отдѣльныхъ своихъ отрасляхъ и проявленіяхъ. Но тутъ на помощь украинской драмѣ, понимаемой въ общемъ ея значеніи и объемѣ, является обще-русская художественная драма.

Въ предварительномъ обзорѣ третьяго періода исторіи кіевской школьной драмы мы говорили, что во второй половинѣ XVIII столѣтія многіе изъ южно-русскаго юношества, закончивъ свое образованіе въ сѣверно-русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, участвовали въ разработкѣ общерусской художественной литературы, привнося въ свои произведенія болѣе или менѣе замѣтный южнорусскій этнографическій оттѣнокъ. Были въ тогдашней сѣверно-русской литературѣ и опыты непосредственнаго ознакомленія съ памятниками украинской рѣчи и украинскаго творчества. Выше мы указывали, что въ XVIII вѣкѣ большое число малорусскихъ

школьныхъ пѣсенъ перешло на сѣверъ Россіи и отчасти вошло въ составъ извѣстныхъ сборниковъ пѣсенъ Чулкова, Новикова и др. Кромѣ того, въ 1774 году въ „Музыкальныхъ Увеселеніяхъ“ напечатаны были „танецъ малороссійскій Дергунецъ“ и пѣсня малороссійская „Ой подъ вишнею, подъ черешнею“. Были, по видимому, и пробы примѣненія малорусской рѣчи къ русскимъ художественнымъ произведеніямъ. Въ еженедѣльномъ изданіи „Смѣсь“, 1769 года, издатель его, обличая различныхъ литературныхъ самохваловъ, между прочимъ писалъ: „третей превратилъ Анакреонта въ глупаго украинца“. Въ еженедѣльномъ изданіи „Вечера“, 1774 года, напечатана была элегія, судя по началу, по малорусски; „Да буде по тебѣ“. Въ „Живописцѣ“ Н. И. Новикова на 1773 годъ помѣщены „Украинскія Вѣдомости“ и „Знатной украинской дѣвицѣ“. Въ 1777 году „Григорій Калиновскій, армейскихъ походныхъ полковъ, состоящихъ въ украинской дивизіи, прапорщикъ“, издалъ въ Петербургѣ книжку, подъ заглавіемъ „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ Слободской Украинской губерніи“, и проч. Въ 1794 году бывшій воспитанникъ Кіевской Академіи Аѳ. Кирил. Лобысевичъ, закончившій свое образованіе въ академическомъ университетѣ, при письмѣ своемъ къ извѣстному Георгію Конисскому прислалъ своихъ „Виргиліевыхъ пастуховъ..., въ малороссійскій кобенякъ переодѣтыхъ“. Вѣроятно, здѣсь разумѣются эклоги Виргилія изъ его „Буколикъ“, переложенныя имъ на малорусскую рѣчь въ угоду послѣднему гетману малороссійскому К. Г. Разумовскому, при которомъ Лобысевичъ долгое время состоялъ „генеральсъ — адъютантомъ“.

Интересно, что въ письмѣ къ Г. Конисскому Аѳ. Кир. Лобысевичъ высказалъ и свой теоретическій взглядъ на литературное употребленіе и значеніе малорусской рѣчи. Прося Г. Конисскаго выслать ему, для изданія въ свѣтъ, интер-

людіи къ его трагикомедіи „О воскресеніи мертвыхъ“, писанныя на простонародномъ малороссійскомъ языкѣ, Лобысевичъ писалъ: „какъ во всякомъ покроѣ платьевъ, такъ во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота; а къ тому, когда и дымъ отечества сладокъ, то сія воня благоуханія мыслей отечественныхъ есть наисладчайшая. Для чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученостью великихъ людей имѣвшей, столь свѣтилъ выпустившей, для любителей своего отечества, для знающихъ подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнности мыслей, прошу Ваше Преосвященство велико одолжить меня,—интерлюдіи Танскаго то, или ваши, приказавъ списать, по почтѣ мнѣ въ Санктпетербургъ доставить, да изыдетъ во свѣтъ, да дастъ величіе отечеству своему нашъ Плавтъ, нашъ Мольеръ, если что не болѣ. Ибо я помню нѣкоторые стихи, описаніе Великодня, бѣгство Сатаны и Смерти, смерть Іуды: прекрасныя описанія“ [1]). Въ данномъ случаѣ неважно, что Лобысевичъ смѣшалъ пасхальную поздравительную виршу съ интерлюдіями къ пьесѣ Г. Конисскаго, такъ какъ то и другое произведеніе одинаково писано простонародною малорусскою рѣчью. Изъ этого письма Лобысевича видно, что онъ смотрѣлъ на комическія малорусскія интерлюдіи къ пьесѣ Г. Конисскаго уже съ точки зрѣнія тогдашней художественной русской литературы, съ точки зрѣнія псевдоклассической, и изданіемъ малорусскихъ интерлюдій хотѣлъ привнести простонародную малороссійскую стихію въ общую сокровищницу русской литературы.

---

[1]) „Одинъ изъ предшественниковъ Ив. Петр. Котляревскаго въ украинской литературѣ XVIII вѣка“, Н. И. Петрова, въ „Сборникѣ по славяновѣдѣнію“, I, С.-Петербургъ, 1904 г., и отдѣльными оттисками, стр. 5—6. О Гр. Калиновскомъ см. „Кіевскую Старину“, мартъ, 1884 г., стр. 505—7.

Но Лобысевичъ не получилъ просимыхъ имъ интерлюдій отъ Конисскаго, умершаго въ томъ же году, и не издалъ ихъ въ свѣтъ. Да онѣ едвали и могли тогда имѣть какой-либо успѣхъ, такъ какъ неуклюжій силлабическій стихъ ихъ не удовлетворялъ бы строгой щепетильности литературнаго вкуса русскихъ псевдоклассиковъ. Для успѣха какого-либо малорусскаго піитическаго произведенія, нужно было переложить его на господствовавшее тогда въ литературѣ Ломоносовское тоническое стихосложеніе, какъ это и сдѣлалъ И. П. Котляревскій въ своей Энеидѣ, перелицованной на малорусскую рѣчь съ русской Энеиды Осипова и Котельницкаго, вывороченной на изнанку и написанной тоническими стихами [1]). Онъ выбралъ для литературной обработки именно ту сторону областной малорусской литературы, которая получила въ Малороссіи особенное развитіе со временъ М. Довгалевскаго, т. е. комическую, но подчинилъ ее художественнымъ образцамъ и техническимъ пріемамъ сѣверно-русской или вообще русской литературы. Такимъ образомъ, въ перелицованной Энеидѣ Котляревскаго совершилось мирное сліяніе двухъ литературныхъ теченій, областного малорусскаго и художественнаго общерусскаго, съ подчиненіемъ перваго послѣднему.

То же самое нужно сказать и о началѣ новой украинской драмы, первыми представителями которой въ области малорусской комедіи были тотъ же И. П. Котляревскій и В. Ѳе. Гоголь, отецъ нашего знаменитаго писателя. Комедіи И. П. Котляревскаго „Москаль чарывникъ“ и В. А. Гоголя „Простакъ“—одинаковаго содержанія: это—измѣна же-

---

[1]) Что она перелицована съ русскаго,—объ этомъ сказано въ самомъ заглавіи старѣйшаго списка первой ея части 1794 года. См. о немъ въ моемъ „Описаніи рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ“, вып. III, Москва, 1904 г., № 707 стр. 298.

ны простоватому мужу, ловко изворачивающейся передъ нимъ при помощи плутоватаго солдата, поставленнаго къ нимъ на постой. Сходство содержанія обѣихъ комедій было причиною возникновенія щекотливаго вопроса о взаимномъ отношеніи ихъ между собою и позаимствованіи однимъ авторомъ у другого. А между тѣмъ это сходство въ настоящее время объясняется единствомъ происхожденія обѣихъ комедій изъ одного общаго источника. Въ извѣстномъ „Письмовникѣ“ Курганова, съ 1769 года имѣвшемъ 11-ть изданій, между прочимъ разсказывается „Повѣсть о удаломъ молодомъ солдатѣ“, который, попавъ переночевать въ домъ одного мѣщанина, замѣчаетъ въ его отсутствіе прибытіе къ хозяйкѣ любовника, котораго она угощаетъ. Когда неожиданно является мужъ, жена прячетъ любовника и ужинъ, а голодному мужу говоритъ, что нечего ѣсть. Тогда появляется солдатъ и, привѣтствовавъ хозяина, объявляетъ себя чародѣемъ, которому служатъ демоны. Очертивъ кругъ онъ открываетъ (подсмотрѣвъ заранѣе), гдѣ спрятанъ ужинъ, а поужинавъ, показываетъ, подъ видомъ служебнаго демона, спрятаннаго любовника хозяйки [1]). Оба автора, то есть И. П. Котляревскій и В. А. Гоголь, воспользовались этой бродячей новеллой западно-европейскаго происхожденія въ русской ея обработкѣ, но, что важнѣе всего,—изложили этотъ заимствованный предметъ въ такой литературной формѣ новой комедіи, которая стала вырабатываться въ сѣверно-русской художественной литературѣ по западно-европейскимъ образцамъ, со временъ Сумарокова. Котляревскій и Гоголь-отецъ придали этому заимствованному содержанію и заимствованной формѣ только малорусскій этнографическій колоритъ, или,—говоря иначе,—перелицевали ихъ на малорусскіе нравы и малорусскую рѣчь.

---

[1]) „Историко литературныя изслѣдованія и матеріалы“, В. Н. Перетца, т. I, С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 277—8.

И Котляревскій, и его первый издатель Парпура, и В. А. Гоголь имѣютъ нѣкоторое отношеніе и къ Кіевской Академіи. И. П. Котляревскій получилъ образованіе въ Переяславской Семинаріи, которая съ 1785 года была лишь филіею Кіевской Академіи [1]), а первый издатель „Энеиды" Котляревскаго Парпура и отецъ В. А. Гоголя Аѳанасій учились въ Кіевской Академіи [2]).

Но И. П. Котляревскій и В. А. Гоголь принадлежатъ уже къ новой украинской литературѣ [3]) и выходятъ изъ круга нашего обзора [4]).

---

[1]) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи", серія вторая, т. V, Кіевъ, 1908 г., № 98, стр. 532—3.

[2]) Тамъ же, т. IV, Кіевъ, 1907 г., стр. 338 и 340.

[3]) См. о ней „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія", Н. И. Петрова, Кіевъ, 1884 года.

[4]) Считаемъ нужнымъ оговориться, что при обозрѣніи перваго и второго періодовъ кіевской школьной драмы мы не могли воспользоваться капитальными трудами профессора В. И. Рѣзанова: 1) „Изъ исторіи русской драмы. Экскурсъ въ область театра іезуитовъ. Нѣжинъ, 1910 г. и 2). Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII в.в. и театръ іезуитовъ, Москва 1910 г.".

Важнѣйшія опечатки.

Стрн.:	*Стрк.:* (сверху)	*Напечатано:*	*Должно быть:*
2	3	столѣтіи	столѣтія
4	15	и	или
—	18	дожны	должны.
10	15	простанародную	простонародную
11	2	но	то
—	31	Перотца	Перетца
25	30	танъ	такъ
29	6	составлевныя	составленныя
35	6	душы	думы
47	30	но попавъ	но, попавъ
54	8	н	и
—	23	с того	с того...
58	19	изъ	Изъ
60	24	въ которомъ,	въ которомъ
61	24 и 25	и и	и
—	26	Лютера	Лютера,
62	25	пьесѣ	пьесу
69	27	разыгривались	разыгрывались
75	15	дѣвственными	дѣвственными,
80	10	крестьявъ	крестьянъ
85	8	сами	самими
98	10	имѣти	имѣлъ
102	20	Императрипу	Императрицу
124	5	этотъ	этомъ
127	33	1525	1725
128	28	то	то,
136	24	предположитъ	предположить
138	1 и 2	свидѣтели	свидѣтелями
—	11	обѣщуемъ	обѣцуемъ
141	26	стихосложеніи	стихосложенія
144	33	успѣти	умѣти
146	7	апостоліевъ	апостолівъ
—	30	за	зо
147	1	понева жъ	поневажъ
148	23	духовной	духовный
155	8	спатъ	спать
163	12 и 23	Сывомъ	Сыномъ
188	20	нрежними	прежними
205	6	Прокоповичъ	Прокоповичъ,
206	9	Горацiи	Горацiя
208	22	трагико-комедія	трагедокомедія

211	15	Агафіи	Агаѳіи
214	4	особенно	особенное
—	21	класицизма	классицизма
215	21	Малорослiи	Малороссіи
217	32	нижѣ	нынѣ
223	26	крѳщеніе	крещеніе
231	10	подчипившійся	подчинившійся
238	10	животными	животными,
241	9	зависть	Зависть
244	5	анаграмамъ	анаграммамъ
248	15	сокъ	сонъ
254	11	палатей	палашей
258	11	ксассической	классической
259	17 и 27	Сенахиримъ	Сеннахиримъ.
266	5	казака	Козака
267	22	полумызъ	полумысъ
269	14	извѣстіе	извѣстіе,
264	7	страданіяхъ	страданіяхъ,
—	25	фигурируютъ	фигурируетъ
281	29	мя се	мя, се
287	24 и 25	архіе-ископу	архіе-пископу
288	35	словахъ	словахъ,
292	21	году	году,
295	33	котораго	которою
296	13	тобою?	тобою,
—	25	на	не
302	20	озмемъ	озмешъ
303	33	бендзель	бендзешь
304	2	скурый	скурвый
—	19	талмачъ	толмачъ
—	23	дѣня	дѣля
308	3 и 4	сноихъ	своихъ
—	25	разсказываетъ,	разсказываетъ
311	9	воловъ и	воловъи
—	26	зайти	зайди
314	7	мужикъ	мужикъ,
—	28	и,	и
315	10	какъ	какъ,
317	9	будьмо	будемо
318	27	Хмѣльницкаго	Хмѣльницкаго,
319	11	собравшихся	собиравшихся
325	26	Петровнѣ	Петровнѣ,
328	24	иприходитъ	приходятъ
333	30	могилы	могилу
337	14	написаны	вѣроятно, написаны
341	8	имущи.	имущи,
351	2	Богъ.	Богъ
367	11	Діактитъ,	Діоктитъ.
369	21	добро	дабро
372	20	честнаго	честного
373	3	уо	до
383	2	трагедокомедіи	трагедокомедія
387	4	простолюдинъ	простолюдинъ,
393	30	драмъ	драмы
394	10	Кіевѣ	Кіевъ
406	15	„Разговора“	„Разговора“,
407	23	тобью	тобою
421	17	священникъ	Священникъ,

426	22	Аполлона,	Аполлона, какъ и въ Московской пьесѣ „Царство Міра“, 1702 года.
428	19	десяти	девяти
433	33		прибавить: „Изд. въ „Извѣстіяхъ“ Акад. Наукъ, 1910 г., т. XV, кн. 4, стр. 158 и сл.“
437	2	мною	много
448	2	рахахубу	рахубу
449	17	буброви	боброви
350	13	невразузительный	невразумительный
—	35		прибавить; „сн. варіанты 1817 г. въ „Извѣстіяхъ Отд. русск. языка и слов. Имп. Ак. Наукъ“, 1910 г., т. XV, кн. 4, стр, 175 и сл.“
454	21 и 22	а: въ 1881	а въ 1781
457	9	ярмаркуешъ	ярмаркуешъ?
450	23	проповѣдывать	проповѣдывать
463	8	на граты	не граты
—	17	старастуе	старостуе
—	25	ходити	ходити,
365	15	надлежатъ	надлежитъ
—	28		
467	7 и 8	лямъ	деталямъ
486	1	Христу,	Христу;
488	31	свою	свои
490	13	повеселиться	повеселиться,
497	34	здравствоватъ	здравствовать
500	2	плячъ	плачъ
—	10	наигривая	наигрывая
501	23	обь	объ
—	33	Малороссіянъ	Малороссіянъ“,
504	24	что	что,
526	5	мело-драматическаго	мало-драматическаго

Цѣна книги 3 р. безъ пересылки, а съ пересылкою 3 р. 30 к.

Изъ прежнихъ сочиненій автора имѣются еще въ продажѣ, въ незначительномъ числѣ экземпляровъ:

1) Очерки изъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Кіевъ, 1884. Ц. 3., съ перес. 3 р. 25 к.

2) Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Выпускъ III. Библіотека Кіево-Софійскаго собора. Москва. 1904. Ц. 3 р. съ пересылкою.

2022045635